

КВАНТИФИКАТИВНЫЙ
АСПЕКТ ЯЗЫКА

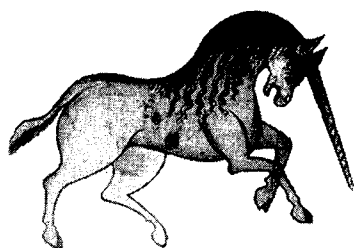
ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КВАНТИФИКАТИВНЫЙ
АСПЕКТ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

КВАНТИФИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2005

УДК 81
ББК 81
Л 69

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 04-04-16153)*

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук *Н. Ф. Спиридонова*,
канд. филол. наук *М. Л. Ковшова*,
П. А. Репина

**Логический анализ языка. Квантификативный аспект
языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индрик, 2005. —
672 с.**

ISBN 5-85759-325-5

В книге рассматривается отражение в языке — его грамматической структуре, лексической семантике, а также в разных языковых жанрах и стилях, в обыденной речи и художественных текстах — количественного аспекта мира так, как он представлен предметными, качественными и абстрактными значениями. Большое место отведено кванторам, кванторным функциям и их выражению в языках разных типов. Рассматриваются системы числительных и степень их неупорядоченности сравнительно с другими частями речи в индоевропейских и некоторых восточных языках (китайском, вьетнамском). Анализируется также проблема числа и символика простых чисел. Уделяется внимание системам количественных значений в различных лингвистических и логико-философских теориях и школах.

ISBN 5-85759-325-5

© Коллектив авторов, 2005
© Издательство «Индрик», 2005

Н.Д. АРУТЮНОВА

ПРОБЛЕМА ЧИСЛА

В качестве введения в проблематику настоящего сборника позволю себе очень коротко остановиться на понятии числа — центральном для темы квантификации.

В толковых словарях 1-е значение слова *число* определяется как «понятие, служащее выражением количества, то, при помощи чего производится счет предметов и явлений» (Д. Н. Ушаков). Первая часть приведенной дефиниции не фиксирует специфики значения слова *число*, которая состоит в том, что *число* обозначает *дискретное* количество (*большое число, многочисленное потомство*) и составляющие его отдельные счетные единицы (*число пять*). «Что касается количества, — писал Аристотель, — то одно раздельно, другое непрерывно < ... >. Раздельно, например, число <...>. В самом деле, у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части <...>. И вообще у числа нельзя указать общую границу его частей: они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам» [Аристотель 1978: 62].

Несмотря на связь с математикой — самой точной областью знания, толкование «количественных» слов представляет немалые трудности. Во многих случаях при их дефиниции пользуются методом взаимных отсылок: число определяют через понятие количества, а количество — через отсылку к числу. Здесь уместно подчеркнуть, что количество подлежит разным видам измерения и исчисления, а число и мера, выполняющие эти функции, являются метакатегориями (метаязыком) относительно категории количества. Поэтому выделенные Аристотелем два вида количества — раздельное и непрерывное — не однопорядковы, несоотносимы друг с другом. В сущности, у количества нет сопоставимого с ним партнера, если отвлечься от «пустот», которые, соприкасаясь с овеществленным количеством, могут быть к нему приравнены. «Количеству, — как подчеркивает Аристотель, — ничто не

противоположно» [Там же: 64]. Количеству, как категории действительного мира, противостоит понятие вакуума — абсолютной пустоты, не подлежащей ни позитивной дефиниции, ни мере. Однако в системе чисел нуль, как эквивалент вакуума в метаязыке количества, может быть определен как знак, занимающий место в цифровом ряду и выполняющий в счете определенные функции. Этот пример, как кажется, ясно показывает различие между категорией количества и приложимым к нему метаязыком. Лексикографические трудности, возникающие при интерпретации количественной семантики, вызваны несовпадением естественно-языковой и абстрактной систем количественных значений, а также их отдаленностью от предметного мира. Действительно, число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с предметным миром. Эта связь изначальна и постоянна, поскольку натуральные числа, как полагают, выделялись в первобытных языках из «природы», т. е. из разного рода конкретных сочетаний типа *три человека, три сосны, три сестры*, и служили только для счета однородных объектов; см. [МЭ 1985; Топоров 1987]. Связь с таксономическими классами сохраняется и теперь. Едва ли имеет смысл считать вместе пылинки, былинки, росинки и волосинки. Но это уже проблема не понятия числа, а жизненной практики счета.

Взаимодействие разных стран, народов и культур в большой мере основано на количественном обмене. Поэтому, чтобы достичь «квантификативного» взаимопонимания и избежать просчетов, пересчетов и обсчетов, необходим общий язык — единый код для обозначения количеств. Так, постепенно и естественно человечество приняло универсальную азбуку счета, основанную на натуральном ряде чисел — римских или арабских. Чтобы быть общепонятным, язык количественной информации должен быть наглядным, т. е. основанным на зрительном восприятии. Количественные значения воплощались в пальцах (отсюда появление десятичной системы счета), камешках, зарубках или черточках, на смену которым пришли цифры, служащие наглядными означающими чисел. Озвучивание цифр препятствует пониманию количественной информации теми, кто не владеет соответствующим языком. Звуки и их слуховое восприятие мало пригодны для передачи количественных — числовых, нумеративных и счетных — значений (если оставить в стороне поэтические и музыкальные ритмы и рифмы). Количественные значения воспринимаются

зрением, фиксирующим форму (рисунок) единиц счета (цифр) и их порядок. Это позволяет использовать цифры для нумерации объектов в различительных целях, т. е. без апелляции к количеству и порядку следования в числовом ряду (ср. номера телефонов и всевозможные коды).

Но важнее другое. Стоит только перевести азбуку цифровых знаков в звуковую и письменную речь, она необходимо включается в систему языка — фонологическую, лексическую и грамматическую. Количественное значение пронизывает весь корпус языка — существительные, глаголы, местоимения, прилагательные, наречия, предлоги и др. (о «вездесущности» количественного значения в языках разных типов см. в статьях Б. Тошовича и С. Крылова). Специально выражению количественных значений служит особая часть речи — числительные. Но и они не образуют единства и не следуют строгим правилам употребления; см. подробно [Бодуэн де Куртенэ 1963; Мельчук 1985]. Таким образом, оказывается, что наиболее абстрактная и точная среди языковых значений категория квантификации в языке не упорядочена. Даже специально созданная для ее выражения часть речи распадается на ряд подклассов (прежде всего на количественные, порядковые, собирательные и дробные числительные), каждый из которых, как хорошо известно, образует свою систему, находящуюся в специфическом взаимодействии с другими частями речи. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к любой грамматике русского или иного языка. Мы не будем останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что соотносительные элементы этих систем иногда лишены даже фонетического сходства; ср.: *один* и *первый*, *два* и *второй*, англ. *one* и *first*, *two* и *second*, исп. *uno* и *primero*, *dos* и *segundo* и т. д. Весьма беспорядочна и система количественных числительных. Так, слово *один* и все числительные, в состав которых оно входит, ведут себя как прилагательные, но согласуются с определяемым в ед. числе, независимо от числа, обозначенного в субъекте; ср.: *один человек пришел* и *двадцать один человек пришел*. Колеблется также согласование в числе и роде сказуемого с «количественным» субъектом; ср.: *пришли (пришло) пять (сто, несколько) человек*. Есть перебои в системе управления. Числительные *один*, *два*, *три*, *четыре* управляют ед. числом зависимого имени, а все те, которые за ними следуют, управляют именем во мн. числе; ср.: *четыре пальца* и *пять пальцев*. Система русских числительных детально проанализирована в [Мельчук 1985].

Отметим теперь неизбежное тяготение чисел к реалиям, от которых их отвлекли. Ассоциируясь с предметами и даже при-

растая к той или иной категории предметов, числовые значения — целые и дробные, количественные, собирательные и порядковые — создают разветвленные системы дериватов и композитов; ср.: *два, двойка, дважды, вдвоем, удвоение, раздвоение, двоение, двойня, двоица, двушка, двоечник; двойной, двойственный, двоякий, двуединый, двуногий, двоедушный, двуперстный, двусмысленный, двузначный* и др., к которым примыкают слова *пара, парный, парочка*; ср. также: *чет, четыре, четверка, четверо, четвертак, четверг, четверток, четвертушка, четвертинка, четвертина, четверня, четверик, четвереньки, четвероногий, четырехпалый, четырехконечный, четырехугольник, четырежды, вчетвером, четвертовать* и т. д. Ср. также использование специальных слов и суффиксов для обозначения частиц дискретных и сплошных масс: *слезинка, росинка, крупинка, капля, пылинка* и др.

Здесь можно отметить еще одну — динамическую — особенность цифрового ряда и его положения в пространстве. Целые числа выстроены в ряд, мыслимый в виде прямой линии, по которой движение, т. е. порядок расположения цифр, может идти в противоположных направлениях: движение, возглавляемое первым в ряду и идущее справа налево (...5, 4, 3, 2, 1), и движение в сторону бесконечного умножения количеств и идущее слева направо (1, 2, 3, 4, 5...). Расположение первого типа ассоциируется с *порядковыми* числительными: его возглавляет *первый* и, если ряд конечен, завершает *последний*, количественная значимость которого может быть разной. Движение второго типа ассоциируется с *количественными* числительными, счетом: оно начинается с единицы, т. е. с числа *один*, или с *нуля* и уходит в бесконечность. При этом количественная разница между соседними цифрами всегда равна единице. Естественно, что сам процесс счета в том и другом случае однонаправлен во времени. Различие в порядке расположения обусловлено разной аксиологией, сопутствующей числовому ряду. Рост числа сопровождается увеличением ценности в мире количеств, но в мире качеств происходит инверсия, и все лучшее занимает начальные места в цифровом ряду, идущем справа налево. На выборах, конкурсах, матчах и соревнованиях тот, кто набрал *большее* количество очков, голосов или последователей, становится *первым*, а тот, кто набрал *меньшее* число очков, становится *последним* или совсем выходит из игры. Количество переходит в качество. Прямая, на которой расположены цифры, как бы приобретает вертикальную ориентацию, отражающую социальную иерархию, возглавляемую *первым*. Не слу-

чайно прилагательные с элементом *перво-* обычно получают значение суперлатива: *первоклассный, первостепенный, перворазрядный, первосортный* и т. п. Все *первые* выдвигаются на *первый (передний)* план или поднимаются по иерархической лестнице в *этом* мире, но они могут стать *последними*, перейдя в мир *иной*, и опуститься в его нижний ярус. Иисус говорит ученикам своим: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф 19: 30). О словах *первый* и *последний* см. [Арутюнова 1998: 711–723]; об оценочных коннотациях чисел см. также ниже.

Количественные числительные, как отмечалось, расположены на прямой линии, идущей слева направо. Она лежит в основании истории общества, государства, нации или биографии человека. Приобретая хронологическое значение, числовой ряд, однако, легко меняет свою пространственную ориентацию в зависимости от того, где помещается точка зрения и в какую сторону направлен взгляд наблюдателя — *вперед* или *назад*. Историк, биограф, мемуарист и хроникер придерживаются принципа темпорального следования, а находящийся в актуальном настоящем говорящий постоянно поворачивает голову то вправо — в *будущее*, то влево — в *прошедшее*. Языки, как известно, по-разному выражают счет времени, производимый в историческом и бытовом пространстве: для историка важен порядок следования событий, для говорящего — отношение к моменту речи. Историк пишет о *следующих* и *предшествующих* событиях, а актуальный человек говорит о *будущих, прошедших* и *прошлых неделях, месяцах, годах*.

Итак, числа и соответствующие им цифровые знаки создали свой язык. Как всякий естественный язык, он обладает этническими особенностями [Степанов 1989; Супрун 1963]; см. также статьи О. Казакевич, С. Крылова, Ли Су Хён и Е. Рахилиной, Н. Мед и др.

Язык цифр используется для выражения количественных значений (1), нумерации (2), для указания на место в числовом ряду (3). Цифры служат также для отсылки к находящимся в пространстве предметам, входя в разного рода перечислительные ряды (перечни), в которых соединены количественные и порядковые числительные, дейктические местоимения, локальные наречия и другие слова, фиксирующие референцию имени: *один, другой, третий, четвертый* и т. д. Например: *...Сидят чудовища кругом. Один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой. Здесь ведьма с козьей бородой. Тут остов чопорный и гордый.*

Там карла с хвостиком, а вот Полужуравль и полукот (Пушкин; выделено мной. — Н. А.).

Однако этим не ограничиваются функции чисел: они могут получать также образные и символические значения.

Казалось бы, цифры и образы очень далеки друг от друга. Числа означают только абстрактные количества; образы привлекают внимание к форме, цвету и другим свойствам объекта. Между тем числа и образы не только постоянно взаимодействуют, но могут находиться между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В карточных колодах, например, смешаны цифровые карты (от двойки до десятки) и образные (валет, дама, король), причем туз примыкает к образному, а не цифровому ряду и, будучи как бы единицей, т. е. наименьшей величиной (хотя этимологическое значение слова *туз* было «два»; ср. лат. *duo, duae*), выдвигается на высшую позицию. Единица (туз) и двойка оказались на противоположных концах карточного ряда. В «Пиковой даме» три карты, составлявшие тайну графини, раскрытую ею Германну, все принадлежали к цифровому ряду: тройка, семерка, туз. Между тем они неизменно вызывали у Германа образные ассоциации: «Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: „Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная“. У него спрашивали: „Который час“, он отвечал: „без пяти минут семерка“. Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз — огромным пауком» (гл. 6). Образные ассоциации цифровых карт, возникавшие у Германа, скорее художественны, чем значимы. Ассоциации, подсказанные карточными образами, в частности пиковой дамой, значимы. Не случайно Пушкин предпослал своей повести следующий эпиграф: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность (Новейшая гадательная книга)». Именно такие значения создают язык гаданий, который объединяет в одну систему символику чисел и смыслы образов; см. анализ «Пиковой дамы» в [Лотман 1992].

Итак, числа сначала освободились от предметных ассоциаций, а потом вновь к ним устремились.

Отношения между числами и предметным миром постоянно колеблются. Пифагорейцы и неоплатоники видели в них мистический источник мироздания. Математики, напротив, прослеживают отделение чисел от предметного мира — камешков, пальцев, раковин или других «единиц счета». Гадалки и поэты соединяют

цифры и их числовые значения с образами и смыслами. Игроки и спортсмены ассоциируют числа с очками, занятым местом и величиной выигрыша или проигрыша. Торговцы и покупатели ведут счет товаров и их стоимости. Всякого рода исчисления присутствуют и во всех других видах деятельности человека, то сближаясь с предметным миром, то отдаляясь от него. Отношение чисел к предметному миру составляло одну из центральных тем античной и средневековой философии.

Согласно Пифагору, всякое исследование истины прежде всего обращается к понятию числа, т. е. первичны числа, из которых выводятся представления о формах материального мира. «Не Пифагор ли, — писал Николай Кузанский (XV в.), — первый философ и по имени и по делам, положил, что всякое исследование истины совершается через число? Пифагору следовали платоники и наши первые учителя настолько, что Августин, а за ним Боэций утверждали, что первоначальным прообразом творимых вещей было в душе Создателя несомненно число» [Кузанский 1979: 65]. Действительно, в трактате «Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества» Боэций (V в.) последовательно развивал эту мысль [Боэций 1990: 145–157]. В более раннем трактате «Арифметика» Боэций писал: «Все устройство предвечной природы вещей образовано по числовому принципу. Ибо число было изначальным образцом в уме Творца» [Там же: 298]. Позднее Боэций различал «два [рода] числа: одно — посредством которого мы считаем, другое — заключенное в исчисляемых вещах. Так, „одно“ (unum) — это вещь; „единица“ (unitas) же — то, благодаря чему мы говорим „одно“» [Там же: 149]. Этот второй тип числа может указывать не на множество объектов, а на разные наименования одного объекта. На этом тезисе основывается утверждение Боэция о том, что Троица есть единый Бог. Три имени Бога — Отец, Сын, Святой Дух — относят не к разным божественным сущностям, а к трем ипостасям *единого* Бога: «Однако мы произносим „Отец и Сын и Святой Дух“ совсем не так, как [равноправные синонимические названия] какой-нибудь многоименной вещи. <...> Отец, Сын и Святой Дух — это хоть и одно и то же, но не то же самое. Над этим стоит немного призадуматься» [Там же: 150]. Мысль об *одной* Божественной сущности и *трех* ее образах и наименованиях придала числам *один* и *три* непреходящее символическое значение, а также повлияла на некоторые философские концепции и теорию чисел.

Идея единства и нераздельности Троицы была очень устойчива как в теологии, так и в социологии, хотя ее интерпретации имели

некоторые различия. Так, в разделе «О том, что понимание троичности в единстве все превосходит», входящем в главу «О том, что знание есть незнание», Николай Кузанский писал: «Единство есть не что иное, как троичность, потому что означает нераздельность, различенность и связь: поистине нераздельность происходит от единства, так же и различение, и равным образом единение, или связь» [Кузанский 1979: 63]. При этом Н. Кузанский подчеркивал, что в начале мироздания заложена нераздельная троичность, триединство без числа, которое не может существовать раньше начала, ибо началом всякого множества является единство. Иными словами, «первое триединое начало раньше всякого числа» [Кузанский 1980: 163 и сл.]. Тем не менее к Троице приложимы оба понятия, лежащие в исходе числового ряда: Троица *одна* и в то же время *едина* (см. ниже). Заметим попутно, что рассуждения теологов о единстве Троицы повлияли на способы и традиции представления Троицы в изобразительном искусстве; см. [Аверинцев 1987], но это уже другая тема.

Идея троичности, лежащая в основании сущего, была уже в близкое нам время подробно разработана Павлом Флоренским.

См. его «Заметки о троичности» [Флоренский 1929]. Основная мысль Флоренского состоит в том, что число три Троицы невозможно дедуцировать логическим путем, ибо Бог выше логики: «Из понятия о Божестве нельзя вывести числа „три“; в переживании же сердцем нашим Божества это число просто дается, как момент, как сторона бесконечного факта» [Там же: 593; выделено автором]. Далее Флоренский переносит мысль об иррациональности числа три на категорию числа в целом: «Числа вообще оказываются невыводимыми ни из чего другого, и все попытки на такую дедукцию терпят решительное крушение. <...> Число выводимо лишь из числа же, — не иначе. А так как глубочайшая характеристика сущностей связана именно с числом, то само собою напрашивается пифагоровско-платоновский вывод, что числа — основные, за-эмпирические корни вещей, — своего рода вещи в себе. В этом смысле опять таки напрашивается вывод, что вещи, в известном смысле, суть явления абсолютных, трансцендентных чисел. <...> Положительно, число три являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления» [Там же: 595].

Не случайно крупнейшие философы — начиная с Пифагора, Платона, Плотина, Прокла, Августина и кончая Кантом, Гегелем, В. Соловьевым и многими другими, не говоря уже о мистиках — посвятили столь много рассуждений и размышлений именно числам. Следуя максиме Пифагора (*Что самое мудрое? —*

Число), его последователи много мудрствовали, мудрили и высказывали мудрые мысли на тему простых чисел, и прежде всего числа т р и.

Хотя в определенных ситуациях третьего считают лишним, число три не испытывает от этого лишений. Оно входит в состав многих производных слов, относящихся к разным сферам жизни. Ср.: *тройной, троичный, тройственный, тринарный, тернарный, троякий, триединый, третейский, трешка, тройка, тройня, тройчатка, тройник, третьяк, триада* и др. Кроме того, *тре-* и *три-* употребляются в функции усилительных приставок с противоположным оценочным значением. Ср. следующие слова, приводимые В. И. Далем: *триисподний, треклятый, трипроклятый, треокаянный, трегубительный*, но также *трисиянное Божество, триблаженный, тремилый мой* и др. Ср. также формулы проклятия и благословения: *Будь ты трижды проклят!* Но также: *Будь ты трижды блажен (благословен)!*

Итак, число три осмысливается как категория, лежащая в основе мироздания, сущность которого представляет собой синтез Великой Триады — Истины, Добра и Красоты. Троичны также формы бытия. Пространство — одна из двух форм существования материи — имеет три измерения. Троичная природа времени реализуется в последовательности прошедшего, настоящего и будущего.

Благодаря пространству и времени «троичность есть наиболее общая характеристика бытия», которая определяет структуру его частных категорий [Флоренский 1929: 596].

Суждение, т. е. основная единица мышления, и, соответственно, предложение (пропозиция) организованы принципом троичности.

Напомним, что Николай Кузанский писал: «Единство есть не что иное, как троичность, потому что означает нераздельность, различенность и связь» (см. выше). Приведенная формула как нельзя лучше определяет тройственную сущность суждения-предложения, в котором неразделен субъект, предикат выражает идею различенности, а связь соотносит ее с субъектом, образуя единство.

В системе местоимений существуют только три лица, и они определяют социальную структуру общества, в основе которой лежит простейший состав семьи — отец, мать, ребенок. В коррумпированном обществе, впрочем, *треугольник* чаще имеет иной состав: муж, жена, любовник (любовница). При этом *третьего* часто считают *лишним*, но все же тогда, когда должно быть вынесено беспристрастное судебское решение, прибегают к *третейскому суду*.

Таким образом, и мышление, и общество, и мир иной в истоках и основаниях своих троичны.

Отдельная личность также троична. Она включает в себе три направления жизнедеятельности — телесное, душевное и духовное, причем каждое из них также троично по качеству, ибо содержит отношение к уму, воле и чувству. Иными словами, психика человека также имеет три составляющих. Жизнь разума пульсирует в трояком ритме — тезиса, антитезы и синтеза. Начиная с древнейших времен принцип троичности неизменно присутствует в религии — ее концепциях, ее ритуалах и даже в суевериях. В большинстве религий божества представлялись в виде триад, а большинство культов предполагает троекратное повторение обрядов, возгласений, призывов и т. д. Однако попытки дедуцировать число *т р и* из общих начал познания не бесспорны. Некоторые авторы настаивают на врожденном тяготении человека к сверхчувственному миру — к Триединому. Ср.: в индуистской мифологии Тримурти есть триединство Брахмы, Шивы и Вишну. О мифологическом аспекте троичности см.: [Топоров 1987].

Итак, принцип троичности пронизывает Божественный и человеческий мир — пространство и время, личность человека, его жизнедеятельность, координаты его психики, первичную структуру общества. Между этими троичностями есть определенная связь, но она не подлежит дедукции. Она как бы задана замыслом Творения.

Култ троичности, возможно, восходит к учению о триаде — трех онтологических субстанциях, образующих мир: «едином», «уме» и «душе». «Единое» (ἐν), по Платону, есть исходный пункт всякой действительности и оценивается им как благо. «Единое» — это Солнце, освещающее все сущее и обеспечивающее его восприятие. Второй компонент триады — «ум» (νοῦς). «Ум», по Платону, ограничен от всего материального, вещественного и становящегося. «Ум» имеет своим предметом сущность вещей. «Ум» как бы воплощен в «космосе»: он поддерживает и контролирует все существующее.

Третий компонент триады — «мировая душа» (ἡ τοῦ κόσμου ψυχή) — представлен Платоном как то начало, которое объединяло первые две составляющие триады. Душа, в отличие от ума, подвижна, но законы движения продиктованы ей умом. Душа одновременно присутствует и в каждой вещи, и в космосе. В итоге Платон приходит к выводу, что взаимопронизанность тела (единого), души и ума создает образ красоты. Так принцип троичности, или триединства, получил эстетическую интерпретацию. Теория Платона, изложенная им в разных диалогах, резюмирована в [Лосев 1995: 25–28]; см. также в статье В. Постоваловой.

* * *

Выше мы говорили о троичности как некоем мистическом понятии, лежащем в основе и истоке мироздания. Тем самым троичность хотя и не отождествляется с числом *один*, но ассоциируется со словом *един*. Действительно, *троичность* есть в то же время *единство* трех составляющих, образующих целое — *одно*. Иначе говоря, уже самое первое число, начало цифрового ряда, обращает внимание на внутреннюю «счетность» объекта, на то, что он *один* и *един*, на *единство* одного, состоящего из *единиц*.

Отношения между прилагательными *один* и *един* (краткая форма от *единый*) представляют, как нам кажется, некоторый интерес.

Рассмотрим в самом общем виде семантические и аксиологические различия между *один* и *един*, *единый* в их адъективном употреблении, чтобы еще раз показать противоречивость слова *один*, способного выражать отделение и соединение; ср.: «И вот *один* только горячий намек *соединил* *всех* в *одну* мысль и в *одно* чувство» (Достоевский 26: 172; курсив мой. — Н.А.)¹. Слово *один* подробно описано И. А. Мельчуком, который различает следующие лексемы, соответствующие этому слову: числительное *один* и четыре адъективные лексемы, выражающие значения «некоторые», «в одиночку», «только» и «один и тот же» [Мельчук 1985: 43; 271 и сл.]. Заметим мимоходом, что *один* образует своего рода рубеж между нулем и множеством. При одном отрицании — *не один* — подразумевается число большее, чем единица: *Не один ты так думаешь*. Контекст двойного отрицания сводит единицу к нулю: *Ни один человек (никто) так не думает*. Если же имеется в виду *один* как член *определенного* множества, то отрицательный признак приписывается *всему* множеству (всем членам множества или, иначе, каждому члену множества): *Ни один русский не любит порядка*. Другие числительные при отрицании создают преимущественно противительные (уточняющие) контексты: *При взрыве погибло не десять, а пять человек*. Но на этом вопросе мы не можем здесь останавливаться.

Основное смысловое различие между *один* и *един* заключается в том, что *один* — отъединяет, оставляет в одиночестве, выделяет, выбирает; *един* — соединяет, объединяет части в *единое* целое, в *одно*, создает *единство*, *единит* и в то же время *уделяет*. У всех

¹ Здесь и далее отсылки к текстам Ф. М. Достоевского даются в круглых скобках с указанием тома и страницы по Полному собранию сочинений в 30 т. (Л., 1972–1990).

христиан Бог — *один* и в то же время *един* в трех лицах (ипостасях). Проиллюстрируем различие между *один* и *един* несколькими примерами из «Дневника писателя» Достоевского за 1881 г.: 1) «И вот что главное: народ у нас *один*, то есть *в уединении*, весь только на свои лишь силы оставлен, духовно его никто не поддерживает» (27: 17; курсив мой. — Н.А.); «Силы, *разъединяющие* нас с народом, чрезвычайно велики, народ остался *один* в великом *уединении* своем» (Там же: 20; курсив мой. — Н.А.); «Народ наш... и *разъединенный един* и *сообща един*, ибо дух его *един*» (Там же: 21; курсив мой. — Н.А.). Таким образом, множество (народ) может быть и *один* (оставленный другими), и *един* (сохраняющий *единодушие*). Оба слова — *один* и *един* относятся и к множеству (совокупности частей), и к некоему целому, *одному*. В этом смысле они подобны *троице*, в которой античные и средневековые философы видели *единый* исток и внутреннюю модель мироздания (см. выше). При этом *один* может подразумевать единственность, отъединенность, неодинаковость, отличие от *всех других*, противопоставленность *всем*, выделенность из класса, но в то же время может указывать на высшую степень целостности и нерасторжимости единства. Подпольный парадоксалист Достоевского, противопоставляя себя *всем*, говорит: «Мучило меня... что на меня никто не похож и я ни на кого не похож. „Я-то один, а они-то *все*“, — думал я» (5: 125; курсив автора). В бытийных предложениях *один* указывает на выделенность из класса: *Есть у меня один сослуживец*. Значению целостности, обобщенности, единства специально служит форма среднего рода (*Мы все одно; Все это одно и то же*), а также сравнительные конструкции типа *все как один*, выполняющие эмфатическую функцию: «Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек» (26: 132); «Тогда бы содрогнулись ваши сердца, и вы бы встали как один человек» (Там же: 52).

Употребление *един* и *единый* в значении «один» имеет риторический или архаизирующий характер. В переводах евангельских текстов *един* употреблялось в значении «один» применительно к Богу и Иисусу Христу: «Ибо *един* Бог, *един* и посредник между Богом и человеком, человек Христос Иисус, предавший себя для искупления всех» (1 Тим 2: 2). Это же употребление сохранилось в «Символе веры»: «Верую во *единого* Бога Отца, Вседержителя, и во *единого* Господа Иисуса Христа, сына Божия Единородного». Ср. также в текстах XIX в.: «Твои слова, деянья судят люди, Намеренья *единый* видит Бог» (А. Пушкин). *Единый* значит здесь «только один». При этом подчеркивается уникаль-

ность, неповторимость Бога. *Единый* сохранилось также в отрицательных контекстах: *ни словом единым, ни единого разу*. Прилагательное *единый* выполняет и в этом случае усилительную функцию. Позднее в некоторых евангельских контекстах *единый* было заменено словом *один*. Так, в привычном сочетании *не хлебом единым* произошла замена на *один*: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф 4: 4).

В «Словаре языка Пушкина» отмечается для слова *единый* значение «один и тот же»: «Издравле сладостный союз Поэтов меж собой *связует*; Они жрецы *единых* муз, *Единый* пламень их волнует»; «Стократ священ союз меча и лиры. *Единый* лавр их дружно обвивает» (курсив мой. — Н.А.). Однако *единый* добавляет к значению «один и тот же» компонент «объединяющий, связующий, обобщающий». Без этой коннотации *единый* не употребляется в значении «один и тот же»; ср.: *Они любят *единую* женщину и живут с ней в *единой* квартире. Любовь к одной и той же женщине едва ли может выполнять объединяющую функцию.

Итак, Бог *единит*, потому что он *один единственный*, сам себе тождественный и неповторимый. Избрание *одного* есть условие *единства* избравших. Таким образом, *один* не только отъединяет, создавая одиночество (*Я совсем один*), но и объединяет, создавая общество. Ср.: «Католики видят в масонах конкурентов, раздробление *единства* идеи, тогда как должно быть *едино* стадо и *един* пастырь» (14: 239; курсив мой. — Н.А.)

Один свидетельствует об избранности, как в вере, так и в жизни — личной и социальной. В жизни *один* приложимо к избраннику, *единственному* (*Ты у меня один*). Но в образе *одного* могут быть объединены черты других, отвергнутых образов. Например: «Счастливой силою мечтанья Одушевленные создания, Любовник Юлии Вольмар, Малек-Адель и де Линар, И Вертер, мученик мятежный, И бесподобный Грандисон, Который нам наводит сон, — Все для мечтательницы нежной В *единый* образ облеклись, В *одном* Онегине слились» (А. Пушкин; курсив мой. — Н.А.). Онегин — *один* человек, *соединил* в себе целый ряд образов. Когда Татьяна отдала себе в этом отчет, она воскликнула: «Уж не пародия ли он?».

В социальном смысле выбор «одного» переходит в сферу идеологии. «Одно» становится «общим». Единство предполагает наличие общих идей, мыслей, целей, намерений, надежд и др., сводящих множество в единство. Ср.: *единство взглядов, намерений, интересов, вкусов, склонностей* и пр. *Единство, единение, объединение* имеют семантическую валентность на «объединяющий фактор», т. е. на некий избранный всеми членами единства *один* компо-

нент: одну цель, одну идею, один путь, одну веру; ср. серию существительных типа *единове́рец*, *единомы́шленник*, *единопле́мник* и др. Заметим попутно, что в именах этого типа первый компонент может указывать не только на общность и объединение, но также иметь значение «один»; ср.: *единобра́чие* (в значении «моногамия»), *единонасле́дие* и др. На неоднозначности первого компонента приведенных слов основано шутовское использование выражения *быть избранным единогласно* (т.е. *всеми* голосовавшими) в значении «пройти одним голосом» (отмечено в словаре Ушакова).

Итак, *один*, *одно* способствуют объединению. Достоевский, сосредоточенный на идее единения славян, писал: «А надежда — почти что на одного Бога: „Авось, дескать, пошлет нам какую-нибудь общую идею, и мы вновь соединимся!“» (25: 179). Сейчас, видимо, кто-то посылает идеи, создающие партии-единства, вроде «Единства», «Единой России» и др.

Избранное «одно» не только создает единение, но оно охотно разъединяет. Избранность ведет к одиночеству: внутри множества — одинок вождь и диктатор, а за его пределами — одиноки изгои, изгнанники, отшельники, отверженные, бродяги, одиночки, люди призвания, гении и др. Но не одиноки верующие в Бога странники: они «со всеми». Макар Долгорукий (из «Подростка» Достоевского) говорит: «Леса, луга — *природа*. Сначала, среди природы жалко было, что *один*, а потом я увидел, что я *со всеми*. Так и пустынный, сорок лет в пустыне, а *со всеми*» (16: 342; курсив автора). Таким образом, отшельник или пустынный, живущий один среди природы, не одинок, ибо он верует в Бога. Природа предстает как часть единого Божьего мира, в котором человек может быть один, но не одинок. Местоимения *все*, *всё*, обозначая множество, в то же время часто выражают идею единства. Не случайно *единство*, *единение* охотно сочетаются с местоимением *все*, ср. у Достоевского: *всеединящий дух*, *всеединящая душа*, *всеединство*, *всеединящая идея*, *всечеловеческое единение*, *всеобщее*, *всенародное*, *всербатское единение во имя Христово* и др. (27: 19; 26: 131 и сл.).

* * *

Теперь обратим внимание на аксиологические особенности слова *один*. *Один* начинает числовой ряд и, следовательно, обозначает самую малую величину. Но это не свидетельствует о ценностной малости этого числа. *Начиная* ряд, *один* становится его начальником и главой (см. выше). Если представить себе ряд натуральных чисел не абстрактно, а воплощенным, например, в

строе живых существ — людей, то «один» становится «первым», впереди идущим, предводителем. Тот, кто занимает первое место, становится не рядовым, а передовым. Это хорошо демонстрируют всякого рода конкурсы, олимпиады и соревнования (см. выше).

Но есть и другой аспект аксиологии чисел, величин и количеств. Самая *малая* величина может приобретать высокую ценность. Когда Иисуса спросили о том, кто больше в Царстве Небесном, он «призвал дитя, поставил его посреди них и сказал: ...кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф 18: 2–4). И далее: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих... Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф 18: 10, 11). И в подтверждение слов своих рассказывает притчу о заблудшей овце: «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, чем о девяносто девяти незаблудившихся. Так нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф 18: 12–14). Ср. также притчу о блудном сыне и другие аналогичные притчи, в которых высшая моральная оценка дается покаявшимся грешникам, тем, кто вновь обрел добродетель и моральные устои, всему потерянному и вновь обретенному, даже если речь идет о предметах. Малое, слабое, скромное, жалкое, больное и немощное заслуживает охраны и внимания к себе здоровых, больших и сильных. Спасение всего живого, грешного и гибнущего ценно для спасенного, для спасителя и для наблюдателей, которым оно служит примером нравственного поведения. Коллизия «количества и качества» в мире жизни, которую постоянно должен решать человек и социум, является основной религиозно-философской темой романов Достоевского. Она определила трагедию, пережитую Раскольниковым — героем «Преступления и наказания», осознавшим в конце концов невозможность определения границ дозволенного, следуя «квалификативному» принципу (6: 199–206). Ср. также «квантификативную» мораль Шигалева и Петра Верховенского, мечтавших о построении земного рая ценою сокращения численности человечества (10: 311–319). См. [Ветловская 2000].

Итак, шкала ценностей не совпадает с натуральным рядом чисел, т. е. в основе ее не лежит чисто количественный критерий. Поэтому начало натурального ряда чисел, т. е. самое малое число (*один, единица*), приобретая жизненные формы, может превосходить по ценности конец бесконечного цифрового ряда, идущего по линии увеличения количеств, и становится бесценным.

* * *

Таким образом, количество не всегда поддается точному взвешиванию, измерению, расчетам и счету. Пока операции с количествами осуществляются математическими формулами и выражаются цифрами и символами, они точны и однозначны. Но как только манипулировать количествами начинает естественный язык, как только объектом количественных оценок становится мир предметов и событий, идей и концептов, свойств и качеств, чувств и мыслей человека, впечатлений и прогнозов, поступков и проступков, система точных измерений распатывается. Можно даже утверждать, что язык количеств заключает в себе больше противоречий, чем предметная и качественная семантика. Человек хочет взвесить и измерить не только то, что поддается измерению и взвешиванию. Он хочет *взвесить* доводы, аргументы и обстоятельства дела, *измерить* глубину чувств и мыслей, *определить размер* морального ущерба, он оказывает друзьям *ноль внимания, фунт презрения* и т. д. и т. п. Количество переходит в качество, а качество начинает измеряться в количественных единицах. Эмоции побуждают человека постоянно прибегать к преувеличениям и преуменьшениям. Лексикон количественных значений легко метафоризируется. На его основе создаются риторические приемы — гипербола, литота, эмфаза. Человек любит говорить о большинстве и меньшинстве и даже об *огромнейшем большинстве, о труднейших проблемах, тяжелейших чувствах и впечатлениях*, хотя все это не поддается ни счету, ни учету, ни взвешиванию, ни даже истинностной оценке. *Мера* стала *безмерной, неумеренной, несоразмерной и примерной*, счет установил связь с личным мнением (см. статью Анны Зализняк о глаголе *считать*). Сообщения о количествах в бытовой речи первые вышли из-под контроля истины, сохранив в то же время связь с правдой. В языках развивается система выражения неопределенных количеств и приблизительности, которые также уводят от истины, но не от правды. Можно надеяться, что публикуемые в книге статьи о количественных и кванторных значениях будут подвергнуты истинностной оценке, которая будет недалеко от справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1987 — Аверинцев С.С. Троица // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 2.

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Количественность в языковом мышлении // *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
- Бозций 1990 — Утешение философией и другие трактаты. М., 1990.
- Ветловская 2000 — *Ветловская В.* «Арифметическая» теория Раскольникова // *Достоевский и мировая культура*. СПб., 2000. № 15.
- Кузанский 1979 — *Кузанский Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1979. Т. 1.
- Кузанский 1980 — *Кузанский Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
- Лосев 1995 — *Лосев А.Ф.* Платонизм // *Лосев А.Ф.* Словарь античной философии. М., 1995.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в. // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2.
- Математическая энциклопедия 1985 — *Математическая энциклопедия*. М., 1985.
- Мельчук 1985 — *Мельчук И.А.* Поверхностный синтаксис русских словых выражений. Wien, 1985.
- Степанов 1989 — *Степанов Ю.С.* Счет, имена чисел, алфавитные имена чисел в индо-европейских языках // *Вопросы языкознания*. 1989. № 4–5.
- Супрун 1963 — *Супрун А.Е.* Славянские числительные. М., 1963.
- Топоров 1987 — *Топоров В.Н.* Числа // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. М., 1987. Т. 2.
- Флоренский 1929 — *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. М., 1929 (гл. XXIV).

А. В. ВДОВИЧЕНКО

«ЯЗЫК» И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: ЧТО МОЖНО ПОДСЧИТАТЬ?

Традиционно, т.е. со времени античных языковых исследований, вся процедура описания лингвистических феноменов была привязана к *предметному* элементу речи, мыслилась как выделение, коллекционирование и описание предметных элементов «языка». Этой описательной схеме было свойственно устанавливать жесткую корреляцию «знак—значение», которая прямо предполагала и всецело оправдывала *количественный подход* к явлениям «языка»: сколько предметных элементов (букв, слогов, слов, частей речи, предложений и пр.), столько и слагаемых смысла и, соответственно, столько же объектов языкового описания.

В новой теоретической ситуации, с выходом на сцену *субъектной* семиотики, прагматики, когнитивной и дискурсивной лингвистики, становится вполне очевидной *несамотождественность* предметного элемента речи: у отдельно взятых предметных единиц не обнаруживается фиксированных значений; отыскать смысл по схеме «знак—значение» с очевидностью невозможно, если под знаками понимать прежние античные очевидные элементы («части») речи — буквы, слоги, слова и пр. Все то, что ранее образовывало твердую почву лингвистических штудий, укладываясь в простую количественную схему «это значит это», оказывается зыбучим песком, ускользающим от поэлементной процедуры описания. Другими словами, *количественный (предметно ориентированный) подход к языку* утрачивает теоретическое оправдание. Соответственно, понятие о языке становится совершенно иным — это более не система предметных элементов, поддающихся счету, не состоящая из них структура и система.

В этих условиях возникает необходимость обрести новый образ лингвистического материала, ввиду дискредитации прежнего, предметного: *в прежней (квантитативно ориентированной) процедуре описания лингвистический материал претерпевал*

набрасывание произвольных методологических сеток и оказывался объектом более искусственным, чем мог бы быть, приспособленным для реализации возможностей имеющегося инструментария, теряя естественность и аутентичность.

Каков, с моей точки зрения, шаг к более адекватной лингвистической процедуре, к более естественному объекту лингвистического исследования и что же на самом деле в этом более корректном лингвистическом объекте можно «подсчитать», если предметные элементы речи в качестве самотождественных единиц себя не оправдали?

Иллюстрацией той точки, с которой этот шаг совершается, может служить «словесность», или «словоориентированность», всей процедуры лингвистического описания. Со времен античной объектной парадигмы исследования, заложившей основания европейской науки о языке, понятие «языка», или той способности, которая позволяет «выражать мысли», строилось на признании того факта, что *речь состоит из слов* (так, в платоновском «Кратиле» находим констатацию неоспоримой фундаментальной позиции: Логос (т.е. «речь» или «предложение») бывает истинным или ложным, и он, логос, состоит из «ономата» — слов, каждое из которых имеет свою истинность). Таким образом, при исследовании «логоса» принципиальное значение имеет *разбиение (или «разбиваемость») его на предметные элементы* и последующее рассмотрение *каждого отдельного элемента*, т.е. слов в отдельности, в качестве минимальных единиц смыслообразования.

В русле возникающей коммуникативной парадигмы лингвистического описания, по-видимому, следует констатировать прямо противоположный подход, который встает во главу угла при истолковании слова как элемента речи: *отдельное слово не имеет никакого значения само по себе вне момента актуальной коммуникативной ситуации, или дейктической (т.е. субъектно истолкованной, воспринятой) синтагмы*. Слова, или прежние слагаемые смысла, — это всего лишь модели, которые не имеют никакого «значения» вне того *актуального действия*, которое производится говорящим (пишущим), а *действие* производится *любым* естественным речевым актом в письменной или устной форме. Соответственно, отдельные слова как несамостоятельные элементы не обладают никакими потенциями к образованию структур и систем, в речевых актах в письменной или устной форме они всегда играют служебную роль, реализуя невербальные интенции говорящего (пишущего), который всегда соизмеря-

ет свои речевые действия с параметрами мыслимой им коммуникативной ситуации. Соответственно, порядка и системности следует искать в мыслимости, когнитивности, а не в собственно предметном элементе, играющем роль своего рода бесформенной материи в актуальной речемыслительной процедуре. Он, предметный элемент, может иметь любое значение, если говорящий соответствующим образом организовал ситуацию коммуникации.

Таким образом, если предметные элементы речи не имеют распознаваемой самотождественности сами по себе и если порождаемая и воспринимаемая «система» составляется не словами, то не системность (или структурность) слов становится причиной понимания, т. е. восприятия речевых действий в тождестве, а нечто иное. По-видимому, это «иное» есть сама мыслимая коммуникативная ситуация с ее сложной структурой. Так, для того чтобы реализовать (сказать или понять) слово [ja] в каком-либо «значении», необходимо заранее, дословесно, мыслить всю коммуникативную диспозицию несловесных элементов ситуации — «кто говорящий», «к какому типу языкового поведения относится говорящий (русский, немец, француз и пр.)», «каковы другие параметры момента коммуникативной ситуации (ответ на вопрос, указание говорящим на себя, часть синтагмы, напр., *Il y a...* и пр.)», «какой графический эквивалент — если это ситуация письменного использования — подобран для фонетического оригинала (русская, французская, немецкая и т. д. графика)» и пр. В зависимости от этого звукокомплекс [ja] понимается как русское *я*, немецкое *ja*, начальная фонетическая часть английского *yes*, часть французского «фонетического слова» *Il y a...* и пр.

В невербально мыслимой ситуации «вербальность» наступает в момент, когда коммуниканту необходимо произвести словесное действие в коммуникативном пространстве. Модели, несамостоятельные и не тождественно мыслимые в своей обособленности, перетекают из ситуации в ситуацию, получая «значения» по мере того, какое действие избирает для них и производит ими говорящий. Это означает, по-видимому, что причиной смыслообразования естественной речи является мыслимая *типология* коммуникативных ситуаций, в которых становятся возможными производимые вербальные действия (причем типологическими могут быть ситуации весьма нетипичные с точки зрения глобального коммуникативного сообщества, например, прозвища внутри ограниченного круга коммуникантов, употребление моделей («слов») с новыми значениями, скажем, внутри семьи, рождение новых моделей («слов» и их сочетаний и пр.).

Соответственно, понятие о языке как о системе самостоятельных элементов, которые *ранее поддавались счету*, т. е. «обладали связями», «вступали в отношения», «представляли собой части речи», «реализовывали функции» и т. д., в русле коммуникативной парадигмы претерпевает изменение. На смену языку как системе слов *приходит когнитивная типология актуальных коммуникативных ситуаций*, которые реализуются несамостоятельными хаотичными вне ситуации моделями — по-английски, по-русски, по-итальянски и т. д. Сами предметные элементы, если они интегрированы в актуальную смыслопорождающую ситуацию, *теперь не поддаются счету* — не сочетаются сами собой друг с другом, не содержат в себе валентностей сочетаний и потенций к смыслообразованию, но *подчинены говорящему*, т. е. невербально мыслимой им типологии коммуникативных ситуаций, и, соответственно, могут «означать» в своей обособленности от ситуации (а обособленность для них противоестественна) все что угодно. В этом смысле никакая воссоздаваемая номенклатура значения отдельного слова никогда не угонится и не охватит реальный процесс вовлечения отдельного слова как бессмысленной модели — в реальный смыслопорождающий процесс взаимодействия говорящих.

На основании такого понимания можно констатировать, что *количественный подход к языку* — т. е. выделение элементов и рассмотрение их в качестве самостоятельных единиц, составляющих некую сумму, — возможен только как *физический или физиологический* и невозможен как собственно лингвистический, *смыслосодержащий*. Само выделение элемента в качестве единицы неоправданно с точки зрения процесса реального функционирования данного выделенного феномена, поскольку он, данный элемент, никогда в естественном речемыслительном процессе не бывает изъят из актуальной мыслимой коммуникативной ситуации, структурирующей множество таких же несамостоятельных элементов на основании тождественно мыслимой коммуникантами невербальной коммуникативной типологии. Соответственно, количественный подход оборачивается обесмысливанием лингвистического материала, лишением его аутентичных свойств, главное из которых — *реализовывать мыслимое говорящим значение и по мере того входить в структуру производимого речевого действия*.

Таким образом, промежуточный итог сказанного состоит в следующем. «Словесная», или предметная, парадигма, *инициированная античным языкознанием, освященная и санкционированная авторитетом пифагорейства* (количественный подход к

явлениям, созерцание числа и численных соотношений между элементами), влечет за собой создание искусственного, несуществующего в естественном речемыслительном процессе материала. Естественным образом этот материал, лишенный аутентичных свойств, может быть вовлечен в любые связи для решения актуальных риторических задач субъекта исследования.

В этой ситуации шагом к более адекватному материалу и к более корректной лингвистической процедуре будет отход от объектной парадигмы: вместо подсчета значений — установление актуального действия и адекватного тождества мыслимой адресатом коммуникативной ситуации на основании имеющейся общегуманитарной типологии. Другими словами, *количественный метод* в лингвистическом материале должен уступить место *когнитивной процедуре установления коммуникативного тождества*.

Иллюстрацией последствия двух противоположных подходов к лингвистическому материалу — предметного и коммуникативного (дискурсивного) — может служить история лингвистического истолкования текстов корпуса Септуагинты и Нового Завета. Абсолютизированный предметный материал («слова»), понятие о языке как о системе слов и другие предметно ориентированные категории, принятые в русле немецкой и англо-американской школы классической филологии, в конце XIX века повлекли за собой то, что эти тексты были признаны полуграмотными, билингвальными, интерференционными, разговорными и пр. При этом совершенно очевидным фактом является то, что эти тексты создавались в русле грекоговорящей иудейской литературной традиции, насчитывавшей ко времени создания Евангелий уже как минимум 400 лет. Естественно, невозможно, чтобы представители традиции создавали священные тексты для представителей той же традиции на полуграмотном, билингвальном, интерференционном, разговорном языке. По-видимому, такой результат исследования есть проблема концептуальной предметно ориентированной сетки, налагаемой на материал. Именно ей приписывается некая объективность. Но именно в ней не находится места для самого главного фактора, который организует этот несамостоятельный, хаотичный в себе материал — для *когнитивных процессов* тех, кто создавал и воспринимал данные тексты. Новый подход к ним становится возможен на основании не-пифагорейской, не-количественной, коммуникативной парадигмы лингвистического описания.

Кроме того, можно привести пример из рассуждения о кванторах в рамках настоящего сборника. Следует, на мой взгляд, за-

даться вопросом, идет ли речь при рассуждениях о кванторах о словах или же внесловесных понятиях (неких модусах)? Так, если о словах, то никаких общих кванторов, скажем, у тех, кто говорит по-английски, и у тех, кто говорит по-русски, не существует вовсе. Такой подход, по-видимому, вообще отменяет логику в ее основании — английское утверждение, использующее словесные кванторы типа *the*, *one*, *a*, *many*, становится в принципе невозможным представить в виде внеязыковой формулы, поскольку, скажем, в русском языке ни *the*, ни *one*, ни *a*, ни *many* не существует. Соответственно, речь, по-видимому, идет о понятиях, или неких несловесных модусах. В то же время при перечислении «кванторов» языка используются слова и рассуждение ведется о словах. Объект исследования и описания предстает, таким образом, то в виде словесном, то в виде несловесном. При этом очевидно, что никакой самостоятельностью ни один из перечисляемых «словесных» кванторов не обладает — его может вовсе не быть, *то же самое актуальное значение* может быть выражено *другим* способом, *другим* словом и т. д. Соответственно, сами слова здесь ни при чем. Значение имеет невербальная когнитивная схема словесного действия, реализуемая уже зависимыми, несамостоятельными, изменчивыми (если брать их вне схемы) моделями.

Л. А. ДЕМИНА

КВАНТИФИКАЦИЯ, ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОЗАМЕНИМОСТИ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

«Квантификация», «интенциональные операторы», «собственные имена» — каждое из данных понятий представляет собой целый класс проблем, и к этим проблемам обращались в своих исследованиях Г. Фреге и Р. Карнап, Р. Смальян, Я. Хинтикка и др. Причем не вполне ясно, содержатся ли эти проблемы в квантификации, интенциональных операторах, собственных именах самих по себе или же возникают от их соединения (или и то и другое вместе).

Так или иначе все поставленные проблемы связаны с именем Г. Фреге [Фреге 2000]. Его выдающейся заслугой является построение не только аксиоматики логики высказываний, но и исчисления предикатов, в которое исчисление высказывания входит как часть. К его исследованиям восходят распространенные в современной логике истолкования понятий переменной, функции, предиката (как логической функции) и, что является важным для нашей проблематики, квантора. Так, Фреге трактует экзистенциальный и универсальный кванторы как свойства понятий, т. е. как второпорядковые одноместные предикаты («Существование есть свойство понятий»). Утверждение с квантором существования означает, что экстенционал (область, на которой определяются переменные) соответствующего предиката не пуст; утверждение с квантором всеобщности — что этот экстенционал совпадает с универсумом.

Обращаясь к проблеме собственных имен, Фреге строит семантику имени, вводя понятия смысла и значения (отталкиваясь при этом от анализа утверждений тождества, что опять-таки связано с проблемой взаимозаменяемости).

Фреге, анализируя выражения естественного языка, выделяет неэкстенциональные, в частности косвенные контексты, — то, что впоследствии станет предметом логики пропозициональных установок. Таким образом, у Фреге формулируются основные понятия, нуждающиеся в дальнейшем рассмотрении.

Более того, введенные Фреге в логический дискурс предметы: кванторной логики, неэкстенциональных контекстов, теории зна-

чения — порождают проблемы, именно соединяясь вместе, что убедительно показал У. Куайн в своей критике модальной логики [Куайн 1982].

Заслуга Куайна заключается в том, что его работы доказали невозможность дать интерпретацию для квантифицированной модальной логики на базе традиционной теории именования. В качестве интерпретации он принимает объектную (или референциальную) интерпретацию, и только в этом случае имеет силу принимаемый им онтологический критерий: «Существовать — это быть значением квантифицированной переменной». Конечно, критерий Куайна ничего не говорит о существовании в действительном мире, он лишь призван ответить на вопрос, существует ли, согласно данной научной теории, референт некоторого понятия. Позицию, которую занимают квантифицированные переменные в правильно построенном выражении, он называет «позицией для собственного имени». И в самом деле, когда речь идет об экстенциональных выражениях, например о стандартном исчислении, именно так и интерпретируются кванторы — и это не ведет к парадоксам. Например, в учебниках по математической логике [Непейвода 2000: 36–37] квантор всеобщности интерпретируется как связка, используемая при переводе утверждений «А верно при любом значении x ». Утверждение $\forall x A x$ истинно тогда и только тогда, когда истинно $A(c)$, где c — конкретный предмет из универсума нашей теории, т. е. при любом фиксированном значении x . Утверждение с квантором существования $\exists x A x$ истинно, если в нашем универсуме найдется хотя бы одно значение c , при котором $A(c)$ истинно.

С точки зрения Куайна, квантификация в модальных (и вообще интенциональных) контекстах ведет к антиномиям потому, что квантификация связана с референциальным аспектом языка, с его «онтологией», а модальные, интенциональные операторы предполагают интенциональный аспект языка.

Аналогия в рассмотрении Куайном собственных имен и квантифицированных переменных заключается в следующем:

- (I) имена являются именами внелингвистических объектов; соответственно, областью значения квантифицированной переменной будут объекты предметной области;
- (II) имена, там, где они используются, а не упоминаются, просто указывают на обозначаемый ими предмет; использование имен является чисто обозначающим; такое использование невозможно, если сингулярный термин не называет никакого объекта.

Коренным пороком модальной логики, по мнению Куайна, является смешение языка и метаязыка, прямых и косвенных контекстов, употребления и упоминания имен. Происходит это из-за того, что применение модального оператора к предложениям логики дает нам предложение, говорящее уже не о «чистых референтах», а о референтах, некоторым образом охарактеризованных. Это уже не имена, а автономно употребляемые имена имен. Для удобства вместо них можно ввести особые кавычковые имена, и тогда будет совершенно ясно, что в модальных предложениях мы фактически переходим на уровень метаязыка.

На основе данного анализа можно предположить, что квантификация в модальных контекстах указывает на принятие особой «интенциональной онтологии», введение в качестве значения квантифицированных переменных особых «интенциональных объектов» вместо индивидов, например индивидных концептов [Смирнова 2001: 205]. Такая онтология для Куайна неприемлема (исходя хотя бы из принципа «Не умножать числа сущностей сверх необходимого» и антиэссенциалистской установки).

Итак, мы стоим перед дилеммой: вводить интенциональные сущности (и тем самым возвращаться к той или иной форме эссенциализма) или пересматривать (уточнять) дедуктивные методы анализа логической структуры интенциональных контекстов? Последняя из указанных альтернатив разрабатывается в работах Е.Д.Смирновой [Смирнова 1996; 2001]. При этом подходе разрабатывается семантика интенциональной первопорядковой логики, в которой выделяются два типа предикатных и операторных знаков и разрабатывается идея двух семантически различных способов приложения функторов к аргументам. При наличии операторов абстракции кванторы рассматриваются как одноместные второпорядковые предикаты (при этом предикаты будут экстенциональными). Такая трактовка кванторов не ведет к принятию «интенциональной онтологии» в смысле Куайна. Принцип же замены равного равным в случае интенционального вхождения индивидных терминов становится недоказуемым.

Таким образом, анализ существенно интенциональных контекстов, к которым относятся контексты пропозициональных установок, имеет значительную теоретическую и методологическую значимость как для логики, так и для лингвистики. Поиск адекватной формы предложений пропозициональной установки связан с проблемой установления критериев взаимозаменяемости в такого рода предложениях, возможностью или невозможностью получения тех или иных следствий из них, что неотделимо от вопросов квантификации, особенно в свете критических возражений Куайна.

С этой целью рассмотрим класс «шекспировских контекстов», как их назвал П. Гич, который и ввел такие контексты в сферу логических исследований [Geach 1963: 41]. С. Крипке в известной статье «Загадки контекстов мнения» отмечал, что «многое можно сказать в защиту того тезиса, что с философской точки зрения принадлежность к классу „шекспировских“ куда важнее — даже для того большого количества задач, ради которых Куайн и ввел свое собственное понятие прозрачных — непрозрачных контекстов» [Крипке 1986: 240].

Что представляет из себя этот тип контекстов? Рассмотрим предложение «Роза пахнет розой» (добавим от себя и от переводчика: «хоть розой назови ее, хоть нет»). Логическую форму этого предложения можно представить так:

$$\forall x ((x - \text{роза}) \rightarrow (x \text{ пахнет розой})).$$

Контекст « x пахнет розой» будет «шекспировским» для всякого собственного имени в позиции x . В данном случае правомерно было бы говорить уже о прозрачности самого предиката «пахнет розой».

Основная идея, послужившая основанием для выделения «шекспировских контекстов», — это стремление выделить среди референциально непрозрачных контекстов такие, для которых выполнялся бы принцип подстановки в отношении кореферентных собственных имен. Причем подчеркнем, что данный метод в силу ряда формальных ограничений подходит только для собственных имен (но, скорее всего, причина — в сущностном разграничении собственных имен и определенных дескрипций).

Рассмотрим следующий пример:

- (1) Завещатель считал, что X должен наследовать дело.

Контекст для « X » в данном предложении является «нешекспировским», так как подстановка на место X собственного имени будет истинной или ложной в зависимости от мнения завещателя. Допустим, завещавший желал видеть в качестве наследника некоего Питера Дженкинса и ни в коем случае не желал передать дело своему племяннику Ральфу Хопкинсу. Тогда мы должны записать:

- (2) Завещатель считал, что Питер Дженкинс должен наследовать дело.

Но завещавший не знал, что тот, кого он знал под именем Питер Дженкинс, на самом деле его племянник Ральф Хопкинс. Мы можем констатировать, что:

- (3) П. Дженкинс = Р. Хопкинс.

Тогда предложение (1) можно интерпретировать двояким образом:

- (4) Завещатель считал (явно имел в виду), что Ральф Хопкинс должен наследовать дело.
- (5) Ральф Хопкинс — тот человек, которого явно имел в виду завещатель (в отношении которого он считал), что тот должен наследовать дело.

Прочтение (4) дает «нешекспировский» контекст собственного имени «Ральф Хопкинс» и является ложным, так как завещавший не знал (3). Прочтение (5) содержит шекспировский контекст и будет истинным, под каким бы именем ни знал Р. Хопкинса его дядя.

Общая схема для предложений вида (5) такова:

- (6) $\exists x ((c = x) \wedge Fx)$, где c — обозначение собственного имени, а Fx будет читаться как «завещатель считал, что x должен наследовать дело».

Таким образом, при подобной интерпретации собственное имя выносится за пределы интенционального контекста и контекст для этого имени действительно становится «шекспировским», но при этом контекст для x (Fx) остается «нешекспировским». По мнению П. Гича, в «шекспировских контекстах» достигается определенная прозрачность глагола пропозициональной установки и удастся совместить квантификацию и интенциональные операторы.

Конечно, для приведенной интерпретации требуется выполнение по крайней мере двух условий: это введение эксплицитной предпосылки существования и наличие особых правил вывода для x (позволяющих подстановку c вместо x). Если x истолковывается как собственное имя, то правила такую замену позволяют.

Основными правилами вывода для кванторных выражений являются (эти правила достаточно традиционны, но мы считаем необходимым рассмотреть их для обоснования применимости для «шекспировских контекстов»):

I. Введение квантора всеобщности:	$\frac{Fw}{\forall x Fx}$
II. Искключение квантора всеобщности:	$\frac{\forall x Fx}{Fw}$
III. Введение квантора существования:	$\frac{Fw}{\exists x Fx}$
IV. Искключение квантора существования:	$\frac{\exists x Fx}{Fw}$

Буква w играет роль ad hoc собственного имени (или фиктивно-подставного сингулярного терма). Особенно явно это для пра-

вил II и III, которые выполняются именно при условии, что w — собственное имя (в традиционных системах натурального вывода, когда используются переменные, а не фиксированные имена, на эти правила накладываются ограничения).

Таким образом, мы получаем из формулы $\exists x Fx$ выражение Fw (правило IV), а из выражения Fw — любое другое высказывание (см. правила I и II), уже не содержащее w . Следовательно, если Fw — истинно, то это остается в силе для объекта, именованного w , и под любым другим именем.

Из данного рассмотрения следует, что предикатные буквы типа F , входящие в кванторные схемы, могут быть интерпретированы посредством некоторого «шекспировского» контекста. Предложение, имеющее логическую форму $\exists x Fx$, истинно, если каждое свободное вхождение x в контекст Fx может быть заменено собственным именем и это приведет к истинному результату. Соответственно, предложение $\forall x Fx$ — истинно, если любая возможная замена x во всех свободных вхождениях в контексте Fx собственным именем дает истинный результат.

При этом становится несущественным, что «шекспировский контекст», используемый для интерпретации Fx , может содержать интенциональные (или цитированные) вхождения x , потому что истинность результата обеспечивается выдерживанием требования замены всех свободных вхождений x одним и тем же собственным именем.

При «нешекспировском» способе прочтения Fx , когда не все правила натурального вывода остаются в силе, предложенный способ прочтения кванторов, тем не менее придает смысл кванторным предложениям (в том смысле, что «такие-то условия выполняются»). Давая некоторый «нешекспировский контекст», мы можем определить соответствующий «шекспировский»; так, для нашего исходного предложения (1), которое мы рассматриваем как Fx , мы определяем следующий «шекспировский контекст»:

- (7) Для некоторого x , w — то же самое лицо, что x , и завещатель считал, что x должен наследовать дело. Или: $\exists x (w = x \wedge Fx)$.

Контекст (7) является «шекспировским» для w , причем это не зависит от того, является ли «шекспировским» прочтение F . Проанализируем построение вывода:

- (i) Fw^* — исходное предложение (w^* — ad hoc собственное имя; допустим, это имя, под которым завещатель знал того, кому он завещал дело).

- (ii) $w = w^* \wedge Fw^*$ (переходим от исходного предложения, используя утверждение тождества кореферентных имен $w = w^*$).
- (iii) $\exists x (w = x \wedge Fx)$ — получаем, применяя правило III к предложению (ii).

Применим предложенную схему анализа к известным парадоксам, например «Джонс верит, что Цицерон был лысым» и «Джонс не верит, что Туллий был лысым».

- (8) Джонс верит, что Цицерон был лысым (исходный «нешекспировский контекст», который можно записать как Fc).
- (9) Туллий = Цицерон ($t = c$).

Из (8) и (9), применяя правило III, получаем:

- (10) $\exists x (w = x \wedge Fx)$, т. е. $\exists x$ (Туллий — то же самое лицо, что x , и Джонс верит, что x был лысым).

Предложение (10) является уже «шекспировским контекстом» для собственного имени и выражает мысль, что вера Джонса относится к одному и тому же человеку, независимо от того, под каким именем его знает Джонс.

Таким образом, для контекстов, содержащих собственные имена, квантификация и интенциональные операторы оказываются совместимыми.

Правомерен вопрос: а возможно ли расширение понятия «шекспировские контексты» на контексты, содержащие определенные дескрипции? Мы полагаем, что нет, если речь идет о контекстах мнения и, в целом, контекстах пропозициональных установок. Это вопрос выбора не только технических средств, но и философских предпосылок. По существу, это вопрос о существовании чисто референтного употребления определенных дескрипций и, следовательно, о возможности взаимной замены таких выражений без изменения смысла всего контекста (предложения). Такое возможно только для строго построенных логико-математических выражений, в духе Карнапа, или случаев «метафизической» необходимости, в духе Крипке, когда дескрипция понимается «жестко» или строго референтно. Но для широкого класса контекстов естественного языка такой подход неприемлем. Мы должны учитывать «интенциональную сторону» дескрипции, ее смысл, фактичность или случайность приписывания свойства, что неизбежно отражается на смысле и истинностном значении всего выражения. Собственно говоря, «шекспировские контексты» и демонстрируют тот факт, что собственные имена играют в контекстах мнения

иную логическую роль, чем определенные дескрипции, и в силу этого допускают определенные методы анализа, которые могут оказаться неподходящими для дескрипций.

Наконец, еще одна проблема, поставленная П. Гичем, — это проблема интенционального тождества [Geach 1967]. Эта проблема возникает для контекстов с двумя пропозициональными установками при отсутствии определенного указания (как в известном примере: «Хоб думает, что некая ведьма отравила кобылу Боба, а Ноб верит, что она (та же самая ведьма) убила свинью Коба»). Такие контексты должны интерпретироваться как *de dicto*, так как установки *de dicto*, как не направленные на какого-то определенного индивида, наиболее адекватны для представления таких контекстов. Но в то же время это и составляет проблему пересечения различных возможных миров, совместимых с установками (Хоба и Ноба в приведенном примере). Основная сложность в таких контекстах возникает из-за появления анафорических местоимений. Для нас важно подчеркнуть, что, во-первых, проблема интенционального тождества существенна именно для *de dicto* интерпретаций контекстов, содержащих пропозициональные установки различных субъектов (и что в данном случае вряд ли возможна интерпретация *de re*), и, во-вторых, анализируя такие интенциональные контексты, как контексты с интенциональным тождеством, необходимо рассматривать переменные, связанные различными кванторами, а не общим квантором. Исследование логической структуры интенциональных контекстов, содержащих анафорические выражения, требует иного анализа, нежели контексты с собственными именами.

ЛИТЕРАТУРА

- Крипке 1986 — Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
- Куайн 1982 — Куайн У. О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.
- Непейвода 2000 — Непейвода Н. Н. Прикладная логика. Новосибирск, 2000.
- Смирнова 1996 — Смирнова Е. Д. Логика и философия. М., 1996.
- Смирнова 2001 — Смирнова Е. Д. О загадке контекстов мнения // Логические исследования. М., 2001. Вып. 8.
- Фреге 2000 — Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
- Geach 1963 — Geach P. Quantification Theory and the Problem of Identifying Objects of Reference // *Acta Philosophica Fennica*. Helsinki, 1963. Fasc. 16.
- Geach 1967 — Geach P. Intentional Identity // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. № 20.

Е. Г. ДРАГАЛИНА-ЧЁРНАЯ

ЛОГИКА И ОНТОЛОГИЯ ОБОВЩЕННОЙ КВАНТИФИКАЦИИ

Понятие квантора — одно из центральных в современной логике. По своей фундаментальности и вместе с тем неоднозначности оно сопоставимо разве лишь с понятием самой логики. Не случайно поэтому понятие *логического квантора* порождает целое семейство интерпретаций.

Данная статья посвящена сравнению различных подходов к пониманию природы стандартных и обобщенных логических кванторов. Целью этого сравнения является решение более общей задачи — уточнение онтологических критериев демаркации логического и нелогического.

Термин «квантор» происходит, как известно, от латинского *quantitas* (количество), обычно противопоставляемого *qualitas* (качеству). Это не означает, однако, что понятие квантора является арифметическим. Введение именно этого понятия в современную логику стало решающим событием, предопределившим ее принципиальное отличие от логики традиционной. Этим нововведением логика обязана двум философам — Г. Фреге и Ч. Пирсу, с именами которых связаны две основные парадигмы современной интерпретации кванторов: трактовка их как функций выбора и как второпорядковых предикатов. Третья возможная парадигма — подстановочная интерпретация квантификации — в онтологическом контексте, как правило, не рассматривается. Предполагая интерпретацию кванторных формул в терминах их подстановочных случаев, она прямо зависит от выразительных возможностей языка и делает проблематичным обсуждение каких-либо онтологических проблем.

1. Кванторы как функции выбора

Интерпретация кванторов как функций выбора восходит к Пирсу. Кванторы, полагает Пирс, получают свое значение из игр, состоящих в выборе подходящих индивидов из варьирующихся областей интерпретации. Такой подход является, по сути, теоретической систематизацией старого математического жаргона, обычного в обращении с кванторными выражениями: «Имея значение x , можно найти значение y такое, что...»

Точная экспликация подхода Пирса возможна с помощью функций выбора Т. Сколема. Скажем, первопорядковая формула (1) $\forall x \exists y \forall z \exists v F(x, y, z, v)$ будет интерпретирована второпорядковой формулой (2) $\exists f \exists g \forall x \forall z F(x, f(x), z, g(x, z))$ с квантификацией по сколемовским функциям f и g .

Такой «перевод» во второпорядковый язык может быть истолкован как теоретико-игровая интерпретация формулы (1). Эта возможность возникает, если рассматривать сколемовские функции как определяющие стратегию верификатора, стремящегося доказать истинность (1) в его игре против фальсификатора, стремящегося, в свою очередь, доказать ложность (1) (см., например, [Hintikka 1997]). Функции f и g указывают верификатору, какую стратегию он должен выбрать в зависимости от предыдущих выборов фальсификатора, а формула (2) понимается как утверждение о существовании у верификатора выигрышной стратегии в семантической игре с формулой (1).

Функциональная (теоретико-игровая) интерпретация с самого начала была нацелена на экспликацию идеи линейной итерированной квантификации и естественным образом обобщается на случаи более сложных кванторных зависимостей. Дело в том, что интерпретация кванторной зависимости как зависимости информационной позволяет моделировать многообразие информационных структур, варьирующихся от полной независимости до сложной нелинейной зависимости.

Полноте информации в семантической игре с формулой (1) соответствуют «полные» наборы аргументов у сколемовских функций. А именно: каждая функция в формуле (2) имеет аргументами все переменные, связанные в формуле (1) теми кванторами общности, в области действия которых находится заменяемый этой функцией первопорядковый квантор существования. Эта особенность (2) означает не что иное, как полную информированность верификатора обо всех предшествующих ходах фальсификатора в семантической игре с формулой (1). Полнота информации в семантических играх соответствует линейной зависимости кванторов.

Утверждение о существовании у верификатора выигрышной стратегии в семантической игре, отличающейся от игры с формулой (1) только неполнотой информации, выражается второпорядковой формулой (3) $\exists f \exists g \forall x \forall z F(x, f(x), z, g(z))$, где g зависит только от z , но не от x . «Перевод» формулы (3) на первопорядковый язык возможен за счет введения нелинейных (ветвящихся, частично-упорядоченных) кванторов Л. Хенкина. С использованием такого квантора первопорядковая формула, соответствующая интерпретации (3), представляется как

$$(4) \quad \begin{array}{l} \forall x \exists y \\ \forall z \exists u \end{array} \rangle F(x, y, z, u),$$

$$\text{где квантор} \quad \begin{array}{l} \forall x \exists y \\ \forall z \exists v \end{array} \rangle -$$

это ветвящийся квантор Хенкина: «для всех x существует y и для всех z существует v , зависящее только от z ».

Обобщая этот подход, Я. Хинтика провозглашает создание логики, «дружественной-к-независимости» (IF, т.е. independence-friendly логики), разработку которой он сам считает революционным событием в логике XX века (см. [Hintikka 1997]). В языке этой логики формула (4) может быть представлена как (5) $(\forall x) (\exists y) (\forall z) (\exists v / \forall x) F(x, y, z, v)$, где знак «/» в $(\exists v / \forall x)$ указывает на информационную независимость интерпретации квантора $\exists v$ от интерпретации квантора $\forall x$.

В качестве примеров естественно-языковой ветвящейся квантификации обсуждаются предложения: *Каждый писатель любит некоторую написанную им книгу так же, как каждый критик ненавидит некоторую рецензированную им книгу; Некий сосед каждого деревенского жителя и некий сосед каждого горожанина ненавидят друг друга* [Hintikka 1973: 344]; *Большинство философов и большинство лингвистов согласны друг с другом по поводу ветвящейся квантификации* [Barwise 1979: 60].

Вопреки последнему из приведенных примеров, до сих пор остается спорным вопрос о логической природе ветвящейся квантификации. С серьезными трудностями сталкиваются исследователи, например, при попытке применить к кванторам Хенкина критерий онтологической нейтральности У. Куайна. Согласно этому критерию, логика не может допускать существование каких-либо абстрактных сущностей. Исходя из своего знаменитого лозунга: «Быть — значит быть значением квантифицируемой переменной», Куайн отказывает в онтологической нейтральности второпорядковой логике. Эта логика (а точнее, по Куайну, математическая теория) допускает квантификацию по множествам и, следовательно, предполагает онтологию таких абстрактных сущностей как множества. Вместе с тем, как полагает Куайн, ветвящиеся кванторы, допускающие квантификацию только по индивидуальным переменным, удовлетворяют критерию онтологической нейтральности. Получены, однако, строгие результаты, свидетельствующие о выразительной эквивалентности теории ветвящейся квантификации и второпорядковой логики (ветвящиеся кванторы оказались, в частности, достаточны для характеристики бесконечных структур).

Таким образом, складывается странная ситуация: онтологически нейтральная по виду логика оказывается эквивалентна по своим выразительным возможностям явно онтологически нагруженной второпорядковой логике. Этот обескураживающий результат применения критерия Куайна к языку с нестандартными кванторами побуждает обратиться к иным критериям демаркации логического и нелогического, применяемым в рамках альтернативной парадигмы интерпретации квантификации.

2. Кванторы как второпорядковые предикаты

Традиция предикатной трактовки экзистенциального и универсального кванторов восходит к Г. Фреге, понимавшему их как свойства понятий, т. е. как второпорядковые одноместные предикаты. Утверждение существования означает, по Фреге, что экстенционал соответствующего первопорядкового предиката непуст; утверждение с квантором общности — что этот экстенционал совпадает с универсумом. «Конечно, — замечает Фреге, — на первый взгляд кажется, что в предложении „Все киты — млекопитающие“ речь идет о животных, а не о понятиях; однако, если спросить, о каком животном тогда идет речь, то какого-то отдельного представить нельзя. <...> Даже если наше предложение и можно оправдать наблюдением за отдельным животным, это ничего не доказывает относительно его содержания. Для вопроса, о чем оно, безразлично, истинно оно или нет, или на каком основании мы принимаем его за истинное. Итак, если понятие есть нечто объективное, то и высказывание о нем может содержать нечто фактическое» [Фреге 2000: 77]. Аналогичным образом Фреге определяет понятие кардинального числа. Так, суждение *Марс имеет две луны* содержит утверждение о понятии, а именно о том, что существуют в точности две вещи, подпадающие под понятие «марсианская луна». «Если я говорю, — пишет Фреге, — „Карету кайзера везут четыре лошади“, то понятию „лошадь, везущая карету кайзера“ я прилагаю число четыре» [Там же: 75]

Любопытно, что основатель феноменологии Э. Гуссерль также рассматривал существование как второпорядковый предикат, относящийся не к объекту как таковому, а к «объекту в контексте полагания», т. е. к значению. Используя терминологию Гуссерля, можно сказать, что кванторы выражают психические свойства и отношения, которые, в отличие от физических (играть в теннис, заниматься математикой и т. п.), не оказывают влияния на другие свойства и отношения предметов, а сами существуют в силу

этих других свойств и отношений. Характеристика некоего отношения как «психического» не предполагает его отнесения к области психологии, но выражает тот факт, что оно является отношением к содержанию идеи, т. е. к значению или понятию. К числу таких «психических» свойств относятся свойства множества быть непустым, содержать все элементы универсума или, скажем, большинство из них, быть счетным, конечным или бесконечным. Из двух множеств одно может, например, содержать все элементы другого или больше элементов, чем другое; бинарное отношение может быть полностью или частично упорядоченным.

На этом пути возникает возможность обобщения стандартных кванторов первопорядковой логики, впервые осуществленная А. Мостовским [Mostowski 1957]. Он предложил рассматривать кванторы как второпорядковые свойства первопорядковых свойств, т. е. как классы подмножеств универсума (точнее, как функции, задаваемые на множествах объектов универсума модели и принимающие в качестве значений истину или ложь, или, говоря иначе, как функции, ассоциирующие с каждой моделью класс подмножеств ее универсума). Например, квантор Мостовского «существует бесконечно много» есть просто класс бесконечных подмножеств универсума. При этом логическим может считаться, по Мостовскому, только квантор, проходящий тест на инвариантность относительно изоморфных преобразований универсума.

Как известно, интерпретация нелогических свойств и отношений может варьироваться от модели к модели. Было бы неверно сказать, что обобщенные кванторы не допускают такого варьирования. Так, в модели с бесконечным универсумом интерпретация универсального квантора — это бесконечное множество, в модели с пятью элементами — множество из пяти элементов. Однако, не будучи абсолютно инвариантными, логические кванторы инвариантны относительно изоморфных преобразований модели, в частности относительно перестановок индивидов в области интерпретации. Эта инвариантность свидетельствует о том, что логические кванторы не различают индивидуальные объекты и характеризуют лишь те свойства модели, которые не зависят от ее неструктурных модификаций.

Полагая инвариантность относительно изоморфных преобразований признаком логичности как таковой, А. Тарский формулирует общий философский тезис о природе логики. «Не раз было отмечено, — пишет он, — в особенности представителями математической логики, что наша логика на деле есть логика объема. Это означает, что два понятия неразличимы, если они имеют

один и тот же объем, даже если у них различные содержания. Обычно полагают, что мы не можем логически различать свойства и классы. Теперь же в свете наших предположений оказывается, что наша логика — даже не логика объема, она — логика чисел, числовых отношений» [Tarski 1986: 11]. Таким образом, по Тарскому, невозможно не только логическое различение свойств и классов, но и логическое различение равномоощных классов, и, следовательно, «наша логика» есть логика кардинальности.

Действительно, теория квантификации Мостовского подтверждает философский тезис Тарского. Как показал Мостовский, любой второпорядковый предикат, удовлетворяющий тесту на инвариантность, выражает свойство, зависящее только от мощности (кардинальности) соответствующего первопорядкового предиката. Однако сохраняет ли силу тезис Тарского при дальнейших обобщениях понятия обобщенного квантора?

Широко известно одно из таких обобщений, предложенное Д. Барвайсом и Р. Купером. Согласно этим авторам, мы используем логические кванторы для того, чтобы приписывать свойства (такие как, например, непустота, универсальность, конечность) множествам. Обобщая идею обобщенного квантора, они характеризуют как кванторные любые свойства множеств.

В естественном языке свойства множеств выражаются, по наблюдениям Барвайса и Купера, именными фразами (типа *каждый человек, большинство женщин, пятеро детей*) и даже собственными именами типа *Джон*. Поэтому, полагают они, «все именные фразы языка и только они являются кванторами по универсуму рассмотрения» [Barwise, Cooper 1981: 177]. Поведение кванторных слов русского языка, по-видимому, подтверждает гипотезу Барвайса и Купера. «В норме количественные значения, — отмечает Н. Д. Арутюнова, — тяготеют к позиции субъекта и других актантов, а также к позиции имени в бытийных предложениях, тогда как качественные значения обслуживают предикацию» [Арутюнова 2002: 374–375].

Именные фразы и имена собственные не обладают, однако, свойством инвариантности относительно перестановок универсума. Рассмотрим две пары предложений: «Эйнштейн x (x — один из десяти крупнейших физиков всех времен)», «Эйнштейн x (x — один из десяти крупнейших новеллистов всех времен)» и «Большинство (натуральных чисел между 1 и 10) x [$x < 7$]», «Большинство (натуральных чисел между 1 и 10) x [$9 < x < 17$]» (примеры из [Sher 1991: 24]). Несмотря на то что экстенционал « x является одним из десяти крупнейших физиков всех времен» может быть по-

лучен из экстенционала « x является одним из десяти крупнейших новеллистов всех времен» простой перестановкой универсума, «естественно-языковой квантор» «Эйнштейн» припишет двум множествам различные истинностные значения. Аналогичным образом «квантор» «большинство натуральных чисел между 1 и 10» припишет различные истинностные значения экстенционалам « $x < 7$ » и « $9 < x < 17$ », хотя каждый из них является результатом перестановки другого. Таким образом, кванторы Барвайса и Купера, различая индивиды в области рассмотрения, не проходят тест на инвариантность и не могут считаться логическими кванторами.

Обобщение идеи обобщенного квантора, предложенное Барвайсом и Купером, не является, конечно, единственно возможным. Нет, например, никакой концептуальной необходимости рассматривать кванторы только как второпорядковые свойства первопорядковых свойств. Естественно распространить это понимание на отношения. Такое обобщение было проведено П. Линдстрёмом (см. [Lindström 1966]), предложившим трактовку кванторов как второпорядковых отношений между первопорядковыми отношениями. Скажем, силлогистический квантор «Все ... есть» понимается как класс таких пар подмножеств универсума, в которых первый элемент является подмножеством второго: $\{(X, Y) : X, Y \subseteq U \text{ и } X \subseteq Y\}$. Итерированная кванторная приставка тоже рассматривается как единое целое и приобретает вид полиадического, т. е. многоместного квантора.

Идея полиадических кванторов восходит к «множественным кванторам» схоластов, однако в стандартной нотации современной логики полиадические кванторы не рассматриваются как имеющие самостоятельное значение, а интерпретируются как итерированные одноместные кванторы. Скажем, двуместный квантор $(Qx, y) F(x, y)$ обычно сводится к итерации двух одноместных кванторов $Q_1xQ_2yF(x, y)$. Итерированные кванторные приставки представляют собой, однако, частный случай кванторов Линдстрёма, выражая второпорядковые свойства первопорядковых отношений.

Можно показать, что неоднородные кванторные приставки (т. е. приставки, в которых сочетаются кванторы общности и существования) различают равномошные отношения (см. [Микеладзе 1979: 296]). Это означает, что логика с бинарными кванторами, выражающими второпорядковые свойства первопорядковых отношений, уже не является логикой кардинальности в смысле Тарского.

Неоднократно было замечено, что в основе логической квантификации лежит отношение «элемент — множество» (см., например, [Булыгина, Шмелев 1997]). Действительно, присутствие стандартного (одноместного) логического квантора свидетельст-

вует о расщеплении универсума на относительно однородные индивиды. Вместе с тем, бинарные кванторы расчленяют универсум не на индивиды, а на упорядоченные пары индивидов, каждая из которых рассматривается как единый индивид. Ср.: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливaя семья несчастлива по-своему* (Л. Толстой. «Анна Каренина»).

Бинарные кванторы принимают во внимание не только кардинальность, но и другие формальные аспекты универсума. В отличие от естественно-языковых кванторов Барвайса и Перри, они сохраняют инвариантность относительно перестановок, однако перестановок не индивидов, а бинарных отношений индивидов, т. е. пар индивидов. Соответствующая этой инвариантности онтология уже не сводится к онтологии кардинальности. Она оказывается онтологией структур, типов упорядочивания универсума.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н.Д.* Всё про всё // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Микеладзе 1979 — *Микеладзе З.Н.* Об одном классе логических понятий // Логический вывод. М., 1979.
- Фреге 2000 — *Фреге Г.* Основоположения арифметики. Томск, 2000.
- Barwise 1979 — *Barwise J.* On Branching Quantifiers in English // *Journal of Philosophical Logic*. 1979. № 8.
- Barwise, Cooper 1981 — *Barwise J., Cooper R.* Generalized Quantifiers and Natural Language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. № 4.
- Hintikka 1973 — *Hintikka J.* Quantifiers vs. Quantification Theory // *Dialectica*. 1973. № 27.
- Hintikka 1997 — *Hintikka J.* Selected Papers. Dordrecht, 1997. Vol. 2.
- Lindström 1966 — *Lindström P.* First Order Predicate Logic with Generalized Quantifiers // *Theoria*. 1966. № 35.
- Mostowski 1957 — *Mostowski A.* On a Generalization of Quantifiers // *Fundamenta Mathematicae*. 1957. № 44.
- Partee 1984 — *Partee B. H.* Compositionality // *Varieties of Formal Semantics*. Dordrecht, 1984.
- Sher 1991 — *Sher G.* The Bounds of Logic: A Generalized Viewpoint. Cambridge, 1991.
- Tarski 1986 — *Tarski A.* What are Logical Notions? // *History and Philosophy of Logic*. 1986. № 7.
- Van Benthem 1989 — *Van Benthem J.* Polyadic Quantifiers // *Linguistics and Philosophy*. 1989. № 12.

КОЛИЧЕСТВО КАК ПОНЯТИЙНАЯ КАТЕГОРИЯ

0. Предметом настоящей статьи является понятийная категория количества. В сферу внимания автора входят две проблемы:

(I) выяснить, как внутренне организовано само семантическое поле количества (а оно, как мы увидим ниже, имеет довольно нетривиальную структуру, охватывающую способы квантификации субстанций, динамических ситуаций и качеств);

(II) выяснить, каким разнообразием языковых средств (сегментных и несегментных, лексических и грамматических, морфологических и синтаксических, назывных и местоименных, нумеративных и ненумеративных) выражаются значения количественной сферы.

Чтобы не перегружать основной текст ссылками на использованную литературу и сосредоточиться на фактах языка, мы ограничимся указанием на список избранной литературы по проблемам квантификации, приводимый в конце статьи.

I. Понятийная категория количества в естественном языке имеет многообразные проявления (см., например, [Есперсен 1958: 216–246; Бодуэн 1963: 311–324; Холодович 1979: 173–195; Реформатский 1960/1987; Исаченко 1961; Панфилов 1977: 158–285; Швачко 1981; Акуленко 1990; Чеснокова 1992; Жаботинская 1992; Копыленко 1993; Бондарко 1996]). Она охватывает не только собственно предметы, но и «положения вещей», причем между квантификацией собственно предметов и квантификацией положений вещей существует система нетривиальных соответствий (см. [Булыгина, Шмелев 1997: 113–125; Шмелев 2002: 56–71]).

I.1. Квантификация опирается на фундаментальное подразделение субстанций на континуальные (*вода, молоко...*) и дискретные (*волк, пень, дом...*). Данное подразделение разбивает на соответствующие два разряда также и существительные (как непроеизводные, так и производные). Континуальные субстанции отличаются от дискретных спецификой своего отношения к количественной детерминации. У континуальных субстанций нет естественного («штучного») сегментатора. Дискретные субстанции допускают естественную сегментацию.

Грань между естественной и искусственной сегментацией не является абсолютно жесткой. Так, в разговорной речи слово *картошка* может употребляться как в вещественном значении (= 'карто-

фель') — и тогда употребляются конструкции со значением искусственной сегментации (*три килограмма картошки* = 'три килограмма картофеля'), так и в штучном значении (*три картошки* = 'три картофелины'). Если такая двойственность устойчиво закрепляется в семантической структуре многозначной лексемы, то она начинает отчетливо фиксироваться в словарях: так, *зерно*₁ 'семя растений, содержащее мучнистое вещество и зародыш' имеет двучисловую парадигму (*крупные, мелкие зерна; кофе в зернах; насыпать птицам зерен*) и употребляется в контексте естественной сегментации (*два зерна, пять зерен*); между тем *зерно*₂ 'семена хлебных злаков' имеет одночисловую парадигму (*singularia tantum: торговать зерном, насыпать птицам зерна*) и употребляется в контексте искусственной сегментации (*два пуда зерна, пять пудов зерна*).

1.1.1. Искусственная сегментация бывает специализированной (первичной) и неспециализированной (вторичной).

К средствам специализированной (первичной) сегментации относятся наименования первичных мер. Первичные меры охватывают время (*секунда, минута, час, день, сутки, неделя*, англ. *fortnight*, *месяц, квартал, семестр, год, десятилетие, столетие, век, тысячелетие*); расстояние (в длину, ширину, глубину, высоту, толщину...) (*метр, километр, дециметр, сантиметр, миллиметр; верста, сажень, аршин, пядь, палец...*; *лье, дюйм, миля...*); площадь (*ар, гектар, десятина...*); объем (*литр, баррель...*); вес или 'массу' (*грамм, килограмм, миллиграмм; пуд, лот...*; *фунт...*); угол (*градус, минута, секунда...*); температуру (*градус*); объем информации (в бумажном виде: *печатный лист, печатный знак*; в электронном виде: *бит, байт*), скорость (в морском деле: *узел* = 'количество морских миль в час'), напряжение (*вольт*), силу тока (*ампер*), мощность (*ватт*).

К средствам неспециализированной (вторичной) сегментации относятся наименования вторичных мер. Наименования вторичных мер охватывают расстояние (*шаг, палец, локоть*), объем (имена емкостей: *вагон, цистерна, мешок, бочка, пакет, пачка, бутылка, стакан, столовая ложка, чайная ложка*. К вторичным мерам относятся также наименования окказиональных порций: *капля* (например, в фармацевтике — при изготовлении и употреблении лекарств), *щепотка* (в кулинарии — при изготовлении и употреблении блюд), *горсть* и т. п.

Вторичные сегментаторы различаются по степени узуальности vs. окказиональности. Так, в ряду *стакан — ведро — чашка* степень узуальности падает, а степень окказиональности возрастает.

тает: *стакан* — это примерно 200–250 г. (хотя стаканы бывают и меньше, и больше), а чашки бывают очень разные (чайные отличаются по размеру от кофейных) и потому реже служат мерой объема. При закреплении узуральности в языке она лексикализуется, и тогда вторичный сегментатор превращается в первичный (например, древнерусское *локоть* как мера длины; или, в области физической терминологии, такая измерительная единица, как *лошадиная сила*). Изучение этимологии наименований мер составляет предмет особой, весьма увлекательной, дисциплины — лингвистической метрологии, которая тесно переплетается с разделом источниковедения — исторической метрологией, входящей в число вспомогательных исторических дисциплин.

Все сегментаторы — как естественные, так и искусственные — в отличие от сегментандов (субстанций), являются дискретными. Сочетание сегментанда (например, *молоко*) и сегментатора (например, *литр*) образует сегментат (например, *литр молока*). Будучи сложным предметом, сегментат обладает сочетанием признаков вещественности (его можно *налить, насыпать, пролить, просыпать...*) и дискретности (сегментаты можно считать, например, с помощью целых или дробных чисел: *пол-литра молока, два литра молока*).

1.1.2. «Естественная» сегментация основана в конечном счете на осмыслении субстанций внешнего мира как поддающихся той или иной сегментации и квантификации.

Некоторые субстанции (например, обозначенные отвлеченными именами качеств и состояний) вообще не поддаются квантификации (*стойкость, мораль, любовь, белизна, гордость, терпение, холод*). Таким же образом ведут себя обозначения родовых понятий (*Собака — друг человека*).

«Естественная» сегментация не является полностью отражающей категорией по отношению к структуре мира. Разные языки вносят свои особенности в осмысление («концептуализацию») той сегментации, которая наблюдается в мире природных объектов (см. [Гак, Кузнецов 1985]).

В русском языке *дерево* — это и вещество ('древесина') (субстанция), и растение (особь) (индивидуальная сегментация); английское *wood* и французское *bois* совмещают значение 'древесина' (субстанция) со значением 'лес' (т. е. совокупность деревьев: групповая сегментация), а индивидуальная сегментация (дискретность) выражается особыми существительными: англ. *tree*, франц. *arbre*.

В ряде языков множественное число выражает парную сегментацию. Так, в русском языке *брюки, ножницы, трусы, сани* осмысливаются как наименования пар деталей; в немецком наряду с *die Hosen* (pl.)

‘брюки’ существует эквивалентное *die Hose* (sg. fem.) (тоже ‘брюки’, но с индивидуальной сегментацией); а значение ‘сани’ выражено существительным *der Schlitten* (sg. masc.) (индивидуальная сегментация); ср. также *die Schere* (sg. fem.) ‘ножницы’, *die Heugabel* (sg. fem.) ‘вилы’, *die Waage* (sg. fem.) ‘весы’, *die Harke* (sg. fem.) ‘железные грабли’, *der Rechen* (sg. masc.) ‘(деревянные) грабли’ и т. п. Во всех этих случаях в русском языке представлена парная сегментация.

Русские формы множественного числа со значением парной сегментации (‘парного комплекта’) частей тела (*руки, ноги, плечи, лопатки, колени, локти, ступни, глаза, уши, щеки, брови, усы*), предметов одежды (*перчатки, варежки, рукавицы, ботинки, сапоги, валенки, чулки, носки, рукава, штанины*), украшений (*серьги, клипсы*) и т. п.¹ переводятся на финно-угорские языки формами единственного числа со значением индивидуальной сегментации. Эти же формы со значением множества пар (если речь идет о частях тела разных индивидов) переводятся на финно-угорские языки формами множественного числа. А русские формы единственного числа (*рука, нога, плечо, лопатка, колено, локоть, ступня, глаз, ухо, щека, бровь, ресница, ус...*; *перчатка, варежка, рукавица, ботинок, сапог, валенок, чулок, носок, рукав, штанина; серьга...*) со значением индивидуальной сегментации переводятся на финно-угорские языки количественной конструкцией со значением «половины» (половинной сегментации) (в русском такая конструкция есть, но лишь со словом *бинокль*: ср. русское: *полбинокля поцарапано; левая половина бинокля поцарапана*; аналогичную ситуацию можно наблюдать в русском междialeктном переводе: *левая грудь* (т. е. что-то вроде «левый сосок») в одних говорах русского языка переводится на другие говоры (в том числе на литературный русский язык) как *левая половина груди*.

1.1.3. При семантической деривации возникает производная сегментация (и производная квантификация) (см. [Ляшевская 2004]).

Множественное число выражает «расчлененность» (см. [Исаченко 1961: 37]). Поэтому в процессе семантической деривации «глобализация» достигается постановкой имени в единственное число; «расчленение» («фрагментация») достигается постановкой имени во множественное число (см. [Гак 2004: 150–154]).

При образовании дискретных дериватов от вещественных субстанций исходное значение включает «вещественность», а производное — «штучность». Лексические сингулятивы образуются особыми

¹ В древности, как известно, для обозначения парного комплекта славянские языки использовали дуалис.

средствами — лексическими сингуляризаторами. Последние могут быть аналитическими (*кусоч хлеба*), синтетическими (*хлебец*², *травинка*, *морковина*, *картофелина*; разг. *железяка*), но могут быть и нулевыми (*свекла — свекла, репа — репа*)³.

При образовании собирательных дериватов от индивидуальных субстанций исходное значение включает «штучность», а производное — «коллективность». Операторы «коллективной» сегментации (выразители так наз. значения 'Mult') могут быть аналитическими (*корова — стадо коров*, *волк — стая волков*), синтетическими (*лист — листва*), в том числе супплетивными (*корабль — флот*). Грамматический способ выражения коллективации — постановка во множественное число — характерен для этнонимов (*французы*), названий профессий (*лингвисты*), названий некоторых съедобных растений и животных (*огурцы, помидоры, креветки*), названий штучных пищевых изделий (*пирог, котлеты*).

При образовании интенсификатов от вещественных субстанций исходное значение нейтрально, а производное включает сему «значительность», «громадное количество». Оператором количественной интенсификации выступает граммема множественного числа: *песок — пески, снег — снега, вода — воды*.

При «порционной» сегментации (образовании «фрагментов» от вещественных субстанций) исходное значение включает «вещественность», а производное — значение «порции»: разг. *мне, пожалуйста, два пива* («две порции пива»).

При «сортной» сегментации исходное значение вещественно, а производное включает значение «сорт»: *сыры, вина, масла* (хим.), *спирты* (хим.).

При качественном разнообразии предметов их однородность выражается единственным числом, а разнородность — множественным. В последнем случае выражается значение «сорта».

Так, в оппозиции *он принес газеты / несколько газет* vs. *он принес газету / всего одну газету* имеются в виду «экземпляры». Однако в оппозиции *он выписывает несколько газет* vs. *он выписывает всего одну газету* имеются в виду не «экземпляры», а «наименования».

При образовании вещественных дериватов от дискретных субстанций исходное значение включает «штучность», а производное — «вещественность». Лексический субстанциализатор может быть аналитическим (*краб — мясо краба, горностаи — мех горно-*

² В значении ед. ч. от *хлебцы*.

³ Нулевые сингуляризаторы употребляются при сингулярно-ориентированных существительных (см. [Поливанова 1983]).

стая, лебедь — перья лебедя) или синтетическим (*баран — баранина*), в том числе супплетивным (*корова — говядина*), но может быть и нулевым (*сельдь — сельдь; поросенок — поросенок; лец — лец*).

При антономазии исходное значение имеет индивидуную референцию (*Меценат, Хулиган, Дон Жуан, Дон Кихот, Ловелас*), а производное — классификационную (*меценаты, хулиганы, донжуаны, донкихоты, ловеласы*).

При метонимии по модели «автор — произведение» исходное значение имеет единичную референцию, а производное — неединичную. То же происходит при некоторых других типах семантической деривации. Так, *бездарность 1, знаменитость 1* — неквантифицируемая субстанция, а *бездарности, знаменитости* и т. п. (в одушевленном значении) — считаемые имена.

1.1.4. Искусственная сегментация может быть наложена не только на континуальную, но и на дискретную субстанцию («предмет» или «вещь» в собственном смысле слова). А именно, для этого достаточно выделить какой-либо из параметров этого предмета, в принципе поддающийся количественной оценке. Для выполнения этой функции и существуют параметрические существительные: *вес, масса; объем, емкость; площадь, территория; длина, высота, ширина, толщина, глубина*. При количественной оценке явлений используются такие параметрические слова, как *длительность, срок*. Временные состояния (инстанции) предмета характеризуются и по другим параметрам, например по *температуре*. Если требуется сделать количественную оценку процесса (в том числе деятельности), то и для этого есть особые средства — такие параметрические слова, как *скорость, темп, частота, амплитуда, интенсивность, сила, мощность*. Если обозначаемый процесс замкнут определенными темпоральными пределами — в частности, если мы имеем дело с событиями (в том числе с действиями), то для количественной оценки некоторых параметров события физики используют специальный термин *энергия*. Если же событие состоит в передаче информации (это акты семиозиса в широком смысле — в частности, таковы все акты антропосемиозиса), то в теории информации специальные меры существуют и для этого. Соответствующий количественный параметр именуется *количеством информации* или просто *информацией*, а количественная мера информации — это *биты, байты, килобайты* и т. п. Интересно, что в такой области прикладной информатики, как издательское дело, количественный подход к информации возник гораздо раньше, чем в компьютерном деле — задолго до наступления эпохи компьютерной революции. А именно, это про-

изошло вскоре после вступления человечества в эпоху средств массовой информации — при возникновении терминологии издательского дела. В издательском деле есть понятие *объем текста* (публикации, рукописи, издания, статьи). Основными мерами измерения объема являются печатные знаки и печатные листы (как известно, печатный лист составляет 40 тысяч знаков).

1.1.5. Квантификация по выделенному параметру может быть точной и неточной. Точная квантификация выражается нумеративными конструкциями (т. е. конструкциями с числительными, в том числе нулевыми: *Взвесьте мне килограмм яблок*), а неточная — разнообразными конструкциями со значением взаимоотношения двух величин. Одна из сопоставляемых величин может трактоваться как:

(а) точка отсчета — при компаративной оценке (например, *выше, ниже*);

(б) эталон или норма — при абсолютивной оценке (например, *высокий, низкий*);

(в) универсальный экстенционал данной предметной области — при суперлативной оценке (например, *высший, низший*).

Эти виды оценок, как мы видим, лежат в основании значений степеней сравнения. Статические режимы этих смыслов выражаются чаще прилагательными (но могут выражаться и глаголами класса *белеть, чернеть* в стативном подзначении), а динамические (фазовые) режимы — глаголами.

При сплавлении квантификативно-оценочных значений с фазовыми возникают динамические смыслы «уменьшения» и «увеличения», «возникновения» и «угасания» количественных значений того или иного параметра, выделяемого в предмете. Отсюда берут свое начало такие глагольные смыслы, как *расти, расширяться, сужаться, толстеть, худеть* и проч.

У фазовых дериватов параметрических значений имеются (при разных диатезах) валентности «начального значения параметра», «конечного значения параметра» (*Скорость подскочила с сорока до шестидесяти километров в час*), а также валентность «разности» (*Ширина увеличилась на двадцать сантиметров*) или валентность «кратности» (*Длина возросла вдвое*).

1.2. Квантификация положений вещей зависит от их отношения к временной оси.

Вневременные (вечные) положения вещей квантификации не поддаются, тогда как временные допускают ту или иную квантификацию.

Аналогом вещественности/дискретности субстанций в сфере положений вещей является предельность/непредельность процессов.

Для темпоральной квантификации положений вещей используются темпоральные имена (*эпоха, период, срок, время, момент, миг...*). В качестве темпоральных сегментаторов (специальных средств темпоральной сегментации событий) функционируют такие слова, как русское существительное *раз*, английский *time*, нем. *mal* и т. п.

Узуальность выражается наречиями (или наречными оборотами) *обычно, часто, редко, изредка, постоянно, периодически, время от времени, то и дело...*

В грамматике темпоральная квантификация выражается понятийной категорией количественной темпоральности и количественной аспектуальности. Они могут в зависимости от конкретного языка выражаться более грамматикализованно или менее грамматикализованно (см. [Маслов 2004: 305–364]).

Количественная аспектуальность охватывает 'кратность', 'длительность' и 'интенсивность'.

В рамках кратности различаются значения 'однократности' (у семейфактивов⁴ типа *ахнуть, стукнуть*) vs. 'многократности' (у мультипликативов типа *хаживать, есть*), внутри которых различаются более тонкие значения в зависимости от 'ограниченности' (*полежал, поспал, процарствовал столько-то лет*) vs. 'неограниченности', а также 'регулярности' vs. 'нерегулярности' повторений ([Храковский 1999: 122–131; 1979; 1997]). Противопоставление по кратности снимается у «вечных» («бесконечно-кратных») положений вещей (*Земля вращается вокруг Солнца*).

В рамках длительности различается 'неограниченная', 'ограниченная', 'кратковременная' и 'нулевая' ('мгновенная') длительность. Мгновенная длительность характеризует моментальный скачок из одного состояния в другое.

Интенсивность бывает 'нормальной', 'ослабленной' и 'усиленной'.

В славянских и некоторых других языках количественная аспектуальность выражается и противопоставлением способов глагольного действия, и видовой оппозицией, и обстоятельствами.

Разные значения количественной аспектуальности комбинируются друг с другом и с другими аспектуальными значениями (см. [Маслов 2004: 403–408]). Так, в прерывисто-смягчительном способе действия ослабленная интенсивность сочетается с многократностью: *попискивает, подергивает*; в аугментативном способе действия повышенная интенсивность комбинируется с начинательностью (*раскудахтаться, рассвирепеть, разговориться*)

⁴ Названия способов действия взяты из: [Маслов 2004: 392–393].

и фактически во многих контекстах используется для обозначения «достижения пика» или «полноты реализации».

Количественная характеристика положений вещей в ряде случаев комбинируется (выражается одновременно) с качественным различием противопоставления конкретного факта и обобщенного факта, представленного в принципиальной плоскости. Так, в турецком представлена аспектуальная оппозиция *Prägnanz*-*orposition* (конкретности vs. неконкретности процесса) — ср. *yazıyorum* 'я как раз пишу' vs. *yazarım* 'пишу вообще; умею писать'; близкое значение выражается в английском, испанском и др. европейских языках противопоставлением форм прогрессива формам общего вида.

Квантификация положений вещей определенным образом взаимодействует с квантификацией предметов (см. [Гак 2004: 151]).

Так, в примере *У Петрова было три жены* подразумевается значение «последовательности» («сменяемости во времени», «неоднократности») (постольку, поскольку речь идет о моногамном обществе), тогда как пример *У Петрова жили три собаки* допускает двоякое осмысление: «одновременное сосуществование» или «разновременные процессы».

При «итеративной» сегментации исходное значение включает процесс (*смех, утомительный переход*), а производное — событие (*смешок, внезапный переход границы*). В этом случае квантификация выражает «кратность»: единственное число — однократность (*шаг, смешок, внезапный переход*), множественное число — «многократность» (*шаги, смешки, частые переходы через границу...*).

При диверсификации исходное значение включает положение вещей в одной точке пространства в одно время (*боль в ноге*), а производное — проявления этого положения вещей в разных точках пространства или в разные моменты времени (*боли в разных частях тела*).

1.3. Квантификация признаков осуществляется с помощью степеней сравнения и интенсивности (см. [Гак 2004: 222–225]).

Среди степеней сравнения выделяются положительная (например, *светлый*), сравнительная (компаративная) и превосходная (суперлативная) степень. В рамках сравнительной степени может быть выражено равенство (*такой же светлый, столь же светлый*), восходящая степень — преобладание (*более светлый*) и нисходящая степень — отставание (*менее светлый*)⁵. В рамках превосходной степени выражается восходящая степень — пре-

⁵ О смысловой структуре степеней сравнения см. [Арутюнова 1988: 231–251].

дельное преобладание (*наиболее светлый*) и нисходящая степень — предельное отставание (*наименее светлый*).

Среди степеней интенсивности выделяется высокая (*очень/весьма/необычайно/исключительно светлый*), достаточная (*довольно/достаточно светлый*) и низкая (*недостаточно светлый, мало освещенный, слабо освещенный*). На степень интенсивности может накладываться субъективная оценка — низкая (*плохо освещенный*) или высокая (*восхитительно светлый*). Без указания члена сравнения форма суперлатива выражает интенсивность: так, *умнейший* может пониматься не в значении 'самый умный', а в значении 'очень умный'. При указании эталонных членов сравнения также возникает значение интенсивности: *черный как уголь, красный как рак, белый как снег...*

Интенсивность (так наз. значение 'Magn') выражается особыми средствами — интенсификаторами. Интенсифицирующими средствами служат префиксы (высокая — префиксами *архи-, ультра-, экстра-, пре-, гипер-, супер-*; низкая — префиксами *недо-, мало-*), суффиксы (низкая интенсивность: *-оватый*), специальные интенсифицирующие прилагательные (*проливной <дождь>, закадычный <друг>, круглый <дурак>, полный <провал>*) и адъективные обороты (*не-разлей-вода, пальчики оближешь*); интенсифицирующие наречия (*мертвецки, вдрызг*) и наречные обороты (*без задних ног, изо всех сил; благим матом, в пух и прах*). Наконец, интенсификация может выражаться супплетивно (*ливень, гигантский, исполинский*).

II. Средства выражения квантификации подразделяются на лексические и грамматические. Среди лексических средств выделяются обозначения точного счета (знаменательные числительные) и неточного счета (местоименные числительные, а также слова других групп). Лексические средства нередко конкурируют с грамматическими. Так, приблизительность может быть выражена как лексическими аппроксиматорами (*приблизительно, примерно, около, свыше*), так и аппроксимативно-количественной конструкцией с нестандартным порядком слов (*дней десять*); кратность выражается и лексически (*один раз vs. неоднократно, многократно*), и грамматически (*шел vs. ходил*).

II.1. Семантически автономные числительные.

II.1.1. Семантически автономные количественные числительные. Семантически автономные (т.е. неместоименные) числительные не только выражают значение точного счета, но и участвуют в выражении более сложных значений. Числительное может употребляться в собственной функции (как предметной, так и признаковой), а также в несобственной функции.

В предметной функции числительное обозначает абстрактное математическое (арифметическое) понятие числа и употребляется в математических утверждениях (в том числе в текстах по арифметике: *дважды два четыре; если к двум прибавить три, получится пять; от четырех отнять три будет один* и т. п.); с точки зрения синтаксиса такие позиции являются актантными, а с точки зрения логико-семантической — термовыми (см. [Падучева 1974]).

В признаковой функции числительное обозначает не какой-то особый предмет, а количественный признак предмета. С точки зрения синтаксической позиция признакового употребления числительных является валентной (предикатной) (т. е. числительное выступает как валентное слово = синтаксический предикат в широком смысле = синтаксический атрибут в широком смысле), а с точки зрения семантической — как носитель семантической валентности (семантический предикат в широком смысле или семантический атрибут в широком смысле).

С точки зрения высказывательной признаковое употребление числительного подразделяется на предикативное (нексусное) и атрибутивное в узком смысле (юнктивное).

При предикативном употреблении некоторому количественно неопределенному множеству приписывается непосредственно в данном высказывании количественная характеристика, подаваемая как предикативный признак: ср. *стульев было пять*.

При юнктивном (собственно атрибутивном) употреблении числительное выражает количественную характеристику некоторого предмета лишь попутно, мимоходом, подавая ее как атрибутивный признак: *пять стульев были отремонтированы*.

Поверхностно-синтаксической разновидностью юнктивного употребления числительных является эллиптическое, используемое для обозначения моментов времени (*работа начинается в десять и кончается в шесть; перерыв с двух до трех* и т. п.; эллиптируется обозначение 'часов'), денежных сумм (*батон за семь пятьдесят*; эллиптировано обозначение денежной единицы — 'рубль', 'копейка').

При употреблении в несобственной функции количественное числительное выражает значение порядкового номера (в русском языке такое употребление возможно лишь в условиях эллипсиса существительного со значением 'помещения', 'аудитории': ср. лекция будет проходить в *десять шестьдесят*, т. е. 'в аудитории 1060'; однако во многих европейских языках такие модели несобственного употребления гораздо шире по охвату лексики — они употребляются и для обозначения номеров домов, этажей, квартир, комнат, мар-

спрутов городского транспорта: франц. *Prenez le quatre-vingt-quatre* 'Поезжайте на восемьдесят четвертом' и т. п.) (см. [Гак 2004: 232]).

В ряде языков возможен эллипсис обозначения дня при обозначении даты с помощью количественного числительного (*the conference took place in 1984 = in nineteen eighty-four*); но в русском языке такое может происходить лишь с порядковыми числительными (*конференция состоялась в восемьдесят четвертом; приеду двадцатого*).

II.1.2. Дериваты количественных числительных косвенным образом связаны с выражением тех или иных величин.

Так, обозначения порядковых номеров выражают, в первую очередь, расстояние между сугубо мысленной точкой отсчета⁶ и местом предмета в упорядоченном множестве — т. е. в определенной последовательности, начинающейся с «единицы» («первого номера»).

⁶ Математическим аналогом точки отсчета фактически является понятие «нуля», а математическим аналогом упорядоченного множества — понятие «натурального ряда». Это утверждение будет верным как при включении нуля в натуральный ряд (в соответствии с аксиоматикой Пеано; см. об этом [Успенский 2002: 66, 69, 71]), так и при исключении нуля из натурального ряда. В любом случае точкой отсчета при употреблении порядковых числительных является именно «нуль».

В самом деле, возьмем употребление порядковых числительных для обозначения возраста. «N-й год» жизни человека есть отрезок, начинающийся с того момента, в который ему исполнилось «N-1» лет, и завершающийся тем моментом, когда ему исполнилось «N» лет. Если $N-1 = 0$, то «1-й» год завершается тем моментом, в который младенцу исполнился 1 год. Вопрос о том, сколько лет ребенку, подразумевает целое количество лет, и поэтому на него вполне возможен ответ «несколько» или «ноль»/«нуль» (что означает «ему еще года нет»); однако понятие «нулевой год жизни ребенка» не имеет смысла, так как сразу после рождения ребенок вступает в свой первый год жизни. Поэтому выражение «ребенку первый год» означает то же, что «ребенку еще не исполнился 1 год» или, иными словами, что «ребенку 0 лет».

Именно таким образом устроено летоисчисление. Например, в нашей культуре принято летоисчисление от Рождества Христова; иначе говоря, в христианском календаре Рождество Христово (понимаемое как уникальное историческое событие, а не как повторяющийся праздник) принято за точку отсчета (т. е. соответствует нулю в математическом смысле). В таком случае «N-й год нашей эры» — это по определению есть «N-й год жизни Иисуса Христа». Выражение «Сейчас имеет место (идет) N-й год нашей эры» означает то же, что «Сейчас имеет место (идет) N-й год жизни Иисуса Христа», а это, в свою очередь, означает «Иисусу Христу пока что не исполнилось N лет».

Об этом тривиальном факте уместно было вспомнить в связи с поразительным эпизодом массового безумия, когда в декабре 1999 года «взрослые дяди и тети» (с серьезным видом, без тени розыгрыша) начали через СМИ обсуждать высказывания других (высокопоставленных) «взрослых дядь и тетей» о том, что «через несколько дней (недель) наступит новое тысячелетие».

При десемантизации они могут приобретать переносный смысл, связанный с процессом счета лишь этимологически (такая многозначность служит основой каламбуров про «восемьсот тридцать пятый автобус»).

Другие дериваты выражают количество составных частей в некотором комплексе (*пара, тройка, четверка...; парный/двойной, тройной...*).

II.2. К грамматическим средствам квантификации относятся средства выражения квантификационных грамматических категорий.

К таким категориям относятся:

А. Сегментно выражаемые морфологические категории:

1) число (как самостоятельное число существительных и местоимений, так и контролируемые контекстом его согласовательные корреляты в подсистемах других частей речи)⁷;

2) падеж (в той мере, в которой он отражает количественную детерминацию имени: *он выпил коньяк* со значением «весь» vs. *он выпил коньяку* со значением «некоторое количество»)⁸;

3) степени сравнения и степени интенсивности прилагательных (см. выше);

4) вид глагола, в особенности видовые категории количественной аспектуальности — однократность/многократность, мгновенность/длительность, краткость/долгота процесса.

Б. Супraseгментно выражаемые категории. Например:

1) «точность vs. приблизительность», выражаемая порядком слов (*часов шесть, часов эдак шесть*) (см. выше);

2) «тематичность vs. рематичность», выражаемая интонацией (при косвенном участии порядка слов), тесно связана с идеей включения одного множества в другое и с идеей отождествления двух множеств по объему. Так, члены интонационно-позиционной минимальной пары высказываний *В Австрии говорят по-немецки* и *По-немецки говорят в Австрии* отличаются кванторными значениями⁹. Первое высказывание является правильным (истинным) и достаточно полным ответом на экзаменационный вопрос о языковой ситуации в Австрии, так как в тематической позиции стоит выражение со значением квантора большинства («большинство тех, кто жи-

⁷ Об условиях выбора числовых граммем см. [Красильникова 1989: 234].

⁸ Техника описания этого падежного феномена с помощью нулевой кванторной лексемы предлагалась в [Крылов 1983].

⁹ Об эффекте «исчерпывающего перечисления» или «единственности» см. [Падучева 1985: 118].

вет в Австрии»), а суждение включает данное множество лиц в более широкое множество «говорящих по-немецки». Второе высказывание не вполне истинно, так как в тематической позиции стоит другое выражение со значением квантора большинства («большинство тех, кто говорит по-немецки»), и является коммуникативно неудовлетворительным ответом на экзаменационный вопрос о лингвогеографической локализации (ареале) немецкого языка, поскольку неправомерно утверждает, что обозначаемое множество лиц («большинство») включается в более широкий класс «жители Австрии». Удовлетворительным ответом на второй вопрос был бы или относительно полный ответ с перечислением не менее трех «некарликовых» стран (*По-немецки говорят в Германии, Австрии и Швейцарии*), либо неполный, но уместный ответ *По-немецки говорят, например (в частности), в Австрии*.

В. Разнообразные количественные значения, выражаемые служебными словами. К таким словам относятся:

а) детерминация имени, выражаемая детерминативами (в том числе артиклями в артиклевых языках, а также нулевыми детерминативами в разных языках, включая русский¹⁰): *этот, тот...*;

б) значения логических отношений и операций, выражаемые употреблением предлогов включения (*включая, в том числе, а именно, как-то: ..., в..., из...*), исключения (*кроме, помимо*), добавления (*к..., на...*), вычитания (*от..., из...*), умножения (*на...*), деления, распределения (*на..., по...*), количественного предела (*до, сверх, с... по..., вплоть до..., по...*) и количественного сравнения;

в) частицы со значениями ограничения (*только..., лишь...*), малости (*всего...*), точности (*ровно...*), приближенного равенства (*около...*), приближенного равенства на грани неравенства со стороны проигрыша (*почти...*), приближенного равенства на грани неравенства со стороны превосходства (*...с заком*).

Г. Категории, выражаемые логико-семантическими разрядами местоименных слов и выражений.

В выражении квантификации особую роль играют **кванторные слова**. К кванторным словам относятся кванторные местоимения, кванторные прилагательные, кванторные числительные и кванторные наречия (см. [Падучева 1974]). Используя понятие местоименных слов (или «местоимений» в широком смысле этого слова), можно выделить внутри этого подкласса «кванторные» и

¹⁰ Условия употребления нулевых детерминативов в русском языке (в сопоставлении с ненулевыми детерминативами русского же языка) описаны в работах [Крылов 1983; 1984].

«дейктические» слова. Однако, вопреки буквальному смыслу самих этих терминов, нельзя утверждать, что дейктическим местоименным словам чужда идея квантификации: сама идея количественного отождествления двух множеств — актуального множества («референта») и исходного множества («экстенционала») — лежит не только в основе значения «генерализации», но и в основе значения «определенности» (см. [Крылов 1985; Шмелев 2002: 77–80]). А «определенность» выражается разными средствами, среди которых немалое место занимают определенные артикли и дейктические местоимения. В частности, все дейктические местоимения так или иначе выражают «определенность». Таким образом, выражение кванторных значений (в данном случае — значения «исчерпывающей количественной детерминации») свойственно и всей системе местоименных слов.

Как известно, местоименные слова образуют довольно стройную словообразовательно-семантическую систему (см. [Селиверстова 2004]). Эта система базируется на основе пересечения двух различительных признаков (имеющих общекатегориальную природу) — тематических классов и логико-семантических разрядов (см. [Крылов 1989; Крылов, Падучева 1990а; 1990б]).

Тематические классы параллельны частям речи («субстантивный», «адъективный», «нумеративный» и «адвербиальный» классы, а также, учитывая наличие «местоглаголий», и «глагольный» класс) и их крупным семантико-синтаксическим подклассам — «одушевленный» vs. «неодушевленный» внутри субстантивного; «характеризующий», «идентификативный», «притяжательный» и «порядковый» внутри адъективного; «предметно-количественный» и «кратный» внутри нумеративного, «темпоральный» (в том числе «срочный», «стартовый», «финишный» и «общетемпоральный»), «локальный» (в том числе «эссивный», «лативный», «элативный» и «транслативный»), «манерный» (/ /квалитативно-адвербиальный), «причинный», «целевой», «условный», «уступительный».

В связи с различением тематических классов местоимений выделяются такие разновидности квантификации, как «предметно-неодушевленная (вещная)» (*всё, что-нибудь, что-то, многое, немногое...*), «предметно-одушевленная» (*все, кто-нибудь, кто-то, многие, немногие...*), «признаковая» (*всякий, какой-нибудь, какой-то, много какие, немного какие...*), «темпоральная» (*всегда, когда-нибудь, когда-то, иногда, обычно, во многих случаях...*), «локальная» (*везде, где-нибудь, где-то, в некоторых местах, в большинстве мест, немного где...*), «манерная» (*по-всякому, как-нибудь, как-то...*) и т. п.

Особое место среди этих типов квантификации занимает «собственно-количественная» (*все, сколько-нибудь, сколько-то, несколько, много, мало...*) (см. [Шмелев 2002: 72–97]).

«Собственно-количественная» квантификация вещественных сегментандов часто выражается особыми разрядами служебных слов, особыми граммемами или особыми употреблениями граммем. Так, во французском это партитивный артикль (*du, de la* 'некоторое количество'), употребляемый с вещественными именами (*du pain* 'некоторое количество хлеба'), в английском — неопределенное местоимение *some* 'некоторое количество' (*some money* 'некоторое количество денег'). В финно-угорских языках для выражения подобных значений широко употребляется особый падеж — партитив; в русском партитив представлен как особое значение родительного падежа (*принеси огурцов, водки, меда*) или как особая граммама партитивности (*принеси меду, сыру, коньяку*); оба значения противопоставлены значению целостного охвата субстанции, выраженному винительным падежом (*принеси огурцы, водку, мед, сыр, коньяк*).

Среди «порядковых» квантификаторов особый интерес представляют сформировавшиеся в некоторых языках дериваты от основы вопросительного числительного со значением 'сколько?': так, в литовском языке от такой основы образуются вопросительные порядковые числительные, причем не только такие, как *kelintas* 'который по счету', но и такие, как *kelioliktas* 'сколько-надцатый?' = 'который по счету между одиннадцатым и девятнадцатым?'.

Логико-семантические разряды кванторных местоимений охватывают:

(а) эмоциональную оценку («восклицательность») — восклицательные местоимения (*экий, эвона как, какой!, где!, кто!, что!, сколь! ..., сколько!*) с экспрессивными разновидностями: теогностической (*Бог знает кто!, Бог знает что!, Бог знает где..., Бог знает сколько!...*), демоногностической (*черт-те-кто!, черт-те-что!, черт-те-где..., черт-те-сколько!...*) и т. п.

(б) вопросительность — вопросительные местоимения (*кто?, что?, какой?, как?, где?, когда?, зачем?, почему?, при каких условиях?, сколько?*);

(в) неопределенность (естественно-языковая основа квантора существования¹¹) — неопределенные местоимения (*некто, нечто, некоторый, какой-то, где-то, когда-то, зачем-то, почему-то,*

¹¹ О связи неопределенности с идеей существования см. [Шатуновский 1996: 152–159].

при каких-то условиях, сколько-то...); в рамках неопределенности выделяются такие значения, как «неутвердительная (предположительная, гипотетическая) неопределенность» (кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь, зачем-нибудь, почему-нибудь, при каких-нибудь условиях, сколько-нибудь...), «интродуктивная неопределенность» (один, однажды), «секретная (тайная, потаенная) неопределенность» (кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-где, кое-когда, при кое-каких условиях...) (см. [Селиверстова 2004: 437–548; Кузьмина 1989; Шмелев 2002: 98–132]).

(г) «универсальность» («обобщенность», «генерализация») с ее подтипами: (г1) серия «все» (*все, всё, везде, всегда...*); (г2) серия «любой» (*в любое время, в любом месте...*); (г3) серия «каждый»; (г4) серия «какой угодно» и т. п.

II.3. Сегментация бывает непосредственная и опосредованная (см. [Гак, Кузнецов 1985]). При опосредованной сегментации (как в современном китайском языке) для сегментации используется специальный сегментатор — так называемый «классификатор»: *пять человек солдат, пять мест багажа, шестьдесят голов скота*, англ. *a piece of information, a piece of advice* и т. п. При опосредованной сегментации парных предметов используется классификатор со значением парного комплекта: рус. *пара очков, пара брюк*.

При непосредственной сегментации используется либо аналитический, либо синтетический сегментатор. Аналитические сегментаторы (характерные для языков аналитического строя) — это слова со значением единственного числа — сингуляризаторы (*одни сани, один шимпанзе, одни сутки*) или множественного числа — плюрализаторы (*несколько саней, много шимпанзе, мало ножниц, совсем немного граблей, пять суток*). Синтетические сегментаторы — это числовые аффиксы. Синтетические и аналитические сегментаторы нередко комбинируются (*один стол, много столов*), но в некоторых условиях вступают в отношение конкуренции и вытеснения. Так, в алтайских языках при наличии кванторных слов или числительных обязательно употребление форм без плюрализирующего аффикса (так, в монгольском возможно либо *олон ном* ‘много книг’ с аналитическим показателем, либо *номууд* ‘книги’ с плюрализирующим аффиксом, однако использование обоих средств одновременно запрещено).

II.4. В русском синтаксисе количественная предикация выражается особой квантификативной конструкцией. Можно говорить о логических суждениях квантификации, где логический субъект обозначает количественно неопределенное множество, а

логический предикат состоит в приписывании этому множеству той или иной количественной характеристики (точной или неточной) (см. [Арутюнова 1976: 224, 226–228]).

Семантический субъект, подлежащий количественному уточнению, выражается:

(а) если квантифицируемая субстанция континуальна или количественный предикат не равен «1» — обыкновенным генитивом или партитивом (партитивным генитивом) (у существительных вроде *меду, сахару, чаю*);

(а1) если квантифицируемая субстанция дискретна — то множественным числом: *Стульев было пять. Вилок не хватает, а ложек достаточно. Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было... Помощников мало, советчиков много, а критиков вообще хоть отбавляй*;

(а2) Если квантифицируемая субстанция континуальна — то единственным числом: *Вина — много: целых пять бутылок. Бензина — немного: всего десять литров. Сахара (/сахару) достаточно, а хлеба (меду/меда, сыра/сыру) не хватает*;

(б) (реже) номинативом (если квантифицируется дискретный предмет, а количественный предикат равен «1»): *Стол в комнате был всего один*.

Модель управления квантификатора (количественного предиката), являющегося грамматическим предикатом, вообще говоря, не обязана совпадать с моделью управления того же квантификатора, употребляемого в позиции количественного детерминатива в составе термина. В частности, это отражается на постановке существительного в определенную падежную и числовую форму. Ср. различие в выборе падежных и числовых форм существительного, проявившееся в противопоставлении таких конструкций, как:

в роли грамматического субъекта при количественном предикате:	в роли количественного детерминатива в составе термина:
<i>бочек там было две</i>	<i>там было две бочки</i>
<i>студентов там было двадцать один</i>	<i>там был двадцать один студент</i>
<i>карандашей там было три</i>	<i>там было три карандаша</i>

Вообще говоря, можно выделить несколько коммуникативных режимов, в которых может воплощаться квантификация¹². В соответствующих им типах высказываний логический акцент вы-

¹² Ср.: «Для естественно-языковой квантификации существенной оказывается коммуникативная сторона» [Булыгина, Шмелев 1997: 194].

деляет разные компоненты смысла. Однако не все компоненты смысла способны акцентироваться в равной степени. С этой точки зрения возможны следующие коммуникативные режимы.

1. Рематизация квантификатора:

(а) точного нумератора: *Пришло пять человек. Пришло всего двое. Пришел лишь один участник;*

(б) неточного нумератора: *Пришли лишь несколько участников. Пришли не все;*

(в) интродуктивного оператора: *Пришли некоторые участники. Пришли лишь некоторые.*

2. Рематизация показателя приближенности: *Пришло свыше сотни человек (а не ровно сотня и не меньше!). Пришло около сотни человек (а не ровно сотня и не свыше!). Пришло ровно сто человек (а не больше и не меньше!). Пришло примерно сто человек (я не претендую на точность!).*

3. Рематизация сегментатора:

(а) искусственного: *Ширина доски — двадцать миллиметров, а не двадцать сантиметров! В этом мешке — пять пудов, а не пять килограмм!;*

(б) естественного: *Лимонов надо купить пять штук, а не пять фунтов.*

4. Предиктирование кванторной группы, состоящей из нумератора (точного либо неточного) и сегментатора (естественного или искусственного):

(а) с точным нумератором:

(а1) с естественным сегментатором: *Студентов пришло всего пять человек. Чемоданов было всего пять штук;*

(а2) с искусственным сегментатором: *Высота горы составляет пять тысяч километров. Пива они выпили три бутылки. Шкаф имеет высоту в полтора метра. Ваза весит два килограмма;*

(б) с неточным нумератором: *Росту он невысокого (небольшого, малого).*

Перечисленные типы акцентирования могут варьироваться в зависимости от типа валентности, заполняемой счетным выражением. Так, кванторная группа может заполнять валентность «начальной точки» (*скакнуть с семнадцати тысяч*), «конечной точки» (*скакнуть до сорока тысяч*), «разности» (*увеличиться на шестьдесят тысяч*) и «кратности» (*возрасти в шесть раз*).

III. Каждое из вышеупомянутых проявлений категории количества представляет собой, в свою очередь, нетривиально организо-

ванную микросистему и поэтому заслуживало бы отдельного рассмотрения (что не входило в наши цели). Однако поставив задачу инвентаризации «количественных значений» (в ономаσιологическом аспекте) и «средств выражения количественных значений» (в семасиологическом аспекте), мы сразу же обнаружим, что между этими микросистемами существуют многообразные и нетривиальные взаимосвязи. Без взгляда на поле квантификации с высоты «птичьего полета» эти связи вряд ли удастся заметить и должным образом учесть в рамках интегрального описания языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко 1990 — Категория количества в современных европейских языках / Отв. ред. В. В. Акуленко. Киев, 1990.
- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бодуэн 1963 — Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языке и мышлении // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по языкознанию. М., 1963. Т. 2.
- Бондарко 1996 — Бондарко А. В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Гак 2004 — Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2004.
- Гак, Кузнецов 1985 — Гак В. Г., Кузнецов С. Н. О типологии квантитативной сегментации предметов // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Григорьев 1983 — Проблемы структурной лингвистики. 1981 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1983.
- Есперсен 1958 — Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Жаботинская 1992 — Жаботинская С. А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). М., 1992.
- Исаченко 1961 — Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1.
- Копыленко 1993 — Средства выражения количества в русском языке / Отв. ред. М. М. Копыленко. Алма-Ата, 1993.
- Красильникова 1989 — Красильникова Е. В. Семантика и функции форм числа имен существительных в разных типах речи // Грамматиче-

- ские исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.
- Крылов 1983 — *Крылов С. А.* Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Разработка и применение лингвистических процессоров / Отв. ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск, 1983.
- Крылов 1984 — *Крылов С. А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. М., 1984. Вып. 24.
- Крылов 1985 — *Крылов С. А.* Семантические механизмы квантификации в естественном языке // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Кутаиси 1985». Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.
- Крылов 1989 — *Крылов С. А.* О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения. Семантика и грамматика / Отв. ред. А. Б. Пенковский. Владимир, 1989.
- Крылов, Падучева 1990а — *Крылов С. А., Падучева Е. В.* Местоимения // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Крылов, Падучева 1990б — *Крылов С. А., Падучева Е. В.* Местоименные слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Кузьмина 1989 — *Кузьмина С. М.* Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.
- Ляшевская 2004 — *Ляшевская О. Н.* Семантика русского числа. М., 2004.
- Маслов 2004 — *Маслов Ю. С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Панфилов 1977 — *Панфилов В. З.* Философские проблемы языкознания. М., 1977.
- Поливанова 1983 — *Поливанова А. К.* Правила выбора числовых форм русских существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1981 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1983.
- Реформатский 1960/1987 — *Реформатский А. А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию со дня рождения И. И. Мещанинова. М., 1960. То же см.: *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Селиверстова 2004 — *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике. М., 2004.

- Успенский 2002 — *Успенский В. А.* Труды по НЕматематике с приложением семиотических посланий А. Н. Колмогорова к автору и его друзьям. М., 2002. Т. 1–2.
- Холодович 1979 — *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. М., 1979.
- Храковский 1989 — *Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1989.
- Храковский 1999 — *Храковский В. С.* Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999.
- Чеснокова 1992 — *Чеснокова Л. Д.* Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог, 1992.
- Швачко 1981 — *Швачко С. А.* Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском. Киев, 1981.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

В. И. ПОСТОВАЛОВА

ИМЯ И ЧИСЛО В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА А. Ф. ЛОСЕВА

Радость моя, — Имя, Число, Миф — стихия нашей с тобой жизни, где уже тонут отдельные мысли и внутренние стремления и водворяется светлое и безмысленное безмолвие вселенской ласки и любви.

А. Ф. Лосев. Из письма В. М. Лосевой (22.01.1932)

1. Лингвистическая реальность и принципы ее нумерологического представления в науке о языке и концепции цельного знания

Все есть число.

Пифагор

Тема числа и его роли в миропостижении — традиционный предмет человеческого познания.

Условия адекватного осмысления данной темы в науке о языке были намечены в свое время А. А. Реформатским в статье «Число и грамматика» (1987 г.). В этой работе Реформатский, отмечая, что эволюция числа в мышлении представляет собой тему, одинаково привлекательную как для математика и философа, так и для лингвиста (ведь умение мыслить с помощью числа составляет одно из древнейших достижений человечества), усматривает сложность осмысления данной темы в многомерности аспектов ее рассмотрения. Хотя число и «может мыслиться совершенно абстрактно», но в обществе оно «функционирует» конкретно как *слово* или как *знак*, в частности как *цифра* [Реформатский 1987: 76]. Поэтому, полагает А. А. Реформатский, лингвисту необходимо «не обольщаться» тем, что ценно математику и философу в данной теме, а понять число как «факт языковой онтологии», не забывая при этом, однако, что число в его чистом виде не является предметностью, а есть — отношение [Там же]. Адекватное осмысление числа в лингвистике, по Реформатскому, как видим, предполагает принятие реляционной концепции числа и его исследование с позиции языковой онтологии.

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте». Проект «Язык, мирозерцание и духовная жизнь человека в русской религиозной мысли».

Приступая к интерпретации категории числа в его связи с категорией имени в философии языка А. Ф. Лосева, необходимо учитывать, что понимание им как категории числа, так и языковой онтологии имеет свою специфику по сравнению с соответствующим истолкованием их в науке о языке у А. А. Реформатского.

Для Лосева, представителя школы всеединства с ее идеей цельного (целокупного) познания, направленного на синтез философии, богословия и науки, характерна более широкая — «символическая» — концепция числа, связанная с углубленным пониманием его не только как абстракции и отношения, как это принято в современной лингвистике и математике, но и как факта духовной культуры.

Что же касается истолкования Лосевым природы лингвистической реальности и ее границ, то в его философии языка в разные жизненные периоды различаются два типа лингвистической реальности: *универсальная* (все есть имя и слово как смысл и его модификация), выступающая предметом целостного познания, и *редуцированная* (реальность человеческого языка), служащая предметом лингвистики как науки.

Первый тип лингвистической реальности задается и описывается Лосевым в трактате «Философия имени» (1927 г.), где выдвигается концепция оноματοлогической интерпретации действительности (*мир как имя*) и предлагается диалектико-феноменологическая конструкция имени, включающая число как один из 67 моментов имени и слова. Границы лингвистической реальности, по сравнению с видением ее в лингвистике, раздвигаются здесь предельно широко, и лингвистическая реальность сливается фактически с реальностью как таковой.

Изучением второго типа лингвистической реальности — реальности человеческого языка — А. Ф. Лосев занимался во втором периоде своего творческого пути. Особую тему этого периода составляет вопрос о возможности и целесообразности применения математических методов в языкознании, рассматривая который Лосев полагал, что сводить язык на «теоретико-множественные, математические, логические и вообще математически-функциональные значения — это значит уничтожить язык как специфический предмет лингвистики» [Лосев 1968: 33].

Центральную часть философии языка А. Ф. Лосева составляет имяславие (ономатодоксия), или учение об Имени Божием и молитве, расширительно понимаемое им как общее учение об имени. Это учение, наряду с софиологией, лежит в основе его учения об абсолютной диалектике и абсолютной мифологии, в рамках

которой Лосев и строит свою универсальную модель бытия и знания на основе православно понимаемого неоплатонизма.

Имяславие, в видении Лосева, содержит три основных уровня: 1) опытно-мистический и мифологический (*мистика и мифология имени*), 2) философско-диалектический (*диалектика имени*) и 3) научно-аналитический (*математика имени*), тесно связанные между собой диалектическими законами соотношения формы и содержания¹. Так, математика, замечает Лосев, «...очень часто оказывается потухшей философией или даже мистикой; и нужно только уметь перевести эти содержательные и внутренне-наполненные учения на формальный и внутренне-равнодушный язык логики» [Лосев 19976: 425].

Для понимания этой диалектики соотношения формы и содержания представляет интерес и обратная задача — увидеть реальность, стоящую за математическими конструкциями. Ведь, по Плотину, «жизнь мира и есть подлинное выявление умной бесконечности числа» [Лосев 19946: 788]. При этом может оказаться, что у некоторых математических конструкций, например у некоторых трансфинитных, или сверхконечных чисел, по Кантору, принципиально не окажется «земных» интерпретаций. Комментируя канторовские результаты, В.П.Троицкий в работе, посвященной рассмотрению «научно-аналитического слоя» имяславия у А. Ф. Лосева, пишет: «...за областью конечных чисел следует первая бесконечность... соответствующая всей совокупности натурального ряда чисел... Далее следует вторая бесконечность... соответствующая множеству действительных чисел... у последующих трансфинитов уже нет „земных“ интерпретаций» [Троицкий 1997: 547].

В рамках научно-аналитического уровня в оноματοдоксии Лосева выделяются три стороны в Имени с точки зрения формально-логического подхода, или логоса. Это, во-первых, формально-логическая конструкция диалектической природы Имени, или *антиномика* имяславия. Далее — формально-логическая конструкция статически-идеальной природы Имени, или *феноменология* имяславия. И, наконец, формально-логическая конструкция формально-логической природы Имени, или *математика* имяславия.

Сущностно-теоретической опорой философии языка А. Ф. Лосева стало учение Г. Кантора и его последователей о множествах

¹Здесь возникает параллель с соотношением литературы и мифологии. По словам О. М. Фрейденберг, древнее мировосприятие, утрачивая свои прямые смыслы, получает «функцию культуры» [Фрейденберг 1978: 168]. Ср. также мысли Фрейденберг о мифологичности формы первой литературы и, в частности, ее идею о том, что «и сюжет и жанр есть мирозерцание в генезисе» [Брагинская 1978: 573].

(«эйдетических числах»), которое применительно к имяславию дает, по Лосеву, ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании. К числу основных понятий учения о множествах, которые могут быть использованы на службе имяславия, Лосев относит *множество* и *сумму*, *элемент* и *часть*, *мощность*, *тип множества*, *алеф*, *бесконечное множество*, *актуальную бесконечность*, многие из которых были разработаны в диалектическом ключе самим А. Ф. Лосевым в исследованиях по философии математики.

Обращение Лосева, христианского неоплатоника, к учению о числе и математическим методам при разработке оноματοдоксии не было случайным. Ведь неоплатонизм исконно и был мистико-математической теорией². Центром же математической мистики в этой традиции выступает число, и «вся математика есть не что иное, как развитое и детализированное понятие числа» [Лосев 1997б: 429].

Ниже мы рассмотрим некоторые моменты характеристики числа, значимые для понимания его соотношения с именем в философии языка А. Ф. Лосева, предваряя это аналитическое описание краткой характеристикой традиций истолкования категории числа в европейской науке, в рамках которой Лосев развивал свое понимание числа и имени.

Всоответствии с основным методом построения системы А. Ф. Лосева как диалектико-мифологической модели реальности, где миф есть любая жизненная реальность, а диалектика — разумный способ его осмысления, будем различать в лосевском учении о числе две части: «диалектику» числа и «мифологию» числа.

При рассмотрении диалектики числа преимущественное внимание будет уделяться интерпретации Лосевым природы числа, его функций, структуры, ипостасийности, генезиса, энергийности, а также типологии числа и его соотношения с количеством и величиной. При характеристике мифологии числа будут рассмотрены некоторые вопросы, связанные с функционированием числа как феномена духовной культуры.

Отдельную тему, выходящую за рамки данной статьи, составляет вопрос о том, что может дать диалектический анализ числа в концепции цельного знания непосредственно для современной лингвистики³.

² О «математической мистике» Плотина см. [Лосев 1994б: 744].

³ В этом плане представляет несомненный интерес диалектическое обоснование А. Ф. Лосевым того, почему язык, по его словам, обозначает сумму призна-

2. Концепции числа в истории европейской культуры

Каждая философия росла до сих пор в связи с соответствующей математикой. В качестве понятия о Боге она содержит последний смысл мира-как-природы. Поэтому существование чисел можно назвать мистерией, и религиозному мышлению всех культур не остался чужд его отпечаток.

О. Шпенглер. «Закат Европы»

«Математика — человечна, создание человеческого искусства. Она социальна, исторична... имеет свой стиль, стиль своей эпохи», — писал А. Ф. Лосев в работе, посвященной вопросу о логических основах исчисления бесконечно малых [Лосев 1997б: 732–733]. Опираясь на данный принцип, Лосев осмысливал и становление категории числа в истории философии и математики.

Со времен античности в европейской культуре различаются две концепции числа — «семантическая» (Пифагор, Платон, Плотин, неоплатоники) и «десемантизованная» (Аристотель). В первой концепции принимается существование так называемых *идеальных* чисел, наряду с *арифметическими*, или, по Платону, *математическими*⁴. Во второй — существование только *арифметических* чисел. Идеальные числа понимаются в пифагорейско-платонической традиции как самостоятельные и объективные субстанции, которые признаются чем-то более первичным, нежели само бытие. Поэтому у неоплатоников они именуются «сверхсущными» единицами [Лосев 1980: 176].

Что касается понимания числа в культуре нашего времени, то, по словам В. П. Троицкого, современная позитивистская концепция числа созвучна теории абстракции из «Метафизики» Аристотеля. Сфера применения современной числовой системы, простираемая «от загибания пальцев на руке до выполнения миллионов операций в секунду на электронных вычислительных машинах, — замечает Троицкий, — совершенно по-аристотелевски бескачественна, основана на „голом“ арифметическом счете монотонно следующих единиц и потому может быть названа... (по Аристотелю. — В.П.) системой „абсолютно-счислимых чисел“» [Троицкий 1994: 898].

ков определенной структуры, или качество, при помощи «особых имен прилагательных», «носящих в традиционной грамматике название имен числительных порядковых» [Лосев 1997б: 457–458].

⁴ «Математическое» число Платона, по словам Лосева, есть «не что иное, как Платиново „количество“» [Лосев 1993а: 610].

Числовая же система, восходящая к пифагорейско-платоновским представлениям, имеет более специфическую область применения в наши дни. Она, как отмечает Троицкий, входит в арсенал современных исследований архаического мышления и мифологических представлений древности, изучающих «„числовые комплексы“, в ряду которых стоят „дружественные числа“ пифагорейцев, „знаменитое число“ 7, „несчастливое“ 13, „число зверя“ 666... „очисленность“ идеального, по Платону, государства — 5040 и пр.» [Там же: 899].

Пифагорейско-неоплатоническая традиция развивает реалистическую концепцию числа. Это означает, что если для Аристотеля число существует как абстракция из вещей («субстанционально» же для него чисел нет, а они «просто видятся в вещах»), то для Платона «всякое число есть, прежде всего, субстанция, или... ипостась, а не просто только одно наше субъективное представление» [Лосев 1994б: 624; 1992: 536].

Задаваясь вопросом, есть ли число — понятие или эйдос⁵, Плотин полагает, что изначально и по существу своему — число «есть именно эйдос, а уже потом, „подражая“ своему эйдосу, оно — логос, „понятие“ числа» [Лосев 1994б: 744].

В платонизме, основанном на принципе иерархизма, бытие предстает как ряд неизменных, нисходящих ступеней (Единое, Ум, Душа, Космос), эманлирующих из первой ступени путем ее постепенного ослабления. По Платону, число, понимаемое как отдельная ипостась, занимает в бытии положение между Единым и Умом, а арифметическое (математическое) — пребывает между Умом и чувственностью. В соответствии со своей природой идеальные и арифметические числа обладают разными свойствами. Если арифметические (математические) числа совершенно однородны, счислимы и складываемы, то идеальные числа, по словам Лосева, «индивидуально-значимы», «жизненно-необходимы» и «умно-фигурны». Так, Десятерица как идеальное число, и числа, входящие в ее состав, предстают при таком видении и как основные, «чистые» категории разума и бытия, и как «качественно-числовые символы», не имеющие

⁵ В самом общем истолковании эйдос, по Лосеву, означает *вид, вещь*, но не вещь как таковую, а *вещь в своей значимости*. В более конкретном понимании эйдос есть смысловой образ данной вещи, ее наивысшая обобщенная, конкретная сущность, структурно-умный рисунок вещи, смысловой и вместе с тем наглядный, смысловая фигура, данная как некая неделимая индивидуальность. Сама же диалектика определяется Лосевым как логическое конструирование бытия в его эйдосе [Лосев 1993б: 776].

никакого отношения к представляемым с их помощью предметам [Лосев 1994б: 586].

Резюмируя суть «семантического» подхода в отношении к числу, Лосев пишет: «Число у греков есть не просто счетность. Число у них есть некая специальная распределенность единиц. Оно фигурно. Точки и единицы расположены в нем так, что видно, как нужно переходить от одной к другой и как в результате этого перехода получается некая формальная фигурность и изваянность, не имеющая никакого качественного содержания, но — получившая новую качественность от формы распределения отдельных элементов. Такое число, понимаемое, очевидно, как модель, есть нечто, несомненно, вытекающее из самих основ платонизма. И вполне понятно, почему скульптурные, пластические интуиции толкали мысль Платона на подобное учение о числе» [Лосев 1993а: 647].

В плане отношения числа к бытию в европейской культуре различаются три основные концепции числа. Во-первых, *пифагорейская*, по которой «число есть вещь, и вещь есть число». Во-вторых, *академическая*, по которой «идей нет, а принципом бытия является математическое число». И в-третьих, *платоновская* («существуют идеи и идеальные числа», а математические числа пребывают посредине между идеальными и чувственными) [Лосев 1994б: 603].

Сам А. Ф. Лосев в своей философии математики продолжает пифагорейско-платоническую традицию истолкования числа, развиваемую в учении Гегеля о мере⁶ и учении Г. Кантора о множествах как «ипостасийных числах». И несомненной заслугой его на этом пути как философа числа и историка культуры является не только углубление представлений о числе в рамках данной традиции, но также обоснование в ее рамках единства представлений о числе в европейской культуре в целом. По наблюдению В. П. Троицкого, Лосеву удалось показать, как совмещаются «чувственное бытие» и «математические предметы» и как тесно сосуществуют «арифметические» и «идеальные числа» [Троицкий 1994: 899].

Представления числа как многомерной реальности в философской системе Лосева — от перво-принципа числа до бытия числа в его идеальном завершении — отражают моменты этого сосуществования и единства.

⁶ «„Мера“ Гегеля, — замечает Лосев, — есть наше умно-фигурное число» [Лосев 1995: 593]. Это «такое „количество“, которое внутри себя содержит определенную „качественность“, или порядок, фигурность» [Там же].

3. Диалектика числа в ономатологии А. Ф. Лосева

...математика — давнишняя любовь Лосева. Не будь он философом, он, конечно, был бы математиком. Однако только теперь... он сумел осуществить мечту своей молодости — философски понять математику. Это, несомненно, подвиг целой жизни... анализ... понятия числа... это один из шедевров в философской литературе, занимавшейся числом.

В. М. Лосева. Предисловие к книге А. Ф. Лосева «Диалектические основы математики» (29.1.1936)

3.1. ПРИРОДА ЧИСЛА

Первый вопрос, которым задается А. Ф. Лосев, приступая к диалектическому осмыслению категории числа, касается того, в чем состоит «полный спецификум числа», или, другими словами, «что такое есть число в своем последнем существе» [Лосев 1997б: 52, 41]. Приступая к анализу числа, Лосев исходит из представления о том, что число является «настолько основной и глубокой категорией бытия и сознания, что для его определения и характеристики можно брать только самые первоначальные, самые отвлеченные моменты того и другого» [Там же: 41].

При рассмотрении природы числа А. Ф. Лосев идет апофатически-катафатическим путем, начиная свое исследование с отграничения числа как самостоятельной категории от соседних логических структур — вещи, объекта, субъекта и др. и их категориального оформления.

Число, в видении Лосева, не есть прежде всего что-либо вещественно-качественное, объективное или же субъективное. Оно — «до» такого разделения. И прежде всего оно гораздо «глубже» самого разделения на субъект и объект. Ведь число применяется в таких областях бытия, в которых или еще нет такового разделения, или уже нет и где подобное разделение является либо бесполезным, либо несущественным. К таким областям бытия относится, по неоплатонической традиции, сфера Единого, в котором субъект и объект «содержатся в одной, абсолютно неразличимой точке» и где их антитеза «еще не развернута и даже не положена» [Там же: 44–45].

Число противостоит вещи, по Лосеву, как чисто смысловая конструкция. Рассматриваемое в своем существе, оно относится к смысловой сфере и есть *смысл*. Так, математическая операция логарифмирования дает смысловую картину органического развития (роста), но «не вещественный» коррелят его и не его «механическую» копию [Лосев 1999: 593].

Основное качество смысловой сферы, в интерпретации А. Ф. Лосева, — *значимость*. Смысл, пишет Лосев, «не *есть*, но *значит*... Смысл нигде не находится и не находится как определенное „когда“, и тем не менее он определяет собою все пространственно-временные свойства вещи... смысл (значимость) как-то существует, но существует не как вещь, а лишь как значимость вещи, которая сразу и везде, и нигде. Об этом смысле уже нельзя говорить, что он субъективен или объективен, но только то, что он есть значимость. Это особая форма бытия, возникшего на почве субъективно-объективного безразличия» [Лосев 1997б: 45].

Отнесение числа к смысловой сфере, однако, еще не раскрывает до конца подлинной специфичности числа. Ведь сфера чистого смысла слишком обширна, а сам смысл весьма многообразен. Смысловую природу имеют многие единицы, в том числе, имя и слово, понимаемые в лосевской философии языка также как смысл. Для дальнейшего уточнения природы числа А. Ф. Лосев прибегает к понятию «выразительности» и введению соответствующего различения двух типов форм в области смысла — *выразительных*, включающих широкий спектр смысловых форм от отвлеченного понятия до художественной формы, и *чистых, невыразительных*, или *отвлеченных*. В отличие от чистых форм, выразительные формы в смысловом плане многомерны вследствие разнообразных модификаций смысловой сферы в инобытии, в частности языковом сознании. Так, русское слово *печаль* несет в себе смысловые следы, связанные со значением «печь», а слово *тоска* — со значением «тиски», «тискать» [Там же: 47].

Задаваясь вопросом, является ли число *выразительной формой*, А. Ф. Лосев дает на него отрицательный ответ. Число, будучи в диалектическом смысле «раньше» всего, будет «раньше» и всякой выразительной формы. В своей глубинной основе оно относится не к выразительной, но к отвлеченной сфере чистого смысла. В числе как принципе самого первого различения еще нет никакой выразительности, хотя таковая и может возникнуть впоследствии⁷. В силу принципиальной невыразительности числа восприятие его предполагает участие только мышления, а не понимания. Да и сама математика в целом, в полную противополо-

⁷ Примером того, как число, будучи в основе своей *вне-выразительно* и *до-выразительно*, дорастает до *выразительных* форм, или особой *математической выразительности*, является для Лосева векторно-тензорное поле. Вместе с введением кватернионов, полагает Лосев, возникает «наивысшая фигурно-телесная и выразительная структура числа, ставшего как бы живым социальным телом, последней формой конкретизации, на которую способно число в себе» [Лосев 1997б: 441].

ложность с филологией, «нуждается только в мышлении, а не в понимании...» [Там же: 48].

Подлинную специфику числа, по Лосеву, составляет то, что оно относится к сфере актов чистого смыслового полагания и представляет собой чистый акт смыслового полагания, а не его содержание. И таковой акт первичен: «полагается» все — прежде чем значить, и все сначала «просто есть», а потом «оно уже есть смысл» [Там же: 114].

Используя сложный общелогический термин «акт чистого смыслового полагания», Лосев так поясняет смысловые компоненты образующих его терминов.

Чистый означает *недифференцированный, неразличимый*, данный как «абсолютное самотождество» не только сам в себе, но и как охватывающий собой «всю бесконечную сферу чисел в одной неделимой и ни от чего не отличающейся точке» [Там же: 143].

Акт полагания подчеркивает, что имеется в виду не полагаемое, но положенность, не содержание полагаемого, но «самый акт полагания, процесс полагания вне всякой предметной или вещественной качественности» [Там же].

Наконец, указание на *смысловое* полагание акцентирует внимание на моменте отличия числа от всякого реально существующего бытия, усматривая в нем только «мысленно и осмысленно зримую и понимаемую значимость» [Там же].

В этой смысловой сфере, замечает Лосев, и возникает одно из самых фундаментальных свойств всякого числа и всякого математического бытия. А именно: число есть, по выражению Гегеля, *равнодушная к себе самой определенность* [Там же: 51]. Это значит, что число есть такой смысл вещей, который не затрагивает их содержания и не входит в индивидуальное описание и фиксацию тех вещей, которые данный смысл «представляет». Число не содержит в себе никакой качественности — ни вещественной, ни чувственной, ни смысловой⁸ и состоит только из чистых актов полагания. Его как «равнодушного ко всякому содержанию и качеству» можно «заполнять» любыми вещами и качествами, отчего оно не перестанет быть ни числом вообще, ни данным числом [Лосев 1994б: 425].

Как бескачественная, вне-содержательная смысловая структура, число «абсолютно формально» и «пусто» [Лосев 1997б: 51, 101]. Оно «безлично», хотя и «лично» в особом смысле (см. об этом ниже).

Отделяя число от вещественной качественности, математика «превращает бытие в чисто формальное количество», когда уже

⁸ По учению Платона, в идеальных числах нет еще «ноэтической качественности», с появлением которой переходят уже к «самому Уму» [Лосев 1980: 290].

не важно, о количестве чего и каких вещей идет речь, что, однако, нисколько не мешает появлению у числа своей, уже чисто числовой, качественности [Лосев 1999: 590–591].

3.2. ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА И ГЕНЕЗИС ЧИСЛА

Функции числа. Число, по Лосеву, есть начало, вносящее координированную раздельность в смысл и в этом плане создающее и самый смысл. Основная функция его состоит в разъединении и соединении, и функция эта имеет фундаментальный характер. Ведь без различения и расчленения нет самого разума. Как исток и начало всякого различения и разделения, число тем самым есть начало и самой категориальности.

Числа являют собой формальную сторону бытия, поскольку всякая форма основывается на расчленениях и объединениях, каковые не могут существовать без категории числа. Ведь число как вечно творящая сила расчленения и сочленения только и дает впервые такое расчленение, полагая акты, необходимые для всякого расчленения и формы. Разъединяя и различая, объединяя и отождествляя, число производит и обуславливает, таким образом, «счетную сторону бытия» [Лосев 1999: 579].

Отмеченные важнейшие функциональные свойства числа происходят из его места в универсальной модели реальности как пребывающего между первоединым и умом.

«Сверху», со стороны первоединого, числу предшествует только *до-логическое, сверх-смысловое, сверх-бытийственное* как абсолютная неразличенность. «Глубже» числа, по выражению Лосева, пребывает только то, к чему уже «нельзя прикоснуться мыслью и что выше и глубже самой мысли, самого смысла» [Лосев 1997б: 105].

«Снизу», со стороны ума, за числом следуют уже качественно-понятийные образования. Первой такой качественной структурой, возникающей после первоединого и числа, является ум⁹. Поэтому число как посредствующее звено между первоединым и умом — не после качества, но предшествует всякому качеству, или, по крайней мере, сопровождает его, представляя собой своеобразный каркас для умственной, т. е. уже качественно-понятийной, структуры.

Структура числа и его «ипостасийный» лик. По пифагорейско-платонической традиции, число есть первая определенность бытия, еще

⁹ Диалектической противоположностью числу как «равнодушной к себе определенности» в неоплатонизме выступает эйдос как «внутренно наполненная и осмысленная, содержательная определенность» [Лосев 1997б: 107].

лишенная всякого качества, первая его законченная конструкция, первый его лик, первый символ. Будучи самым первым и самым основным оформлением, число и само есть «строжайшая» оформленность. Взятое в плане своего внутреннего строения, оно представляет собой *единораздельную цельность*, или синтез одного и многого в единой целостности. Такая совершенно самостоятельная, «до всяких вещей данная, цельная собранность множественного», или «раздельное единство смысла», и есть, в формулировке А. Ф. Лосева, число [Лосев 1995: 529].

По Плотину, числа обладают неизменно-вечной природой и предстают нашему внутреннему взору как некое идеальное тело и смысловое изваяние. Как такое идеальное тело число не есть что-нибудь *неопределенное* и «беспредельно-растекающееся», в частности какой-либо психический процесс. Оно неизменно и таковым пребывает в уме¹⁰. Но не в каком-либо субъективном уме, а в уме «вообще». Таковой ум, в котором наличествует число, не принадлежит никому, и «человеческие умы суть только отдельные, более или менее значительные его проявления» [Лосев 1994б: 766].

По пифагорейско-неоплатонической традиции, число ипостасийно. Специфику лосевского видения числа составляет тот момент, что эта ипостасийность числа в определенных сферах бытия, таких, например, как музыка, интерпретируется им как «личность». Развивая эту идею, А. Ф. Лосев так пишет в своей «Диалектике художественной формы»: «Искусство действительно живо или, точнее, есть жизнь личностей. Пусть даже мы имеем музыкальное произведение: это, правда, есть жизнь не всей той личности, как мы ее мыслим в предельном завершении, но это жизнь — чисел... однако и числа и их временная стихия даны в музыке именно как жизнь, как живые существа и организмы — точнее, как личности» [Лосев 1995: 188]. Эту же мысль Лосев повторяет и в «Диалектических основах математики». Число, утверждает он здесь, есть «личность... своя особенная личность, индивидуальность и как бы живое существо» [Лосев 1997б: 135–136]. Такая особенность интерпретации числа у А. Ф. Лосева как православного неоплатоника связана, видимо, с радикальной мировоззренческой особенностью православного вероучения — его персонализмом, составляющим важнейшую черту и абсолютной мифологии Лосева.

¹⁰ В видении Плотина, разделяемого и А. Ф. Лосевым, число не только не «физично» и не «психично», но даже, собственно говоря, и не «умно» [Лосев 1994б: 807]. Ведь ум есть «мир эйдосов». Эйдос же диалектически идет после числа и определяется как «индивидуализированное число» [Там же: 802].

Генезис числа: число как самосозидание. Число, по Лосеву, есть не только структурное целое, но *структурно-генеративное единое* с упором на систему докачественных полаганий. Чистый акт полагания, лежащий в основании определения числа, предстает при диалектическом видении как самодвижный, вневременной («идеальный») акт полагания, а само число — как самосозидающееся полагание, или *самосозидание*. Такая категориальная характеристика адекватно передает динамическую стихию бытия числа, которое «властно и неутомимо врывается в небытие», определяя его собой и представляя собой изнутри «как бы самозамкнуто вращающуюся энергию, напряженную и бурлящую в своих собственных пределах» [Лосев 1997б: 137].

Первый вопрос, возникающий при осмыслении числа как самосозидания, касается установления того, что является субъектом числового самосозидания. Стихия самосозидания числа, по Лосеву, не определяется ни каким-либо отдельным моментом его смыслового состава, ни тем целым, каковым является само число в своем основании. Ничто из этого не может считаться подлинным субъектом числового самосозидания. И даже сама раздельная, координированно-раздельная структура в числе не может мыслиться в качестве активно-смысловой, самополагающейся, поскольку всякая структура есть нечто уже «изведенное», «испешдшее», являя собой в смысловом отношении нечто пассивное. Число же есть сила, акт и напряжение.

Первоначальным и единственным *субъектом числа как самосозидания*, по Лосеву, является некий исходный, неразличимый числовой «первоисток», без которого, как и без своей раздельной структуры, всякое число распадалось бы на свои составные элементы. Но упоминаемая здесь раздельная структура не заключает в себе всего числа. Она выражает только «внешнее», «мертвое», «вульгарное» число, за которым стоит таинственный первоисток числового самосозидания — самосозидающийся субъект числа.

В глубине же этого «внешнего» числа, по выражению Лосева, «бьется и трепещет неразличимая тайна числового первоначатия», «теплое и нервное, беспокойное и вечно творящее лоно числа», «тайная и утробная всесильная мгла, рождающая бесконечные числовые оформления» [Там же]. И сама структура числа, и его количественное оформление были бы «мёртвы», если бы постоянно не оживлялись этим «неустанным потоком, льющимся из числовых первоглубин», — замечает А. Ф. Лосев и произносит целый поэтический гимн числу и творцам математики: «Только тот, кто обладает этим перво-принципом, у кого в душе и в уме бьется этот внутренне-числовой импульс и первоисток, — только

тот и есть подлинный математик, только тот и творит математическую науку, только тот и знает математические страсти ума, эти тайны математических зачатий, когда из глубин темных и бурлящих интуиций рождается светлый и солнечный мир математических оформлений. Только так и творили Лейбниц и Ньютон, Эйлер и Гаусс, только это и привело к божественной числовой симфонии Лагранжа, Лежандра, Коши, Римана, Вейерштрасса и Минковского. Число же как простую структуру и чистую схему знают только ремесленники и вычислители. А настоящие математики, как известно, весьма плохие вычислители» [Там же: 137–138].

3.3. ЭНЕРГИЙНОСТЬ ЧИСЛА

Число, по Лосеву, есть внутренне энергийно-наполненная стихия, и подлинное лоно рождения его есть энергийность самопорождающегося смысла.

Отмечая, что при счислении предметов не имеют существенного значения ни сами «счисляемые» предметы, ни «я», счисляющий их, т. е., другими словами, ни объект и ни субъект, Лосев задается вопросом, что является условием операции счисления, и относит к таковому наличие *перехода* в сфере мыслимости. Число, полагает он, и есть указание на смысловой переход. Но что же такое этот переход и кто его осуществляет? — спрашивает Лосев и приходит к следующему заключению: «...Остается предположить, что мыслимость сама себя создает и двигает, сама собой переходит от одного своего момента к другому. Стало быть, тут не просто переход, но — созидание мыслью своей собственной структуры» [Лосев 1994б: 766].

Требуя перехода и порождения смыслом самого себя, число, по Лосеву, и есть, таким образом, энергия первобытно-единичной сущности (единого)¹¹. Оно — смысловая энергия полагания, выразительный акт смыслового самополагания. Если в числе наличествует числовая энергия самосозидания, замечает Лосев, тогда можно в ходе применения данного числа переходить, например, от единицы к двойке, и тогда окажется, что десятка «вся внутри движется». Ведь она есть то, что можно превратить и в «девять», и в «одиннадцать», и в любое другое число любого вида и любой величины. А это и означает, что число есть «смысловая энергия акта полагания» [Лосев 1997б: 71].

Однако полученная в ходе диалектических рассуждений энергийная сфера самопорождающегося смысла является для А. Ф. Ло-

¹¹ Называя энергию числа *смысловой*, А. Ф. Лосев подчеркивает недопустимость отождествления числовой энергии с какими-либо другими инобытийными видами энергий — *электрической, тепловой* и др. [Лосев 1999: 581].

сева еще слишком общей, чтобы передать специфику смысловой сферы числа. Ведь в энергийной сфере происходит зарождение всего — «умного» и «не-умного», настоящего и будущего. С привлечением категорий *различия и тождества, покоя и движения* для характеристики смысла общая смысловая сфера числа, в итоге, определяется Лосевым как «акт подвижного покоя самotoждественного различия», а число — как «ставший результат энергии самосозидания акта полагания подвижного покоя самotoждественного различия» [Там же: 97–98].

А. Ф. Лосев разделяет и развивает энергийную концепцию числа как актуальной бесконечности¹², или диалектического синтеза предела и беспредельного. Если мыслится беспредельное, полагает он, значит, «всякое число обязательно уходит в бесконечную даль», а если в понятие числа входит момент предела, это означает, что числовая бесконечность структурно оформлена, т. е., другими словами, и является актуальной бесконечностью. Актуальная бесконечность числа и «...есть энергия, в которой проявляется первоединое» [Лосев 1992: 539].

3.4. ТИПОЛОГИЯ ЧИСЛА

Различая чистую математику, математическое естествознание, а также психо-биологию, социологию и философию числа, исследующих число как факт духовной культуры, А. Ф. Лосев включает в философию числа, наряду с общей теорией числа, также раздел, посвященный осмыслению числа в его идеальном завершении, где рассматриваются основные вопросы, касающиеся оснований типологии числа. А именно:

1) сущность числа, или *интенсивное* число (арифметика, алгебра, анализ),

2) явление числа, или *экстенсивное число* (теория континуума и геометрия),

3) действительность числа, или *эйдетическое число* (теория множеств) и, наконец,

4) реальное, или *историческое число* (теория вероятностей и статистика) [Лосев 1997б: 40].

А. Ф. Лосев развертывает детальную диалектическую картину числовой типологии, отмечая все важнейшие типы чисел, как известных в математике, так и потенциально возможных с диалектической

¹² В диалектическом представлении, бесконечность выступает как число, в котором «целое и часть абсолютно эквивалентны друг другу» [Лосев 1997б: 522].

точки зрения, к каковым, по его мнению, могут быть отнесены, например, так называемые *гипертрансцендентные* числа. Говоря о возможности существования чисел такого типа, Лосев замечает, что это окажется «истиной только диалектического ума, еще не нашедшей своего математического соответствия...» [Лосев 1999: 566].

Вслед за Платином А. Ф. Лосев говорит о числе как *потенции, энергии и эйдосе*, определяя первый тип числа как отвлеченную заданность (*принцип*), второй тип — как умное становление этой заданности и третий — как ставшее этой заданности. Для характеристики числа как эйдоса важно учитывать, что в диалектическом представлении потенция и энергия в эйдосе отождествляются (суть «одно и то же») [Лосев 1994б: 805].

В плане понимания соотношения числа с именем принципиальное значение имеет также последовательно проводимое в «Философии имени» Лосева различие *числа как эйдоса и числа как логоса*¹³. Под первым случаем Лосев понимает эйдетическое число, представляемое в виде некоего идеального тела, или идеально-оптической, изваянно-смысловой фигуры. В числе как эйдосе созерцается в непосредственном узрении, как составляется из отдельных элементов цельный эйдос вещи в сфере чистого смысла.

Под вторым случаем, или числом как логосом, Лосев понимает так называемое функциональное *число*, или число как функцию, метод, закон и принцип объединения раздельностей вне их качественных отличий. Такое число выступает как метод и инструмент осмысления смысловой сущности в ее инобытии.

3.5. ЧИСЛО, КОЛИЧЕСТВО И ВЕЛИЧИНА

Число как акт чистого смыслового полагания противостоит, по Лосеву, ближайшим образом *количеству*, обладающему, в отличие от числа как такового, вторичным характером. Ведь когда речь идет о количестве, то всегда имеют в виду количество чего-нибудь. Число же мыслится само по себе.

Количество, в видении А. Ф. Лосева, есть выполнение и чувственное выражение умного числа в инобытии. При упоминании о количестве фактически покидают сферу числа как такового и перестают его созерцать в полной самостоятельности, рассматривая уже не само число, но его функции в *инобытийной* сфере. Количество есть, другими словами, функция, или проявленность, числа в инобытии.

¹³ В каком-то плане это, видимо, соответствует делению Платона на идеальные и математические (арифметические) числа.

Такое понимание восходит к Плотину. В интерпретации Лосева, количество у Плотина есть «меональное, а именно субъективно-психическое, осмысление умного числа», или меональная осмысленность «очисленного» (т. е. принимающего форму числа) предмета [Лосев 1994б: 782, 779].

Если количество есть функционирование числа в инобытии, то *величина*, в диалектическом представлении Лосева, есть само инобытие, осмысленное числом при помощи количества. Величина предстает как нечто измеренное, что предполагает как измерение, так и меру, роль которой в данном случае и играет число. Измерение совершается здесь при помощи количества, а измеренным оказывается величина.

В плане своего генезиса величина предстает в виде диалектического синтеза числа и количества и выступает всегда как нечто исчисленное. Так, величина «пять метров» применительно к дереву отмечает только тот момент в дереве, который является исчисленностью его размеров [Лосев 1997б: 54–55].

4. Число и имя в диалектико-мифологической системе ономатодоксии А. Ф. Лосева: от диалектики числа и имени к их мифологии и мистике

Только в символическом и магическом мифе... сущность достигает своего полного определения. Но это как раз и есть имя... Имя есть та смысловая стихия, которая мощно движет неразличимую Бездну к Числу, Число к Эйдосу, Эйдос к Символу и Мифу.

А. Ф. Лосев. «Философия имени»

В ономатодоксии Лосева мистико-мифологический, или духовно-опытный, план выступает как исходный и завершительный этап осмысления реальности. Этот план служит глубинным основанием философско-диалектического и научно-аналитического планов, с одной стороны, и результирующим итогом диалектического конструирования реальности (логического мифотворчества) на философско-диалектическом уровне, с другой стороны, когда, по мере все большего логического утончения и приближения диалектического конструирования к реальности, начинает вырисовываться более рельефно облик изначальной реальности. Для Лосева такой реальностью и предметом его диалектического осмысления выступало православное мировидение.

В свете основной установки цельного познания школы всеединства на единство знания и жизни, диалектики и мифологии, разде-

ляемой Лосевым, становится ясным закономерный переход философии числа и имени Лосева от *диалектики числа и имени к мифологии числа и имени*. Такой переход и приводит, в итоге, к реализации основной цели его философского конструирования реальности — построению абсолютной диалектики как абсолютной мифологии на основе идей имяславия как православного учения и духовного опыта. Итоговое определение абсолютной мифологии А. Ф. Лосева звучит: «Итак, абсолютная диалектика, или, что то же, абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св.[ятой], Троица едносущная и нераздельная, неисповедимо открывающая Себя в Своем Имени» [Лосев 2001: 352]. В свете такой абсолютной мифологии предстают в универсальной модели реальности Лосева и различные виды относительных мифологий (частных картин мира), задаваемых в культуре.

В диалектико-мифологической порождающей модели реальности Лосева число и имя выступают как два полярных момента конструктивного процесса саморазвертывания сущности вещи. Число предстает при этом как потенция вещи, ее рождающее смысловое лоно и принцип оформления вещи внутри себя самой¹⁴, а имя — как предел инаковой конструированности вещи, максимальное проявление сущности в инобытии и принцип оформления вещи среди других вещей. В ономатодоксии Лосева число выступает как первая степень «именитства», начало созерцаемой предметной сущности имени, а имя — как понятая предметность и (в итоге диалектического процесса) как магически-мифический символ [Лосев 1997а: 237].

Характерно, что и философия мифологии Прокла, завершителя системы неоплатонизма, в качестве одного из своих начальных моментов содержит именно диалектику числа.

5. Мистика и мифология числа в ономатологии А. Ф. Лосева в контексте европейской культуры

...числа — умные изваяния, заложенные в корне вещей.

Плотин

Числа позднего Платона, по словам А. Ф. Лосева, следует понимать как «особые принципы мифологической действительности», а точнее как «мифически-числовую, непосредственно ощущаемую действительность» [Лосев 1993а: 605–606]. Комментируя более позднее учение о числе Плотина, Лосев пишет: «Мы ви-

¹⁴ По данной концепции, вещь в нумерологическом ракурсе и есть «число, рассмотренное как контур умной индивидуальности» [Лосев 1994б: 803].

дели, что число у Плотина очень высоко... оно — „выше ума и сущности“. Оно — чуть-чуть не само Единое. Оно — посредине между Единым и Умом» [Лосев 1994б: 807]. А это означает, что число по самой своей природе как «совмещающее и отождествляющее в себе первую и вторую ипостась, Единое и Ум» — *символично*, а сама числовая сфера есть не только сфера символическая, но и *мифическая*. Ведь Единое есть «максимальная насыщенность бытия и неистощимая, изначальная бездна света», а Ум — «абсолютное ведение и абсолютное самосознание» [Там же].

В реконструкции Лосева, в систему мифологии Прокла, развившего до логического конца идеи Плотина, входят в нисходящем порядке: *боги, ангелы, герои и души*, над которыми «возвышается абсолютная непознаваемость», которая не представляется уже ни в каком виде. Под ними же располагается *мир физический*, являющийся крайним пределом эманационного ослабления первоединого.

Этой мифологии соответствует своя диалектика числа. За числом как «над-эйдетическим эйдосом» в иерархической последовательности следуют «умные эйдосы» чисел, число как «жизнь», числа как «живые силы», числа как «чувственные вещи». И все это, резюмирует Лосев, есть «убывающая степень общности при возрастающем смысловом оскудении», и все это есть только «безмолвный покой вечно-нетронутой беспредельности и насыщенности перво-числа в себе» [Там же: 779].

В развернутом виде учение о числе как символично-мифической реальности представлено у Ямвлиха в трактате «Теологические арифметики», в котором А. Ф. Лосев усматривает античную линию конструирования мироздания от хаоса к космосу с помощью числового ряда — от единицы до десятирицы.

Согласно Ямвлиху, в изложении Лосева, *единица* все «свертывает» в себе в одну нераздельную точку, а *двоица*, напротив, представляет принципы развертывания как «вечного выхода из себя за свои пределы» и «вечного стремления и дерзания». Здесь, на этапе единицы и двоицы, не дается еще пока структура, но задается лишь принцип внутреннего заполнения и становления любой структуры.

Символом такой первой структуры, где наличествует не только неделимость единицы, но и делимость двоицы, является, по Ямвлиху, *троица*, в которой происходит оформление единицы и двоицы в цельную фигуру. «Носителем» такой структуры, или телом, выступает *четверица*. В *пятирице* такое тело понимается как «живое тело», а в *шестирице* — как организм.

На этапе шестерицы мысль встречается, таким образом, уже с космосом как «органически живым телом» и «душевно-телесной структурой». В *седмерице* космос «обогащается» моментом «ритмической благоустроенности», доходящей на этапе *восьмерицы* до «космического пангармонизма», а на этапе *девятерицы* и до сферичности космоса. Наконец, на завершающем этапе *десятерицы* космос определяется, в итоге, как полное тождество первообраза и «материальной телесности» [Лосев 1988: 232–233]¹⁵.

Возвращаясь к ономотологии и учению об абсолютной диалектике и абсолютной мифологии А. Ф. Лосева, зададимся вопросом, какова же в них роль числа и его соотношения с именем. По замыслу самого Лосева, его абсолютная мифология «всегда будет аритмологизмом», поскольку в ее основе «будут всегда виднеться числа и число» [Лосев 2001: 228]. Очевидно, что для философии Лосева, следовавшего концепции неоплатонизма, это будут и число как эйдос, и число как логос (количество).

Использование числа как эйдоса связано с необходимостью обоснования основополагающего для православной триадологии богословского тезиса о таинственном тождестве Монады и Триады в учении о Пресвятой Троице. Согласно этому учению, Бог равно «Единица и Троица», «Монада и Триада» (св. Максим Исповедник). Он «и едино-троичен и три-един, с двояким равенством, где $1=3$ и $3=1$ » [Лосский 1991: 216].

При обосновании этого положения в святоотеческом учении Восточной Церкви возникает вопрос, приложимо ли к Богу понятие числа, а именно категории числа *три*, или же здесь происходит вообще отказ от числа, а точнее, его превосхождение.

Святоотеческая позиция по данному «мета-математическому» вопросу выражена св. Василием Великим: «Мы не ведем счет, переходя от одного до множественности путем прибавления, говоря один, два, три, или первый, второй, третий, ибо „Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога“ (Ис 44: 6). Никогда... не говорили: „второй Бог“, но, поклоняясь Богу от Бога, исповедуя различие Ипостасей, без разделения природы на множественность, мы остаемся при единоначалии» [Там же: 39]¹⁶.

¹⁵ Описание семантики числа см. также у В. Н. Топорова [Топоров 1982: 629–631].

¹⁶ См. также у св. Григория Богослова: «Бог разделяется... неразделимо и сочетается раздельно; потому что Божество есть Единое в Трех, и едино суть Три, в Которых Божество, или, точнее, которое суть Божество»; «Я еще не начал думать об Единице, как Троица озаряет меня Своим сиянием. Едва я начал думать о Троице, как Единица снова охватывает меня» (цит. по: [Лосский 1991: 43, 37]).

Комментируя эту позицию, В. Н. Лосский отмечает, что речь в данном случае идет не о «материальном» числе, служащем для счета, а о числе другого типа. Ведь материальное число не может быть приложимо к области духовной, в которой не происходит количественного возрастания. Если число относится к «нераздельно соединенным Божественным Ипостасям, совокупность которых... всегда равна только единице ($3 = 1$)», продолжает Лосский, то «тройственное число не является количеством... оно обозначает в Божестве неизреченный Его порядок... „три“ здесь — не итог сложения; три абсолютно различные реальности не могут быть исчислены; три Абсолюта не подлежат сложению; „три“, пребывающее за пределами всякого исчисления, за пределами всякого противопоставления, устанавливает абсолютную различность» [Там же: 39, 217].

В видении А. Ф. Лосева, проблему обоснования тождества Монады и Триады в учении о Троице разрешает мифологическое учение о троичности Лиц Божества, а диалектика показывает, как это мыслимо, т. е. как возможно, что $1 = 3$ и $3 = 1$ [Лосев 2001: 357].

С идеей числа как логоса связан один из важнейших вопросов философии и богословия имени — вопрос о числе Имен Божиих. А именно: сколько имен существует у Бога и именуем ли по своей сути Бог? По православному богословию имени, восходящему к «Ареопагитикам», Бог одновременно неименуем и всеимынен. Он *безымянен* как запредельный всему сущему, так что ни одно из имен (даже отрицательных именований) не в состоянии выразить Его сущности. Бог превыше всякого слова, всякой мысли, всякого человеческого понятия.

Но, с другой стороны, Бог *многоименен*, поскольку Его можно познавать и именовать, исходя из Его действий в мире, или Его энергий. Божественные имена, по святоотеческой традиции, суть «излияния Божественной жизни; источает ее Отец, показывает ее нам Сын, сообщает Дух» [Лосский 1991: 220]. В Библии, напоминает Лосский, часто говорится о «пламенеющей и гремящей Славе, которая позволяет познать Бога вне Его Самого, сокрывая Его в потоках света» [Там же: 221]. По мысли В. Н. Лосского, термин «энергии», с помощью которых византийское богословие обозначает Божественные имена, наилучшим образом передает это «превечное сияние Божественной природы» и дает нам представление об этих «живых силах», этих «излияниях», этом «преизбытке Божественной славы» [Там же: 220–221].

Сокровенной постановкой вопроса о возможности исчисления Божественных Имен и ответом на него заканчивается «Филосо-

фия имени» А. Ф. Лосева, в конце которой приводятся следующие слова на греческом языке без перевода и упоминания автора:

ΣΟΙ ΕΝΙ ΠΑΝΤΑ ΜΕΝΕΙ ΣΟΙ Δ' ΑΘΡΟΑ ΠΑΝΤΑ ΘΟΑΖΕΙ
 ΣΥ ΠΑΝΤΩΝ ΤΕΛΟΣ ΕΣΣΙ ΚΑΙ ΕΙΣ ΚΑΙ ΠΑΝΤΑ ΚΑΙ ΟΥΔΕΝ
 ΟΥΧ ΕΝ ΕΩΝ ΟΥ ΠΑΝΤΑ ΠΑΝΩΝΥΜΕ ΤΙ ΣΕ ΚΑΛΕΣΣΩ
 ΤΟΝ ΜΟΝΟΝ ΑΚΑΝΙΣΤΟΝ.

Данный фрагмент, по комментариям А. А. Тахо-Годи, представляет собой отрывок из гимна «К Богу», приписываемому Григорию Богослову (Назианзину) [Лосев 1990: 223] или же Проклу¹⁷. Цитируемый фрагмент имеет несколько переводов на русский язык¹⁸.

В переводе А. А. Тахо-Годи, приводимом в комментариях к «Философии имени» Лосева, фрагмент звучит:

Все в тебе пребывает одним и к тебе все стремится.
 Ты — конец всего, и один, и все, и ничто ты.
 Ты — не одно и не все. Как тебя назову — всеименным,
 Безымянным ли только? [Там же: 222].

Цитируемые слова из гимна почти дословно повторяют фрагмент рассуждений о Боге из трактата «О божественных именах» «Ареопагитик», где говорится: «И вот, поняв это (что Бог является средоточием всего и от Него все зависимо, что все Им предваряется и Им заключается. — В. П.), богословы восхваляют его как безымянного и в то же время как носителя всякого имени» [Ареопагитики 1969: 612]. Ведь «...всепричине и сверхсущности всего подобает безымянность и в то же время наименование всем тем, что существует, чтобы

¹⁷ По мнению же А. Яна, замечает далее А. А. Тахо-Годи, текст этот принадлежал Проклу, но, как считает Е. Фохт, не принадлежит и ему [Лосев 1990: 223]. В работе А. Ф. Лосева «Теогония и космогония», представляющей собой собрание первоисточников по античной мифологии и снабженной обширным авторским комментарием, этот фрагмент приводится как гимн Прокла со ссылкой на публикацию: *Hymn. in deum platonicus* (Ecl. e Proclo de philos. chald., ed. A. Jahnus, 1891, Halis Saxonum, p. 49) [Лосев 1996: 868].

¹⁸ См., например, перевод (1889 г.) данного фрагмента из издания, где он атрибутируется как «Песнь к Богу» святителя Григория Назианзина (Богослова): «Тобою единым все пребывает. К Тебе все в совокупности стремится. Ты конец всего, Ты един и все; Ты не един, ни единое, ни все. О, Всеименуемый! Как наизменую Тебя, единого неименуемого?» [Григорий Богослов 2000: 200–201]. См. также перевод из издания (см. предыдущую сноску), где данный фрагмент приводится как гимн Прокла: «Все пребывает в тебе, спешит к тебе все совокупно. И для всего ты цель. Ты — один, и все, и ничто же, И ни одно, ни все. Как тебя назову, всеименный, Неназываемого одного?» [Лосев 1996: 868].

действительно быть... средоточием всего того, что к нему устремляется как к своей причине, началу и цели» [Там же].

В эксплицитной форме вопрос о специфике Богоименования поднимается А. Ф. Лосевым в многочисленных заметках по имяславии. В одном из набросков плана построения книги об Именах Божиих Лосев пишет: «Как же говорить именами о безымянном?.. И без имени и множество имен... Без имени — чудно. Много имен — свет... Бог лишен всякого имени и называется всяким именем» [Лосев 1997а: 22]¹⁹.

6. Мистика числа и проблема тайнознания

...знаки требуют понимания. Символы и знамения — интерпретации.

Н. Д. Арутюнова. «Язык и мир человека»

В заключение отметим еще один подход, который А. Ф. Лосевым, однако, не был использован при осмыслении мистики и мифологии имени и числа. Это — план *тайнознания* как духовной практики²⁰.

Учение об Имени Божиим и Троице интересовало Лосева прежде всего в плане обоснования догматики и диалектики. Как философа и религиозного мыслителя его занимала расшифровка диалектических тайн реальности, а не раскрытие смысла мистических событий или, например, разгадка «имени зверя» (Антихриста) по его числу в Апокалипсисе, где это имя сокрыто под формой «числа 666».

Такую разгадку с древности пытались осуществлять с помощью метода гематрии²¹, или поиска и интерпретации сумм цифр, соответствующих буквам подразумеваемого имени, разработанном в Каббале, а позднее в исламе²². О ситуации, связанной с та-

¹⁹ Об Имени *Неименуемого* и *Преименитого* см. [Лосев 2001: 275].

²⁰ О тайнознании и тайнодействии в древности см. замечания В. Н. Топорова: «...числа становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [Топоров 1982: 629].

²¹ Гематрия (испорченное греческое слово «геометрия») — способ «передачи имени или названия посредством числа, равного сумме цифр, тождественных буквам, из которых состоит данное слово» [Иванов 2001: 39].

²² Как отмечает современный исследователь, «символическая связь божественного Имени с числом и другими именами хорошо известна в Исламе, и классической иллюстрацией тому является следующая комбинация. Имена Адам и Ева входят в Имя Аллах по причине одинакового числового исчисления букв, со-

кой расшифровкой пишет о. С. Булгаков в своем опыте догматического истолкования «Апокалипсиса» Иоанна Богослова: «„Число Зверя“ — 666, или, по другому варианту, 616 — представляло всегда наибольшую загадку при толковании Апокалипсиса, начиная со II века и до наших дней. Самый этот прием зашифрования собственных имен через сумму цифр, соответствующих буквам, так называемая гематрия, вообще был распространен не только у евреев, но и у греков и римлян этой эпохи. Однако ясно, что одна и та же сумма могла получиться из разных слагаемых (к тому же еще и в зависимости от языка). Поэтому точное дешифрирование „звериного числа“ во всяком случае не является бесспорным. Очевидно, нужен для этого особый ключ, предполагающий особую „мудрость“ посвященных... Что касается характера самого числа 666 = 2×333 , то оно относится к разряду апокалиптических цифр, выражающих, с одной стороны, высшую силу и качество — трижды, но удвоенное, так сказать, в двойном аспекте, выражающем двусмысленность и лживость. В сопоставлении со священным числом 7 оно также выражает известную неполноту и ущербность: $6 = 7 - 1$, и на нем лежит какая-то тень» [Булгаков 1991: 114–115].

Вообще же, полагает Булгаков, поиски истолкования этого числа гадательны и представляют собой неразрешимую задачу: «Если признать здесь таинственность откровения об этом числе зверя, которая была доступна современникам, то для нас она давно уже, точнее, и с самого начала, перестала быть доступной и только напрасно тревожит мысль своей загадочностью. Насколько Господу угодно, тайна этого имени в полноту времен раскроется до конца... Символика Откровения, и в особенности его „гематрия“, остаются явлением совершенно *sui generis*. Этим оно выделяется из всего остального состава божественного откровения, быть может, как предмет нарочитой тайны, отделяется от него закрытостью этих образов, их недоступностью для уразумения, но постольку для нас теперь фактической своей бессодержательностью... мы должны признать свое бессилие для богословского истолкования символа „звериного числа“. Здесь нужно новое откровение, которое не вымогается догадками и ухищрениями, доколе не будет дано свыше» [Там же: 115–116].

Что же касается отношения А. Ф. Лосева к данному вопросу, то, как отмечает К. Бурмистров, хотя Лосев и был хорошо знаком с еврей-

ской мистикой по ее первоисточникам (переводам)²³, он, тем не менее, был абсолютно «чужд оккультным истолкованиям каббалистических идей» [Бурмистров 1999: 190]. Каббала, которая была для А. Ф. Лосева частью иудейской традиции, интересовала его в аспекте мистики еврейского языка и учения об Именах. Лосев считал учение Каббалы о божественном алфавите и божественных именах «наиболее разработанной системой ономатологии, какая только вообще существует в истории религий» [Лосев 1997а: 240]. Проявляя интерес к мистико-диалектическим интерпретациям значений слов «имени» и «славы» в Каббале, он рассматривал их как материал относительной мифологии для конструирования своей ономатодексии (ономатологии).

Однако А. Ф. Лосев никогда не занимался проблемой мифологической интерпретации жизненных событий как осуществления известных пророчеств, например, в Апокалипсисе. Для этого были по крайней мере две причины.

Во-первых, в этот период общецерковной и культурной жизни России в центре внимания находился вопрос о природе Имени Божия, а именно о том, есть ли Имя Божие символ (реальность, энергия) или просто знак (номенклатура). Вопрос этот поднимался в связи с Афонским спором начала XX в. об Имени Божием [Иларион 2002; Лескин 2004]. Тема же мистической интерпретации числа не была актуальной для того времени, в отличие, например, от современной ситуации, когда тема мистики числа в апокалиптическом ключе широко обсуждается в церковной жизни [Андроник 2001; Иванов 2001].

Вторая причина была связана с общим отношением А. Ф. Лосева к проблеме возможности истолкования мистико-мифологической реальности, и в частности Апокалипсиса.

Лосев считал, что христианин вообще не имеет права толковать Апокалипсис, подобно тому как его фактически не толковали и святые отцы. Но если же такое толкование все же пытаться осуществлять, полагает Лосев, то апокалиптические образы необходимо понимать *буквально, но не в прямом, а в символическом смысле*. А именно, при истолковании необходимо ограничиваться установлением только «точного смысла событий, а не их фактического протекания» [Лосев 2001: 221]. Вот это-то и будет пророчеством, а не астрономическим вычислением затмения, — замечает Лосев. И это предполагает необходимость синтеза знания и

²³ Известно, что во второй половине 20-х гг. Лосев учил древнееврейский язык у епископа Варфоломея Ремова, а также консультировался по вопросам иудаизма и еврейской мистики с философом Б. Г. Столпнером.

веры, когда апокалиптические образы, утрачивая характер чистого знания, должны стать также «мистерией веры». Это означает, что, понимая подлинный смысл всех этих образов, мы хотя и не знаем, как они будут осуществляться, но верим, что то, что осуществится, будет иметь буквально именно этот смысл, а не какой-либо другой. Иными словами, судить об исполнении пророчества можно только по наступлении того события, которое «предречено». «Скажут: зачем же тогда существует пророчество?» — восклицает Лосев и утверждает: — «Пророчество существует для того, чтобы установить смысл грядущих времен, а не их факты» [Там же].

Для А. Ф. Лосева пророческий гнозис (Апокалипсис), как видим, был не предметом тайнознания, но — символического (смыслового) истолкования.

ЛИТЕРАТУРА

- Андроник 2001 — *Андроник (Трубацев)*, игум. Святоотеческое толкование библейского понятия «печать антихриста» // Встреча. 2001. № 1 (14).
- Ареопагитики 1969 — *Ареопагитики* // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. М., 1969.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Брагинская 1978 — *Брагинская Н. В.* От составителя // Фрейденберг 1978.
- Булгаков 1991 — *Булгаков С.*, прот. Апокалипсис Иоанна (опыт догматического истолкования). М., 1991.
- Бурмистров 1999 — *Бурмистров К. Ю.* О знакомстве с еврейской мистикой в русской религиозной философии (кон. 19 — нач. 20 вв.) // Лосевские чтения: Образ мира — структура и целое. М., 1999.
- Глазерон 1997 — *Глазерон М.*, рав. Огненные буквы: Мистические прозрения в еврейском языке. М.; Иерусалим, 1997.
- Григорий Богослов 2000 — *Григорий Богослов*, свт. Песнопения таинственных. М., 2000.
- Дионисий Ареопагит 1995 — *Дионисий Ареопагит*. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1995.
- Иванов 2001 — *Иванов М. С.* К проблеме числа «666» // Встреча. 2001. № 1 (14).
- Иларион 2002 — *Иларион (Алфеев)*, еп. Священная тайна Церкви: Введение в проблематику имяславских споров. СПб., 2002. Т. 1–2.
- Лескин 2004 — *Лескин Д.*, свящ. Спор об Имени Божиим: Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х гг. СПб., 2004.
- Лосев 1968 — *Лосев А. Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.

- Лосев 1980 — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 1980. Т. 6.
- Лосев 1988 — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Последние века. М., 1988. Т. 7 (1).
- Лосев 1990 — *Лосев А. Ф.* Философия имени. М., 1990.
- Лосев 1992 — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Т. 8 (1).
- Лосев 1993а — *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Лосев 1993б — *Лосев А. Ф.* Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Лосев 1994а — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. М., 1994. Т. 8 (2).
- Лосев 1994б — *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994.
- Лосев 1995 — *Лосев А. Ф.* Форма. Стил. Выражение. М., 1995.
- Лосев 1996 — *Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян. М., 1996.
- Лосев 1997а — *Лосев А. Ф.* Имя. СПб., 1997.
- Лосев 1997б — *Лосев А. Ф.* Хаос и структура. М., 1997.
- Лосев 1999 — *Лосев А. Ф.* Личность и Абсолют. М., 1999.
- Лосев 2001 — *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
- Лосский 1991 — *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Реформатский 1987 — *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М., 1987.
- Топоров 1982 — *Топоров В. Н.* Числа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
- Троицкий 1994 — *Троицкий В. П.* О смысле чисел // Лосев 1994б.
- Троицкий 1997 — *Троицкий В. П.* Теория множеств как «научно-аналитический слой» имяславия // Лосев 1997а.
- Фрейденберг 1978 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Шпенглер 1998 — *Шпенглер Г.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность. М., 1998. Т. 1.
- Шукуров 1995 — *Шукуров Ш. М.* Имя и число: О божественном и личном началах в теологии и иконографии Храма // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. М., 1995.

Е. Д. Смирнова

АНАЛИЗ КВАНТОРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ТЕОРИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Система семантических категорий — это определенная принимаемая система иерархии значений выражений языка. Речь идет о разработке типологии значений выражений естественных и искусственных языков. Следует различать типы сущностей, о которых может идти речь в языке, и типы значений (семантические категории) выражений языка.

А. Тарский полагал, что теория семантических категорий настолько глубоко проникает в наши представления, связанные с осмысленностью выражений языка, что вряд ли можно представить себе научный язык, выражения которого обладают ясным интуитивным значением и чье строение в то же время не соответствует или не может быть приведено в соответствие с теорией семантических категорий [Tarski 1935]. Соблюдение требований, налагаемых теорией семантических категорий, является необходимым (но недостаточным) условием осмысленности выражений любого языка. Нарушение тех ограничений, которые она налагает на структуру выражений языка, ведет к антиномиям. В этом аспекте она выполняет функцию теории типов.

Ниже мы рассмотрим, что представляет собой типология значений выражений языка, каковы пути и предпосылки построения определенных систем семантических категорий. Существует ли единая теория семантических категорий? Как соотносятся типы сущностей и категории значений?

Далее, важно выявить, зависят ли и каким образом принимаемые системы семантических категорий от способов анализа и репрезентации логических структур выражений. В этом плане возникает вопрос о роли принимаемых конструирующих операций в обосновании логических форм. Особое значение этот вопрос приобретает, как мы постараемся показать, в случае рассмотрения языков с кванторами и операторными выражениями.

Обычно роль конструирующих операций не учитывается при задании и анализе систем семантических категорий. Однако они играют ведущую роль как при установлении семантических кате-

горий выражений языка, так и при установлении логической структуры высказываний. Так, в языках фреге-расселовского типа свойства и отношения трактуются как особого рода *функции* — предикаты. И приписывание семантической категории (с соответствующей индексацией) такого рода выражениям определяется прежде всего операцией приложения функтора к его аргументам, которая в языке «показывается» способом записи. Для одноместного предиката, например, в нотации Г. Фреге — записью $P(-)$, где функторное выражение рассматривается как «ненасыщенное», незавершенное. В записи $P(x)$, переменная x к выражению функтора (предиката) не относится. Она показатель типа и места аргумента. Соответственно, категория одноместного предиката — s/n (где s — индекс категории высказываний, а n — собственных имен). В языках иного типа, например силлогистике, предикаты трактуются совсем иным образом. Соответственно изменяется трактовка кванторных слов, их семантическая категория.

Учение о семантических категориях восходит к Фреге и Гуссерлю. Но наиболее интенсивную разработку оно получило в польской школе логики. Очень близка к концепции семантических категорий теория типов Б. Рассела. Однако надо отметить, что если у Б. Рассела теория типов была введена как средство для предотвращения парадоксов, то в польской школе логики у Ст. Лесневского, А. Тарского, К. Айдукевича теория семантических категорий связана с глубокими философскими и лингвистическими проблемами. Для них элиминация парадоксов логики — не единственный и не главный стимул для введения теории семантических категорий.

Если принимается, что мы умеем каким-то образом выделять осмысленные предложения языка, понятие семантической категории выражений может быть введено следующим образом: по определению два выражения *относятся к одной и той же семантической категории*, если: 1) имеется высказывание (пропозициональная функция), содержащее одно из этих выражений; 2) высказывание (пропозициональная функция), содержащее одно из этих выражений, не теряет характера высказывания (пропозициональной функции) при замене в нем одного из этих выражений на другое. Так, выражения «книга» и «молоток» принадлежат к одной семантической категории («книга лежит на столе», «молоток лежит на столе»). Выражения же «маленький» и «меньше» или же «молоток» и «лежит на» принадлежат к разным семантическим категориям.

Поскольку отношение «принадлежать к одной и той же семантической категории» является отношением типа равенства,

множество выражений языка разбивается на взаимно непересекающиеся классы — семантические категории.

Возможны различные системы семантических категорий — различные «сетки» анализа значений выражений языка, их типологии. Построение *различных* систем семантических категорий зависит от ряда параметров:

1) от того, какие категории значений принимаются в качестве исходных;

2) каков способ введения производных категорий, т. е. способ построения иерархии категорий;

3) всем ли синтаксическим категориям знаков сопоставляются семантические категории, это зависит от принимаемых в семантике правил интерпретации выражений языка;

4) какие принимаются операции конструирования выражений языка, детерминирующие собственно логическую структуру этих выражений.

С *синтаксической* точки зрения знаки логических связок, кванторов, операторов отнесены к определенным типам символов, к определенным категориям выражений на синтаксическом уровне. Но все ли они являются обозначающими и какой тип значения им сопоставляется? Иными словами, какова категория значений, например кванторов ($\forall x$, $\exists x$) или операторов типа 1-оператора $((1x)A(x)$ — «тот человек, который...»? Стандартное приписывание кванторам категории s/s — поскольку, будучи приложены к пропозициональным формулам, они дают пропозициональные формулы (высказывания) — означает только, что мы не выявили их типологию значения. Кванторы попадают в ту же семантическую категорию, что и одноместные пропозициональные связи, например отрицание.

Семантическую категорию такого рода выражений, с нашей точки зрения, можно выявить, если принять во внимание *конструирующие операции* — операции, посредством которых строятся контексты с этими выражениями. Рассмотрим структуру языков, содержащих операторы — функторы, связывающие переменные. На наш взгляд, основное отличие этих языков от языков без операторов состоит не просто в том, что вводятся новые семантические категории выражений, но прежде всего в том, что *добавляются новые способы образования одних выражений из других*. Для описания структуры выражений, составленных с помощью логических операторов, недостаточно одной только операции приложения функтора к аргументу, необходима обратная операция — операция абстракции. Эта операция состоит в вычеркивании всех вхождений некоторого выражения B в A . (В дальнейшем

мы будем вычеркивать только переменные, т. е. далее неразложимые выражения, поэтому не возникает опасности наложения одних вхождений B в A на другие.)

Как и для операции сочленения, у нас нет особого знака для операции абстракции, и ни та, ни другая операции не относятся ни к одной из семантических категорий. Результат применения операции абстракции к выражению $P(x)$ по переменной x будем представлять фигурой $xP(x)$. Тогда понятно, что переменная x , следующая за знаком квантора (оператора) в выражении $\forall xP(x)$ (или $(\exists x)P(x)$), есть показатель применения операции абстракции по этой переменной — операции обратной операции приложения функтора к его аргументу (аргументам) — и не относится к самому выражению квантора (оператора), его категории.

Категория выражения вида $xP(x)$, соответственно, будет s/n — так же как предикатного знака $P(-)$. Категория операторов, связывающих индивидуальные переменные, устанавливается следующим образом:

для кванторов по индивидуальным переменным — $s/(s/n)$;

для операторов типа 1-оператора (имяобразующего оператора: «тот, который...») — $n/(s/n)$.

Таким образом, такого рода операторы (кванторы) по своей типологии значения выступают как особого рода функторы — функторы от предикатов, т. е. как предикаты второго уровня, а не как выражения категорий s/s и n/s .

Рассматривая системы категорий с двумя видами функторов: имяобразующими и образующими высказывание, типа рассмотренных выше, и определяя категории такого рода операторов, существенно выделить правило, устанавливающее способ приписывания семантической категории выражениям, полученным в результате применения операции абстракции по соответствующим переменным.

В языках силлогистики выступает иная система семантических категорий и, соответственно, иную трактовку получают кванторные слова. Если в основе анализа логической структуры высказываний языка логики предикатов лежит операция приложения функтора к его аргументам, то метод анализа логической структуры предложений в случае языков силлогистики иной. Как подчеркивал Г. Фреге, в логике предикатов анализ логической структуры начинается с высказываний, которые членятся по схеме: функтор и его аргументы. В языке же силлогистики анализ начинается с понятий, с установления определенных отношений в сфере общих терминов (объемов понятий).

И этим детерминируется *логическая структура* посылок и заключений в силлогистических умозаклчениях (соответственно детерминируются правильные рассуждения в силлогистике). Так, высказывание «Все металлы электропроводны» в языке логики предикатов имеет структуру $\forall x(S(x) \supset P(x))$, термины «металл», «электропроводное вещество» трактуются как одноместные предикаты. В силлогистике логическая структура этого высказывания: «Все S суть P », где S и P — *общие термины*. Соответственно, основной, исходной семантической категорией в этом языке выступает не категория собственных имен (сингулярных термов) — n , а категория общих имен.

Посылками и заключением в силлогистических рассуждениях выступают суждения «вида A, E, I, O » («Все S суть P » (A_{SP}), «Ни одно S не суть P » (E_{SP}), «Некоторые S не суть P » (I_{SP}) «Некоторые S суть P » (O_{SP})). В качестве логических констант выступают словосочетания «все суть», «ни одно не суть» и т. д. Так, кванторное слово «все» *вместе со связкой* выражает определенное отношение (в сфере общих терминов), обозначаемое в логике константой A . Аналогично относительно других кванторных слов — «некоторые», «ни один», «многие» и т. д. Эти кванторные слова не выступают как самостоятельные обозначающие выражения — семантическая категория ставится в соответствие именно логическим константам A, E, I, O , а не отдельно взятым кванторным словам. Если обозначить семантическую категорию *общих* имен индексом n' , то категория этих констант (т. е. словосочетаний «все суть», «некоторые суть» и т. д. в естественном языке) — $s/n'n'$. Соответственно возникает вопрос, являются ли кванторные слова в такого рода контекстах означающими или синкатегорематическими.

Рассмотрим некоторые случаи употребления кванторных слов в контекстах естественного языка. Суждение структуры «Некоторые S есть P » (I_{SP}) означает, что *по крайней мере некоторые* (но не исключается, что все) S входят в объем понятия P — «Некоторые студенты сдали зачеты», «Некоторые соли натрия растворимы в воде». В суждении же формы «Только некоторые S есть P » — «Только некоторые металлы тонут в воде» — слово «только», связанное с кванторным словом, уточняет, какая часть объема субъекта включается в объем предиката.

Совсем иная роль у слова «только» в следующем контексте (где «только» также влияет на логическую структуру высказывания). Сравним два высказывания: «Все члены редколлегии прочитали эту рукопись» («Все S суть P ») и «Только члены редколле-

гии прочитали эту рукопись». Последнее выражает иную мысль, и логическая структура его «Все P суть S » (A_{PS}).

Рассмотрим высказывания «Все участники прогулки владеют английским языком» и «Все участники прогулки разбрелись в разные стороны». В силлогизме:

Все участники прогулки владеют английским языком

Иванов — участник прогулки

Следовательно, Иванов владеет английским языком

большая посылка является суждением структуры A_{SP} . Но

Все участники прогулки разбрелись в разные стороны

Иванов — участник прогулки

?

Внешне сходное утверждение со словом «все» в последнем случае вовсе не имеет указанной логической структуры, *не является суждением типа А*. В суждениях типа А («все суть») мы имеем дело с разделительной квантификацией, когда предикат P относится к каждому элементу объема субъекта («все» в смысле каждый, любой). «Все суть» означает, что объем S полностью включается в объем понятия P , таков смысл логической константы А.

В высказываниях «Все пуговицы на данной куртке разные» или «Все счастливые семьи похожи друг на друга» кванторное слова «все» — показатель того, что понятие S употребляется в этом контексте как *собирательное*, и предикат P относится ко всей совокупности объектов как единому целому (ср. «весь полк», «вся футбольная команда»).

Особый интерес представляет анализ кванторных слов и операторных выражений в интенциональных контекстах — модальных, контекстах мнения и пропозициональных установок. Семантика этих контекстов не ординарна. Как известно, в этих контекстах не проходит замена равнозначных, кодесигнативных выражений. Возникает известная антиномия отношения именованя.

Традиционную причину возникновения антиномии и соответственно пути ее решения ищут в трактовке сингулярных термов (десигнативных выражений). Следствием является фактически пересмотр принципа предметности, применимость его к различного типа десигнативным выражениям [Смирнова 2001]. Если верен этот принцип, замена одного имени объекта a на другое *его* имя в любом предложении не может изменить истинностного значения предложения. В этом «загадка» контекстов мнения и вообще интенциональных контекстов, см. [Крипке 1986].

Действует ли вообще принцип предметности в этих контекстах и, соответственно, о каких объектах говорят эти контексты? К принятию какого рода сущностей обязывает нас интенциональный язык? С ответом на эти вопросы по существу связана трактовка кванторов в этих контекстах.

Так, В. Куайн полагал, что квантификация в модальных (и вообще в интенциональных) контекстах ведет к антиномиям потому, что квантификация связана с референциальным аспектом языка, с его «онтологией» (критерий Куайна), а модальные, интенциональные операторы связаны с интенциональным аспектом языка. Квантификация в модальных контекстах предполагает принятие особой «интенциональной онтологии», введение в качестве значений (квантифицируемых) переменных особых «интенциональных объектов»; вместо индивидов, например, — индивидных концептов. Такая «онтология» для Куайна неприемлема.

Мы предлагаем нестандартный подход к анализу интенциональных контекстов и их семантик [Смирнова 2000]. Суть его в анализе *логической структуры* этих контекстов. Именно в этом, а не в трактовке *собственных имен* (сингулярных термов) видим мы ключ к «загадке» интенциональных контекстов. Соответственно, ведущую роль при нашем подходе играют конструирующие операции.

Используются и развиваются идеи семантик возможных миров, но, в отличие от подходов Г. Монтегю и Д. Скотта, помимо особой трактовки интенциональных операторов существенную роль играет способ установления интенционалов и экстенционалов выражений, включающих эти операторы.

Принципиальное отличие предлагаемой семантики состоит не в выделении двух типов предикатных и операторных знаков (интенциональных и экстенциональных), а в выявлении *существенно иного способа связи интенциональных функторов с их аргументами*: экстенциональные и интенциональные функторы сочленяются со своими аргументами *разными* способами.

На синтаксическом уровне эти два способа сочленения можно представить как $P(a)$, если P — экстенциональный знак, и $Q[a]$, если Q — интенциональный функтор. Но дело не в самой нотации, а в том, что на семантическом уровне способы вычисления экстенционалов и интенционалов сложных выражений в этих случаях различны. В экстенциональных контекстах способ связи составляющих как в случае установления экстенционалов, так и в случае установления интенционалов тот же. Не так обстоит дело в интенциональных контекстах [Смирнова 2001].

Поскольку при данном подходе имеются две операции приложения функторов к аргументам, естественно ввести две операции абстракции λxA и δxA . Они позволяют получать выражения категорий s/n и $s//n$, соответственно, где $s//n$ категория интенционального функтора Q в выражении $Q[a]$. Если A — формула и имеется по крайней мере одно экстенциональное вхождение x в A и не имеется ни одного интенционального вхождения x в A , то $\lambda xA(x)$ есть выражение категории s/n . Другими словами, мы можем образовать экстенциональный предикат по формуле, в которую x входит экстенционально, но не входит интенционально. Другой тип абстракции — δ -абстракция по x , предикат может быть образован по любой формуле, в которую входит x : если A — формула и x входит в A , то $\delta xA(x)$ есть выражение категории $s//n$. Приписываемые условия абстракций позволяют каждому экстенциональному предикату сопоставить интенциональный предикат, но не наоборот. $\lambda xA(x)$ — результат абстракции по экстенциональному вхождению, $\lambda xA(x)$ — детерминирует класс индивидов, удовлетворяющих условию A ; $\delta xA(x)$ — класс индивидуальных концептов, удовлетворяющих условию A . Если в A переменная входит интенционально, то с помощью A можно — при предложенной интерпретации — охарактеризовать класс индивидуальных концептов, но не класс индивидов. Соответственно принимаемым операциям абстракции и введенным понятиям экстенционала и интенционала (обычных и интенциональных знаков) можно ввести четыре предиката универсальности (четыре вида операций генерализации), см. [Смирнова 2000, гл. V, с. 242—243].

При наличии операторов абстракции кванторы естественно рассматривать как одноместные второпорядковые предикаты. (При этом эти предикаты будут экстенциональными, т. е. типа $s/(s//n)$ или $s/(s/n)$.) Выражения с кванторами вводятся как сокращения для такого рода второпорядковых предикатов:

$$\Lambda.xA \stackrel{D_f}{=} \Lambda.(\lambda xA),$$

$$\Lambda xA \stackrel{D_f}{=} \Lambda(\lambda xA),$$

$$\forall xA \stackrel{D_f}{=} \forall x(\delta xA).$$

Подробнее см. [Смирнова 2000, гл. IV, § 4].

При такой трактовке кванторов вряд ли следует считать, что квантификация в интенциональных контекстах ведет к приня-

тию особой «интенциональной онтологии» — во всяком случае в смысле критерия Куайна.

Предлагаемый подход вскрывает особенности семантики интенциональных контекстов и разъясняет истоки нарушения принципа взаимозаменяемости. Он дает ключ к пониманию крипкевской «загадки контекстов мнения».

Рассмотрим теперь вопрос, в какой мере теория семантических категорий применима к анализу контекстов естественных языков. Построение семантики того или иного языка базируется на (явном или неявном) принятии системы семантических категорий. Разработка иерархии семантических категорий, т. е. определенной типологии значений, определяется предпосылками скорее философского, теоретико-познавательного характера, а не соображениями прагматического толка. Именно система семантических категорий определяет, на наш взгляд, то, что называют «миром языка», его онтологией.

При установлении принадлежности двух выражений к одной семантической категории принимается основной принцип теории семантических категорий, принцип, *не связанный с построением системы семантических категорий*. Но этот принцип определяет условие приписывания семантических категорий выражениям языка.

Согласно основному принципу теории семантических категорий, разбиение выражений языка на непересекающиеся классы (семантические категории) предполагает очень сильную идеализацию. Чтобы установить, принадлежат ли два выражения к одной и той же семантической категории, надо просмотреть все высказывания языка, содержащие одно из этих выражений. Но осуществить это эмпирическим путем невозможно. Можно просмотреть лишь достаточно большое число случаев или сослаться на интуицию, «чувство языка». Чтобы не прибегать к перебору бесконечного множества предложений, приходится принимать основной принцип теории семантических категорий. Другими словами, для установления того, что два выражения α и β принадлежат к одной и той же семантической категории, достаточно знать, как влияет замена одного из них на другое всего в одном предложении. Это означает, что принимается очень сильное допущение, что любое выражение языка принадлежит к одной и только одной семантической категории: категория его значения в данном языке остается одной и той же в любом осмысленном контексте, в котором оно встречается.

Принятие (или непринятие) основного принципа теории семантических категорий, на наш взгляд, связано с разграничением стабильных и контекстно зависимых значений. Я предлагаю различать

«стабильные» значения, задаваемые системой, принимаемой иерархией семантических категорий, и типы смыслов (значений), которые задаются контекстами, зависят от принимаемых *способов интерпретации* выражений языка, способов приписывания значений выражениям данного языка [Смирнова 1996].

Для естественных языков роль основного принципа — это вопрос контекстной зависимости значений выражений языка, их типологии. Можно ли говорить о стабильных типах значений — категориях значения — независимо от контекстов употребления?

Основной принцип теории семантических категорий связан с вопросом выделения стабильных значений в отличие от контекстно зависимых. Типология значений выражений в естественных языках сохраняется. Более того, те методы логико-семантического анализа, которые разработаны для искусственных языков, позволяют более точно репрезентировать структуру выражений, позволяют выявлять и характеризовать семантические типы выражений естественного языка (напр., выделять предметные функторы n/n : «вес тела», «король Франции», «скорость света»; предикаторы — s/n , s/nn , ...: «бел», «старше», «король», «отец»).

Однако с логической точки зрения выражение «мать» в контекстах «Анна — мать Петра» и «Анна — мать» и выражение «король» в контекстах «Людвиг XIV — король» и «король Франции» принадлежат к разным семантическим категориям (бинарный и унарный предикаты соответственно; предметный функтор и предикатор во втором примере). Если принимается основной принцип теории семантических категорий, то слово «мать» (аналогично «король») в этих двух контекстах принадлежит к двум разным семантическим категориям, имеет иной тип значения и как бы представляет с логической точки зрения *два различных выражения*. Если же не принимать основной принцип, то это означает, что одно и то же выражение (слово) в разных контекстах может принадлежать к *различным семантическим категориям*, т.е. это означает *семантическую неоднозначность* выражения.

Отметим, что для построения иерархии семантических категорий основной принцип не нужен. Выделяются исходные категории, постулируются способы построения производных — получаем определенную систему семантических категорий. Другое дело — вопрос *отношения выражений языка* к определенным семантическим категориям. В этом случае вступает в силу основной принцип.

Одно дело — выделение семантических категорий некоторого фиксированного языка, принцип разбиения их на непересе-

кающиеся классы, другое — построение определенной системы семантических категорий. Следует четко различать эти два вопроса. Проблемы с основным принципом теории семантических категорий возникают именно в связи с отнесением выражений языка к определенным семантическим категориям. Всегда ли возможно такое однозначное отнесение?

Семантические правила интерпретации для формализованных языков таковы, что фактически реализуется основной принцип, хотя он не нужен ни для построения иерархии семантических категорий, ни для отнесения выражений таких языков к определенным семантическим категориям. В принципе семантические правила интерпретации для таких языков обеспечивают отнесенность выражений к определенным категориям значений.

В случае естественных языков речь идет именно об осмысленных предложениях (высказываниях) и при этом принимается, что мы каким-то особым образом умеем (и притом эффективно) выделять таковые — хотя правила синтаксиса этого обеспечить не могут. (Ср. предложения: «Лист зеленый», «Дух зеленый», «11 — простое число», «Цезарь — простое число», «Глокая куздра бокранула бокренка».) Затем производим в них замену одних выражений на другие — с сохранением осмысленности предложений. Тогда либо приходится принимать мистическую способность «обозрения» бесконечного ряда замен в такого рода контекстах, либо принимать основной принцип. Иначе невозможно реализовать задачу однозначного отнесения выражений естественного языка к определенным семантическим категориям, последнее относится и к кванторным словам [Смирнова 1996].

ЛИТЕРАТУРА

- Карнап 1959 — *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959.
 Крипке 1986 — *Крипке С.* Загадки контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18.
 Смирнова 1996 — *Смирнова Е. Д.* К вопросу построения семантик формализованных и естественных языков. Роль основного принципа теории семантических категорий // Труды научно-исследовательского семинара логического центра РАН. М., 1996.
 Смирнова 2000 — *Смирнова Е. Д.* Логика в философии и философская логика. The Edwin Mellen Press. Lewinson, New York; Queenston, Ontario, 2000.
 Смирнова 2001 — *Смирнова Е. Д.* О загадке контекстов мнения // Логические исследования. М., 2001. Вып. 8.
 Tarski 1935 — *Tarski A.* Der Wahrheitsbegriff in der formalisierten Sprachen // *Studia Philosophica*. 1935. Vol. 1.

Б. Тошович

КВАНТИТАТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КВАНТИФИКАЦИЯ

0. В настоящей работе рассматриваются два вопроса: в чем категориальная сущность количества и какими количественными характеристиками обладают языковые категории. В анализе первого вопроса (количество как категория) необходимо разграничить и осмыслить (1) формы, выражающие количество (прежде всего имена числительные), (2) количественные значения (точность, приблизительность, /бес/конечность, продолжительность, однократность и т. д.), (3) функции единиц, указывающих на количественные отношения (номинативные и предикативные, первичные и вторичные...), (4) количественные категории (грамматическое число, /не/исчисляемость, /не/расчлененность, /не/единичность, множество, парность, собирательность и др.) и (5) количественные операции (сложение, вычитание, исчисление, деление и т. п.). Что касается второго вопроса, языковые категории толкуются исходя из количественных параметров. При этом учитывается категориальная замкнутость (характерная для закрытых систем) и категориальная открытость (в системах, допускающих расширение). В первой части работы в центре внимания находится понятие категории (категориальная категоризация), во второй — количество как категория, т. е. типологическое рассмотрение и представление количества (квантитативная категоризация), а в третьей — категория как количество (категориальная квантификация). В квантитативной категоризации и категориальной квантификации ставится вопрос (1) какие существуют количественные категории вообще, (2) какие существуют языковые количественные категории и (3) как категория количества укладывается в общую систему категорий. Чтобы понять, как количество соотносится с языковыми категориями, необходимо ответить на вопрос: (а) что такое количество и какие квантитативные категории существуют и (б) что такое языковая категория и какие квантитативные типы языковых категорий выделяются. Первый аспект входит в состав квантитативной категоризации, а второй базируется на «категориальной категоризации» и входит в состав категориальной квантификации. В центре внимания категориальной квантификации находится число членов

категории и количественные типы категорий закрытого и открытого типа¹.

1. Категоризация направлена на формирование предельно обобщающих и классифицирующих понятий познавательной деятельности человека²: «Нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действия и речи, чем категоризация» [Лакофф 2004: 20]. Саму категорию не образует изолированная форма, значение или функция, а совокупность форм, значений или функций. Если элементы не находятся во взаимном отношении, они не составляют категорию. Понятие категории используется в самых различных значениях: (1) группа, класс, разряд, множество, совокупность однородных явлений, (2) основное (самое широкое, самое общее) понятие, (3) общие свойства, дифференциальные признаки классов. В логике категориями считаются предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания, какими являются материя, движение, пространство, время, сознание, отражение, истина, тождество, противоречие, содержание, форма, количество, качество, необходимость, случайность, причина, следствие и др. [Гетманова 1996: 53]³.

¹ Понятие квантификации используется в формальной логике в форме кванторов (прежде всего квантора общности и квантора существования) и в более широком значении — как количество исчисляемых вещей или измеряемых объектов.

² С категоризацией тесно связана концептуализация — понятийная классификация, т. е. осмысление поступающей к человеку информации, приводящее к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы [Кубрякова и др. 1996: 93]. Но они различаются тем, что концептуализация направлена на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, а категоризация является объединением единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные в более крупные разряды [Там же: 93]. Категоризация имеет дело с категориями и понятиями, а концептуализация — с концептами. Философы всегда занимались понятиями и категориями, лингвисты также искали категории, но языковые. Однако языковеды также начали поиски примитивов или концептов — «кирпичей для образования всего остального». Близка по значению классификация — распределение по классам согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов [Кондаков 1967].

³ Существуют различные подходы к изучению и выделению глобальных категорий. Один из них выступает в форме редукционизма. Суть его — гипостазирование онтологических категорий, т. е. выдвигание на первый план одной и отрицание другой (других категорий). Термин «редукция» использует Т. Котарбинский по отношению к тому, что он называет «мнимыми категориями» [Ко-

Чтобы какое-нибудь явление назвать категорией, необходимо (а) иметь как минимум два элемента, (б) которые должны находиться в некотором отношении и (в) которые должны иметь общее свойство. Теоретически это может быть: (1) единство различных форм с общим значением ($f_1, f_2, f_3 \dots f_x = 'Z'$), напр., окончания существительных типа *стол, стола, столу* с общим значением образуют семантико-формальный класс, (2) единство различных форм с общей функцией ($f_1, f_2, f_3 \dots f_x = F$), напр., слова типа *карандаш, перо, книга* выполняют одну и ту же функцию — номинативную и образуют функционально-формальный класс, (3) единство различных значений с общей формой ($'z_1', 'z_2', 'z_3' \dots 'z_x' = F$), напр., выполнение значения действия в настоящем, будущем и прошлом одной и той же формой образует формально-семантический класс, (4) единство различных значений с общей функцией ($'z_1', 'z_2', 'z_3' \dots 'z_x' = F$), напр., передача значения действия в настоящем, будущем и прошлом с одной и той же функцией (скажем, воздействием) образует функционально-семантический класс, (5) единство различных функций с общей формой ($F_1, F_2, F_3 \dots F_x = f$), напр., выполнение различных функций типа общения, сообщения и воздействия одной формой образует формально-функциональный класс, (6) единство различных функций с общим значением ($F_1, F_2, F_3 \dots F_x = 'Z'$), напр., выполнение различных функций словами общего значения образует семантико-функциональный класс. Во всех комбинациях всегда подразумевается наличие формы.

Языковая категориальная система состоит из двух подсистем. Одну составляют общие категории, другую «категориальные категории». Общие категории являются глобальными, самыми ши-

тарбинский 2000: 30–35]. Существует несколько типов редукционизма. Одним преувеличивается значение вещи, другим — свойства, третьим — отношения. Так возникли реизм, атрибутивизм и релятивизм. Реизм утверждает, что существуют только вещи. Другие философы и логики говорят о наличии только свойств, о том, что качества составляют реальный мир. Так формировался атрибутивизм. Его суть — абсолютность качеств и отрицание отдельных вещей. Третьи гипостазируют категорию «отношение», выступая против понятия субстанции как носителя свойств и отношений. Такие взгляды легли в основу релятивизма.

Одним из новейших категориальных подходов является прототипический. В теории прототипов считается, что категории расплывчаты и не обладают четкими границами. «В когнитивной психологии и лингвистике последних десятилетий классическое представление о категоризации подверглось радикальному пересмотру. Так, исследования Дж. Лакоффа, Э. Рош, Б. Берлина и др. показали, что в результате обыденной, повседневной категоризации (отраженной, в частности, в языковой картине мира) формируются весьма специфические объединения, не вполне соответствующие логоцентристским нормам платоновско-аристотелевской категоризации» [Задворная 2001: 480–481].

роками. Они могут быть универсальными, стратумными и ориентационными. Универсальные категории возникают на всех языковых уровнях и во всех ориентациях (в любой лингвистической дисциплине). Такими являются коннотативность, кореферентность, синонимичность, транспозитивность. Стратумные категории представляют собой единства в рамках отдельных языковых стратумов. Они могут быть гомогенными, т. е. одноуровневыми (напр., синтаксические и морфологические), и гетерогенными, т. е. разноуровневыми (скажем, лексико-морфологические, морфо-синтаксические). Ориентационные категории возникают в рамках определенных направлений, школ, моделей, учений, таких как (а) функциональная грамматика, контрастивная лингвистика, математическая лингвистика, текстуальная лингвистика, (б) структурализм, генеративизм и т. п. Ориентационные категории бывают монодисциплинарными (собственно языковыми/лингвистическими), интердисциплинарными и мультидисциплинарными.

Вторую систему образуют «категориальные категории». Их составляют категории, свойственные всем или многим системам (не только языковым). Они могут быть ключевыми (конклюзивными и деклюзивными), манифестационными (эксплицитными и имплицитными) и дифференциальными (классифицирующими и модифицирующими).

Ключевые категории выступают как (1) подмножества, которые нельзя увеличивать, и (2) подмножества, которые можно расширять. Первые имеют закрытый, вторые — открытый характер, соответственно выделяются конклюзивные (закрытые) и деклюзивные (открытые) категории. Скажем, экспрессивность является сугубо деклюзивной категорией. Закрытая категория возникает в случаях, когда невозможно никакое расширение. Таким случаем является в русском языке категория рода (существуют два природных рода — мужской и женский и несколько грамматических: мужской, женский, средний, общий род), числа (единственное и множественного), падежа (шесть падежей), вида (несовершенный и совершенный).

Манифестационные категории отличаются формальным выражением (эксплицитные категории) или отсутствием формального показателя (скрытые, имплицитные категории). Напр., категория определенности/неопределенности в русском языке является имплицитной категорией, так как отсутствуют особые формы для выражения данного значения, в то время как другие языки (скажем, немецкий) развили определенный и неопределенный член.

Дифференциальные категории выступают как классификационные и модификационные. Классификационные категории отличаются тем, что единицу одной подкатегории нельзя превращать в единицу другой подкатегории, напр., категория рода неодушевленных существительных (каждое существительное принадлежит одному из трех родов — мужскому, женскому или среднему). Модификационные категории отличаются тем, что единицу одной подкатегории можно инфильтрировать в другую подкатегорию. К этой группе относится, скажем, род и число у прилагательных, у глаголов.

Любая категориальная система состоит из структурных типов. Их составляют категории, категоремы, подкатегории, марко- и микрокатегории, гипер- и гипокатегории, надкатегории, суперкатегории, категориальные сплавы и т. д. На этом уровне особого внимания заслуживает суперкатегория (сверхкатегория). В языкознании суперкатегория трактуется по-разному. «Значения и формы грамматических категорий иногда настолько переплетаются, что образуют единую сверхкатегорию, значение которой реализуется в контексте. Так Имбс <...> объединял в сверхкатегорию время и вид. Гийом фактически свел в единую сверхкатегорию наклонение, время, вид, а Дамурет и Пишон — морфологическую категорию числа и синтаксическую категорию детерминации. Тенденция к выделению сверхкатегорий отражает нежесткость языковой системы, сложность классификаций» [Гак 1986: 35]⁴. Одной из суперкатегорий является лицо (у местоимений и глаголов), другой — род, третьей — падеж⁵. Некоторые называют суперкатегориями только те категории, которые относятся к нескольким частям речи, напр., грамматический род в славянских языках [Dabić 2000: 198]. Таким образом, то, что является совместным (скажем, время и вид), не образует суперкатегории. Мы не являемся сторонниками этого термина, потому что нам кажется

⁴ В грамматике наблюдается большая способность образования суперкатегорий у существительных, чем у глаголов [Ревзина 1973: 9].

⁵ И. С. Улуханов говорит о словообразовательных надкатегориях или суперкатегориях [Улуханов 1975: 28]. Другие исследователи называют надкатегорией случаи, когда внутренняя, содержательная сторона словообразовательной категории разных частей речи преодолевает «частеречный порог» [Зализняк 1989: 33]. «В системе словообразовательных категорий преобладают категории, основанные на одном частеречном мотивирующем признаке, в то же время в ряде случаев и этот, мотивирующий, частеречный порог может быть преодолен. Так СК собирательности ориентирована в основном на имена существительные, однако в качестве производящих могут выступать и прилагательные (*молодежь, старье, молодняк*)» [Там же].

целесообразнее говорить о категориальных сплавах, а именно гомогенных и гетерогенных: первые составляют одни и те же категории у различных типов гиперкатегории (напр., число у существительного и глагола), другие различные категории различных гиперкатегорий (напр., падеж у существительных и вид у глаголов).

* * *

Существуют различные подходы к определению, толкованию и выделению категории количества. Она числится почти во всех списках основных категорий. Но и здесь явно выражены индивидуальные подходы⁶.

⁶ С. Г. Шляхтенко пишет, что в начальном периоде развития человеческого мышления количественные представления еще не могли возникнуть. «Схватывалась одна сторона — абсолютное различие явлений либо их тождество, т. е. складывались первичные эмпирические представления о качественном различии или сходстве явлений. Качественные и количественные различия не расчленялись в мышлении» [Шляхтенко 1968: 4]. Он дальше говорит о том, что приходилось держать в памяти не несколько десятков чисел и правил счета, применимых к любым объектам, а столько чисел, сколько имелось индивидуальных предметов. «Так, эскимосы не могли правильно сосчитать своих детей, если их было больше трех. Они отличали однотипные предметы с помощью не отвлеченных чисел, а названий индивидуальных особенностей, связанных с каждым пересчитываемым предметом. Не общее число своих собак держат в памяти эскимосы, а отдельные представления о белой собаке с черными крапинками, о собаке, родившейся в голодную зиму, и т. п. Когда жители Южных островов хотели сообщить, что пришли пять человек, они никогда не говорили: „Пришли пятеро“. Об этом сообщалось примерно так: пришел один мужчина с большим носом, старик, ребенок, мужчина с больной кожей и совсем маленький ребенок». Исторически развитие мышления, продолжает С. Г. Шляхтенко, шло от конкретных наглядно-образных форм к формам все более отвлеченным. «Чем менее развито мышление, тем большую роль играют в нем образы-понятия. Об этом свидетельствует почти полное отсутствие родовых и обилие конкретных, образных понятий в языке первобытных племен. У саами есть специальное слово для обозначения однолетнего оленя и другое слово для обозначения оленя шестилетнего. У них двадцать слов для обозначения льда, одиннадцать — для холода, сорок одно — для снега во всех его видах, двадцать шесть глаголов для выражения мороза и т. д. В языке туземцев западной Австралии имеются названия для всех естественных особенностей форм земной поверхности: каждого возвышения, каждого болота, каждой извилины реки и т. д., но нет самого слова „река“. В области Замбези каждый холмик, каждая возвышенность, гора, вершина горной цепи, каждая речка, долина, равнина имеют свое название. На деле каждая часть страны, каждая особенность ее поверхности обозначается таким количеством специальных названий, что потребовалась бы целая жизнь, чтобы расшифровать их смысл» [Шляхтенко 1968: 3]. В этом начальном периоде отсутствовало ясное понимание различия между частью и целым.

Количеством Аристотель считал то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых является чем-то одним, данным налицо [Аристотель 1976]. Среди известных категорий Аристотеля (их всего десять) количество занимает вторую позицию после сущности (субстанции)⁷. Платон выделял шесть категорий, среди которых нет количества: 1. сущее, 2. бытие, 3. тождество, 4. различие, 5. движение, 6. покой [Платон 2000: 36]. Пифагорейцы различали десять пар противоположных начал, четыре из которых являются количественными: предел и бесконечное, нечет и чет, единое и множество, четырехугольное и разностороннее, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное. В четырехчленной категориальной системе И. Канта количество занимает первую позицию. Оно расчленяется на три подкатегории: а) единство, б) множество, в) цельность⁸. Г. Ф. Гегель в рамках первой в его системе категории — бытия — выделял, кроме качества, две количественные категории: количество и меру⁹. В. Вундт не выделяет количественные категории — для него существуют только вещи, свойства, состояния и отношения [Wundt 1906: 113]. Концепция Л. Витгенштейна «семейных (фамильных) сходств» базируется на положении о недискретности, размытости границ, непрерывности и случайности в определении вещей и их наименований [Кубрякова и др. 1996: 140]. Особая трактовка представлена в работах Ч. Пирса. Он указывал на то, что в составе одной и той же категории могут быть не вполне идентичные величины и что между различными типами не существует жестких границ. Для Г. Ф. Гегеля количество — внешняя по отношению к бытию, безразличная для него определенность: «Все вещи имеют свою меру, т. е. количественную определенность, и для них безразлично, будут ли они более или менее велики; но вместе с тем это безразличие также имеет свой предел, при нарушении которого (при дальнейшем увеличении или уменьшении) вещи перестают быть тем, чем они были» [Hegel 1975].

⁷ Следует качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие, страдание.

⁸ Далее следуют: 2. качество — а) реальность; б) отрицание; в) ограничение, 3. отношение — а) субстанция и свойство; б) причина и действие; г) взаимодействие, 4. модальность — а) /не/возможность; б) /не/действительность; в) необходимость и случайность [Kant 1944].

⁹ К остальным категориям относятся: 2. сущность — а) основание; б) явление; в) действительность (субстанция, причина, взаимодействие), 3. понятие — а) субъект; б) объект; в) абсолютная идея [Hegel 1975].

В других толкованиях подчеркивается тот или иной аспект количества: (а) внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей (величина, число, степень проявления), (б) совокупность свойств, указывающих на величину и размер вещи, объективная определенность предмета, (в) совокупность элементов, объединенных по какому-н. признаку, (г) сторона действительности, которая определяет предмет со стороны его измеримости, (д) аддитивность предикатов (свойств), которые определяют (иллюстрируют) величину (объем, размер, модальность), выражение количества, множества, размера предмета или явления.

Для соотнесения категории количества и языковых категорий релевантными являются два подхода — математическая и философско-логическая квантитативная категоризация. В математике количество не является основной категорией, поэтому и не числится в математических словарях. В них говорится, в первую очередь, о множествах и подмножествах. В теории информации количеством считается мера уменьшения неопределенности ситуации, возникающего вследствие того, что становятся известными исходы другой ситуации [Кондрашов 1975: 352]. В логике говорится о количестве применительно к субъекту суждения. Под этим подразумеваются отображения того, какому кругу предметов (одному предмету, части предметов одного класса или всем предметам одного класса) принадлежит исследуемое свойство, зафиксированное в данном суждении [Там же].

В целях полного осмысления категории количества ее необходимо соотнести с другими понятийными категориями (каковыми являются предметность, предикативность и атрибутивность). Категория количества, прежде всего, связана с атрибутивностью, куда, кроме количественности, относится качественность (значение качества), компаративность (градуальность) и посессивность (притяжательность).

Количество является важной семантической и лексической универсалией. По нашим подсчетам, из 61 прототипа Анны Вежбицкой 6 имеют количественный характер: 1. кванторы — *один, два, несколько/мало, много/многие, весь/все*, 2. атрибуты — *большой, маленький*, 3. таксономия, партономия — *вид/сорт, часть*, 4. интенсификатор, усилитель — *очень, больше*, 5. пространство — *далеко, вблизи*, 6. время — *долго, не долго, одно время* [Вежбицкая 1996; 1999]. В системе И. А. Мельчука и А. К. Жолковского следующие семантические функции являются эксплицитно количественными: 1. Sing (единичность) — типовое значение одной штуки, одного «кванта»: Sing (горох) = горошина, Sing (цело-

вать) = поцеловать; Mult (совокупность, множество, множественность): Mult (корабль) = флот, Mult (студент) = студенчество, 2. Magn (обозначение высокой степени, интенсивности самой ситуации или актанта) — 'очень', 'в большой степени', 'большой': Magn (температура) = высокая, Magn (рассматривать) = внимательно, пристально, 3. Plus ('более'), Minus ('менее') — увеличивать, уменьшать, 4. Dimin (уменьшительная форма: Augm (дом) = домище, домина, 5. Liqu (ликвидировать) [Мельчук 1999, Мельчук/Жолковский 1984, Жолковский/Мельчук 1969].

Одним из сложнейших вопросов является типология количества, выраженного языковыми средствами. В языкознании попытки такой таксономизации редко встречаются. Одна из них принадлежит А. А. Холодовичу¹⁰. Он писал, что множество, противостоящее единичности, исключительно многообразно по своему составу, по своей структуре [Холодович 1979: 174–179]. На базе бинарных оппозиций он выделил шесть схем структурных типов множества, которые находят выражение в языке и которые порождают 12 типов: 1. множество определенное, завершенное противопоставляется множеству неопределенному, незавершенному; определенное множество представлено в русском языке в таких группах слов, как (а) *сани, вилы, подтяжки*, (б) *картофель, горох*, неопределенное множество представлено формами типа *руки, столы, лампы*, 2. множество предметов противопоставляется множеству предметному (первого рода множество представляет собой соединение однородных предметов, каждый из которых является слагаемым в этом множестве; второго рода множество выражает один предмет, который состоит внутренне из многих одинаковых частей); множество предметов представлено в русских формах *рука/руки, поле/поля, море/моря*; предметное множество — в словах русского языка типа *грабли, гусли, дрова, часы, счеты, бусы, щетки*, 3. множество конкретное, т. е. сращенное, сплошное, непрерывное, противопоставляется множеству дискретному, прерывному, точечному¹¹: а) конкретное множество представлено в

¹⁰ А. А. Холодович толкует множество как то, что находится в оппозиции к единичности, что является исключительно разнообразным по своему составу и структуре [Холодович 1979: 174].

¹¹ «Первого рода множество в силу сращенности, непрерывности никак не соотносится с составляющими его слагаемыми, которые растворяются в этом потоке сращенности, непрерывности. Множество это при всем желании не может быть разобщено, расчленено на части, ибо такое расчленение сразу сделало бы его дискретным, т. е. множеством второго рода. Именно в силу этого оно как бы индивидуализируется в подлинном, точном смысле этого слова и представляется нам множеством в образе единицы» [Холодович 1979: 175].

русском языке в такой серии слов, как *зверье, солдаты* (ср. собирательное *солдатня*), *гнилье* (ср. собирательное *гниль*), *белье, бабье, старье, камень*; б) дискретное множество представлено в японских редулицированных формах *хитобито* ('каждый человек > люди'), *кунигуни* ('каждая провинция > провинции'), 4. множество однородное противопоставляется множеству неоднородному: а) первого рода множество состоит из ряда предметов, неоднородных один относительно другого типа *рука/руки, пол/полы*, б) второго рода множество представлено лишь в словосочетаниях, соединенных между собой союзами, или в словосочетаниях бессоюзных: *лес и вода обнялись*, — *прилетели иволги, стрижи, береговые ласточки*, — *гомонили пастухи и журавли*, 5. множество арифметическое, т. е. как сумма слагаемых (например, определенный конечный ряд *n*-единиц в русском типа *земляника, клубника, ежевика*) противопоставляется множеству алгебраическому, т. е. как сумме слагаемых, например, (а) неопределенный, бесконечный ряд типа *руки*, (б) определенный, конечный ряд, разрешающийся в сумме двух единиц типа *вилы, клещи, щипцы, ножницы* или в сумме трех единиц — в китайском языке *во-мынь-са* 'мы втроем'¹², 6. множество тотальное (совокупность предметов, причем ни один член этой совокупности не изъят из нее) противопоставляется множеству партитивному (совокупность, которая рассечена на *n*-части, причем некоторое количество этих частей изъято из совокупности), которое выражается в русском языке родительным падежом: *пять столов, три карандаша*. А. А. Холодович подчеркивает, что все эти множества и их антитезы находят выражение в языке. «Но наряду с этим существуют, так сказать, надъязыковые множества. Они являются предметом рассмотрения математики и находят выражение лишь в математической символике» [Холодович 1979: 179]. Некоторые из положений А. А. Холодовича являются противоречивыми (напр. 4а), в частности из-за того, что одни примеры являются синтагматическими, другие же парадигматическими и что смешивается множественное число с всеобщностью (тотальностью) и т. п.

Другую модель создал Т. П. Ломтев, который разделил квантитативы (не все, а только количественные и порядковые числитель-

¹² «В первом случае множество дано как сумма; во внутренней форме его нет указаний на слагаемые, составляющие это множество. Во втором случае множество дано как совокупность слагаемых, составляющих это множество; при этом совокупность этих слагаемых может быть, согласно противоположению 1, либо бесконечной, либо конечной» [Холодович 1979: 177].

ные, количественные местоимения, наречия и средства аппроксимации) на 11 групп со значениями всеобщности, невсеобщности, полной мощности множества, точной мощности множества, неточной мощности множества, порядка [Ломтев 1971: 106–116].

Особую модель предлагают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс [Гулыга/Шендельс 1969]. Категорию множественности они понимают очень широко и включают все формы количественности («числа» как они говорят), которые членятся на микрополя единичности и множественности. В микрополе множественности авторы выделяют семь групп грамматических и словарных конститuentов. «Доминантой поля признаются формы множественного числа существительных, выражающие чистую множественность. По отношению к ним периферийны формы множественного числа прилагательных, причастий и глаголов, несущие избыточную грамматическую информацию. В поле включены также средства, выражающие неопределенное количество (количественные местоимения), точное число (числительные), приблизительность количества (некоторые наречия), а также средства, передающие качество множественности (совокупности) или имплицитности множественности (включая и некоторые идиоматические модели словосочетаний)» [Там же: 25].

В концепции Иштвана Пете противопоставляется абстрактное и определенное (единичное, нулевое и множественное), целое и частичное количество [Pete 1981]. Он выделяет типы численного количества на основе следующих признаков: 1. по составу — нулевое, единичное и множественное (определенное, приблизительное и неопределенное), 2. по характеру содержания — раздельное, совокупное, дистрибутивное, порядковое, видовое, нормативное¹³, 3. с точки зрения измеримости — дискретное и недискретное, 4. с точки зрения интенсификации количественных свойств — недискретные количественные свойства (увеличение, уменьшение)¹⁴, 5. по объему — целое, частичное, 6. по состоянию — статичное, динамичное¹⁵ [Pete 1981: 340–345].

В других исследованиях выделяются основные параметры количественной семантики в виде оппозиций: 1) расчлененность/

¹³ Данный термин является довольно неудачным (он подразумевает обилие или отсутствие чего-либо в нужном количестве).

¹⁴ Этот тип таксономически не укладывается в общую систему, так как имеется в виду не тип численного количества, а его признаки, которые устанавливаются при помощи сравнения.

¹⁵ О статическом и динамическом представлении количественных отношений в сознании современного человека см. [Чеснокова 1983].

нерасчлененность; 2) кардинальность/ординальность, 3) внешнее/внутреннее количество, 4) определенность/неопределенность, 5) суммарность/дистрибутивность, 6) однородность/неоднородность [Тураева/Биренбаум 1985; 1988].

Структура функционально-семантического макрополя количественности в европейских языках представляется В. В. Акуленко следующим образом: «Макрополе в целом членится на два поля второго ранга: определенного количества и неопределенного количества. Первое из них образуется, в свою очередь, двумя полями третьего ранга: нумеративностью и единичностью. Второе из них образуется также двумя микрополями второго ранга: множественности (плюральности) и оценки неопределенного количества. Наконец, поле оценки неопределенного количества включает в свой состав два поля четвертого ранга: неопределенно большого количества („мультиплицитности“) и неопределенно малого количества (паукальности). Данная структурация не является жесткой: различные участки микрополей взаимодействуют внутри макрополя и отчасти переходят одно в другое. Возникают промежуточные явления типа микрополя собирательности в зоне соприкосновения полей единичности и множественности. Наконец, все ФСП количественности в целом взаимодействуют с рядом других ФСП» [Категория количества 1990: 17–18].

К данной проблеме мы подходим по-другому и считаем, что необходимо создать полную конструкцию категории количества, выражаемого языковыми средствами, и потом проводить дальнейшее исследование. В таком подходе мы выделяем четыре группы количественных явлений — группу А, Б, В и Г. В группе А находятся такие количественные объединения и явления как: множество (подмножество), сумма, величина, мера, энтропия, размер, группа, пара, чет, нечет, целое, часть, число, квантификатор, квантор, квант, кварки¹⁶. Они между собой более или менее различаются. Скажем, количество является тем, что можно исчислять, а величина — тем, что можно измерять (на это указывал уже Аристотель). В данной группе центральным понятием является квантификатор, который используется, прежде всего, в логике и математике. В язы-

¹⁶ Ю. Д. Апресян говорит о семантических кварках — реально существующих смыслах, никогда не материализуемых в словах естественных языков: «Смысл, который не материализуется ни в каком отдельном слове естественного языка, в нашей работе <...> был назван нетривиальным семантическим признаком. Это и есть подлинный семантический примитив. Именно из таких примитивов-конструктов, примитивов-кварков должен строиться словарь того семантического языка, который будет обслуживать универсальную семантику» [Апресян 1994: 27–40].

кознание его ввел Есперсен и определил как десигнацию слов, обозначающих количество, т. е. число (в связи с числительными), количество (в связи с неисчисляемым) и степень (в определенных словосочетаниях) [Šarić 2002: 37]¹⁷. Группу Б составляют количественные приемы: добавление (плюс-приемы), сокращение (минус-приемы), умножение, деление и т. п. Группа В объединяет признаки количества, прежде всего атрибутивность, затем предметность, абстрактность, конкретность, предикативность. Группа Г содержит два важных свойства количества — аксиологичность и зависимость. Первое подразумевает способ подхода к количеству и его сведение к определенному качественному показателю. Фокусирование количества может быть направлено (а) на один элемент, (б) на две точки или же (в) на маленькое или большое множество. Радикализация любого подхода ведет к гипостазированию единичности, двойственности и множественности в форме монизма, дуализма и плюрализма. Монизм берет за основу всего существующего материю (материалистический монизм) или дух (идеалистический монизм), дуализм признает идеальное и материальное как два самостоятельных, независимых начала, а плюрализм утверждает, что в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей. Отдельную группу образуют количественные комплексы: 1. множественность, единичность, двойственность, парность, 2. совокупность, сегментарность, собирательность, интегральность (коллективность), уникальность, конкретность, абстрактность (эти подкатегории выражаются преимущественно при помощи существительных, точнее лексико-семантических разрядов существительных), 3. эксплицитность, имплицитность, 4. точечность, линейность, 5. динамичность, предельность, итеративность (повторяемость), дуративность (продолжительность), повторность, аккумулятивность, интенсивность (носителями данных подкатегорий являются в первую очередь глаголы, особенно ка-

¹⁷ Бранка Тафра констатирует, что квантификатор является более широким понятием, чем понятие числа: «Генеративные грамматики относят их (= числительные) к квантификаторам, т. е. к единицам, при помощи которых в словосочетаниях с существительным выражаются оппозиции по количеству. Чаще всего эту функцию выполняют количественные наречия: *мало, много, несколько, немного, достаточно*, существительные, когда обозначают не предмет, а количество: *вагон* (зерна), *мешок* (кукурузы), *бокал* (вина), некоторые же квантификаторы являются универсальными, напр., *каждый*... Для меня понятие квантификатора является более широким понятием, чем числительные. Общим признаком всех квантификаторов является ограничение распределения в словосочетании с существительным. Это и понятно, учитывая то, что только предметы, обозначенные существительными, можно квантифицировать» [Tafra 1989: 224].

тегория вида), 6. стратифицированность, градуальность, деминутивность (уменьшительность), аугментативность (увеличительность), дименсиональность, компаративность, соотносительность (зависимость), 7. дискретность, континуальность, 8. считаемость, исчисляемость, расчлененность, четкость, точность, определенность, приближительность, (бес)конечность, стабильность, упорядоченность.

Важнейшей чертой количества является его корреляционность, в первую очередь зависимость.

Каждая грамматическая категория эксплицирует или имплицитно определяет определенное количество. С другой стороны, она также является определенным количеством. В грамматике преобладают категории с небольшим числом категорем (членов категорий), в первую очередь с двумя, тремя и четырьмя. Поэтому релевантным является выделение бикатегорий, теркатегорий и квадрокатегорий. Бикатегория содержит две категоремы; такими являются грамматическое число (единственное и множественное), глагольный вид (несовершенный и совершенный), природный род (мужской и женский), залог (действительный и страдательный). Сюда относятся и лексико-семантические категории типа антонимии. Теркатегория выступает как трехчленное единство (в форме пирамиды), скажем грамматический род (мужской, женский и средний), лицо (первое, второе, третье), грамматическое время (настоящее, прошедшее, будущее). Квадрокатегория (четырёхчленная категория) представляет собой множество, состоящее из четырех категорем; такой является диатеза, которую составляет (а) субъект и объект, (б) подлежащее и сказуемое. Категории, имеющие пять и более членов, объединяются в мультикатеорию (самым типичным примером в русском языке является категория падежа с шестью категоремами). Большое число членов содержат лексико-семантические категории типа синонимии и полисемии (в первой множественность порождается разнообразием форм, во второй — разнообразием значений).

В категориальной системе существует квантитативная эксклюзивность и инклюзивность. Если определенная языковая единица изначально предопределена выражать количество, речь идет о квантитативной эксклюзивности. В случае, когда опосредованно, сопутствующим образом отражается количество, речь идет о квантитативной инклюзивности. Скажем, категория числа отличается квантитативной эксклюзивностью, потому что ее первичная задача — отражать количественные связи. Данная категория имеет довольно сложную структуру, в частности потому что языки обладают неодинаковыми категориальными возможностями выражения количественных отношений.

В категориальной квантификации особое место занимает нулевая категория и монокатегория, так как их выделение противоречит основному категориальному критерию, согласно которому категорию составляет единство как минимум двух элементов. Поэтому эти категории являются спорными.

Монокатегория охватывает то, что является единственным, единым в своем роде, и поэтому еще называется сингулярной, единичной категорией (классом). «Существуют множества, состоящие из одного-единственного элемента, напр., множество всех спутников земли состоит из одного спутника — луны» [Холодович 1979: 179]. Единичные классы вызывают особый интерес в когнитивной психологии. В книге «Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация» эта проблема рассматривается с двух позиций. (1) Не существует (в материале для классификации) изолированного элемента или элемента вне класса. Это означает, что нужно расклассифицировать все элементы, и если существует какой-нибудь элемент (х), являющийся единственным в своем роде, то он образует особый класс (единичный в таком случае): (х) Е (Ах). (2) Не существует также и изолированного класса, то есть всякий особый класс А, характеризующийся свойством а, противостоит своему дополнению А' (характеризующемуся не-а) при ближайшем роде В, т. е. $A + A' = B$ [Пиаже/Инелдер 2002: 164]. Мы считаем, что в языкознании надо быть осторожным с введением и использованием сингулярных категорий, т. е. монокатегорий¹⁸. Особенно настораживает обилие исключений, которые при линейном подходе, т. е. автоматизации, придется считать сингулярными категориями.

Второй тяжелый вопрос гласит: можно ли считать категорией случай, когда нет ни одного единого элемента. А. А. Холодович указывает на такую теоретическую возможность: «Является целесообразным рассматривать даже такое множество, которое вовсе не имеет элементов. Мы назовем его пустым множеством» [Холодович 1976: 179]¹⁹. Кристал занимает, однако, более сдержанную позицию: «Ясно, что введение нуля (или нулевого элемента, по образцу употребления этого элемента в математике) мотивировано необходимостью сохранить в анализе пропорциональность и правильность или сделать выводы как можно более экономно.

¹⁸ Кандидатами в монокатегорию могли бы быть междометие в категории частей речи и инфинитив в глагольной системе.

¹⁹ В математике используется выражение *нулевое множество, пустое место* и т. п.

Ноль одновременно является понятием, которое надо использовать с осторожностью, с полным оправданием, так как слишком большое количество нолей в анализе снижает его убедительность» [Kristal 1985: 167]. О. С. Ахманова под нулевой категорией подразумевает то, чем она по сути дела не является, — немаркированную категориальную форму в составе данной грамматической категории, например изъявительное наклонение (как немаркированную категориальную форму категории наклонения), несовершенный вид (как немаркированную, беспрефиксальную, категориальную форму категории вида), невозвратный залог и т. п. [Ахманова 1966: 192]²⁰. Понятие нуля ввели в языкознание представители Казанской и Пражской школ, в первую очередь В. А. Богородицкий и Н. С. Трубецкой, именно в значении немаркированных элементов. Нулевой знак рассматривал и Роман Якобсон [Jakobson 1939]. А. А. Реформатский писал о значении нуля: «Насколько ноль плох в жизни, настолько он важен в мысли. Без нуля мыслить нельзя <...> Нули бывают разные. Бывает истинный ноль в любой системе счисления. <...> „Система нуждается в нуле, чтобы стать еще совершеннее“, — приводил слова индейских мудрецов чудесный В. Н. Топоров <...> А бывают и в лингвистике нули — они-то и не „идеальный“, а необходимый инвентарь системных отношений, о чем еще когда-то пеклись Фортунатов, Бодуэн и Соссюр. Нули в любой семиологической системе необходимы — это прямое следствие знаковости, где даже при двух возможных в качестве одного бывает ноль. То же при трех и более. Собственно, вся дихотомия построена на отношении к нулю“» (цит. по: [Гарипов/Вильданова 1988: 95]). Р. С. Манучарян считает, что даже корень слова может быть нулевым («пустым, опустошенным, десемантизированным») и приводит такие примеры: *вынуть, предок, переборщить, отбояриться* [Манучарян 2004]²¹. Иштван Пете вводит понятие нулевой количественности, которым выражается полное отсутствие предметов, процессов (действий) и признаков [Pete 1981: 340]. Вслед за некоторыми другими авторами (напри-

²⁰ В Словаре [Розенталь/Теленкова 1976] говорится о нулевой морфеме, нулевой связке, нулевой флексии, нулевой форме, нулевом сказуемом, нулевом аффиксе и ноле звука. Подобный подход встречается и в немецком языкознании, в котором используются понятия типа нулевая конверсия, нулевой член, нулевой элемент, нулевая морфема, нулевая флексия, нулевая форма, нулевой падеж, нулевая связка, нулевой морф, нулевой порядок, нулевая степень, нулевой суффикс и т. п. [Metzler 2000]. Душан Йович пишет о нулевых свойствах в языковой структуре [Jović 1977].

²¹ О синтаксическом нуле см. [Мельчук 1974].

мер, И. Г. Кошевой и И. Г. Лукашенко) он считает, что основное числовое противопоставление и в природе и в языке идет не по линии 'единица' — 'много', а по линии 'нуль' — 'нечто больше нуля'.

Очень сложным является вопрос, что считать языковыми категориями. Бесспорным является тот факт, что они имеют двуплановый характер, так как состоят из плана содержания (внеязыкового содержания, выраженного языковыми средствами) и плана выражения (языковых средств, используемых для передачи внеязыкового содержания)²². В первом случае общее содержание выражается при помощи различных форм (напр. количественная подкатегория интенсивности формализуется при помощи существительного, прилагательного, наречия, глагола), а во втором общая форма выражает различные типы содержания (одна форма выражает различные количественные отношения). В языковой категоризации проявляются два подхода — жесткий и мягкий. Жесткое понимание категории основывается на понятии равенства, нежесткое — на понятии подобия, сходства, но не полного тождества: «Научное определение предполагает именно первую ситуацию, определение же категории как естественного феномена — вторую» [Кубрякова 1997: 90]²³. Кроме того, можно говорить об узком и широком толковании языковой категории. Первый подход вряд ли является целесообразным. Этой точке зрения придерживается и Милош Докулил, который писал: «Излишние ограничения в употреблении термина „категория“ в языкознании повели бы к борьбе с такими обычными теперь выражениями, как категория настоящего времени, категория кондиционала настоящего времени, категория инфинитива, категория слова, категория субстантива, категория подлежащего, категория придаточных предложений и т. п., которая была бы напрасной и заранее обреченной на неудачу. Для таких ограничений нет и достаточно веских теоретических оснований» [Докулил 1967: 4]. Мы явля-

²² О. Есперсен выдвигает форму как высший критерий и в синтаксисе признает только такие категории, которые находят в нем формальное выражение [Есперсен 2002: 52].

²³ Е. С. Кубрякова склоняется к прототипическому толкованию категорий: «Появление теории прототипов способствует пониманию природы естественных классификаций, где жестких границ не то что вообще не существует, нет, но где определяемые такими жесткими границами явления сосуществуют с явлениями градуируемыми. А поскольку весь язык — явление естественное, он и демонстрирует нам такие же естественные категории, и их описание достигается скорее с помощью такой теории, которая позволяет оперировать размытыми множествами и характеризуется потому лучше с помощью понятия прототипических категорий...» [Кубрякова 1997: 105].

емся сторонниками (а) максимального разграничения близких по значению и употреблению фундаментальных понятий, каким, в частности, является категория, (б) максимально строгого их использования, (в) сохранения их терминологичности. Поэтому мы считаем неоправданным механическое провозглашение категорией любой группировки, любого объединения языковых феноменов (что, к сожалению, очень часто встречается в практике).

Каждый языковой уровень порождает определенную категориальную систему и каждая из них по-своему соотносится с категорией количества²⁴.

На лексико-семантическом уровне существует очень разнообразная и комплексная лексика с количественной и количественно-качественной семантикой²⁵. Категория количества пронизывает по сути всю семантическую сферу языка [Акуленко/Клименко 1975: 11]. Для толкования квантитативной структуры предметов, процессов и признаков интересным является введение понятий предметоколичества, процессоколичества и признакоколичества [Тураева/Биренбаум 1985]²⁶. Количественные слова выражают почти все значения, которые упоминаются в языковой типологии количества²⁷. Они могут, скажем, указывать на максимум (выпить *до дна*), минимум (*капелька, крошечка, чуточка*), предел (вода *по горло*), определенное множество (*тройка*), неопределенное множество (*обилие, уйма*)²⁸, желательное количество (*вдоволь, вволю*). Лексические категории по-разному отражают количественные отношения (ср. синонимы *идти — семенить*, ср. паронимы *усатый — усасть* и т. п.). В лексико-семантических группах выделяются слова различной количественной характеристики.

²⁴ О содержании категории количества в русском языке см. [Полянский 1984].

²⁵ В. В. Новицкая распределяет лексику с количественным значением в русском языке по четырем полям — по величине, мощности величины, множеству, мощности множества [Новицкая 1978]. Первое включает явления размерности, второе содержит измерители, третье охватывает вещественные существительные и существительные со значением совокупности, четвертое объединяет слова со значением большого количества.

²⁶ Содержание предметоколичества составляет счет предметов (дискретных пространственных единиц) или их частей и мера недискретных материалов; содержанием процессоколичества является либо счет отдельных разобщенных процессов или частей одного процесса (кратность), либо протяженность непрерывного процесса во времени; признакоколичество — мера интенсивности предметного или процессного качества [Тураева/Биренбаум 1985: 122].

²⁷ О количественных словах в системе частей речи см. [Ондрус 1971].

²⁸ О словах со значением «неопределенной множественности» в русском языке см. [Марковский 1974].

Так, в группе глаголов со значением бытия Н. Ю. Шведова выделяет значение существования (а) без количественной характеристики и (б) с количественной характеристикой — локальной и темпоральной [Шведова 1983: схема III]. Фразеологические сочетания также указывают на различные количественные отношения (*раз-два и обчелся, кот наплакал*).

На морфологическом уровне количество выражается при помощи отдельных морфем (*много-, мало-, мульти-*), грамматической категории числа²⁹, степени сравнения, лица, времени и вида, а также системой частей речи. Среди них выделяются имена числительные, которые выполняют сугубо квантитативную функцию и которые на данном уровне являются центральной количественной категорией. Существуют квантитативные существительные (*горсть, мелочь, излишек*)³⁰, глаголы (*вздремнуть, похудеть, преувеличить, преуменьшить*), прилагательные (*маленький, большой, полный, незначительный*)³¹, местоимения (*весь, каждый, любой*), наречия (*мало, много, полностью, значительно, почти*). Разница в выражении количества именами и глаголами состоит в том, что субстантивная плюральность отражает дискретность только пространственного характера, а глагольная плюральность может быть дискретной как во времени (действия совершаются последовательно, каждое занимает свое время), так и в пространстве (действия совершаются в одно время, но каждое совершается в своем пространстве), более того действия могут совершаться «неорганизованно», т. е. некоторые происходят одновременно, другие — последовательно [Чеснокова 1983: 83]. Глагол выражает количественную характеристику действий при помощи категории вида (однократные, многократные глаголы и др.), морфологически противопоставлением единственного и множественного числа и синтаксически сочетанием со словами, передающими количественные значения. Глагольная множественность отличается глобальным характером, так как она выходит на смысл целого предложения или даже текста [Dressler

²⁹ О семантике грамматической категории числа в свете понятия множества см. [Потапова 1983].

³⁰ Среди них выделяются собирательные существительные, существительные, выражающие партитивные множества (*plurality tantum* типа *брюки, ножницы*), существительные, передающие «пространственную множественность» (термин А. И. Смирницкого) типа *снега Килиманджаро*, неполные множества (*меньшинство*) и т. п.

³¹ О количественной детерминации прилагательных в русском языке см. [Кржижкова 1974].

1968]. Предлоги часто указывают на количественное отношение (*с мизинец, с гору*).

На словообразовательном уровне существует целый ряд формантов, словообразовательных приемов и типов, при помощи которых выражаются количественные отношения, в первую очередь уменьшительность и увеличительность.

На синтаксическом уровне в целях усиления и уточнения количественных значений используются синтаксические кванторы (напр., синтаксический квантор-подлежащее с количественным значением единичности, синтаксический квантор-дополнение для определения количественной семантики объекта действия, синтаксические кванторы-обстоятельства для усиления, уточнения и изменения количественных отношений), адвербиальные определители (*в меру*) и др. Центральной квантитативной единицей на уровне синтаксиса является счетный оборот, например, сочетание числительного и существительного (*три книги*), существительного и существительного (*море крови*). Одним из синтаксических приемов передачи количества является повтор (*день за днем, снова и снова*), а также перечисление. Но и целые предложения могут иметь квантитативный характер (*По пальчикам можно пересчитать*)³².

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко/Клименко 1975 — Акуленко Л. Г., Клименко Н. Л. О выражении категории количества в языке // Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1975. № 3. С. 7–20.
- Апресян 1994 — Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. № 4. С. 27–40.
- Аристотель 1976 — Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976.
- Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Вежицкая 1996 — Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежицкая 1999 — Вежицкая А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 134–170.
- Гак 1986 — Гак В. Г. Грамматические категории // Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. С. 32–51.

³² О понятии «множество» в семантике синтаксиса см. [Селивёрстова 1983].

- Гарипов/Вильданова 1988 — *Гарипов Т.М., Вильданова Н.Г.* Семантика синтаксического нуля // Исследования по семантике. Уфа, 1988. С. 95–101.
- Гетманова 1996 — *Гетманова А.Д.* Учебник по логике. М., 1996.
- Гулыга/Шендельс 1969 — *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Докулил 1967 — *Докулил Милош.* К вопросу о морфологической категории // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 3–16.
- Есперсен 2002 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 2002.
- Жолковский/Мельчук 1969 — *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* К построению действующей модели языка «мысль — текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. № 11. С. 5–35.
- Задворная 2001 — *Задворная Е.Г.* Категоризация // Новейший философский словарь / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск, 2001.
- Зализняк 1989 — *Зализняк А.М.* Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии // Вопросы грамматической асимметрии. Ташкент, 1989. С. 30–35.
- Категория количества 1990 — Категория количества в современных европейских языках / Отв. ред. В.В. Акуленко. Киев, 1990.
- Кондаков 1967 — *Кондаков Н.И.* Введение в логику. М., 1967.
- Кондрашов 1975 — *Кондрашов Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
- Котарбиньский 2000 — *Котарбиньский Т.* Лекции по истории логики. Виробиджан, 2000.
- Кржижкова 1974 — *Кржижкова Е.* Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М., 1974 С. 122–144.
- Кубрякова 1997 — *Кубрякова Е.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова и др. 1996 — *Кубрякова Е., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Лакофф 2004 — *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Ломтев 1971 — *Ломтев Т.П.* Квантитативы современного русского языка / Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. М., 1971. С. 106–116.
- Манучарян 2004 — *Манучарян Р.С.* Нулевые корни / Проблемы теории и истории славянского словоупотребления. Минск, 2004. С. 194–197.
- Марковский 1974 — *Марковский И.К.* Слова со значением неопределенной множественности в современном русском языке // Филологические науки. 1974. № 4. С. 77–84.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле / Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974. С. 343–361.

- Мельчук 1999 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистической модели «смысл \Leftrightarrow текст»: Семантика, синтаксис. М., 1999.
- Мельчук/Жолковский 1984 — Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien: Wiener Slawischer Almanach, 1984. Sonderband 14.
- Новицкая 1978 — Новицкая В.В. Лексика с количественным значением в современном русском языке / АҚД. Уфа, 1978.
- Ондрус 1971 — Ондрус Павел. Количественные слова в системе частей речи / Филологические науки. 1971. С. 59–69.
- Пиаже/Инельдер 2002 — Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и сериация. М., 2002.
- Платон 2000 — Платон. Диалоги. М., 2000.
- Потапова 1983 — Потапова М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 130–141.
- Полянский 1984 — Полянский А.Н. План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. 1984. № 1 (139). С. 34–41.
- Ревзина 1973 — Ревзина О.Г. Общая теория грамматических категорий // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 5–38.
- Розенталь/Теленкова 1976 — Розенталь Д.Э, Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Селивёрстова 1983 — Селивёрстова О.Н. Понятие «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 142–150.
- Тураева/Биренбаум 1985 — Тураева З.Я, Биренбаум Я.Г. Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.
- Тураева/Биренбаум 1988 — Тураева З.Я, Биренбаум Я.Г. Еще раз о функционально-семантической категории количества // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. Л., 1988. С. 110–121.
- Улуханов 1975 — Улуханов И.С. О словообразовательной категории (на материале глаголов, мотивированных именами) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1975. Т. 14. № 1. С. 27–35.
- Холодович 1979 — Холодович А.А. Категория множества в японском в свете теории множества в языке // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Чеснокова 1983 — Чеснокова Л.Д. Выражение категории количества глагольными формами в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 82–90.

- Шведова 1983 — *Шведова Н.Ю.* Лексическая классификация русского языка (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание: IX Международной съезд славистов (Киев: сентябрь 1983). Доклады советской делегации. М., 1983. С. 306–323.
- Шляхтенко 1968 — *Шляхтенко С.Г.* Категории качества и количества. Л., 1968.
- Dabić 2000 — *Dabić Bogdan.* Beleške o kategoriji jediničnosti u srpskom jeziku // *Naš jezik.* Beograd, 2000. Knj. 33. Sv. 3–4. S. 198–203.
- Dressler 1968 — *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen. Wien: Kommissionsverlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1968.
- Meiniger 1934 — *Meiniger K.* Zahlwort und Ziffer. Aus der Kulturgeschichte unserer Zahlsprache, unserer Zahlschrift und des Rechenbretts. Breslau: F. Hirt, 1934.
- Hegel 1975 — *Hegel G. W. F.* Werke. Neu ed. Ausg. d. Werke v. 1832–1845. Bd. 6. Wissenschaft der. Logik. 2. 1. T. Die objektive Logik. 2. Buch. 2. T. Die subjektive Logik. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1975.
- Jakobson 1939 — *Jakobson R.* Signe zero // *Melanges de linguistique offerts a Charles Bally. Readings in linguistics II* / Ed. by P. H. Eric etc. P. 143–152.
- Jović 1977 — *Jović Dušan.* O nultim vrednostima u jezičkoj strukturi // *Južnoslovenski filolog.* Beograd, 1939. Knj. 33. S. 17–22.
- Kant 1944 — *Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft. Hamburg: Meiner, 1944. XLVII.
- Kristal 1985 — *Kristal Dejvid.* Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike. Beograd: Nolit, 1985.
- Metzler 2000 — *Metzler Lexikon Sprache* / Herausgegeben von Helmut Glück. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2000.
- Pete 1981 — *Pete I.* Семантические типы количественных отношений // *Die Welt der Slawen.* München, 1981. Jg. XXVI. Heft 2. S. 338–345.
- Šarić 2002 — *Šarić Ljiljana.* Kvantifikacija u hrvatskom jeziku. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002.
- Tafra 1989 — *Tafra Branka.* Što su brojevi? (Gramatički i leksikografski problem) // *Rasprave zavoda za jezik.* Zagreb, 1989. Knj. 15. S. 219–237.
- Wundt 1906 — *Wundt W.* Logik. Stuttgart, 1906.

О. Ю. БОГУСЛАВСКАЯ

КВАНТОРНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТИПА *ВСЕОБЩИЙ*¹

0. Введение в проблему

Предмет исследования в настоящей работе — семантика прилагательных *всеобщий, поголовный, тотальный, повальный, сплошной* и их сопоставление с некоторыми другими лексемами, близкими к ним в том или ином отношении.

По своему значению эти прилагательные сближаются с кванторным словом *весь*, с помощью которого их естественно толковать. Их семантика, которая будет подробно описана ниже, однако, гораздо богаче семантики классического квантора всеобщности (\forall), используемого в исчислении предикатов первого порядка.

¹ В статье обобщаются результаты работы автора над синонимическими рядами прилагательных *ВСЕОБЩИЙ* 1 (необиходн.), *ПОГОЛОВНЫЙ*, *ПОВАЛЬНЫЙ*, *книжн. ТОТАЛЬНЫЙ*, *СПЛОШНОЙ* 1.2 'такой, участниками которого являются все члены большой группы', *ВЗАИМНЫЙ*, *необиходн. ОБОЮДНЫЙ*, *офиц. ДВУСТОРОННИЙ* 2, *ДВУХСТОРОННИЙ* 2 'такой, субъекты которого действуют одинаковым образом по отношению друг к другу или находятся в одинаковом состоянии по отношению друг к другу или участвуют в одной деятельности, в результатах которой они одинаково заинтересованы, хотя их конечные цели могут не совпадать', и *СОВМЕСТИЙ* 1, *ОБЩИЙ* 2, *КОЛЛЕКТИВНЫЙ* 1 'такой, который осуществляется субъектами, имеющими единую цель и действующими одновременно' для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка. Эти словарные описания, опубликованные в работах [НОСС 1997, 2000, 2003, 2004], обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю. Д. Апресяна. Автор благодарит руководителя семинара и всех его участников за ценные замечания, высказанные при обсуждении.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических исследований РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4.15 «Системообразующие смыслы в русском языке», а также при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-04-00306а, гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6 и гранта 7-го конкурса экспертизы РАН «Семантика, прагматика и синтаксис служебных слов русского языка», индекс 119019.

Отличаются они от слова *весь* и синтаксически: квантор *весь* непосредственно определяет то, что он квантифицирует, в то время как рассматриваемые прилагательные характеризуют ситуацию, указывая на то, что одним из участников этой ситуации являются все члены большой группы.

1. Прилагательные типа *всеобщий* в сопоставлении с квантором *весь* и прилагательными типа *совместный* и *взаимный*

Используя для основной лексемы, выражающей идею, близкую к логическому квантору всеобщности, ярлык *весь*, мы не можем сослаться на устойчивую лексикографическую традицию. В МАС имеется вокабула ВЕСЬ, трактуемая в своем основном значении как определительное местоимение и имеющая формы единственного и множественного числа. При этом собственно кванторное значение («Указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений...») усматривается только у форм множественного числа и подается за знаком || как отдельное подзначение. Формы единственного числа рассматриваются при этом как показатель того, что объект рассматривается в полном объеме. В БТС присутствует вокабула ВСЁ, трактуемая аналогичным образом².

В работе [Булыгина, Шмелев 1988] показано, что между двумя разновидностями значений «в полном объеме» и «в полном составе» нет непроходимой границы: в примерах типа *весь отдел* естественно усмотреть значение «в полном составе», а в примерах типа *все руки исцарапаны* — «в полном объеме». В соответствии с этим мы в дальнейшем рассматриваем лексему *весь* в ее основном кванторном значении как имеющую обе числовые формы.

² Ср. данные МАС и БТС: «ВЕСЬ¹, всего, м.; вся, всей, ж.; всё, всего, ср.; мн. все, всех; *мест.*, *определят.* 1. Определяет что-л. как нераздельное, взятое в полном объеме: целый, полный. *Все лето. Во всем мире. Молчать всю дорогу. Анна все утро провела с Долли и с детьми.* Л. Толстой, Анна Каренина. — *Ты, папа, всю эту сказку рассказал? До конца?* Куприн, Сказка || мн. ч. (все, всех). Указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений: без изъятия, каждый в совокупности с другими. *Все народы мира. Со всех сторон*» [МАС].

«ВСЁ, всего, ср.; мн.: все, всех. *местоим.* *определят.* 1. Определяет что-л. как нераздельное, взятое в полном объеме: целый, полный. *Всё лето. Во всем мире. Молчать всю дорогу. Прочитать всю книгу. Патриарх всея Руси* // мн.: все, всех. Указывает на исчерпывающий охват отдельных однородных предметов, лиц, явлений: без изъятия, каждый в совокупности с другими. *Все народы мира. Со всех сторон. По всем правилам*» [БТС].

В работе [Богуславский, наст. сб.] предлагается следующее определение кванторов «Кванторным мы будем называть слово, одна из валентностей которого соответствует некоторому объекту, а другая обозначает приписываемый ему признак и прототипически заполняется группой сказуемого»³.

Общую часть значения прилагательных *всеобщий, поголовный, повальный, тотальный, сплошной* можно истолковать следующим образом: 'такой, участниками⁴ которого являются все члены большой группы'. Поскольку эти прилагательные толкуются через квантор *весь*, естественно ожидать, что они будут иметь сходную валентную структуру.

Слово *весь* имеет две валентности: валентность квантифицируемого объекта и валентность признака, который этим объектам приписывается. Валентность квантифицируемого объекта у *весь* заполняется его синтаксическим хозяином, а валентность признака — группой глагола. Например, в предложении *Грабили все дома и лавки* валентность объекта заполняет сочинительная группа *дома и лавки*, а валентность признака — вершинный глагол. В параллельном примере *В эти дни и в ближайшие шел повальный грабеж домов и лавок* (Е. Тарле. «Нашествие Наполеона на Россию») валентность объекта при прилагательном *повальный* заполняет аналогичная сочинительная группа, а валентность признака — существительное *грабеж*.

Таким образом с точки зрения процитированного выше определения рассматриваемые прилагательные не могут считаться типичными кванторами, поскольку валентность признака у них заполняется не глагольной группой, а существительным. Но их близость к кванторам несомненна.

Приведем типовые примеры употребления прилагательных *всеобщий, поголовный, тотальный, повальный, сплошной* и попробуем предложить параллельные примеры с квантором *весь*.

- (1) *Ожидали всеобщего пересмотра дел* ≈ *Ожидали, что будут пересмотрены все дела*;
- (2) *В районе бедствия было проведено поголовное обследование населения* ≈ *В районе бедствия было обследовано все население*;
- (3) *Началось повальное увлечение западными танцами?* ≈ *Все увлеклись западными танцами*;

³ Аналогичным образом трактуются кванторы в [Богуславский 2004].

⁴ Мы всюду используем термин «участник ситуации» в очень широком смысле, так, как это принято в теории валентностей. Участниками мы называем не только субъекты, объекты, адресаты, но и аспекты рассматриваемых ситуаций, причины и под.

- (4) *Только так можно избежать тотального социального взрыва* (параллельный пример с *весь* породить не удастся);
- (5) *Сплошная рубка леса недопустима* ≈ *Вырубить весь лес недопустимо*;
- (6) *Неожиданно для себя она столкнулась со сплошным недоверием и затаенной завистью* («Новый мир», 1998, № 3) ≈ *Ей никто не доверял или Ей во всех отношениях не доверяли*.

Приведенные примеры показывают, что перифразирование с использованием квантора *весь* во многих случаях затруднено. Это вызвано в первую очередь тем, что синтаксическая позиция квантора *весь* однозначно указывает на квантифицируемые объекты, а прилагательные рассматриваемого типа способны квантифицировать разных участников ситуации, обозначаемой их синтаксическим хозяином.

Как будет показано ниже, основные различия между рассматриваемыми прилагательными как раз и заключаются в различных ограничениях, накладываемых ими на роль квантифицируемого объекта в ситуации, описываемой синтаксическим хозяином прилагательного.

Прилагательные типа *всеобщий* входят в большой класс прилагательных, синтаксически относящихся к обозначениям ситуаций, но накладывающих ограничения в первую очередь на различных участников ситуации. К этому классу относятся, кроме рассматриваемых здесь слов, прилагательные *совместный*, *общий*, *коллективный*, *взаимный*, *обоюдный*, *двусторонний* (*двухсторонний*)⁵. Объединяет все эти прилагательные одно общее свойство: они, если воспользоваться терминологией Л. Теньера, предназначены для транспозиции прототипического предикатного выражения с личным глаголом в именную группу. Понятно, что какие-то смыслы при этом теряются. Существенно, однако, выявить те смыслы, которые возникают благодаря такой транспозиции.

2. Сходства и различия между прилагательными *всеобщий*, *поголовный*, *повальный*, *тотальный*, *сплошной*

Рассматриваемые слова указывают на то, что участников рассматриваемой ситуации много, но не так просто указать, каких именно участников много.

⁵ Семантика этих прилагательных описана в словарных статьях О. Ю. Богуславской в [НОСС 2004] и, кроме того, в работах [Богуславская 2004] и [Богуславская (в печати)].

По многим семантическим свойствам эти прилагательные делятся на две группы⁶.

Первую группу образуют прилагательные *всеобщий*, *поголовный* и *повальный*. В контексте названий действий они чаще всего квантифицируют субъекты и объекты этих действий.

Вторую группу образуют прилагательные *тотальный* и *сплошной*. Для них, напротив, характерна квантификация аспектов ситуации, т. е. указание на то, что рассматриваемое явление имеет место с любой мыслимой точки зрения в любом мыслимом аспекте. Ср. характерные примеры:

- (7) *Весной 1999 года возрождающуюся Россию охватил тошнотворный вал всеобщей обязательной подготовки к пушкинскому юбилею* (А. Битов. «Ясность бессмертия (воспоминания непредставленного)»);
- (8) *Поголовные аресты иностранных коммунистов взволновали весь мир* (Политическая метафора);
- (9) *Повальные аресты выкосили когорту политкаторжан* (Архив газеты «Московский комсомолец»);
- (10) *Совершенно неприемлема в данном случае позиция тотального отрицания любых разумных подходов к политическому урегулированию* (Уппсальский корпус);
- (11) *И все это могло оказаться сплошной профанацией [занятий искусством], чушью* (А. Кучаев. «Филофиоли»).

2.1. Для прилагательного *всеобщий* характерна квантификация субъектов действий, занятий, состояний, умений и спо-

⁶ Некоторые из рассматриваемых прилагательных многозначны. Они рассматриваются в дальнейшем в одном из своих значений.

Анализируемая в данной статье лексема *всеобщий* 1 имеет близкую к рассмотренной лексему *всеобщий* 2, относящуюся к названиям людей — именам деятелей или именам объектов отношения; ср.: *всеобщий утешитель*; *всеобщий баловень*; *Жуковский, всеобщий любимец, казался ему неискренним* (В. Ходасевич. «Жизнь Василия Травникова»).

Кроме того, имеются клишированные сочетания *всеобщая история*, *всеобщая литература*, обозначающие соответственно историю и литературу всех стран и всех времен. Ср.: *С запозданием против товарищей Дудоров в годы войны кончил университет и был оставлен по двум кафедрам, русской и всеобщей истории* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Анализируемая в данной статье лексема *сплошной* 1.2 имеет близкую к рассмотренной лексему *сплошной* 1.1 'заполняющий все пространство или время без промежутков'; ср.: *По тротуарам сплошной стеной шел народ, — главным образом, отпускные офицеры, солдаты, в те дни познавшие сладость коммерции* (В. Ходасевич. «Гершензон»); *Жалобные стенания и ругательства слились в один сплошной рев* (М. Булгаков. «Багровый остров»); *Моя жизнь — сплошное прощание с предметами и людьми* (В. Набоков. «Памяти Л. И. Шигаева»).

собностей. Ср.: *всеобщее сокращение вооружений, всеобщая забастовка, всеобщая грамотность*.

- (12) *Между тем волны всеобщего энтузиазма, которые одна за другой обрушивались на Марию Тихоновну, стали понемногу стихать* (Ф. Абрамов. «Слон голубоглазый»);
 (13) *И тут, ко всеобщему возмущению, всех высадили* (А. Битов. «Лес»);
 (14) *Однажды, на моих глазах, два маленьких мальчика, поддавшись всеобщей панике, побежали вместе со стадом и были насмерть раздавлены* (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»).

Субъектами этих действий, занятий, состояний, умений и способностей во всех этих случаях являются люди.

Значительно реже это прилагательное используется для квантификации объектов действия, как в клишированном выражении *всеобщая мобилизация* или примере (15):

- (15) *Идеи всеобщего усреднения, сдерживания сильных и лести слабым, подавления всякого мужественного, агрессивного начала покончат с цивилизацией, лишат общество сил* (А. Кабаков. «Последний герой»).

При этом в ряде случаев граница между субъектами и объектами оказывается стертой из-за невозможности выбора между субъектной и объектной интерпретацией квантифицируемых отглагольных существительных; ср. *всеобщее обучение <образование>* [все учатся vs. всех учат];

- (16) *На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению* (Н. Бердяев. «Истина Православия»).

Прилагательное *всеобщий*, в отличие от прочих рассматриваемых прилагательных, допустимо при квантификации небольших групп людей, состоящих всего из нескольких человек.

- (17) *Всеобщее веселье было прервано появлением нового гостя*.

2.2. Прилагательное *поголовный* способно квантифицировать и субъекты, и объекты.

Как и *всеобщий*, оно квантифицирует субъекты состояний, умений или процессов; ср. *поголовное пьянство, поголовная грамотность*;

- (18) *Осталось позади поголовное увлечение самиздатом* (Архив «Независимой газеты»);
 (19) *Боюсь, что будет то же, что на Украине, когда скот сгоняли в одно место, где от бесконтрольности получился почти поголовный падеж* («Знамя», 2001, № 10).

Но в сочетании с названиями действий *поголовный*, в отличие от *всеобщий*, обычно квантифицирует о б ъ е к т ы этих действий.

- (20) *Поголовную профессиональную подготовку всех старшеклассников я бы отменил, сохранив в школе политехническую направленность трудового обучения* (Уппсальский корпус);
- (21) *Единственная слабость этой системы в том, что из-за поголовной зомбификации у власти тоже рано или поздно окажутся зомби* (В. Пелевин. «Зомбификация»).

Ср. также нормальное *поголовная смена руководящего состава* и неприемлемое **всеобщая смена руководящего состава*.

Лишь в контексте существительных, обозначающих *вынужденные* действия, *поголовный* приобретает способность квантифицировать их субъекты; ср.: *поголовное бегство, поголовный переход в новую веру*.

Во всех этих контекстах *поголовный* может квантифицировать как людей, так и животных.

Прилагательное *всеобщий* и *поголовный* противопоставлены, кроме того, еще по двум признакам.

Поголовный, в соответствии со своей внутренней формой, указывает на то, что каждый представитель класса рассматривается индивидуально. Поэтому в контекстах, где индивидуализация участников неуместна, используется *всеобщий*, но не *поголовный*; ср.: *всеобщая бесплатная медицинская помощь vs. поголовное обследование лиц, имевших контакт с вирусоносителем*. Ср. также невозможность замены *всеобщий* на *поголовный* в следующих примерах, где участников ситуации естественно рассматривать как единое целое:

- (22) *Они — проповедники всеобщего благополучия* (Ю. Визбор. «Завтрак с видом на Эльбрус»);
- (23) *К идее всеобщего мира возвращается он не раз в стихах, и между прочим — по случаю измаильской победы* (В. Ходасевич. «Прежде и теперь»);
- (24) *Пик дискуссий, исследований и статей по этому вопросу падает на тот год, когда Плащаница была выставлена для всеобщего обозрения* (А. Битов. «Преподаватель симметрии»).

Прилагательное *поголовный*, в отличие от *всеобщий*, подчеркивает, что участниками ситуации являются все представители некоторой группы без исключения. Ср. контрастные примеры:

- (25) *Объявлена всеобщая мобилизация vs. До тридцати пяти лет поголовная мобилизация* (М. Шагинян. «Перемена»).

По этому признаку *поголовный* сближается с прилагательными *повальный*, *тотальный* и *сплошной*.

При этом только прилагательные *поголовный* и *тотальный*, указывающие на полноту охвата квантифицируемой группы, сочетаются с наречиями со значением неполноты признака типа *едва ли не*, *почти*.

(26) *Ко всему этому [надо] прибавить чуть не поголовную цингу, выроставшую, как во времена Беринга, в грозную и опасную эпидемию, уносившую тысячи жизней* (В. Шаламов. «Колымские рассказы»);

(27) *Другое проявление авторитаризма — почти тотальный контроль и пригляд за учителем, когда фиксируется каждый его шаг* (Уппсальский корпус).

2.3. Прилагательное *повальный* квантифицирует субъекты состояний, причем преимущественно таких, в которые субъект попадает не по своей воле или, по крайней мере, не вполне по своей воле, а под влиянием окружения, обстоятельств. В первую очередь оно характеризует болезни, которые распространяются настолько широко, что заболевают почти все жители некоторой территории.

(28) *Были долгие эпидемии, были долго повальные болезни от трупов гадюк и людей* (М. Булгаков. «Роковые яйца»).

Прочие состояния при прилагательном *повальный* в той или иной степени уподобляются болезням.

(29) *Исходя из <...> повальной склонности человека к смерти, ответ представляется однозначным и может быть сформулирован с апостольской прямоотой — никак* (С. Гандлевский. «<НРЗБ>»).

Этот компонент смысла, естественно, теряется при транспозиции в глагольную группу с квантором *весь*. В контексте типа *Все люди безгранично верили в политические формулы эпохи* нет уподобления этой веры болезненному состоянию, в отличие от текста (30); ср. также аналогичный эффект в (31).

(30) *Нельзя понять ту эпоху, если позабыть повальную, безграничную веру в политические формулы* (Ю. Щеглов. «Романы И. Ильфа и Е. Петрова»);

(31) *Мы переживали те годы, которые шли за 1905-м: годы душевной усталости и повального эстетизма* (В. Ходасевич. «Муни»).

Кроме того, *повальный* может квантифицировать и объекты действий, особенно насильственных.

- (32) *Говорят, что повальные обыски идут, всё офицеров ищут* (М. Булгаков. «Белая гвардия»);
- (33) *Не знаю точно, да и как бы мог я узнать в те годы повального террора, но, по некоторым признакам, заключаю, что был не одинок* («Знамя», 2001, № 4).

Это прилагательное, подобно прилагательному *поголовный*, может квантифицировать также субъекты действий, особенно вынужденных.

- (34) *Город загорелся во всех местах, где бросили горящие печи и начали безнадежный повальный исход* (М. Булгаков. «Роковые яйца»).

И в том и в другом случае *повальный* может относиться как к людям, так и к животным.

Повальный характеризует ситуации, вызванные к жизни благодаря какой-то стихийной силе.

Еще одно характерное свойство этого прилагательного, отличающее его от всех других рассматриваемых прилагательных, — способность указывать на то, что какой-то процесс распространяется на его участников не одновременно, а последовательно, охватывая одного за другим.

- (35) *Болезнь, как пожар, займется, не потушишь — перекинется на откормочных, начнется повальный мор* (В. Тендряков. «Поденка — век короткий»).

Наконец, *повальный* используется преимущественно для характеристики ситуаций, оцениваемых отрицательно:

- (36) *С разговорами о гибели экономики и культуры, о повальной деградации и вымирании населения постепенно ушла тема рокового распада России* («Знамя», 2001, № 1).

2.4. *Синонимы второй группы, тотальный и сплошной*, сближаются друг с другом по следующим признакам.

Во-первых, оба указывают на то, что в характеризруемую ситуацию вовлечены все члены некоторой группы без исключения.

- (37) *Самое здоровое дерево оставляют для осеменения: сплошная вырубка обедняет генетический фонд* (Уппсальский корпус);
- (38) *Тотальное разрушение быта и социальных структур сказалось на старообрядчестве роковым образом* (Л. Воронцова, С. Филатов. «Церковь достоинства»).

Во-вторых, при сочетании с названиями действий для обоих синонимов характерна квантификация объектов.

- (39) Он провел в Германии тотальную мобилизацию, собрал огромные резервы и сосредоточил на советско-германском фронте около 6 миллионов войск (С. Сыров. «Страницы истории»);
- (40) В разгуле сплошной коллективизации погибло около 55% конского поголовья (Л. Троцкий. «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?»).

При этом часто происходит одновременная квантификация и объектов действия, и аспектов данной ситуации.

- (41) Именно тогда был в общих чертах разработан стратегический план тотального террора, то есть того, что теперь принято называть тридцать седьмым годом (Ю. Алешковский. «Рука (повествование палача)»);
- (42) Нацисты не овладели еще искусством тотального контроля, в этом их намного опередили большевики («Знамя», 2001, № 12);
- (43) Ему предстояло пережить ужасы сплошного террора (Архив газеты «Московский комсомолец»).

Наконец, в-третьих, и *тотальный* и *сплошной* при сочетании с именами состояний могут квантифицировать одновременно и субъекты состояния, и аспекты ситуации. Ср.:

- (44) Тотальное недоверие друг к другу, ржавчина, разъедавшая громоздкую <...> машину царской администрации (Ю. Семенов. «Непримиримость»);
- (45) Тот убогий минимум социальных гарантий, который со скрипом предоставляет человеку наша заботливая система в обмен на его тотальную зависимость, может быть признан воплощением идеала социальной справедливости лишь тем, кто заведомо согласен на роль ее «винтика» (Политическая метафора).

Ср. также приводимый выше пример (6).

Эта способность квантифицировать одновременно разных участников ситуации, а также прихотливая избирательность в целом близких по смыслу прилагательных являются отличительной чертой рассматриваемой группы лексики. Именно примеры двух последних типов не допускают перифразирования с использованием квантора *весь*, поскольку при этом неизбежно теряется идея одновременной квантификации разных участников ситуации.

В других отношениях между *тотальный* и *сплошной* обнаруживаются различия.

При характеристике действий прилагательное *тотальный* может одновременно квантифицировать субъекты и объекты действий. Ср. контрастную пару:

- (46) Они скрывали от нас <...> несостоятельность очередных кампаний, злоупотребления властью, тотальное воровство, вырождение нравов, глумление над верой (Ю. Алешковский. «Рука (повествование палача)») [воруют все и всё] vs. *всеобщее* <поголовное> воровство [воруют все].

Прилагательное *тотальный* в большей степени, чем прочие синонимы ряда, требует, чтобы размер класса, к которому принадлежат участники ситуации, был достаточно большим.

- (47) В эпоху тотального дефицита на территории такой огромной страны проводники давно стали кем-то вроде снабженцев (Ф. Незнанский, Э. Тополь. «Журналист для Брежнева»).

Ср. невозможность замены *всеобщий* на *тотальный* в контекстах типа *Тогда наша компания переживала период всеобщего увлечения походами*.

Прилагательное *тотальный* в большинстве случаев характеризует ситуации, вызванные к жизни благодаря какой-то внешней силе — давлению социума или власти.

- (48) И не мне вам рассказывать, гражданин Гуров, что такое сила и ужас тотальной пропаганды (Ю. Алешковский. «Рука (повествование палача)»);

- (49) Что это — социалистическая шизофрения? Тотальное обесценение слова? (Е. Кацева. «Мой личный военный трофей»).

В свою очередь, прилагательное *сплошной*, в отличие от *тотальный*, может употребляться для характеристики свойств субъектов ситуации.

- (50) Еще в XIX веке Дания была страной сплошной грамотности (Уппсальский корпус).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2001 — Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
- Богуславская 2004 — Богуславская О.Ю. Цели субъектов ситуации и их взаимоотношения в семантике прилагательных // III Jornadas andaluzas de eslavistica. Granada, 2004.
- Богуславская (в печати) — Богуславская О.Ю. Цели и взаимоотношения субъектов ситуации в семантике прилагательных (в печати).
- Богуславский 2004 — Богуславский И.М. Целое — Часть — Признак // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.

- Богуславский (наст. сб.) — *Богуславский И. М.* Валентности кванторных слов.
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. Вып. 1.
- НОСС 2000 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. Вып. 2.
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2003. Вып. 3.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

ВАЛЕНТНОСТИ КВАНТОРНЫХ СЛОВ¹

1. Постановка задачи

Наблюдения, которые мы хотели бы высказать в данной работе, мыслятся в рамках общей задачи — исследование механизмов соединения значений слов в предложении. Эту задачу можно сформулировать так. Пусть дано предложение, для которого известны значения всех входящих в его состав слов и то, каковы синтаксические связи между ними. Требуется определить семантическую структуру всего предложения. Подробнее об этом подходе см. [Богуславский 1996].

Основной механизм соединения значений слов — заполнение валентностей. Принято считать, что валентности нужны в первую очередь для того, чтобы описывать управление слов. На решение этой задачи направлены многочисленные словари валентностей. Мы хотим сделать другой акцент: валентности нужны в первую очередь для того, чтобы обеспечивать соединение значений слов в предложении.

Активные валентности (т. е. такие, которые заполняются синтаксически подчиненными элементами предложения) хорошо приспособлены для того, чтобы обеспечивать соединение значений слов. Это проявляется прежде всего в том, что, как правило, существует взаимно-однозначная связь между валентностью и способом ее выражения. На эту связь можно посмотреть с двух сторон. Глядя со стороны валентностей, можно утверждать, что каждая валентность однозначно характеризуется некоторым набором средств ее выражения. Если у слова несколько валентностей, то способы их выражения, как правило, хорошо противопоставлены: разные валентности маркируются разными средствами — падежами, предлогами, союзами. Впрочем, это происходит не всегда. Иногда можно встретить и тождественные средства выражения разных валентностей при одном и том же предикате. Самый распространенный пример — субъектный и объектный генитив у существительных — *amor patris*, *приглашение писателя*. Сюда примыка-

¹ В основе этой работы лежит доклад, сделанный на конференции «Квантитативный аспект языка» в июне 2003 г., и краткая статья [Богуславский 2004]. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 02-06-80085а, 04-07-90179в, 05-06-80-361) и РГНФ (№ 04-04-00263).

ют параметрические существительные типа *высота, длина, глубина, вес, мощность* и т. п.; ср. *высота Монблана* [Апресян 1974]. Более редкий пример — слова *достаточно* и *необходимо*. Чтобы *Q*, *достаточно* <*необходимо*>, чтобы *P*: Чтобы все взлетело на воздух, *достаточно* <*необходимо*>, чтобы кто-нибудь поднес спичку. Впрочем, в этом случае тождество союза компенсируется различием в порядке слов: **Чтобы кто-нибудь поднес спичку, достаточно* <*необходимо*>, чтобы все взлетело на воздух. Интересно, что в случае *достаточно* (но не *необходимо*) эта валентность может выражаться и союзом *и*: *Достаточно, чтобы кто-нибудь поднес спичку, и все взлетит на воздух*.

Таким образом, даже когда разные валентности маркируются одними и теми же лексико-грамматическими средствами, язык стремится провести различие другим способом.

Если взглянуть на соотношение «валентность — средства выражения» со стороны последних, то можно сказать, что синтаксическая структура² полно и однозначно маркирует заполнение валентностей. Для определения актантов предикатных слов не требуется никакой информации, не представленной в синтаксической структуре предложения. Если, например, некоторая валентность глагола в принципе реализуется первым дополнением, и в конкретном предложении у этого глагола первое дополнение имеется, то можно с уверенностью утверждать, что валентность заполнена. Если валентность не выражена, то и синтаксическая позиция, соответствующая этой валентности, остается незаполненной. Трудно себе представить, чтобы могло быть иначе. Даже пассивные валентности, как правило, таковы: если прилагательное служит определением к существительному, то это существительное наверняка будет заполнять валентность этого прилагательного. В случае неоднозначности «актант» vs. «сирконстант» должна быть и разная синтаксическая структура. Ср. известный пример Ю. Д. Апресяна *хорошо охарактеризовал*: осмысление 'дал положительную характеристику' соответствует комплетивной синтаксической связи между глаголом и наречием, а осмысление 'хорошо справился с делом' соответствует обстоятельственной связи.

Мы рассмотрим валентные свойства некоторых кванторных слов, включающих в свое значение комбинацию 'целое' — 'часть' —

² Мы имеем в виду синтаксическую структуру, в которой синтаксические функции слов различены с достаточной степенью подробности и, в частности, различаются подлежащие и разные типы дополнений. Такие синтаксические структуры используются, в частности, в теории «Смысл — Текст» и в основном на ней лингвистическом процессоре ЭТАП [Мельчук 1974; Апресян и др. 1992].

‘признак’. Конкретнее говоря, речь пойдет о словах, вводящих представление о некоторой совокупности объектов, из которой выделяется подкласс по признаку обладания некоторым свойством. Например, в предложении *Некоторые дети любят лазить по деревьям* слово *некоторый* выделяет в классе детей подкласс по признаку «любить лазить по деревьям». В предельных случаях подкласс совпадает с объемлющим классом (*все дети*) или вообще оказывается пустым (*никакие дети*). Однако между этими полюсами имеется целая гамма промежуточных ситуаций, таких как *большинство (меньшинство), большая (меньшая) часть, многие (немногие), редкий* 2 (*Редкая птица долетит до середины Днепра*), *мало кто (что, какой, куда, когда), единственный, только, часть, половина, треть, процент* и др. Эти слова представляют большой интерес с точки зрения того, как компоненты ‘целое’ — ‘часть’ — ‘признак’ реализуются в предложении. Особенно поразительна та изобретательность, с которой эти компоненты маскируются друг под друга. В настоящей работе мы сосредоточимся в первую очередь на словах *большинство* и *меньшинство*.

2. Кванторные слова в формальной семантике

Интересующие нас слова относятся к классу кванторных. В отечественном языкознании распространено весьма широкое и диффузное понимание этого термина, при котором к классу кванторных относится любое слово, в котором можно усмотреть какую-либо количественную семантику. Это широкое понимание было представлено и во многих докладах конференции «Квантитативный аспект языка» (Институт языкознания РАН, 2003). В более узком понимании кванторными словами называют такие, которые соответствуют кванторам существования и всеобщности исчисления предикатов (*все, любой, каждый, всякий, некоторые, какой-нибудь, всегда, никогда, везде, нигде* и другие подобные).

С другой стороны, в западной лингвистике, точнее, в той ее ветви, которая получила название «формальная семантика» (ФС), утвердилась и активно разрабатывается теория обобщенных кванторов (Generalized Quantifiers theory), в которой кванторы понимаются несколько иначе. Основная идея, стоящая за понятием обобщенного квантора, состоит в следующем.

Как известно, семантический анализ кванторов в значительной степени опирается на логический подход. Логика предикатов первого порядка выделяет два квантора: \forall , квантор всеобщности, и \exists , квантор существования. В рамках этой логики структура

предложений, содержащих слова типа *все*, *некоторые* и пр., строится следующим образом.

(1) *Все дети любят лазить по деревьям.*

(1a) $\forall x$ (ребенок (x) \rightarrow любить лазить по деревьям (x)) [= 'для любого объекта x верно, что если он ребенок, то он любит лазить по деревьям'].

Сведение значений подобных предложений к формулам логики предикатов первого порядка обладает, с точки зрения ФС, двумя серьезными недостатками.

Во-первых, синтаксическая структура предложения (1) и его семантическая структура (1a) существенным образом не параллельны. Сравним предложение (1) с синтаксически подобным ему предложением (2).

(2) *Коля любит лазить по деревьям.*

Синтаксическая структура предложения (2) распадается на две части — именную и глагольную группы. В соответствии с этим членится и семантическая структура этого предложения. Именная группа *Коля* обозначает некоторого человека, а глагольная группа *любит лазить по деревьям* приписывает ему определенное свойство.

В предложении (1) соотношение между синтаксической и семантической структурой гораздо сложнее. В семантической структуре (1a) нельзя вычленить связный фрагмент, соответствующий именной группе *все дети*. Значение этой именной группы оказывается «разлитым» по всей семантической структуре. Такая ситуация для ФС крайне нежелательна. Основной постулат ФС — принцип композициональности — требует, чтобы семантическая интерпретация предложения была строго параллельна его синтаксической интерпретации. Это значит, в частности, что если предложение синтаксически состоит из именной и глагольной групп, то его значение должно по единым правилам складываться из значений этих двух групп, формируемых независимо друг от друга. Между тем, как мы видели выше, значение именной группы *все дети* нельзя представить отдельно от значения глагольной группы, и следовательно, предложение (1), строго говоря, не поддается композициональному описанию. Желательно иметь единообразный способ трактовки всех именных групп, как квантифицированных (*все дети*), так и неквантифицированных (*Коля*), с тем, чтобы семантическая структура предложений (1) и (2) зеркально отражала их синтаксическое строение.

Второй недостаток логики предикатов первого порядка состоит в том, что многие выражения естественного языка, интуитивно весьма близкие к словам типа *все* и *некоторые*, вообще невыразимы с по-

мощью логической формулы. Это касается таких слов и выражений, как *многие, почти все, мало какие, часто, редко* и др.³.

Решение этой проблемы в рамках логического подхода к описанию языка нашел Р. Монтегю [Montague 1974], который предложил способ единообразной семантической трактовки разнородных именных групп — индивидуальных (типа *Коля*), местоименных (типа *он*) и квантифицированных (типа *все* <*некоторые, многие*> *дети*). Всем этим именным группам был присвоен единый семантический тип — $\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$, который позже был назван «обобщенным квантором» (Generalized Quantifier). Не вдаваясь в формальные детали и несколько огрубляя, можно сказать, что обобщенный квантор — это такая единица, присоединение к которой эквивалента одноместного глагола дает предложение. Собственно, сами слова типа *все* и *некоторый* кванторами не являются. Это лишь определяющие слова (determiners) для имен нарицательных, а кванторами они становятся лишь в сочетании с ними.

После Монтегю теория обобщенных кванторов получила бурное развитие, прежде всего в работах Дж. Барвайза и Р. Купера, Э. Кинена, Б. Парти и др., и на сегодняшний день, по-видимому, полностью взята на вооружение в ФС, в то время как «неформальная» семантика в западной лингвистике кванторными словами интересуется мало. В рамках теории обобщенных кванторов был получен ряд интересных результатов (см. обзор и обширную библиографию в [Keenan 1996; 2002; Partee 1996]). Самым значительным среди них нам представляется решение вопроса о том, каковы семантические свойства контекста, в котором могут выступать отрицательно поляризованные единицы [Ladusaw 1980]. Мы вернемся к концепции обобщенных кванторов ниже, после того как поясним, как понимаются кванторные слова в нашей работе.

3. Валентное определение кванторов

Специфику кванторных слов в нашем понимании удобно продемонстрировать на примере близких по смыслу прилагательных *многие* и *многочисленный* (см. [Богуславский 1996: 168–169]).

³ К этим недостаткам, ясно осознанным формальной семантикой, можно добавить и тот факт, что даже в тех случаях, когда логика первого порядка, на первый взгляд, располагает прямым коррелятом для слов естественного языка, она не в состоянии выразить существенные дополнительные компоненты значения, которые присутствуют в этих словах наряду с «чистым» значением существования или всеобщности. Ср., например, известную проблему различий между *все, каждый* и *всякий* или между *некоторые, какие-то, какие-нибудь* и *какие-либо*.

Оба прилагательных сообщают о том, что нечто имеется или мыслится в большом количестве, и в силу этого могли бы быть синонимами. Однако они совершенно не взаимозаменяемы:

- (1) *Депутат ответил на многочисленные письма своих избирателей.*
- (2) *Депутат ответил на многие письма своих избирателей.*

Прежде всего, бросается в глаза, что в предложении (1) количественной оценке подвергаются все письма избирателей, а в (2) — только их часть. На этот аспект семантики слов типа *многие/немногие* неоднократно обращалось внимание; см., например, различие между логической и прагматической квантификацией в [Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002], а также различие между частичным (proportional) и количественным (cardinal) значением слов *many* и *few*, проводимое в формальной семантике [Partee 1988]. Однако этим дело не исчерпывается. Не менее важно и то, что в предложении (2) не только подвергается квантификации лишь часть писем избирателей, но и сообщается, ПО КАКОМУ ПРИЗНАКУ ЭТА ЧАСТЬ БЫЛА ВЫДЕЛЕНА. Каких писем много в предложении (1)? Тех, которые избиратели прислали депутату. А в (2)? Тех, на которые депутат ответил. Из предложения (1) также вытекает, что депутат ответил на большое количество писем, но это уже логический вывод, обусловленный тем, что на все присланные письма депутат ответил, а их было много. Поэтому именная группа *многочисленные письма избирателей* понятна сама по себе, самодостаточна, в то время как группа *многие письма избирателей* без контекста семантически неполна: вне глагольной группы непонятно, каких именно объектов много. Иначе говоря, слово *многие* требует для своей интерпретации указания не только множества, из которого черпаются количественно оцениваемые объекты (письма избирателей), но и признака, на основании которого происходит выделение квантифицируемой части (депутат на них ответил). Это же можно сказать и про остальные слова рассматриваемого класса (*немногие, большинство, меньшинство* и др.).

После этих пояснений мы можем дать определение кванторного слова: кванторным мы будем называть слово, одна из валентностей которого соответствует некоторому объекту, а другая обозначает приписываемый ему признак и прототипически заполняется группой сказуемого. В примере (2) первая из этих валентностей заполнена сочетанием *письма избирателей*, а вторая — сочетанием *депутат ответил (на)*. Классические кванторы — *все* и *некоторые* — типичные представители класса кванторных слов. Подчеркнем, что существенным аспектом кванторности в нашем

понимании является прототипическое заполнение валентности признака группой сказуемого. В этом отношении поучительно сравнить слово *все* со словом *всеобщий*, рассматриваемым в работе О. Ю. Богуславской (наст. сборник). По смыслу они очень близки: *всеобщий пересмотр дел* означает, что пересматриваются все дела. Однако если у *все* валентность признака прототипически заполняется группой сказуемого, то у *всеобщий* она заполняется определяемым существительным. Поэтому, по нашему определению, прилагательное *всеобщий* кванторным словом не является.

Теперь мы можем сопоставить наше понимание кванторности с позицией формальной семантики.

4. Кванторные слова *vs.* обобщенные кванторы

Здесь было бы неуместно заниматься систематическим сопоставлением концепций ФС, с одной стороны, и Московской семантической школы (МСШ), в рамках которой мыслится настоящая работа, с другой. Мы остановимся лишь на тех сходствах и различиях, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Основное сходство мы видим в том, что «семантическим клеем», соединяющим вместе значения слов в предложении, признается валентная структура предложения (в терминологии ФС, *function-argument structure*). ФС усвоила эту революционную идею в начале 70-х гг. непосредственно от Р. Монтегю [Partee 1996: 21], хотя справедливости ради стоит отметить, что в работах по модели «Смысл — Текст», начиная со знаменитого 8-го выпуска сборника «Машинный перевод и прикладная лингвистика» 1964 г. и последующих многочисленных публикаций по толково-комбинаторному словарю, уже эксплицитно присутствовала идея, что значение многих слов содержит переменные для аргументов (или, в соответствии с терминологией модели «Смысл — Текст», актантов) и построение семантической структуры предложения предполагает обнаружение этих актантов в предложении на основании модели управления и подстановку их на место переменных.

Различия между подходами ФС и МСШ более многочисленны. Главное из них состоит в задачах, объекте и инструментах семантического анализа. Для МСШ экспликация значения (толкование) каждой языковой единицы, выполненная с максимально возможной детальностью, играет первостепенную роль (см. об этом, например, [Апресян 1999]). Инструментом такого описания служит естественный язык, хоть и несколько упрощенный и стандартизованный, но достаточный для выражения весьма тонких (чтобы не сказать «сколь

удотно тонких») семантических различий. ФС не ставит перед собой задачи истолковать все значимые элементы языка. Ее больше интересуют механизмы соединения значений, чем сами значения, и поэтому она пользуется для экспликации значений гораздо менее выразительным логическим метаязыком.

Далее, МСШ отличается от ФС тем, что мы не разделяем ее установки на максимальный параллелизм синтаксических и семантических структур. Конечно, удобно, когда они параллельны, но если языковой материал сопротивляется этому требованию, мы становимся на сторону материала.

Переходя непосредственно к описанию кванторных слов, в подходе ФС и в подходе, развиваемом в настоящей работе, можно обнаружить важный общий компонент. Он состоит в том, что значение квантора включает отсылку к глагольной группе, которая необходима для его семантической интерпретации. В случае ФС эта идея реализуется в том, что семантический тип обобщенного квантора содержит в своем составе тип одноместного глагола. В нашем случае — в том, что мы усматриваем у кванторных слов семантическую валентность, канонически заполняемую глагольной группой.

Есть, однако, и существенное различие, связанное с тем, на каком основании у того или иного слова усматриваются те или иные аргументы (валентности).

Для МСШ исходным пунктом является семантический анализ ситуации, обозначаемой данным словом, и построение его аналитического толкования, выполненное в соответствии с определенными требованиями. В этом отношении кванторные слова находятся в том же положении, что и все остальные — глаголы, существительные, прилагательные, наречия. Необходимым, хотя и недостаточным условием того, чтобы у слова признавалась определенная валентность, является интуитивная очевидность того, что в ситуации, обозначаемой данным словом, имеется соответствующий участник (партиципant). С точки зрения этого критерия далеко не все именные группы, попадающие в категорию обобщенных кванторов, дотягивают до того, чтобы у них признавалась семантическая валентность на глагольную группу. Именные группы *три студента* и *многие студенты* обе имеют способность образовывать предложение в сочетании с одноместным глаголом или его эквивалентом (например, *опоздали на лекцию*) и поэтому обе вправе считаться обобщенными кванторами. Однако семантическую валентность на глагольную группу мы готовы усмотреть только во второй из них.

Наконец, последнее обстоятельство: фиксация наличия у слова тех или иных семантических валентностей — это только нача-

ло дела. Вслед за этим необходимо описать все способы реализации этих валентностей в текстах, и притом НЕ ТОЛЬКО КАНОНИЧЕСКИЕ. Описанию всего спектра возможных реализаций валентностей кванторных слов мы придаем особое значение, поскольку в этой области кванторные слова особенно разительно отличаются от традиционных классов валентных слов, как это будет видно, в частности, из материала, приводимого ниже. Эта задача должна бы быть актуальной и для формальной семантики, поскольку невозможно объединять предикаты с аргументами, не зная всех возможных синтаксических позиций аргументов, их морфо-синтаксической формы и прочих ограничений. Между тем, насколько нам известно, такая задача формальной семантикой не ставится, по крайней мере в полном объеме. Известные нам описания кванторных слов, выполненные в русле ФС, ориентированы преимущественно на канонические (простейшие) способы выражения аргументов и поэтому, при всей изощренности используемого формального аппарата, являются упрощенными.

5. Значение слов *большинство* и *меньшинство*

Мы будем рассматривать слова *большинство* и *меньшинство*, типовые употребления которых представлены в примерах (1) и (2).

- (1) *Есть нужно уметь, а представьте себе — большинство людей вовсе есть не умеют* (М. Булгаков. «Собачье сердце»).
- (2) *В дележ государственного имущества втянуто лишь меньшинство населения.*

Впрочем, практически все употребления этих слов укладываются в рамки единого лексического значения. Исключение составляет, пожалуй, лишь «голосовательное» употребление слова *большинство* (*Решение было принято большинством голосов*), на котором мы специально остановимся ниже.

Семантика слов *большинство* и *меньшинство* в предложениях типа (1) и (2) вполне прозрачна. Употребляя слово *большинство*, мы имеем в виду, что существует некоторое ЦЕЛОЕ, в котором по некоторому ПРИЗНАКУ выделяется определенная ЧАСТЬ, и эта часть превышает остальную часть целого. Слово *меньшинство* отличается лишь тем, что выделенная часть меньше остатка. Так, предложение (1) сообщает, что людей, которые вовсе не умеют есть, больше, чем остальных. Аналогично, в (2) говорится, что лиц, втянутых в дележ государственного имущества, меньше, чем тех, которые оказались вне этого процесса.

В этих предложениях валентность целого заполнена именной группой в родительном падеже, валентность признака заполнена группой сказуемого, а валентность части не заполнена вовсе.

Слова *большинство* и *меньшинство* по смыслу очень близки выражениям *большая часть* и *меньшая часть*. Однако между этими парами выражений имеются и некоторые различия. Прежде всего, слова *большинство* и особенно *меньшинство*, в отличие от выражений *большая часть* и *меньшая часть*, обнаруживают явную тенденцию к обозначению людей, а не предметов. Однако это лишь тенденция. Употребление слова *большинство* в сочетании с предметным существительным в родительном падеже не запрещено, но такие случаи представлены в нашем корпусе, насчитывающем свыше 34 миллионов словоупотреблений, довольно скупо: *Самцы большинства прямокрылых способны стрекотать, тогда как самки лишены этой способности* (Вен. Ерофеев. «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора»); *Ныне же большинство загадок, ранее казавшихся непостижимыми, благополучно разрешены наукой* (Б. Акунин. «Алтын-Толобас»); *Большинство выявленных и невыявленных конфликтов довлазовских историй — в этом пограничном регионе* (А. Арьев. Предисловие к повести С. Довлатова «Заповедник»). Ни одного подобного примера со словом *меньшинство* в нашем материале не встретилось, а попытки его построить закончились неудачей; ср. примеры (3)–(4):

- (3) *Меньшая часть примеров была заимствована из словарей, остальные взяты из художественной литературы и публицистики.*
- (4) **Меньшинство примеров было заимствовано из словарей...*

Примечательно, что указанный запрет в связочной конструкции не действует:

- (5) *Таких примеров в нашем материале ¹меньшинство.*

Ниже, в разделе 6.3.4, будет показано, что различие в приемлемости предложений типа (4) и (5) не случайно, а обусловлено глубокими семантическими причинами.

Второе различие между словами *большинство* и *меньшинство* и выражениями *большая часть* и *меньшая часть* состоит в том, что *большинство* и *меньшинство* могут обозначать только дискретную часть целого, т. е. такую, элементы которой можно пересчитывать. В противном случае допустимы только выражения *большая часть* и *меньшая часть*: **Большинство <меньшинство> молока было закуплено в частных хозяйствах. — Большая <меньшая> часть молока была закуплена в частных хозяйствах.*

Это различие не сводится к противопоставлению исчисляемых и неисчисляемых существительных. С одной стороны, неисчисляемые (собирательные) существительные хорошо сочетаются со словами *большинство* и *меньшинство*: *Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно* (А. Чехов. «Вишневый сад»); *...люди, которые будут так думать о моих главных действующих лицах, все-таки еще составляют меньшинство публики* (Н. Чернышевский. «Что делать?»); *Вполне вероятная победа Бориса Ельцина, даже с большим отрывом от Геннадия Зюганова, тем не менее будет означать, что Президент России продолжит правление от имени меньшинства населения страны* («ИТАР-ТАСС Экспресс», 1996, вып. 20).

С другой стороны, исчисляемые существительные не сочетаются со словами *большинство* и *меньшинство*, если речь идет о недискретной части целого; ср. стандартное употребление *большинство* в (6а), невозможное в (6б) и сугубо авторское в (6в):

(6а) *большинство книг* — большая часть книг

(6б) **большинство книги* — большая часть книги

(6в) *Все же Пашицев несколько засовестился и надел кольчугу и лобовое забрало, оставив большинство тела наружи* (А. Платонов. «Чевенгур»).

Близкородственные выражения — *многие*, *немногие*, *мало кто* (что, какой, куда, когда), *большая часть*, *редкий* 2. Эти выражения тоже вводят представление о целом, части и признаке, в них тоже есть количественная оценка выделенной части, но нет сравнения этой части с остальной частью. Так, в предложении (2) *Депутат ответил на многие письма избирателей* сообщается, что писем избирателей, на которые ответил депутат, много, но эта часть писем никак не сопоставляется с письмами, оставшимися неотвеченными.

Значение и поведение слов *большинство* и *меньшинство* в основном параллельно. В дальнейшем мы будем говорить главным образом о слове *большинство*, привлекая слово *меньшинство* только тогда, когда оно ведет себя иначе, чем слово *большинство*.

Толкование слова *большинство* можно сформулировать так:

- (7) *большинство R-ов P* = 'часть Q множества R-ов, которая состоит из элементов, обладающих признаком P, и превышает ту часть R-ов, которые не обладают этим признаком' ⁴.

⁴ Обратим внимание на то, что валентность Q, не имеющая прямого выражения при слове *большинство* (см. ниже, п. 6.3), не входит в левую часть толкования. Такое несоответствие в наборе переменных между левой и правой частью толкования неизбежно, если требовать от левой части, чтобы она представляла собой выражение есте-

Ниже нас будет интересовать, как слова *большинство* и *меньшинство* вступают в семантические связи с другими словами предложения. Семантические связи между словами в предложении реализуются через активные точки в толкованиях этих слов, в первую очередь через вершину толкования и через переменные, соответствующие семантическим валентностям. Для слов *большинство* и *меньшинство* особый интерес представляет вторая из этих возможностей. Конкретнее, основной вопрос, который будет нас занимать, — это какова сфера действия слов *большинство* и *меньшинство* или, иначе говоря, как выражаются в предложении валентности объемлющего множества (R), его части (Q) и признака (P)? Этому вопросу будут посвящены разделы 6–8. В разделе 6 мы обсудим лексико-синтаксические возможности заполнения валентностей. Раздел 7 описывает влияние коммуникативных факторов на заполнение валентностей в составе сочетания *в большинстве*. В раздел 8 мы выделим обсуждение класса употреблений, в которых не заполнена валентность признака, поскольку такие употребления представляют специальный интерес с точки зрения общей теории валентностей.

6. Сфера действия слов *большинство* и *меньшинство*

6.1. Валентность объемлющего множества (R).

Для этой валентности характерны три способа выражения.

6.1.1. Существительное в родительном падеже.

Большинство избирателей проголосовало за партию зеленых; Консистория! Слово, теперь непонятное для большинства читателей (В. Гиляровский. «Москва и москвичи»); *Печерск есть, но домов в Печерске на большинстве улиц нету* (М. Булгаков. «Киев-город»).

6.1.2. Группа предлога из.

Большинство из суждений Учителя стало за последние годы достоянием общества (И. Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито»); *Большинство из всех встреченных мною в*

ственного языка, в котором актанты заменены переменными. Для читателя-человека это, конечно, очень наглядно, и на возникающее несоответствие в составе переменных можно легко закрыть глаза. Если же мыслить толкование как компонент формальной модели языка, подобное несоответствие становится недопустимым. Однако в этом случае оно и не возникает, поскольку левая часть толкования представляет собой абстрактный объект, не претендующий на прямую поверхностную реализуемость. Например, он может выглядеть так: *большинство* (P, Q, R).

жизни американцев воспитанны, деликатны, скромно, но опрятно одеты и очень приветливы (В. Войнович. «Москва 2042»); ...от попутчиков, большинство из которых путешествовали по России не впервые, удалось получить немало ценных сведений о таинственной, полусказочной стране, в которой капитану, согласно подписанному договору, предстояло прожить целых четыре года (Б. Акунин. «Алтын-Толобас»).

Употребление предлога из обязательно в случае личных местоимений: *Ведь и до смерти большинство из нас (*большинство нас) не живет, а только, притаившись, чего-то ждет и существует ото дня к ночи* (Н. Мандельштам. «Воспоминания»).

В разговорном языке возможно опущение из тех, кто (кого...) вводящее придаточное относительное: *Большинство, кого я знаю, по той же причине за Ленинград цепляются* (М. Веллер. «Приключения майора Звягина») (= большинство из тех, кого я знаю).

6.1.3. Группа предлога среди.

Этот вариант заполнения валентности R используется преимущественно в начальной позиции: *Среди учащихся большинство было из бедных семей*.

Существенно подчеркнуть, что предлог среди синтаксически связан не со словом большинство, а с глаголом. Сочетание *большинство среди учащихся неправильно, в отличие от большинство из учащихся или просто большинство учащихся. Таким образом, заполнение валентности объемлющего множества с помощью предлога с требует его обязательного синтаксического смещения к глаголу. Этот способ заполнения валентности R часто используется в построениях с лексико-функциональными глаголами, о которых мы подробнее будем говорить ниже, в разделе 6.3. Приведем примеры на два таких глагола — *составлять* (Func) и *быть* (Oper):

- (1) *Французы составляли среди присутствующих подавляющее большинство.*

В конструкции с глаголом *быть* и предикативом в родительном падеже предлог среди оказывается единственной возможностью заполнить валентность объемлющего множества:

- (2a) *Среди присутствующих французов было большинство.*

- (2б) **Французов было большинство присутствующих.*

- (2в) **Французов было большинство из присутствующих.*

Если предикатив выступает в форме именительного падежа, то это ограничение снимается:

- (3) *Большинство из присутствующих были французы.*

6.2. ВАЛЕНТНОСТЬ ПРИЗНАКА (Р)

Эта валентность также имеет несколько способов выражения.

6.2.1. Сказуемое (в прототипических предложениях) — см. примеры выше, а также:

- (4) *Большинство людей считает неразрешимыми те проблемы, решение которых мало их устраивает* (С. Довлатов. «Чемодан»).
- (5) *Меньшинство пьет открыто, как я, а большинство тайно* (А. Чехов. «Чайка»).

6.2.2. Существительное — вершина свернутой пропозиции.

- (6) *странное молчание большинства социал-демократов* (В. Аксенов. «Ожог») ⇒ *'большинство социал-демократов молчали'*.

6.2.3. Определяющее прилагательное.

Здесь имеется два подтипа в соответствии с двумя классами прилагательных. Прилагательные первого класса соотносятся с обозначениями ПАРАМЕТРОВ, а второго класса — с их ЗНАЧЕНИЯМИ. Например, от параметра *скорость* прилагательное первого класса — *скоростной*, а второго класса — *быстрый, сверхзвуковой, медленный* и т. п. От параметра *национальность* прилагательное первого класса — *национальный*, а второго — *русский, французский* и т. п.

А. Прилагательные, соотносящиеся со значением параметра:

- (7) *В праздничные дни, когда мужское большинство уходило от семей развлекаться по трактирам и пивным, мальчики-ученики играли в огромном дворе, а дома оставались женщины, молодежь собиралась то в одной квартире, то в другой, пили чай, грызли орехи, дешевые пряники, а то подсолнухи* (В. Гиляровский. «Москва и москвичи») ⇒ *'часть людей, являющихся мужчинами, больше, чем остальная часть людей'*.
- (8) *«ДР» в лице своего президента Ельцина и министра иностранных дел Козырева в бешеном темпе признавала государственную независимость бывших советских республик, не оговаривая ни проблему прав русскоязычного меньшинства, ни проблему границ* (Архив «Независимой газеты») ⇒ *'часть людей, являющихся русскоязычными, меньше, чем остальная часть людей'*.
- (9) *Однопалатный законодательный орган может создать серьезную напряженность, позволяя, например, сельскому меньшинству доминировать над городским большинством* ⇒ *'часть людей, живущая в селе, меньше, чем часть, живущая в городе'*.

Отметим, что наличие адъективного варианта заполнения этой валентности — явление довольно любопытное. Обычно если валентность существительного и способна заполняться прилагательным, то в качестве варианта к более каноническому падежному или предложно-падежному заполнению. Ср.: *словарь синонимов — синонимический словарь, предложение Индии — индийское предложение, обозреватель «Известий» по вопросам внешней политики — внешнеполитический обозреватель «Известий»*. Адъективное заполнение валентности, как правило, вторично. Оно представляет собой обычно адъективный дериват падежной или предложно-падежной группы. Случаи, когда адъективное заполнение есть, а падежного или предложно-падежного нет, хоть и встречаются, но редко. Ср., например: *грузинский акцент — *акцент грузин; Y-овый акцент X-a* = 'способ произнесения X-ом слов некоторого языка, свойственный лицам национальности Y'. Однако для валентностей, канонически заполняемых сказуемым, адъективный вариант заполнения нам до сих пор не встречался. Тем не менее для слов *большинство* и *меньшинство* адъективное заполнение имеется именно у валентности признака, в то время как валентность, канонически выражаемая родительным падежом существительного, — валентность объемлющего множества — такого варианта не допускает: *мужское большинство* в (7) не может означать 'большинство из мужчин'.

Б. Прилагательные, соотносящиеся с параметром.

Здесь речь идет о параметрах, таких как религия, раса, национальная или этническая принадлежность и др., которые характеризуют большие классы людей.

- (10) *Принадлежал к симпатичному национальному меньшинству* (С. Довлатов. «Заповедник»);
 (11) *Городок наш ничего. / Населенье таково: / Сексуальные меньшинства / Составляют большинство* (В. Владин).

Сочетания с прилагательными этого класса интерпретируются несколько иначе, чем с прилагательными, обозначающими значение параметра. Если сочетание *русскоязычное меньшинство* (из примера (8)) обозначает ту часть целого, элементы которого обладают признаком Р ('быть русскоязычным'), то сочетание *национальное меньшинство* (из примера (10)) относится к той части целого, элементы которого характеризуются одним и тем же значением параметра Р (национальность).

Стоит отметить, что подобные употребления возможны только для слова *меньшинство*, но не *большинство*. Ср.: **национальное большинство, ??религиозное большинство, *права большинства*.

6.2.4. Существительное в родительном падеже, зависящее от слов *большинство/меньшинство*:

- (12) *Класс делился на большинство дураков и меньшинство циников.*
 (13) *На протяжении года и четырех месяцев война в Чечне раскалывает российское общество на большинство ее противников и меньшинство сторонников* («ИТАР-ТАСС Экспресс», 1996, вып. 14).
 (14) *Но однопалатный законодательный орган может создать серьезную напряженность, позволяя, например, меньшинству сельских жителей доминировать над большинством городских* (Архив «Независимой газеты»).

Словосочетание *большинство противников войны* в (13) обозначает не некоторую (большую) часть противников войны, а ВСЕХ ее противников, которые составляют большинство российского общества. Аналогично, в предложении (14) говорится не о меньшей части сельских жителей, а о том, что сельских жителей меньше, чем городских.

Как видно из приведенных примеров, такой экзотический способ выражения валентности признака реализуется лишь в контексте сопоставления большинства и меньшинства.

Заканчивая обзор способов заполнения валентности признака у слов *большинство* и *меньшинство*, сделаем одно замечание. Именная группа в родительном падеже может играть относительно этих слов две принципиально разные семантические роли: объемлющего множества (см. 6.1.1) и признака (см. 6.2.4). Это явление не уникально. Существуют и другие кванторные слова, которые оформляют свои разные валентности одним и тем же способом (см., например, описание сферы действия слова *единственный* в [Богуславский 1996: 202–220]).

6.3. Валентность части (Q)

Эта валентность не выражается с помощью синтаксического зависимого непосредственно при словах *большинство* и *меньшинство*. Такая возможность есть у слова *большинство* только в другом — «голосовательном» — значении⁵.

⁵ В пользу того, что «голосовательное» *большинство* образует особое значение, говорят следующие факты. Помимо эксплицитного выражения валентности части ему свойственны еще несколько особенностей поведения, отсутствующих у основного значения: конструкция с творительным падежом (*прошел большинством голосов*), выразимость значения 'на сколько большинство больше меньшинства' (*большинство в пять голосов*), особая сочетаемость (*простое, квалифицированное большинство*) и, наконец, отсутствие соотносительного значения слова *меньшинство*.

- (15) Для решения такого вопроса требуется большинство в две трети голосов <семидесятипроцентное большинство> \Rightarrow 'часть целого, равная двум третям <семидесяти процентам>'.

Значение 'часть', которому соответствует переменная Q, находится в вершине толкования слов *большинство/меньшинство* (см. (7) в разделе 5). Если смысл, стоящий в вершине толкования, сам открывает валентность, то такая валентность, как правило, не выражается с помощью непосредственных зависимых. Типичный пример — слово *учитель*, соотносящееся с глаголом *учить*. Валентность, соответствующая значению 'человек X', легко выражима при глаголе (*Иван учит*), но невыразима при существительном, потому что это значение стоит в вершине толкования. Учитель и есть тот человек X, который учит. Такая валентность может выражаться при существительных только опосредованно.

Первую возможность заполнить такую валентность предоставляет конструкция со связочным глаголом (*Иван — учитель*). Вторую — конструкция с приложением (свернутой связкой): *Иван, наш учитель...* Третья возможность — лексико-функциональный глагол типа *Орег-Func*: *меры перекрыть границы — меры состояли в том, что были перекрыты границы (пример Г. Е. Крейдлина и Е. В. Рахилиной). Все эти возможности есть и в случае *большинство/меньшинство*.

6.3.1. Связочный глагол.

- (16) ...таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока, наконец, такие, как вы, не станут большинством (А. Чехов. «Три сестры»).

6.3.2. Приложение.

- (17) В результате одни (большинство) хвалили Алданова, другие порицали, но и те, и другие — как раз за то, в чем он был неповинен (В. Ходасевич. «По поводу „Ключа“»).
(18) Другие, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутым, холодным и неприятным человеком (Л. Толстой. «Война и мир»).

6.3.3. Лексико-функциональный глагол *Орег*: *составлять, образовывать, быть (оказываться, оставаться) в...*

- (19) В скором будущем мусульмане могут составить значительное большинство населения Европы = 'мусульманская часть населения Европы может стать значительно больше немусульманской части'.

Предложения с лексико-функциональным глаголом интересны тем, что валентность части нередко выражается при них **СОВМЕСТНО** с валентностью признака. Рассмотрим пример (20):

(20) *Выпускники Гарварда составляли среди собравшихся большинство.*

Именная группа *выпускники Гарварда* это, с одной стороны, та часть присутствующих, которая сопоставляется с остальными, а с другой стороны, в самой ее номинации содержится указание на то, по какому признаку эта часть была выделена. В самом деле, это предложение параллельно предложению *Большинство собравшихся окончили Гарвард*, в котором значение признака выражено каноническим способом. Тот факт, что в одной форме кумулятивно выражены две валентности, не уникален. Приведем две аналогии. Во-первых, при симметричных предикатах одна множественная именная группа может выражать одновременно две однотипных валентности: *Этот треугольник равен тому — Эти треугольники равны.*

Во-вторых, сравним предложения:

(21a) *Этот человек всех разозлил своим наглым поведением.*

(21b) *Этот наглец всех разозлил.*

Хотя предложение (21b) и не содержит именной группы в творительном падеже, тем не менее информация о том, что вызвало эмоциональную реакцию, в нем содержится: наглое поведение. Соответствующий смысл однозначно восстанавливается на основании того, какая номинация выбрана для выражения субъектной валентности. Правда, в этом случае дополнительное значение возникает лишь тогда, когда валентность «чем разозлил?» эксплицитно не выражена. Если ввести в предложение именную группу в творительном падеже, то она возьмет выражение этой валентности на себя:

(21в) *Этот наглец всех разозлил своими неуместными замечаниями.*

Случай (20) очень похож на (21b). Валентность признака выражена в (20) вместе с валентностью части в силу того, что номинация группы содержит признак, отличающий эту группу от остальных. Если устранить из номинации *выпускник* значение 'окончить учебное заведение', то в предложении останется только значение части: *Они составляли среди собравшихся большинство.*

Отличие между (20) и (21b) состоит лишь в том, что в (20) нельзя ввести эксплицитный показатель признака. Этот показатель должен был бы выполнять в предложении функцию сказуемого, но эта роль уже занята лексико-функциональным глаголом *составлять*.

6.3.4. Лексико-функциональный глагол Func.

Рассмотрим предложения (22a) и (22b). В первом из них выступает лексическая функция Орег от слова *большинство*, поскольку оно занимает позицию дополнения, а во втором — лек-

сическая функция *Func*, поскольку *большинство* является подлежащим.

(22a) *Мы были <оказались> в большинстве.*

(22б) *Нас было <оказалось> большинство.*

Кажется, что эти предложения очень похожи по смыслу. Однако между ними есть несколько важных различий. Прежде всего, бросается в глаза, что эти конструкции ведут себя несколько по-разному:

(23a) *Петя, Коля и Маша оказались в большинстве.*

(23б) **Пети, Коли и Маши оказалось большинство.*

(24a) *Я был в меньшинстве.*

(24б) **Меня было меньшинство.*

Однако это еще не все. Между выражениями типа (22a) и (22б) есть и некоторые семантические различия. Они касаются того, чем противопоставлены большая и меньшая части целого. Особенность выражений *в большинстве* и *в меньшинстве* состоит в том, что, находясь в позиции предикатива, они предпочтительно употребляются в ситуации полемики, столкновения мнений. *Мы были в большинстве* означает, скорее всего, что то мнение, которого придерживались мы, имело больше сторонников, чем противников. Такие предложения особенно характерны для контекстов голосования, парламентских прений и публичных дебатов:

(25a) *Как бы эти люди в парламенте ни пересаживались, результат будет один и тот же — они будут в большинстве.*

(25б) *Количество посланников от каждого из округов при дворе было не пропорционально размерам населения, которое они представляли, оно зависело от числа округов, из чего следует, что хазары, составляющие большинство населения страны, оказывались при дворе в меньшинстве* (М. Павич. «Хазарский словарь (мужская версия)»).

(25в) *Мужество подвергается испытанию, когда мы в меньшинстве; терпимость — когда мы в большинстве* (Р. Сокман) (мало людей разделяет наши взгляды и оценки).

В ситуации, исключающей высказывание конфликтующих мнений, такая конструкция вряд ли приемлема. Допустим, мы стоим на улице и подсчитываем, сколько людей носит тот или иной головной убор. Если оказалось, что мимо нас прошло 200 человек и из них 150 были в меховых шапках, было бы крайне неестественно сказать *Люди в меховых шапках оказались в большинстве*. Скорее мы скажем, что таких людей *оказалось большинство*.

Предложения типа (226) никакого конфликта позиций не предполагают. С другой стороны, они совершенно прямо и недвусмысленно указывают на тот признак, по которому множество людей делится на большую и меньшую часть. В (226) сообщается, что группа, состоявшая из нас, больше, чем группа, состоявшая из других людей. Это различие отчетливее видно в паре:

(26а) *Дураки, как всегда, в большинстве.*

(26б) *Дураков, как всегда, большинство.*

Во случае (26б) совершенно ясно, по какому признаку противопоставлены большая и меньшая части, — по признаку ума: дураков больше, чем умных. В случае (26а) этот признак специфицирован гораздо более косвенным образом. Утверждается не то, что группа дураков более многочисленна, чем группа умных, а скорее то, что позиции, которые высказывают дураки, имеют больше приверженцев, чем позиции умных людей. Вполне возможно, что дуракам удалось привлечь на свою сторону какое-то количество умных.

Таким образом, предложения типа (226) и (26б), формируемые лексико-функциональным глаголом *Быть*, непосредственно содержат информацию о валентности признака. Однако и здесь, как и в рассмотренном выше случае с *Опер*, валентность признака выражена совместно с валентностью части. Ср. синонимичные предложения (26б) (с глаголом *Быть*) и *Дураки, как всегда, составляют большинство* (с глаголом *Опер*).

Теперь можно объяснить особенности поведения, которые были отмечены выше. Почему можно сказать *Петя, Коля и Маша оказались в большинстве*, *Я был в меньшинстве*, но нельзя сказать **Пети, Коли и Маши оказалось большинство* или **Меня было меньшинство*? Этот запрет очевидным образом вытекает из семантики.

Предложения с именной группой в родительном падеже (типа (226)) имеют особую коммуникативную функцию: они используются для того, чтобы дать КОЛИЧЕСТВЕННУЮ ОЦЕНКУ некоторой группы объектов. В этом отношении такие предложения стоят в том же ряду, что и предложения типа *Нас было пятеро* <немного, много>. Именно этим в первую очередь определяются особенности таких предложений. Во-первых, количественная семантика мотивирует использование родительного падежа. Во-вторых, подобные построения неприменимы к объектам, которые не имеют смысла пересчитывать в силу их полной заданности (**Меня <Пети, Коли и Маши> оказалось меньшинство*). По этой же

причине нельзя сказать **Пети, Коли и Маши было трое*, хотя можно *Детей было трое*. В-третьих, у таких предложений дефектная коммуникативная парадигма. Поскольку они предназначены для пересчитывания, т. е. ответа на вопрос «Сколько было объектов?», актуальное членение оказывается фиксированным. Оцениваемые объекты должны находиться в теме, а количественная оценка (*большинство/меньшинство*) — в реме: *Выпускников Гарварда было большинство* — **Большинство было выпускников Гарварда*. Ср. аналогичную пару: *Выпускников Гарварда было пятеро* — **Пятеро было выпускников Гарварда*. Естественно, что в ситуации приписывания свойства актуальное членение не фиксировано: *Большинство были выпускники (выпускниками) Гарварда* — *Выпускниками Гарварда было большинство*.

Отметим интересное соотношение элементов именной группы и связочной конструкции. В обычном случае, если именная группа разрывается связкой, то характер семантической связи между элементами именной группы остается неизменным: *тысяча французов — французов была тысяча; много французов (пришло) — французов (пришедших) было много*. Именные группы, в вершине которых стоят слова *большинство* и *меньшинство*, устроены принципиально иначе: при переходе от генитивной именной группы к связочной конструкции связь между вершиной и зависимым членом существенно переосмысливается: *большинство французов — французов было большинство*. В первом случае речь идет о большей части французов, а во втором — о том, что французов больше, чем представителей других национальностей. Причина очевидна: позиции зависимого генитива и подлежащего при связке оказываются за разными валентностями. Поэтому при таком преобразовании валентность объемлющего множества превращается в валентность признака, объединенную с валентностью части.

7. Коммуникативные факторы при заполнении валентностей

Влияние коммуникативной структуры на заполнение валентностей мы проследим лишь на одном примере. Представляет интерес актантное поведение слова *большинство* в составе выражения *в большинстве (своем)*. Сравним предложения (1а) и (1б).

- (1а) *Старшие литераторы в подавляющем большинстве вовсе не интересуются вопросом о том, будет ли у них смена и какова эта смена будет* (В. Ходасевич. «Литература в изгнании»).

- (1б) Подавляющее большинство старших литераторов вовсе не интересуются вопросом о том, будет ли у них смена и какова эта смена будет.

Как видно из этих примеров, выражение *в большинстве* синонимично слову *большинство*⁶, но имеет другое синтаксическое поведение. Существительное *большинство* в прототипическом случае имеет две синтаксические связи со своими актантами: оно подчиняется сказуемому, заполняющему валентность признака (*не интересуются*), и подчиняет именную группу, выражающую значение объемлющего множества (*старшие литераторы*). Адвербиальное выражение *в большинстве* обладает более ограниченными синтаксическими возможностями. Оно подчиняется сказуемому, но не может иметь непосредственной синтаксической связи с именной группой. Особенно наглядно это видно в следующей паре:

- (2а) Они были арестованы и подверглись в большинстве своем ссылке в Гвиану и на Сейшельские острова, откуда редко кто возвращался (Е. Тарле. «Наполеон»).
- (2б) Большинство из них было арестовано и подверглось ссылке в Гвиану и на Сейшельские острова, откуда редко кто возвращался.

В (2а) слово *они* является субъектом обоих глаголов, а значение 'большинство' соотносится только с одним из них: все заговорщики были арестованы, и большинство из них сослано в Гвиану и на Сейшельские острова. Поэтому при попытке синтаксически связать слово со значением 'большинство' с существительным *они* происходит изменение смысла (ср. (2б)).

В этом отношении пара *большинство — в большинстве* параллельна парам *многие — часто*, *немногие — редко*, *некоторые — иногда*: ср. *Многие математики хорошо разбираются в лингвистике — Математики часто хорошо разбираются в лингвистике* [Булыгина 1982].

Уменьшение числа синтаксических связей у выражения *в большинстве* по сравнению с *большинство* порождает проблему: как найти в предложении выражение, заполняющее валентность объемлющего множества? Часто эту роль играет подлежащее. Ср. кроме (1а) и (2а) также примеры (3):

- (3а) Историки литературы (в большинстве) считают, что литературное течение непостижимо без изучения эпохи, в которую оно создано, а отдельный автор — без знакомства с его биографией (В. Ходасевич. «О символизме»).

⁶ Различия референциальной природы мы оставляем в стороне.

(36) *Эсеры пользовались значительным влиянием среди солдат, которые в своем большинстве были крестьянами* (С. Сыров. «Страницы истории»).

Однако это вовсе не обязательно. В предложениях (4а) и (4б) в этой функции выступают прямые дополнения *иностранные* (книги) и *этаж*:

(4а) *Русские книги были собраны покойным мужем княгини, ведшим дружбу с Новиковым и другими московскими мартенистами, иностранные же — в большинстве вывезла сама Анна Аркадьевна из Парижа, где в ее салоне собирались некоторые из светил современной французской литературы* (Г. Данилевский. «Сожженная Москва») [= 'большинство иностранных книг'].

(4б) *Кстати говоря, седьмой этаж в абсолютном большинстве неизменно составляли мистики* (С. Залыгин. «Мистика») [= 'большая часть седьмого этажа'].

Ключевую роль играет здесь не синтаксическая позиция, а актуальное членение. Валентность объемлющего множества соответствует теме предложения. Поскольку позиция темы часто занята подлежащим, то ясно, почему в большинстве случаев эта валентность заполнена именно им.

8. Некванторное употребление кванторных слов

Выше мы демонстрировали разные способы заполнения валентности признака Р у слов *большинство* и *меньшинство*. В типовых случаях она выражается сказуемым. Бывают и другие варианты реализации этой валентности. Особого внимания заслуживает тот факт, эта валентность не является синтаксически обязательной. Сравним предложения (1) и (2).

(1) *Большинство кричало.*

В самом естественном осмыслении это предложение означает, что кричавших было больше, чем не кричавших, и, следовательно, сказуемое заполняет валентность признака Р.

(2) — *Сколько можно давать слово меньшинству! — кричит большинство и не берет слова* (М. Жванецкий. «Как это делается»).

В этом предложении сказуемое *кричит* не играет относительно слова *большинство* роли того признака Р, по которому целое делится на большую и меньшую часть, как это было в (1). Этот признак остался неназванным и восстанавливается из контекста. Это же справедливо для слова *меньшинство*.

Приведем еще несколько примеров такого употребления слов *большинство/меньшинство*: *Не надо всегда идти за большинством* = 'не надо всегда идти за той частью (людей), которая по какому-то признаку численно больше, чем остальная часть'; *В гармоническом обществе необходимо и большинство, и меньшинство, как в социальном, так и в биологическом аспектах* (В. Аксенов. «Остров Крым»); *И никто-то их не укорял более, никто-то доброго гласа не подымал, что было даже и чудно, ибо преданных усопшему старцу было в монастыре все же большинство; но уж, видно, сам Господь допустил, чтобы на сей раз меньшинство временно одержало верх* (Ф. Достоевский. «Братья Карамазовы»).

В последнем предложении из первой части ясно, что монастырская братия делится на большинство и меньшинство по признаку преданности усопшему старцу. Употребление слова *меньшинство* во второй части предложения, очевидно, ориентируется именно на это деление и не имеет собственной сферы действия по валентности признака.

В таких употреблениях, как правило, не выражена и валентность объемлющего множества. Однако в принципе ее заполнение не запрещено: *Если разрешить участвовать в выборах только мужчинам в возрасте старше 25 лет, то окажется, что президент будет управлять от имени меньшинства населения страны*. В этом предложении меньшинство выделяется по признаку пола и возраста, а не по признаку, выраженному сказуемым.

Может показаться, что этот тип употребления соответствует другому лексическому значению слов *большинство* и *меньшинство*. Однако этому предположению противоречат примеры типа *Его сторонников в зале было явное большинство, но так сложилось, что на этот раз оно уступило меньшинству*. Анафорическая связь между местоимением *оно* и его антецедентом *большинство* указывает на тождество лексических значений.

Способность слов *большинство* и *меньшинство* оставлять валентность признака невыраженной резко отличает их от других кванторных слов. Ср. сочетания **все дети*, **только Иван*, которые без указания признака просто непонятны. Однако главный интерес материала, приведенного в данном разделе, состоит не в том, что валентность признака у слов *большинство* и *меньшинство* оказывается факультативной. Эти факты весьма примечательны с точки зрения общих представлений о валентностях и их свойствах.

В начале статьи мы упоминали о взаимно-однозначном соответствии между валентностями и средствами их выражения. В частности, речь шла о том, что синтаксическая структура предложения

содержит достаточно информации, чтобы однозначно определить, у каких слов валентности заполнены и чем именно.

Известно, что пассивные валентности не маркируются синтаксической структурой с такой же определенностью, как активные. Синтаксическая структура недоопределена относительно пассивных валентностей в двух отношениях. Прежде всего, синтаксическая структура может предоставлять несколько возможностей для заполнения одной и той же валентности. Так, предложение (3)

(3) *Я позволю себе сослаться только на классическую работу 1974 года* имеет две интерпретации при одной и той же синтаксической структуре: (3а) 'я не позволю себе сослаться ни на что другое', (3б) 'я позволю себе сослаться на эту работу и не сослаться ни на что другое'. Эти осмысления различаются тем, каким фрагментом предложения заполнена валентность признака слова *только*: в случае (3а) это сказуемое *позволю себе* (прототипический вариант), а в случае (3б) — инфинитивное дополнение *сослаться* (подробнее об этом см. [Богуславский 1996: 223]).

В примерах, рассмотренных выше, недоопределенность синтаксической структуры еще больше. В структуре имеется элемент, прототипически заполняющий валентность признака при словах *большинство* и *меньшинство*, — сказуемое. Однако фактически сказуемое не выступает в этой роли. Это происходит не потому, что валентность заполнена другим, непрототипическим образом, как в осмыслении (3б), а потому, что она не заполнена вообще. Эта ситуация, насколько нам известно, не имеет аналога в области активных валентностей. Трудно себе представить, чтобы в предложении одновременно выполнялась, например, следующая совокупность условий: (а) глагол имеет факультативную валентность, прототипически заполняемую прямым дополнением, (б) прямое дополнение у глагола имеется, (в) данная валентность остается незаполненной.

Рассмотренный в настоящей работе материал заставляет более осторожно отнестись к некоторым кажущимся самоочевидными представлениям об актантном поведении существительных. В частности, существительные *большинство* и *меньшинство* несколько выходят за рамки традиционных взаимно-однозначных отношений между валентностями и способами их выражения: они прибегают к одним и тем же средствам для маркировки разных валентностей и допускают неполную маркировку актантных отношений в синтаксической структуре.

Заключение

На примере слов *большинство* и *меньшинство* были продемонстрированы некоторые яркие особенности валентного поведения кванторных слов. Эти особенности можно резюмировать следующим образом.

1. Наличие трех семантических валентностей: целое (объемлющее множество), его часть и признак, на основании которого часть выделена из целого. Прототипическим способом заполнения валентности целого является зависимая именная группа в родительном падеже, валентности признака — группа сказуемого, а валентность части не имеет прототипического выражения.
2. Неединственность маркировки одной валентности. Наряду с прототипическими способами существуют и непрототипические. Наряду с синтаксическими способами маркировки валентности существуют и коммуникативные.
3. Тождество маркировки разных валентностей. Так, родительный падеж подчиненной именной группы может маркировать как валентность целого (прототипический случай), так и валентность признака. Разные синтаксические варианты одной и той же семантической позиции (*тысяча французов — французов была тысяча*) используются для маркировки разных валентностей.
4. Наличие синонимичных выражений, различающихся тем, какая синтаксическая позиция соответствует какой валентности (*большинство — в большинстве*). В области активных валентностей это явление предстает в виде конверсии.
5. Совмещение разных валентностей в одном элементе предложения (при лексико-функциональных глаголах).
6. Некванторное употребление кванторного слова. Необязательность заполнения валентности при наличии в предложении прототипического способа ее заполнения.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян 1999 — *Апресян Ю. Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. № 4.
Апресян и др. 1992 — *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. и др.* Лингвистический процессор для сложных информационных систем М., 1992.

- Богуславская (наст. сб.) — *Богуславская О.Ю.* Кванторные прилагательные типа *всеобщий*.
- Богуславский 1996 — *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2004 — *Богуславский И.М.* Часть — Целое — Признак // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М., 1974.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Barwise, Cooper 1981 — *Barwise J., Cooper R.* Generalized Quantifiers and Natural Language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. Vol. 4.
- Ladusaw 1980 — *Ladusaw W.* On the Notion «Affective» in the Analysis of Negative Polarity Items // *Journal of Linguistic research*. 1980. Vol. 1.
- Larsson 1973 — *Larsson I.* Teilmenge und Gesamtmenge im russischen System der Quantifikatoren // *Slavica lundensia*. 1973. Vol. 1.
- Keenan 1996 — *Keenan E.* The Semantics of Determiners // *The Handbook of Contemporary Semantics* / Ed. Sh. Lapin. Oxford, 1996.
- Keenan 2002 — *Keenan E.* Some Properties of Natural Language Quantifiers: Generalized Quantifier Theory // *Linguistics and Philosophy*. 2002. Vol. 25. Nos. 5–6.
- Montague 1974 — *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Montague R. Formal Philosophy*. Yale University Press, 1974.
- Partee 1988 — *Partee B.H.* 'Many Quantifiers' // *Proceedings of the Fifth Eastern States Conference on Linguistics* / Eds. J. Powers and K. de Jong. 1988.
- Partee 1995 — *Partee B.H.* Quantificational Structures and Compositionality // *Quantification in Natural Languages* / Eds. E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer and B. H. Partee. Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Partee 1996 — *Partee B.H.* The Development of Formal Semantics in Linguistic Theory // *The Handbook of Contemporary Semantic Theory* / Ed. Sh. Lapin. Oxford, 1996.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

КВАНТОРНЫЕ СЛОВА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НЕСКОЛЬКО И ЕГО НЕМЕЦКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ)

1. Цель данного исследования — выявить нетривиальные межъязыковые различия, касающиеся определенных кванторных слов в русском и немецком языках. Оговорим сразу, что термин «кванторное слово» употребляется здесь не в строгом смысле, предполагающем наличие валентности на сказуемое, а несколько расширительно и относится в целом к лексическим единицам с квантифицирующей семантикой.

Известно, что сопоставительный анализ провоцирует рефлексию по поводу каждого из сопоставляемых языков и часто позволяет обнаружить такие их специфические черты, которые обычно ускользают от внимания исследователей. Таким образом, предпринимаемый здесь анализ может оказаться полезным не только для сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии, но и для уточнения наших представлений о семантических и сочетаемостных особенностях кванторных слов в каждом из сопоставляемых языков.

Причины межъязыковых различий в области естественно-языковой квантификации достаточно многообразны. В частности, отсутствие полной эквивалентности между русскими и немецкими кванторными словами с аналогичной функцией может объясняться различиями в организации их семантической структуры, несовпадениями их системной значимости (наличием-отсутствием квазисинонимичных выражений), различиями в особенностях их синтаксического поведения, а также спецификой их комбинаторных предпочтений. Далее, межъязыковые асимметрии могут объясняться отсутствием узואльно приемлемого способа выражения некоего заданного смысла в одном языке, при том что этот смысл свободно выражается в другом языке. Например, смысл 'небольшое количество недель тому назад' выражается по-немецки с помощью словосочетания *vor wenigen Wochen*, вполне соответствующего узואльным нормам, а в русском узусе этот смысл точного — и одновременно санкционированного узусом — выражения не имеет (ср.: **немногие недели тому назад*, **немного недель тому назад*, **мало недель тому назад*). Приемлемые аль-

тернативы *всего лишь несколько <пару> недель тому назад, неделю-другую тому назад* эквивалентны, строго говоря, не словосочетанию *vor wenigen Wochen*, а выражению *erst vor einigen <ein paar> Wochen*. А словосочетание *несколько недель тому назад* эквивалентно выражениям *vor einigen/etlichen/mehreren Wochen* (подробнее см. ниже). Таким образом, причины межъязыковых различий могут иметь и чисто узувальную, лексическую природу.

Как видно из этого примера, специфика употребления определенных кванторных слов в том или ином языке становится особенно очевидной при обращении к материалу конкретных конструкций (в смысле Ч. Филлмора [Fillmore 1990]), поскольку наиболее тонкие, не отмечаемые ни словарями, ни грамматиками, различия между языками проявляются при попытках перевести на другой язык ту или иную конкретную конструкцию с данным словом. Подробно об этом см. [Dobrovol'skij 2001a; 2001b], где анализируются конструкции типа *vor/seit/nach* & [кванторное слово] & [слово, обозначающее отрезок времени] и аналогичные русские конструкции с *тому назад, спустя, в течение, через, после, по прошествии* и пр.

Отправной точкой нашего исследования послужил достаточно известный факт, что русскому кванторному слову *несколько* в немецком языке соответствуют по крайней мере три слова: *einige, mehrere* и *etliche*¹. Исходя из предположения, что данные немецкие слова не являются полными синонимами, с одной стороны, и не находятся в отношениях строгой дополнительной дистрибуции — с другой, мы предприняли попытку сравнительного описания их семантической структуры и выявления релевантных семантических различий между ними, используя при этом материалы различных корпусов текстов². Для сопоставительного анализа русского слова *несколько* и его немецких эквивалентов мы обратились к русско-немецкому корпусу параллельных текстов, создаваемому в рамках проекта «Корпус Австрийской ака-

¹ Это касается только случаев, когда квантифицируется множество (типа *несколько человек*). Контексты, в которых *несколько* квантифицирует степень проявления предикативного признака, переводятся на немецкий язык совершенно иначе и здесь не рассматриваются. Ср.: *он несколько удивился* — *er war etwas erstaunt* или *er wunderte sich ein wenig*.

² Использовались тексты «Корпуса Австрийской академии» (Austrian Academy Corpus — AAC) Австрийской академии наук, текстовые корпуса Института немецкого языка в Мангейме (Mannheimer Korpora) и в отдельных случаях корпус Берлин-Бранденбургской академии наук (проект «Электронный словарь XX века» — «Digitales Wörterbuch des XX. Jahrhunderts»).

демии» (ААС) на основе романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Работа с этим корпусом позволила выявить разные способы перевода высказываний со словом *несколько* и получить представление о факторах, регулирующих выбор того или иного немецкого эквивалента. При этом оказалось, что в реальных контекстах в качестве эквивалентов русского *несколько* могут выступать не только сопоставимые с ним по семантике и по месту, занимаемому в системе кванторных слов, неопределенные местоимения *einige, mehrere* и *etliche*, но и такие лексические единицы, как *mancherlei* ≈ 'всякие разные', *ein paar* 'пара', *wenig* 'мало' и даже так называемый «нулевой квантор». Имеются в виду конструкции типа *vor Tagen* (букв. 'дни тому назад'), примерно соответствующие русскому сочетанию *несколько дней тому назад*³.

С точки зрения общих проблем лексической семантики цель предпринимаемого анализа заключается в разработке и первичной проверке некоторой теоретической модели. Ее основные положения могут быть сформулированы следующим образом. Между областью сочетаемостной регулярности и семантической прозрачности, с одной стороны, и «капризами узуса», с другой, существует своего рода промежуточная зона⁴. При принципиальном совпадении семантических структур лексические единицы могут обнаруживать серьезные различия в сочетаемости, что может объясняться целым рядом гетерогенных факторов. К этим факторам относятся среди прочего:

- различия в системной значимости сопоставляемых слов;
- наличие у них несовпадающих периферийных сем, однозначно проявляющихся только в определенных контекстных условиях, но латентно влияющих на выбор контекстуальных партнеров;
- различия в акцентном статусе отдельных семантических компонентов⁵;
- различия в прагматических характеристиках;
- различия в синтактике сопоставляемых слов, т. е. чисто комбинаторные — не всегда семантически мотивированные — особенности;
- участие сопоставляемых слов в специфичных для данного языка, более или менее идиоматичных конструкциях.

³ Строго говоря, *vor Tagen* и *несколько дней тому назад* не вполне эквивалентны, поскольку обнаруживают устойчивые различия в коммуникативном статусе (см. ниже).

⁴ Сходные идеи высказывались в работах Е. В. Рахилиной.

⁵ О понятии акцентного статуса см. [Падучева 2003].

Неоднородность этих факторов, однако, не означает, что рассматриваемые явления лежат вне сферы системно ориентированных объяснений.

2. Перейдем к анализу немецких кванторных слов *einige*, *mehrere* и *etliche*. Каждое из них в определенных контекстах оказывается эквивалентным русскому *несколько*. Ср. контексты (1–4) из русско-немецкого параллельного корпуса⁶. Из переводов романа «Идиот» на немецкий язык, представленных в корпусе, мы использовали два наиболее современных: перевод Хартмута Хербота 1986 года [Herboth] и Светланы Гайер 1996 года [Geier]. Подробнее о структуре корпуса см. [Добровольский 2003а; 2003б]. Заметим сразу, что кванторное слово *etliche* встречается в качестве переводного эквивалента русского *несколько* существенно реже, чем *einige* или *mehrere*, что связано, по-видимому, с его стилистической маркированностью и узуальными ограничениями на сочетаемость (подробнее об этом ниже).

- (1) Аглая смотрела на него *несколько* секунд совершенно с тем же самым спокойным удивлением, как давеча на князя [«Идиот»].

Aglaja ließ ihren Blick *einige* Sekunden lang auf ihm ruhen, mit derselben ruhigen Verwunderung wie vorhin auf dem Fürsten [Geier].

Aglaja musterte ihn *einige* Sekunden lang mit demselben ruhigen Erstaunen wie einige Zeit zuvor den Fürsten [Herboth].

- (2) Хотя Рогожин и говорил, что он уехал тихонько, но его уже поджидали *несколько* человек [«Идиот»].

Obwohl Rogoschin gesagt hatte, er wäre heimlich abgereist, wurde er schon von *mehreren* Personen erwartet [Geier].

Rogoshin hatte zwar gesagt, es wisse niemand von seinem Kommen, aber er wurde von *mehreren* Leuten erwartet [Herboth].

- (3) Здесь, по стенам, было *несколько* картин, всё портреты архиереев и пейзажи, на которых ничего нельзя было различить [«Идиот»].

Hier hingen *einige* Bilder an den Wänden, lauter Portraits von Erzpriestern und Landschaften, auf denen nichts zu erkennen war [Geier].

⁶ В принципе может возникнуть возражение, что корпус, основанный на литературных произведениях XIX века, содержит контексты, не соответствующие современным нормам. Однако для анализа слова *несколько* в значении квантификации множества это обстоятельство существенной роли не играет. Отдельные контексты, содержащие отклонения от современного узуса, из рассмотрения исключались. Ср., например, «...еще *несколько* внимания, и вы вознаграждаетесь уже знанием, самыми неожиданными открытиями» [«Идиот»], где нарушается принцип, согласно которому в современном языке *несколько* квантифицирует только дискретные множества [Булыгина, Шмелев 1988].

An den Wänden prangten *mehrere* Gemälde, sämtlich Porträts von höheren Geistlichen oder Landschaften, auf denen jedoch kaum etwas zu erkennen war [Herboth].

- (4) Мне вот только по дороге на минутку зайти в один дом, где отдыхает душа моя, вот уже *несколько* лет, после тревог и испытаний [«Идиот»].

Ich müßte nur unterwegs für einen Augenblick jenes Haus aufsuchen, in dem meine Seele Ruhe findet, schon seit *etlichen* Jahren nach all den Unruhen und Prüfungen [Geier].

Ich muß bloß unterwegs noch rasch ein Haus besuchen, in dem sich meine Seele schon seit *mehreren* Jahren von all den Aufregungen und Prüfungen erholt [Herboth].

Интересно, что есть случаи, когда оба переводчика выбрали одно и то же кванторное слово (ср. контексты (1–2)), и случаи, где их выбор разошелся (ср. контексты (3–4)). Это заставляет, во-первых, предположить, что между словами *einige*, *mehrere* и *etliche* существуют некоторые релевантные различия, которые, однако, могут быть нейтрализованы в определенных контекстах. Во-вторых, выбор того или иного эквивалента русского слова *несколько*, видимо, в большей степени зависит от интерпретации интенции говорящего, чем от «объективных», референтно значимых факторов. Иными словами, весьма общий смысл ‘некоторое количество’⁷, заложенный в тексте оригинала, может интерпретироваться переводчиком и как «скорее много», и как «скорее мало», и как «непонятно/неважно сколько» (см. ниже). Когда контекст достаточно ясно предписывает направление интерпретации, переводчики выбирают одинаковые кванторные слова. В-третьих, из анализа переводов всех контекстов со словом *несколько* (их в корпусе всего 208) становится очевидным, что одним из существенных факторов, влияющих на выбор немецкого эквивалента, являются индивидуальные предпочтения. Так, Х. Хербот в большинстве случаев, допускающих свободный выбор, использует *mehrere*, а С. Гайер — *einige*; ср. (3).

Остановимся несколько подробнее на релевантных особенностях примеров (1–4). Контекст (1) не содержит никаких элемен-

⁷ Ср. толкование слова *несколько* в МАС: «некоторое, неопределенное количество». Строго говоря, в значении слова *несколько* присутствует и компонент ‘небольшое количество’, выделяемый в толкованиях этого слова в «Русском семантическом словаре» и в словаре Ожегова–Шведовой. Однако статус этого компонента не фиксирован как ассертивный, т. е. он может быть и несущественным для смысла высказывания (ср. предлагаемое ниже толкование).

тов, «сдвигающих» нейтральный смысл 'некоторое количество' в ту или иную сторону. В этом смысле выбор слова *einige* не случаен: по-видимому, оно является самым нейтральным в данном ряду. Контекст (2) построен на противопоставлении пропозиций, выраженных в главном и придаточном предложениях: ожидалось, что Рогожина никто не ждет, а его уже поджидали несколько человек. Это создает дополнительный семантический эффект: *несколько* — здесь не просто 'некоторое количество', а 'больше, чем ожидалось'. Этот дополнительный смысл и мотивирует выбор *mehrere* в качестве эквивалента. Анализ контекстов, подобных (2), ясно показывает, что предлагаемая немецкими словарями интерпретация *mehrere* как 'некоторого значительного количества' (ср. «eine unbestimmte größere Anzahl, Menge» [DUW]) не вполне корректна. Так, в контексте (2) ничего не сказано про количество поджидавших Рогожина людей. Значит, дело здесь не в объективно данном количестве, а в его субъективной интерпретации как превосходящего ожидания наблюдателя. Сходным образом контекст (3) не позволяет сказать ничего определенного о количестве картин, висевших в доме Рогожина. Различия в выборе эквивалента для *несколько* в [Geier] и [Herboth] обусловлены различиями в трактовке реакции наблюдателя — князя Мышкина, впервые попавшего в дом Рогожина. В [Geier] реакция наблюдателя интерпретируется как нейтрально-регистрирующая, а в [Herboth] — как эмоционально-оценочная. Эта эмоциональная интерпретация поддержана и выбором глагола: *prangen* — здесь что-то вроде 'выделяться, бросаться в глаза' — вместо нейтрального *hängen* 'висеть' в [Geier]. В контексте (4) слово *несколько* находится в сфере действия фокусирующего сочетания частиц *von* *уже*, что однозначно указывает на определенный субъективный сдвиг в интерпретации квантифицируемой сущности (ср. [Богуславский 1996]). Упомянутый в (4) период времени — *несколько лет* — интерпретируется говорящим как субъективно продолжительный. Вполне естественным представляется в этом случае выбор кванторного слова *mehrere* в [Herboth]. Переводческое решение С. Гайер заставляет предположить, что слово *etliche* (по крайней мере в определенных конструкциях) может выступать как синоним *mehrere* (о некоторых различиях между ними см. ниже). Выбор стилистически маркированного *etliche* (вместо нейтрального *mehrere*) может, по крайней мере отчасти, объясняться чисто художественными установками: данное высказывание принадлежит генералу Иволгину, речь которого отличается некоторой напыщенностью.

Анализ словарных описаний и контекстов из различных корпусов показал, что структура значений кванторных слов *einige*, *mehrere* и *etliche* совпадает лишь частично⁸. В своем основном значении они квантифицируют дискретные множества и выражают идею некоторого неопределенного количества. На русский язык в этом своем значении они могут быть переведены, в первую очередь, с помощью кванторных слов *несколько* и *некоторые*. Причем *einige* оказывается самым нейтральным словом, не выражающим в обычных условиях никаких дополнительных оценочных смыслов. Для своей интерпретации в смысле «скорее мало», и тем более — в смысле «скорее много», *einige* нуждается в специальных контекстных условиях, в то время как *etliche* и *mehrere* допускают прочтения в смысле «скорее много» и в нейтральных контекстах, причем *mehrere* более однозначно и стабильно, чем *etliche*. В этих случаях русскими эквивалентами *etliche* и *mehrere* оказываются также и кванторные слова *много*, *многие*. Ср. контексты (5–7).

- (5) ich habe *einige* Bücher gekauft — я купил *несколько* книг; *einige* Bücher würde ich kaufen — *некоторые* книги я бы купил;
- (6) vor *etlichen* Tagen — *несколько* <много> дней тому назад; nach *etlichen* Stunden Wartens — после *многих* <долгих> часов ожидания;
- (7) sie war *mehrere* Wochen verreist — ее не было дома *несколько* недель; Familien mit *mehreren* Kindern — *многодетные* семьи.

На прагматическом уровне существенное отличие *etliche* от *einige* и *mehrere* заключается в том, что в современном узусе это слово в большинстве своих употреблений воспринимается как устаревающее. В большей степени, чем другие кванторные слова этой группы, *etliche* узуально привязано к определенным конструкциям. Так, в современном употреблении наиболее обычными для слова *etliche* в его основном значении являются конструкции с обстоятельством-временным значением, ср. (4) и (6).

Далее, *einige* и *etliche* (но не *mehrere*) сочетаются с обозначениями абстрактных сущностей и, соответственно, употребляются в единственном числе, что исключено для русского *несколько* (по крайней мере в современном узусе). В контекстах такого рода *etliche* выражает идею неопределенного количества, интерпрети-

⁸ В описании значений и сочетаемостных характеристик этих слов использовались рабочие материалы «Нового большого немецко-русского словаря» [НБНС]. В работе над словарными статьями *einige*, *mehrere* и *etliche* участвовали также Светлана Полякова (Франкфурт-на-Майне), Артем Шарандин (Москва) и Аннетта Баумгарт (Берлин).

руемого как «скорее много, чем мало» (ср. (8); причем в этом значении *etliche* стилистически отмечено как разговорное — см. [DUW]), а *einige* оказывается в большей степени контекстно зависимым. В этом смысле представляется целесообразным выделить у *einige* два самостоятельных значения, соответствующих русским словам *некоторый*, *немного*⁹, с одной стороны (ср. (9)), и *значительный*, *достаточно*, *немало* — с другой (ср. (10)). Для реализации этого последнего значения требуется специфическая просодия.

- (8) *das hat etlichen Ärger verursacht* — от этого было *много* неприятностей <были *значительные* неприятности>; *nach etlicher Zeit* — по прошествии *значительного* количества времени;
- (9) *er kam erst nach einiger Zeit* — он пришел лишь через *некоторое* время <*некоторое* время спустя>;
- (10) *es wird wieder einigen Ärger geben* — опять будут *большие* неприятности; *wir haben ihm einige Arbeit abgenommen* — мы взяли на себя <сделали за него> *значительную* часть его работы.

Контексты (8–10) показывают, что кванторные слова этого типа не имеют в рассматриваемых языках взаимно-однозначных соответствий, причем не только в направлении русский > немецкий, но и в направлении немецкий > русский. Так, и слово *einige* и слово *etliche* (в отличие от *mehrere*) могут переводиться на русский язык не только с помощью *несколько*, но и с помощью слов «недискретной» семантики с компонентом 'много' (типа *значительный*, *большой*), а *einige* — еще и с помощью слов типа *некоторый*. Данное разграничение основано на принципиально ином семантическом параметре, чем разграничение между *einige* и *etliche*, а именно на противопоставлении дискретных множеств недискретным.

В целом, создается такое впечатление, что говорящий по-немецки часто (во всяком случае чаще, чем говорящий по-русски) испытывает желание более дифференцированно высказаться относительно количества обсуждаемых сущностей в его отношении к субъективно ожидаемому. Варьируя кванторные слова с семантикой неопределенного количества, говорящий имеет возможность специфицировать его по шкале «субъективно больше — субъективно меньше», в то время как для русского языка этот

⁹ Имеются в виду те употребления *немного*, в которых высказывание сообщает лишь о существовании соответствующего недискретного множества, а не о том, что это множество невелико; ср. *Нет ли у тебя немного соли?* (см. подробнее [Булыгина, Шмелев 1988]). В семантике слова *немного* статус компонента 'малое количество' переменный, в отличие от *мало*, где он всегда ассертивный (см. статью Е. В. Падучевой в настоящем сборнике).

семантический параметр оказывается несущественным. Это наблюдение может быть интерпретировано как соответствующее общей тенденции русского языка к неопределенности, отмеченной Н. Д. Арутюновой (см., например, [Арутюнова 1999]).

Интересным с точки зрения способов квантификации нечисловых множеств оказываются сочетания со словом *время* — *Zeit*. В немецком языке сочетание *einige Zeit* достаточно частотно, а *etliche Zeit*, во всяком случае, допустимо. В русском им соответствует словосочетание *некоторое время* (или при необходимости специфицировать отрезок времени по продолжительности — *значительное/незначительное количество времени*). Словосочетание *несколько времени* не соответствует современным нормам, хотя было довольно употребительным еще в XIX — начале XX века; ср. у Достоевского (11)¹⁰. Можно предположить, что относительно строгое разграничение *несколько* vs. *некоторый/немного* в таких сочетаниях — явление сравнительно недавнее.

(11а) Генеральша *несколько времени*, молча и с некоторым оттенком пренебрежения, рассматривала портрет Настасьи Филипповны [«Идиот»].

(11б) Прошло *несколько времени*, и П. мало-помалу успел забыть и о девушке, и о прижитом с нею сыне своем, а потом, как известно, и умер без распоряжений [«Идиот»].

С точки зрения обсуждаемых проблем существенным представляется, что русское сочетание *некоторое время* имеет «ресурсный» коррелят — словосочетание *немного времени*. Принципы употребления этих словосочетаний относительно строго регламентированы. *Немного времени* в основном употребляется в ситуации, когда время рассматривается как ресурс; ср.: *Мы могли бы встретиться, у меня сегодня есть немного времени*. Если время рас-

¹⁰ Интересно, что у Достоевского наряду со словосочетанием *несколько времени* встречается и *некоторое время*: «— Да, на *некоторое время*, быть может, — проговорил князь, как бы несколько заикаясь» [«Идиот»]. Сочетание *несколько времени* встречается в произведениях Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Голя, Одоевского, А. К. Толстого, Л. Н. Толстого, Гончарова, Надсона, Данилевского, а в XX в. — у Тэффи, Троицкого, Грина, Каверина, Ильфа и Петрова. В современных текстах употребление сочетания *несколько времени* крайне редко и объясняется, видимо, языковой небрежностью авторов. Ср. «Плошки и горшки с посеянными папоротниками прикрывают стеклами, которые ежедневно утром и вечером снимают и вытирают досуха шерстяною тряпкою. Через *несколько времени* после посева на поверхности торфа или земли появляются маленькие плоские образования, так называемые заростки (proembryo), составляющие тот зеленый пушок, который мы видим невооруженным глазом» [«Лучшие комнатные растения» // www.passion.ru/flowers/best].

смачивается как линейная последовательность, употребление словосочетания *немного времени* ограничено определенными конструкциями (ср.: *прошло немного времени*, но **зашел на немного времени*). Отчасти это связано с морфологическими ограничениями: сочетание *немного времени* (как в «ресурсном», так и в «линейном» прочтении) сопротивляется употреблению в периферийных падежах; ср.: **в течение немногого времени*; **располагаю немногим временем*. Сочетание *некоторое время* употребляется прежде всего в контекстах, в которых речь идет о времени как линейной последовательности¹¹.

В немецком языке эта оппозиция также имеет существенные лингвистические следствия, которые, однако, оказываются несимметричными противопоставлению *немного времени* vs. *некоторое время*. Словосочетание *einige <etliche> Zeit* употребляется прежде всего при концептуализации времени как линейной последовательности и, строго говоря, не имеет «ресурсного» коррелята¹². В подобных ситуациях употребляются сочетания существительного *Zeit* с другими кванторными словами: например, *viel Zeit* ‘много времени’, *wenig Zeit* ‘мало времени’. Выразить идею наличия просто ‘некоторого количества времени’ узально приемлемым способом в немецком языке можно только с помощью выражения *etwas Zeit*: ср.: *ich habe etwas Zeit* ≈ ‘у меня есть немного времени’. В свою очередь, эти «ресурсные» словосочетания не имеют точных «линейных» коррелятов. Так, по-немецки нельзя сказать **viel/viele Zeit danach*, при том что по-русски *много времени спустя* звучит совершенно нормально. Крайне сомнительным представляется также сочетание ^{??}*wenig/wenige Zeit danach*, спорадически встречающееся в Интернете. Столь же сомнительно

¹¹ Сочетания типа *еще есть некоторое время* вполне допустимы, но естественнее сказать *еще есть немного времени* или *еще есть какое-то время*. На словосочетание *еще есть некоторое время* в Интернете нашлось всего 30 примеров. По-видимому, здесь существенную роль играет коммуникативная позиция и, соответственно, фразовое ударение. Сочетание *некоторое время* явно тяготеет к безударной позиции. *Немного* этим ограничением не связано.

¹² При поиске в Интернете словосочетание *wir haben noch einige Zeit* букв. ‘у нас есть еще несколько времени <некоторое время>’ встретилось всего 24 раза, а *nach einiger Zeit* ‘некоторое время спустя’ — более 135 000 раз. Отдельный вопрос, в чем отличие выражений *einige/etliche Zeit* от синонимичных лексических единиц типа *eine Weile* или *eine Zeitlang*. Ср. перевод контекста (11a) в [Geier]: «Schweigend und mit einem Anflug von Geringschätzung betrachtete die Generalin eine Zeitlang Nastassja Filippownas Portrait». Здесь мы имеем дело как бы со встроенным квантором. Рамки данной статьи не позволяют остановиться на этом явлении, которое, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

и русское сочетание ^{??}*мало времени спустя*. Встречающиеся единичные примеры (ср. (12)) вряд ли можно отнести к нормативным.

- (12) Да, Иешуа стоит лицом к Лысой Горе. Место его мучительной казни, которая начнется очень *мало времени спустя*, — по прямой перед ним (Л. Яновская. «Горизонтالي и вертикали Ершалаима»).

Подобные наблюдения подтверждают тезис Ч. Филлмора о том, что единицами лексикона следует считать не только слова, морфемы, идиомы и т. п., но и все конструкции, строение которых невозможно описать в терминах продуктивных правил.

Вернемся к сопоставлению кванторных слов *einige*, *mehrere* и *etliche*. Помимо своего основного значения, по которому они оказываются квазисинонимами и эквивалентны русскому местоимению *несколько*, эти слова обнаруживают и другие — «непараллельные» — значения. Слово *mehrere* имеет характерное только для него значение 'различные' и оказывается, таким образом, квазисинонимичным прилагательному *verschiedene*. Ср.: *Der Text lässt mehrere Auslegungen zu* — *Текст допускает различные интерпретации*. Отличие *mehrere* от *verschiedene* состоит в том, что и в этом значении *mehrere* сохраняет свой кванторный характер и означает, строго говоря, не просто 'различные', а 'некоторое количество различных сущностей' (ср. описание этого слова в [DUW]). С другой стороны, *einige* и *etliche* обладают значением, не присутствующим у *mehrere*: они могут употребляться в единственном числе в форме *einiges* и *etliches*, причем *etliches* существенно менее частотно и маркировано как устаревающее¹³. В этом значении слова *einiges* и *etliches* соотносимы с русским *кое-что*. Семантические различия между ними видятся прежде всего в том, что *etliches* (по аналогии с основным значением этого кванторного слова) часто интерпретируется как «скорее много» и, соответственно, эквивалентно русскому слову *многое* или разговорному сочетанию *много чего*. А *einiges* реализует этот дополнительный смысл только при эмфатическом ударении; ср. (13) и (14).

- (13) *einiges* weiß ich darüber — *кое-что* об этом я знаю; *das sagt uns schon einiges* — это нам уже *кое о чем* <о многом> говорит;

¹³ В этом употреблении слова *einiges* и *etliches* напоминают неопределенное местоимение *manches*, которое здесь не рассматривается, поскольку ни в одном из своих значений не эквивалентно русскому *несколько*. Естественно, ни *einiges* ни *etliches* не эквивалентны слову *manches* в точном смысле. Основное семантическое различие видится в том, что *manches* относится к гетерогенным сущностям, а *einiges* и *etliches* — скорее к гомогенным. Впрочем, это весьма предварительные наблюдения. Серьезно этим вопросом пока еще никто не занимался.

(14) ich könnte dazu *etliches* bemerken, aber erstmal werde ich schweigen — я мог бы *многое* <много чего> заметить <сказать> по этому поводу, но пока промолчу; das hat *etliches* gekostet — это обошлось *в копеечку*.

Итак, кванторные слова *einige*, *mehrere* и *etliche* обнаруживают существенные различия в наборе значений, лишь некоторые из которых оказываются квазисинонимичными. Основное значение, которое нас здесь интересует, различается у этих трех слов по следующим параметрам:

(а) по наличию особого дополнительного семантического компонента, образующего своего рода рамку интерпретации (*einige* vs. *mehrere/etliche*);

(б) по акцентному статусу этого дополнительного семантического компонента: в *mehrere* этот компонент сфокусирован сильнее, чем в *etliche*;

(в) по прагматической маркированности (*einige*, *mehrere* — нейтральны, *etliche* воспринимается как устаревающее);

(г) по комбинаторному потенциалу¹⁴: в отличие от *einige* и *mehrere*, *etliche* употребляется предпочтительно в конструкциях определенного типа.

Противопоставление (г) явно связано с (в). Обращение к текстам XIX — начала XX в. показывает, что сочетаемостные ограничения слова *etliche* — достаточно недавнее явление, связанное с его прагматической отмеченностью.

Если попытаться отразить семантические различия между *einige*, с одной стороны, и *mehrere* и *etliche* — с другой, то для обсуждаемых здесь значений этих слов можно предложить следующие рабочие толкования:

einige — 'некоторое неопределенное количество: не один и не два, но и не много';

mehrere и *etliche* — 'некоторое неопределенное количество: не один и не два, а больше'.

Совпадая в своей ассертивной части, эти толкования обнаруживают различия в дополнительных — интерпретативных — компонентах. В *einige* заложена потенциальная возможность интерпретации соответствующего количества как небольшого, а в *mehrere* и *etliche* — как превосходящего некий минимум, причем то, что в *mehrere* этот компонент сильнее акцентирован, объясняется внутренней формой этого слова. Корневая морфема слова

¹⁴ Под комбинаторным потенциалом здесь понимается совокупность нетривиальных комбинаторных предпочтений, характерных для каждой конкретной лексики; подробнее см. [Dobrovol'skij 2004].

mehrere — *mehr* — означает 'больше'; соответственно, этот семантический признак поддерживается формой и вряд ли может быть полностью нейтрализован.

Эти семантические различия между *einige* и *mehrere/etliche* хорошо видны в контекстах противопоставления, где *einige* (но не *mehrere* и не *etliche*) может выступать как квазиантоним *vielen* 'много', а *mehrere* и *etliche* противопоставляются концепту «минимального наличия». Ср., с одной стороны, высказывания типа — *Hast du viele Bücher zu diesem Thema?* — *Nein, nur einige* <**mehrere*>, что примерно соответствует русскому — *У тебя много книг по этой теме?* — *Нет, но кое-какие есть* (букв. 'только несколько'). А с другой — такие высказывания, как — *Hast du irgendein Buch zu diesem Thema?* — *Ja, sogar mehrere/etliche* <?*einige*>, что соответствует русскому — *У тебя есть какая-нибудь книга по этой теме?* — *Да, даже несколько*.

Для русского кванторного слова *несколько* может быть предложено толкование, максимально близкое толкованию слова *einige*. Значение *несколько* отличается от значения *einige* только тем, что признак 'но и не много' в *несколько* выражен слабее, чем в *einige*. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в ответной реплике на вопрос типа *У тебя много книг по этой теме?* слово *несколько* звучит не вполне естественно; ср. ?*Нет, только несколько*. Иными словами, *несколько* не настолько явно противопоставляется *много*, как *einige* — *vielen*. В толковании это различие может быть отражено путем замены 'но и не много' на 'но и не очень много': *несколько* — 'некоторое неопределенное количество: не один и не два, но и не очень много'.

Предложенное описание существенно отличается от трактовки этих слов в известных нам словарях, где *einige* в своем основном значении чаще всего описывается как 'некоторое небольшое количество', *mehrere* — как 'некоторое значительное количество', а *etliche* — как устаревающий синоним *einige*. Принципиальное отличие нашего подхода от традиционного состоит не столько в том, что он более последовательно ориентируется на эмпирические данные, полученные из текстовых корпусов, что позволяет более точно описать релевантные сходства и различия, сколько в том, что для сравнения семантики и сочетаемости этих слов предлагаются признаки другой природы.

3. Сопоставительный анализ такого рода осложняется тем, что при обращении к материалу параллельных текстов обнаруживается, что потенциальная синонимия сопоставляемых единиц не ограничивается «словарным» рядом. Так, в нашем случае русскому

слову *несколько* должны быть сопоставлены не только слова *einige, mehrere* и *etliche*, как это было сделано в разделе 2, а еще и такие лексические единицы, как *mancherlei* 'всякие разные' (*несколько забавных анекдотов — mancherlei lustige Geschichten*), *ein paar* 'пара' (*у меня всего денег несколько копеек осталось — so daß jetzt nur noch ein paar Kopeken übrig sind*), *wenig* 'мало' (*несмотря на то что остается всего только несколько часов — obwohl es nur noch wenige Stunden sind*) и пр., реально представленные в переводах русских высказываний со словом *несколько*¹⁵. Не имея возможности остановиться на этом подробно, разберем лишь несколько интересных случаев.

Достаточно часто *несколько* переводится с помощью *ein paar*. Стандартными соответствиями сочетания *ein paar* являются русские разговорные выражения *пара, пара-тройка*, а также конструкция со словом *другой*: *разок-другой, недельку-другую*. Выбор этого выражения, явно фокусирующего идею небольшого количества, при переводе высказываний со словом *несколько* свидетельствует о том, что в определенных контекстах слово *einige* — единственный «словарный» эквивалент *несколько*, допускающий понимание в смысле «скорее мало», — оказывается недостаточно однозначным. Использование *ein paar* оказывается особенно уместным в разговорно окрашенных контекстах типа *у меня всего денег несколько копеек осталось*. В случаях, когда контекст оригинала не содержит эксплицитных указаний на необходимость понимания *несколько* в смысле «небольшого количества», выбор отмеченного эквивалента — результат интерпретации данного контекста переводчиком. Ср. (15).

- (15) Почти в самое то мгновение... умирает в Москве один из родственников его матери... и оставляет *несколько* миллионов наследства, бесспорного, круглого, чистого, наличного [«Идиот»].

Fast im selben Augenblick... verstirbt in Moskau ein Verwandter seiner Mutter... und hinterläßt *ein paar* Millionen unanfechtbares rundes reines Erbe in bar [Geier].

¹⁵ В нашем параллельном корпусе не нашлось ни одного случая, когда *несколько* переводилось бы с помощью *viel* 'много', но такие случаи вполне возможны. Так, конструкция *in vielen Monaten* будет скорее переведена с помощью сочетания *через несколько месяцев*, чем ?? *через много месяцев*. Принципиально возможная альтернатива *по прошествии многих месяцев* сдвигает перспективу говорящего, превращая ее из проспективной в ретроспективную, что может сделать такой перевод неприемлемым в определенных контекстных условиях. Таким образом, русскому *несколько* должен быть сопоставлен весьма широкий диапазон немецких кванторных слов: от *wenig* 'мало' до *viel* 'много'; см. [Dobrovolskij 2001a].

Fast im Augenblick seiner Ankunft... starb in Moskau ein Verwandter seiner Mutter... unter Hinterlassung einer unanfechtbaren Erbschaft von *mehreren* runden Millionen baren Geldes [Herboth].

В [Geier] количество миллионов, оставленных в наследство князю Мышкину, интерпретировано как достаточно скромное, а в [Herboth] — как весьма внушительное.

Сходный сдвиг в интерпретации кванторного смысла, заложенного в *несколько*, дает выбор слова *wenig* в качестве переводного эквивалента. С этой точки зрения его употребление оправдано прежде всего в контекстах, содержащих соответствующие указатели, например частицу *еще*; ср. (16).

(16) На некоторые мечты свои князь смотрел еще назад тому *несколько* дней как на преступление [«Идиот»].

Manche seiner eigenen Träume hatte der Fürst noch vor *wenigen* Tagen als ein Verbrechen empfunden [Geier].

Einige seiner Träume hatte der Fürst selbst ja noch *wenige* Tage zuvor fast als verbrecherisch angesehen [Herboth].

С другой стороны, существуют контексты, в которых употребление слова *wenig* предписывается системными ограничениями на сочетаемость немецких местоимений с семантикой некоторого неопределенного количества. Так, ни *einige*, ни *mehrere*, ни *etliche* не могут появляться в сфере действия детерминатива (определенного артикля или указательного местоимения). В этом случае, если только контекст не содержит элементов, противоречащих интерпретации «скорее мало», квантифицирующую функцию берет на себя слово *wenig*; ср. (17).

(17) В те же *несколько* минут, которые он пробыл на террасе при Епанчиных, он держал себя скромно, с достоинством [«Идиот»].

In den *wenigen* Minuten, die er in Gegenwart der Jepantschins auf der Veranda zugebracht hatte, gab er sich bescheiden, würdig [Geier].

Er hatte sich in den *wenigen* Minuten, in denen er zusammen mit den Jepantschins auf der Terrasse weilte, bescheiden und würdevoll zurückgehalten [Herboth].

Наблюдения за контекстами такого типа показывают, что русские словосочетания *те/эти несколько...* не имеют в немецком языке точных эквивалентов. С точки зрения сопоставления русской системы кванторных слов с немецкой подобные случаи представляют особый интерес.

Нетривиальной особенностью немецкой системы кванторных слов представляется способность некоторых из них образовывать более или менее устойчивые сочетания. Это, в первую очередь, словосочетание *einige wenige*, являющееся абсолютно узуальным и достаточно частотным; ср. (18).

(18) Когда Ганя входил к князю, то был в настроении враждебном и почти отчаянным; но между ним и князем было сказано будто бы *несколько* каких-то слов, после чего Ганя просидел у князя два часа и все время рыдал прегорько [«Идиот»].

Beim Eintreten soll Ganjas Stimmung feindselig und aufgebracht gewesen sein; er und der Fürst hätten aber *einige wenige* Worte gewechselt, woraufhin Ganja zwei Stunden bei dem Fürsten geblieben und die ganze Zeit bitterlich geweint hätte [Geier]¹⁶.

Естественным образом, сочетаясь с *einige* 'несколько', *wenige* 'мало' смещает значение этого самого нейтрального кванторного слова в сторону «весьма небольшого количества». Наиболее простым и немаркированным русским эквивалентом устойчивого сочетания *einige wenige* опять-таки оказывается слово *несколько*. Интересно, что симметричного коррелята **einige viele* не существует. С функциональной точки зрения это вполне естественно. Соответствующий смысл узуально выражается с помощью других кванторных слов (см. выше). К тому же такое сочетание противоречило бы компоненту значения *einige* 'но и не много' и воспринималось бы как семантический конфликт.

Последним в ряду языковых выражений, соотносимых с кванторным словом *несколько*¹⁷, мы рассмотрим так называемый «нулевой квантор». Как и в других германских языках, в немецком существуют конструкции, в которых заложенный в их семантической структуре кванторный смысл формально не выражается. Ср. контексты (19) и (20), где конструкции с обстоятельственно-временным значением *seit Stunden* и *seit Monaten* (букв. 'в течение часов/месяцев') соответствуют русским сочетаниям *несколько часов* и *несколько месяцев*.

¹⁶ Перевод данного контекста в [Herboth] не содержит интересующих нас особенностей и поэтому здесь не приводится.

¹⁷ Здесь не рассматриваются переводы, в которых фрагменту оригинала со словом *несколько* сопоставляется высказывание без какого бы то ни было кванторного слова, поскольку они не так значимы для решения поставленных задач. Подобные контексты предоставляют, однако, богатейший материал для изучения возможностей нетривиального перифразирования.

- (19) Ему вдруг пришлось сознательно поймать себя на одном занятии, уже давно продолжавшемся, но которого он все не замечал до самой этой минуты: вот уже *несколько часов* [«Идиот»].

Ihm wurde auf einmal deutlich, womit er eigentlich beschäftigt war, ohne es bis zu diesem Augenblick bemerkt zu haben, *seit Stunden* schon [Herboth].

- (20) Мало того, в какие-нибудь полгода после брака граф и друг его, знаменитый исповедник, успели совершенно поссорить Аглаю с семейством, так что те ее *несколько месяцев* уже и не видали [«Идиот»].

Damit nicht genug, ein halbes Jahr nach der Hochzeit war es dem Grafen und seinem Freund, dem berühmten Beichtiger, bereits gelungen, Aglaja mit der Familie völlig zu entzweien, so daß ihre Angehörigen sie *seit Monaten* nicht mehr zu Gesicht bekommen hatten [Geier].

В принципе подобное явление не чуждо и русскому языку, ср. формы *часами*, *днями* (устар.), *неделями*, *месяцами*, *годами*. Однако в русском языке возможность опущения кванторного слова ограничена вполне определенными формами¹⁸, в то время как в немецком это явление достаточно регулярно. Ср. такие конструкции, как *Tage/Wochen/Monate... danach* vs. ^{??}*дни/недели/месяцы спустя* (при том что *годы спустя* вполне допустимо) или конструкции с *vor* и *тому назад*: *vor Tagen*, но **дни тому назад*. Следовательно, в русском языке мы имеем дело с явлением словаря, а в немецком — скорее с явлением грамматики, причем между этими формально близкими конструкциями нет полного семантического соответствия.

Что касается значения немецких конструкций с опущенным кванторным словом, то семантически они ближе всего русским конструкциям с *несколько*, что и показывают примеры (19) и (20). Русские выражения *часами* и *месяцами*, напоминающие по форме *seit Stunden* и *seit Monaten*, не могли бы быть употреблены в соответствующих контекстах без изменения их смысла. Предложные группы со структурой *vor/seit/nach* & [опущенное кванторное слово] & [слово, обозначающее отрезок времени] всегда употребляются в контексте эмпазы и несут фразовое ударение.

¹⁸ Кроме того, квантификация, имплицитно выраженная в таких обстоятельствах, имеет другую сферу действия. Квантифицируются не часы, недели, месяцы и т. п., а ситуации. Ср.: *Он часами сидел на берегу и смотрел вдаль; Он месяцами болтался неизвестно где*. Здесь утверждается не то, что нечто продолжалось в течение нескольких часов или месяцев, а то, что было несколько случаев, когда он подолгу сидел на берегу или отсутствовал. Автор благодарит И. М. Богуславского за это интересное наблюдение.

По этой причине они часто оказываются в сфере действия фокусирующих частиц *noch* 'еще', *schon* или *bereits* 'уже' и 'больше <уже> не': ср. *noch vor Wochen* — еще несколько недель тому назад; *schon seit Stunden* — (вам) уже несколько часов или <...> *sie seit Monaten nicht mehr zu Gesicht bekommen hatten* — <...> ее несколько месяцев уже и не видали. В этом видится главное отличие этих конструкций от их коррелятов с эксплицитно выраженным кванторным смыслом.

В качестве одного из возможных объяснений употребительности подобных конструкций в немецком языке и некорректности большинства из них в русском может служить наличие-отсутствие категории артикля в этих языках. Конструкции типа *vor Tagen* интерпретируются как содержащие нулевой артикль, выполняющий в таких случаях квантифицирующую функцию, например: *vor & [нулевой артикль] & Stunden/Tagen/Wochen/Monaten/Jahren...* ≈ 'некоторое количество часов/дней/недель/месяцев/лет тому назад'. Следует сразу оговорить, что это только гипотеза, а отнюдь не доказанный факт. В других славянских языках (по крайней мере, в чешском и словацком), в которых так же, как и в русском, отсутствует категория артикля, встречаются отдельные конструкции с опущенным кванторным словом, подобные немецким. Это, конечно, можно объяснить влиянием немецкого языка, но в любом случае данная проблема нуждается в дальнейшей — более детальной — разработке с привлечением материала различных языков.

4. Проведенный анализ показал, что даже в области кванторных слов, где, казалось бы, можно рассчитывать на некоторую квазиуниверсальность, наблюдается довольно много непредсказуемых особенностей, специфичных для каждого конкретного языка. Одна из причин этого — несовпадение системной значимости кванторных слов в разных языках. Наличие у кванторного слова квазисинонимов приводит к функциональной дифференциации этих выражений, причем параметры, по которым они различаются, могут не совпадать в разных языках. Близкие по смыслу кванторные слова могут обнаруживать различия в семантической структуре, причем большей частью речь идет о слабых, нейтрализуемых в определенных контекстах признаках, связанных с интенцией говорящего и образующих рамку интерпретации. Иногда подобные квазисинонимы различаются лишь акцентным статусом отдельных принципиально совпадающих семантических признаков, их конфигурацией или прагматической маркированностью. В некоторых случаях квазисинонимы различаются не столько семантикой или прагматикой, сколько синтактикой. Это

могут быть как чисто синтаксические ограничения (ср. неспособность отдельных кванторных слов сочетаться с детерминативами), так и лексико-комбинаторные предпочтения. Последние могут быть связаны с прагматической отмеченностью слова. Отдельная проблема — наличие специфичных для каждого конкретного языка конструкций. Для выражения некоторого заданного смысла каждый язык нередко вырабатывает свои конструкции, которые, не являясь фразеологизмами в традиционном смысле слова, представляют собой единицы лексикона и не имеют точных соответствий в других языках.

В результате взаимодействия указанных факторов каждое из рассмотренных здесь кванторных слов оказывается уникальным по набору семантических, синтаксических и прагматических характеристик. Эти различия наиболее выпукло проявляются в сочетаемости.

В целом, можно сделать вывод, что теоретическая модель, сформулированная в первом разделе статьи, получила на данном материале эмпирическое подтверждение. В каждом языке существует немало словосочетаний, регулярных с точки зрения анализа, но нерегулярных с точки зрения синтеза. В этом смысле можно говорить о том, что между «семантической» и «лексической» сочетаемостью (по Ю. Д. Апресяну [Апресян 1974]) существует некая промежуточная зона, исследование которой только начинается.

* * *

Автор выражает искреннюю признательность А. Н. Баранову, И. М. Богуславскому и Е. В. Падучевой, прочитавшим первый вариант данной статьи и сделавшим ряд ценных и конструктивных замечаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Богуславский 1996 — Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
Булыгина, Шмелев 1988 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке) // Язык: система и функционирование. М., 1988.
Добровольский 2003а — Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов и литературный перевод // НТИ. Сер. 2. 2003. № 10.

- Добровольский 2003б — *Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2003». М., 2003.
- НБНС — Новый большой немецко-русский словарь (в печати).
- Падучева 2003 — *Падучева Е. В.* Акцентный статус как фактор лексического значения // Известия. АН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 1.
- Dobrovol'skij 2001a — *Dobrovol'skij D.* Lexikalische Kombinatorik aus kontrastiver Perspektive // Deutsche Sprache in Europa. Geschichte und Gegenwart. Wien, 2001.
- Dobrovol'skij 2001b — *Dobrovol'skij D.* Quantifizierer aus kontrastiver Sicht (Deutsch-Russisch) // Programm der Bochumer Linguistik-Tage. Bochum, 2001.
- Dobrovol'skij 2004 — *Dobrovol'skij D.* Lexical Semantics and Combinatorial Profile: A Corpus-Based Approach // Proceedings of the Eleventh EURALEX International Congress 2004. Lorient, 2004.
- DUW — Duden: Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. von der Dudenredaktion. 4., neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc., 2001.
- Fillmore 1990 — *Fillmore C. J.* Construction Grammar: Course Reader for Linguistics 120 A. Berkeley, 1990.

ИСТОЧНИКИ

- [Идиот] — *Достоевский Ф. М.* Идиот // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Л., 1973. Т. 8.
- [Geier] — *Dostojewskij F.* Der Idiot / Aus dem Russischen von Swetlana Geier. 3. Aufl. Zürich, 1996 (1. Aufl. 1996).
- ^{1/2}[Herboth] — *Dostojewski F.* Der Idiot / Aus dem Russischen von Hartmut Herboth // *Dostojewski F.* Sämtliche Romane und Erzählungen. Berlin; Weimar, 1994. (1. Aufl. 1986). Bd. 1–11.

ЦКСЛ. *второй, дру҃гъ/дру҃гый, инъ/инный, овъ/овый* В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ: КВАНТИТАТИВЫ КВАЛИТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Есть счет и счет. Бывает счет, который не есть подсчет.

Казалось бы, если называется некоторое итоговое количество или указывается порядковый номер лица или предмета, то считаемые лица или предметы непременно являются по некоторому качественному (классификационному) признаку однородными. Меняется признак для классификации, будет получен и другой результат при подсчете. Между тем имеются факты, противоречащие правилу: иногда в счет на самом деле могут быть включены члены, качественно различные между собой, в том числе и до противоположности.

Нижеследующее изложение состоит из двух частей: в первой обсуждается общая проблематика, а во второй исследован частный случай.

I.

Сейчас мы рассмотрим три группы примеров, в которых используются порядковые числительные и числительноподобные местоимения (и те и другие — в форме прилагательных). Как кажется, значение и назначение перечисления в каждой группе — качественно иное. Итак, сначала (под номерами 1, 2, 3) приводим материал, а его обсуждение предпринято во вторую очередь.

1) В Евангелии все три синоптика (Мф 22: 24–28, Мк 12: 19–23, Лк 20: 28–33) повествуют — и весьма близко по тексту — о вопрошании подошедших к Иисусу саддукеев. Саддукеи, приверженцы секты (или партии), в учение которой входило отрицание посмертной жизни и воскресения из мертвых¹, желали показать абсурдность

Статья представляет собой переработанную версию доклада, прочитанного на конференции «Квантитативный аспект языка» (3 июня 2003 г.). Исследование выполнено по проекту «Церковнославянская версия Евангелия в мировом социокультурном аспекте: лингвотекстологические разыскания» (контракт № 522), финансируемому в рамках программы Отделения ИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

¹ Обычно считается, что *саддукеи* (или *цадокиты*) заимствовали себе имя от *Садока/Цадока* (3 Цар 2: 35), которого царь Соломон поставил первосвященни-

самой идеи воскресения и рассказали нелепую историю семи благочестивых братьев: братья строго исполнили заповедь Господа и вследствие этого получили в жены одну и ту же женщину. Когда они воскреснут, то кому из семи эта несчастная будет женой? Въ воскрѣніѣ ѱѣо, котораго ѿ сѣдинѣхъ бѣдетъ жена; всѣ бо имѣша ю (Мф 22: 28) ².

Как известно, в иудаизме существует заповедь (Втор 25: 5–6), согласно которой если умрет бездетным женатый человек, то вдова не должна достаться иному (= иного рода) мужчине, а только деверю (брату мужа), причем этот последний обязан взять ее в жены ³: *Аще же живѣтъ братѣи въѣпѣ, и ѱмретъ єдинъ ѿ нѣхъ, сѣмене же не бѣдетъ ємѣ, да не бѣдетъ жена ѱмѣрашаго инѣмъ мѣжъ несроднѣ: братъ мѣжа єа да внидетъ къ нѣй и поиметъ ю себѣ въ женѣ, и да поживѣтъ съ нѣю. Ребенок мужского пола, родившийся в таком браке первым, получает имя человека, который умер; сей отрок считается его сыном и наследует имущество покойного: бѣдетъ ѿтроча, єже аще родитса, да поставитса во имя ѱмѣрашаго, и не*

ком (и от которого пошла династия). В то же время их неверие в воскресение из мертвых объясняется лучше, если предположить их другое происхождение. Согласно одной поздней талмудической легенде, основателем секты стал некий (небиблейский) Цадок, живший не в эпоху царя Соломона, а при Хасмонеях (или Маккавеях; II в. до н. э.). Учителем Цадока был мудрец Антигон Сохоский («иш сохо», житель города Сохо в Иудее). В трактате «Авот» (глава 1, мишна 3) сохранилась апофтегма Антигона, «принятая» от Шимона Праведника (Цадика), а именно: «Не будьте как рабы, служащие своему господину с условием получения платы; но будьте как слуги, не ждущие награды». Эти слова саддукеи сначала интерпретировали так, что якобы ничего доброго не ждет человека за гробом, а потом и в том смысле, что всё бытие человека ограничивается одной лишь земной жизнью. Отсюда, в отличие от фарисеев, которые часто постились, саддукеи предавались разного рода излишествам и жили в роскоши (изложено по: [Трактат 1984: 28–30; Каценельсон 1991: 172–190]).

² Поскольку во втором (частном) разделе статьи исследуются церковнославянские тексты, мы посчитали пропедевтически полезным и в первом (общем) разделе, когда нужны примеры, прибегать к выпискам из церковнославянской книжности. Здесь и далее в первой части статьи цитируется Елисаветинская (синодальная) Славянская Библия.

³ Если деверь не соглашался взять бездетную вдову в жены, то по отношению к нему совершался (первоначально позорный, а затем и чисто формальный) обряд *халица* (חליצה «разувания»), также предписанный во Второзаконии (25: 7–10): *Аще же не восхочѣтъ человекъ полати жены брата своего, да приидетъ жена ко вратѣмъ предъ старѣйшими и речѣтъ: не хощѣтъ братъ мѣжа моего возставити имя брата своего во иѣи, не восхотѣ братъ мѣжа моего: и да призовѣтъ его старѣйшины града того и рекѣтъ ємѣ, и ставъ речѣтъ: не хощѣ полати ю: и пристѣпавши жена брата єго къ немѣ предъ старѣйшими, и избѣтъ сапогъ єго єдинъ ѿ ногъ єго, и да полюетъ на лицѣ єго, и вѣщавши речѣтъ: сѣе да сотворѣтъ человекъ, иже не созиждѣтъ домъ брата своего во иѣи: и прозовѣтса имя єго во иѣи домъ изѣтаго изъ сапога. Если, однако, у умершего были потомки, то брак его вдовы с братом покойного, напротив, не был разрешен (Лев 18: 16: «Наготы жены брата твоего не открывай»; 20: 21: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно»).*

поги́бнетъ ѿма егѡ ѿ ѿла. (Второй отрок, родившийся в браке, уже считается сыном своего физического родителя.) Таков брак, называемый левиратным⁴.

Так вот, ссылаясь на левиратное право, саддукеи рассказали: бѣша же въ насъ седмь братѣа: ѿ перъвый (ѡѡ прѡтос) ѡженъса ѡмре, ѿ не ѿмыи сѣмене, ѡстави женѡ свою братѡ своему: такожде же ѿ вторъый (ѡ ѡтерос), ѿ третѣи (ѡ трѣтос), да́же до седмагѡ. Иными словами, саддукеи посчитали однородных лиц (братьев, мужей одной и той же женщины), распределив их по возрасту (по степеням: от старшего к младшему⁵), и каждому присвоили свой неизменный порядковый номер. Таким образом, перед нами явный случай дефинитивного счета. (Конечно, отвлекаемся при этом от символики числа *семь*: семерница означает просто большое количество.)

Второй такой же случай дефинитивного счета можно усмотреть в притче о делателях винограда (Лк 20: 10–12). Когда хозяин виноградника пожелал получить у своих арендаторов обычную в таких случаях плату, то он последовательно посылал к ним порученцами рабов — первого, второго и третьего: послѡ къ дѣлателемъ раба, да ѿ плода винограда дадытъ емѡ: дѣлателе же бѣвше егѡ, послѡша тѣа. И приложи послѡти дрѡгаго (ѣтерос) раба: ѡни же ѿ того бѣвше ѿ досадыше (емѡ), послѡша тѣа. И приложи послѡти третѣаго (трѣтос). Подобно тому как братья, о которых говорили саддукеи, могли быть весьма различны ростом, возрастом, темпераментом, цветом волос и глаз (и т. д.), но все имели одно общее качество (были мужьями одной и той же особы), которое и позволило просчитать всех их в ряд на основе указанного признака, так и рабы, ходившие к виноградарям, могли быть ни в чем не похожи друг на друга, но по-

⁴ От лат. *levir* «деверь». Относительно левиратного брака см.: [Бернфельд 1991: 115–117].

⁵ Брат умершего мог быть намного моложе овдовевшей женщины. Случалось, что вдова ждала, пока ее младший деверь достигнет брачного возраста. Когда Ир/Эр, старший сын патриарха Иуды, умер бездетным, то Иуда его вдову (свою невестку Фамарь/Тамарь) отдал в жены второму сыну Онану. «И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семья брату твоему» (Быт 38: 8). Когда и Онан умер, патриарх обещал Фамари, что женит на ней третьего сына Силома/Шелу, а тот был еще мальчиком. «И сказал Иуда Фамари, невестке своей: живи вдовою в доме отца твоего, пока подрастет Шела, сын мой» (там же 38: 11). История эта, кстати сказать, имела неожиданное продолжение. Иуда нарушил обещание и не женил Шелу на Фамари, и Фамари пришлось соблазнять свекра, от которого она родила близнецов — Фареса/Переца и Зару/Зераха. Как бы то ни было, в генеалогии Иисуса Христа по Матфею Фамарь упоминается первой среди женщин: «Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома» и т. д. (Мф 1: 3). Наряду с ней на фоне бесконечного ряда мужских имен еще упомянуты только две женщины — Рахава и «бывшая за Уриею», т. е. Вирсавия, дочь Елиама. (В генеалогии по Луке женщины не упомянуты вовсе.)

скольку все они исполняли одну функцию (были порученцами господина), они также были просчитаны как одинаковые члены единого ряда.

2) Крылатое выражение *зарыть талант в землю*, как известно, восходит к евангельскому нарративу. В Притче о талантах, как она рассказана евангелистом Матфеем (Мф 25: 14–30), лексема *талант* употреблена в прямом значении (крупная денежная единица, равная, как считают, шести тысячам драхм). Между тем в пересказе той же притчи евангелистом-синоптиком Лукой (Лк 19: 12–27) говорится не о *талантах*, а о другой единице — *мине*. Некий «человек высокого рода» призвал к себе десять рабов, дал каждому по *мине* и присовокупил наставление: «Употребляйте их в оборот». Через достаточное время рабы стали давать отчет, кто что приобрел. И далее цитируем по синодальному переводу: «Пришел *первый* и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин. <...> Пришел *второй* и сказал: господин! мина твоя принесла пять мин. <...> Пришел *третий* и сказал: господин! вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок» (Лк 19: 16, 18, 20). Естественно, высокородный человек остался недоволен, потому что его наставление не было исполнено. Сейчас, однако, для нас важно подчеркнуть, что если в русской версии Притчи использованы кардинальные числительные (*первый, второй, третий*), то в славянской обычного ряда нет: Прїѣде же *пѣрвыи* (ὁ πρῶτος), глагола: гѣспѣди, мнѣсь твоѣ придѣла дѣсѣть мнѣсь <...>. И прїѣде *второй* (ὁ δεῦτερος), глагола: гѣспѣди, мнѣсь твоѣ сотвори пѣть мнѣсь <...>. И *дрѣгїи* (ὁ ἕτερος) прїѣде, глагола: гѣспѣди, сѣ, мнѣсь твоѣ, юже имѣхъ положѣнъ во оубѣрѣсѣ. Как видим, начатый ряд числительных (*пѣрвыи, второй*) не доведен до конца: вместо *третий* русского текста стоит *дрѣгїи*, причем в согласии с греч. оригиналом (ὁ ἕτερος). Почему, однако, имел место перебив в счете (который синодальные переводчики посчитали нужным восполнить)?

Примерно такое же перечисление действующих лиц (как кажется, по времени их появления в поле зрения адресанта) наблюдаем в Притче о званых на вечерю (Лк 14: 16–24). Как известно, приглашенные начали выставлять причины, чтобы отказаться: «*Первый* сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. *Другой* сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. *Третий* сказал: я женился и потому не могу придти» (Лк 14: 18–20). Опять-таки в русском переводе больше числительных, чем в греч. оригинале и в тесно согласованной с ним славянской версии: Пѣрвыи (ὁ πρῶτος) рече: емѣ: селѣ кѣпїхъ <...>. И дрѣгїи (ἕτερος) рече: сѣпрѣгъ волѣвъ кѣпїхъ пѣть <...>. И дрѣгїи (ὁ δεῦτερος) рече: женѣ поѣхъ ѿ сегѣ рѣди не могѣ прїити.

Числительное *ὁ δεῦτερος* — это не то же самое, что местоимение (в форме прилагательного) *ὁ ἕτερος*. На самом деле, когда совершалось

непосредственно ниже, так и называется — *дефинитивным* (от *definitivus* «определяющий [место в ряду⁶]»).

В группе 2) говорящий перебирает однородные лица или предметы и даже приписывает им номера, — так что по внешним признакам ситуация говорения, казалось бы, не отличается от 1), — но по перлокутивной цели не точный номер важен, а важно показать, что членов в ряду — несколько (и на этом смысл дискурса исчерпан). Какое точное место в ряду занимает тот или иной член — значения не имеет, поскольку существенно лишь показать, что всего в ряду членов — больше одного, а как они между собой соотносены — значения не имеет. Пусть такой счет, по противоположности, и называется *индефинитивным*. В отличие от дефинитивного он допускает, а временами и предполагает употребление числительноподобных местоимений.

Важно подчеркнуть, что определенно или неопределенно считающиеся члены — качественно однородны⁷.

В группе 3), напротив, подсчет распространяется на члены, которые качественно неоднородны, существенно и сущностно различны, даже противоположны.

Действительно, если Иисус — Помазанник, Мессия, Христос, то складывается одна ситуация; если же он — не Мессия, то «нам надо ожидать другого». Строго говоря: не «и — и», а «или — или». Может показаться, что Иоанн Предтеча предпринял подсчет («ты» — первый, а «он» [еще не пришедший] — второй), но на деле Мессия может быть только один, так что «первый» в один ряд со «вторым» не становится. «Первый» исключает «второго» и соответственно «второй» — «первого». Точно так же рукотворный Иерусалимский храм, в намерении разрушить который обвиняли Иисуса, — это здание, тогда как нерукотворный храм, который Иисус обещал воздвигнуть за три дня, — это его плоть, которая воскреснет. Между ними нет ничего общего, кроме метафорического уподобления.

Соответственно пусть счет неоднородных лиц и предметов (в котором как раз выявляется их неоднородность), в отличие от (ин)дефинитивного, называется — мотив наименования чисто условный — *адиначивным* (от *ἀδυνασία* «невозможность»).

⁶ Как в пространственном ряду (справа/слева; впереди/сзади), так и во временном (т. е. в порядке предшествования/следования).

⁷ Поэтому дефинитивный и индефинитивный счет — это, строго говоря, всего лишь разные процедуры одного и того же вида счета. Соответственно допустимо объединение этих двух видов, что может, в частности, выразиться в использовании бинарного термина (*ин*)дефинитивный.

сте)¹³; и уж тем более невозможности пришествия еще одного Христа¹⁴.

Далее эти общие наблюдения над богословскими импликациями адинасивного счета приложены к конкретным разысканиям (на сей раз на материале гимнографии). Предполагаем выяснить, что стоит за счетной номинацией свѣтъхъ въторѣиѣ.

II.

В древнейшем списке Канона на усение Кирилла Философа¹⁵ (далее: КУ) содержится тропарь (1-й VIII песни), ключевой для нравственно-богословской оценки личности первоучителя, но и непростой для интерпретации, а именно¹⁶:

звѣдѣахъ въ бл҃гѣтїю хр҃товою во ѿно бѣговѣствованїе (εις ἑτερον εὐαγγέλιον): ѣже нѣсть ѿно (ὃ οὐκ ἔστιν ἄλλο), то҃чїю нѣцыи сѣтъ смѣѣающїи въ ѿ хотѣѣиѣи превратити бѣговѣствованїе хр҃тово. Но ѿ аще мы, ѿнѣ а҃г҃лѣхъ сѣхъ нѣсе бѣговѣстїиѣхъ вѣмѣхъ пѣче, ѣже бѣговѣстїиѣхъ вѣмѣхъ, а҃наѣѣма да бѣдѣтъ (Гал 1: 6–8).

¹³ Сѣн ѣсть ка́мень о҃корѣнный ѿ вѣсѣхъ з҃нѣдѣиѣхъ, бѣвыиѣ во главѣ о҃г҃ла, ѿ нѣсть нн ѿ еднѣѣмѣхъ же ннѣѣмѣхъ спїѣѣа (ἐν ἄλλῳ οὐδενὶ ἢ σωτηρίᾳ): нѣсть во ннѣѣхъ ѿмене подъ невѣсѣѣмѣхъ (οὐτε γὰρ ὄνομα, ἐστὶν ἕτερον ὑπὸ τὸν οὐρανόν), да҃ннаѣхъ въ челоѣѣѣѣхъ, ѿ немѣже подоваѣѣтъ спїѣѣа нѣмѣхъ (Деян 4: 11–12).

¹⁴ Аще во градѣѣѣѣ ѿнаго и҃са (ἄλλον Ἰησοῦν) проповѣдаѣтъ <...>, ѿнѣ дѣѣѣѣ ѿнаго (πνεῦμα ἑτερον) прїѣѣѣѣте <...>, ѿнѣ бѣговѣствованїе ѿно (εὐαγγέλιον ἑτερον) <...>, добѣѣѣѣхъ вѣсте потерпѣѣѣѣи (2 Кор 11: 4).

¹⁵ До недавнего времени считалось, что древнейший список последования на Кириллово усение содержится в полной служебной минее за февраль XII в. (Син. 164 ГИМ [далее сокращенно: С]; описание источника см.: [Сводный каталог 1984: № 85]). Между тем ныне, когда в научный оборот введена *Ильина книга* (сокращенно: *Ил*), наиболее архаичная служебная миней на избранные праздники, — а в ней под 14 февраля также содержится последование на память Кирилла, — привычные взгляды должны быть пересмотрены. Под именем *Ил* имеется в виду рукопись РГАДА [ф. 381, № 131], называемая по имени писца. Ныне *Ил* содержит только минейные последования; триодная часть анонсирована, но изъята. Книга, в отличие от других миней, не подверглась правке по Студийско-Алексеевскому уставу. Источник подробно обсуждается в кн.: [Верецагин 2001а: 251–418].

¹⁶ Следуем эдиционным правилам, принятым в Российско-германском коллективе, осуществляющем издание Декабрьской служебной миней по древнейшим рукописям; см. [Служебная миней 1996]. *Ил* воспроизводится буква в букву. Пунктуация и диакритика рукописи опущены; анахронистически вносим от себя только опоясывающие запятые (чтобы выделить обращения). Словоделение и стихометрия (счет стихов) привнесены нами (они отражают интерпретацию текста публикатором). Конец строки в рукописи обозначается одной вертикальной чертой (|), конец страницы — двумя (||), а сторона листа — поднятыми лат. литерами (*лицевая* ' и *оборотная* '). Для песнопений приисканы греч. соответствия (по изданию: Μπρωϊα 1888–1901). Из синтаксически непоследовательной пунктуации греч. источника удерживаем только конечную точку; от себя вносим выделения вокативов в запятых.

- (1) Свѣтъ прѣложь¹ сѧ свѣтъ ѡви сѧ|
 (2) вѣниту еже ѿ² бѧ, о философе,|
 (3) инъ бо обрѣте сѧ павъль
 (4) дѣтелмѣ³ прѣриста⁴ всю⁵ зѣмлю
 (5) въ пѣщѣхъ сѣца⁶ свѣтълѣ⁷
 (6) словомъ⁸ оученица, оучителю блажене|

Разночтения по С: 1 -ри-; 2 отъ; 3 -льми; 4 при-, -та; 5 въ-; 6 сълнъц-; 7 -лѣи; 8 -въ-. В издании Канона по средне-болгарскому списку из собрания Григоровича [Лавров 1930: 121] после (5) свѣтълѣ добавлено: *снѣж*.

Тропарь непрост *синтаксически*. Вообще говоря, по синтаксическим связям лексему *вѣниту* можно отнести как к синтагме (1), так и к синтагме (3). Лексема *дѣтелмѣ* может рассматриваться и в составе (3), и в составе (4). Сейчас, предприняв строкоделение, мы руководствовались подсказкой ирмоса. Обращает на себя внимание тоекратная инверсия (в строках 2–4), а также дистантное размещение единиц в узлах непосредственно составляющих (2–3).

Тропарь труден и *лексически*. Так, что такое это самое *вѣниту*? Сослаться просто на действие по глаголу *вѣнити*¹⁷ — значит создать (в данном контексте) семантическую апорию¹⁸. Далее, как здесь понимать *дѣтель* — как «действие», «деятельность» или же в нравственном смысле как *добродѣтель*? В зависимости от интерпретации изменится и трактовка синтаксического места слова.

Непрост также и *богословский* аспект рассматриваемого тропаря. В КУ немало песнопений, содержащих исторические, географические, житийные и подобные сведения и аллюзии, но данный тропарь, безусловно, перлокутивной целью имеет сообщение именно богословской информации.

Один из аллюзируемых теологуменов — внятен без дальнейшего. Мотив именования Кирилла «другим Павлом», т. е. «апостолом языков», лежит на поверхности. Собственно, и Мефодий в другом месте назван «новым Павлом», причем по тем же основаниям: за заслуги в проповеди христианства язычникам, сопряженной с непрестанным скитальчеством¹⁹.

¹⁷ Так в кн. [Словарь 1989: 185].

¹⁸ Лексема *вѣниту* встрети́лась в слав. Апостоле, где она переводит греч. *εἰσόδος* (Деян 13: 24). Контекст допускает различные интерпретации, но в патристической литературе утвердилось конкретизированное понимание *εἰσόδος* как entrance of Christ into world = incarnation [Lampe 1976: 423]. В указанном Лексиконе приведены подтверждающие выписки из Григория Нисского и Иоанна Златоуста.

¹⁹ См. 4-й тропарь IV песни Канона на 6-е апреля (по списку Син. 165): *Обрѣте сѧ новѣи павъль, премѡудре, / въсь миръ вѡгови приоврѣте / съмъзсьлно крѣстъ христѡвъ на сѧ вѣспримъ / дѡнде до западъ свѣте, / въсь ереси, блажене, потрѣбамъ*

Напротив, второй теологумен, выраженный в строке (1) *Свѣтъ прѣложъ сѧ свѣтъ ꙗви сѧ*, отнюдь не столь очевиден. Догадка, что перед нами банальная метафора, отражающая противопоставление света тьме, далее (по итогам предстоящего анализа) не подтвердится.

Интерпретации строки (1) и посвящены нижеследующие небольшие разыскания; они ограничены только богословскими предикациями о свете. Композиция такова: сначала приводится материал, а новое обращение к тропарю из КУ оставлено под конец. Исследование представляет собой исчисление фоновых семантических долей лексемы *свѣтъ* и проводится по уже не раз опробованной нами методике²⁰. Материал почерпнут из той же самой рукописи, в которой содержится и КУ, т. е. из *Ил*. Поскольку тексты *Ил* в своем большинстве представляют собой переводы с греческого, об их смысле судим с опорой на греческие оригиналы. Основной же метод выявления семантики — обычный, контекстный. Семантические доли пронумерованы, и номера заключены в квадратные скобки (когда доля вводится впервые, ее номер выделяется полужирным шрифтом).

В одном из тропарей ап. Филиппу (49^v 9–13) для нашей темы показательны строки (3–4):

- (1) *Ὁραϊσμένος κάλλει νοητῆς εὐπρεπείας*
Оукрашенъ добротою оумна веселиѧ
- (2) *καὶ βασιλείας στέφος περιεείμενος, θεοῶφρον,*
црства вѣнцы носѧ, бождрѧ
- (3) *καὶ πλουσίαις, Φίλιππε, περιεόμενος φωτοδοσίαις,*
и бѧѧта, филппѧ, наводьнѧема свѣтодаѧниѧ
- (4) *τῆς τοῦ ὑπερουσίου φωτὸς μαρμαρυγῆς...*
прѣсжцѧнааго свѣта свѣтло|стѧми...

«Световых» семантических долей общим числом — 4: имеется в виду не простой, природный свет, а — свет святости, «пресущный», сверхъестественный (*ὑπερούσιος*; согласно [Lampe 1976: 1441] *beyond all being, supra-essential*) [1]; человек, по своему естеству, изначально не обладает пресущным светом [2], а «обогащается им» (= получает его) от божества (в акте/актах «светодаяния») [3]; этого света может быть по количеству столько, что он уподоблен потоку или наводнению [4].

[Лавров 1930: 112]. О скитальчестве Кирилло-Методиевской дружины см. [Верецагин 2002: 5–9].

²⁰ Последнее по времени изложение концепции лексического фона и методики исчисления семантических долей см.: [Верецагин, Костомаров 2004].

Ср. сочетание семантических долей [1] и [3] в одном из тропарей канона Василию Великому (99^г 12–16): Непостижнѣ свѣтъ (Τὸ ἀχά-
τάληπτον φῶς) почивъ на| тебѣ (ἀναπαυσάμενον ἐν σοί), прѣподобьнѣ. Ас-
пект приобретения «непостижного света» от божества, между
прочим, выражен также во 2-м тропаре I песни КУ (127^в 11–15):

- (1) Просвѣщъ яко свѣтило тѣ
- (2) свѣто|давѣць бгѣ нашъ
- (3) всѣмъ ми|рѣ ави оучителѣ
- (4) и посѣла Тѣ| оучитъ тьмѣнѣхъ
- (5) книгамѣ| закона
- (6) ѡзвѣкъ западѣнѣна|.

Хотя свет, о котором говорится в вероучении (и соответ-
ственно в гимнографии), — «пресущный» и «непостижный», т. е.
умозрительный, тем не менее он доступен зрительному воспри-
ятию, пусть хотя бы для некоторой части людей [5]. Так, Фавор-
ский свет, который ярче солнца, ап. Петр тем не менее видел (и
исполнился им). Об этом, в частности, говорится в Каноне По-
клонению честным веригам ап. Петра (115^г 18, 115^в 1–3): Ёгда
свѣтъ оузырѣ на фаворѣ|| блъщащъ сѣ, петре, и покрыва|ищъ слнѣнѣна
лжца свѣтъ ѿ| свѣта приатъ...

В наиболее полном случае человек — весь! — становится све-
том [6]. В одном из тропарей Иоанну Богослову (20^в 8–13) об апо-
столе сказано так: Нѣсѣнѣн оумъ... въсь бѣвъ| свѣтъмъ (ὅλος φῶς
γενόμενος).

В другом тропаре (47^г 18–19, 47^в 1–3) из последования ап.
Филиппу этот количественный аспект доставшегося апостолу
света выражен еще раз, но все же сказано, что наиболее полный,
«великий», свет — это Христос [7]:

- (1) Ὑπάρχων ἔμπλεως φωτός
Сѣ исплѣнъ свѣта
- (2) πρακτικῆς θεωρίας
дѣанѣна видѣнѣна||
- (3) τῷ φωτί τῷ μεγάλῳ γενομένῳ μεθ' ἡμῶν
свѣтоу великоумъ бѣвъшмоу сѣ на|ми
- (4) κατηξιώθη Χριστῷ λειτουργῆσαι, Φίλιππε θεοπέσιε.
сѣподоби сѣ сажити хѣу, фили|ппе божѣствѣнѣ|

Как мы видели, если наполненность человека «пресущным
светом» допускает градации, то Христос наполнен светом абсо-
лютно. При всей абсолютности, парадоксальным образом свет
Христов — таков же, как свет других ипостасей Пресв. Троицы [8].

В одной из стихир на рождество Христово (87^v 20, 88^r 1–7) читается: свѣтъ намъ въснѣ, хѣ бѣ, твонмъ пришествиѣмъ свѣтъ| ѿ свѣта (φῶς ἐκ φωτός) оѣ зарение (τοῦ Πατρὸς τὸ ἀπαύγασμα). В стихире повторяется номинация Христа из Символа веры (свѣтъ ѿ свѣта), чем лишний раз подчеркивается догматическое значение гимнографии (как «распетого богословия»).

Кстати сказать, гимнографы не устают повторять, что как абсолютный свет Христов, так и относительные светы святых — сверхъестественной природы, «паче естества». Например, такое говорится в Каноне на собор Иоанна Предтечи (113^v 8–13): Свѣтъ намъ, дѣо, ис тебе паче е|стества въснѣ хс.

От «великого света», «солнца», «светодавца» Христа святой человек и получает «пресущный свет» [9]. Например, в стихире ап. Андрею (64^r 9–13) сказано: Андреа, радѣи сѣ и играи зане обрѣлѣ| еси въ свѣтълѣ снѣнии славы сѣща| слнца хѣ свѣтодавецѣ.

Наконец, в гимнографии представлен теологумен об ангелах как «вторых светах» [10], который, весьма вероятно, позволяет однозначно интерпретировать (иначе многосмысленную) предикацию о Кирилле Философе.

В тропаре Канона архангелу Михаилу (38^r 11–16) сказано: Възъимимъ... миханѣ... тако свѣтъ съ вторѣи исплѣни ны свѣта пърѣго... Противопоставление «второго света» (Архангелова) «первому» (Божественному) — отражение знакомства гимнографа с патристическим учением, изложенным, например, Григорием Богословом²¹, а также (Псевдо-)Дионисием Ареопагитом. Иоанн Дамаскин ввел теологумен в законченную систему.

Григорий в Слове 44 (На неделю новую) пишет: «Бог есть свет неприступный...; немногие... созерцают Его во всей полноте. Силы, окружающие Бога, и служебные духи — суть вторые светы, отблески Света первого (φῶτα δεύτερα, τοῦ πρώτου φωτός ἀπαύγασμα, αἱ περὶ αὐτὸν δυνάμεις, καὶ τὰ λειτουργικὰ πνεύματα)»; «Бог есть свет высочайший, неприступный, неизглаголанный... Второй же свет Ангел — некоторая струя, или причастие первого Света; он находит себе просвещение в стремлении к первому Свету и в служении Ему» (Григорий 1994/1: 656; 545–546). В другом Слове (28-м, О богословии втором) сказано немного иначе: «...есть какие-то Ангелы, Архангелы, Престолы, Господства, Начала, Власти, Светлости, Восхождения, умные Силы, или Умы, природы

²¹ Согласно его Житию, Кирилл Философ был особым приверженцем великого богослова. Наш анализ Кирилловой «Похвалы» Григорию Богослову см. [Верещагин 2001а: 78–93].

чистые, беспримесные...; они так вообразили и напечатали в себе Благо, что соделались вторичными светами, и посредством первого Света могут просвещать других (ὥστε ἄλλα γίνεσθαι φωτὰ καὶ ἄλλους φωτίζειν δύνασθαι ταῖς τοῦ πρώτου φωτὸς ἐπιρροαῖς)...»; «...выше ума естество даже вторичных существ, а не только Первого и Единого... (ὅτι τοῦ χρειττων καὶ ἡ τῶν δευτέρων φύσις, μὴ ὅτι τῆς πρώτης καὶ μόνης...)» [Григорий 1994/1: 412–413]. Между прочим, богослов допускает бытие и «третьих светов» — земных людей. Специальное суждение, согласно которому первый свет — это христианская Троица, см. у Григория в так наз. *Carmina dogmatica* (в Слове 6, Об умных сущностях; Григорий 1994/2: 29)²².

Наш анализ ангелологической концепции Дионисия Ареопагита см. в другом месте²³. Чтобы завершить тему, приведем еще две выписки из «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина: «Ангелы — вторые мыслящие светы, имеющие просвещение от первого и безначального света (Φῶτα δεύτερα νοερά ἐκ τοῦ πρώτου καὶ ἀναρχοῦ φωτὸς τὸν φωτισμὸν ἔχοντα) ...Все ангелы... достигли совершенства... соответственно своему достоинству и чину имея участие в свете и благодати (...κατ' ἀναλογίαν τῆς ἀξίας καὶ τῆς τάξεως τοῦ φωτισμοῦ καὶ τῆς χάριτος μετέχοντες)» [Дамаскин 2002: 188].

В свете изложенного именование архангела Михаила «вторым светом» (свѣтъ съ вѣторъи испъни ны свѣта първаго) представляется вполне ожидаемым; в нем реализована семантическая доля «ангелы — носители второго света» [10]. Когда человек достигает святости и переходит в чин ангелов, он (человек) соответственно также становится «вторым светом» [11], вследствие чего приобретает способность передавать свой свет земным людям [12]. Ср. соответствующие предикации из Канона спадению вериг ап. Петра (114^v 3–7):

- (1) Ὁλος τῷ φωτὶ ἐνούμενος
Всь къ свѣтъж примѣшь сѧ
- (2) τῷ καθαρῳτάτῳ αὐτοῦ ταῖς θείαις μεθέξεσι
прчи|стѣмоу (sic!), блжнѣ, бопричащени|и
- (3) φῶς ὥρατης δεύτερον, Πέτρε,
свѣтъ съ вѣторъи пави сѧ, петре,|
- (4) καταυγάζον τὰς ψυχὰς ἡμῶν.
просвѣтѣвама дѣла наша|

Если суммировать, что здесь сказано явно и что имплицитно, то Петр, как все люди, изначально не имел в себе света святости

²² Современный анализ концепции Григория Богослова см. [Иларион 2001].

²³ Она представлена в кн. [Верещагин 2001а: 406–418].

[2], но со временем «причастился Богу», «пречистому (= первому) свету» Пресв. Троицы [8], в частности, свету Христову [7, 9], и путем светодаiania [3] стал «вторым светом» [10], т. е. вошел в чин ангельский [11], что позволило ему передавать свой свет дальше «вниз», т. е. «просвещать» души земных людей [12].

Осталось сделать последний шаг в анализе. Рассмотрим две аналогичные предикации из уже введенных песнопений.

Об ап. Петре сказано: *Въсь къ свѣтъ примѣшь сѧ причистѣмоу... свѣтъ въторѣи гави сѧ*. Двусоставная предикация (по способу изложения смыслов) является полной и эксплицитной, так что ее перлокутивная цель — (веро)учительная, назидательная.

О первоучителе Кирилле сказано: *Свѣтъѣ прѣложь сѧ свѣтъ гави сѧ*. Предикация также двусоставная, но смыслы изложены кратко и имплицитно. Имеются в виду два вида света, однако номинации их — пропущены. Соответственно перлокутивная цель фразы — аллюзивно-напоминательная: конденсированная строка ключевого тропаря должна возобновить в памяти адресата патристическое учение о свете и указать на место первоучителя в иерархии светов²⁴. В целом же на образ Кирилла Философа должны быть перенесены все те семантические доли, которые выше приписаны ап. Петру (т. е. [2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12]). Если аллюзии эксплицитровать, то получим именование Кирилла «вторым светом». Именование динамическое: подобно Мефодию, он оставил свой первоначальный чин и, приобщившись «первому свету», стал *равнь ангеломъ*²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернфельд 1991 — *Бернфельд С.* Левират // Еврейская энциклопедия. Т. 10 (допечатка: М., 1991).
- Верецагин 2001a — *Верецагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.
- Верецагин 2001b — *Верецагин Е. М.* Первозданный Адам и новый Адам в славяно-русской гимнографии // Количественность и градуальность в естественном языке [Die Welt der Slaven. Bd. 11]. München, 2001.

²⁴ О переходе первоучителя Мефодия в чин ангельский эксплицитно сказано во 2-м тропаре V песни Канона на 6-е апреля (Син. 165; [Лавров 1930: 113]): *Ангельскыи чинъи пресѣлъ еси, моудре, / на земли тако бесплътныи гави сѧ / христовыиими зарями просвѣщаи въселенюу*.

²⁵ Ср. 4-й тропарь III песни Канона на 6-е апреля (Син. 165; [Лавров 1930: 112]): *Иеренскую слоужьбоу / възносѧ предъ бога / и обрете сѧ достоинъ / равнь ангеломъ, отче мефодіе*.

- Верещагин 2003 — *Верещагин Е. М.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги: анализ тропарей IX песни канона Димитрию Солунскому // Вопросы языкознания. 2003. № 1.
- Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Григорий 1994 — Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиеп. Константинопольского. Б. г. Т. 1–2 [репринт Свято-Троицкой Лавры, 1994].
- Дамаскин 2002 — Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / Пер. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сарагды, Н. И. Сарагды. М., 2002.
- Иларион 2001 — *Иларион (Алфеев)*, игум. Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001.
- Лавров 1930 — *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древней славянской письменности. Л., 1930.
- Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
- Словарь 1989 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2.
- Служебная минея 1996 — Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям XII–XIII вв. Наборное издание. Последования дней декабря с 1-го по 8-ой / Подг. и коммент. Е. М. Верещагина, А. Г. Кравецкого, Д. Кристианса, Л. П. Медведевой, Г. Ротэ, Н. Трунтэ. Под ред. Е. М. Верещагина и Ганса Ротэ // *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*. Opladen, 1996. Bd. 98.
- Каценельсон 1991 — *Каценельсон Л.* Фарисеи и саддукеи // Еврейская энциклопедия. Т. 15 (Допечатка: М., 1991).
- Μηναῖα 1888–1901 — Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.

Ф.А. Литвин

КВАНТОРЫ И СЛОВА

Квантор определяется как «логическая операция, дающая количественную характеристику области предметов, к которой относится выражение, получаемое в результате ее применения. В обычном языке носителями таких характеристик служат слова типа *все, каждый, некоторый, существует, имеется, любой, всякий, единственный, несколько, бесконечно много, конечное число*, а также все количественные числительные» [БСЭ: 1803]. Такие слова в литературе последнего времени нередко называют кванторными словами. Из определения следует, что кванторы связаны не с «общей идеей» количества, а с количественной характеристикой некоторой области предметов. Поэтому разумно обратиться к интерпретации выражения «кванторные слова».

Слово в современном языкознании рассматривается как единство плана выражения и плана содержания. «Количественная характеристика» есть часть означаемого. Слова естественного языка, наряду с логической основой, имеют свойства как единицы языковой системы. В отличие от логических языков, в естественных языках слова не остаются в одних и тех же рамках, не равны себе во всех употреблениях — о таком их свойстве говорится как об асимметрии структуры языкового знака. Это приводит к возможной нечеткости кванторных функций слова и тем самым границы между словами можно характеризовать как кванторные и некванторные.

С одной стороны, слова, называемые кванторными, в некоторых своих употреблениях не выражают «логической операции, дающей количественную характеристику», — ср., например, *Каждый/всякий (дворник) будет нам указывать!; Ходят тут всякие...*

В литературе неоднократно отмечалось, что числительные не всегда одинаково связаны с категорией количества («чистого количества, числа» [Супрун 1969: 29]), что в интересующем нас плане означает, что не во всяком употреблении числительное может рассматриваться как кванторное слово. Так, например, количественное числительное, употребленное для отсчета (*Раз/один — два — три! или ... — три — два — один — пуск!*), не дает оснований рассматривать его как выполняющее подобную функцию. То же самое относится к употреблению числительных для нумера-

ции (*палата номер шесть; аудитория тридцать три; дом семь, корпус два, подъезд четыре, квартира пятьдесят*). Такое изменение связи слова с выражением количества не требует доказательств, когда нумерация осуществляется порядковыми числительными (в приведенном выше отрывке из энциклопедии в качестве типично кванторных слов называются именно количественные числительные («все», но — добавим — не всегда!). Интересный пример эквивалентности функции количественных и порядковых числительных при нумерации дает сравнение русского и английского узуса в этом плане: в английском языке более естественно использование при нумерации количественных числительных: *chapter five, page seven, bus (route) eleven, in (the year) nineteen hundred and forty-five*, при большей естественности порядкового числительного в аналогичном случае в русском языке: *пятая глава, седьмая страница, одиннадцатый автобус (маршрут), в тысяча девятьсот сорок пятом (году)*; это хорошо подтверждается частыми случаями ненормативной интерференции в образованиях более позднего времени по заимствованной модели: «*Ты сто двадцать четвертый*», *на тридцать первой (радио)волне*. Такое же изменение функции является результатом использования количественных числительных при обозначении «точки времени» — ср., например, *Работали пять часов* и *Приду в пять часов*. На подобное изменение функций формально указывает и абсолютное употребление числительного: ведь при этом отсутствует «область предметов», о которой говорится в приведенном в начале статьи определении квантора. То же относится к абсолютному функционированию субстантивированных местоимений, как в приведенных выше примерах.

Даже при сохранении указаний на количественную характеристику одно и то же слово может быть связано с разными количественными отношениями, например: «конкретное количество» и «неопределенно много» или «точное количество» и «приблизительное количество»: *тысяча дел, мильон терзаний и двадцать человек — человек двадцать*.

Интересные иллюстрации сказанного можно обнаружить в таком специфическом материале, как английские традиционные детские стишки (*nursery rhymes*) [Литвин 1998]. Показательно использование числительных в считалках, где важно не указание на количество, а выделение одного из многих. В считалках наряду с числительными и вместо них используются и другие слова — ср., например: *One, two, three, four, five, Once I caught a fish alive...* или *Intery, mintery, cutery, corn, Apple seed and briar thorn...* С од-

ной стороны, входя в такой ряд, числительные употребляются как омонимичные счетным словам ритмические заполнители. С другой стороны, исследователи отмечают, что некоторые из таких квазислов в свою очередь восходят к числительным же — за пределами литературной нормы или вообще за пределами английского языка; в частности, проводятся сопоставления с раннекельтскими числительными или со специальными счетными словами пастухов и рыбаков северных графств Англии (видимо, следы кельтского влияния). Так, в «Hickory, dickory, dock» можно усмотреть сходство с *hevera* (число 8), *devera* (число 9), *dick* (число 10), которые употребляются для счета пастухами графства Камбрия.

По отношению к тексту числительные могут играть существенную роль, когда количество оказывается частью содержания. В то же время они могут быть и «внешними» по отношению к содержанию текста, с многочисленными вариациями: «орнаментальные» числительные, представители общего смысла «много — мало» или «очень много», ритмические элементы и т. п. Это различие в текстовой функции числительных очень наглядно отражается при переводе. Отвлекаясь от общих особенностей поэтического перевода, можно утверждать, что именно такое различие функций ведет к сохранению, замене или опущению числительных при переводе. Например, весьма существенно точное количество в стихке о черной овечке «Baa, baa, black sheep», поскольку далее в тексте идет описание каждого отдельного предмета; поэтому в переводе С. Маршака естественно сохраняется числительное («чистый квантор»): *Дам я шерсти три мешка*. В стихке «Sing a song of sixpence» существительное, включающее основу числительного, с содержанием текста никак не связано, и С. Маршак при переводе его просто опускает. «Большие» числа передаются числительными с *thousand*: *With forty thousand men; He had ten thousand men*, что при переводе не требует буквального пословного «кванторного» соответствия — ср., например, у С. Маршака: *Полки своих стрелков. Ten thousand pounds to one penny* переводится В. Луниным *Могу поспорить на тысячу фунтов*: и тысяча, и десять тысяч фунтов — это большие деньги (особенно для ребенка), и главная мысль здесь не в точной сумме, а «готов поспорить на что угодно». Причем функция в тексте оказывается более важным фактором, чем другие свойства числительного. Например, обращает на себя внимание частое употребление в стихках «магического» числительного «три» (не для счета — в 5% стихков, приведенных в «Оксфордском словаре детских стихков» (ODNR)). В то же время переводится оно не всегда: например, переводя *Three little kittens*

lost their mittens, С. Маршак числительное опускает: *Потеряли котятки на дороге перчатки*; одной из причин может быть ощущение переводчиком несущественности точного числа для «развития интриги».

С другой стороны, кванторы могут в языке выражаться словами или сочетаниями, в базовом значении не связанными с кванторной функцией и потому как кванторные слова не рассматриваемые — ср., например, *...И с набитой сумой возвращались домой* (= «получив много денег»); *Куда деваться от княжон!* (= «Княжон [имеется] слишком много»); часто с той или иной степенью фразеологизации: *денег куры не клюют* (ср. англ. *money to burn*); фразеологизированные серии типа *до чёрта/фига/хрена*.

Выражение кванторных значений возможно и на основе семантической деривации — лексико-семантическими вариантами слов, некванторных в исходном значении, хотя и содержащих значение количества. Примерами изобилует речь (письменная и устная) большинства говорящих на большинстве языков, поэтому приводимые ниже словарные примеры можно рассматривать скорее как дань академической традиции, чем как основу для аргументации приведенного выше тезиса.

«ГОРА 1. Возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью... 2. *перен.* Нагромождение, куча, множество (разг.). *Горы книг*»; «КУЧА 1. Скопление чего-н. сыпучего... 2. Нагромождение, множество чего-н. *Куча книг. Куча денег* (перен.)»; «МОРЕ 1. Часть водной оболочки земли — большое водное пространство с горько-соленой водой... 2. *перен., чего.* Большое количество чего-н. (высок.) *Море крови. Море слов*»; «РЕКА 1. Постоянный водоем значительных размеров с естественным течением воды от истока до устья... 2. *перен.* Поток, большое количество, масса. *Реки крови льются на войне. Слезы льются рекой*» [СРЯ].

heap 1. куча, груда; a heap of stones груда камней; a heap of coal [cinders, rubbish] куча угля [зола, мусор]. 2. *часто pl. разг.* масса, уйма, множество; a ~ of work масса работы; ~ s of people масса людей; ~ s of time уйма времени; ~ s of times много (тысячу) раз; часто; to make a ~ of mistakes делать уйму (массу) ошибок; to have ~ s of money иметь уйму денег; there were ~ s and ~ s of them их было полным-полно (тьма-тьмушная); there are ~ s of books on this subject на эту тему написано много книг; there is ~ s more to say on this question по этому вопросу можно еще много сказать; she feels a ~ better она чувствует себя куда лучше.

ocean 1. океан; мировой океан... 2. 1) нечто необъятное, океан; бездна; mighty tropical ~ of foliage необъятный простор тропиче-

ских зарослей; ~ of air воздушный океан; ~ of grass (огромный) травяной ковер 2) огромное количество; множество, масса; ~ of tears море слез; ~ s of time [money] масса времени [денег]; ~ s of trouble бесконечные неприятности [НБАРС].

heap 1. a large pile of something, especially an untidy pile: *a rubbish heap* ♦ + of *The bomb has reduced the building to a heap of rubble.*

heaps *Br E informal* much: *I feel heaps better today.*

ocean 1. one of the large areas of salt water that cover most of the Earth: *the Atlantic/Pacific/Indian Ocean* 2. [+ of] *informal* a very large amount of something: *Park there, you've got oceans of space.* 3 *the ocean mainly Am E* a large area of salt water that lies along the coast of a country. *Br E usually the sea* [Macmillan].

heap 1. a collection of articles or mass of material gathered together in one place 2. (*often pl.*; usually foll. by *of*) *Informal.* a large number or quantity.

ocean 1. a very large stretch of sea, esp. one of the five oceans of the world, the Atlantic, Pacific, Indian, Arctic, and Atlantic. 2. the body of salt water covering approximately 70 per cent of the earth's surface. 3. a huge quantity or expanse: *an ocean of replies* [Collins].

heap 1. A heap of things is a pile of them, usually a lot of them in a rather untidy arrangement. *EG Brody picked up the heap of papers and piled them on top of a radiator... ...a compost heap.* 4. **Heaps** of something or a **heap** of something is a large quantity of it; an informal use. *EG He took heaps of photographs of Vita... We've got heaps of time... There was a heap of information about fish and fishing.*

ocean 3. If you say there are oceans of something, you mean that there is a very large amount of it; an informal use. *EG ...oceans of beef, turkey, and chicken* [Collins Cobuild].

heap 1. a large untidy pile of things: a rubbish heap| [+ of] heaps of dead leaves| **in heaps** Dirty clothes lay in heaps on the floor. 2. **heaps** of informal a lot of something: Don't worry, we've got heaps of time.

ocean 1. *the ocean especially Am E* the great mass of salt water that covers most of the Earth's surface: *She stood on the beach, gazing at the ocean.* 2. one of the very large areas of sea on the Earth's surface: *the Pacific Ocean* 3. **oceans of informal** a great mass or amount of something [Longman].

В лексикографической фиксации, хотя и не всегда однородно, проявляется различие между «общей идеей количества» и «количественной характеристикой области предметов», т. е. «собственно квантором». Речь идет об указаниях на сочетание с родительным падежом управляемого существительного (аналогично — в англий-

ском языке употребление в составе of-phrase). Это вполне отражает закономерности естественного употребления (независимо от рефлексии говорящего): едва ли оправданно говорить о том, что в предложении *Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал* есть кванторное слово *гора*, и вполне оправданно такое утверждение о слове *гора* во фразах: *горы золота сулит, когда б имел золотые горы* (= много золота) (в последнем случае «область предмета» указана согласуемым определением, которое является семантическим трансформом управляемого родительного падежа). Нет никаких оснований считать кванторным слово *туча* в употреблении *Пошли: туча уже уходит*, как нет сомнений в «кванторности» того же слова в употреблении *Комаров там этих — туча!*

Таким образом, когда мы говорим о «кванторных словах», то существенно, что это *слова*, со всеми их свойствами единиц системы языка. Автор ни в коей мере не подвергает сомнению правомерность самого этого выражения; пафос изложенного выше сводится к напоминанию о желательности лингвистической корректности в его использовании.

ЛИТЕРАТУРА

- БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 11.
- Литвин 1998 — Литвин Ф. А. Категория количества в языковом представлении фоновых знаний // Число — Язык — Текст: Сб. ст. к 70-летию А. Е. Супруна. Минск, 1998.
- НБАРС — Новый большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М., 1993.
- СРЯ — Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов. 2-е изд. М., 1952.
- Супрун 1969 — Супрун А. Е. Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.
- Collins — Collins Dictionary of the English Language. Collins: London; Glasgow, 1979.
- Collins Cobuild — Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins: London; Glasgow, 1987.
- Longman 2001 — Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 2001.
- Macmillan 2002 — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Ltd, 2002.

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

КВАНТИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ГРУПП В ЯЗЫКАХ С МЕСТОИМЕННЫМИ АРГУМЕНТАМИ

В статье рассматриваются правила квантификации и особенности референциальных выражений в классе неродственных языков, имеющих местоименные клитики. Данные языки характеризуются тернарным противопоставлением словоформа: аффикс : клитика, многие из них имеют параллельные ряды личных местоимений, где так наз. свободные местоимения (*free pronouns*, полноударные словоформы) противопоставлены так наз. связанным местоимениям (*bound pronouns*), которые представляют собой либо глагольные аффиксы, либо просодически ослабленные клитики¹. Свободные местоимения в плане синтаксиса являются обычными именными группами (ИГ), в то время как связанные местоимения являются функциональными маркерами, сигнализирующими значение {определенная референция + синтаксическая роль} и имеющими дефектную дистрибуцию.

В последние десятилетия в типологической литературе возрос интерес к проблеме клитик и безударных слов. Отсчет следует вести от работы А. Цвикки [Zwicky 1977], который провел разграничение между так наз. простыми клитиками (*simple clitics*), занимающими в предложении те же линейные позиции, что и полноударные словоформы, и так наз. специальными клитиками (*special clitics*), которые размещаются по особым правилам и занимают линейные позиции, недоступные для полноударных словоформ. Так, клитические формы служебных глаголов в английском языке *'s = is, has* и *'ll = will, shall* будут признаны простыми клитиками, поскольку они занимают те же по-

Статья написана при поддержке РФФИ, проект РФФИ № 02-06-80434 «Типология языков с сентенциальными клитиками».

¹ В типологической литературе термином *bound pronoun* в описаниях языков разных семей называют по меньшей мере два разряда форм — встроенные в основу глагола аффиксальные показатели со значением лица, рода и числа и местоименные клитики. Эти два разряда различаются в концепции так наз. Лексической Функциональной Грамматики [Bresnan 1998]. Аналогичная концепция отстаивается А. Кардиналетти и М. Штарке [Cardinaletti, Starke 1999].

зиции, что их более полные корреляты: англ. *He has forgotten the book* ~ *He's forgotten the book*, *Bob will come* ~ *Bob'll come*. Напротив, безударные объектные местоимения во французском, испанском и итальянском языках будут признаны специальными клитиками, поскольку в этих языках они всегда стоят перед спрягаемым глаголом в индикативе и конъюнктиве, в то время как полноударные формы дополнений в этих же языках должны стоять после спрягаемого глагола. Подход Цвикки является излишне прямолинейным и создает проблемы при описании «простых» клитик², но он оказал стимулирующее влияние на описание «специальных» клитик в языках мира: если предположение о том, что клитики открывают особые синтаксические позиции, верно, набор синтаксических позиций, характерных для специальных клитик, характеризует особый тип языков, имеющих данные клитики. Данная гипотеза обсуждалась преимущественно в двух направлениях — а) типологии клитик как особого класса морфологических элементов и б) параметрическом описании синтаксиса языков, имеющих специальные клитики. Первое направление отражено в работах А. Айхенвальд [Aikhenvald 1998; 2002], второе — в работах К. Хейла, Э. Джелинек [Hale 1973; Jelinek 1996; 2000] и в коллективных монографиях [Halpern, Zwicky 1996; EuroClitics 1999]. А. Айхенвальд выделяет около 20 (sic!) разнородных критериев, на основе которых должны изучаться клитики в языках мира: при таком подходе есть опасность потерять из виду собственно синтаксические признаки, предположительно объясняющие их сходную дистрибуцию в неродственных языках. А. Хальперн, Э. Джелинек, напротив, исходят из гипотезы, что сходная дис-

² Так, в современном русском языке довольно трудно найти «простые» клитики в понимании Цвикки, а имеющиеся клитические частицы и служебные слова разумно делить на *г р у п п о в ы е*, т. е. употребляющиеся в составе определенной группы предложения, и *с в о б о д н ы е*, т. е. не привязанные к группе определенного типа. К первому подклассу отойдут русские предлоги и приглагольная энклитика *-ка* в *давай-ка*, *ну-ка*. Ко второму подклассу отойдут строгие энклитики *ли*, *же*, *бы* и неспециализированные клитики *уж*, *ведь*, *вот*, *так*, которые могут выступать и как проклитики, и как энклитики. Важно подчеркнуть, что данный синтаксический критерий полностью оправдывается различиями в просодии: групповые клитики в русском языке, точно так же как суффиксы и приставки, обнаруживают редукцию гласных и оглушение на концах морфем, ср. *на* [пъ] *стол*, *под* [рът] *сумкой*, в то время как свободные клитики произносятся без редукции гласного и не имеют конечного оглушения, т. е. акцентуируются как самостоятельные слова, ср. *но* [но] *стол*, *ведь* [ved'] *Катя*. Между тем, следуя подходу Цвикки, оба подкласса русских клитик приходится отнести к разряду «специальных». Ср. [Zimmerling 2003].

трибунция клитик в разных языках определяется принадлежностью последних к одному и тому же синтаксическому типу; при этом, однако, оказывается, что существенные различия между языками, имеющими клитики, игнорируются или описываются предвзято. Промежуточное положение занимают труды С. Андерсона [Anderson 1993], который, с одной стороны, стремится вывести дистрибуцию клитик из некоторого общего синтаксического закона, согласно которому специальные клитики тяготеют ко второй позиции от начала синтаксической структуры (так наз. закон Ваккернагеля), с другой — пытается вывести данный закон из предположительно более общих морфологических свойств самих клитик. В результате закон Ваккернагеля в трактовке Андерсона оказывается значительно более расплывчатым и менее верифицируемым, чем у самого Я. Ваккернагеля, обосновавшего свой закон на материале индоевропейских языков в 1892 г. [Wackernagel 1892]. Большинство лингвистов, занимавшихся законом Ваккернагеля, отталкивались от материала древних и новых индоевропейских языков³. Исключение составляют работы К. Хейла [Hale 1973] и Э. Джелинек [Jelinek 1996], которые считают каноническими языками с законом Ваккернагеля языки варлпири, семьи пама-ньюнган (Австралия) и люмми, салишской семьи (Сев. Америка). На основании данных К. Хейла и Э. Джелинек ряд специалистов по общей грамматике, прежде всего Б. Парти и А. Кратцер, делают выводы о том, что наличие местоименных клитик совершенно особым образом сказывается на синтаксисе языка: в языках, где местоименные клитики могут занимать позиции подлежащего и дополнений (так наз. языки с местоименными аргументами, *pronominal argument languages*), свободные именные группы (ИГ) не могут занимать данные синтаксические позиции (Э. Джелинек) и не могут быть квантифицированы при помощи детерминирующих выражений типа англ. *every* «всякий», *most* «боль-

³ Закон Ваккернагеля действует как в древних индоевропейских языках — ведическом языке, санскрите, древнегреческом, авестийском, латинском, хеттском, древнеирландском, готском, древнеисландском, древнерусском, староиспанском, так и в ряде современных индоевропейских языков, ср. сербохорватский, словенский, болгарский, чешский, словацкий языки и язык пашто (афганский). См. подробнее в кн. [Циммерлинг 2002]. Закон Ваккернагеля обнаруживается также в большом числе языков других семей в разных ареалах, в частности в ряде австралийских языков семьи пама-ньюнган, центрально-филиппинских языках (тагальский, бикол, себуано), берберских языках афроазиатской семьи, языках салишской и вакашской семей (Тихоокеанское побережье Сев. Америки), языках группы запотек отомангской семьи (Мексика).

шинство», по «ни один» (Б. Парти). Неспособность ИГ занимать позиции подлежащего и дополнений объясняется тем, что языки с местоименными аргументами имеют особую структуру составляющих и не предполагают бинарного членения предложения на группу подлежащего и группу сказуемого. Невозможность квантификации ИГ при помощи детерминирующих выражений (D-кванторы) объясняется отсутствием синтаксических механизмов, локализирующих кванторное слово в непредикатных составляющих; языки с местоименными аргументами предположительно имеют только так наз. обстоятельственные кванторы (А-кванторы), сферой действия которых является предикация в целом. Эмпирическое обоснование данных гипотез развернуто в коллективной монографии [Bach et al. 1995] и в позднейших статьях авторов данной монографии (Б. Парти, М. Бейкер, Э. Джелинек).

Хотя в существующей форме гипотезы Джелинек и Парти фальсифицируемы, они крайне интересны тем, что поднимают вопрос о связи между такими параметрами языка, как наличие/отсутствие клитик и наличие/отсутствие артиклей и артиклеобразных выражений. Представляется вероятным, что в языках, в которых действует закон Вакернагеля, и прочих языках, имеющих специальные клитики в смысле Цвикки, употребление местоименных клитик регулируется одними и теми же референциальными ограничениями. Кроме того, в языках данного класса регулярно возникают ограничения на квантификацию ИГ, употребление определенной и неопределенной ИГ.

Так, в романских языках, где есть дублетные формы личных местоимений, лишь ударные местоимения могут формировать самостоятельное высказывание, допускать операции контрастивного выделения, противопоставления, сопоставления, употребляться вместе с ограничивающими словами типа САМ или ТОЛЬКО. Местоименные приглагольные объектные клитики в романских языках данной возможности лишены, ср. ит. *Maria conosce [solo lui]* «Мария знает [только его]», но не **Maria lo-CL conosce solo*, *Maria conosce [lui e voi]* «Мария знает [его и вас]», но не **Maria [lo -CL e vi -CL] conosce*, *Maria conosce LUI, non voi* «Мария знает ЕГО, не вас», но не **Maria lo-CL conosce, non vi-CL*. Романские объектные клитики занимают место внутри глагольной группы (обычно — контактно с формой финитного или нефинитного глагола) и перемещаются в предложении вместе с глаголом. Аналогичные ограничения прослеживаются и в южно- и западнославянских языках, где связанные местоимения имеют статус сентенциальных клитик и занимают вторую позицию от начала предложения.

Естественно сделать вывод, что дистрибутивные ограничения на употребление связанных местоимений в контекстах, предполагающих логическое выделение, обусловлены не синтаксическим статусом местоименного элемента (глагольная клитика vs. сентенциальная клитика) и тем более не занимаемой им линейной позицией, а морфологическим противопоставлением двух серий местоимений. Полноударные словоформы личных местоимений линейно не закреплены и характеризуются полным набором позиций, характерных для ИГ в высказываниях с логическим выделением; это позволяет приравнять их в плане синтактики к существительным. Напротив, просодически ослабленные личные местоимения (клитики) имеют дефектную дистрибуцию и возможны лишь в коммуникативно нейтральных высказываниях без логического выделения; в то же время они отличаются большей степенью обязательности, закрывая аргументные позиции, без которых предложение будет неграмматично. Так, в македонском языке ИГ, занимающие позиции дополнений, в обязательном порядке дублируются местоименными клитиками: макед. $My_i = go_j$ = даде на сина_i си_k «Он(а) дал(а) это своему сыну», букв. « $e\mu_i$ = это_j дал(а) на-сын_i себе_k», предложение без местоименного повтора макед. $*go_j$ = даде на сина_i неграмматично. Сочетание высокой степени грамматической обязательности романских и славянских местоименных клитик с их дефектной синтаксической дистрибуцией побудило отдельных исследователей поставить вопрос, что такие элементы, как макед. μy и go , находятся на пути превращения из местоименных словоформ в глагольные аффиксы. Для большинства романских и славянских языков такая интерпретация не проходит по формально-синтаксическим причинам. Более адекватна трактовка романских и славянских местоименных клитик как служебных синтаксических элементов, закрывающих позиции прямого и косвенного дополнений.

В романских языках, как известно, развита система артиклей и существуют выражения со значениями определенного и неопределенного артикля. То же касается некоторых славянских языков (болгарский, македонский), где развился суффицированный определенный артикль [Tomíć 1996: 513–520]. В македонском языке ИГ, дублируемая местоименной клитикой, должна быть определенной; для нарицательных существительных это требование равнозначно добавлению суффицированного артикля. Ср. мак. $My_i = a_j$ = дадов книга = та_j на Иван_i «Я дал эту книгу Ивану», букв. « $e\mu_i$ = еѣ_j = дал-я книга = та_j на-Иван_i», невозможно $*My_i = a_j$ = дадов книга на Иван_i. Независимо от наличия служебных слов, которые могут быть

квалифицированы как артикли, в современных европейских языках, где действует закон Ваккернагеля и/или есть специальные местоименные клитики, ИГ занимают синтаксические позиции, что часто приводит к местоименным повторам, когда один и тот же член предложения выражается, с одной стороны, местоименной клитикой, стоящей во второй позиции или примыкающей к глагольной словоформе, с другой стороны — полноударной словоформой. Ср. исп. *Lo_i vimos, a Juan_i* «Мы видели Хуана», букв. «его_i=видели-мы Хуана_i»⁴.

В части языков с местоименными клитиками (ср. язык люмми) свободные ИГ вообще не могут быть квантифицированы: показатели числа и определенности встроены здесь в основу предиката и получают статус аффиксов. В языках этого типа квантификация с помощью артиклей невозможна: определенный и неопределенный артикли отсутствуют. Как подчеркивает Э. Джелинек, в люмми невозможны симметричные предложения тождества и характеристики со связкой типа англ. *John is the scoundrel* «Джон — негодяй» [Jelinek 1996: 293; 2000: 231].

В других языках с местоименными клитиками квантификация и выражение значения определенности зависят от синтаксической позиции, занимаемой ИГ: так, в тагальском языке лишь подлежащая ИГ охарактеризована в плане определенности⁵. В этих

⁴ Одним из доводов в пользу того, что в романских и славянских конструкциях с местоименным повтором типа исп. *Lo_i vimos a Juan_i* и местоимение, и ИГ занимают аргументные позиции дополнения, является то, что ИГ типа *a Juan* охарактеризована в плане падежа; в данном случае предлог *a* удобно интерпретировать как показатель косв. п. Во многих языках Нового Света возникают внешне аналогичные структуры со связанными личными местоимениями, встроенными в глагольную словоформу, и кореферентными им существительными, но они интерпретируются иначе: связанные личные местоимения охарактеризованы в плане категории падежа и семантической роли Агенса vs. Пациенса и являются обязательным компонентом схемы высказывания, в то время как существительные лишены падежных маркеров и могут быть опущены без ущерба для структуры предложения. Ср. пример из языка навахо (атабаскская семья): *diné, 'ashkii, yiyiiltśá* «мужчина увидел мальчика», букв. «мужчина_i мальчик_i он_i-его_i-увидел»; тот же смысл может быть выражен и одной глагольной формой *yiyiiltśá* «он_i-его_i-увидел». Словоформы *diné* «человек» и *'ashkii* «мальчик» в языке навахо сами по себе не охарактеризованы в плане ролевой семантики, но их линейный порядок сигнализирует, что первая из них является Агенсиом, а вторая — Пациенсиом.

⁵ Интерпретация субъектно-предикатных отношений в тагальском и других центральнофилиппинских языках остается предметом дискуссии. Существует традиция называть определенную ИГ в тагальском языке не «подлежащим», а «топиком», но отказ от выделения подлежащего в данном случае не выглядит перспективным, поскольку в тагальском языке есть пассив, т. е. диатезное пре-

условиях показатели категории числа обычно оформляются как особые аффиксы, а не как словоформы или клитики. Квантификация с помощью артиклеобразных выражений возможна. Кванторные выражения со значением 'многий', 'много', 'весь', 'все' почти повсеместно оформляются как самостоятельные словоформы.

Ограничения данного типа объясняются тем, что наличие в структуре предиката мест для референциальных и ролевых показателей, в обязательном порядке заполняемых не аффиксами, а местоименными клитиками, т. е. выражениями, обладающими определенной степенью грамматической самостоятельности, увеличивает синтаксическую избыточность в структуре предложения. Изживая повторное вхождение референциальных и ролевых показателей, некоторые языки с местоименными клитиками исключают неместоименные ИГ из сферы квантифицируемых выражений, делая их своего рода номинативным «довеском» к предикативному ядру предложения. Это позволяет добавить к предположительно универсальной типологической импликации (i) *X квантифицируем* → *X занимает аргументную позицию* еще одну, предположительно справедливую только для рассматриваемого класса языков: (ii) *X не квантифицируем* → *X не занимает аргументную позицию*.

Накопленные факты свидетельствуют о том, что трудности с квантификацией ИГ и ограничение на употребление определенной и неопределенной ИГ характерны именно для тех языков, которые имеют более одной серии личных местоимений и используют местоименные аффиксы или местоименные клитики в функции служебных маркеров, сигнализирующих значение {определенная референция + синтаксическая роль [подлежащее vs. дополнения] + [Агенс vs. Пациенс]}. Чем более полно форма сказуемого регистрирует при помощи аффиксов и клитик роли участников ситуации, тем выше вероятность того, что не все ИГ в данном языке могут быть квантифицированы. Кроме того, как было отмечено выше, связанные местоимения в неродственных языках характеризуются весьма сходными ограничениями коммуникативного плана и исключаются из контекстов, предполагающих логическое выделение референтов. В данной связи публикация монографии [Bach et al. 1995] и выдвижение гипотезы о языках с местоименными аргументами является важным событием в типологическом языкознании. В то же время сохраняются серьезные сомнения в

образовании, повышающее статус ИГ и продвигающее ее в приоритетную позицию в синтаксической иерархии.

правильности самого конструкта «язык с местоименными аргументами». Взаимосвязанные ограничения на квантификацию ИГ и употребление связанных местоимений можно интерпретировать по-разному. Кратко укажем в заключение на имеющиеся проблемы, которые требуют дополнительной разработки.

1) В рамках теории типов в качестве эталона квантифицированной ИГ ($e \rightarrow t$) $\rightarrow t$ берутся выражения типа англ. *most cats* «большинство кошек», *every student* «каждый студент», а не логически более элементарные типы e , ср. англ. *this cat* «кошка-опр.», или ($e \rightarrow t$), ср. англ. *this is a cat* «это — кошка», хотя последние могут быть реализованы с помощью морфологически наиболее специализированной категории кванторных слов — определенного и неопределенного артиклей. Данное решение выглядит вполне естественно, тем более что артикль имеется в абсолютном меньшинстве языков мира. Однако именно выбор логической формы ($e \rightarrow t$) $\rightarrow t$ в качестве эталона дает наибольший контраст «обычных» языков с лексическими аргументами и предполагаемых языков с местоименными аргументами; согласно описаниям, последние вполне могут иметь выражения типа e и, возможно, ($e \rightarrow t$). Ср. язык навахо: 'ashkii (1) *ła* (2) *yiyiilṭsa* (3) «Он увидел мальчика», букв. «мальчик; (1) *один* (2) он(а)_i-его_i-увидел (3)»⁶.

2) А. Кратцер, Б. Парти и их сторонники исходят из фундаментального различия двух типов кванторов: D-кванторов, т. е. кванторных детерминативов (ср. англ. *every* 'каждый', *most* 'большинство'), и A-кванторов, т. е. обстоятельственных кванторных слов (ср. англ. *mostly* 'в основном', *usually* 'обычно'). Первые характеризуют ИГ, вторые — всю предикацию, они могут выражаться с помощью наречий (Adverbs), служебных глаголов (Auxiliaries) или особых аффиксов (Affixes)⁷. На материале европейских языков это различие работает хорошо и кажется незыблемым. Но на материале предполагаемых языков с местоименными аргументами оно порой приводит к порочному кругу. Так, если мы хотим доказать, что язык навахо лишен D-кванторов, и сталкиваемся с примерами вроде 'ashkii (1) *ła* (2) *yiyiilṭsa* (3) «Он-увидел (3) одного (2) мальчика (1)», букв. «мальчик; (1) *один* (2) он(а)_i-его_i-увидел (3)» или *Díi* (1) 'asdzaa (2) hataał (3) «Эта (1) женщина (2) поет (3)», где син-

⁶ В отсутствие квантора *ła* ИГ в навахо, согласно Э. Джелинек, интерпретируется как референциально определенная: 'ashkii *yiyiilṭsa* (3) «он увидел этого мальчика».

⁷ Отсюда аббревиатура «А-кванторы», остроумно указывающая на гетерогенную манифестацию данного типа кванторных выражений.

таксические знания подсказывают, что кванторное слово относится к ИГ, а не к глаголу⁸, нам остается признать элементы *la* и *Díí* не словами, а своего рода аффиксами и объявить их А-кванторами⁹.

3) Помимо морфологической манифестации и синтаксической отнесенности D-кванторы предлагается выделять по их сфере действия. Так, если в предложении есть более одной ИГ и один квантор, информанты должны подтвердить, что высказывание, условно передаваемое ниже как «МАЛЬЧИКИ ВЕСЬ ДЕВОЧКИ они-их-ВИДЕЛИ», имеет единственную интерпретацию и может значить либо «мальчики видели [ВСЕХ ДЕВОЧЕК]», либо «[ВСЕ МАЛЬЧИКИ] видели девочек», но не может передавать оба значения одновременно. Имеющиеся описания языков с местоименными аргументами вроде бы говорят об обратном, но без детальных тестов на сочетаемость трудно понять, идет ли речь о контекстной неоднозначности или же о неопределенном диффузном значении, свойственном А-кванторам (на чем, разумеется, настаивают Э. Джелинек и ее единомышленники). Кроме того, диффузные значения в контексте квантификации легко могут выражаться и в языках с бесспорными D-кванторами. Ср. в русском языке: а) [ВСЕ мальчики] поцеловали девушек ~ Мальчики поцеловали [ВСЕХ девушек]; б) Мальчики и девушки перецеловались → [Все или значительная часть] мальчиков поцеловали [всех или значительную часть] девушек¹⁰.

4) Свойства аргументных позиций в языках с лексическими и местоименными аргументами предлагается изучать по заместительным свойствам местоимений: если опущение ИГ приводит к необходимости добавления местоимения, это доказывает, что ИГ занимает аргументную позицию. Для языка навахо этот тест дает отрицательный результат, а для другого атабаскского языка, слейва (Slavey), — положительный. Ср. два предложения языка слейв: а) *sú tuwele k'ágoneweli?* «Ты пробовал суп?», букв. «вопр. част. суп ты-пробовал?», б) *sú bek'ágoneweli?* «Ты его пробовал», букв. «вопр. част. его-ты-пробовал?». Данный тест выглядит красиво, но он не доказывает, что в языке, где местоимения лишены восполняющей функции, все ИГ непременно стоят в неаргументной позиции. С таким выводом трудно согласовать многочислен-

⁸ Элемент *la* в навахо описывается как энклитика, а элемент *Díí* — как проклитика.

⁹ Э. Джелинек, обходящая слово «детерминатор» применительно к языку навахо, называет элемент *la* неопределенным словом «частица» (particle).

¹⁰ В связи с последним высказыванием с двумя количественными выражениями возникает традиционная логическая проблема выбора между дистрибутивной и недистрибутивной интерпретациями, в которую мы здесь углубляться не будем.

ные факты, когда в языках со связанными местоимениями (навахо в этом плане не исключение) ИГ со значением Агенса/Подлежащего и Пациенса/Дополнения стоят в фиксированном порядке; для предполагаемых сирконстантов такой результат является неожиданным.

5) Разумно признать, что квантифицируемые ИГ в любом языке занимают аргументные позиции. Однако обратный тезис о том, что неквантифицируемые ИГ не занимают аргументных позиций, стоит доказывать для каждого языка отдельно, а не полагаться на общее определение «языков с местоименными аргументами», тем более что состав этого класса и его границы уславливаются нечетко. Не доказано также, что один синтаксический аргумент может замещаться только одним именным либо местоименным словом, ср. упоминавшиеся в начале статьи конструкции с местоименным повтором типа исп. *Lo_i vimos a Juan_i*, букв. «его_i=видим-мы на-Хуана_i». Можно, кроме того, задаться вопросом, почему в тех европейских языках, где имя существительное лишено беспредложных падежных форм, грамматисты тем не менее считают возможным трактовать выражения типа *a Juan* как форму косв. п., а не объявляют предлог *a* синтаксически незначимой «частицей» и не отказывают имени *Juan* в синтаксической категории падежа, как они это делают, обращаясь к экзотическим языкам. Очевидно, грамматисты и типологи опираются при этом на добытое неявным путем знание, что в испанском языке существительные занимают те же синтаксические позиции, что личные местоимения, у которых категория падежа есть, и что проявлением общих синтаксических свойств аргументных слов служат, в частности, упомянутое выше в п. 4) заместительное употребление местоимений, ср. рус. *Ты доел суп?* → *Ты его доел?*, а также обсуждавшееся в п. 1–3) разграничение D- и A-кванторов. Но в таком случае получается, что фундаментальные различия между классами языков по способу квантификации, вопреки исходной заявке, в конечном счете выводятся из различий в морфосинтаксическом инвентаре — большая или меньшая автономность формы сказуемого, наличие или отсутствие категории падежа имени, наличие или отсутствие артиклей и иных детерминаторов и т. п.

Перечисленные концептуальные и технические трудности, вероятно, преодолимы. Хочется верить, что взаимопроникновение теории квантификации и типологической грамматики обогащает обе дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

- Циммерлинг 2002 — *Циммерлинг А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Aikhenvald 1998 — *Aikhenvald A.* 'Warekena' // Handbook of Amazonian Languages. Vol. 4. / Eds. D. G. Derbyshire, G. L. Pullum. Berlin, 1998.
- Aikhenvald 2002 — *Aikhenvald A.* Typological Parameters for the Study of Clitics, with Special Reference to Tariana // Word: A Cross-Linguistic Typology. Vol. 26 / Eds. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Cambridge, 2002.
- Anderson 1993 — *Anderson S.* The Wackernagel Revenge // Language. 1993. № 1.
- Bach et al. 1995 — *Bach E. et al.* Quantification in Natural Languages // SLAP / Eds. E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee. Dordrecht, 1995.
- Bresnan 1998 — *Bresnan J.* The Emergence of the Unmarked Pronoun. Ms. Stanford University. 1998.
- Cardinaletti, Starke 1999 — Cardinaletti A., Starke M. The Typology of Structural Deficiency // EuroClitics 1999.
- EuroClitics 1999 — Clitics in the Languages of Europe. Eurotyp 20-5 / Ed. H. van Riemsdijk. Berlin; New York, 1999.
- Hale 1973 — *Hale K.* Person Marking in Warlpiri // A Festschrift for Morris Halle / Eds. St. Anderson, P. Kiparsky. New York, 1973.
- Halpern, Zwicky 1996 — Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena / Eds. A. L. Halpern, A. M. Zwicky. Stanford, California, 1996.
- Jelinek 1996 — *Jelinek E.* Definiteness and Second Position Clitics in Straits Salish // Halpern, Zwicky 1996.
- Jelinek 2000 — *Jelinek E.* Predicate Raising in Lummi, Straights Salish // The Syntax of Verb-Initial Languages. Oxford, 2000.
- Kibrik 1997 — *Kibrik A. E.* Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1 / Ed. F. Plank.
- Keenan 1976 — *Keenan E. L.* Towards a Universal Definition of «Subject» // Subject and Topic / Ed. Ch. Li. New York, 1976.
- Tomić 1996 — *Tomić O. M.* The Balcan Slavic Nominal Clitics // Halpern, Zwicky 1996.
- Wackernagel 1892 — *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd. 1.
- Zimmerling 2003 — *Zimmerling A.* Where Prosody Meets Syntax: Russian Particles and Clitics. Paper given at the Basees 2003 Conference, Cambridge, 30.03.2003.
- Zwicky 1977 — *Zwicky A. M.* On Clitics. Indiana University Linguistic Club. 1977.

Т. Е. Янко

МНОГОКРАТНЫЙ ПОДВИД ДРЕВНЕРУССКОГО ГЛАГОЛА В КВАНТОРНОМ ЗНАЧЕНИИ

Введение

Хорошо известно, что в отрицательных предложениях современного русского языка, которые содержат отрицание утверждений, предположений, презумпций или имплицатур, заключенных в предшествующем им контексте, единственное число имени может меняться на множественное по сравнению с имеющимся или реконструируемым исходным предложением, совершенный вид глагола на несовершенный, а моторно-кратные глаголы на моторно-некратные: — *У тебя в работе есть ошибка. — Нет там никаких ошибок; — Кажется, там кто-то пришел. — Да нет, тебе показалось. Никто там не приходил; — Можно я пойду гулять? — Не надо, не ходи.* В связи с подобными заменами показателя единственности на показатель множественности в контексте отрицания обращает на себя внимание особый факт древнерусского языка — широкое использование в отрицательных предложениях многократного подвида несовершенного вида (НСВ). Мы рассматриваем здесь древнерусский язык в его позднем варианте, когда он уже достаточно близко подошел к современному состоянию. Это древнерусский язык XVI–XVII вв. Наиболее эффектные примеры использования НСВ многократного можно найти в древнерусских судебных документах, которые содержат большое количество отводов обвинений, предъявленных подозреваемым в разного рода преступлениях. Отводы обвинений естественным образом представляют собой отрицательные предложения, и многократный подвид НСВ представлен в таких текстах весьма широко. Приведем несколько примеров: *...а чепи де онъ на гсдрню црцѣ не дѣльвал да и делат не ѣмѣет...* (1642–1643 гг., [Письменность 1968: 255]); *...а холоп твои ево ондреева двора не зажививал и зажеч никому не веливал...* (1633 гг., [Там же: 49]); *...а речей де ѣ нево Михаила с ним Ошонкою никаких не бывало и ничего у него не прашивал* (1642–1643 гг., [Там же: 26]).

Реликты многократного подвида сохранились и в современном русском языке. Ср. глаголы *хаживать*, *леживать*, *едать*, *пивать*, *живать*, которые в русском языке используются крайне ограниченно и преимущественно в контексте отрицания. В. В. Ви-

ноградов [1972: 431] указывает на то, что в контексте отрицания русские многократные глаголы выражают экспрессивное, эмфатическое отрицание (*не видывал, не слыхивал, не едал*), см. там же литературу прошлого по теме. Из современных авторов на этой мысли останавливаются Н. С. Авилова [1976: 295], а вслед за ней Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев [2000: 122]. В книжном нарративе формы многократного НСВ можно встретить и в утвердительном контексте. Такое употребление отмечено оттенком иронии, самоиронии, нарочитой стилизации под эпический стиль: *знавал ее в молодости, езжал по разным городам, хаживал там в музеи и рестораны*. В этих контекстах многократный подвид обозначает события, происходившие в далеком прошлом и многократно повторявшиеся. В настоящее время многократный подвид, который столь широко представлен в документах XVI–XVII вв., — категория уходящая.

Ниже мы рассмотрим феномен древнерусского многократного подвида на фоне современного русского материала. Современный русский язык не только проливает свет на явления древнерусского, но и представляет самостоятельный интерес для анализа. Таким образом, сходные явления древнерусского и современного русского анализируются параллельно.

Для того чтобы объяснить замены единственности на множественность в контексте отрицания в современном русском и древнерусском языках, мы надеемся показать, что семантическую структуру предложений, описывающих события, которые впоследствии будут объявлены несуществующими (ср. др.-русс. *ево двора не зажививал*; рус. *я никого не убивал*), можно представить как содержащую квантор существования: ‘было так, что...’, ‘имел место факт...’, ‘существует момент времени t такой, что в момент t имел место поджог’ ($\exists t$ Поджог (t)). Применение к таким семантическим представлениям простого логического закона (1) позволяет объяснить появление в отрицательных предложениях показателя множественности: множественного числа, НСВ, моторно-кратных глаголов и маркированное выражение множественности средствами многократного подвида НСВ.

$$(1) \quad \exists x P(x) \equiv \forall x \neg P(x)$$

Мы предлагаем следующую интерпретацию закона. Если отрицается существование ситуации P , это значит, что для всех моментов времени x , в которые могла иметь место ситуация P , неверно, что P . Переход от существования к всеобщности в контексте отрицания и перебор множества значений переменной x по параметру времени и объясняет присутствие концепта множест-

венности у именований ситуации Р. Концепт перебора моментов времени отражается в многократной форме глагола: *прашивал* 'много раз просил', *делывал* 'много раз делал'.

Многократность согласуется с всеобщностью, но, естественно, не совпадает с ней; о связи идеи логической всеобщности со значениями и их контекстами в естественном языке, в частности с множественностью, см. [Падучева 1989: 16]. Заметим также, что рассмотрение квантификации события лишь по параметру времени — это существенное упрощение действительного положения дел. Реально переменной может служить любой участник ситуации или сопутствующие событию обстоятельства, ср.: *нет никаких ошибок; никаких речей не бывало*. Квантификация всеобщности здесь выражается формами множественного числа и/или кванторными словами *никакой, ничего, нигде*. Возможна квантификация и одновременно по нескольким параметрам, например по параметру Участник ситуации и по параметру Время: *ничего у него не прашивал* 'для любого момента времени *t* и любого объекта *o* неверно, что субъект ситуации просил у другого участника ситуации объект *o*'.

К формальной логике мы прибегаем как к удобному способу представления норм мышления, которые проявляются, в частности, при порождении отрицательных предложений как современного русского, так и древнерусского языка. Обращение к закону (1) связано с анализом перехода от единственности к множественности в контексте отрицания. Однако существует и множество пар предложений, у которых в отрицательном члене пары показатель множественности отсутствует¹: — *Когда мы выключили свет, он заснул? — Нет, не заснул* (ср. *Нет, ?не засыпал*). Ср. также древнерусский пример: *И яз, г(о)сподине, Онанка Гридин съ своими товарищи на тот срок на Середохрестье перед кн(я)зем Семеном Ивановичем стал, а Ондръико, г(о)сподине, да Бориско на тот срок на Середохрестье перед князем Семеном Ивановичем не стали* (1509–1510 гг., [Акты 1975: 58]). В последнем примере упоминание в контексте отрицания временных конкретизаторов ситуации — *на тот срок и на Середохрестье* —

¹ В работах [Падучева 1969] и [Кржижкова 1969] говорится о нейтрализации видового противопоставления при отрицании. Представляется, однако, что замены при отрицании не всегда можно назвать нейтрализацией, так как они бывают семантически значимыми: в некоторых случаях они весьма вероятны, а в других подобных замен практически не наблюдается. Об особенностях противопоставления по виду и числу в контексте отрицания см. также [Бойко 1952; Расудова 1968; Самедов 1964].

делает квантификацию существования в исходном — положительном — корреляте отрицательного предложения маловероятной, ибо событие здесь понимается не в плане своего существования, а с вниманием к тому, в чем конкретно оно состояло. Это делает и квантификацию всеобщности в отрицательном члене пары неуместной. Следовательно, если исходное предложение может быть проинтерпретировано в отсутствие квантора существования, т. е. представляет собой тип $P(x)$ (в противоположность $\exists xP(x)$), то ожидать замен числа, вида и кратности, вообще говоря, не следует, потому что закон (1) тогда не действует. Это не значит, что в реальных текстах в отсутствие квантификации существования замена единственности на множественность при отрицании невозможна. Встречаются примеры, в которых и при наличии конкретизаторов мы сталкиваемся с показателем множественности. Однако мы предполагаем, что в таких случаях говорящие подменяют исходный тип $P(x)$ типом $\exists xP(x)$ с целью усиления демагогического эффекта. В таком случае при отрицании указывается не на то, что P неверно (ср. формулу $\neg P(x)$), а на то, что P не имело места ни при каких условиях и никогда (ср. формулу $\forall x \neg P(x)$). И тогда замена единственности на множественность тоже может иметь место, даже при референции к конкретным объектам и событиям, или константам (в противоположность переменным): — *Это ты убил кассира Сидорова? — Я никаких кассиров / никаких Сидоровых не убивал*².

Подобное разнообразие риторических и логических целей говорящего дает нам основание выделить две стратегии построения отрицательного предложения — «универсальную»³ (*Нигде и никогда никакого P не бывало*) и «конкретную» (*В точке пространства L в момент времени T положения дел P не было*). При этом исходное утвердительное предложение может задавать один или другой тип стратегии. Так, присутствие в исходном утвердительном предложении показателей экзистенциальной квантификации (со значением 'существует, имеет место, было') ведет к выбору «универсальной» стратегии построения отрицательного коррелята, а отсутствие таких показателей, а также присутствие темпоральных и локальных конкретизаторов благоприятствуют «кон-

² См. также о показателях множественности числа и квантора всеобщности в отрицательных конструкциях при референции к определенным объектам и именам собственным в книге [Шатуновский 1996: 155]; там же литература по теме.

³ Этот термин мы производим от англ. universal quantifier 'квантор всеобщности', ср. также existential quantifier 'квантор существования'.

кретной» стратегии. В первом случае в отрицательном предложении мы находим показатели множественности и всеобщности (универсальной квантификации), а во втором — их отсутствие и сохранение локальных и темпоральных конкретизаторов. Заметим, однако, что в соответствии с извечным обычаем говорящих драматизировать положение вещей «конкретная» стратегия, использование которой навязывается объективными факторами, может — чисто субъективно — заменяться на «универсальную». И тогда мы говорим не *Р неверно*, а *Никакого Р не бывало нигде и никогда*. Таким образом, использование «универсальной» стратегии может быть объективным (вынужденным), потому что в исходном положительном предложении присутствуют показатели экзистенциальной квантификации, а может быть — риторическим приемом, который состоит в том, что в отсутствие квантификации существования и в присутствии конкретизаторов ситуации говорящие используют «универсальную» стратегию.

Итак, в основе «универсальной» стратегии лежит закон (1), который объясняет присутствие показателей множественности и слов со значением квантора всеобщности в отрицательных предложениях. И наоборот, свидетельством того, что перед нами результат построения отрицательного предложения в отсутствие кванторов существования в исходном положительном предложении, служит отсутствие слов со значением квантора всеобщности в отрицательном предложении и сохранение локальных, темпоральных и других конкретизаторов.

Если обратиться к левой части закона (1), перед нами встанет задача показать, что язык располагает средствами различить высказывания типа $P(x)$ и $\exists xP(x)$ и выделить значение существования в автономный компонент. Действительно, различие между $P(x)$ и $\exists xP(x)$ может показаться тривиальным, так как, если следовать формальной логике, один тип достижим из другого путем логического вывода: если $P(x)$, то x существует, а если существует x , такой что $P(x)$, то $P(x)$. Однако в определенных прагматических ситуациях оказывается важным не просто указать, в чем состоит событие P , но и сообщить, что оно понимается как существующее, как состоявшийся факт, как положение дел, действительно имеющее место в мире: $\exists xP(x)$. В разделах ниже будет продемонстрирована языковая техника, позволяющая выразить эти и некоторые другие значения и отразить закономерности мышления, получившие формализацию в логике.

Итак, проблема анализа перехода от единственности к множественности обрастает другими задачами. В данной работе мы на-

деемся не только объяснить замену единственности на множественность в контексте отрицания и проанализировать случаи неуместности такой замены, но и продемонстрировать средства выражения значений, которые включены в формулировку закона (1). Прежде всего, это выражение квантификации существования в естественном языке, в данном случае — в русском и в древнерусском.

Ниже, в разделе 1, который посвящен анализу некоторых ответов естественного языка единицам языка логики, мы уделяем особое внимание выражению концепта существования (подраздел 1.1). В подразделе 1.1.1 мы надеемся показать, что важным средством выражения значения 'было...', 'имело место...' в русском языке служат формы несовершенного вида глагола в так наз. общефактическом подзначении, ср. форму общефактического НСВ *уже принимал лекарство* в значении 'принял лекарство, прием лекарства состоялся'. Подраздел 1.1.1.1 посвящен дискуссионной проблеме возможной сочетаемости общефактического с указанием на фиксированную временную точку. Аспектологи традиционно считают, что общефактическое обозначает неопределенное событие и не сочетается с указанием на фиксированный момент времени. Мы приводим примеры совместимости общефактического с фиксированной временной точкой, которые теоретически должны были бы казаться парадоксальными, но в действительности таковыми не оказываются: *Вечерняя почта приходила в восемь часов*. Там же предложен способ семантического представления таких предложений. Мы предполагаем, что предложения, в которых одновременно заключено значение существования и указание на конкретную временную точку, содержат в себе две пропозиции. Мысль о том, что предложения со значением существования и одновременным указанием на конкретно референтные объекты имеют двойственную природу, не нова, см. [Арутюнова 1976: 238, 265; 1983: 22]. В подразделе 1.1.1.2 мы останавливаемся на некоторых контекстах общефактического экзистенциального. Проблема контекстов для общефактического детально рассматривалась во многих работах, прежде всего в книге М. Я. Гловинской [2001: 246–254], см. также [Падучева 1996: 43–47; Зализняк, Шмелев 2000: 37–38]. Однако здесь мы подходим к общефактическому как к средству выражения идеи бытования и предполагаем, что у общефактического значение бытования является основным и присутствует во всех контекстах употребления, в частности в таких, которые аспектологи обычно называют не экзистенциальными, а результативными (*показывал статью* в значении 'показал'), двунаправленными (*К тебе кто-то приходил* 'пришел и

ушел'), нерезультативными (*А ты в шкафу искал?* 'поискал?'). Соответственно, контексты употребления рассматриваются в подразделе 1.1.1.2 не абстрактно, а с точки зрения реализации значения 'было...', 'имело место...'. В подразделах 1.1.1.1 и 1.1.1.2 анализируется современный русский материал. В разделе 1.2 вслед за М. Я. Гловинской мы обсуждаем гипотезу, что многократные формы НСВ можно трактовать как общефактическое многократное. В том же разделе для более точного моделирования перехода от единственности к множественности вводится квантор существования в большом количестве и предлагается «ослабленный» вариант закона (1), где квантор всеобщности заменен на квантор существования в большом количестве. В разделе 1.3 рассматриваются примеры выражения кванторных значений средствами древнерусского языка. Эти примеры согласуются с положениями, выдвинутыми для русского языка. В разделе 2 рассматривается древнерусский материал, иллюстрирующий переход от единственности к множественности при построении отрицательных предложений.

1. Некоторые соответствия единиц естественного языка единицам языка формальной логики

Рассмотрим простейшие формулы (2)–(5), принадлежащие формальной логике:

- (2) $\exists x(P(x))$
- (3) $\forall x(P(x))$
- (4) $P(x)$
- (5) $\neg P(x)$

В дальнейшем наша цель будет показать, какими средствами располагает язык для выражения смыслов, интерпретируемых формулами (2)–(5).

1.1. Семантика существования. Вернемся к семантике существования, обсуждение которой было начато во введении при постановке задачи. Известно несколько способов выражения значения существования в русском и древнерусском языке: 1) эксплицитные показатели существования — глаголы *быть*, *существовать*, *иметься*; 2) различного рода показатели неопределенности, как эксплицитные, т. е. лексемы *некоторый*, *некий*, *какой-то* и т. д., так и имплицитные, в частности отсутствие определенности (о связи неопределенности с концептом существования см. [Падучева 1974:

87–88]); 3) НСВ глагола в общефактическом подзначении. Этим и другим вопросам, касающимся семантики существования, посвящена глава 5 книги [Шатуновский 1996: 155], см. там же литературу по теме. В разделе 1.1.1 мы обратимся к глагольному способу выражения семантики существования, связанному с бытованием события (в противоположность бытованию объекта).

1.1.1. *Общефактическое экзистенциальное*. Остановимся на общефактическом экзистенциальном. Общефактическое значение широко обсуждалось в аспектологической литературе. Между тем, рассматривая контексты отрицания и учитывая специфическую прагматику судебных документов, можно получить дополнительные критерии, отличающие общефактическое от других значений НСВ.

Мы исходим из гипотезы, что семантическую основу общефактического составляет так наз. экзистенциальное значение. То, что у общефактического имеется ряд употреблений, связанных с оппозицией 'было' vs. 'не было' ('имеет место' vs. 'не имеет места'), признает большинство аспектологов, ср.: [Рассудова 1968: 37–45; Forsyth 1970: 82–102; Бондарко 1971: 84–86; Comrie 1976: 113; Падучева 1996: 36–37, 43; Шатуновский 1996: 321; Зализняк, Шмелев 2000: 38]. Между тем экзистенциальное значение как основа семантики общефактического признается не всеми аспектологами, см., например, фундаментальное исследование общефактического [Гловинская 2001: 178, 230–254], в котором мы не находим — за исключением обсуждения некоторых контекстов общефактического, где можно косвенно обнаружить признание автором связи между общефактическим и значением 'было / не было' [Там же: 251], — указаний на значение существования.

1.1.1.1. *Общефактическое экзистенциальное плюс фиксированная временная точка*. Наша гипотеза состоит в том, что вклад НСВ общефактического в семантику предложения состоит в семантическом обособлении экзистенциального компонента 'было', вообще говоря тривиального, но актуализующегося в определенных прагматических ситуациях выяснения, было нечто или не было, или было в условиях, когда могло и не быть, или при сообщении о том, что некоторое событие стало важным фактом, прецедентом, существенным жизненным опытом, т. е. для него важно не только то, в чем конкретно оно состояло, но и то, что оно было в нашей жизни.

В отношении одного из условий употребления общефактического, широко обсуждавшегося в аспектологической литературе (см. [Падучева 1996: 43; Шатуновский 1996: 322; Гловинская 2001: 249]), а именно требования неопределенности события, выражае-

мого формой общефактического, мы надеемся показать, что неопределенность события не является обязательной. К такого рода контекстам — со всеми конкретно референтными участниками — мы относим контексты общефактического, в которых вполне определенные ситуации концептуализуются с акцентом на факте их существования: для этих ситуаций важно, что они *были*. Говорящий может специально остановиться на факте существования события в следующих случаях. Событие было, но его могло не быть. Так, пример *Посмотри, там вчерашний суп еще оставался* [= *остался*] означает, что суп кончается и его могло бы уже и не быть. Далее, некоторое событие происходит регулярно, и поэтому очередное повторение события ожидается и требуется только сообщить, что событие наконец состоялось: *Вечерняя почта приходила в восемь часов*. События могут пониматься как важные факты — вехи — биографии: *Я защищался в Новосибирске*; *Он кончал театральное*; *Вася встречался с Романом Якобсоном на конгрессе лингвистов*; *Вася ездил в Париж*. И наконец, ситуации могут рассматриваться как *прецедентные* события — на основании того, что такие ситуации имели место, говорящие обретают важный жизненный опыт: *Я вчера уже стрелял из этого револьвера*. Из последнего предложения можно сделать вывод, что говорящий знает, как обращаться с револьвером.

Мы видим, что при референции к событию бытийное значение может иметь сложный характер, так как оно может возникать и в контексте фиксированного момента времени: *Сегодня утром Вася уже принимал свое лекарство* ('сегодня утром имел место факт приема лекарства'); *Вечерняя почта приходила в восемь часов* ('факт прибытия вечерних газет и писем имел место в восемь вечера').

Таким образом, мы показали на примерах, что экзистенциальное значение сочетается с указанием на фиксированную точку времени в пределах одного простого предложения. Вслед за Н. Д. Арутюновой [1976: 238, 265; 1983: 22], предложившей описывать семантическую структуру предложений о существовании определенных объектов как включающую две пропозиции⁴, предложения с общефактическим плюсом указание на точечное время (например, *в пять часов*) мы разбиваем на утверждение о существовании события и указание на момент времени, в который это событие имело место:

- P1. Существует момент времени, в который событие Р имело место.
 P2. Этот момент времени — t_1 .

⁴ См. также [Шатуновский 1996: 155].

Пропозиция P1 с бытийным значением отражает тот нюанс семантики предложения, что ситуация имела место, т. е. концептуализуется как состоявшийся факт, а пропозиция P2 — что ситуация имела место в момент времени t_1 . Если бытийный компонент семантики не существен для говорящего и в его цели не входит специального указания на факт наступления события, употребляется совершенный вид: *Вечерняя почта пришла в восемь часов*.

В книге М. Я. Гловинской [2001: 234] говорится, что сочетание общефактического с фиксированной временной точкой имеет место в контексте двунаправленных глаголов: *приходил в пять часов = пришел в пять часов, а потом ушел*. Покажем, что сочетание общефактического с фиксированной временной точкой возникает не только в контексте двунаправленности. Так, предложение *Вывешивал табличку в пять часов* может значить как 'вывесил табличку о десятиминутном перерыве, а затем убрал, потому что перерыв кончился' (двунаправленное значение), так и то, что табличка, возвещающая об открытии ресторана, была вывешена в пять часов и что она все еще пребывает на своем месте (результативное, не-двунаправленное значение). Результативное значение может возникнуть в ситуации выяснения, на месте ли табличка. Ср. также пару примеров, каждый из которых содержит глагол *приходил* в общефактическом значении, но в первом примере в соответствии с прагматическим контекстом глагол понимается в двунаправленном смысле, а во втором — в результативном: *С утра приходил Вася, приносил новорожденную дочку* ('Сегодня утром пришел Вася, принес с собой ребенка, а затем ушел и забрал дочку с собой') vs. *С утра приходил Вася, приносил подарки* ('Сегодня утром пришел Вася, принес подарки, а затем ушел, скорее всего, оставив подарки тем, кому он их принес'). По поводу первого члена пары сравниваемых предложений заметим, что если бы событие состояло в том, что ребенок остался там, куда его принес отец, было бы сказано *Приходил Вася, принес дочку*, потому что форма совершенного вида *принес* фиксирует результирующее состояние, которое в данном случае заключается в том, что в момент речи ребенок находился там, куда его принес отец. Результативное же значение, выражаемое глаголом НСВ во втором примере, концептуализует ситуацию не с акцентом на местонахождении подарков, а с фиксацией на том, что их преподнесение состоялось.

Итак, путем простого приведения примеров удастся показать, что двунаправленная трактовка общефактического в контексте точечного обстоятельства времени зависит от онтологической струк-

туры ситуации, и понимание в «не-двунаправленном» смысле во многих примерах тоже бывает возможно. Иначе говоря, общефактическое в контексте фиксированной временной точки необязательно должно пониматься в двунаправленном смысле.

В следующем разделе рассматриваются контексты общефактического, оживляющие идею существования события, так как мы исходим из гипотезы о том, что семантическую основу общефактического составляет значение существования. Между тем значение существования — одно из самых общих и абстрактных — в большинстве контекстов тривиально. Форма общефактического НСВ по значению бывает практически неотличима от соответствующей формы совершенного вида. Действительно, *уже принимал лекарство* и *уже принял лекарство* отличны на плюс/минус бытийное значение. *Принимал лекарство* значит, что ожидаемый прием лекарства имел место, а *принял лекарство* — что лекарство принято, т. е. попало в организм больного. В каких же контекстах различие плюс/минус бытийное значение обнаруживает себя? Обратимся к диагностическим контекстам, которые помогают уловить различие между общефактическим НСВ и совершенным видом. Выше уже говорилось о том, что перечни таких контекстов обсуждались в аспектологической литературе [Гловинская 2001: 251]. Тем не менее в разделе 1.1.1.2 мы вновь возвращаемся к этому вопросу, взяв за исходную точку представление об общефактическом как о средстве выражения идеи бытования.

1.1.1.2. *Контексты общефактического.* Речевой акт сообщения, помимо утверждения о положении дел, содержит истинностную оценку утверждения о положении дел. Известный парадокс Дж. Мура [1984] основан на нарушении презумпции о том, что то, что говорящий сообщает, он по умолчанию считает истинным. В знаменитом примере Дж. Мура «Идет дождь, но я так не считаю» эта презумпция нарушена, что приводит к противоречию между имплицитным и эксплицитным смыслами, заключенными в этом предложении. Итак, наиболее простой — немаркированный — способ номинации ситуаций состоит в том, что сообщение о положении дел и указание на то, что данное положение дел действительно имело место, подаются нерасчлененно: если говорится о некотором положении дел, то предполагается, что оно и имеет место в мире. Ср. у И. Б. Шатуновского [1995: 158]: «Любое описывающее действительность (констативное, по Остину), или репрезентативное, по Серлю, высказывание, содержит помимо диктальной (по Балли) пропозиции (Р), описывающей некоторое мыслимое (возможное) положение дел, модальный компонент,

соотносящий *Р* с действительностью: 'есть (в мире)' ≈ 'имеет место' ≈ 'истинно' ≈ 'соответствует действительности'; и там же литература по теме. В связи с этим использование НСВ в общефактическом, которое некоторыми аспектологами рассматривается как семантически наиболее простое [Forsyth 1970: 82–102], соотносимое с «голым» фактом [Зализняк, Шмелев 2000: 44], представляется нам, наоборот, маркированным способом описания положения дел, потому что для разделения информации о положении дел и указания на то, что это положение дел имело место, требуются специальные прагматические условия и особые средства. Общефактическое экзистенциальное как одно из таких средств способно акцентировать компонент существования в семантической структуре предложения.

Некоторые контексты, благоприятствующие употреблению общефактического, мы по необходимости рассмотрели в разделе выше при обсуждении совместимости общефактического с указанием на фиксированную временную точку. Рассмотрим список контекстов более систематически. Как уже говорилось, семантической основой общефактического мы считаем значение 'было' и — как производное значение — контраст 'было' vs. 'не было'.

1) Контраст 'было' vs. 'не было' может входить в лексическое значение глагола и отражать, таким образом, модель языковой концептуализации соответствующего положения дел. Так, у глагола *остаться/оставаться* противопоставление 'было' vs. 'не было' заложено в его лексическом значении. Рассмотрим специфику глагола *остаться/оставаться* на фоне других глаголов. Предложения *Здесь росла береза* и *На стене висела картина* указывают просто на присутствие — бытование — березы или картины в некоторой точке бытия. Между тем предложение *На рабочих местах оставались в тот момент трое сотрудников* значит не только, что сотрудники находились на своих рабочих местах, но также и то, что в тот момент их там могло не быть, например потому, что рабочий день уже кончался. Таково значение глагола *оставаться*.

Аналогично, предложение *Там со вчера в банке еще три огурца оставалось/осталось* — это имплицитный ответ на вопрос, есть огурцы или уже кончились. В контексте контраста 'было' vs. 'не было' может быть использовано и выражение *иметь место*. Глагол же *существовать* в интересующем нас смысле отличен от *оставаться* и *иметь место*, так как он обозначает своего рода «положительное» присутствие в мире, как *висеть* — о картине, *расти* — о березе, *лежать* — о ключах на полке. Между тем

иметь место (в одном из своих значений) имплицитно противопоставлено выражению *не иметь места*. Когда говорится, что наезд имел место, это значит, что вопрос касался выяснения того, был наезд или его не было. Другое значение выражения *иметь место* — это возникновение ситуации, которой до определенного момента не было: *страховой случай имеет место* (= 'возникает') *при внезапном заболевании застрахованного во время его пребывания в указанной в договоре страхования стране; цессия имеет место* (= 'возникает по определению') *в правоотношениях между цедентом и цессионарием*. Характерно, что у глагола *иметь* в *иметь место* стерто противопоставление по виду: *имел место* значит '«поимел место», уже произошел'.

Глаголы «положительного» присутствия в мире, такие как *расти, лежать, существовать*, тоже могут вступать в противопоставление со значением отсутствия, но, как правило, только в специальных — верификативных — контекстах: *Да-да, книга там ЛЕЖАЛА* 'действительно находилась там'. В значении же самого глагола это противопоставление не заложено. Значение общефактического экзистенциального может служить контекстом, переводящим «положительные» глаголы в разряд отвечающих на вопрос «было или не было?», но предикаты, у которых это противопоставление входит в толкование, такие как *оставаться* и *иметь место*, более, чем другие, склонны к употреблению в общефактическом экзистенциальном, потому что значение общефактического согласуется с их толкованием (дублируется в нем).

Итак, глагол *оставаться* и выражение *иметь место* являют собой пример актуализации бытийного значения, связанной с лексическим значением глагола.

2) Значение 'было' может иметь в качестве производного значение 'было нечто важное'. Это значение возникает в контексте ушедших в прошлое событий, которые воспринимаются говорящим как вехи биографии (*Я кончал/заканчивал театральное; защищался в Новосибирске; болел ветрянкой*), как воспоминания, к которым мы возвращаемся всю жизнь (*встречался с Романом Якобсоном на конгрессе славистов; находил в прошлом году на этом самом месте рыжики; покупал эту репродукцию в Лондоне специально для вас*), неординарный опыт (*ездил в Париж на конгресс лингвистов*). Эти события существенны потому, что они «были» и запомнились. Они воплотились в жизненный опыт, стали примером, прецедентом, сложились в биографию. Данный контекст весьма характерен для сочетания общефактического с фиксированной временной точкой и, вообще, с кон-

кретно референтными участниками и обстоятельствами. Действительно, для выражения значения существования оказывается достаточно аспектуальной формы глагола: другие семантические компоненты могут поддерживать (дублировать) бытийное значение, но, в принципе, они не обязательны.

3) Контраст 'было' vs. 'не было' активизируется в контексте ожидания событий, которые происходят согласно известному плану, расписанию, распорядку дня (*Он принимал свое лекарство в пять часов; Он обедал; Я выгуливал собаку, делал укол, уже мылся*). В чем конкретно состоит положение дел, в данном случае известно заранее, потому что событие происходит регулярно, и существенным здесь оказывается только то, что ожидаемое положение дел наконец реализовалось. Такие контексты тоже прекрасно сочетаются с указанием на фиксированную временную точку, так как для события, которое так или иначе периодически происходит, релевантным обычно бывает только сообщение о том, когда именно оно произошло.

4) Классический контекст для общефактического составляют хорошо известные контексты верификации (*Вы мне ПИСАЛИ* ('это действительно имело место')) [Гловинская 2001: 251]. Показателем верификации служит интенсивный акцент на финитной форме глагола. В данном случае значение 'событие имело место' дублируется общефактическим значением глагола и верификативной акцентуацией, см. также [Mehlig 1991; Падучева 1996: 36].

5) Контекст общих *да-нет*-вопросов (общих модальных по Балли). Это фактически тот же контекст, что и контекст верификации в повествовательных предложениях, так как общие *да-нет*-вопросы — это вопросы об истинности положений дел в мире: *Вы мне ПИСАЛИ? Вы ЧИТАЛИ «Войну и мир»?*

6) Благоприятный контекст для реализации общефактического значения НСВ составляют не только *да-нет*-вопросы, но и некоторые вопросы с вопросительным словом. В вопросе как в речевом акте, совершение которого обычно бывает поддержано мощной презумпцией, может предполагаться, что некоторое событие имело место (успешно состоялось, стало фактом), и говорящий только уточняет отдельные недостающие детали. Так, задающий вопрос *Кто надевал мой халат?* по некоторым признакам заключает, что его халатом кто-то пользовался, и задает вопрос о том, кто мог это сделать. Семантическая структура вопроса такова, что в презумпции находится пропозиция 'По всему видно, что имел место факт ношения моего халата другим лицом'. Такую же презумпцию имеют и повествовательные предложения с неопределенны-

ми местоимениями на *-то*: *Кто-то надевал мой халат; Кто-то сидел на моем стуле; Кто-то ел моей ложкой*. Подобный прагматический контекст весьма часто бывает связан с поисками виновного: следы преступления налицо, и говорящему надо выяснить, кто его совершил. Детализация времени и места — менее типичный контекст: *Когда завтракали? Где апельсины брали?*⁵, ср. также *Почем апельсины брали?* На контекст вопросительных предложений как на благоприятный фон для реализации общефактического указывает М. Я. Гловинская [2001: 251].

В данном подразделе мы рассмотрели ряд контекстов, которые актуализируют в предложении значение бытования события, характерное для общефактического НСВ. К таким контекстам относятся предложения, содержащие значения, близкие значению бытования: 'было, но могло не быть', 'было нечто важное', 'было на самом деле, или истинно', 'было и создало прецедент', 'было, но неизвестно где, когда, с кем', 'было ли?'. В следующем подразделе будет рассмотрен один из спорных вопросов аспектологии: многократный подвид глаголов *видывать*, *слыхивать*, *говаривать* — это давнопрошедшее время или общефактическое многократное подзначение НСВ? Кроме того, будет внесено уточнение в формулировку закона (1) как модели перехода от положительных предложений к соответствующим отрицательным.

1.2. Многократный подвид НСВ как общефактическое многократное. Квантор существования в большом количестве. Соотнесенность многократных форм НСВ *говаривать*, *сизживать*, *хаживать* с далеким прошлым дало основание В. В. Виноградову называть многократные формы давнопрошедшим временем [1947: 545–549]. Обсуждая точку зрения В. В. Виноградова, М. Я. Гловинская [2001: 247] высказывает мнение о том, что формы многократного НСВ следует считать не давнопрошедшим, а общефактическим многократным. М. Я. Гловинская рассматривает значение кратности, в частности у многократных глаголов, как значение, служащее благоприятным контекстом для возникновения общефактического значения: «Многократные глаголы *говаривать*, *сизживать*, *хаживать* и т. д. Показательно, что эти глаголы не имеют ни актуально-длительного значения, ни формы настоящего времени. В. В. Виноградов, вслед за грамматистами прошлого, считает форму прошедшего времени многократных глаголов „давнопрошед-

⁵ Социальный контекст высказываний типа *Где апельсины брали?* в настоящее время уходит в небытие.

шим временем“ [Виноградов 1947: 545–549]. Однако, по нашему мнению, те немногие многократные глаголы, которые сохранились в современном языке, выражают не давнопрошедшее время, а общефактическое значение... *сиживал, ночевывал* значит лишь ‘много раз сидел (ночевал) в прошлом’, а не ‘сидел (ночевал) до того, как произошло какое-то другое действие в прошлом’». О многократном подвиде в современном русском языке см. также [Авилова 1976: 293–295; Прокопович 1969: 8–10; Зализняк, Шмелев 2000: 121–122], в русском языке XIX века — [Иванчикова 1957: 247–248].

Представляется между тем, что точки зрения В. В. Виноградова и М. Я. Гловинской не противоречат одна другой, так как под давнопрошедшим временем В. В. Виноградов не подразумевает обозначения ситуации, которая имела место ранее другой ситуации в прошлом, как это предполагают контексты западноевропейского плюсквамперфекта, или давнопрошедшего. В. В. Виноградов прямо говорит об этом. Не используя термина *общефактическое*, В. В. Виноградов сочувственно цитирует В. А. Богородицкого [Русская грамматика 1918: 164–174], который считает глаголы типа *бирать, есть* прошедшим обыкновения, что не противоречит трактовке этих форм как выражающих общефактическое многократное. В данном случае термин *давнопрошедшее*, во всяком случае в русском языке, В. В. Виноградов использует для указания на событие, которое с регулярностью имело место в далеком прошлом. Это не противоречит трактовке многократного подвида как общефактического многократного: общефактическое и обозначает ситуацию, которая понимается как свершившийся факт, т. е. в стандартном контексте соотносится с прошлым. Соответственно, многократное общефактическое обозначает многократное наступление событий, которые мыслятся как идентичные.

Термин «многократное общефактическое» М. Я. Гловинской со значением ‘много раз было в прошлом’ (‘много раз случалось в прошлом’, ср. формулировку В. А. Богородицкого) для многократного подвида в русском и древнерусском языках представляется весьма удачным. Между тем нельзя не признать, что непосредственно построить многократное общефактическое в систему объяснения показателей множественности, сопряженных с отрицанием, как это было предложено во Введении, не удастся, во всяком случае, при прямой апелляции к закону (1). Если считать, что многократное общефактическое, как и простое — не многократное, — всегда соотносится с квантификацией существования, то присутствие в обеих частях логического вывода семы существования не согласуется с формулировкой закона, потому что в

правой части закона (1) фигурирует не квантор существования, а квантор всеобщности.

Здесь перед нами встает задача, связанная с различием в типах квантификации событий.

Предлагаемое решение этой задачи сводится к выделению трех типов квантификации (против традиционных двух), необходимых для анализа рассматриваемого материала. Первый тип — это известная квантификация существования ($\exists xP(x)$). В естественном языке она выражается простым общефактическим (*ездил в Париж*) и другими средствами. Второй тип — квантификация всеобщности ($\forall xP(x)$). Она выражается кванторными словами *всегда, все, везде, никогда, никто, нигде*. И наконец, мы предлагаем постулировать третий тип квантификации, своего рода промежуточный между первыми двумя. Это квантификация существования в большом количестве ($MxP(x)$): существуют в большом количестве x -ы, такие что $P(x)$. Этот тип квантификации представлен многократным общефактическим, а также другими показателями множественности в контексте существования. Очень много — не значит 'все', но в нестрогом — бытовом — смысле весьма близко к этому, что часто приводит говорящих к использованию данных о большом количестве к демагогическим выводам о тотальности определенных положений дел. Существование в большом количестве позволяет делать более «сильные» утверждения, чем существование одного, но более «слабые», чем всеобщность.

Если представить квантификацию элементов некоторого релевантного множества как шкалу, на одном из концов которой расположен квантор существования по крайней мере одного элемента, который обладает некоторым свойством, на другом конце — квантор всеобщности, предназначенный для сообщений о том, что все элементы релевантного множества обладают этим свойством, тогда квантор существования в большом количестве будет располагаться в ближайшей окрестности квантора всеобщности, но представлять из себя квантор существования. Кванторы существования в малых и больших количествах составят остальные элементы этой шкалы в соответствии с представленными в них количествами от малых к большому вплоть до квантора всеобщности.

В результате можно предложить более слабую вариацию закона (1), которая моделирует одну из логических процедур дискурса на естественном языке:

$$(2) \exists xP(x) \equiv Mx \neg P(x)$$

Мы предлагаем следующую интерпретацию квазизакона (2). Если отрицается существование ситуации Р, это значит, что существовало множество моментов времени x , в которые могла иметь место ситуация Р, но которая, между тем, не имела места. Уточним также, что параметр времени — это наиболее естественная область, которую пробегает переменная при квантификации события, однако квантификация по другим параметрам — другим участникам ситуации — также возможна. Так, в примере из Тургенева *В старые-то годы дворяне жилали пышнее* параметром квантификации служит субъект ситуации — дворяне: 'разные люди во множестве жили пышнее, чем теперь' (пример почерпнут из книги [Авилова 1976: 294]). В примере *Ни с одним настоящим писателем даже не встречался. Знал их только по книгам* (Телешов) параметром квантификации служит объект ситуации — писатели.

Квазизакон (2) не отменяет положений, выдвинутых во введении при постановке задачи и апеллирующих к закону (1), но, как кажется, дает более точное описание логики говорящих, закреплённой в речевых моделях перехода к показателям множественности, которые возникают в большом классе отрицательных предложений. При отрицании предложений, исходно содержащих сему существования события, не всегда используются отрицательные кванторные слова со значением всеобщности *никогда*, *никто*, *нигде*, *никакой*, а весьма часто фигурирует более слабая квантификация существования в большом количестве, ср.: *не видывал* 'существовало много возможностей увидеть, но они остались нереализованными'.

Введение квантора существования в большом количестве было подсказано спецификой аспектуального общефактического значения, которое, по предположению, содержит семантический компонент существования 'было' (*ездил в Париж*) и 'бывало, случалось быть' (*езжал в Париж*). Между тем, как кажется, для обоснования мены числа (*была ошибка* vs. *не было ошибок*) и кратности (*пойди* vs. *не ходи*) закон (2) тоже подходит. Различие состоит в том, что вид, во всяком случае в древнерусском языке, предусматривает специальную форму со значением существования во множестве — *знавал*, *езжал*, *видывал*, а число и кратность подобной специальной формы множественного существования не имеют: здесь существование выражается другими средствами, а именно неопределенностью. Общефактическое характерно тем, что в его контексте, как было показано выше, в разделах 1.1.1.1 и 1.1.1.2, не требуется показателей неопределенности, так как значение существования заключено в глагольной форме.

Итак, в данном разделе для анализа многократного далекого прошлого — *видывал, слыхивал, говаривал* — было предложено ввести квантор существования в большом количестве. Соответственно, в формулировке закона (1) квантор всеобщности был заменен на квантор существования в большом количестве. Это изменение направлено на более точное (чем это возможно с апелляцией к закону (1)) моделирование логики говорящих, закрепленной в конструкциях языка.

1.3. Существование и многократность в древнерусском. Покажем, что древнерусский язык обладает достаточными средствами для выражения в глаголе значений существования и многократности. Древнерусские средства выражения многократности в глаголе гораздо богаче, чем в современном русском языке, и имеют более широкое применение. В частности, многократный подвид широко образуется не только от бесприставочных, но и от приставочных глаголов, ср.: *прихаживал, отнимывал, зажививал*. Примеры употребления см. в разделе 1.3 ниже. Глаголы многократного подвида в текстах весьма многочисленны, но большинство из них обслуживают отрицательные и вопросительные контексты, так что многократность в чистом виде встречается нечасто. Это объясняется тем, что необходимость в указании на многократно повторяющиеся события с особой референцией к факту их существования — во всяком случае в рамках просмотренного нами материала — не слишком велика. Приведем пример повествовательного предложения в отсутствие отрицания:

А яз, г(осподи)не, Ес(ь)ка тѣ пожни кашивал на два рубля на монастырское серебро, а сѣно, г(осподи)не, шло с тѣх пожен на монастырь (1508 г., [Акты 1975: 44]).

Контекст говорит о том, что повествователю в течение многих лет регулярно случалось косить упоминаемые им пожни, а сено шло на монастырский двор. Искомый глагол многократного подвида — *кашивал*. В соседнем предложении та же ситуация покоса описывается простым глаголом несовершенного вида:

...и отцы их... в тѣх же деревнях монастырских жили, а тѣ же пожни косили [Акты 1975: 43].

В последнем предложении многократность и регулярность покосов специально не подчеркивается.

Примеры простого (немногократного) НСВ в общефактическом встречаются довольно часто. Специфика значения и упот-

ребления общефактического, как кажется, не отличается от современного русского языка ⁶:

еѣ арапку та Дарѣя за Москвѣ рекѣ с собою звала и она с нею не пошла [Письменность 1968: 237].

Здесь искомый глагол в общефактическом значении — *звала*. Судя по контексту, Дарѣя предлагала арапке пойти за Москву-реку один раз. Другие примеры:

она Даря говорила [один или более раз] *про пропажу подругамъ своимъ* [Там же];

приходила [один раз] *к ней та еѣ зловка в субботу, а не в понедельник* [Там же];

А на ту землю князь велики Иван Васильевич посылал [один раз] *меня же Волка Борисова смотреть и мѣрити...* [Акты 1975: 16].

2. Семантические типы $P(t)$ и $\exists tP(t)$ в контексте отрицания. Древнерусский язык

Вернемся к двум логико-семантическим типам сообщений о событиях — $P(t)$ и $\exists tP(t)$. Первый тип представляет собой нейтральный — немаркированный — способ сообщения о фрагменте мира, когда событие трактуется говорящим как таковое без специального акцента на факте его существования. В семантическом представлении соответствующего предложения квантор существования тогда отсутствует, а в контексте отрицания показателя множественности не требуется. Следовательно, естественно-языковой коррелят формулы $\neg P(x)$ не должен включать многократного подвида. В отрицательном предложении свидетельством того, что перед нами сообщение типа $\neg P(x)$, положительный прообраз которого — это предложение типа $P(x)$ (в противоположность $\exists tP(t)$), служит сохранение показателей фиксированного времени и места. Выше, в разделе 1.1.1.1, мы показали, что конкретная референция времени и места события не служит противопоказанием для экзистенциальной трактовки предложения, однако, как было показано там же, для экзистенциальной трактовки требуются известные прагматические условия. В отсутствие таких условий конкретная референция времени, места и других участников ситуации склоняет чашу весов в пользу конкретной трактовки события, т. е. как типа $P(x)$.

⁶ При приписывании древнерусской форме НСВ общефактического значения мы можем полагаться только на наше знание русского языка.

Вернемся к примеру *еѣ арапка та Дарѣя за Москвѣ рекѣ с собою звала и она с нею не пошла* (1638–1641гг., [Письменность 1968: 237]). Интересующая нас здесь форма — форма СВ *не пошла*. Событие мыслится как фиксированное: арапка не пошла с Дарьей за Москву-реку в тот момент, когда Дарья ее звала. В двух других примерах ниже мы наблюдаем даже точную дату события; кроме того, все участники события имеют конкретную референцию, и лексемы типа *никакой*, снимающие значение определенности, отсутствуют. Все это делает многократную форму неуместной. Событие передается с помощью формы простого НСВ:

...они в тот день октября в См⁷ числе в Верхѣ не были и золовки еѣ Тимохины жены Бахарева не видали а были они в Верхѣ октября в Им числе⁸ в понедельник... (1638–1641гг., [Там же: 236]);

...дворник и тѣточные жители сказали что их в то время как обѣзжий Давыд Ходырев с подячим дралис никог не было (1671 г., [Там же: 212]).

Перейдем к многократному подвиду. Примеры, которые будут приведены ниже, демонстрируют смыслы 'Р не было никогда' ($\forall x \neg P(x)$, ср. закон (1)) и 'Существовало много возможностей для реализации Р, которые не были использованы' ($\exists x \neg P(x)$, ср. квазизакон (2)). Так, в примерах ниже сочетания *никто не прихаживал* и *никакова слова не говоривала* иллюстрируют действие закона (1), основанного на переходе к квантору всеобщности, а сочетание *не кашивали* — демонстрирует действие квазизакона (2), использующего квантор существования в большом количестве.

И Даря Ламанова в том во всем запиралась а сказала что к ней Даре в Верхѣ оприч золовки еѣ никто не прихаживал а приходила к ней та еѣ зловка в субботу, а не в понедельник и про гсдрню де црцу и великую княгиню Евдокью Лукановну она Даря никакова слова не говоривала и на еѣ гсдррской слѣд песку не сыпывала а толко де она Даря говорила про пропажу подругамъ своимъ... и за Москву де реку она Даря подруги своеи Степаниды к бабе которая всему тому пособит не звала (1638–1641гг., [Письменность 1968: 236]).

А отцы, господине, наши жили в Троецких деревнях в Подкосовской и Мичковской, а тѣх есмь, господине, пожен ис тех деревень не кашивали (1508 г., [Акты 1975: 43]).

⁷ Седьмого октября.

⁸ Восьмого октября.

...я холоп твои ево ондреева двора не **зажигивал** и **зажеч** никому не **веливал**... (1633 г., [Письменность 1968: 49]).

...и жена ево Тимофьева сына еъ Дарьина Кузму не **бивала** и зять еъ Лбка Костянтинов сына еъ Кхзмы у жены ево Тимофьевы не **отнимывал** (1688 г., [Там же: 290]).

И жонка Настка пытана и огнем жжена сказала что к мужу еъ к литвину А́нке и к неи из Литвы от короля для гсдрские порчи приказу и иного никакова **заказу не бывало** и сама де она их гсдрей не **порчивала** (1638–1641 гг., [Там же: 240])⁹;

...И та жонка Манка сказала что она еъ Настку **знает** а **ворожит** еъ не **учивала** (1638–1641 гг., [Там же: 240]);

...и то **въдают** что я бани не **тапливал**... (1633г., [Там же: 48]).

Особый прагматический контекст, который иллюстрируют материалы судных документов, способствует употреблению общефактического значения с его особенной референцией к существованию событий и положений дел. Для говорящего не так важно, в чем состояло событие, а скорее то, было ли оно. Исходным пунктом дискурса служит формулировка обвинения: подозреваемого обвиняют в изготовлении цепи для нанесения вреда царствующей особе, посыпании песком следа от туфли императрицы и великой княгини Евдокии Лукьяновны (род наведения порчи), поджоге соседского двора, похищении ребенка у родителей и нанесении ему телесных повреждений. Можно предположить, что пожар, похищение ребенка и даже присыпание песком следа государыни императрицы — события вполне конкретные. Скорее всего, такие события действительно имели место. Обвинения в колдовстве, ворожбе и нанесении порчи современному читателю могут показаться надуманными, но следует исходить из того, что в тексте судного документа они мыслятся как имевшие место. И когда обвинитель обвиняет, он говорит «Р», а не «было Р». Иначе говоря, семантические представления суждений о таких событиях в устах обвинителя принадлежат к типу Р(х), а не к типу ЭхР(х). Контекст отвода обвинения переводит высказывание обвинителя в другую плоскость. Обвинитель утверждает, что Р, а обвиняемый, возражая, не говорит «Р неверно», а использует более сильную форму отвода обвинения: ничего такого, как Р, не было никогда, например: *никакова слова не говаривала..., никакова заказу не бывало*. Другой — более слабый — способ отвода

⁹ Нельзя не обратить внимания на то, что многие анализируемые здесь примеры — это прежде всего трагические свидетельства русской жизни XVII века.

обвинения не использует отрицательных кванторов всеобщности. При нем реализуется отрицание существования в большом количестве. Возможности совершения преступления P могли быть, но они не были реализованы: *я бани не тапливал; она подруги своей к бабе которая всему пособит не зывала*. В обоих случаях при отводе обвинения — и с использованием квантора всеобщности, и с использованием квантора существования в большом количестве — происходит прагматическая подмена исходного типа $P(x)$ типом $\exists xP(x)$. Последний при отрицании дает множественность, которая в древнерусском выражается особым многократным подвидом.

Итак, заключим: многократный подвид в контексте отрицания служит для выражения идеи перебора возможностей осуществления некоторого события в разное время с разными участниками и при различных обстоятельствах и для указания на то, что такого события не было.

В данном разделе было продемонстрировано выражение значений $P(x)$, $\exists xP(x)$, $\forall xP(x)$ и $MxP(x)$ (существуют во множестве моменты, такие что не P) средствами древнерусского глагола.

Заключение

В данной статье мы надеялись установить некоторые соответствия единиц естественного языка единицам языка формальной логики. Эти соответствия проливают свет на переход к показателям множественности — множественного числа, многократного подвида несовершенного вида, возникающим при построении отрицательных предложений в русском и древнерусском языках.

В контексте построения отрицательного предложения говорящий может основываться на том, что в исходном положительном предложении — наличном или реконструируемом — присутствует квантор существования: 'было дело, такое что...'. Тогда в соответствующем отрицательном предложении возникают показатели множественности, а темпоральные и локальные обстоятельства могут заменяться на обстоятельства со значением *нигде* и *никогда*: *Нигде и никогда никакого P не бывало*. Такой тип построения отрицательного предложения может быть вынужденным, потому что в исходном положительном предложении действительно имеются показатели значения существования. Если же показатели существования отсутствуют, этот тип может служить и риторическим приемом, связанным с желанием говорящего указать при отрицании, что некоторого положения дел не было и не могло быть ни при каких обстоятельствах и никогда. Страте-

гию построения отрицательного предложения по принципу «нигде и никогда» мы назвали универсальной. Если же говорящий выбирает стратегию отрицания утверждения о конкретной ситуации, то показатели времени и места в отрицательном предложении сохраняются и показателей множественности не возникает (*В точке пространства L в момент времени T ситуации P не было*). Эту вторую стратегию построения отрицательного предложения мы назвали конкретной.

Другой результат данной работы состоит в приведении аргументов в пользу того, что в основе семантики НСВ общефактического лежит значение существования: *было так, что...* При этом предложения, в которых общефактическое сочетается с указанием на фиксированную временную точку, имеют двойственную семантическую структуру: в них сообщается одновременно о том, что некоторое положение дел имело место, а также о том, в какой момент времени это было.

И наконец, на материале современного русского и древнерусского языков было показано, что логика, отраженная в естественном языке, не всегда совпадает с формальной логикой, и для более точного моделирования логики дискурса была предложена более слабая модификация логического закона $\neg \exists x P(x) \equiv \forall x \neg P(x)$, где квантор всеобщности заменяется введенным здесь квантором существования в большом количестве.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова 1976 — Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Акты 1975 — Акты русского государства 1505–1526. М., 1975.
- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1983 — Арутюнова Н.Д. Коммуникативные формы бытийных предложений // Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Бойко 1952 — Бойко А.А. О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1952. Вып. 15. № 156.
- Виноградов 1947 — Виноградов В.В. Русский язык. М.;Л., 1947.
- Виноградов 1972 — Виноградов В.В. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972.
- Гловинская 2001 — Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

- Иванчикова 1957 — *Иванчикова Е. А.* Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX в. // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка.* М., 1957. Т. 4.
- Кржижкова 1969 — *Кржижкова Е.* Заметки о месте негации в языковой структуре // *Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие.* М., 1969.
- Мур 1984 — *Мур Дж.* Принципы этики. М., 1984.
- Падучева 1969 — *Падучева Е. В.* Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* Вып. 12. М., 1969.
- Падучева 1970 — *Падучева Е. В.* Проблемы семантического сопоставления естественных языков с языками математической логики // *Исследования логических систем.* М., 1970
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1989 — *Падучева Е. В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке // *Вопросы языкознания.* 1989. № 2.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Письменность 1968 — *Московская бытовая и деловая письменность 17 века.* М., 1968.
- Прокопович 1969 — *Прокопович Е. Н.* Стилистика частей речи (глагольные словоформы). М., 1969.
- Рассудова 1968 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Русская грамматика 1918 — *Русская грамматика.* Казань, 1918.
- Самедов 1964 — *Самедов Т. С.* О функционировании видов при отрицании // *Научные доклады высшей школы.* 1964. Вып. 4.
- Шатуновский 1995 — *Шатуновский И. Б.* Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность // *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке.* М., 1995.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и не-референтные слова. М., 1996.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J.* A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.
- Mehlig 1991 — *Mehlig H. R.* Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Russian Linguistics.* 1991. Vol. 15.

ЖЭНЬ СЮЭМЭЙ

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С КИТАЙСКИМ

В последние годы лингвистические исследования ведутся с учетом антропоцентрического фактора. Группа «Логический анализ языка» анализирует язык, человека, окружающий его мир и отношения между ними. Категория количества как логическая и в то же время семантическая категория находится в центре внимания исследователей. В данной работе будут рассматриваться: категория количества и количественные отношения, сходство и различие в способах их выражения в русском и китайском языках. Исследование выполнено с учетом когнитивного аспекта языка.

I. Категория количества и количественное отношение

Как известно, категория количества, выражающая внешние параметры объекта (его величину, число, объем, степень развития свойств и т. д. [РЭС: 706]), как и категории времени и пространства, представляет собой одну из основных категорий в философии. В категорию количества входят не только число, величина, мера, измерение, но и количественные отношения. В наивной картине мира количество соотносится с числом и величиной, выражается часто цифрами. Но в научной картине мира количество, число, величина — это совсем разные вещи. В философии Гегеля категория количества рассматривается как категория логики: он отличает чистое количество от определенного количества, от кванта [Гегель 2002: 164]. И. С. Тимофеев в своей монографии «Категории 'качество' и 'количество' в познании» рассматривает «количество» как философскую категорию, а «число» и «величину» — как математические категории. Число и величина не единственные выражения категории количества. В естественном языке категория количества выражается разными способами и формами, отражая разные семантические признаки. Конкретнее об этом будет сказано ниже.

Большое значение для изучения языковых форм и их значений имеет понимание форм познания количества. Проблему о соотношении между языком и познанием (мышлением) обсуждают давно [Гумбольдт 1859, Сепир 1934, Уорф 1960, Мельчук 1968, 1974,

1985, Потебня 1999]. В основе гипотезы Сепира–Уорфа [Брутян 1968] лежит отождествление форм познания и языковых форм. Такая оценка роли языка в мышлении преувеличена. Однако нельзя также преуменьшать значение языка и его форм в познании действительности [Тимофеев 2002: 117]. Мышление и язык постоянно воздействуют друг на друга, и это ясно видно при анализе способов выражения количества в различных языках.

II. Метод исследования в данной статье

Изучение языкового материала может быть двояким: 1) от формы к значению; 2) от значения к форме. Первый метод — это классический и структурный, второй — семантический и функциональный. В данной статье будут использованы семантический и функциональный методы, при которых исходной точкой исследования служат семантические категории (СК) и категории функционального семантического поля (ФСП).

Категория может иметь не только общий, но и частный характер, в зависимости от степени абстракции от частных значений и функций. Семантические категории, полагает А. В. Бондарко, представляют собой «универсальные („надязыковые“) константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [Бондарко 1998: 22].

В естественном языке одна и та же семантическая категория выражается разными способами, одно и то же значение в разных языках может выражаться как аналогичными структурами, так и разными. Это относится и к выражению количественной категории в русском и китайском языках. В данной статье будет анализироваться категория количества и ее выражение в естественном языке. Особое внимание будет обращено на разные значения в рамках категории количества, а также на количественные значения с разными коннотациями. Исследование выполнено на материале русского и китайского языков в когнитивном аспекте.

III. Способы выражения категории количества в русском и китайском языках

В естественном языке категория количества выражается разными способами: лексическими, грамматическими, семантическими и др. Языковое сходство, существующее одновременно в содержании и форме, и различие, возникшее на уровне формы, отражены в выражениях категории количества русского и китайского языков.

1. Общие семантические признаки и способы их выражений. Теория «языкового сходства» дает нам понять, что существуют одинаковые или близкие способы выражения сходных категорий в разных языках. Языковая форма и языковое значение мотивированы, как полагает когнитивная лингвистика, лежащая в основе «необъективной» философии. Грамматика — это продукт субъективных философских концепций. Физические тела у человека одинаковы, и окружающий человека мир тоже одинаков. Поэтому в некоторой степени сходство существует, оно отражается в процессе языковой концептуализации действительности. Следуя принципам нашего исследования «от значения к форме», мы перечислим следующие семантические признаки, характеризующие категорию количества:

- 1) признак степени и интенсивности;
- 2) признак пространственного размера;
- 3) признак времени;
- 4) чисто количественный признак;
- 5) количественно-оценочное значение.

Общие способы выражения категории количества в русском и китайском языках будут рассматриваться в терминах разных семантических признаков.

1) Признаки степени и интенсивности.

Способов выражения таких семантических признаков немало. Одним из них является удвоение слова. По данным Moravcsik [1978], самым важным значением, выражаемым удвоением слова в различных языках, является увеличение количества, которое разделяется на два основных вида: обозначаемое количество и подчеркнутое количество. Последнее подразумевает выражение увеличения интенсивности движения и степени качества, соответствующих главному значению, удвоением глаголов и удвоением имен прилагательных. Этот прием используется во многих языках [Чжан Минь 1997: 39]. Иными словами, увеличением количества языковых форм выражается подчеркнутое количество в отвлечении от семантического значения.

А) Удвоение именное.

В китайском языке существуют такие формы как *gan gan jing jing* (букв.: чистый и чистый), *li li suo suo* (букв.: аккуратный и аккуратный), *ta ta hu hu* (букв.: небрежный и небрежный). Слово *gan jing* значит 'чистый', а в форме удвоения данного слова (*gan gan jing jing*) оно имеет значение 'очень чистый', увеличивается и подчеркнутое качество-количество. Таким образом понимаются и

другие сочетания слов: *li li suo suo* 'очень аккуратный'; *ma ma hu hu* 'очень небрежный'.

В русском языке тоже бывают такие виды удвоения: *красный-красный, чистый-чистый, (Это было) давным-давно, (С каждым днем погода становится) теплее и теплее* и др.

Б) Удвоение глагольное.

В китайском языке используется конструкция с удвоенными глаголами типа А а (или уа) А (т. е. между удвоенными глаголами существует частица «а» или «уа»): *xiang a xiang* (букв.: думать-думать), *kan a kan* (букв.: смотреть-смотреть), *Хие уа хие, hai shi mei you хие хуи* (букв.: Учиться учиться, все-таки не научиться) и т. п. В то же время логическое ударение падает на первую часть удвоенных глаголов, частица дает временную протяженность. Конструкция выражает длительность действия или процесса. Так и в русском языке: *Шел-шел, полцарства обошел, сапоги железные износил — а пришел, выходит, не туда?* (длительность действия); *Я ждала-ждала, но не дождалась* (длительность действия). «В таких конструкциях удвоенные словоформы составляют одно фонетическое слово (с главным ударением на первом компоненте) и произносятся с особой интонацией» [Плунгян, Рахилина 1996: 107].

В) С другой стороны, удвоенные слова, у которых логическое ударение падает на вторую часть, тоже широко используются как в китайском, так и в русском языках, например, в ответах на вопросы: *знаю-знаю, конечно-конечно, dui dui* (букв.: правда-правда), *hao hao* (букв.: хорошо-хорошо). В этом случае удвоение передает значение «самоочевидного» подтверждения.

Лексико-семантические способы часто используются для того, чтобы выражать интенсивность и степень качества. Восприятие, отражающее интенсивность какого-то свойства (допустим, освещенности), может объединять по значению разные слова, например, в русском языке: «белый», «беловатый», «светло-серый», «серый», «темно-серый», «черноватый», «черный»; в китайском языке то же самое: *bai* 'белый', *wei bai* 'беловатый', *hui bai* 'светло-серый', *hui* 'серый', *shen hui* 'темно-серый', *qian hei* 'светло-черный', *hei* 'черный'.

2) Признак пространственного размера.

Количественная категория тесно связана с категорией пространства. При исследовании с разных точек зрения эти две категории неотделимы друг от друга. Гегель считает, что категорию пространства следует изучать как часть категории количества — определенное ко-

личество [Гегель 2002: 183], что величина, отражаемая в естественном языке, выражается словами со значением пространства.

Такое значение будет исследовано путем анализа количественной метафоры пространственных слов, например: «высокий». Для количественной метафоры исходными принято считать те употребления слова «высокий», в которых измеряется протяженность объекта снизу вверх (*высокое дерево, высокая башня*) [Рахилина 1999: 155]. Слова с пространственным значением (например, *высокий*) в некоторых сочетаниях используются для выражения количественной категории, проще говоря, для выражения большого количества. Выражающее пространственный параметр по вертикальной оси слово «высокий» в сочетании с непредметными именами имеет значение интенсификации, ср.: *высокая оценка, высокая скорость, высокий темп, высокая цена, высокий процент, высокий уровень, высокая степень, высокие показатели...* В китайском языке слово с пространственным значением «gao» ('высокий') тоже имеет свое первичное параметрическое значение, которое выражает протяженность объекта: *gao shu* ('высокое дерево'), *gao ta* ('высокая башня'), *gao lou* ('высокое здание'), *gao shan* ('высокая гора') и т. д. И одновременно оно может получать метафорическое значение, например: *gao su* ('высокая скорость'), *gao pin lu* ('высокая гора'), *gao jia* ('высокая цена'), *gao wen* ('высокая температура'), *gao shui ping* ('высокий уровень') и т. д. Как в русском, так и в китайском языках метафорическое значение слова «высокий» относится к большому количеству, интенсивности признака.

3) Признак времени.

Как известно, значение времени понимают по-разному: физическое (объективное) время и психологическое (субъективное) время, абсолютное время и относительное время и т. д. Несмотря на разновидности времени, оно тесно связано с категориями количества и пространства. Это потому, что время считается четвертым измерением физического мира, соотносительным с тремя параметрами пространства. Длительность времени мыслится в количественных терминах.

Описание признака времени в количественных терминах может опираться на пространственную метафору. Если употребление слова «высокий» измеряет протяженность объекта снизу вверх по вертикальной оси, то слово «длинный» часто употребляется для измерения протяженности объекта по горизонтальной оси, например, *длинная улица, длинный диван, длинный стол,*

длинный рукав, длинные руки (руки принято помещать на горизонтальную ось) и т. д.; иногда слово «длинный» определяет объект по вертикали, например, *длинные волосы*. Его употребление в сочетании с некоторыми словами со значением времени считается количественной метафорой времени или просто метафорой времени, выражающей длительность времени, его большое количество, например: *длинное утро* (обычно такое словосочетание обозначает субъективное время, относится к маршруту, т. е. пространству), *длинный перерыв, длинное путешествие, длинный отпуск* и т. д.

В китайском языке то же самое: *chang jie* ('длинная улица'), *chang sha fa* ('длинный диван'), *chang zhuo zi* ('длинный стол'), *chang xiu zi* ('длинный рукав'), *chang bi* ('длинные руки'), *chang fa* ('длинные волосы'), *chang jia* ('длинный отпуск'), *chang qi* ('длинный срок'), *chang zhou* ('длинный день'), *chang jiu* ('длинное время'), *chang nian* ('длинные годы') — в значении «долгие годы», *chang ming* ('длинная жизнь') — обычно употребляется тогда, когда речь идет о ребенке, которому исполнилось 100 дней, и обозначает желание, чтобы ребенок стал здоровым, *chang mian* ('длинный сон') — в значении «вечный покой», *chang shou* ('длинная жизнь') — обычно относится к старику, которому исполнилось 70 или более лет, и означает пожелание старым людям долгой жизни, и т. д.

При непрерывности и бесконечной делимости времени любой интервал длительности, который мы именуем «настоящим временем», можно разделить на более мелкие интервалы, из которых только один можно будет называть «настоящим временем», тогда как все остальные будут либо в будущем, либо в прошлом, либо частью в прошлом, либо частью в будущем [Хасанов 2001: 266]. Время как неотъемлемая часть в изучении категории количества имеет признаки непрерывности и дискретности. На временной оси момент речи, т. е. настоящее время, считается точкой отсчета. Прошедшее и будущее время становятся бесконечными. Например, и в русском и в китайском языках локализация времени выражается временными наречиями, временными предлогами. В русском говорят: *раньше, до войны, в детстве, в 17 лет, в следующем году, завтра, теперь, сейчас, в то время*; в китайском языке — *yǐ qián* ('раньше'), *zǎo chén* ('утром'), *kān qián* ('до войны'), *lóng nián* ('в детстве'), *shí qī suǐ de shí hòu* ('в 17 лет'), *míng nián* ('в следующем году'), *míng tiān* ('завтра'), *xiān zài* ('сейчас'), *dāng shí* ('в то время')...

Тем не менее имя числительное, как хорошо известно, представляет собой главный способ выражения протяженности времени.

4) Чисто количественный признак.

Никто не будет возражать, что значение количества выражается именем числительным. Мы не будем останавливаться на этом вопросе. Нас интересует то, какие способы используются в русском и китайском языках для того, чтобы выразить чисто количественный признак, кроме числительных.

В языковой истории имя числительное появилось не так рано. Аристотель считает, что количество и количественные отношения могут быть выражены без имени числительного [Аристотель 1978]. Например, сравнительная и превосходная степень прилагательных и наречий со значением количества и количественных отношений, неопределенно-количественное наречие, формы единственного и множественного числа имени существительного, некоторые местоимения и т. д. Наречия и местоимения выражают идею количества своим лексическим значением: *много, мало, сколько, столько*, duo ('много'), shao ('мало'), duo shao ('сколько'); сравнительная и превосходная степени выражают количественное отношение своим лексико-грамматическим значением: *больше, меньше, больше всего, меньше всех*, bi jiao duo ('больше'), bi jiao shao ('меньше'), bi... duo ('больше, чем...'), bi... shao ('меньше, чем...').

- 1а) Он читает больше, чем она (значит, количество книг, которые он читает, больше, чем количество книг, которые читает она);
- 1б) Он много читает (значит, количество книг, которые он читает, большое);
- 2а) Анна является одной из самых умных в группе (значит, Анна не единственная умная ученица);
- 2б) Анна является самой умной ученицей в группе (значит, Анна умнее всех других в группе);
- 3а) wo didi de getou shi quanjia zui gao de «Мой брат — самый высокий человек в семье» (значит, мой брат выше всех других членов семьи);
- 3б) wo didi de getou bijiao gao «Мой брат высокого роста» (значит, мой брат входит в число людей высокого роста).

В естественном языке разница между единственным и множественным числом, конкретными предметными именами существительными и абстрактными собирательными именами существительными воплощает количественное значение. Обычно единственное число представляет количество «один», множественное число — два и более. Но бывает так, что единственное число выражает большое количество. Именно в этом состоит разница между конкретными и собирательными существительными. Например:

- 1а) *Молодой человек пришел* (*молодой человек* — конкретное имя существительное: единственное число — количество «один»);
- 1б) *Молодые люди пришли* (*молодые люди* — конкретное: множественное число — количество большое, два или более);
- 1в) *Завтра будет День молодежи* (*молодежь* — собирательное имя существительное: единственное число — количество не единичное, большое, все молодое поколение, множество всех молодых людей).

Это явление характерно как для русского, так и для китайского языка:

- 2а) *Yi ge nian qing ren zou le guo lai* (букв.: «Один молодой человек пришел»). Конкретное имя существительное с числительным «один» обозначает единственное число, значит, «один молодой человек»;
- 2б) *Nian qing ren men zou le guo lai* «Молодые люди пришли». Конкретное существительное множественного числа, означает большое количество;
- 2в) *5 yue 4 ri shi zhong guo qing nian jie* «Четвертого мая — День китайской молодежи». Собирательное существительное, единственное число выражает большое количество: «Четвертого мая — праздник для всех китайских молодых людей».

5) Количественно-оценочное значение.

В естественном языке количественно-оценочное значение вмещает в себе сообщение о большом количестве с эмоциональной оценкой. Например, в восклицательных предложениях: *Как велик! Как много! Такой большой! Zhen duo ya* ('Как много')! *Tai shao le* ('Слишком мало')!

2. Анализ различия выражений категории количества в русском и китайском языках. Стоя на позициях когнитивной лингвистики и опираясь на теорию сходства, мы проанализировали сходство способов выражения количественного значения в китайском и русском языках. Однако между ними есть и различие. Оно определяется тем, что носители разных языков живут в разных странах, в разных культурах, у них разные языковые картины мира, разные исходные точки наблюдения. Остановимся только на некоторых различиях в способах выражения количественного значения в русском и китайском языках.

1) Количественное значение удвоенных структур.

Известно, что в русском языке удвоение глаголов выражает длительность действия или процесса: *шел-шел, а пришел не туда; думал-думал, но не придумал; тушат-тушат — не потушат*. А в китайском языке конструкции с удвоенными глаголами не

только обозначают длительность ситуации, но также имеют значение «немного», которое выражается в русском языке приставкой *по-*: *xiang xiang kan* (букв.: 'думать думать смотреть'; перевод: 'подумай'), *chang yi chang* (букв.: 'пробовать один пробовать'; перевод: 'попробовать') *zuo zuo* ('посидеть'), *wan wan* ('поиграть')... В таком случае логическое ударение падает на первый компонент, входящий в удвоенную структуру. Исследование показывает, что форма выражения удвоения в китайском языке используется больше, чем в русском. Это зависит от письменной формы китайского иероглифа. Часто встречаются разные варианты одного и того же удвоенного слова, передающего одно и то же значение, например: *xiang yi xiang* (букв.: 'думать один думать'), *xiang xiang kan* (букв.: 'думать думать смотреть'), *xiang xiang* (букв.: 'думать думать'); и разные структурные типы удвоения, как *ABAB* (*kao lv kao lv* — букв.: 'думать думать'), *AABB* (*da da pao pao* — букв.: 'ворчать ворчать').

Кроме того, китайский язык отличается от русского еще тем, что некоторые имена существительные и большинство кванторов могут быть удвоенными со значением 'каждый': *ren ren* (букв.: 'человек человек'; перевод: 'каждый человек'); *ge ge* (букв.: 'штука штука'; перевод: 'каждый'...).

2) Различие в значении пространственного параметра.

Носители разных языков воспринимают пространственные параметры по-разному. Одной из самых важных причин является различие картин мира и различие в прецедентных текстах в сознании разных людей. Это ведет к различию выражения в русском и китайском языках. В примеры мы возьмем восприятие и выражение расстояния: русские считают, что две остановки — это очень близко и пешком ходить можно. А китайцы понимают это совсем иначе, потому что в России расстояние между остановками существенно короче, чем в Китае.

3) Употребление квантификаторов в китайском и русском языках.

В китайском языке квантификаторы необходимы, когда речь идет о категории количества, поэтому там их употребление очень активно. Например: *san ge ren* ('три человека'), *liu ming daxuesheng* ('шесть студентов'), *yi ba jiandao* ('один острый нож'), *wu ke xing* ('пять звезд'), *yi ke shu* ('одно дерево'), *liang ben shu* ('две книги'), *liang bei niunan* ('два стакана молока'), *liang shuang paxie* ('две пары сапог') и т. д. (выделены кванторы. — Ж.С.). В русском языке конкретные предметные имена существитель-

ные обычно употребляются без квантификатора в сочетании с числительными, квантификатор используется только тогда, когда с числительными сочетаются собирательные имена существительные или когда речь идет о емкостях, в которых помещаются вещи. Например, *три человека, шесть студентов, одни ножницы, пять звезд, одно дерево, две книги...* но *две группы детей, два отряда (класса) школьников, два стакана молока, два ящика книг*. Когда речь идет об обуви, которая всегда существует в форме пары, это отмечается при указании на количество в форме квантификатора: *две пары сапог*.

В китайском языке категория количества иногда выражается самым квантификатором, обозначающим большое количество, например, *duì* ('куча'), *qún* ('толпа'), *pǐ* ('партия'), и маленькое количество, например *suǒ* ('щепоть'). Квантификатор используется в китайском языке всегда в сочетании с числительными, тем не менее он ставится после числительных. Если речь идет о неопределенном большом или маленьком количестве, перед квантификатором слово «один» обязательно. Встречаются также случаи, когда в целях эмпазы между числительными и квантификаторами используются прилагательные с количественным значением.

4) Выражения чисто количественного значения.

В китайском языке единственное и множественное число не выражается без числительных или специально выражающего множественное число слова *mén*. Например, когда речь идет о предметах или людях в единственном числе, числительное «один» и соответствующий квантификатор перед именем необходимы. А в русском языке это не обязательно (см. примеры выше).

Одним словом, материальный мир бесконечен. Категория количества как одна из основных категорий в материальном мире тоже безгранична. Познание количества влияет на познание других категорий и их выражение в естественном языке. Категория количества и ее выражение в разных языках еще далеко не достаточно изучены. К этому ведет долгий путь.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2.
Бондарко 1998 — *Бондарко А. В.* Функциональная модель грамматики. Теоретические основы, итоги и перспективы // *Язык и речевая деятельность*. 1998. Т. 1.

- Брутян 1968 — *Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира–Уорфа. Ереван, 1968.
- Гегель 2002 — *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. СПб., 2002.
- Гумбольдт 1859 — *Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859.
- Мельчук 1968 — *Мельчук И.А.* Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. № 5.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
- Мельчук 1985 — *Мельчук И.А.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.
- Потебня 1999 — *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1999.
- Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* «Тушат-тушат — не потушат»: грамматика одной глагольной конструкции // Исследования по глаголу в славянских языках. Глагольная лексика с точки зрения семантики, словообразования, грамматики / Под ред. В. Змарзер, Е. В. Петрухиной. М., 1996.
- Рахилина 1999 — *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике. Дисс. ... док. филолог. наук. М., 1999.
- РЭС — Российский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М., 2001.
- Сепир 1934 — *Сепир Э.* Язык. М.; Л., 1934.
- Тимофеев 2002 — *Тимофеев И.С.* Категории «качество» и «количество» в познании. М., 2002.
- Уорф 1960 — *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960.
- Хасанов 2001 — *Хасанов И.А.* Время: природа, равномерность, измерение. М., 2001.
- Чжан Минь 1997 — *Чжан Минь.* Об явлении удвоения слова в китайском языке в аспектах типологии и когнитивной грамматики // Западная лингвистика. 1997. № 2. С. 37–45.
- Moravcsik 1978 — *Moravcsik E.A.* Reduplicative constructions // Universals of human language. Vol. 3: Word structure / J.Greenberg (ed.). Stanford (California): Stanford UP, 1978. P. 297–334.

Н. В. ГАТИНСКАЯ

КВАНТИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ
МОДАЛЬНЫХ ОЦЕНОК В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. В статье рассматривается соотношение семантики вероятности и кажимости на основе предлагаемой общей схемы модальных значений. Прослеживается, как степени вероятности выражались в русском языке в разные периоды формирования модальных оценок.

Предметом анализа является один тип средств выражения понятийных категорий вероятности, кажимости, достоверности в русском языке, а именно — синтагматические показатели, специализирующиеся на выражении этих смыслов.

Как справедливо было отмечено, модальные значения не имеют единого понятийного центра и считаются «двухполюсной зоной» [Плунгян 2000: 308–309], выражающей, во-первых, оценку ситуации говорящим и, во-вторых, статус ситуации по отношению к реальному миру (реальность или ирреальность). В англоязычной лингвистической литературе отношение говорящего к сообщаемому, обобщенно называемое оценкой, отражено термином *attitude* — установка, точка зрения [Там же: 309]; *modal prepositional attitudes* — модальные установки говорящего [Баранов и др. 1996: 50, 380].

В отличие от этой системы обозначений термином *модальные оценки* мы охватываем оба «полюса» модальных значений: 1) оцениваемый говорящим статус ситуации по отношению к действительности (реальность/ирреальность высказывания); 2) отношение говорящего к сообщаемому.

Показателями *кажимости*, по мнению автора, выражается *ирреальный* статус ситуации. Показатели *гипотетичности* маркируют ситуации, находящиеся «на пути» к реальному осуществлению, поэтому базой категории *вероятности* в данной работе признается сфера *реальности*. Отношение говорящего к сообщаемому выражается, как это принято считать в русистике [Золотова 1973], главным образом в оценке *достоверности* сообщаемого.

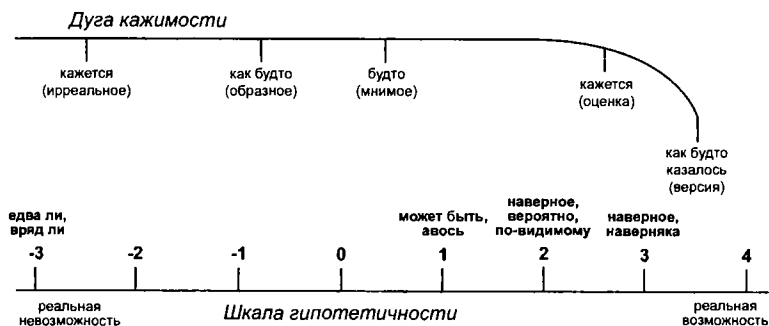
Категория оценки [Арутюнова 1984; 1988; Вольф 1985] и модальные оценки имеют сходства и различия. У собственно оценки и модальных оценок схож ментальный механизм: это — ситуация выбора из двух полюсов одной шкалы, использование языковых средств, имеющих полярные смыслы, единиц, которые внутри этого противопоставления можно представить градуированно.

Разница между модальными оценками и оценкой состоит в следующем. Модальные оценки имеют более узкий диапазон действия: они замыкаются на пропозицию. Оценка же действует двояко. В одном типе высказываний она «работает» с референтами на уровне классов слов: квалифицирует объекты действительности, в том числе обозначенные событийными именами (*он хороший учитель; обед был прекрасный*). В другом типе высказываний оценка предстает в виде модуса общей оценки, определяющей пропозицию (*хорошо, что ты пришел*) [Вольф 1985: 13–15; Арутюнова 1988].

Категории *вероятности*, *кажимости* и *достоверности* [Арутюнова 1996; 1997; Гатинская 2001а; 2001б] охватывают все модальные оценки в русском языке и выражаются модальными словами и частицами, именуемыми в работе как *модально-оценочные слова* (МОС).

Общая схема модальных значений, построенная в работе, показывает положение двух категорий модальных оценок — вероятности и кажимости — относительно противопоставляющихся друг другу сфер реальности/ирреальности (см. схему 1). Основой для всех модальных оценок является подсистема *вероятности*, связанная со сферой реальности. Она изображается на горизонтальной шкале, названной шкалой гипотетичности. То, что ближе к области реальности, располагается на схеме по горизонтальной шкале вправо. Область ирреальности — вверху над шкалой. Полюсами шкалы являются: а) справа — значения реальной возможности; б) слева — значения реальной невозможности.

Схема 1

Подсистема *кажимости* изображена вверху в области ирреальности над шкалой в виде дуги. Дуга опускается ближе к шкале, таким образом символически изображаются модальные значения кажимости, переходные от ирреальности к реальности. Наиболее удаленные от сферы реальности смыслы и выражающие их МОС показаны на самых высоких точках дуги: *как будто*, *будто*, *как бы*, *словно* и др. (образное); *кажется* (ирреальное); *будто*, *будто бы* (мнимое). Эти смыслы выражаются в высказываниях кажимости непрямого типа. В таких высказываниях наблюдается расхождение с денотативной ситуацией. В них одновременно присутствуют положение дел, сообщение о нем и модальная оценка, маркер которой позволяет оценить ситуацию как ирреальную. Например:

- (1) Это стремление и тяга из дому совпали со временем, которое предшествовало новой эпохе в моей жизни: я *как будто* стоял на берегу, готовый броситься в воду, но все не решался (Г. Газданов. «Вечера у Клэр»).

В примере реальное положение дел осмысливается образно. Субъект-говорящий подставлен в воображаемое событие: новая, неизведанная жизнь уподобляется плаванию, человек — одинокому пловцу.

Дуга на схеме выходит односторонней. На правом краю схемы дуга сближается со шкалой гипотетичности: кажимость наиболее близка с вероятностью, когда говорящий дает прямое высказывание — интерпретацию, версию события. Например:

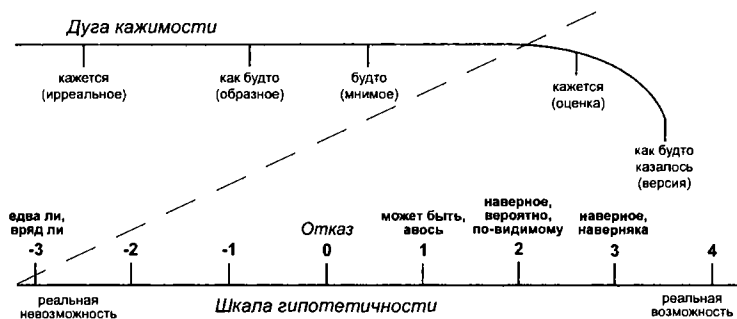
- (2) Говорил [Серов] не просто немного, слов было необыкновенно мало. *Как будто* имелась постоянная причина произнести вслух как можно меньше слов, как бы внутренняя физическая усталость, которая заставляет обороты речи выбирать наиболее лаконичные (В. Лапшин. «Валентин Серов. Последний год жизни»).
- (3) Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост... Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, *казалось*, хотел, чтобы и комнату его наполняли тоже люди крепкие и здоровые (Н. Гоголь. «Мертвые души»).

Высказывания, представляющие интерпретацию событий, их версию, относятся к подсистеме кажимости. Принадлежащее к подсистеме вероятности высказывание с показателем гипотетичности рассматривает возможность события. Например:

- (4) Стараясь казаться степенным и серьезным, Анисим напрягал лицо и надувал щеки, и от него пахло вином, *вероятно*, на каждой станции выбегал к буфету (А. Чехов. «В овраге»).

II. Части схемы соотносятся, но только элементы правой ее стороны. Проведя диагональ из верхнего правого угла в нижний левый угол, мы рассекаем схему на два сегмента (см. схему 2). Часть дуги, а именно небольшая часть сферы кажимости (правая сторона схемы) входит в область интерпретации, общую для двух подсистем (вероятности и кажимости).

Схема 2

Переход от кажимости к вероятности и наоборот можно осуществить, производя замены модально-оценочных слов в высказываниях соотносительной области (надо отметить, что такие замены возможны не всегда).

Охарактеризуем такие высказывания со стороны подсистемы вероятности. Среди примеров с показателями гипотетичности есть высказывания, выражающие прогноз события, гипотезу о положении дел в настоящем или о том, что уже произошло (см. пример (4) выше). Но от них заметно отличаются высказывания, которые нельзя признать собственно гипотетическими. Это объясняющие высказывания с элементами мотивировки, например:

- (5) Козинцев был категорически против нашего посещения театра, балета, оперы. Он, *вероятно*, боялся, что эти зрелища могут нас увести куда-то в сторону (Е. Кузьмина. «О том, что помню»).

Возможна замена МОС гипотетичности на показатель кажимости:

— Козинцев был против нашего посещения театра, балета, оперы. Он *как будто* боялся, что эти зрелища уведут нас в сторону (от кино).

В высказываниях кажимости также иногда возможна замена МОС на показатель гипотетичности:

- (6) Фигура нищего была привычной и вызывала у одних сострадание и снисхождение, у других насмешки и презрение. Мужикам и бабам, *казалось*, легче жилось оттого, что рядом кто-то жил еще беднее (М. Коробейников. «Я тогда тебя забуду»).

— Мужикам и бабам, *должно быть*, легче жилось оттого, что рядом кто-то жил еще хуже.

Такие замены возможны, поскольку показатели гипотетичности и кажимости выступают в одной и той же роли — маркируют мнение говорящего. В этих условиях семантические различия между ними становятся несущественными.

Смыслы гипотетичности и кажимости взаимодействуют и в пределах одного высказывания. Это подтверждают примеры смешанного типа, в которых кажимость выступает под маской гипотезы. Например, необразная кажимость (преувеличение), маркированная показателем гипотетичности:

- (7) Он [Грузин] кашлял и страдал мигренью, вообще казался болезненным и слабеньким. *Вероятно*, дома его раздевали и одевали, как ребенка (А. Чехов. «Рассказ неизвестного человека»).

— Грузин кашлял и страдал мигренью, вообще казался (таким) болезненным и слабеньким, (что), *казалось*, дома его одевали и раздевали, как ребенка.

III. Количественные отношения выражаются только в сфере модальных оценок вероятности [Беляева 1990: 163–166]. Когда говорящий строит высказывание и выбирает тот или иной синтагматический показатель (модально-оценочное слово), он тем самым отображает разные степени вероятности события, о котором сообщается.

Если отвлечься от фактора конситуации, который в какой-то степени связывает говорящего, ему предоставлен выбор средств — показателей разной степени вероятности, отображенных на шкале гипотетичности. Цифрами условно обозначены степени вероятности. Шкала конечна. Крайняя левая точка — это отрицание возможности события, его невозможность выражается предикативами и глаголом *мочь* с отрицанием и показателями *едва ли*, *вряд ли*. Крайняя правая точка на шкале обозначает самую высокую степень вероятности. Здесь количество переходит в качество. Высказывание с показателем самой высокой степени вероятности — это высказывание достоверности, ибо говорящий ручается за осуществление события. В таких случаях используется *модус-*

ная рамка [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 280], например, *знаю наверное*.

Приведем примеры.

Невысокая вероятность:

- (8) Сегодня погода пасмурная. Осень начинается... *Авось* засяду. Жду Прасковью Александровну, которая, *вероятно*, сегодня будет в Тригорское (А. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 21 сентября 1835).

Высокая вероятность:

- (9) Вот едет ко мне Безобразов — прощай. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай Бог, чтобы я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Сейчас у меня были мужики, с челобитьем; и с ними принужден я был хитрить, но эти *наверное* меня перехитрят (А. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 15, 17 сентября 1834).
- (10) Он сообразил теперь, что отца нет дома, что если понесет теперь Юлии ее зонтик, то *наверное* он застанет дома ее одну, и сердце у него сжалось от радости. Скорей, скорей! (А. Чехов. «Три года»).
- (11) Когда она [бабка] да Марья понесли кувшины на погребицу, Мотька сползла с печи и, подойдя к скамье, где стояла деревянная чашка с корками, плеснула в нее молока из блюдечка. Бабка, вернувшись в избу, принялась опять за свои корки, а Саша и Мотька, сидя на печи, смотрели на нее, и им было приятно, что она оскоромила и теперь *уж наверное* пойдет в ад. Они утешились и легли спать (А. Чехов. «Мужики»).

Наивысшая вероятность как достоверность (высказывание речательства):

- (12) Обыкновенно каждый год начинается у нас книгами, принадлежащими старому году. Действительно, наступающий год, мы *знаем* это *наверное*, — должен сильно возбудить внимание публики одним новым литературным именем, которому, кажется, суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются лишь немногим (В. Белинский. Рецензии, 1845).
— Я *знаю наверное*, вы скоро узнаете новое значительное литературное имя.

В примере содержится намек на Ф. Достоевского, с его первой повестью «Бедные люди», которая прославила его на всю Россию.

- (13) Треплев [П. Н. Сорину]. Психологический курьез — моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну <...> Она скупа. У нее в Одессе в банке семьдесят тысяч —

это я *знаю наверное*. А попроси у нее займы, она станет плакать (А. Чехов. «Чайка»).

Иногда с помощью показателя *наверное* передается отказ ругаться, выражена невозможность определить вероятность события, например:

(14) «Перевоз через Самарку» Гуна едва ли будет лучше написана, чем настоящая, так как эта очень хорошо сработана, да вдобавок, с тою картиною у него, кажется, есть обязательство графу Штейнбоку, впрочем, *наверное не ручаюсь*... Гун скоро должен приехать (И. Крамской — П. Третьякову, 16 мая 1875).

(15) Желтухин (Войницкому). Ваши приедут?

Войницкий. Когда я уезжал из дому, Елена Андреевна одевалась.

Желтухин. Значит, *наверное* будут?

Войницкий. *Наверное* ничего *нельзя* сказать. Вдруг у нашего генерала подагра или каприз какой — вот и останутся.

Желтухин. В таком случае давайте есть (А. Чехов. «Леший»).

На схеме такие примеры условно обозначаются нулем в середине шкалы и словом «отказ».

Способы обозначения высоких степеней вероятности таковы: использование сильных показателей вероятности (*наверное, наверняка*); авторская пунктуация: автор не выделяет в запятых показатель и тем повышает его вес. Например:

(16) Прощаясь с Чаадаевым на пароходе, его петербургские друзья *наверное* не догадывались, что перед ними стоит совсем не тот человек, которого они знали два года назад. Чаадаев стал мистиком (М. Гершензон. «Чаадаев»).

При произнесении фразовый акцент переносится на показатель *наверное* (это замечание было сделано Н. Д. Арутюновой в беседе с автором статьи). *Наверное* становится таким же эмфатическим показателем, как *сам* [Янко 2001: 287–289].

IV. В заключение подведем некоторые итоги, которые лежат в основе представленной схемы модальных значений.

При анализе модально-оценочных слов вероятности: *наверное, должно быть, по-видимому, видимо, вероятно, очевидно, может быть, возможно* — было не вполне ясно, как строится эта подсистема показателей, почему в современном русском языке столько единиц используется одинаково. Важно было проследить, насколько это возможно, динамику этой подсистемы, составить промежуточные типологии вероятности (приблизитель-

ные, несомненно), чтобы представление о подсистеме вероятности было более четким.

Анализ языкового материала выборки за последние два с лишним столетия привел к следующим выводам, касающимся формирования системы модальных оценок в целом. Модальные оценки формировались в трех основных подсистемах: 1) вероятность, 2) кажимость и 3) показатели подтверждения/опровержения, которые предназначены для сферы диалога и обозначают достоверность (фактуальность).

На наш взгляд, охарактеризованная выше система модальных оценок в современном русском языке складывалась постепенно в три периода: *первый период* — последняя треть XVIII — 40-е гг. XIX в.; *второй период* — 40-е гг. XIX — 50-е гг. XX в. Далее следует *третий период*, который продолжается и сейчас. Названные временные рамки периодов не учитывают фазы накопления языковых фактов и их устного бытования, которые лингвист не всегда может зафиксировать. Такие фазы (несколько десятилетий) предшествуют состоянию, когда говорящий отображает в письменной речи модально-оценочные единицы и тем самым осознает их и дает им новый статус. Когда такое отображение у разных носителей языка происходит регулярно, модально-оценочную единицу можно считать элементом системы.

При формировании показателей вероятности как в первом, так и во втором периоде вначале частотными были модусные рамки, а затем уже модально-оценочные слова, например *вероятно, что* и *вероятно*. Это характерно для письменной речи. Модусная рамка *наверное знаю* и наречия в роли модально-оценочных слов *наверное, наверно* в языке комедий, моделирующих устную речь, встречаются начиная с последней трети XVIII в.

У Карамзина и его современников всего три единицы для выражения вероятности: *вероятно, что* (*вероятно*), *авось-либо* (*авось*), *может быть*. Вначале в переписке Карамзина, в его «Истории государства Российского» вероятность выражалась чаще всего модусной рамкой. Затем появляется и показатель *вероятно*:

- (17) Что сказать о политике? О мирных условиях еще ничего не обнаружено, но *вероятно, что* мы не удержим за собой ни Молдавии, ни Валахии. Государства имеют времена удач и неудач: теперь счастье благоприятствует одному Бонапарте. Едва ли доживем мы до времен счастливых для Европы (Н. Карамзин — В. Карамзину, 20 авг. 1807).
- (18) О прусском короле нет слуха: *вероятно, что* у французов под стражей. Бог нас помиловал: *авось* еще помилует (Н. Карамзин — В. Карамзину, 21 янв. 1813).

- (19) Слышу, что ты уехал в наш родимый край.

Места все те же, но мы смотрим на все уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свияга, мне уже, *вероятно*, не видать вас: признаться и не желаю видеть! Вот расплата за авторское ремесло! Нemoщь телесная есть и душевная.

Здесь через два дня будут пышные крестины, но я, *вероятно*, не решусь надеть мундира широкого, хоть и нового. А читаю все еще с удовольствием — и романы (Н. Карамзин — И. Дмитриеву, 9 июня 1825).

Степени вероятности не различаются. Отрицательная вероятность (реальная невозможность) выражалась у Карамзина только показателем *едва ли*:

- (20) Дом твой уже в шляпе и не боится осенних дождей: стоит гигантом и смотрит вокруг себя на пустыри: но *едва ли* примет хозяина прежде весны (Н. Карамзин — И. Дмитриеву, 9 сент. 1814).

Модусная рамка *вероятно*, что с ее усеченным вариантом *вероятно* — сильный показатель вероятности, два других слабые, причем слабую уверенность в *авось* заменяет надежда. Все эти показатели частотны.

В отличие от Карамзина, у Пушкина, как показывают примеры, приведенные выше, степени вероятности уже различаются.

Реальная невозможность у Пушкина выражается модальными предикативами (*невозможно* и др.) и квазиотрицательными показателями, набор которых больше, чем у Карамзина. Это *вряд*, *вряд ли*, *навряд*, и в единичных случаях употребляется *едва ли*.

- (21) «Нет», отвечал он сурово, «псарня чудная», *вряд* людям вашим житье такое ж, как вашим собакам (А. Пушкин. «Дубровский»).
- (22) [Зурин — Гриневу] «...в Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадешься опять в руки бунтовщиков, так *вряд ли* от них еще раз отделаешься» (А. Пушкин. «Капитанская дочка», 1836).
- (23) Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — *навряд*, мой милый (А. Пушкин — П. Вяземскому, 7 ноября 1825).

Во второй период количество единиц подсистемы вероятности увеличилось. С активизацией модусных рамок *можно сказать* *наверное* и др., *наверное* *знаю* и отдельного модально-оценочного слова *наверное* (*наверно*) обозначаются разные степени вероятности. Полный список показателей вероятности формируется ближе к концу XIX в., за счет широкого вовлечения в эту сферу модальных слов и сочетаний (*по-видимому* и *видимо*, *должно быть*, *позднее очевидно* и др.).

В XX в. в Советском Союзе способы обозначения степеней вероятности были в значительной степени постепенно утрачены, поскольку вышли из употребления модусные рамки со словом *наверное* и не использовался прием акцентного выделения модального слова, что на письме отображалось отсутствием запятых при этом показателе. Но эти способы применялись эмигрантами, так, например, их широко использовал В. Набоков (Сирин) в своих русских романах 30-х гг. Это можно увидеть в изданиях 1997–2001 гг. издательства «Симпозиум» (Санкт-Петербург), где бережно восстановлена авторская пунктуация.

В настоящее время в устной речи и в текстах различной тематики частотен сильный показатель вероятности — *наверняка*. Используется также модусная рамка наивысшей вероятности как достоверности: *знаю наверняка*. Например:

(24) Деда Проня встал на углу. Мужик нес старый телевизор, завязанный в простыню.

— Ты куда его тянешь? — поинтересовался деда Проня. — В ателье?

— Не, — мужик покачал головой. — Сдавать иду, а доплачу и куплю новый.

— Цветной, что ли?

— Не, — мужик почему-то испугался. — Нам не цветной. На цветной доходы еще незначительные, — нервно засмеялся мужик.

— *Наверняка*, цветной купит, дьявол, — сказал деда Проня, провожая его взглядом. — А что хорошего в цветном! Одно что цветной, а так — телевизор да и телевизор (Е. Попов. «Котелок походный прохудился»).

(25) Мы с тобой *знаем наверняка*, что судьба распорядилась правильно, когда привела нас сюда (Национальный корпус русских текстов; трансформированный пример).

Таким образом, нам удалось показать, что устойчивым средством выражения высокой степени вероятности события в разное время служат МОС *наверное*, *наверно*, *наверняка*. Именно они являются основой градуальности в подсистеме модальных значений вероятности. Кроме того, в русском языке существует иной способ выражения вероятности события, степеней этой вероятности. Эта семантика выражается лексикализированными сочетаниями знаменательных единиц. Этот способ анализируется в публикации о концепте «вероятность» на материале текстов XVIII–XIX вв. [Гатинская 2003]. В современном русском языке используются устойчивые сочетания, маркирующие как прогнозы, так

и реконструкции событий в прошлом: с большой вероятностью можно сказать (утверждать/предполагать, ожидать); *вероятность* чего-либо (такого развития событий) *велика (невелика)*.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1984 — *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н.Д.* Стилль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н.Д.* Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997.
- Баранов и др. 1996 — *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И.* Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 1996.
- Беляева 1990 — *Беляева Е.И.* Достоверность. Микрополе вероятности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
- Вольф 1985 — *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки М., 1985.
- Гатинская 1999 — *Гатинская Н.В.* Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика и взаимоотношения с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвуз. сб. научных трудов. Уфа, 1999.
- Гатинская 2001a — *Гатинская Н.В.* О специфике модальных слов вероятности в русском языке // Вестник РУДН. Сер. русский язык нефилологам: теория и практика. 2001. № 1.
- Гатинская 2001b — *Гатинская Н.В.* О функционально-семантическом описании модальных слов — знаков кажимости // Русский язык за рубежом. 2001. № 1.
- Гатинская 2003 — *Гатинская Н.В.* Концепт «вероятность» в русском языке (статья 1) // Вестник РУДН. Сер. русский язык нефилологам: теория и практика. 2003. № 1 (4).
- Золотова 1973 — *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М, 2000.
- Янко 2001 — *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ vs. ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ В ЗНАЧЕНИИ МЕТАЯЗЫКОВЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Цель данной статьи — показать, что многие метаязыковые слова и выражения (по другой терминологии — дискурсивные слова) ориентированы либо на количественную, либо на интерпретационную семантику или сочетают то и другое в своем значении в разных соотношениях. В статье прежде всего уточним, о каких словах пойдет речь, какие компоненты смысла соответствуют понятиям «количественная» и «интерпретационная» семантика; и в качестве образца более подробно проанализируем маленький фрагмент класса метаязыковых слов — синонимический ряд **ФАКТИЧЕСКИ 2, ПО СУЩЕСТВУ, ПО СУТИ, ПРАКТИЧЕСКИ 2**. Ранее мы уже обращались к этой теме в [Гловинская 2001; 2004].

Слова с метаязыковым значением распадаются на два больших подкласса — метатекстовые [Вежбицка 1978] и собственно метаязыковые слова и выражения. Метатекстовые единицы содержат указания говорящего (автора текста) на организацию текста (ср.: *Выше мы рассмотрели...; Ниже будет показано...; Подытожим предыдущие рассуждения; Во-первых...; Во-вторых...; Добавлю, что...*) и т. д.

Не эти слова будут предметом рассмотрения. Речь пойдет о собственно метаязыковых словах и выражениях, которые отражают мнение говорящего о возможности использовать некоторое имя для называния некоторой ситуации и объектов; они указывают, что данное имя используется не вполне адекватно. Ср.: *Мы были буквально убиты этим известием; Он ведет себя с подлинно детской непосредственностью; Да ты просто православный фундаменталист*. Материал о некоторых таких словах можно найти в [Баранов и др. 1993] (*в целом, в принципе, в самом деле* и др.), в [Дискурсивные слова 1998] и [Словарь служебных слов... 2001] (*буквально*); семантический анализ ряда таких слов содержится в [Арутюнова 1998: 846–870] (*как бы*), [Апресян 1995: 506–

507] (*настоящий 2*), [Яковлева 1994] (*буквально, подлинно, форменным образом*), [Булыгина, Шмелев 1997: 464–470] (*в самом деле, на самом деле*), [Иорданская, Мельчук 2002] (*в самом деле, en effet*), [Кобозева 2000: 339] (*в известном смысле, в каком-то смысле*).

Анализ таких слов затрудняется, в частности, тем обстоятельством, что многие из них, особенно в устной речи, склонны к нейтрализации, десемантизации и взаимозамене; ср.: *Отвечает практически <фактически, буквально, решительно, в сущности, в принципе, едва ли не, чуть ли не> за все один человек*.

Толкования всех перечисленных выше слов содержат количественные и/или интерпретационные компоненты. Количественные компоненты — это смыслы типа ‘много’, ‘мало’, ‘в высокой степени’, ‘близко к пределу’ (или ‘полосу градуируемой ситуации’), а интерпретационные — смыслы типа ‘существенно’, ‘важно’, ‘следует считать’ и др. Далее, из приводимых толкований, будет ясно, какие еще компоненты являются интерпретационными.

Многие из метаязыковых слов и выражений сближаются по смыслу с квантификаторами, обозначающими количество или степень, такими как *почти, совсем, полностью, частично* и т. д. Ср.: *Вода практически кипит — почти кипит; Выставку посетили фактически все — почти все; Я был буквально ошеломлен — совершенно ошеломлен; Я в известном отношении согласен с вами — отчасти согласен; С известными оговорками принимаю эту точку зрения — принимаю не полностью и т. д.*

Однако подлинные квантификаторы и интенсификаторы в большей мере отражают фактическое положение дел, свойства объекта, в то время как метаязыковые выражения вводят представление о мнении говорящего о ситуации в связи с дальнейшими действиями объекта или его использованием. Фраза *Вода почти кипит* указывает на близость температуры воды к точке кипения, а фраза *Вода практически кипит*, помимо этой фактической стороны дела указывает на мнение говорящего о том, что этой разностью можно пренебречь и относиться к воде как к кипящей. *Я отчасти согласен с вами* означает, что я принимаю не все ваши слова, а только некоторые; а *Я в известном отношении согласен с вами* выражает идею какого-то более сложного соответствия моего мнения и мнения собеседника.

Есть и другие метаязыковые слова, которые не содержат никакой количественной семантики, являясь чистой интерпретацией ситуации.

Таковы, например, те из них, которые указывают, что две ситуации сравниваются в каком-то определенном аспекте.

При этом такие слова, как *в некотором роде, в своем роде, своего рода, по-своему 2*, предполагают дополнительно необыч-

ность, своеобразие избранного аспекта сравнения. Ср.: *Каждый новый успех Зона объявлялся каким-то не таким, в каком-то смысле провалом* (Е. Шварц. «Живу беспокойно. Из дневников»); *Человек в некотором роде замечательный. В одной этой рубашке просидел весь декабрь и половину января на горе, на шести тысячах футов* (А. Н. Толстой; БАС); *Зритель оказывается в своего рода информационной тюрьме* («Новые известия», 28.05.98); *Школьное разделение на части речи по-своему разумно* (Энциклопедический словарь юного филолога).

По-своему вводит идею оправдания некоторого объекта, не соответствующего по какому-то параметру общепринятым нормам, но обладающего данным положительным, ценным свойством (красота, честность, доброта и т. д.) при применении не вполне обычного критерия; ср.: *по-своему честный, по-своему гуманный, по-своему прав, по-своему красива*. Оно часто встречается в уступительном контексте, эксплицитно указывающем, в чем состоит отклонение от общепринятых норм; ср.: *Он по-своему любил народ и человечество, хотя и обобщенно-абстрактной, мечтательно-головой любовью* (Д. Андреев. «Роза мира»).

Приведу пример метаязыковых слов, включающих одновременно указание и на количественную семантику, и на сложный интерпретационный комплекс. Слова ряда *едва ли не, чуть ли не, если не 2* означают, что говорящий считает, что имеет место ситуация Р или что вероятность существования Р высока, но не хочет брать на себя ответственность за утверждение, что имеет место Р. С точки зрения говорящего, без данных слов утверждение прозвучало бы слишком категорично. Ср.: *Он сделал очень хороший, чуть ли не лучший доклад на конференции; Этот Эрнест, этот любовник его жены, был белокурый смазливый мальчик лет двадцати трех <...> едва ли не самый ничтожный из всех ее знакомых* (И. Тургенев. «Дворянское гнездо»); *Примеры использования метатезы <...> крайне редки (если не вовсе отсутствуют)* (В. Плунгян. «Общая морфология»).

Теперь перейдем к более подробному анализу синонимического ряда ФАКТИЧЕСКИ 2, ПО СУЩЕСТВУ, ПО СУТИ, ПРАКТИЧЕСКИ 2¹. *Вся эта затея оказалась фактически <по существу, по сути, практически> бесполезной.*

¹ Этот синонимический ряд был написан для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», составляемого под руководством Ю. Д. Апресяна, и обсужден на рабочем заседании авторского коллектива, а затем на семинаре по теоретической семантике в ИППИ. Благодарю всех участников этих обсуждений за чрезвычайно ценные замечания.

Для ясности напомним значения **ФАКТИЧЕСКИ 1** и **ПРАКТИЧЕСКИ 1**: *Подозреваемый утверждал, что в момент убийства его не было в городе, но фактически все оказалось иначе, т. е. 'в действительности, на уровне фактов'. Теоретически это возможно, а практически нет, т. е. 'в жизни, на практике'.*

Синонимы данного ряда выражают следующий общий смысл: 'Говорящий указывает, что рассматриваемое положение дел обладает столь многими или столь важными признаками ситуации Р, что можно называть его именем ситуации Р и относиться к нему как к ситуации Р'. Примеры: *Это решение является по существу <по сути, фактически> отказом от продолжения реформ. Он практически <фактически> не вмешивался в дела жены.* Эти слова являются одновременно и сигналами близости двух ситуаций и в то же время указывают на их неполную тождественность.

При этом данные синонимы указывают на существенные, родовые свойства, которые объединяют обе ситуации, что и позволяет пренебречь различиями между ними и назвать одну именем другой. Это делается для того, чтобы адресат или кто-то другой вел себя так, как если бы имела место названная ситуация. *Пришли практически все ≈ Заседание можно начинать или Можно приглашать гостей к столу и т. д.; Вода практически кипит ≈ Можно ее использовать как кипяченую; Вы практически здоровы ≈ Можете вести себя как здоровый человек; По существу <фактически> это была просьба о помощи ≈ Надо относиться к этим словам как к просьбе, как бы они ни выглядели по форме.*

Основное различие между словами в синонимическом ряду связано с их способностью квантифицировать vs. интерпретировать ситуацию. Способности к квантификации соответствует компонент толкования 'столь многие признаки ситуации', а интерпретационной функции соответствует компонент толкования 'столь важные признаки ситуации'.

В этом отношении наиболее резко противопоставлены друг другу синонимы *практически* и *по сути*.

Практически используется преимущественно при квантификации ситуации: 1) для количественной характеристики множеств объектов, что выражается в способности иметь своей областью действия кванторные слова; ср.: *Практически все они нам известны* (Е. Филенко. «Шествие динозавров»); *Она опаздывает практически всегда; Комплекс неполноценности есть практически у каждого; Не встречалось практически ни одного знакомого растения* (А. и Б. Стругацкие. «Христороюди»); 2) для

описания близости к полюсам градуируемой ситуации (особенно к отрицательному); ср.: *То есть реакции практически не было никакой; [Бревна] практически невидимы, потому что, как и стена за ними, были выкрашены черной краской; Положение практически безвыходное.* В таких случаях практически сближается по смыслу с показателем степени почти.

Употребление практически в интерпретационной функции мало типично, оно во многих случаях затруднено; вряд ли можно сказать **практически он нам лжет* (при нормальности фактически, по существу, по сути); **практически вы в этом виноваты* (при нормальности фактически, по существу, по сути).

Слово по сути, напротив, употребляется почти исключительно для интерпретации ситуаций, например, при прояснении истинной иллюкативной силы речевых актов, при трактовке каких-либо поступков — особенно в случаях, когда сущность ситуации не соответствует ее внешней форме; ср.: *По сути за этим добродушным балагурством скрывалось безразличие к нашей просьбе; По сути это угроза, отнеситесь к его словам серьезно; Она получила обидный по сути ответ, в котором вежливо издевались над ее предложением.*

Употребление же по сути для квантификации ситуации крайне затруднено; странно было бы сказать **В темноте цвет куртки был по сути неразличим; *Я по сути уверена, что это телефон агентства* (не в противительном контексте).

Синонимы фактически и по существу занимают промежуточное положение, используя и для интерпретации, и для квантификации ситуаций.

Более типично для них употребление в интерпретационной функции; ср.: *Вы фактически <по существу> нарушаете закон; Фактически <по существу> он нам лжет; В этом виноваты фактически <по существу> вы; Нас по существу <фактически> выставили на посмеище* (в этих контекстах легко употребляется также по сути и невозможно практически). Ср. также примеры квантификации ситуации: *Это фактически единственный в мире музей армянской школы маринистов; У городка этого по существу не было истории, как не было и своих летописцев* (К. Паустовский. «Иван Бунин»).

Семантические различия между синонимами обусловлены во многом их внутренней формой. Фактически тяготеет к констатации фактов (т. е. ситуаций, имевших место в действительности). *Он фактически выполнил за них грязную работу; Только четыре дня мы в золотой Праге, а фактически мы уже*

муж и жена, хотя ни одна душа на свете не знает об этом (Г. Вишневская. «Галина. История жизни»). Поэтому его употребление может быть затруднено при описании гипотетических, модальных ситуаций, выражении оценок; ср.: **Фактически эти вещи не следовало отдавать в частные руки; ??Он написал *фактически идиотскую пьесу* (экспрессивная индивидуальная оценка), а также при выражении узувальных и потенциальных значений: *Можно поставить «ревун», который отпугивает воров [практически] *фактически во всех случаях.*

По существу и по сути в соответствии со своей внутренней формой отражают представление о содержательных аспектах ситуации: *Начинался спор, по существу политический, а не литературный* (В. Ходасевич. «Бунин. Собрание сочинений»). Поэтому их использование затруднительно при характеристике очевидных внешних сторон ситуации; ср.: **Она уже по существу <по сути> встает с постели; *Пылесос работает по сути бесшумно.*

У практически внутренняя форма выветрилась в большей мере, чем у других. Обычно оно указывает на поддающиеся объективному измерению аспекты ситуации и на незначительную меру того, чем, по мнению говорящего, на практике, в жизни можно пренебречь. Ср.: *практически не слышно <не видно, ничего нет; незнаком>; практически не общаемся.*

Подытоживая семантические различия между синонимами, подчеркнем, что эти различия носят не абсолютный, а относительный характер: они касаются соотношения, доли интерпретационной и квантифицирующей семантики в каждом слове. Наиболее общее значение из всех слов имеет синоним *фактически*, наиболее узкое — *по сути*.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) (1992) // Избранные труды. М., 1995. Т. 2.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Баранов и др. 1993 — *Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* М.; Л., 1948–1965.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежбицка 1978 — *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.

- Гловинская 2001 — Гловинская М.Я. Размышления говорящего о выборе слова: фрагмент металексик // Слово: Юбилейный сборник, посвященный на 70-годушнинат на професор Ирина Червенкова. София, 2001.
- Гловинская 2004 — Гловинская М.Я. Словарные статьи *фактически 2, по существу, по сути, практически 2* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Дискурсивные слова 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Иорданская, Мельчук 2002 — Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Дискурсивные слова в типологическом освещении: французское EN EFFET и русское В САМОМ ДЕЛЕ // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37.
- Кобозева 2000 — Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.
- Словарь служебных слов... 2001 — Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001.
- Яковлева 1994 — Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой системы мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

О. П. ЕРМАКОВА

ПЕРЕХОД КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО (О ПРИРОДЕ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ)

В отличие от качественно характеризующих слов, интенсификаторы, как и другие количественные слова, в русском языке не пополняются аффиксальным способом (образование степеней сравнения и других средств выражения градуальности мы не имеем в виду). Они «живут за счет других»: слова со значением неопределенно большого количества пополняются количественными субстантивными метафорами — *море (река, ручей* и т. д.), *гора, бездна (пропасть), вагон, мешок* и т. д. — *море огней, ручей слез, гора книг, бездна дел, мешок сплетен* и т. п. (см. [Дизенко 1986; 1993]).

Интенсификаторы порождаются разными семантическими путями на базе качественных прилагательных и наречий.

Известно, что самые разные группы прилагательных могут развивать количественные значения (что последовательно отражается в синтаксических дериватах прилагательных — наречиях на -о. Хотя в некоторых случаях в поведении интенсификаторов — прилагательных и наречий — наблюдаются различия, я коснусь этого лишь отчасти, в основном те и другие будут анализироваться без учета их различий. В этой статье будут рассмотрены некоторые особенности интенсификаторов как типа значения и один вид (механизм) перехода качества в количество, который тоже характеризует этот тип значения.

Интенсификация и оценка

Понятие интенсификации в связи с оценкой рассматривалось во многих работах. Глубокому анализу подвергнута связь оценки и интенсификации в работах Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольф [Арутюнова 1988; Вольф 1978; 1985]. Я лишь отчасти коснусь этого вопроса.

Интенсификация — это оценочная категория. Как и оценка, количественная семантика бывает общей и частной. Общее количественное значение интенсификаторов в русском языке представлено лишь несколькими словами. Среди них можно выделить ядро и периферию. Ядром скорее всего является слово *очень* — нейтральное и чисто количественное. Близки к нему *ужасно, страшно, безумно*, но они обозначают количество эмоционально.

Большая же часть интенсификаторов служит идее количества, совмещенного с другими семами: *угнетающе мрачен, необозримо широк, неуловимо тонкий, невыносимо назойлив* и т. п.

Как и оценка, обозначение количества имеет субъективный характер, все устанавливается с точки зрения субъекта. И к количеству неприменима категория истинности.

В отличие от оценки, которая может быть адресована как денотату, так и сигнификату (ср. пример Н. Д. Арутюновой — *прекрасная танцовщица* — ‘красивая женщина’ и ‘та, которая прекрасно танцует’ [Арутюнова 1976: 354]), количественная характеристика тяготеет к сигнификату: *Потрясающая (невероятная, удивительная и т. п.) лгуня* — это только интенсификация способности лгать.

У частно-количественных значений есть избирательность по отношению к признакам со знаком плюс или со знаком минус.

Ср.: *несносно, непереносимо придиричив, назойлив, нуден, ворчлив* и т. п., *неукротимо, необузданно яростный (агрессивный, свирепый), неотразимо обаятелен, привлекателен, красив* и т. п., но не **неотразимо зол, глуп* и т. п. При нарушении семантического согласования знак может измениться, но обычно в сторону отрицательного, а не наоборот: ср.: *невыносимо остроумен, ненормально здоровый, угнетающе счастливый (добрый, жизнерадостный, щедрый и т. п.)*. Но *восхитительно скуп, глуп* может быть только иронией.

Рассматривая связь оценки и интенсификации, Е. М. Вольф отмечает, что в некоторых случаях именно оценка вызывает к жизни интенсификацию. Так, в сочетании со словами, не содержащими оценки, аффективные прилагательные имеют оценочный смысл, а в сочетании со словами, содержащими оценку, служат интенсификаторами: *Какая ужасная погода!* (оценка); *Какая ужасная беда!* (интенсификация) [Вольф 1985: 44].

Замечу в связи с этим, что несколько иначе обстоит дело с соответствующими наречиями: они выступают как интенсификаторы при любом качественном прилагательном. Прилагательное при этом не обязательно должно содержать оценку, наречию достаточно того, что оно качественное. Другое дело, что среди качественных прилагательных не так много таких, которые совсем не содержат компонента оценки вне особых контекстов, но они есть. Ср.: *высокий, широкий, далекий, глубокий, тонкий, молчаливый, застенчивый, скрытный, кудрявый, худощавый, пахучий, соленый, сладкий, восторженный, религиозный* и др.

Это различие интенсификаторов прилагательных и наречий проявляется, например, в таких контекстах: *ужасная высота* может быть и ‘вызывающая ужас’ и ‘очень большая’, *ужасно вы-*

сокий — только 'очень высокий'. Аналогично — *ужасная даль* (*страшная*), *страшная темнота* (*ужасная*) — может быть оценкой без интенсификации. Но *ужасно темно* — только интенсификацией; *страшная* (*ужасная, потрясающая, невероятная*) *глубина* (*реки, оврага, пропасти*) — может быть и оценкой, и интенсификацией, *страшно* (*ужасно, потрясающе, невероятно*) *глубокий* — только интенсификацией.

ПРЕДЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ — ГЛАВНОЕ СВОЙСТВО ИНТЕНСИФИКАТОРОВ

1. Количественные значения интенсификаторов являются предельными. Сами будучи вторичными, они не могут порождать новые значения ни внутри одного слова (путем семантической деривации), ни путем аффиксации.

Известно, что это не обязательное свойство вторичных значений. На базе метафоры может появиться метонимическое значение, а на базе метонимии — метафора. Хорошо известно также, что переносные значения могут быть мотивирующими в целом ряде аффиксальных образований, т. е. обладают порождающей способностью.

Проявлением предельности значений можно считать, на наш взгляд, и то, что на сами интенсификаторы не распространяется ирония, которая, как уже отмечалось, может порождать внутреннюю антонимию. Иронически переосмысливается только интенсифицируемый признак. Так, если иронически употребляются оценки *чрезвычайно интересный* (*разговор, человек, спектакль* и т. п.), *необыкновенно увлекательный*, *ужасно веселый* (*вечер, общество, фильм*) и т. п., интенсификаторы не приобретают значения невысокой степени признака: 'мало интересный' и т. п. Ирония оставляет прежним значение интенсификатора, но в приложении к противоположным характеристикам: *чрезвычайно интересный* — 'чрезвычайно неинтересный', *ужасно веселый* — 'ужасно скучный' и т. п.

Более того, в некоторых случаях ирония проявляет безразличие к степени, выражаемой интенсификатором — большой, средней, небольшой. Так, в случаях иронического преуменьшения негативности ситуации — когда о чем-то страшном, трагическом говорится как о неприятном, огорчительном и т. п. — то выражаемая интенсификатором степень признака оказывается несущественной. Например, если речь идет о том, что человек едва не погиб во время катастрофы, потерял все во время пожара, был зверски избит и т. п., различия в интенсификаторах саркастических характеристик ситуации — *это было весьма неприятно, довольно неприятно, немного неприятно* — несущественны.

В то же время нельзя сказать, что ирония не распространяется на все количественные значения: неопределенно-количественные обозначения типа *много* — *мало* нередко подвергаются иронии, и происходит антонимическое преобразование значений: *много* подразумевает 'мало', а *мало* — 'много': ср.: *Он немного старше ее — лет на тридцать*.

В этом, очевидно, проявляется различие собственно количественных значений и интенсификаторов.

2. Предельность значений интенсификаторов выражается также в ограничениях в сфере формообразования.

1) Они не образуют форм компаратива. Ср., например, невозможность отразить количественные значения в формах компаратива от таких интенсификаторов, как *жутко*, *страшно*, *ужасно*, *безумно*, *безгранично*, *невыносимо*, *неукротимо* и т. п. Я не беру те случаи, когда компаратив невозможен по морфологическим причинам и безотносительно к количественному значению: *потрясающе*, *дьявольски* и т. п.

2) Не образуют интенсификаторы, как правило, и кратких форм, которые, как известно, вообще часто лексикализуются, образуют особый класс — предикативов. Краткие формы прилагательных, имеющих и качественные, и количественные значения, как правило, отражают только качественные. Ср.: *Он был в ужасном гневе, он ужасно рассердился*. Но — *гнев его был ужасен*. Происходит возвращение к качественному значению.

3) Участие интенсификаторов в аффиксальном словообразовании в качестве производящих основ сводится к порождению только себе подобных. Интенсификаторы-прилагательные порождают только синтаксические дериваты — интенсификаторы-наречия и не образуют даже отвлеченные существительные: если они есть, то соответствуют качественным, а не количественным значениям. Ср.: «О, не впервые странных встреч я испытал *немую жуткость*» (А. Блок) (качественное значение). Но при *жуткая дороговизна* не может быть **жуткость дороговизны*. Ср. также *невероятно соблазнительный* (интенсификация), но *невероятность соблазна* (нет интенсификации) и т. п.

4) Ограничения возможностей интенсификаторов в сфере лексической деривации рассмотрим на примере сочетаемости с приставкой *не-*.

Известно, что и в качественном значении не все прилагательные сочетаются с приставкой *не-*. Не может быть образований **неуродливый*, **небезобразный* или **непрелестный*, **невосхитительный*, **неочаровательный* и т. п. [Арутюнова 1988: 235–236;

Ермакова 2002: 35]. Ограничения в сочетаемости с *не-* связаны с оценочностью и высокой степенью обозначаемого признака.

Но если качественные значения присоединяют *не-* избирательно, то количественные такой сочетаемости, как правило, не допускают.

Ср. высказывание: *У тебя все сказки какие-то страшные. Расскажи ему нестрашную сказку*, но **у него была небезумная любовь; *это было нестрашно увлекательно; *он недьявольски хитер, *непоразительно интересен, *это неужасно (нестрашно) смешной рассказ* и т. п.

Интенсификаторы работают только с частицей *не*. Так, при невозможности **Он ее любит небезумно* вполне возможны высказывания: *Он ее любит безумно. Ну, может, не безумно, но любит; Он ужасно умен. Я бы сказал — не ужасно, а просто умен.*

Переход качества в количество

Переход качественных значений в количественные у прилагательных и наречий может происходить разными путями. Это может быть путь метафоризации на основе коннотации — *ангельски чиста, зверски голоден, адски жарко, чудовищно велик, дьявольски (чертовски) хитер*. Ср. также: *негасимая лампада — негасимая любовь; неизлечимый больной — неизлечимая глупость; неотразимый удар — неотразимое обаяние; несмываемые краски — несмываемый позор* и т. п.

Есть группа прилагательных, которые являются интенсификаторами уже в прямых значениях, поскольку содержат скрытое образное значение (элемент «как бы»). Они обозначают признак, не применимый буквально ни к какому объекту внеязыковой действительности. Ср.: *нескончаемый (разговор, поток людей, ряд стульев)* — ‘очень длинный или долгий’ — буквально нескончаемых явлений не бывает. Ср. также *неисчерпаемый, неистощимый* (богатство, веселье, остроумие) и т. п. Выражение *поистине неисчерпаемые богатства* только обнаруживают образную гиперболизацию в значении признака.

О переходе эмоциональных и оценочных прилагательных в интенсификаторы писали, это хорошо известно. Там, где в семантике слов есть оценка (со знаком + или –) и интенсификация, в сочетаниях с предикатными словами приглушается сема оценки и актуализируется сема интенсификации. Это отмечает Е. М. Вольф, рассматривая экспрессивные прилагательные типа *отличный, великолепный* или *отвратительный, ужасный* [Вольф 1978: 37]. Но при этом проявляется различие между прилагательными и

наречиями: наречия — более совершенные интенсификаторы, они более склонны к полному освобождению от оценочных сем, к вытеснению их количественными семами.

Так, можно сказать *она ужасная (страшная) зануда, неряха, сплетница, лгунья*, но не **она ужасная (страшная) красавица, умница*, однако сплошь и рядом говорят *она ужасно (страшно) красива, умна, добра, щедра* и т. п.

По поводу интенсификаторов типа *ужасно, ослепительно* и подобных находим интересные наблюдения у Е. Кржижковой: «Интересно отметить, что в этой области Квант преобладают. Квант со значением первоначально отрицательным, в то время как Квант со значением положительным составляют меньшинство и исконное положительное значение у них не ослабляется, хотя у отрицательных Квант такая тенденция сильно дает себя знать как в русском, так и в других славянских языках» [Кржижкова 1974: 131]. Она приводит дальше убедительные примеры из чешского и польского языков: «чеш. — без отрицательной оценки — сочетания *strašně krásný* ('страшно красивый'), *hrozně dobrý* (букв. 'грозно добрый'), *děsně zajímavý* ('ужасно интересный'), *šileně krásný* (буквально 'бешено красивый') и др.; польск. *strasznie zdolny* ('страшно способный'), *szalenie długi* ('бешено долгий'), *okropnie ciekawy* ('ужасно интересный')» [Там же].

Мысль о направленности интенсификаторов с исконно положительным значением на оценку со знаком плюс в русском языке иллюстрируется Кржижковой словом *божественно*, которое не ослабляет исконного значения. Ср.: *божественно хорош*. В самом деле, употребление этого интенсификатора (добавим сюда еще *ангельски*) при оценке с отрицательным знаком — она была *божественно некрасива* — скорее усиливает положительную оценку в самом интенсификаторе, делая некрасивость привлекательнее красоты. Ср.: «Там, где *глупость божественна*, ум — ничто» (А. Вертинский. «Разве можно от женщины требовать многого»).

Одной из важных, на мой взгляд, особенностей интенсификации является ее связь с причинно-следственными отношениями. Остановлюсь для доказательства этого положения на некоторых группах интенсификаторов.

В русском языке существует довольно большая группа прилагательных с приставкой *не-* и суффиксами *-им-* или *-ем-*, реже с суффиксом *-н-* и другими и соответствующих наречий *невообразимый, невыносимый, невозмутимый, неуловимый, невыразимый, неописуемый, немыслимый, неотразимый, неподражаемый, необозримый, неукротимый, необъяснимый*, а также — *необуз-*

данный, небывалый, невиданный, неслыханный, невозможный, необъяснимый, необыкновенный.

Все они сочетают в себе качественные и количественные значения. Разумеется, среди прилагательных приведенных моделей встречаются такие, которые не развивают количественных значений. По данным Большого академического словаря, не употребляются в роли интенсификаторов (словарь не отмечает у них количественные значения) прилагательные *невозвратимый, невоскресимый, неведимый, невосстановимый, невыполнимый, невысыхаемый, недвижимый, неделимый, неизменяемый, недоказуемый, несгораемый, нескрываемый, несмолкаемый, несознаваемый, нетерпимый.*

Однако это не обозначает невозможности употребления некоторых из них, и особенно соответствующих наречий, в значении интенсификаторов частного характера. Ср.: *невыполнимо трудная задача, невозвратимая утрата, невосстановимый урон, несмолкаемый трезвон, невоскресимое прошедшее* ('полностью забыто', 'невозможно повторить'). Ср.: «Для него и для нее прошедшие события оказываются действительно *невоскресимым прошедшим*» (Д. Писарев. «Базаров»). Аналогично и *невозвратный, невозвратно*: «Немного лиц мне память сохранила, / Немного слов доходит до меня. / А прочее *погибло невозвратно*» ('так, что нельзя и вспомнить', 'полностью') (А. Пушкин. «Борис Годунов»).

Все приведенные прилагательные имплицитно содержат компонент, являющийся причиной того, что обозначено прилагательными, и значит, называют следствие: *неизлечимый* имплицитно 'очень больной'; *необозримый* — 'очень большой' или 'очень широкий'; *неукротимый* — 'очень агрессивный' (яростный, свирепый и т. п.). Отсюда, как следствие, — большая степень того признака, к которому прилагается соответствующее прилагательное или наречие, это уже «открыто» проявляется в сочетаниях: *необозримо широкая степь, необозримая широта степи, необозримо широко расстилалась степь* и т. п.

В одних случаях каузирующий признак мыслится почти однозначно: *несокрушимо* — *твердый, крепкий*; *неуловимо* — *тонкий* и т. п.; *необозримо* — *широкий* или *огромный*. В других семантические границы каузирующего признака широки и не могут быть определены вне экспликации в контексте. Так, *невыносимый, нестерпимый* может каузироваться физическими свойствами явления, субстанции, но в такой же мере и психическими. Ср.: *невыносимо жаркая погода* (не исключено при этом и — *холодная*, но чаще *жаркая, душная*), но и *невыносимо пошлая музыка* (живопись, роспись и т. п.).

Становясь количественными, соответствующие прилагательные или образованные от них наречия стремятся в первую оче-

редь определить степень того признака (процесса), который заложен в них имплицитно, как причина. Ср.: *несокрушимо твердая уверенность, крепкая вера; неуловимо тонкие оттенки; необозримо широкая степь; неудержимо влечет; невыносимо жаркая (или холодная) погода; неукротимо яростный, свирепый, агрессивный* и т. п.; *необъяснимо странный* и т. п.

Фактически скрытой каузацией характеризуются и интенсификаторы типа *безбрежный (-но), беспредельный, безграничный*, а также оценочные прилагательные и наречия, называющие признак по производимому впечатлению: *ослепительно, возмутительно, удивительно, поразительно, ужасающе, угнетающе, подавляюще, потрясающе* и др.

На базе причинно-следственных отношений возникают и количественные значения в сложноподчиненных предложениях, где также каузация может быть эксплицирована, а может быть и скрыта: *Мы сидели так далеко, что ничего не было видно — Мы сидели так, что ничего не было видно; Он с такой силой ударил по столу, что стаканы зазвенели (вино пролилось и т. п.) — Он так ударил по столу, что стаканы зазвенели* — степень на основе следствия.

Таким образом, переход качества в количество на основе причинно-следственных отношений характерен для многих интенсификаторов, а генетическая связь с причинно-следственными отношениями — еще одна их особенность.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
Арутюнова 1988 — Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Вольф 1978 — Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
Вольф 1985 — Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Дизенко 1986 — Дизенко Н.Д. Существительные с количественным значением в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
Дизенко 1993 — Дизенко Н.Д. Вагон и ма-а-ленькая тележка (метафорические количественные существительные в современном русском языке) // Русистика. Берлин, 1993. № 1.
Ермакова 2002 — Ермакова О.П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 4.
Кржижкова 1974 — Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М., 1974.

АННА А. ЗАЛИЗНЯК

ГЛАГОЛ *СЧИТАТЬ*: К ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Русский глагол *считать* замечателен в нескольких отношениях.

Во-первых, в том своем значении, в котором он обозначает мнение, он обозначает совершенно определенный тип мнения (а именно «мнение-оценку», термин из [Дмитровская 1988]), противопоставленный, прежде всего, «мнению-предположению», выражаемому глаголом *думать*.

Во-вторых, как оказывается, глагол *считать* в значении мнения является лингвоспецифичным, в том смысле, что заключенный в нем концепт не имеет единого однословного выражения в западных языках.

В-третьих, и это является основным сюжетом данной статьи, необычайно интересна структура полисемии этого глагола, прежде всего путь семантической деривации, связывающий значение мнения со значением счета.

Все три указанные особенности русского глагола *считать* тесно между собою связаны. Рассмотрим их по порядку.

1. Мнение-предположение и мнение-оценка

Противопоставление мнения-предположения, выражаемого в русском языке глаголом *думать*, и мнения-оценки, выражаемого глаголом *считать*, было описано мною в работе [Зализняк 1991]¹. Резюмируем здесь кратко существо проблемы.

Мнение-предположение — это установка относительно верифицируемой пропозиции, противопоставленная знанию: человек высказывает мнение-предположение относительно тех же пропозиций, для которых возможно знание, — в тех случаях, когда это знание у него отсутствует; такой тип ментальной установ-

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 03-06-08133а. В статье использованы материалы руководимого мною семинара по семантической типологии, участниками которого являются: М. Булах, Д. Ганенков, И. Грунтов, Е. Грунтова, Т. Майсак.

¹ Эти два типа мнения в дальнейшем были подробно проанализированы в статье [Шатуновский 1993] (где они называются, соответственно, «объективным» и «субъективным»).

ки выражается в русском языке рядом глаголов мнения, среди которых главным является *думать*, ср.:

- (1) Я не знаю, куда уехал Иван, но *думаю* (*предполагаю, полагаю, допускаю, подозреваю*), что он уехал в Париж.

Глагол *считать* в этом контексте был бы неуместен, ср.:

- (1') *"Я не знаю, куда уехал Иван, но считаю, что в Париж"*².

Мнение-оценка — установка относительно неverifiedируемой пропозиции, не противопоставленная знанию. Более того, можно сказать, что мнение-оценка является «позиционным вариантом» знания (выступающим в контексте неverifiedируемой пропозиции): мнение-оценка имеет для говорящего статус субъективной истины. Эта установка выражается в русском языке глаголом *считать*; для предложений, выражающих мнение-оценку, характерно наличие в подчиненной пропозиции слов оценочной и модальной семантики. Ср.:

- (2) Я *считаю*, что это безобразие.
(3) Я *считаю*, что ты должен сказать ей об этом.
(4) Он *считал*, что для Анны было бы лучше прервать сношения с Вронским (Л. Толстой. «Анна Каренина»).
(5) Вы *считаете*, что война необходима? Прекрасно. Кто проповедует войну — в особый, передовой легион и на штурм, в атаку, впереди всех! (Там же).

Наиболее существенное свойство, сближающее мнение-оценку со знанием, состоит в том, что мнение-оценка, так же как и знание, включает истинностную оценку подчиненной пропозиции, в то время как мнение-предположение содержит ее вероятностную оценку. Будучи утверждениями об истине, предложения, выражающие мнение-оценку, так же как и выражающие знание, не допускают продолжения, в котором бы выражалось сомнение в истинности той же пропозиции. Между тем высказывание мнения-предположения, т.е. суждения о вероятности, вполне совместимо с возможностью ошибки. Так, высказывание *Я думаю, что Иван уехал в Париж* допускает продолжение: *...но может быть и в Лондон*. Однако сказать **Я считаю, что это*

² Подобные высказывания оказываются возможными, когда глагол *считать* наиболее ярко обнаруживает свое лингвоспецифичное значение миропорождающего оператора: «я буду так считать, потому что я хочу так считать» (см. раздел 2); в данном случае для такого понимания требуется «сильный» контекст, ср. ниже пример (8).

безобразие, но может быть, это и не так, очевидно, нельзя — так же как нельзя сказать *Я знаю, что он уехал, но может быть, это и не так (ср. парадокс Мура)³.

Итак, глагол *думать* выражает мнение-предположение, а *считать* — мнение-оценку. Таким образом, в сфере «знание — мнение» русский язык различает три типа эпистемических установок: знание о верифицируемой пропозиции, противопоставленное ему мнение о верифицируемой пропозиции и сближающееся с ним (т. е. знанием) мнение о неверифицируемой пропозиции. Для каждой из них имеется только один глагол, выражающий данную установку *par excellence*: это, соответственно, *знать*, *думать* и *считать*. При этом, в отличие от *знать* и *считать*, выражающих, согласно Ю. Д. Апресяну, соответствующие системообразующие смыслы (семантические примитивы) 'знание' и 'мнение' [Апресян 2001], глагол *думать* семантически не элементарен: его значение, в контексте пропозиционального объекта, может быть передано комбинацией семантических элементов: 'считать (наиболее) вероятным'. Иными словами, мнение-оценка (или просто мнение) входит в значение мнения-предположения (или просто предположения).

Противопоставление глаголов *думать* и *считать* особенно ясно проступает в тех контекстах, где возможно употребление и того и другого глагола. В таких случаях, если семантика подчиненной пропозиции это допускает, *думать* «выбирает» фактический аспект, т. е. вопрос об осуществлении самого действия, а *считать* — интенциональный, т. е. способ интерпретации этого действия. Контекст подчиняющего предиката *считать* может навязывать интерпретирующее оценочное значение даже такому слову, которое само по себе его не имеет, ср.:

(6) — Я *считаю*, что фестиваль состоялся [ruscorpора]⁴.

Здесь глагол *считать* указывает на то, что слово *состоялся* употреблено в несвойственном ему оценочном значении (= 'удался'). То же предложение с глаголом *думать* будет выражать со-

³ В работе [Апресян 2004] отмечены следующие различия между глаголами *считать* и *думать*: 1) противопоставление по признаку уверенность/предположение; 2) участие воли в формировании мнения (характерное для *считать*); 3) то, что человек *считает*, является частью его мировоззрения, системы взглядов; 4) возможность для *думать* синкретичного выражения значения процесса (*Лежу и думаю, что мне надо искать новую работу*).

⁴ Примеры, помеченные ссылкой [ruscorpора], взяты из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpора.ru>).

вершенно иной смысл — предположение о том, что фестиваль действительно имел место.

Противопоставление глаголов *думать* и *считать* далеко не всегда бывает столь резким (ср. *Я считаю/думаю, что нам пора уходить*). Между такими предложениями, однако, всегда имеется определенное смысловое различие, конкретное содержание которого варьирует в зависимости от лексического значения входящих в подчиненную пропозицию единиц, но это различие в конечном счете всегда сводится к базовому противопоставлению мнения-предположения и мнения-оценки (см. об этом подробнее [Зализняк 1991; Шатуновский 1993]).

Описанные свойства глагола *считать* обнаруживают себя наиболее ярко в 1 л. наст. времени. В других контекстах описанное распределение функций глаголов *думать* и *считать* затемняется вступающими в игру дополнительными факторами (см. [Дмитровская 1988; Зализняк 1991; Апресян 2004: 1130]).

2. *Считать* как лингвоспецифичное слово

Русский глагол *считать* может быть сопоставлен с английским *to believe*, который мы здесь не будем обсуждать (этому глаголу посвящена огромная литература, см. в частности [Chisholm 1966; Malcolm 1976; Partee 1973; Price 1967; Pritchard 1976]). Наиболее очевидное отличие англ. *to believe* от русского *считать* определяется тем обстоятельством, что этот глагол включает также значение, выражаемое русским *верить*; то же верно и для нем. *glauben*, франц. *croire*. Таким образом, оппозиция «знание — вера» с точки зрения русского языка имеет иной статус: для западных языков (английский, французский, немецкий) — это та же самая проблема, что и оппозиция двух основных эпистемических установок, широко обсуждаемая философами самых разных направлений (*to know* — *to believe*, *savoir* — *croire*, *wissen* — *glauben*), а для русского языка — две разные: с одной стороны, имеется оппозиция «знание *vs.* вера» (глагол *верить*), актуальная, в первую очередь, для религиозного дискурса; наряду с ней в научном и бытовом дискурсе существует другая оппозиция: «знание *vs.* предположение, гипотеза» (глаголы *думать*, *полагать*, *предполагать*). Именно русский язык ставит перед нами вопрос, является ли *вера* частным случаем мнения — или третьей независимой ментальной установкой, противопоставленной как знанию, так и мнению (ср. [Селезнев 1988]; см. там же о различиях между русскими глаголами *верить* и *считать*).

Однако специфика русского *считать* по сравнению с английским *to believe* этим не исчерпывается. Как уже было сказано, глагол *считать* всегда выражает мнение-оценку, т. е. принимаемое говорящим представление об устройстве некоторого фрагмента мира, входящее в систему его взглядов; объектом этой установки являются не верифицируемые пропозиции (ср. примеры (2)–(5)). Однако, как оказывается, значение мнения-оценки, выражаемое глаголом *считать*, может возникать также и в контексте верифицируемой пропозиции. Например:

- (7) [Я не знаю, мытый ли виноград] *Думаю*, что мытый (мнение-предположение), но поскольку я в этом не уверен, *будем считать*, что немытый (т. е. 'примем это за истину и в дальнейшем будем поступать так, как если бы это была истина').
- (8) Мой муж сказал, что он пошел в библиотеку, и так я и *буду считать*.

Обратим внимание на употребление будущего времени, которое указывает на сознательно принятое решение. Как пишет Ю. Д. Апресян, «мнение обычно является результатом... выбора волевым актом [разрядка моя. — А.З.] той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует личному опыту субъекта и которую он готов защищать как истинную». [Апресян 2004: 1129–1130]. Действительно, наличие волевого акта выбора очень важно в русском *считать*. А. Вежбицкая (в устной беседе) предложила внести в толкование этого глагола компонент 'я так думаю (think), потому что я хочу так думать'.

Я предлагаю для глагола *считать* следующую «концептуальную схему»:

Вводя некоторую пропозицию глаголом *СЧИТАТЬ*, субъект отвлекается от положения дел в реальном мире и создает мир, в котором эта пропозиция истинна.

Таким образом, *считать* вторгается в сферу верифицируемых пропозиций, уподобляя их неверифицируемым в том отношении, что субъективное *считание* берет на себя функцию объективного *знания*. Иными словами, сначала происходит сдвиг от ситуации, когда знания не существует (*Я считаю, что это безобразие* и т. п.), к ситуации, где знание в принципе возможно, но по каким-то причинам недостижимо (*Я не знаю, мытый ли виноград*), и мы довольствуемся этим «считанием», так сказать, за неимением лучшего. Однако возможен еще следующий шаг: когда мы обладаем знанием о действительном положении вещей, но хотим его проигнорировать, отменить, пере-

черкнуть, оказывается, что это возможно сделать по-русски при помощи глагола *считать*: *Считай, что я этого не говорил* (см. примеры (12), в особенности (12в)).

Рассмотрим следующие примеры (в конструкции с невыраженным субъектом мнения в том же значении выступает глагол *считаться*):

- (9) а. Кулаком *считали* крестьянина, имевшего более двух коров⁵;
б. Совершеннолетним *считается* человек, достигший 18 лет;
в. Безбилетным *считается* пассажир, проехавший более одной остановки без билета;
г. Шаг влево, шаг вправо — *считается* побег.
- (10) а. Вронский прямо сказал ему, что он смотрит на свою связь с Карениной как на брак; что он надеется устроить развод и тогда женится на ней, а до тех пор *считает* ее такою же своею женой, как и всякую другую жену (Л. Толстой. «Анна Каренина»);
б. Прошу *считать* меня вернувшимся из отпуска и приступившим к работе;
в. Он *считается* пропавшим без вести;
г. Он знал, конечно, особенность отечественного менталитета, когда долг признается долгом в случае взятия денег на хлеб, кефир ребенку... но деньги, взятые на выпивку, *считаются* взятыми как бы на святое дело — и долгом поэтому вроде и не *считаются!* [ruscorpora].
- (11) а. Это не *считается*;
б. А я-то думал, что до женитьбы жизнь так себе, кое-как, не *считается*, а что после женитьбы начнется настоящая (Л. Толстой. «Анна Каренина»).
- (12) а. *Считай*, что я этого не говорил;
б. Я *считаю*, что я этого не слышал;
в. Суд постановил *считать* его второй президентский срок первым (из сообщений СМИ).

Самое интересное, что в контексте глагола *считать* различие между верифицируемой и неверифицируемой пропозицией оказывается несущественным. Это различие как бы стирается как раз в той зоне, которая является областью применения глагола *считать* *par excellence*: это область установления «границ», т. е. определение класса (*кулаком, безбилетным, совершеннолетним* и т. д. *считается*... — примеры (9)) и отнесение к классу (*Х считается женой, в отпуске, долгом* и т. п. — приме-

⁵ Пример из [Шатуновский 1993].

ры (10), (11)). Во всех случаях *я считаю* (или *считается*) утверждает некое положение вещей в мире, обладающее специфическим экзистенциальным статусом: оно порождается волевым актом «считания». И. Б. Шатуновский среди объектов глагола *считать* выделяет «конструкты», которые «создаются произвольным актом ума», и в некоторых случаях «создаются практически из ничего». «Таковы, например, случаи, когда кто-то считает или не считает себя связанным обещанием... когда кто-то считается выигравшим, если на его кубике выпало наибольшее количество очков. <...> Все эти феномены существуют только потому, что их „считают“» [Шатуновский 1993: 130].

Итак, глагол *считать* является миропорождающим оператором: он создает мир, в котором утверждаемая пропозиция истинна. Но все же она не совсем истинна, она *как бы* истинна: здесь всегда остается на заднем плане представление о том, что это все же не есть истина (ср. *Она считается его женой* и *Она ему как бы жена*). Ср. примеры (12а) и (13):

- (13) Она раскаивалась утром в том, что она сказала мужу, и желала только одного, чтоб эти слова были *как бы* не сказаны. И вот письмо это признавало слова несказанными и давало ей то, чего она желала (Л. Толстой. «Анна Каренина»).

Это важнейший лингвоспецифичный компонент слова *считать*, объединяющий его со словом *как бы* (также лингвоспецифичным; см. пронизательный анализ этого слова в [Арутюнова 1996]). И *как бы*, и *считать* указывают на совершенно особый экзистенциальный статус пропозиции: нечто, одновременно существующее и не существующее — этого, может быть, и нет, но мы считаем, что это есть, и тем самым это *как бы* есть. Характерна совместная встречаемость этих слов, ср.:

- (14) Я вам выдам приличный гонорар, но, конечно, эти стихи перейдут в полную мою собственность и будут *считаться как бы* моими [ruscorpora].
- (15) И сейчас, начав выздоравливать и стоя опять перед неразбираемо-запутанной жизнью, Олег ощущал приятность, что есть такое блаженное местечко Уш-Терек, где за него подумано, где все очень ясно, где его *считают как бы* вполне гражданином и куда он вернется скоро как домой [ruscorpora].
- (16) На ней находилась школа-семилетка, где все предметы преподавали на немецком, а русский и украинский *считались как бы* иностранными языками [ruscorpora].

(17) Все, что лежало вне Римской империи, *считалось* варварским, как бы и вовсе не миром [ruscorpora].

Таким образом, глагол *считать* предоставляет возможность говорящему на русском языке пренебречь *знанием* реального положения дел, перечеркнув его более приоритетным *считанием*, порождающим по воле говорящего такой мир, в котором истинно то, что он *считает*, и который заслоняет и в некотором смысле отменяет тот мир, где истинно то, что он *знает*.

Указанный смысловой компонент делает русский глагол *считать* лингвоспецифичным. При том, что глагол *считать* является одним из наиболее частотных слов ментального поля, он не может быть переведен, например, на английский язык никаким одним словом — в отличие, скажем, от глагола *думать*, для которого перевод не представляет трудностей, ср. англ. *to think*, нем. *denken*, франц. *penser* и т. д. В качестве эквивалентов для *считать* в английском языке могут выступать: *to believe, to think, to consider, to find, to count*; в наиболее специфичных «контрфактических» контекстах типа (12) вообще никакого конвенционального переводного эквивалента не существует⁶.

3. Глагол *считать* с типологической точки зрения

В Малом академическом словаре русского языка у глагола *считать* выделяется семь значений, из которых первые пять относятся к сфере счета; шестое — ‘принимать во внимание, учитывать’ и, наконец, последнее — ‘расценивать каким-либо образом’, с подзначением ‘иметь какое-либо мнение, полагать’ (в конструкции с придаточным изъяснительным)⁷. Рассмотрим путь семантической деривации, связывающий значение мнения со значением счета.

Как оказывается, типологически такое совмещение значений довольно редко⁸. По данным, приведенным в статье [Goddard 2003: 116], оно встречается в языке эве, в лаосском и в амхарском; см. также [Amberger 2003: 200]. Соответственно, такой семантической дерива-

⁶ Употреблениям типа (12а) можно сопоставить англ. выражение *forget it* (замечание принадлежит А. Д. Шмелеву).

⁷ В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка *считать* в значении счета и *считать* в значении мнения рассматриваются как омонимы (см. [Апресян 2004]); в словаре французского языка [Dubois et al. 1970] глагол *compter* имеет два словарных входа: в первом группируются значения, связанные со счетом, во втором — с учетом и оценкой.

⁸ Существование связи между значениями ‘вычислять’ и ‘полагать’ в индоевропейских языках отмечается, хотя и без примеров, в [ван Лейвен-Турновцева 1999: 366].

ции нет в основных западных языках. У глаголов со значением счета часто есть значение 'учитывать, принимать во внимание' (англ. *count*, франц. *compter*, исп. *contar*, нем. *zählen*; ср.: франц. *cela compte beaucoup*, *cela ne compte pas*, нем. *das zählt nicht*, англ. *it doesn't count* и т. п.). У нем. *zählen* есть помимо этого значение 'причислять к классу', т. е. 'считать кого-то кем-то' (*er wird zu den Besten gezählt* 'его считают одним из лучших'). По-итальянски тоже можно сказать *Lo conto un grand'uomo*, букв. 'я его считаю великим человеком'. Однако собственно значения мнения, реализующегося в конструкции с придаточным изъяснительным (аналогично русскому *считать, что*), в западных языках у глаголов с исходным значением счета либо вовсе нет, либо оно является периферийным⁹.

Непрерывный характер перехода от значения счета (*Посчитай, сколько нас человек*) к значению 'учитывать, принимать во внимание' очевиден в выражении *не считая*, где эти два значения выражаются синкретично (ср. *нас было десять человек, не считая детей*; аналогичное употребление имеется также у англ. *to count*, франц. *compter*). Таким образом, здесь восстанавливается вполне ясный путь семантической деривации, обусловленный смещением фокуса внимания. В исходном значении счета имеется в качестве фона класс объектов, обладающих некоторым объединяющим их признаком; в фокусе находится их перебор с целью установления общего количества. Первый шаг семантической деривации состоит в том, что принадлежность какого-то из этих объектов к классу ставится под вопрос (т. е. переходит из фона в фокус). При этом возникают два варианта: 'учитывать, принимать во внимание' (*это не считается*) и 'считать кого-то кем-то' (*я считаю его хорошим человеком*). В последнем случае, кроме того, значимым оказывается выбор самого класса: собственно, в этом и состоит утверждение: *я причисляю предмет X к классу Y*. Отсюда остается уже совсем незначительный сдвиг (составляющий второй шаг семантической деривации) до концептуальной конфигурации, которая состоит просто в предиктировании некоторому объекту X некоторого признака Y (*я считаю, что X есть Y*)¹⁰.

⁹ Так, по-французски можно сказать *Il compte que tout se passera bien* 'Он считает (рассчитывает), что все пройдет хорошо', *Je ne compte pas qu'il vienne à présent* 'Я не думаю, что он сейчас придет'. Заметим, впрочем, что здесь глагол *compter* описывает мнение-предположение, а не мнение-оценку, ср. русское *рассчитывать* (на то, что).

¹⁰ Обычно считается, что трехвалентная конструкция с творит. падежом (*Я считаю Марию умной*) представляет собой «расщепление валентности» по сравнению с исходной двухвалентной структурой (*Я считаю, что Мария умна*), в рамках

Таким образом глагол *считать* становится полноценным предикатом пропозициональной установки, а вводимая подчиненная пропозиция приобретает определенную автономность. Отличие предложения, начинающегося с *я считаю*, от простого утверждения (*X есть Y*) состоит в том, что это утверждение не об объективно существующем мире, а о том, который создается миропорождающим предикатом *считать*. Как представляется, тот шаг семантической деривации, на котором глагол с исходным значением счета приобретает возможность управления придаточным, имеет принципиальное значение, так как он позволяет представить оценочную категоризацию как *мнение*.

Вообще говоря, вопрос о генезисе значения мнения можно на этом считать решенным: переход от количественной оценки (при счете) к качественной (при высказывании мнения) происходит через промежуточное звено причисления к классу, формируемому каким-то качественным признаком. Ключевым для семантической реконструкции контекстом (ср. [Бенвенист 1974]) в данном случае, по-видимому, являются употребления типа (18)–(21):

- (18) Для работающих на Крайнем Севере год *считается за два*¹¹.
(19) День приезда и день отъезда вместе *считаются за один день* [имеется в виду, при подсчете суточных расходов на командировку].
(20) Каждый резервист получает избирательный коэффициент «3» — его голос *считается за три голоса простого штатского избирателя* [ruscorpora].
(21) Он там будет два с половиной дня, но полдня он *считает за целый день*, так что я получу три письма, которые буду хранить в розовой папке... [ruscorpora].

Именно эта конструкция с предлогом *за* составляет синтаксический «мост», связывающий значение счета со значением мнения: *считать один год за два* включает одновременно идею, что эти два года должны быть *посчитаны*, и утверждение, что в данном случае один — это как бы два. Отсюда: *я считаю его за своего брата* значит, что 'я считаю, что он мне как бы брат', и т. д. Конструкция с предлогом *за* в путативном значении является для русского языка наиболее древней; в современном языке она используется в основном в устойчивых сочетаниях (*считать за честь, за счастье, за труд, за лучшее, за должное, за благо; счи-*

одного и того же «путативного» значения, ср. [Апресян 1995: 118]. Между этими двумя структурами, однако, имеется вполне определенное различие, связанное с семантикой соответствующих синтаксических конструкций (грубо говоря, в первом случае «объектом» мнения является предмет, во втором — пропозиция).

¹¹ Пример из [Шатуновский 1993].

тать за дураков, не считать за людей и т. п.); ср., с другой стороны, несколько устаревшие употребления типа считать за нужное (А. Пушкин), считать поэзию за вздор (В. Белинский), считать за безобразие (А. Мариенгоф).

Для структуры полисемии русского глагола *считать* модель семантической деривации от значения счета к значению мнения является, по-видимому, наиболее адекватной — как синхронно, так и диахронически: именно такая последовательность принята в перечне значений глагола *считать* в МАС, и таков, по-видимому, был путь реальной семантической эволюции этого глагола в русском языке. Значение мнения у русского глагола *считать* является безусловно позднейшим по сравнению со значением счета (в словаре Срезневского у глагола *считати* отмечено лишь значение счета [Срезневский 1994 3: 866]). В Словаре языка Пушкина у *считать* выделяется, в числе прочих, значение 'держаться какого-либо мнения, думать, полагать', иллюстрируемое примером *пока народ считал его в чужих краях* и его подзначение 'рассматривать в качестве кого-, чего-н.', иллюстрируемое примерами с твор. падежом типа (*Русские не считают себя здесьними жителями*) или конструкцией с предлогом *за* (*не считаю за нужное говорить о поэзии*). Ни одного примера употребления конструкции *считать, что* в пушкинских текстах обнаружить не удалось. Однако эта конструкция все же не была полностью чужда языку той эпохи, как видно из следующего документа:

(22) Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я имел счастье представить государю императору Комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственно ручно написал следующее: «Я *считаю, что* цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скота» (А. Х. Бенкендорф — А. С. Пушкину, 14 дек. 1826 г.).

В романе Толстого «Анна Каренина» конструкция *считать, что* встречается, хотя довольно редко (она составляет около 12% всех употреблений глагола *считать* в значении мнения; подавляющее большинство употреблений по-прежнему составляет конструкция с творит. падежом). В дальнейшем употребление *считать* с изъяснительным придаточным широко распространяется¹², в результате че-

¹² В Национальном корпусе русского языка, составленном в основном на базе русских текстов 2-й половины XX в., глагол *считать* встретился около 3500 раз

го глагол *считать* вступает в конкуренцию с *думать* (и отчасти сближается с ним по значению). В современном русском языке *считать* в функции глагола пропозициональной установки (в том числе во вводной конструкции) является необычайно частотным.

Изложенная модель семантической деривации глагола *считать* оказывается, однако, недостаточной, если привлечь к рассмотрению факты, касающиеся некоторых других русских слов, а также других языков. Так, нельзя не обратить внимание на связь глагола *считать* с глаголом *читать*¹³, а также *почитать* (который в современном языке значит 'уважать', но еще совсем недавно имел также чисто путативное значение, то же, что у современного *считать*). У Даля для глагола *честь* указаны три значения: 'читать' (церк.), 'считать, вести счет', 'полагать' [Даль 1994 4: 1327]. У Срезневского для глагола *чисти* отмечены следующие значения: 'считать, исчислять'; 'полагать', 'читать', 'уважать (соблюдать, поклоняться)' [Срезневский 1994 3: 1526]. Сам глагол *честь* исчез, но все эти значения сохранились в разных приставочных глаголах с той же основой (*счесть*, *прочесть*, *почесть*, *учесть*).

Обратимся теперь к другим языкам. Среди значений испанского глагола *contar* есть 'вести счет' и 'рассказывать'. Во французском языке для различения этих двух значений с XIII в. принята разная орфография: *conter* 'рассказывать' (в современном языке это значение выражается приставочным глаголом *raconter*; но есть существительное *conte* 'сказка') и релатинизированная форма *compter* для значения 'вести счет' и его производных (см. [Dauzat 1938: 193]), т. е. в современном французском языке это два разных глагола. В итальянском языке *contare* значит 'вести счет', *raccontare* — 'рассказывать' (в качестве разговорного значение 'рассказывать' отмечается и у *contare*). Все эти слова восходят к лат. *computo* с основным значением 'подсчитывать' и поздним (III–IV в.) производным 'считать что-л. чем-л.', букв. *что-л. за что-л.* (*hominum sapientiam pro summa stultitia*). Заметим, что значения бесприставочного глагола *puto* группируются вокруг идеи оценки или мнения-оценки (а не счета), ср. примеры, приводимые в словаре [Дворецкий 1976: 837]: *aliquid nihili, pro nihilo putare* 'ни во что не ставить'; *aliquem hostium numero putare* 'относить кого-то к числу своих врагов'; *quid illum putas?* 'что

(во всех значениях, но путативное составляет около 98%), из них в конструкции с изъяснительным придаточным — около 2500 раз (т. е. приблизительно в 70% случаев).

¹³ Напомним, что морфологические деривационные отношения между этими глаголами следующие: глагол несов. вида *считать* является имперфективом от *счесть* (образованного префиксацией глагола *честь*); *читать* является морфологическим имперфективом (фреквентативом) от того же глагола *честь*.

ты о нем думаешь?»; *stare putes, adeo procedunt tempora tarde* 'кажется, будто время стоит — так медленно оно тянется' и т. д. Таким образом, при несомненном сходстве набора значений у лат. *(com)puto* с русским *считать*, направление семантической деривации здесь как будто противоположное.

Вернемся к паре 'вести счет' — 'рассказывать'. Если обратиться к германским языкам, то оказывается, что в них просто исходно совпадают в одном слове значения 'число' и 'рассказ': ср. нем. *Zahl* 'число' и англ. *tale* 'сказка, рассказ', а также нем. *zählen* 'вести счет' и *erzählen* 'рассказывать'. В других германских языках это слово тоже присутствует в обоих значениях.

Как можно интерпретировать все эти факты вместе взятые? Отношением семантической деривации оказываются связаны как минимум следующие смыслы: 'вести счет', 'учитывать, принимать во внимание', 'рассказывать', 'читать' и 'иметь мнение' (включая сюда собственно оценку и мнение-оценку). Я предлагаю считать, что все эти значения являются результатом семантического развития наиболее общей семиотической идеи приписывания значимости. Как легко убедиться, эта идея присутствует во всех перечисленных выше значениях, в том числе во всех значениях русского глагола *считать*. 'Вести счет' — это приписывать арифметическую значимость. *Считать* в значении 'иметь мнение' — это, очевидно, приписывание значимости: это дефиниция класса (т. е. создание его интенционала), это приписывание объекту признака — и, наконец, приписывание пропозиции особого экзистенциального статуса. Оба глагола *читать* и *рассказывать* означают 'произносить текст с целью передать его смысл' (общность этих двух типов семиотических актов сохранилась в выражениях *читать лекцию, читать стихи*)¹⁴. Несколько упрощая реальную картину, можно сказать, что идея приписывания значимости выражается русской глагольной основой *-честь*; конкретные ее реализации обеспечиваются сочетанием с различными приставками, ср.: *с-честь, про-честь, у-честь, за-честь* и т. д.¹⁵.

¹⁴ Ср. также глагол *петь*, в котором тоже исходно объединено 'произносить' и 'сочинять' <стихи> (что отражено, например, в Словаре языка Пушкина). Здесь также нельзя не вспомнить тот факт, что по-гречески слово *λέγω* означает 'говорить', а по латыни *lego* — 'читать'; в обоих случаях 'создавать семиотический объект'.

¹⁵ Так, приставка *про-* реализует здесь свое основное значение 'сквозь, через, от одного конца до другого', ср.: *пройти два километра, проговорить весь вечер, прожить жизнь, пролистать журнал* и т. п. Приставка *за-* реализует одно из своих основных значений — 'фиксировать', ср.: *записать, зарисовать, забронировать*, см. [Зализняк 1995: 158], приставка *у-* — значение удержания неко-

Таким образом, можно считать, что идея приписывания значимости, т. е. базовой семиотической деятельности человека, является исходной точкой семантической деривации, из которой происходят, в частности, оба обсуждавшихся выше значения: как 'вести счет', так и 'иметь мнение'.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. 2.
- Апресян 2001 — *Апресян Ю.Д.* Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Апресян 2004 — *Апресян Ю.Д.* Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Арутюнова 1996 — *Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика и стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Даль 1994 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.
- Дворецкий 1976 — *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Дмитровская 1988 — *Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Зализняк 1991 — *Зализняк Анна А.* *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Зализняк 1995 — *Зализняк Анна А.* Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19.
- Зализняк 2001 — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в значении приставки *у-* // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. № 5.
- ван Лейвен-Турновцева 1999 — *ван Лейвен-Турновцева Й.* Динамическое и статическое на фоне противопоставления иррационального и рационального // Логический анализ языка. Языки динамического мира. М., 1999.
- Селезнев 1988 — *Селезнев М.Г.* Вера сквозь призму языка // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

того фрагмента информации, характерное для глаголов восприятия, ср.: *увидеть, услышать, учуять, уловить*, см. [Зализняк 2001: 75].

- Срезневский 1994 — *Срезневский И. И.* Материалы к словарю древнерусского языка: В 3 т. М., 1994.
- Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* Думать и считать: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
- Amberger 2003 — *Amberger M.* The Grammatical Encoding of «Thinking» in Amharic // *Cognitive Linguistics*. Vol. 14, 2/3 / Eds. G. B. Palmer, C. Goddard, P. Lee. Berlin; New York, 2003.
- Chisholm 1966 — *Chisholm R.* Theory of Knowledge. Prentice-Hall, 1966.
- Dauzat 1938 — *Dauzat A.* Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1938.
- Dubois et al. 1971 — *Dubois J. et al.* Dictionnaire du français contemporain. Paris, 1971.
- Goddard 2003 — *Goddard C.* Thinking across Languages and Cultures: Six Dimensions of Variation // *Cognitive Linguistics*. Vol. 14, 2/3 / Eds. G. B. Palmer, C. Goddard, P. Lee. Berlin; New York, 2003.
- Malcolm 1976 — *Malcolm N.* Knowledge and Belief // Knowledge and Belief. Oxford, 1976.
- Partee 1973 — *Partee B. H.* The Semantics of Belief-Sentences // Approaches to Natural Languages / Eds. J. Hintikka, J. Moravcsik, P. Suppes. Dordrecht, 1973.
- Price 1967 — *Price H. H.* Some Considerations about Belief // Knowledge and Belief. Oxford, 1967.
- Pritchard 1976 — *Pritchard H. A.* Knowing and Believing // Knowledge and Belief. Oxford, 1976.

Г. И. КУСТОВА

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ СЛОВ

В статье будет рассмотрен один из механизмов развития значения степени (а именно — высокой степени) у слов с исходно качественной семантикой.

Наш исходный тезис состоит в том, что языковые показатели степени выражают отклонение — от нормы или от другой точки отсчета — и являются относительной оценкой, относительной характеристикой такого отклонения. Поэтому к развитию степенных значений предрасположены слова, которые сами по себе выражают то или иное «отклонение». К ним относятся, в частности, слова (прилагательные и наречия) с качественной семантикой.

Известно (об этом, в частности, много писала Н. Д. Арутюнова, ср. [Арутюнова 1988]), что человек вообще замечает и обозначает (маркирует) то, что отклоняется от нормы или выделяется на нейтральном фоне. Градулируемые признаки типа *большой/маленький, высокий/низкий, широкий/узкий, длинный/короткий* — это уже отклонение от нормы, от среднего значения параметра для данного класса объектов (так они трактуются в известной работе Э. Сэпира [Sapir 1944 (1985)], так они толкуются и в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», в частности в работах Ю. Д. Апресяна [Апресян 1974]: *высокий* — 'больше нормы высоты'; *длинный* — 'больше нормы длины' и т. д.). Если нужно дать относительную количественную оценку самого этого отклонения, используются языковые показатели степени: *очень большой/высокий/широкий/длинный* — это 'намного больше нормы'. Конечно, есть и признаки, у которых шкала устроена не так, как у *высокий/низкий*: скажем, *горький, сладкий, влажный, пыльный* — это не превышение нормы, а просто наличие чего-то (горечи, влажности и т. п.), но все равно в некотором количестве, поэтому возможно *довольно горький, очень пыльный*.

Если речь идет не о статическом признаке предмета, а об оценке изменения значения признака или параметра (ср.: *Песок за день заметно нагрелся; Бумага сильно пожелтела*), то за точку отсчета может приниматься стандартное, нормальное, обычное, «нулевое» состояние объекта — или даже некоторое исходное состояние, к которому человек привык или которое он запомнил.

Ниже будут рассмотрены несколько групп количественно-степенных модификаторов со значением высокой степени, в которые входят как прилагательные, так и наречия.

Вообще, класс слов, выражающих значение лексического параметра Magn 'очень' (в смысле модели «Смысл \leftrightarrow Текст»), огромен (см. [Мельчук 1974]). Однако многие из них являются слишком идиоматичными способами выражения смысла 'очень' (*проливной дождь, жгучая брюнетка, гробовая тишина* и под.). В данной работе будут рассматриваться степенные слова с более широкой и, по крайней мере частично, семантически мотивированной сочетаемостью (*страшно устал, сильно опьянел, чрезвычайно интересный* и под.). Впрочем, сама эта сочетаемость (например, ответ на вопрос, почему естественнее звучит *человек редкой доброты и фантастической эрудиции*, чем *фантастической доброты и редкой эрудиции*) не является темой данной работы, и в этой области мы ограничимся лишь некоторыми попутными замечаниями (в частности, о сочетаемости модификатора *сильно*).

Нас будет интересовать другой вопрос.

Класс показателей степени в современном языке формируется и пополняется в основном за счет слов с исходно качественной семантикой. Как и почему качественные значения превращаются в количественные, т. е. каков механизм этого семантического сдвига, и какие именно качественные значения превращаются в количественные, т. е. какие свойства исходного значения позволяют этим словам развивать степенную семантику?

На первый взгляд класс показателей степени выглядит весьма разнородным: *страшно/удивительно/чрезвычайно/существенно* и т. д. — и кажется, что никакой логики в формировании этого класса нет. В действительности логика есть. Мы попытаемся показать, что рассматриваемые ниже производные количественные значения качественных слов основаны на некоторых импликациях из ситуации, к которой относится исходное качественное значение.

Начнем с группы слов, обозначающих существенные признаки объекта: *значительный, существенный, основательный, серьезный* (о значениях прилагательного *серьезный* см. [Кустова 2003]). В некоторых контекстах для слов данной группы актуальна семантическая мотивировка, идущая от исходного значения. Например, в случаях *Закон был существенно/значительно/основательно/серьезно изменен (доработан)* ситуация состоит в преобразовании исходного объекта, и это преобразование затрагивает его базовые, основные, неслучайные характеристики.

Количественное значение слов этой группы основано на импликация: «Если изменились важные характеристики объекта, то и само изменение большое, т. е. новое состояние намного отличается от исходного». А в контексте параметрических слов количественное значение уже выступает в чистом виде: *значительный/существенный/серьезный рост (сокращение)*; *основательно набрался/запутался* не значит, что изменение произошло по важным параметрам, а значит просто 'большое изменение'.

Следующая группа слов имеет исходное значение 'редкий, необычный, особый'. Точкой отсчета для слов этой группы является норма.

Общая логика развития количественных значений здесь такая: обычное, заурядное, рядовое является массовым и частотным (это относится, в частности, и к средним, нормальным значениям признаков). Крайние проявления встречаются редко, и их мало.

В этой группе выделяется несколько подгрупп.

Прежде всего, это само слово РЕДКИЙ.

Хотя в одном из исходных (тоже кванторных) значений — *редкий минерал, редкая болезнь, редкая группа крови* — *редкий* значит 'такой, каких мало', в степенном значении *редкий* парадоксальным образом обозначает высокую степень (т. е. 'много', 'очень').

Применительно к признаку: чем выше степень проявления признака, тем реже она встречается, поэтому очень больших отклонений мало, и большая степень признака является — и называется — *редкой*: *человек редкой выносливости / редкой красоты / редкого ума / редкой доброты; редкий негодяй*. Ср. характерные перифразы: *красавица, каких мало; негодяй, каких мало*. Ср. тж. выражение *на редкость*.

Собственно степенное значение *редкий* приобретает именно в контексте качественных и оценочных слов: *редкая болезнь* — это 'мало', но не 'очень', а *редкий негодяй* — это и 'мало (таких)' и 'очень (плохой)'.

Если степень признака очень высокая, то человек с этим редко сталкивается и ему трудно это помыслить, представить, вообразить; отсюда еще одна подгруппа слов — НЕВИДАННЫЙ, НЕСЛЫХАННЫЙ, НЕМЫСЛИМЫЙ, НЕВООБРАЗИМЫЙ; сюда же, видимо, примыкают ФАНТАСТИЧЕСКИЙ и ВАСНОСЛОВНЫЙ: *неслыханный успех / невиданных размеров / немыслимой сложности / невообразимо прекрасный / фантастически дорогой* (общая идея тут — 'такая высокая степень признака Р, какой почти нет (или совсем нет) в реальности').

Далее — подгруппа слов со значением 'необычный' — НЕОБЫЧАЙНЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕВЕРОЯТНЫЙ, НЕВОЗМОЖНЫЙ, ЧРЕЗВЫ-

чайный, исключительный. Эти слова в исходном значении обозначают отклонение от нормы обычного, привычного, ожидаемого, наиболее вероятного и распространенного и тоже, в конечном счете, характеризуют редкие явления.

А поскольку высокая степень проявления признака также необычна, ненормальна, то они используются и для обозначения самой этой высокой степени признака: *необыкновенно умный, невероятно красивый, чрезвычайно важный, необычайно интересный, невозможная жара* = 'такой X, который по степени проявления признака выходит за рамки обычного, стандартного, общераспространенного'.

Сюда же примыкают показатели особенно, не особенно, исключительно: *особенно старался; не особенно интересный/качественный/приятный*.

Здесь та же цепочка переходов: выделяется из общей массы → выделяется по степени → сама эта степень.

Таким образом, вся эта большая группа слов связана с идеей нестандартности (и, конечно, границы между подгруппами нежесткие).

Большая и в высшей степени симптоматичная группа слов, развивающих количественно-степенные значения, — это слова с экспериенциальной семантикой. Прежде всего это слова со значением восприятия и разного рода реакций человека (физиологических, эмоциональных) на внешние ситуации (см. [Кустова 2002а]). Поскольку воздействие внешнего мира и реакция на него может быть разной степени интенсивности, то и сами обозначения внутренних состояний и реакций человека легко развивают значение степени.

Особое место в группе экспериенциальной лексики занимают слова со значением восприятия и ощущения: *ЗАМЕТНЫЙ* (ЗАМЕТНО), *ОЩУТИМЫЙ* (ОЩУТИМО), *ВИДИМЫЙ* (в значении 'заметный, значительный'), ср.: *ощутимая прибавка, видимые изменения, заметные улучшения*.

В качестве точки отсчета при характеристике степени здесь обычно выступает не «норма» («среднее» значение признака), а исходное или «нулевое» состояние. Отклонение от этого нейтрального, нулевого состояния заключается в появлении, проявлении чего-либо.

Производное количественное значение основано на импликации: «Если что-то заметно, значит, это уже пусть и не очень большая, но достаточная степень проявления признака» (т. е. если что-то заметно, то оно не маленькое). В отличие от слов *неви-*

данный, неслыханный, невообразимый, которые, хотя и связаны по происхождению с экспериенциальной сферой, сместились в сферу модальных и, далее, количественных значений и стали, так сказать, обычными кванторными словами со значением высокой степени, слова типа *заметно, ощутимо* сохраняют связь с экспериенциальной сферой и обозначают такую степень признака, при которой он выделяется на фоне предыдущего состояния и начинает действовать на человека. Эта степень может быть и высокая, ср.: *Легкий ветерок переходит в заметный ветер с моря* (Шулейкин, МАС) — 'сильный ветер'; и просто достаточная для того, чтобы изменение признака было замечено субъектом восприятия, ср.: *Он заметно волновался; День заметно прибавился*.

Интересно, что у наречия *заметно* количественно-степенное значение практически неотличимо от перцептивного (*заметно побледнел*), а собственно перцептивное значение реализуется либо в позиции предикатива (*Было заметно, что он волнуется*), либо с отрицанием (*Он незаметно проскользнул в кабинет*).

Другая важная группа экспериенциальных слов, развивающих степенные значения, — слова эмоциональной реакции. Здесь выделяются две основные подгруппы: удивления/неожиданности (удивительно, поразительно, потрясающе) и страха (страшно, ужасно, жутко). Эти слова характеризуют объекты и ситуации, которые сильно воздействуют на человека, вызывают сильную реакцию, а потому предрасположены к развитию значения высокой степени. Логика семантического сдвига здесь очевидна: степень признака настолько высока, что вызывает сильное чувство, сильную реакцию. Удивление является естественной реакцией на необычность, так сказать, стандартной реакцией на нестандартное. А вот страх развивает степенное значение, видимо, просто как сильная реакция (притом иррациональная — в отличие, скажем, от возмущения).

В силу происхождения группа страха характеризует преимущественно дискомфортные для человека признаки и ситуации, ср.: *жутко пахнет бензином; ужасно испугался*. Однако в разговорной речи, как известно, широко встречается *страшно красивый, страшно рад, жутко умный, жутко приятный, ужасно добрый* и т. п.

Теперь можно вернуться к основному вопросу: в чем состоит логика формирования и пополнения группы производных количественных модификаторов? Почему именно эти слова, именно с этими качественными значениями (конечно, не только эти, но

эти — в первую очередь) подвергаются такому семантическому сдвигу? Прежде всего потому, что обозначаемые ими характеристики и реакции являются импликациями самой ситуации высокая степень проявления или изменения признака.

Язык реализует основные импликации из этой ситуации:

с одной стороны, каковы сами предметы и ситуации с высокой степенью признака: это предметы и ситуации редкие, необычные, нестандартные;

с другой стороны, что бывает с человеком, как он реагирует, когда сталкивается с чем-то экстремальным, с высокой степенью проявления признака: если степень признака высокая, то это действует на человека, он это замечает и столкновение с таким объектом выводит его из равновесия, т. е. его собственное состояние отклоняется от нормы.

А затем эти импликации из ситуации наличия высокой степени признака у объекта начинают — метонимически, по смежности — обозначать и саму эту высокую степень.

Проясняющим контекстом, способствующим освобождению рассматриваемых слов от исходной качественной семантики и окончательному закреплению степенного значения, является параметрическая лексика. Когда мы говорим *Закон существенно изменен*, это все-таки значит и 'много', и 'по существу'. А *существенное сокращение штатов* значит просто 'большое' (а не то, что увольняют начальников). *Необычная красота* — это не столько степень, сколько тип красоты (хотя и степень тоже), но *необычная жара* — это в первую очередь степень (хотя при этом она может быть необычной для данного времени или места).

Многие из рассмотренных слов (ср.: *редкий, особенный, удивительный*) обозначают некоторую нестандартность, отклонение от нормы. Это, конечно, не значит, что любое слово, обозначающее отклонение от нормы или выход за пределы, обязательно разовьет степенное значение, ср. слово *ненормальный*, которое практически не употребляется в значении степени (*?ненормально умный, красивый* — в смысле 'очень'), а только сопровождает другие степенные слова (*ненормально высокая температура*). Тем не менее такая тенденция прослеживается. Чем более явно слово выражает отклонение от чего-то, выход за пределы, тем вернее у него степенное значение.

Весьма склонны развивать степенное значение слова, обозначающие отклонение от психической нормы: *сумасшедший, безумный, бешеный* → *сумасшедшие цены, безумно устал, бешеный темп*.

Степенное значение естественным образом развивается у слов, обозначающих достижение предела, выход за пределы и невозможность измерения: *крайне, предельно, беспредельно, безмерно, неизмеримо, запредельно*.

Особую группу составляют слова, обозначающие выход за пределы человеческого: *нечеловеческая доброта, нечеловеческие страдания* (это как раз страдания человека, но очень большие), *зверский холод, чудовищные размеры*.

И хотя *животный страх* не значит 'большой', и *ангельская доброта* тоже не означает высокую степень в чистом виде, показательно, однако, что *животный страх* — не маленький и *ангельское терпение* — не маленькое.

У слов *чудовищный* и *зверский* (*чудовищное преступление, зверское избиение*) степенное значение может развиваться на базе отрицательной оценки, которая уже сама по себе включает степень: *чудовищный* и *зверский*, в отличие, например, от *предосудительный* и *неприличный*, — это не просто 'плохой', а 'очень плохой', отсюда переход 'очень плохой' → 'очень'. Одновременно степенное значение у *чудовищный* может иметь и экспериенциальную поддержку, поскольку чудовище вызывает страх (тем самым *чудовищный* встраивается в ряд *страшный, ужасный, жуткий*).

Однако, как уже было сказано в начале, любое слово с качественным, признаковым значением обозначает отклонение от нормы, от «среднего», и поэтому такие слова в принципе хорошо приспособлены для образования количественного и количественно-степенного значения. Слова, обозначающие малый полюс, могут развивать значения малой степени, ср.: *легкий, слабый*. Однако гораздо более активным является процесс образования значений высокой степени.

Слова типа *высокий, широкий*, которые в исходном качественном смысле обозначают большое значение параметра (высоты, ширины и т. п.), развивают количественную семантику, начинают значить не 'больше нормы данного параметра', а просто 'большой', 'много', 'очень': *высокие цены, широкий круг вопросов, большой ловкач, тяжелая болезнь, крепко досталось от отца*.

Но разница между *высокий, широкий* и т. д., с одной стороны, и *чрезвычайный, невообразимый* и т. д., с другой, все-таки есть, и состоит она в гораздо большей абстрактности и более широкой сочетаемости степенных показателей типа *чрезвычайно, невообразимо* и под. по сравнению с показателями типа *высоко (высокотоксичный)* или *широко (широко известный)*: поскольку слова класса *невообразимо* с самого начала обозначают отклонение от нормы безотносительно к конкретному параметру (ширине, вы-

соте, весу, размеру), то их легче приспособить для выражения степени вообще. (Точнее, такой параметр есть: 'то, что обычно' для *чрезвычайно*; 'то, что можно себе представить, вообразить' для *невообразимо* — но он предполагает очень широкий охват предметов и явлений).

В заключение рассмотрим показатель *сильно/сильный*, который занимает особое место среди степенных слов¹.

На первый взгляд, *сильно* и *сильный* должны входить в группу параметрических слов типа *высоко/высокий, широко/широкий* (которые способны выражать значение *Мagnitude*, но имеют при этом достаточно идиоматичную сочетаемость). В действительности *сильно* хотя и имеет параметрические свойства, однако в исходном значении ближе к экспериенциальной лексике, так как характеризует экспериенциальную составляющую ситуаций физического воздействия человека на внешний объект (*сильно сжал мячик рукой*) и воздействия на самого человека (*Он сильно сжал мне руку*; в этом отношении *сильно* похоже на *тяжело*, ср. [Кустова 20026]). В результате степенное значение *сильно* и по происхождению, и по свойствам ближе не к степенным значениям параметрических *высоко* или *широко*, а к степенным значениям экспериенциальных *страшно* или *удивительно*.

Показатель *сильно*, как в значении воздействия, так и в значении степени, ведет себя парадоксально.

В исходном значении воздействия (считать ли его параметрическим или экспериенциальным) *сильно* имеет крайне узкую сочетаемость, хотя, казалось бы, сила входит как составляющая в любую агентивную физическую ситуацию (и многие неагентивные). Ситуаций, которые концептуализованы в русском языке как силовое воздействие, очень мало. Это ситуации силового контакта, среди которых выделяются три основных типа: 1) бить, толкать; 2) давить, жать (давить и жать — в смысле силового воздействия — практически одно и то же); 3) тянуть, дергать (*сильно ударил; сильно сжал/сдавил/надавил; сильно потянул/дернул*).

При этом многие ситуации, где сила безусловно применяется, нельзя охарактеризовать с помощью *сильно*: нельзя сказать **сильно рыл яму / *сильно забивал гвоздь / *сильно рубил дрова*

¹ *Сильно* связано с применением, использованием силы, т. е. *сильно* — это не количество сил, которые вообще есть у человека, а количество силы, которую он вложил в конкретное физическое действие. В данной работе у нас нет возможности обсуждать, что такое сила. Условно можно считать, что это специальное, концентрированное мышечное усилие, направленное на объект.

(ни в силовом, ни в степенном значении), хотя можно сказать *сильно стукнул/сильно ударил* (молотком, топором и т. д.).

Степенное *сильно*, напротив, имеет широчайшую сочетаемость и широчайшее распространение, сочетается с обозначениями ситуаций и признаков самой разной природы, многие из которых с силой никак не связаны: результат действия (*сильно перегнулся через перила*), результат происшествия (*сильно порезался*), физиологические и эмоциональные состояния (*сильно болит, сильно любит, сильно обиделся/испугался; сильный испуг, сильный голод*), изменение состояния неодушевленных объектов (*сильно пожелтел, сильно запылился*), природные явления (*сильный ветер, сильный мороз*).

Почему же характеристика *сильно* так мало используется в физических ситуациях, в которых практически всегда присутствует сила, силовое воздействие, и так широко используется для выражения значения высокой степени, настолько широко, что сопоставимо с основным степенным показателем *очень*?

Именно потому, что в физических ситуациях практически всегда присутствует «сила», усилие, мышечное воздействие, человек его не замечает и не отмечает. Замечаются и выделяются особые усилия, и особые именно степенью, размерами, количеством. В таких ситуациях результат достигается именно применением силы, силовым воздействием.

Сильно — это воздействие в известном смысле противоестественное, насильственное, которое призвано преодолеть инерцию (*толкать, тянуть*) или сопротивление (*жать, давить*) объекта. То усилие, которое есть в самых разных ситуациях физического воздействия и потому тривиально и «незаметно», в ситуациях силового контакта заметное, специальное, большое.

Например, когда вы на что-то давите или что-то сжимаете, вы пытаетесь изменить естественную форму объекта, и объект этому сопротивляется, пытается сохранить исходное, первоначальное состояние. А человек, соответственно, наращивает усилие, чтобы это сопротивление преодолеть. Больше в этой ситуации (до определенного момента) ничего нет: в фокусе оказывается само это усилие. Благодаря этому у таких ситуаций есть отчетливая экспериенциальная составляющая: чтобы наращивать усилие, человек должен сконцентрироваться на самом себе и воздействовать на самого себя. Его собственное внутреннее напряжение — это и есть мера усилия, мера воздействия на объект. Сильное воздействие на объект всегда ощутимо для самого человека, *сильно* обозначает отклонение от нормального (ненапряженного) состояния человека, «выведение из равновесия» не только объекта, но и са-

мого человека. Этим *сильно* похоже на другие экспериенциальные модификаторы типа *страшно* или *удивительно*.

Таким образом, в ситуациях силового контакта акцент не на достижении нового состояния (как в *покрасить стену* или *вымыть тарелку*), а на нарушении исходного, на отклонении от исходного (нулевого, нормального); чем больше воздействие, тем больше такое отклонение.

Эти обстоятельства делают показатель *сильно* почти идеальным средством выражения значения высокой степени: *сильно* — это, если угодно, степень в чистом виде (интенсивность, напряжение), это степень, выделенная из ситуации физического воздействия, а именно: это такая степень физического воздействия, которая превышает норму.

В степенных значениях *сильно* обычно обозначает не просто высокую степень признака, но именно высокую степень отклонения от нормы или от исходного, нормального, «равновесного» состояния. Тем самым *сильно* степени сохраняет определенную связь с *сильно* воздействия.

В одной группе контекстов (ср. *сильно запыхался*) *сильно* является мерой изменения.

Исходное *сильно* относится к воздействию, но не к результату, т. е. является именно мерой усилий: можно сказать *сильно сдавил тубик*, но не **сильно выдавил пасту* (там, где сила уже не действует, «качественное» *сильно* неприменимо). В производном (степенном) значении *сильно* характеризует состояние. Но это такое состояние, которое является результатом предшествующего изменения, предшествующего процесса, предшествующего воздействия. Поэтому *сильно* нормально сочетается с глаголами, обозначающими изменение признака или состояния: *сильно состарился/разрушился/нагрелся/раскалится/остыл/запылился/испачкался/износился/потрепался/порвался/поседел/выцвел/полинял/облез/обветшал/пожелтел/заржавел/промок/вымок/зарос*.

Сильно сочетается также с причастиями, поскольку состояние, обозначенное причастием, сохраняет связь с глаголом и мыслится как результат изменения, но плохо сочетается с прилагательными, так как они не содержат указания на связь с процессом, изменением:

сильно испачканный — **сильно грязный* (→ *очень*)

сильно запыленный — **сильно пыльный*

сильно пожелтевший — **сильно желтый*

Впрочем, в просторечии такие сочетания возможны: *сильно умный*, *сильно грамотный*, *сильно шустрый*, *сильно много*.

При этом степенное *сильно* как мера изменения тяготеет к таким ситуациям, когда признак изменяется не сам по себе, а в результате «вторжения извне», под действием каких-то внешних сил, которые нарушают исходное, нейтральное, естественное состояние объекта, вызывают отклонение от нормы. То есть от исходной ситуации сохраняется идея «принудительного», неестественного выведения из равновесия, из исходного состояния. Если изменения происходят в силу естественного хода событий, *сильно* обычно не используется:

Листья сильно пожелтели — более естественно сказать, если они пожелтели от жары или неблагоприятного воздействия, чем если они пожелтели осенью в результате естественных причин;

Бумага сильно пожелтела.

Другая группа контекстов *сильно/сильный* — природные силы и явления, которые воздействуют на внешний мир, но прежде всего ощутимо воздействуют на человека и вызывают у него соответствующие реакции (в чем также явно просвечивает экспериенциальная природа *сильно*): *сильный ветер, сильный мороз, сильный запах.*

Таким образом, развитие степенного значения слова *сильно* вписывается в ту же схему и подчиняется той же логике, что и у других качественных, в первую очередь экспериенциальных, слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
- Кутова 2002а — *Кутова Г.И.* О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой // Вопросы языкознания. 2002. № 2.
- Кутова 2002б — *Кутова Г.И.* Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37.
- Кутова 2003 — *Кутова Г.И.* Семантические модели иерархизации и интерпретации в непредметной сфере (на примере прилагательных *важный* и *серьезный*) // Логический анализ языка: Космос и хаос / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2003.
- Sapir 1944 (1985) — *Sapir E.* Grading, a Study in Semantics // Philosophy of Science. 1944. Vol. 11. № 2. [Рус. пер.: *Сэпир Э.* Градуирование: Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.]

Р. И. Розина

КОЛИЧЕСТВО И ДВИЖЕНИЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Хорошо известны производные количественные значения глаголов, описывающих направленное движение Субъекта или перемещение Объекта по горизонтали или по вертикали, например: *цены дошли до 100 рублей за килограмм, взлетели, взметнулись, подскочили, упали; цены подняли, снизили* и т. п. Эти значения основаны на связи представлений о преодолении расстояния при физическом перемещении человека или предмета с перемещением по шкале и выражаются в различных языках — ср., например, англ. *the prices rose, fell, reached \$25*, нем. *die Preise sein gestiegen* и т. п. Назовем эти значения глаголов движения скалярными, или тривиальными.

Гораздо меньше изучены количественные значения глаголов движения, принадлежащих другим тематическим классам. Производные количественные значения глаголов прибытия, например *прибыть в полк — людей в полку прибыло*, рассматриваются в [Розина 1998], где показано, что в основе лежит связь между ситуациями движения и присоединения к множеству или массе, находящимся в конечной точке. Количественные значения глаголов *тянуть(ся)* и *тащить(ся)*, описывающих ситуацию перемещения тяжестей, в [Кустова 2002] выводятся из экспериенциальной составляющей их основного значения. Груз воздействует на человека — тянет вниз, если человек переносит его в руках, и давит, если лежит на плечах или на спине; поэтому в сознании человека существует регулярная связь между весом, скоростью и временем перемещения — 'тяжело — медленно — долго'. Соответствующие импликации исходного значения *тянуть* и *тащить* реализуются в производных значениях этих глаголов, например: *Тянули целый месяц с решением; Тянулись друг за другом; Что ты так тащишься?*

Количественные значения другой группы глаголов — глаголов с приставкой *раз-* — предмет дискуссии. К этим глаголам обращались С. Сахно [Sakhno 1998], Анна А. Зализняк [Зализняк 2002: 34], Е. В. Рахилина [Рахилина 2003]; семантическая сеть близких им английских глаголов с предлогом *out* была построена С. Линднер [Lindner 1982 (2000)]. Расхождения между этими работами касаются

того, сколько значений усматривается у данных глаголов и как они группируются.

Отмечая у глаголов с приставкой *раз-* такие значения, как распространение или расширение (extension), например *растолстеть*, *расширить*, разделение (divison), например *разделить*, рассеяние (dispersion) и удаление (eloignement), например *разбросать*, С. Сахно считает общим для них значение ЦЕНТРОБЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ (MOUVEMENT CENTRIFUGUE).

С точки зрения Е. В. Рахилиной, прототипическое значение всех глаголов с приставкой *раз-* — ситуация движения по поверхности из одной точки в разные стороны, т. е. это то же значение, которое С. Сахно называет центробежным. Рассматривая реализацию этого значения у глагола *расползаться*, Е. В. Рахилина относит все ситуации, которые он описывает, к одному из двух типов в зависимости от способности Субъекта к самостоятельному перемещению. Образец ситуации первого типа — распространение по поверхности насекомых, например: *Муравьи расползлись по углам*, а ситуации второго типа — распространение сыпи по телу, например: *Сыпь расползлась по всему телу*. Субъектом глагола, описывающего ситуации второго типа, может быть не только дискретное (*сыпь*), но и недискретное множество, например *пятно* или метонимически связанное с ним вещество (*чернила*), например: *Пятно расползлось / Чернила расползлись по скатерти*. Глаголы, описывающие ситуации первого и второго типа, различаются моделями управления: при описании ситуаций первого типа необходимо указание на конечную точку движения, а ситуаций второго типа — на поверхность. Такой пример, как *Нитки расползлись* и метонимически связанные с ним *Швы расползлись* и *Ткань расползлась*, Е. В. Рахилина относит ко второму типу. К этому же типу она относит такие метафорические употребления *расползтись*, как *Слухи расползаются* и *Болезни расползаются*. Эта точка зрения представляется спорной: глагол *расползтись* с Субъектом *слухи/молва* и *болезни/тиф* описывает ситуацию распространения, а с Субъектом *нити/швы/ткань* — ситуацию прекращения существования.

Последнее значение в системе значений глаголов с приставкой *раз-* отмечает Анна А. Зализняк. Она указывает следующие значения приставки *раз-*: (1) занятие большего по сравнению с некоторой нормой пространства, (2) рассредоточенность и (3) уничтожение путем рассеяния [Зализняк 2002: 34]¹.

¹ Семантику уничтожения у этих глаголов находит и А. К. Жолковский, ср.: «Центральную тему „взрывания инерции быта“ на грамматическом уровне несет

Это же значение отмечает С. Линднер у английских глаголов с предлогом *out*. В построенной ею семантической сети выделяется три группы неметафорических значений в зависимости от соотношения Субъекта или Объекта перемещения и Места, из которого оно осуществляется, — соответственно, траектора (*trajector*) и ориентира (*landmark*). В прототипической ситуации, которую описывают значения первой группы, траектор — человек или предмет, а ориентир — вместилище. Сюда относятся такие примеры, как *She went out of the room* 'Она вышла из комнаты'; *She picked out a piece of candy and ate it* 'Она выбрала конфету и съела ее'; *He ironed out a wrinkle in his shirt* 'Он разгладил морщинку на своей рубашке'. В последнем примере результат действия, описываемого глаголом *iron out* 'разгладить', — исчезновение морщинки с поверхности рубашки. В прототипической ситуации, которая объединяет значения второй группы, траектор и ориентир совпадают, и траектор перемещается относительно собственных границ, например: *Hand out the brochures* 'Раздайте брошюры'; *She fills out that dress* 'Ей тесно это платье' [букв. 'Она выпирает из этого платья']; *Roll out that carpet* 'Раскатайте этот ковер'. В третьей группе ориентир — точка или ось (центральная ось тела), а траектор — человек или часть тела. Примеры: *He set out for Nepal* 'Он отправился в Непал'; *He reached out to grab it* 'Он протянул руку, чтобы схватить это'. В схеме распределения значений, предложенной С. Линднер, возражение вызывает место, которое отведено глаголу *wrinkle out* 'разгладить'. С. Линднер исходит из того, что пространственное соотношение между морщинкой и рубашкой по-английски описывается предлогом *in* 'в', и трактует рубашку как вместилище. Между тем, действие, которое описывает глагол *wrinkle out*, отличается по своему характеру от действия перемещения Объекта за пределы вместилища: это действие по увеличению расстояния между границами морщинки и ее центральной осью, в результате чего морщинка исчезает; иными словами, это действие второй группы.

В данной статье мы еще раз обратимся к глаголам с приставкой *раз-*. Нас будет интересовать способность этих глаголов иметь значения количественного изменения, модели деривации этих значений и те концептуальные структуры, которые лежат в основе пере-

игра приставок. С одной стороны, идет ряд с приставкой *о(бо)-*: *облещочкана, опушками, обопушкана, одеты, одержным, обуты, обчулочены*. <...> Серии „обволакивающих“ приставок противостоит „раз-рывающий окружение“ ряд *разминать, размякнете, разлетался*» [Жолковский 1995].

хода от значения движения к значению количественного изменения — в сторону уменьшения, увеличения или сведения к нулю. Мы ограничимся только одной группой глаголов с приставкой *раз-* — теми глаголами, которые в своем основном значении описывают движение от начальной точки в разные стороны (как движение Субъекта, так и перемещение Объекта). То есть такие глаголы, как *разбрестись* (по полю), *развесить* (картины), *разложить* (вещи на столе), *разогнать* (толпу), будут рассматриваться, а такой глагол, как *разогнаться* 'перемещаясь, увеличить скорость', — нет, так как он описывает ситуацию перемещения в одном направлении. Не будет рассматриваться и производное метафорическое значение *разойтись* 'делая что-то, увеличить интенсивность действия' (*Ваня совсем разошелся и стал громко хохотать*), так как оно образовано от устаревшего значения *разойтись*, синонимичного значению глагола *разогнаться* (*Лошади сначала шли медленно, но потом разошлись*), а не от значения 'перемещаться в разные стороны' (*Солдаты разошлись по домам*).

Модели деривации значений глаголов движения с приставкой *раз-*

В академическом словаре русского языка (МАС) 82 глагола движения с приставкой *раз-*. Они могут иметь следующие значения:

- 1) перемещая(сь) от начальной точки в одну или разные стороны, отделиться(ся), например:
 - (1) а. Елена *раздвинула* портьеры, и в черном просвете показалась ее рыжеватая голова (М. Булгаков);
 - б. В темноте странный овал света стал бегать по зале, портьера *раздвинулась*, и молча появился при зыбком свете человек в маске, в лохмотьях, с трубовидным фонарем в протянутой руке (В. Набоков).
- 2) (каузировать) занять большее, по сравнению с исходным, пространство, например:
 - (2) а. Лолиту же, подвздошные косточки которой еще не *раздались*... — эту Лолиту, мою Лолиту бедный Катулл должен был потерять навеки (В. Набоков);
 - б. Уборщицы подметали пол, *рассыпали* желтые опилки, продавщицы убрали продукты с прилавков, торопились (А. Рыбаков).

3) (каузировать) понизить концентрацию, например:

- (3) а. Дашка, видать, подумала, что наговорное зелье действует, навела для надежности еще, да и *развела* его водкой (В. Белов);
б. Сумерки словно чуть *рассеялись* (В. Белов).

4) ослабеть/ослабить, например:

- (4) а. Я т-тебе, обезьяна! Мартышка! *Распустила* ты Павлика своего, придется тебе еще поплакать (Н. Петрушевская);
б. *Распустились*, понимаете ли! Пишут черт те что! (В. Аксенов).

5) прекратить существование (чего-либо), например:

- (5) а. Страхи его *рассеялись* (Б. Пастернак);
б. Она тут усмехнулась, и усмешка эта кривая вмиг *развела* все очарование... (В. Аксенов).

Каждый из рассматриваемых глаголов реализует этот набор значений по-своему. Можно выделить несколько типов сочетаний значений в семантике глаголов — и, соответственно им, несколько подклассов глаголов движения с приставкой *раз-*.

Подкласс I

У глаголов этого подкласса отсутствует значение занятия большего пространства. Пример — глагол *развести*. С целью некоторой формализации представления значений рассматриваемых глаголов для каждого значения введен буквенный индекс.

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки в разные стороны, отделить(ся)	занять большее пространство	понижить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>развести</i> (часовых по местам)		<i>развести</i> (водку водой)	<i>развести</i> (кого-то на деньги) (сленг)	<i>развести</i> супругов

У глагола *развести* есть еще значение 'увеличить количество чего-либо' / 'увеличиться', например:

- (6) а. Не *развели* бы крыс (Б. Пастернак);
б. К осени кроликов в деревне *развелось* столько, что их даже не считали (В. Белов).

Это значение очень близко к значению распространения на большее пространство (б), так как распространение на большее

пространство — его следствие. Значение ‘увеличить(ся)’ уникально для глагола *развести*, его нет больше ни у одного из глаголов движения с приставкой раз-, и поэтому мы не включаем его в число рассматриваемых. Одно из значений глагола *развести*, ‘ослабить’, принадлежит ненормативной подсистеме русского языка — сленгу, например:

- (7) *Развести* его почти на миллион долларов уже удалось, а если немного дожать, то и оставшуюся сумму Неизвестный выложит сам («Новые Известия», 6.10.2000).

Другой глагол этого подкласса — *рассеять(ся)*.

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки в разные стороны, отделить(ся)	занять большее пространство	понижить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>рассеяться</i> (о людях)		<i>лучи рассеялись</i>	<i>внимание рассеялось</i>	<i>туман рассеялся</i>

Способ перехода от одного значения к другому — изменение тематического класса Объекта или Субъекта. В исходном значении (а) Объект *развести* — МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ или высших животных; в значении увеличения количества (б) — МАССА; в значении понижения концентрации (с) — ВЕЩЕСТВО; в значении ослабления (е) — ЧЕЛОВЕК; в значении нарушения функционирования (ф) — МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ.

Субъект исходного значения (а) глагола *рассеяться* такой же, как Объект исходного значения *развести*, т. е. МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ, но Субъекты остальных значений *рассеяться* не совпадают с Объектами соответственных значений *развести*. У значения понижения концентрации (с) Субъект — МАССА, у значения ослабления (д) — МЕНТАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ, а у значения прекращения существования (е) — ВЕЩЕСТВО. Чем объяснить такое различие в характере соответственных актантов при том, что в исходном значении они принадлежат одному и тому же тематическому классу?

Хотя Объект глагола *развести* и способен самостоятельно перемещаться, в ситуации, которую описывает этот глагол в своем исходном значении, он перемещается только под контролем Субъекта. Эта характеристика наследуется Объектами остальных значений — эти Объекты перемещаются только если

получают первоначальный толчок от Субъекта, как вода, которую добавляют в другую жидкость, чтобы ее разбавить. Субъект исходного значения *рассеять* способен к самостоятельному перемещению — равно как и Субъекты всех остальных значений этого глагола.

Подкласс II

У глаголов этого подкласса отсутствует значение понижения концентрации; соответственно, формула этого типа полисемии — *abde*. Пример — глагол *расползтись*.

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки в разные стороны, отделиться	занять большее пространство	понижить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>расползтись</i> (во все стороны)	пятно <i>расползлось</i>		(о зрительном образе): буквы <i>расползлись</i> 'стали менее четкими'	<i>швы</i> <i>расползлись</i>

Этот тип представлен также глаголом *распустить*, ср. *распустить учеников* 'разрешить разъехаться или разойтись по домам'; *распустить волосы/парус* 'распространить на большее пространство'; *распустить пояс* 'ослабить', также *распустить класс* 'ослабить дисциплину'; *распустить Думу* 'прекратить существование как института'.

Субъект глагола *расползтись* в исходном значении — МАССА НАСЕКОМЫХ; соответствующий ему Объект глагола *распустить* — множество людей. В производных значениях тематические классы участников ситуаций меняются следующим образом: Субъект значения распространения глагола *расползтись* — пятно или вещество², значения ослабления — зрительный образ, значения нарушения функционирования — СОЕДИНЕНИЕ или МАТЕРИАЛ. Объект значения распространения глагола *распустить* — МАССА (волосы) или ПРЕДМЕТ (парус), значения ослабления — МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ или ПРЕДМЕТ, значения нарушения функционирования — ИНСТИТУТ.

² Все актанты глагола *расползтись* рассмотрены в [Рахилина 2003].

ПОДКЛАСС III

В этом подклассе только один глагол, *расплыться*, у которого реализуются только два значения из пяти возможных (bd):

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки, отделить(ся)	занять большее пространство	понизить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
	пятно расплылось / она расплылась 'растолстела'		буквы расплылись	

Субъектом *расплыться* может быть ПЯТНО, метонимически связанное с ним ВЕЩЕСТВО (например, *Нефть расплылась по воде*), ЧЕЛОВЕК (*Она так расплылась, что ее невозможно узнать*) или МИМИКА (*По его лицу расплылась улыбка / Он расплылся в улыбке*). Поэтому этот глагол не может иметь значения отделения, и его исходное значение — 'распространиться на большую площадь'. Соответственно, у *расплыться* нет значения понижения концентрации, хотя есть очень близкое ему значение ослабления — в данном случае значение меньшей четкости зрительного образа. У *расплыться* также нет значения прекращения существования.

ПОДКЛАСС IV

У глаголов этого подкласса отсутствуют значения понижения концентрации и ослабления (формула *abe*). Пример — глагол *разложить*:

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки в разные стороны, отделить(ся)	распространиться на большее пространство	понизить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>разложить (вещи)</i>	<i>разложить (карту на столе)</i>			<i>разложить (армию) (метафора)</i>

Другие глаголы этого подкласса — *разметать (сено)*, *разнести (газеты)*, *разойтись (по домам)*, *разъехаться (по домам)*, *рассадить (учеников)*, *рассыпаться (о крупе)*.

Субъект исходного значения непереходных глаголов этого подкласса — множество людей или масса. Ему соответствует Объект исходного значения переходных глаголов. Поэтому несмотря на то, что у этих глаголов есть значение 'распространиться на большее пространство', у них не может быть значения 'понижить концентрацию' и непосредственно связанного с ним значения 'ослабить'. В значении нарушения функционирования Субъект и Объект этих глаголов — множество или предмет, имеющие определенную структуру, и прекращение существования в данном случае связано не с исчезновением членов множества или частей массы, но с уничтожением этой структуры, например: *разложить армию, разметать забор, разнести окно* (прост.); *Самолет рассыпался в воздухе*. Глаголы *разойтись, разбегаться* в этом значении описывают ситуацию расторжения брака, т. е. определенной социальной структуры, и т. п.

Подкласс V

У глаголов этого подкласса всего два значения — исходное и значение прекращения существования (формула ae). Пример — глагол *развалить*:

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки, отделить(ся)	распространить(ся) на большее пространство	понижить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>развалить (бревна)</i>				<i>развалить сруб (экономику) (метафора)</i>

Это довольно многочисленный класс. Он представлен такими глаголами, как *развезать (дым), разворотить (груды камней), разлететься (в разные стороны), разогнать (толпу), раскидать (головешки), распылить (гербициды), рассыпать (сахар), растащить (бревна)*. В исходном значении Объект глаголов этого класса — вещество (*сахар, дым, гербициды*) или масса (*груда, толпа, бревна, головешки*). В значении нарушения функционирования тематический класс Объекта меняется: это либо предмет, имеющий определенную структуру (*развалить сруб, рассыпать книгу*), либо область жизни (*развалить экономику*), либо вещество (*рассеять туман*).

ПОДКЛАСС VI

В этом случае также реализуются только два значения из возможных — исходное значение и значение ослабления (формула ad). Пример — глагол *развезти*:

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки, отделить(ся)	распространить(ся) на большее пространство	понизить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>развезти</i> (письма)			<i>дорогу развезло; пьяного развезло</i>	

Этот подкласс глаголов с приставкой *раз-* представлен также глаголом *раскрутить*. Объект исходного значения этих глаголов — МАССА (*письма*) или ПРЕДМЕТ, состоящий из частей (*нитка свита из отдельных нитей*). Объект производного значения 'ослабить' — УЧАСТОК ПРОСТРАНСТВА, ЧЕЛОВЕК или МЕХАНИЗМ (*раскрутить кран*).

ПОДКЛАСС VII

Здесь также представлены только два значения из возможных у глаголов разделения, но на этот раз это исходное значение и значение распространения на большее пространство (формула ab). Пример — глагол *разбежаться*:

а	б	с	д	е
перемещаясь от начальной точки, отделить(ся)	распространить(ся) на большее пространство	понизить концентрацию	ослабить/ослабеть (букв. и метафора)	нарушить функционирование вплоть до прекращения существования
<i>разбежаться</i> (по местам)	<i>круги по воде разбежались</i>			

Это очень многочисленный подкласс глаголов с приставкой *раз-*. Он включает такие глаголы, как *развесить* (*картины — ветви*), *раздвинуть* (*занавески — стол, перен. пределы государства/область наблюдений*), *раздуть* (*пепел — перен. историю/щеку раздуло*), *разлить* (*молоко — запах разлит по двору*), *разлиться* (*о молоке — реке*), *размазать* (*краску — сюжет*), *разомкнуть* (*цепь — строй*), *раскатать* (*ковёр — тесто*).

Два отдельных подкласса представляют глаголы с приставкой *раз-*, для которых характерна моносемия. Это подкласс VIII, в который входят глаголы, имеющие только одно значение — исходное, например *разбрестись* (по полю), и IX, который представлен глаголами, имеющими только значение увеличения занимаемого пространства, например *разнестись* (о слухах). Другие глаголы подкласса VIII: *разбрызгать* (воду), *развешать* (картины по стенам), *разворошить* (сено), *разгрести* (снег), *раздать* (яблоки), *разлепить* (страницы), *разместить* (пассажиров), *размешать* (сахар в чае), *разослать* (письма), *разостлать* (одеяло), *раскидать* (бревна), *распростереть* (руки), *расселить* (жильцов коммуналки), *рассовать* (вещи по ящикам), *рассредоточить* (солдат), *растелить* (простыню), *растолкать* (толпу), *растопиться*.

В подкласс глаголов, имеющих только значение распространения на большую площадь, входят возвратные глаголы и декаузативы от глаголов первой группы: *разнестись* (о слухе), *разостлаться* (о равнине), *раскидаться* (во сне), *раскинуться* (во сне), *распространиться* (о слухе), *растелиться* (о рельефе). Фактически вместе с глаголами подкласса VIII они составляют один подкласс, соответствующий формуле *ab*.

Таким образом, типы сочетаний значений в семантической структуре глаголов движения с приставкой *раз-* выражаются следующими формулами: *acde*, *abde*, *bd*, *abe*, *ae*, *ad*, *ab*, *a*. Теперь можно говорить о том, какими деривационными отношениями связаны между собой разные значения.

Естественно, что значение распространения на большее пространство (*b*) возникает на основе значения перемещения от центра в разные стороны. Можно было бы предположить, что значение понижения концентрации (*c*) в свою очередь возникает на основе значения (*b*), но тот факт, что оно встречается только в сочетании *acde*, заставляет сделать вывод о том, что оно образовано от исходного значения движения (*a*).

Значение ослабления (*d*) встречается в сочетаниях *acde*, *abde* и *bd*. Очевидно, оно может быть образовано как от значения распространения на большее пространство (*b*), так и от значения понижения концентрации (*c*).

Значение нарушения функционирования вплоть до прекращения существования (*e*) встречается в сочетаниях *acde*, *abde*, *abe* и *ae*. Единственное значение, которое всегда присутствует в сочетаниях с (*e*), — это исходное значение отделения в результате движения в стороны от начальной точки (*a*); поэтому естественно

прийти к выводу, что значение нарушения функционирования образовано от исходного значения движения и отделения.

Можно сделать два общих вывода, касающихся семантической деривации. Первый вывод заключается в том, что способ перехода от исходного значения к производному у рассматриваемых глаголов общий — это мена тематического класса Объекта, но модели мены Объекта в каждом из подклассов свои. Второй вывод состоит в признании неединственности модели деривации значения слова.

Теперь можно построить семантическую сеть глаголов движения с приставкой *раз-*:

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1995.
- Жолковский 1995 — *Жолковский А.К.* Поэтика произвола и произвольность поэтики // Инвенции. М., 1995.
- Зализняк 2002 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2002.
- Кронгауз 1998 — *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: Семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова 2002 — *Кустова Г.И.* Семантика тяжести // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37.
- Рахилина 2003 — *Рахилина Е.В.* ПОЛЗТИ: путь к хаосу // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003.
- Розина 1998 — *Розина Р.И.* Потенциальные семантические структуры глаголов движения (на материале глаголов с приставкой *при-* //

Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998.

Lindner 1982 (2000)— *Lindner S.* What Goes up Does Not Necessarily Come down: The Ins and Outs of Opposites // Papers from the 18th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1982. [Рус. пер.: *Линднер С.* То, что движется вверх (up), не обязательно может следовать вниз (down): сопоставление in и out // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.]

Sakhno 1998 — *Sakhno S.* A propos du preverbe russe RAZ- // Essais sur le discours de l'Europe Ecletée. Grenoble, 1998 (= Revue du center d'études slaves contemporaines. Université Stendhal. № 14).

Н. К. РЯБЦЕВА

МЕТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ЭКОНОМИИ И ВЫРАЖЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА

Количество и качество в языке и речи

Несмотря на свою кажущуюся для современного человека тривиальность, идея количества сыграла непреходящую и в прямом смысле революционную роль в эволюции человека и общества. Идея количества — самая рациональная в познании, освоении и преобразовании мира. Именно благодаря ей человек научился считать, измерять, сравнивать и тем самым придавать объективность операции сравнения — одной из основополагающих в познании. Она пронизывает все без исключения сферы жизни человека и общества. В культуре и искусстве она связана с гармонией, симметрией, соразмерностью и потому эстетикой, ср. *золотое сечение, ритм, мелодия, такт, размер* и т. п.; в обществе — с экономикой и политикой и т. п. Но наибольшая ее заслуга — в рождении науки. Наука начинается со счета. Счет и количество — это самые объективные характеристики действительности. Создав способ представления количества — числа и цифры, человек сформулировал законы природы, придал им универсальную форму, научился формализовать результаты познания и методы его ведения и мн. др. Они породили точные науки, без которых был бы невозможен технический прогресс. Однако до того как породить науку, счет сыграл свою роль и в становлении письменного языка. В частности, по Ю. С. Степанову [Степанов, Проскурин 1993: 39–41], буквы исторически — это своеобразные символы чисел.

В языке идея количества представлена чрезвычайно подробно, тщательно, разнообразно, многообразно и многопланово: лексически и грамматически, аналитически и синтетически, однозначно и синкретично, прямо и косвенно, эксплицитно и имплицитно. Так что идея количества неисчерпаема и необыкновенно важна сама по себе. Но она не менее важна и в своем взаимодействии со смежными явлениями, и в первую очередь — с оценкой и качеством. Не случайно чаще всего оценка принимает форму числа, цифры, *балла*. В языке взаимодействие количества и качества/оценки также получило чрезвычайно многообразное и разностороннее отражение, осмысление и выражение — в лексике,

грамматике и прагматике. Это, в первую очередь, идиоматичное выражение параметра Magn, грамматические и словообразовательные модели типа *разбегаться, хаживать, износиться*, специальные синтаксические конструкции и др. Все они так или иначе подразумевают еще и качественную оценку. Это объясняется тем, что в языке и речи количество не только обозначается и вычисляется, но и переживается, осмысливается, интерпретируется — аксиологизируется, модализируется и телеологизируется и потому получает экспрессивные и др. стилистически отмеченные формы описания и представления. Наиболее ярко этот факт нашел свое отражение во фразеологии, ср. *дым коромыслом, забот полон рот* («очень много») и т. п. [Рябцева 2000]. Большое количество подобных выражений построено метонимически. И если научное освоение количества идет в сторону его объективации и формализации, то в практической и обыденной жизни, сознании и языке количество неразрывно связано с качеством — оно не только фиксируется, но и субъективируется, оценивается, интерпретируется и эмоционально окрашивается.

Однако самое изощренное воплощение взаимодействие количества и качества получило в самом устройстве языка. Язык сам, как явление, далеко не безразличен к количеству своих средств и к качеству их функций. Организация языка, его эволюция, коммуникативные и когнитивные свойства напрямую связаны с соотношением количества передаваемой с его помощью информации и с качеством ее речевого воплощения. И наоборот. Качество информации оказывается напрямую связанным с количеством средств ее воплощения. Это соотношение отражается в онтологически главном антропоцентрическом свойстве языка — в стремлении к экономии усилий на всех возможных уровнях (ср. *аккомодация, ассимиляция, редукция, стяжение, эллипсис* и мн. др.), особенно на интеллектуальном, и потому экономии языковых средств для выражения заданного содержания, что, в свою очередь, предопределило главное феноменологическое свойство естественного языка — его асимметрию. Асимметрия языка проявляется в отсутствии однозначного соответствия между формой, содержанием и функцией всех его элементов и единиц, отсюда их синкретичность, многозначность и полифункциональность: одно и то же языковое средство может использоваться в различных функциях и значениях, а одно и то же значение может передаваться самыми разнообразными по функции и форме языковыми средствами.

Принцип экономии и, соответственно, асимметрия языка очень ярко проявляется в таком почти тривиальном, на первый

взгляд, явлении, как метонимия. Ее концептуальная интерпретация показывает, что это чрезвычайно креативное, творческое, активное, операциональное, оперативное, действенное, удобное и, главное, многофункциональное, синкретичное и потому экономное, рациональное и почти универсальное средство воплощения чрезвычайно разнообразных смыслов, в том числе одновременно количественных, рациональных, и качественных, аксиологически окрашенных, интерпретативных.

Метонимия и метафора как явления концептуального плана

До возникновения когнитивной лингвистики метафора и метонимия считались чисто языковыми явлениями, стилистическим приемом, фигурой речи. Так, метонимия традиционно — это «перенос имени с одного объекта на другой, ассоциируемый с данным по смежности» (ЛЭС). Или схематически: «(Выражение) X (стоит) вместо (выражения) Y», ср. *Белый дом* (вм. *Правительство США*) *начал войну в Ираке*. А метафора — это уподобление одного явления другому: «X подобен Y»: *ястребы из Белого дома* (вм. *военные политики*). Когнитивная лингвистика началась с переоценки роли метафоры не только и не столько в языке, сколько в концептуальной сфере. Ее непреходящая роль в познании, мышлении и даже поведении проанализирована в самой знаменитой на сегодняшний день книге [Lackoff, Johnson 1980], сделавшей с момента своего появления тему «Метафоры, которыми мы живем» самой обсуждаемой.

Однако в последние годы когнитивные исследования метонимии показывают, что это явление, скорее всего и по меньшей мере, не менее важно, чем метафора [Panther, Radden 1999]. Это подтверждается большим количеством разнообразных фактов, свидетельствующих, в частности, что одно и то же языковое средство — метонимия, с одной стороны, используется в самых разнообразных ситуациях и функциях, т. е. полифункционально — имеет много функций, и потому очень экономно, рационально. И, с другой, сама является средством экономии усилий: это в первую очередь способ сокращения, компрессии, сжатия языковых средств при передаче заданного содержания, позволяющий имплицировать информацию. Это объясняется тем, что метонимия — не только стилистический прием языка, но и так же, как и метафора, явление концептуального плана. Оно порождается когнитивной способностью человека не только пассивно воспринимать окру-

жающий мир и наполняющие его объекты, но и интерпретировать их, осмыслять, выделять главное, сосредотачивать на нем свои усилия, выбирать наиболее экономный способ указания и описания объекта, выражения намерений и др. И если метафора в когнитивном отношении — это активный, когнитивный, творческий процесс установления *сходства* между *разными* концептуальными явлениями в *разных* концептуальных областях, то метонимия — это активный, когнитивный, творческий процесс установления *отношения смежности* между концептуальными объектами в *порождаемой* субъектом сознания концептуальной области, т. е. составляет явление концептуальной сферы. При этом в традиционной лингвистике отношение смежности считается уже существующим, причем в онтологическом, а не концептуальном пространстве, а метонимия считается преимущественно референциальным, «указательным» явлением. Тогда как ее когнитивное осмысление, как явления концептуального плана, проявляет ее связь с интерпретацией, рефлексией субъекта над объектом и языком его описания, которое имеет особое коммуникативное значение — как стилистически маркированный способ интерпретации текущей ситуации.

Метонимия — это не механическое использование отношения смежности, существующее в онтологическом пространстве, а креативное отношение к действительности и языку: построение в процессе ее осмысления концептуального пространства, установление в нем отношения смежности между разными концептуальными объектами и использование этого отношения для экономного и эффективного выделения главного — его актуализации, фокусирования на нем внимания. Наиболее ярко это свойство используется в целях референции, квалификации и идентификации. Причем в литературе выделено почти 40 типов метонимического переноса именованного: по функции, месту и др. При этом помимо референциальной метонимии выделяется еще и событийная, семантическая, синтагматическая/предикативная и прагматическая (экспрессивная/стилистическая) метонимия. Особого внимания заслуживает тот факт, что, в отличие от метафоры, метонимия может быть *обратимой*, что оказывается важным при описании ее стилистических свойств, точнее, позволяет выделить два принципиально противоположных вида метонимии — «прямую», «конвенциональную», стилистически нейтральную, и «обратную», «окказиональную», стилистически отмеченную, маркированную.

«Референциальная» метонимия: идентификация, аббревиация, именование

Наиболее яркие референциальные метонимические модели — это выражения типа профессионального жаргона: *Гамбургер просит счет* (официантки в кафе); *Скрипка не пришла* (в оркестре); *Автобусы бастуют*. Эти примеры стилистически отмечены, содержат метонимический сдвиг, особый прагматический эффект. В них нарушаются неявно сложившиеся в концептуальной системе человека когнитивные принципы осмысления действительности. В общем виде они формулируются так: «Человек важнее вещи (Human over non-human)», «Целое важнее части», «Содержание важнее формы», «Наблюдаемое важнее ненаблюдаемого», «Конкретное важнее абстрактного», «Актуальное важнее виртуального» и мн. др., подробнее см. [Radden, Koevecses 1999: 45]. Эти принципы, с одной стороны, показывают, что метонимия — не случайное, а совершенно закономерное, основанное на них, мотивированное ими явление. Оно предопределено спецификой восприятия мира человеком: он воспринимает мир не «монотонно и однородно», а выделяет главное из континуума, делает его дискретной, выделенной «фигурой» на общем «фоне», и в конечном счете формирует особые концептуальные, субъективные, субъектно-ориентированные, антропоцентрические приоритеты и ценности, интерпретирующие устройство мира с точки зрения человека.

Ситуативная, в частности, профессиональная метонимия «оборачивает» эти приоритеты и потому оказывается стилистически отмеченной, ср. в бытовой речи: *поймать мотор* — вм. *машину*; *положить на зуб* — вм. *съесть*. В отличие от них выражения типа *помыть голову* — вм. *более точного волосы (на голове)*, *зажечь елку* — вм. *лампочки (на елке)*, *чайник кипит* — вм. *вода в чайнике*, *Петя купил «мерседес»* — вм. *машину «мерседес»*, *слышу пианино/скрипку/музыку* — вм. *звуки пианино/скрипки/музыки* отражают сущность этих принципов и потому оказываются предельно привычными, обыденными, обыкновенными, ничем не примечательными и потому стилистически даже более приемлемыми, чем более точные и полные описания соответствующих ситуаций. Отсюда ясно, почему метонимия оказывается в большинстве случаев почти неуловимой, так же как, до Лакоффа и Джонсона, концептуальная метафора. Причем этот тип метонимии оказывается универсальным. Соответствующие выражения имеют аналогичные формулы во многих языках, без труда

и даже автоматически переводятся на другой язык (в отличие от стилистически отмеченной метонимии). Так, ситуация, когда контейнер — наблюдаемое, конкретное, предметное — заменяет содержимое, отражается в выражениях типа *Он съел арбуз* (вм. *мякоть арбуза*). Более того, существует множество случаев, когда метонимическое выражение уже нельзя заменить на точное полное описание, так как оно стало нормой, конвенцией, типовой моделью в отражении соответствующих ситуаций, ср. *положить книгу на стол* vs. **на поверхность стола; Собака укусила мальчика* vs. **укусила зубами; Поезд пришел* (хотя и не сам!). Это своего рода «мертвая» метонимия, неосознаваемая, привычная, прямая, «естественная», конвенциональная, закреплённая в языке, поэтому ее трудно идентифицировать: распознать, выявить, выделить. В то время как «обратная» метонимия оказывается стилистически отмеченной и потому живой, ощущаемой, явной, легко опознаваемой и даже лингвоспецифичной. Так что выражение «Гамбургер попросил счет» — это метонимический, окказиональный, стилистически отмеченный и ситуативно релевантный способ идентификации объекта в текущем референциальном пространстве, причем очень удобный: он позволяет коротко и ясно, экономно, рационально указать на объект речи в текущей профессиональной ситуации, ср. имплицитно выраженное в нем, свернутое, ситуативно значимое «Клиент, который заказал и съел гамбургер».

Таким образом, «прямая», «когнитивная» метонимия естественным образом отражает закономерности и особенности осмысления мира человеком и потому естественным образом усваивается языком: становится конвенциональной, «мертвой», стилистически нейтральной, а «обратная», коммуникативная, речевая, ситуативная метонимия отражает потребности говорящего в коммуникативно однозначном способе описания текущей ситуации, который нарушает когнитивные принципы, оборачивает их, и потому оказывается стилистически маркированным, окказиональным, «живым». При этом конвенционализация метонимического выражения избавляет говорящего от необходимости всякий раз задумываться над способом описания ситуации и высвобождает его интеллектуальные ресурсы для более насущных целей, тогда как коммуникативная необходимость в референциально однозначном указании на объект в текущей ситуации толкает его к выбору ситуативно наиболее значимого его признака, что приводит к нарушению когнитивных принципов и потому деавтоматизирует использование языка, требует метаязыковой рефлексии.

Возможность оборачивания метонимии, нарушения когнитивных принципов осмысления действительности и коммуникативных принципов ясности выражения может намеренно использоваться для создания особых стилистических эффектов: риторических, эстетических, юмористических и др., когда речь становится фигуральной, ср. *взяться за перо*, *The pen is mightier than the sword*. Так, эвфемизмы также оказываются метонимиями, ср. *слово на три буквы*, *four-letter word*. Так что метонимия «по совместительству» может еще выступать и как косвенное референциальное средство, позволяющее говорить неявно о том, о чем прямо говорить неудобно, неуместно и т. п., т. е. является средством импликации информации, намерений и т. п.

Особый когнитивный и коммуникативный статус метонимии в том, что, заменяя часть на целое, содержание на форму, ненаблюдаемое на наблюдаемое, внеситуативное на ситуативное и т. п. или наоборот, т. е. выделяя главное и важное, метонимия позволяет экономить усилия: она сокращает способ указания на объект и представления информации о нем, фокусирует внимание на главном и тем самым повышает эффективность общения; сокращение количества языковых средств приводит к качественному улучшению коммуникации и даже повышает ее ясность и понятность. Очень эффектно это явление демонстрируется сокращениями, которые также являются не чем иным, как метонимией. Сокращения, аббревиатуры, акронимы, усечения слов: *ООН*, *НАТО*, *СНГ*, *универ*, *ехат* — это выбор конвенционального именования или создание окказионального, которое в концептуальном пространстве «языковое обозначение» вступает в отношение смежности с полным именованием и заменяет его в речи, как в классической формуле метонимии: «X вместо Y», и является более экономным средством референции, ср. также *notebook computer* — *notebook*. Таким образом, метонимия в первую очередь — это экономия усилий и языка, фокусирование внимания и выделение главного, его интерпретация, и к тому же еще ясность и прозрачность смысла.

Далеко совсем не механическим оказывается и выбор метонимического средства референции — концепта, смежного с данным и способного его заменять и эффективно идентифицировать. Так как, согласно когнитивной интерпретации метонимии, она связана с построением концептуального пространства и выбором из него оптимального именования, то отношение смежности может связывать не только два объекта (концепта), но и один концепт с множеством других: у целого много частей, у человека множество

отличительных особенностей и т. п. При этом метонимия подразумевает не просто механический и формальный выбор любого смежного явления-концепта (части и т. п.), а качественную, когнитивно, ситуативно и лингвистически значимую, осмысленную, содержательную операцию выбора, интерпретации того, что наиболее характерно, прототипично, показательно, так, чтобы однозначно представлять и заменять, например, целое, в частности, в данной конкретной ситуации. Особенно ярко этот факт проявляется в ономастике, в обозначении людей и образовании имен, прозвищ и фамилий. Метонимия оказывается здесь универсальным конвенциональным способом образования фамилий во всех языках.

Так, все следующие типы фамилий образованы метонимически: 1) *Иванов* — сын Ивана: в качестве идентифицирующего данного человека признака выбран прототипический — то, что он является сыном Ивана; ср. *Петров, Сидоров, Кузьмин*; 2) *Пастухов, Кузнецов, Мельников, Рыбаков* — характерная черта: род занятий; 3) *Краснов, Чернов, Белов, Рыжов* — внешний вид; 4) *Усов, Глазов, Лобов, Носов, Безруков, Долгорукий* — выделяющиеся особенности внешности; 5) *Озеров, Роцин, Москвин* — местность. Таким образом, важнейший фактор успешной коммуникации — потребность в экономных дистинктивно эффективных именах и названиях — активно использует метонимию в качестве средства снятия неоднозначности, референции, идентификации, интерпретации и компрессии, экономии, ср. *Рыжов* — человек с рыжими волосами. Метонимия используется не только как средство референции к объектам, но и как средство описания и представления целой ситуации.

«Событийная» метонимия

Многофункциональность и потому экономность, синкретичность и гибкость метонимии проявляется, как уже отмечалось, в том, что она используется не только как средство референции к объектам, но и как средство описания и представления целой ситуации, точнее, ее интерпретации. Конвенционализация — лексикализация и грамматикализация соответствующих средств, включение их в словарь и грамматику (синтаксис), в свою очередь, свидетельствует о значимости метонимических моделей в осмыслении и вербализации событийного пространства — его дискретизации, символизации, упорядочивании — и осознании их «над-ситуативной» значимости. При этом становится очевид-

ным, что метонимия основана не только на знании языка, но и на практических, «экспериенциальных» знаниях о пространственно-временном устройстве мира, на культурных знаниях о социальном устройстве общества, социальных нормах поведения и т. п., на умении их интерпретировать: выделять в них главное, наиболее значимое и показательное, инвариантное, репрезентативное, приоритетное, определять наиболее характерную часть, такую, что наиболее экономно и точно даст представление о целом, ср. *Она говорит по-английски*, имплицитное *понимает, пишет, читает*. Описание сложного процесса посредством метонимии, через указание на какой-либо его этап: начальный, конечный, центральный, главный — это «энергосберегающая», экономная, синтетичная и качественно эффективная стратегия: и интеллектуальная, интерпретативная, и рефлексивная, метаязыковая. Так, выражение *пригубить* — метонимическое, оно описывает некоторое действие/процесс посредством указания на его начальную стадию. Но это не просто его идентификация и экономная дескрипция, это выделение, подчеркивание и изображение главного — манеры поведения. В этом проявляется креативный смысл метонимического описания ситуации: выделение наиболее характерного и выбор этого характерного для представления всей ситуации. Это качественно точное и выразительное описание ситуации, ее квалификация через сокращение количества используемых для этого языковых средств, описание сложного, «многокомпонентного» события через одну из его составляющих, его креативная интерпретация.

Метонимия часто основана не только на «спецификации» и «конкретизации» сложного процесса посредством выделения в нем наиболее характерной части, ср. *сдаться* — *сложить оружие*, *перестать читать* — *отложить книгу* (ср. выше «Конкретное важнее абстрактного»). Она может также обобщать: «расставить и разложить столовые приборы на поверхности стола» — *накрыть на стол*; «сварить суп, поджарить мясо и т. п.» — *приготовить обед*. Обе эти операции, конкретизация и генерализация, когнитивно связаны, обозначают мыслительные, дополняющие друг друга процессы, синкретично и креативно воплощенные в метонимической интерпретации события.

«Семантическая» метонимия: образование производных/переносных значений

Метонимия, как и метафора, — важнейшее средство в порождении переносных значений и важнейший источник/двигатель

полисемии — одного из наиболее значимых явлений в языке, особенно с точки зрения экономии усилий и средств для передачи заданной информации. Полисемия позволяет меньшим количеством средств выразить большее количество информации и потому является качественно выделенным свойством языка. Оно придает языку гибкость, экономность, обеспечивает его самоорганизацию и эффективность, т. е. участвует в его качественном развитии. Так, огромное количество производных отглагольных значений образовано по модели *Автобус остановился — остановка автобуса (во время пути) — автобусная остановка (за углом)*. Вообще же образование глаголов от существительных и прилагательных, существительных и прилагательных от глаголов и т. п. — это метонимический перенос, ср. *белый — белила — белить — отбеливать, зима — зимовать*. Самое яркое и широкое распространение этот способ семантической деривации получил в английском языке в виде конверсии. Она позволяет, в частности, почти из любого существительного и прилагательного сделать глагол и наоборот: *to dust a table, to table goods, to shelve books, to book a ticket, to sneeze off a napkin*.

При порождении производных и переносных значений (как и во всех других случаях) метонимия часто переплетается с метафорой и часто образует фразеологизмы и идиомы. Так, *консервировать* — «делать консервы», это метонимическое описание ситуации обработки продуктов для длительного хранения, состоящей из множества последовательных этапов. Для его именования метонимически выбран всего один, ср. англ. *a can* — «консервная банка», *to can* — «класть в консервную банку»; ср. основанное на нем переносное, метафорическое выражение — *законсервировать (стройку)*. Подобная метонимия берет начало в речи — как сокращение, а затем отражается в словаре — лексикализуется и образует новое значение слова, ср. англ. *bar* — «стойка» — «(питейное) заведение (со стойкой)» [Koch 1999: 140]. Метонимия лежит в основании креативных процессов расширения значения, выступает в качестве основания для метафоры и может совмещаться с ней. Например, выражение *придержи язык* в целом обозначает «помолчи, не проговорись», где носителем идеи говорения и речи, средством их метонимической интерпретации, выступает имя объекта, участвующего в порождении речи, — *язык* как орган, который, метонимически, приобретает расширительное, интерпретативное, новое значение «речь».

Семантические свойства метонимии основаны на том, что она активизирует когнитивные стратегии: актуализирует целую об-

ласть знания — концептуальное пространство, является входом в него, «двигателем», vehicle, приводящим в действие механизмы достижения цели — target, открывает доступ в соответствующее концептуальное поле в целом. Так, достаточно сказать «деньги», как целый комплекс соответствующих ситуативных знаний, все его основные концептуальные связи оказываются активизированными. Поэтому на всех языках метонимическое, и потому интерпретативное, и в то же время свернутое, содержащее подтекст, выражение *Он женился на деньгах* будет понято одинаково хорошо и однозначно, причем это — стилистически отмеченная, живая, не лексикализованная метонимия, придающая речи экспрессивность.

Метонимия как средство повышения экспрессивности речи

Одно из наиболее важных когнитивных и коммуникативных противопоставлений в языке связано с представлением об *интенсивности*: происходящих в мире процессов — с одной стороны, и выражения отношения к происходящему в мире — с другой, или интенсивность проявления и интенсивность выражения (отношения). Их взаимосвязь между собой, с когнитивным, коммуникативным/экспрессивным и метаязыковым в языке еще только начинает осмысляться. Одним из путей ее изучения является анализ метонимии в языке и речи. Что, в свою очередь, проливает новый свет на само устройство языка, его обновление.

Переживать происходящее — в виде чувств, эмоций, отношения и ответной реакции — неотъемлемое естественное свойство человека и потому его языка. При этом «количество» переживаемых эмоций и «качество» происходящего часто сливаются воедино и воплощаются в экспрессивности речи. Так, большое / слишком малое количество вызывает качественную — эмоциональную реакцию и наоборот, ср. *Какой сильный дождь!* vs. **Какой несильный дождь!* Один из способов повышения экспрессивности речи — интенсификация и гиперболизация, а одно из важных средств — метонимия. Так что в речи концептуальная сущность метонимии, ее многофункциональность и интерпретативный характер получают дальнейшее развитие в качестве стилистически и прагматически отмеченного средства повышения экспрессивности речи.

Так, «стилистическая метонимия», метонимия как стилистический прием придает речи выразительность, изобразительность, оценочность и экспрессивность. Особенно ярко это проявляется в

использовании идиом, которые, в свою очередь, часто подразумевают гиперболизацию, «намеренное преувеличение количества», поэтому идиомы — важное средство экспрессивизации речи. Показательно, что многие из них основаны на метонимии. Например, выражение *бежать во все лопатки / так что только пятки сверкают* описывает «наибольшую степень проявления», «количество»; описывает метонимически: через указание на одну, очень характерную черту, т. е. является лаконичным, «конкретизирующим» и выразительным; соответствует параметру Magn; описывает экспрессивно, выражая определенное «качество», эмоциональное отношение субъекта речи к происходящему. Ср. *Попробуй только пальцем тронуть — и тебе несдобровать* — это метонимическое, экспрессивное выражение предупреждения: гиперболизированное описание ситуации, интенсификация, подчеркивание серьезности намерений. Ср. гиперболизированное и потому обладающее повышенной экспрессивностью описание такого отрицательного свойства, как глупость, через «количественную», метонимическую, интерпретативную характеристику — *Двух слов связать не может*.

«Прагматическая метонимия» как один из важных способов повышения экспрессивности речи воплощается, в частности, в «несобственном», прагматически связанном использовании эпитетов, когда в речи положительный эпитет употребляется вместо своего антонима, отрицательного эпитета, и наоборот: отрицательный эпитет — вместо противоположного ему положительного, т. е. метонимически. В первом случае возникает ирония: *Да, хорошенькое дело; Дела как сажа бела; Ты настоящий друг — бросил в трудную минуту*. Во втором случае — интенсификация описания и выражения отношения: *Было ужасно весело; Он страшно забавный / чудовищно аккуратный*. Интенсификация возникает благодаря тому, что здесь отрицательные эпитеты используются для характеристики положительных качеств. Возможность такой метонимической замены объясняется тем, что в концептуальном пространстве оценки соответствующие эпитеты не только противостоят друг другу, но и дополняют друг друга, находятся в отношении смежности, образуют единое концептуальное пространство, осознание которого составляет важную часть метаязыкового сознания говорящего. Но почему именно отрицательные эпитеты обладают большей экспрессией? Дело в том, что, несмотря на то что все чувства и эмоции характеризуются своими проявлениями и интенсивностью, именно отрицательные эмоции психологически оказываются более сильными, чем положитель-

ные. Так, самым сильным чувством является страх. Соответственно, описывающие сильные отрицательные чувства эпитеты выражают не только отрицательный «знак», но еще и «большое количество данного качества», интенсивность. В этом они соответствуют параметру *Magп* и синонимичны слову *очень*, но отличаются от него большей экспрессивностью, «интенсивно» маркируют большое количество, интенсивность явления. Метонимический смысл такого коммуникативного использования отрицательных понятий в том, что при этом на первый план выходит передаваемый ими дополнительный смысл, «интенсивность», тогда как основной отрицательный смысл нейтрализуется; ср. *сумасшедшие деньги*, *безумная/умопомрачительная красота*. Соответствующий «выделительный» смысл приравнивает отрицательные эпитеты к междометиям, ср. *Oго!*, *Вот это да!*

В целом бóльшая экспрессивность отрицательных эпитетов объясняется их психологической выделенностью и отмеченностью, в частности наличием в их значении отрицания. В результате они стали одним из наиболее сильных, действенных и распространенных средств выражения эмоциональной реакции в разговорной речи, а также выделения, подчеркивания особого отношения к описываемой ситуации. Именно поэтому подобная «экспрессивная метонимия» очень широко используется в сленге, ср. англ. *terrible* — ‘the best; wonderful’ [Vosshagen 1999: 290–308]. Это порождение нового значения слова и его функции — интенсификации, эволюция языка, проявление его гибкости, а также метаязыковой способности говорящего выражать одну и ту же мысль различными и новыми языковыми средствами.

Синтагматическая метонимия. Язык как семиотическая метонимия

Огромное количество нереференциальных языковых выражений можно интерпретировать как «одно языковое выражение (прототипическое, исходное, косвенное, производное и т. п.) стоит вместо другого»: *Я завтра иду в кино / сдаю экзамен / уезжаю* вм. *пойду / буду сдавать / уеду*; *Не откроете ли окно?* вм. *Откройте окно*; *Могу себе представить* вм. *Представляю*; *Ребенок ходит?* вм. *умеет ходить?* При этом использование одного выражения вместо другого создает определенный прагматический эффект. Таким образом, все случаи прототипического, исходного или, напротив, непрямого, косвенного, переносного, несобственного, а также свернутого, сокращенного, усеченного и т. п. упот-

ребления языковых выражений вместо противопоставленных им можно интерпретировать как метонимию. Ср. название части речи *местоимение* — «вместо имени»; заместительную роль англ. *do* в *Do you love me? — I do* (вм. *love*). Более того, сам факт использования языка вместо указательного жеста или действия метонимичен: вместо того чтобы показать на небо, книгу, дверь (ср. *Вон!*), мы произносим соответствующие слова. Здесь вместо предмета, объекта или действия стоит языковой знак, сам указывающий на объект и образующий с ним в семиотическом концептуальном пространстве смежную пару. При этом «количественные» возможности языка по сравнению с жестом безмерно расширяются: указать можно только на то, что есть здесь и сейчас, а язык позволяет указывать и описывать все что угодно. Соответственно, метонимически можно трактовать и процесс перевода с одного языка на другой — как использование выражений одного языка вместо выражений другого языка.

И наконец, самое удивительное свойство языка — его способность передавать больше информации, чем явно, словесно, выражено в высказывании и тексте. Оно также непосредственно связано с количеством и качеством передаваемой информации. Это становится очевидным, если сравнить естественный язык с языком математики. Математический язык выражает только то, что содержится в высказывании-формуле: $2 + 2 = 4$; $5 \times 5 = 25$. Способность естественного языка передавать «недискурсивные» знания наиболее ярко воплощается в подтексте, а наиболее показательно — в поэзии, художественной литературе, афоризмах, пословицах, юморе, шутках, анекдотах, ср. *Цыплят по осени считают*. В языке существует множество самых разнообразных средств и способов имплицирования информации и создания подтекста (подробнее см. [Рябцева 2002]), и одним из них является метонимия, ср. *Нищий стучится в дом и говорит: Мадам, я уже три дня не видел мяса. И слышит в ответ: Сара, покажи ему котлету*. Подтекст — неявно выраженная, невербализованная информация — придает дискурсу качественно новое свойство, асимметрию формы и содержания. Дополнительное, неявно выраженное «количество» информации не просто экономит усилия, а имеет принципиально качественный характер: оно становится главным в сообщении и общении: несет их смысл, воплощает их цель, является их истинным содержанием.

Таким образом, рациональное количество — это не только счет, измерение, вычисление и т. п., но и множество сопряженных с ними качественных, познавательных, мыслительных, теоретиче-

ских и практических операций, имеющих аксиологический смысл: сокращение, компрессия, выделение, фокусирование, расширение, спецификация, обобщение, ранжирование, выражение отношения, интерпретация и др. Может быть, количество не было бы так важно, если бы оно не было связано с качеством: количество обязательно переходит в качество, а качество обязательно должно поддаваться количественному представлению; одно невозможно без другого. Количество — это всегда и обязательно в некотором роде качество, а качество — это всегда и обязательно в некотором роде количество. Это две стороны одной медали. И от этого значение количества многократно возрастает. Но связь между количеством и качеством далеко не прямая и однозначная: больше не значит лучше, а меньше — хуже. Сам язык устроен по принципу «лучше меньше, да лучше». И в этом его мощь, эффективность, универсальность и антропоцентричность.

Итак, метонимия как явление, используемое в языке и речи и связывающее их, многофункционально, синкретично, креативно и потому экономно и эффективно. Оно одновременно когнитивно, значимо с точки зрения познания устройства мира (и языка), и коммуникативно, стилистически отмечено. Оно направлено на то, чтобы повышать эффективность не только коммуникации, но и самого языка: позволяет предельно сжато указывать и идентифицировать объект речи, развивает полисемию, позволяет компактно воплощать коммуникативные намерения, создает особые стилистические и прагматические эффекты, тем самым совмещая рациональное и эмоциональное в языке и речи, познание и интерпретацию. Оно показывает, каким образом текущий экспериенциальный, познавательный, коммуникативный и метаязыковой опыт воплощается в языке, лексикализуется, фразеологизируется, грамматикализуется, конвенционализируется, становится общим достоянием, развивает язык и заставляет эволюционировать мышление, в том числе и метаязыковое, проявляя одновременно и рациональность, и антропоцентричность освоения мира человеком.

ЛИТЕРАТУРА

- Рябцева 2000 — *Рябцева Н. К.* Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2000.
- Рябцева 2002 — *Рябцева Н. К.* Дискурсивное vs. недискурсивное знание в языке, познании, мышлении, культуре и коммуникации // Вестник РГНФ. М., 2002. № 1.

- Степанов, Проскурин 1993 — *Степанов Ю. С., Проскурин С. Г.* Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993.
- Koch 1999 — *Koch P.* Frame and Contiguity: On the Cognitive Bases of Metonymy and Certain Types of Word Formation // Panter, Radden 1999.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago, 1980.
- Panther, Radden 1999 — Metonymy in Language and Thought / Eds. K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1999.
- Radden, Koevecses 1999 — *Radden G., Koevecses Z.* Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / Eds. K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1999.
- Vosshagen 1999 — *Vosshagen Ch.* Opposition as a Metonymic Principle // Metonymy in Language and Thought / Eds. K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam; Philadelphia; Benjamins, 1999.

В. М. ТРУБ

О КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ГРАДАЦИЯХ В ЗНАЧЕНИЯХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В рамках исследования категории оценки представляет интерес изучение функционирования прилагательных типа *известный (популярный) / крупный (знаменитый) / замечательный (выдающийся) / великий (гениальный, прославленный...)* и т. д. При сопоставлении этих прилагательных бросается в глаза то, что их значения соотносятся с разными величинами на шкале аксиологической оценки. Тем самым в их значении проявляется не бинарная оценка (типа 'хорошо'/'плохо' — ср. противопоставление *Страна Советов / совдепия*), а оценка «педагогически-экзаменационного» плана, допускающая разные градации положительного.

Большинство рассматриваемых прилагательных могут в равной мере характеризовать результат деятельности некоторого лица (в частности — его произведение) и быть обобщенной характеристикой автора, которая основывается на оценке результатов его деятельности. Тем самым второе значение формируется вследствие действия метонимии — оценка результата деятельности метонимически переносится и на самого деятеля. Одним из исключений является прилагательное *значительный*, которое нормативно может характеризовать произведение, но не его автора — ср. **значительный физик (математик, архитектор...)*. Нас будут интересовать употребления второго типа.

В первом приближении ассертивная часть их значения может быть представлена как итоговое положительное оценочное суждение, базирующееся на осуществленных ранее многократных однотипных актах «шкальной» положительной оценки деятельности некоторого лица — актах, каждый из которых имеет собственного субъекта. При этом количество осуществленных оценочных актов с разными субъектами увеличивается по мере нарастания степени положительности оценки, отраженной в значениях прилагательных ('известный', 'популярный' < 'знаменитый' < 'выдающийся' < 'гениальный', 'великий', 'прославленный', 'легендарный'). Имеется в виду, что в качестве субъектов оценки выступает широкий круг «экспертов», высококомпетентных в той области деятельности, которой посвятило себя лицо, заслужившее их высокую оценку.

Это могут быть, например, специалисты в какой-либо научной области (математики, физики, химии, языкознания и т. д.). Очевидно, что оценочная часть значения прилагательных представляет собой совокупность частной и общей оценки [Арутюнова 1988: 75–80] — привязанной к конкретной предметной области частной нормативной оценки результатов чьей-либо деятельности, которая переходит в ту или иную степень положительной общей оценки деятеля. Понятно, что если речь идет об оценке деятелей литературы и искусства (живописи, музыки, театра и т. д.), то круг «экспертов» существенно расширяется и становится более массовым. При этом следует учитывать, что нормативность подобных атрибутивных словосочетаний (особенно с прилагательными наивысшей оценки) в значительной степени зависит и от того, соответствует ли эта оценка господствующей в данный момент политической идеологии. В основе подобных употреблений лежит трехчленная структурная формула, состоящая из:

1) итогового прилагательного положительной оценки, отражающего степень признания, достигнутого лицом, о котором идет речь;

2) существительного (или группы существительного), указывающего на вид успешной деятельности данного лица, и факультативного прилагательного, обозначающего страну его гражданства;

3) развернутого имени собственного данного лица (например, имя, отчество и фамилия).

Ср.: *великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин; великий русский композитор Петр Ильич Чайковский; выдающийся русский изобретатель Александр Степанович Попов.*

Следует сразу оговориться, что здесь рассматриваются именно те значения исследуемых прилагательных (оценочная характеристика профессиональной или общественной деятельности некоторого лица), которые они приобретают в рамках структурных формул. Вне этих ограничений некоторые прилагательные могут принимать другие значения, характеризуя и другие типы объектов, ср., например, *известное (популярное, знаменитое...) лекарство.*

В то же время некоторые прилагательные (*великий, гениальный, прославленный*) могут сочетаться и только с (сокращенным) именем собственным — *великий Пушкин, гениальный Чайковский, прославленный Паганини...*

В действительности второй и третий компоненты структурной формулы функционально соотносятся с семантическими валентностями соответствующего оценочного прилагательного. Это становится очевидным при рассмотрении кратких форм, параллельных некоторым прилагательным, ср: *Х известен (знаменит, популя-*

рен, прославлен, признан...) как *Y* среди *Z*-ов, где *X* соответствует валентности субъекта, которая заполняется именем собственным, *Y* — валентности области успешной деятельности *X*-а, *Z* — валентности аудитории, которая положительно оценивает деятельность *X*-а. Эта валентность опосредованно конкретизируется прилагательным, обозначающим страну гражданства *X*-а.

Ср. также предикативные конструкции типа *X* стал известен (знаменит, популярен...) как *Y* среди *Z*-ов и глагольные употребления, в состав которых входят существительные вида *S*₀ или *S*₁ (см. [Жолковский, Мельчук 1967: 183, 209], производные от данных прилагательных: *X* приобрел (завоевал) известность (признание, популярность) как *Y* среди *Z*-ов; *X* завоевал славу тем, что *Y* (среди *Z*-ов); *X* стал знаменитостью в области *Y*... (знаменитость = *S*₁ (быть знаменитым)).

Показательны также идиоматические обозначения параметра Magn от данных производных существительных. В этих случаях значения Magn указывают на максимальную степень охвата аудитории, положительно оценивающей деятельность *Y* *X*-а: *широкая популярность, широкая известность, всеобщее признание, всемирная (громкая) слава; мировая знаменитость*.

Очевидно, что такая же актантная структура свойственна и прилагательным типа *великий, гениальный, замечательный, выдающийся...*, хотя эти валентности (области деятельности, аудитории) являются для данных прилагательных семантически сильными, но синтаксически нулевыми (см. [Апресян 1974: 155]). В то же время они могут нормативно конкретизироваться в полной структурной формуле.

Следует отметить некоторую «эмоциональность», произвольность присвоения наивысшей оценки, зафиксированной в данных прилагательных. Даже беглый взгляд на заглавия современной антологии «Сто великих...» дает представление о причудливом разбросе реалий, которым человеческое сознание склонно приписывать статус «великих». Так, помимо, казалось бы, естественного возвеличивания крупных фигур, оставивших неизгладимый позитивный след в развитии цивилизации и культурной памяти человечества, в разные множества из «100 великих...» входят, если верить заглавиям, еще и диктаторы, властители, аристократы, любовники, любовницы, а также памятники, награды, театры, войны... Такая произвольность, необоснованность присвоения наивысшей оценки проявляется, в частности, в невозможности непротиворечивого употребления подобных имен в развернутых структурных формулах, ср. ²*великий римский диктатор Нерон*.

Эта особенность часто проявляется и в ограниченной сочетаемости данных прилагательных с наименованиями представителей некоторых профессий. Имеется в виду, что не все виды деятельности как бы могут получать наивысшее признание. Так, большинство рассматриваемых прилагательных неприменимо к обозначениям представителей рабочих профессий (слесарям, токарям, сварщикам, сантехникам и др.) — профессий, предписывающих выполнение конкретных действий и оцениваемых с позиций жестких нормативов — ср.: *слесарь (токарь...) 2-го разряда, образцовый дворник* и т. д. Поэтому нельзя сказать **великий (выдающийся, крупный...) слесарь (сантехник...)*, хотя допустимо *хороший слесарь (сантехник...)*.

Высокой оценки, выражаемой данными прилагательными, удостоиваются деятели, успехи которых в той или иной области являются результатом проявления незаурядного интеллектуального, творческого потенциала, героизма, но не, скажем, физических природных данных как залога крупных спортивных достижений. Поэтому не принято величать *великими* или *гениальными* известных спортсменов — футболистов, теннисистов, боксеров и т. д., ср.: **великий (гениальный) Сергей Бубка (Шевченко (футболист)); *гениальные братья Кличко...*

В этом ключе чаще всего говорят о деятелях науки и искусства. Однако и здесь наблюдается определенная асимметрия. Существуют *великие писатели, поэты, драматурги, художники, композиторы, актеры, певцы, пианисты, скрипачи*, «потребителями» творческой деятельности которых являются широкие массы. Есть *великие мыслители, математики, физики, химики, физиологи, естествоиспытатели, историки, философы, первооткрыватели, изобретатели...* Однако так могут быть охарактеризованы представители не всех научно-исследовательских дисциплин. *Великий, гениальный, прославленный...* сочетаются с общими наименованиями достаточно известных, устоявшихся профессий, смысл и функция которых должны быть доступны общественному сознанию. Поэтому данные прилагательные не характеризуют лиц с довольно узкой специализацией — ср.: *великий географ*, но не **великий океанолог (геоморфолог, кристаллограф, почвовед...)*. Есть *великие астрономы, физиологи*, но не **великие астрофизики (нейрофизиологи, патофизиологи)*. Данные наименования намного естественнее сочетаются с прилагательными типа *выдающийся, замечательный*.

Не говорят в этом ключе и о представителях распространенных медицинских специализаций — терапевтах, отоларинголо-

гах, стоматологах, невропатологах, патологоанатомах и т. д., хотя некоторые хирурги, нейрохирурги и могут характеризоваться как *выдающиеся*.

Среди представителей военных профессий возвеличиваются военачальники, обозначенные номинациями, в состав значения которых входит компонент наивысшей оценки, ср.: *великий (гениальный, прославленный) полководец (флотоводец)*. В подобных случаях имеет место согласование наивысших оценок, выраженных прилагательным и существительным. Ср. в связи с этим малоприемлемость сочетания *выдающийся полководец*, где такая согласованность нарушается: положительная оценка, заключенная в прилагательном *выдающийся*, все же меньше оценки, содержащейся в существительном *полководец*. Тем более неправильны сочетания **известный (видный, крупный...) полководец*. Прилагательные не наивысшей оценки свободно сочетаются с существительным *военачальник*: *выдающийся (известный, видный, крупный...) военачальник*.

Все рассматриваемые прилагательные несовместимы с обозначениями воинского звания характеризуемого лица: **великий (выдающийся, известный...) генералиссимус (маршал, полковник, майор...)*. Ведь воинское звание, указывая на место, которое данное лицо занимает в иерархии табели о рангах, тем не менее не образует номинации его как военного деятеля, который может стать объектом оценки (в отличие, например, от никак не привязанной к данной иерархии номинации *воин* — ср. *великий воин Албании Скандербег*).

Прилагательные, описывающие не наивысшую степень положительной оценки, как правило, указывают на лиц — современников говорящего. В противном случае прилагательное сопровождается уточняющей временной характеристикой: *известный (популярный, знаменитый...) в двадцатые годы (в то время...)*. Атрибутивы более высокой оценки, характеризуя ныне здравствующих деятелей, напротив, часто допускают временное уточнение: *выдающийся режиссер (политический деятель...) современности*.

Прилагательные же типа *великий* нормативно отражают «вневременную» оценочную характеристику лиц, уже не являющихся современниками говорящего. (Ср. в этой связи реплику *Вот здесь жил великий Рихтер* из интервью с известным кинорежиссером Олегом Осетинским, снимавшим фильм о Рихтере уже после кончины музыканта.) Исключение составляют возвеличиваемые при жизни представители достаточно экзотических

профессий, высокая оценка которых навязывается господствующей в социуме политической идеологией (ср.: *великий Ленин, великий Сталин*), область деятельности которых в развернутых структурных формулах описывается словосочетаниями типа *вождь мирового пролетариата, вождь и учитель, отец народов, вождь и отец* и т. д. Но характерно, что спустя некоторое время после завершения их земного пути подобные деятели обычно утрачивают свое «величие». Заметим также, что в словосочетаниях *Великий визирь, Великий инквизитор* и других подобных прилагательное употребляется как компонент наименования наивысшей должности в определенной иерархии и не выполняет оценочной функции. В выражениях типа *великий знаток, великий умелец* прилагательное служит идиоматичным обозначением наивысшей нормативной оценки, которая не переходит в общую оценку.

Что же касается лиц, которые объективно заслуживают подобной максиположительной характеристики, то она закрепляется за ними постоянно, независимо от величины временного интервала, отделяющего время их жизнедеятельности от времени говорящего.

Остановимся на семантических особенностях рассматриваемых прилагательных. Как мы видели, в ассерцию дескриптивной части их толкования входит «итоговая» оценка, которая базируется на многочисленных оценочных актах, осуществленных разными субъектами. При этом в значениях прилагательных *известный, популярный, знаменитый, крупный, видный* и т. д. имеется в виду, что говорящий просто констатирует ту степень позитивности, с которой социум оценивает того или иного деятеля. Значения же прилагательных типа *выдающийся, гениальный, прославленный, великий* указывают на то, что говорящий и сам активно разделяет оценку деятеля, данную социумом. Эта оценочная информация располагается в модальной рамке говорящего.

Другой важной особенностью исследуемых прилагательных является то, что, отмечая ту или иную положительную степень профессионализма данного лица, они одновременно так или иначе выделяют его среди всего множества специалистов того же профиля.

Примечательно, что прилагательные *прекрасный* и даже *замечательный* (ср.: *X — прекрасный (замечательный) физик (математик, лингвист...)*), высоко оценивая компетентность X-а в соответствующей области, характеризуют X-а «самого по себе», без сопоставления с другими коллегами.

Прилагательные же *известный, популярный, видный, крупный, знаменитый, выдающийся, великий*, указывая на степень высокого профессионализма некоторого лица, одновременно отра-

жают и уровень его «исключительности» на фоне других представителей той же профессии. Имеется в виду, что чем выше степень положительной оценки, тем в более узкое (= более избранное) подмножество рассматриваемого множества специалистов входит данное лицо. Так, выражения типа *известный (знаменитый, видный, крупный, выдающийся...) русский физик X* последовательно дают представление о все возрастающей оценке уровня компетентности лица X и о его вхождении во все более сужающиеся подмножества множества русских физиков. А выражение *великий русский физик X* обозначает предельный случай, когда X как единственный противопоставляется всему множеству русских физиков. При этом отмечается его уникальность (как физика) на всем временном пространстве, начиная от времени его жизнедеятельности (т.е. на пространстве, не привязанном к какому-то конкретному временному периоду, в частности — и ко времени говорящего).

Употребление превосходной степени сравнения рассматриваемых прилагательных (ср.: *известнейший, знаменитейший, крупнейший, наиболее выдающийся...*) как бы «максимализует» степень положительности, предусмотренную исходной нейтральной формой прилагательного, которая, однако, не превышает — оценка лица, охарактеризованного данной формой прилагательного, не может превзойти пределы позитивности, закреплённые за его значением. При этом указывается, что лицо, о котором идет речь, обладает степенью позитивности большей, чем все другие индивидуализированные члены того «избранного» подмножества, объем которого задается значением соответствующего нейтрального прилагательного. Отмечается также, что говорящий активно присоединяется к данной оценке (даже если значение нейтральной формы прилагательного ограничивается простой констатацией типа положительной оценки, присвоенной деятелю социумом).

Прилагательные в сравнительной степени здесь не рассматриваются, так как их использование нормативно предполагает, что в поле зрения говорящего и слушающего находится по крайней мере два индивидуализированных объекта (лица). Нас же здесь интересуют ситуации, когда одно лицо сопоставляется с целым множеством ему подобных.

Представляют интерес и коммуникативные особенности данных оценочных прилагательных. Все они могут выполнять интродуктивную функцию, фигурируя в развернутых структурных формулах, в которых, как уже отмечалось ранее, так или иначе отражается профессиональная принадлежность оцениваемого деятеля, страна его гражданства и полное имя. Тем самым дан-

ные прилагательные используются в ассертивном режиме, входя в состав средств **первого упоминания** о соответствующем лице. Имеется в виду, что нормативно слушающий (как бы) впервые узнает об этом человеке, области его профессиональной деятельности и степени его признания социумом. При этом все компоненты передаваемой информации последовательно подаются в ассертивном режиме (как новая информация).

Данная информация может быть представлена по крайней мере двумя различными синтаксическими структурами за счет ее различного распределения между компонентами этих структур.

В первом случае, как мы видели, формула представляет собой единое номинативное словосочетание, образующее группу подлежащего некоторого незавершенного предложения, которое обязательно должно содержать по крайней мере один дополнительный рематический компонент, реализуемый группой сказуемого, ср.:

(1) *Великий русский поэт А. С. Пушкин...*

Во втором случае из материала развернутой структурной формулы строится самостоятельное предложение, подлежащее которого соотносится с соответствующим именем собственным, а сказуемое — с остальной оценочной частью формулы:

(2) *А. С. Пушкин — великий русский поэт.*

В коммуникативном плане выражение (1) имеет большее преимущество перед (2), поскольку (1) может оказаться приемлемым и для тех слушающих, которые хорошо знают, кто такой Пушкин, однако для них может представлять определенный интерес последующая рематическая информация, которой предстоит реализоваться в группе сказуемого. А (2), где сказуемое выражает оценочную часть структурной формулы и вся законченная фраза несет информацию только об устоявшемся мнении о величии Пушкина как поэта, может быть закономерно адресована лишь тем адресатам, которые об этом не знают.

В то же время, как было отмечено выше, ограниченное число прилагательных, обозначающих высшую степень социального признания какого-либо лица, допускают и другой режим употребления, сочетаясь лишь с сокращенным вариантом его имени: *великий Пушкин (Толстой), гениальный Ломоносов (Чайковский), прославленный Паганини*.

Подобные обозначения могут выполнять две разные функции.

1) В рамках первой функции они также рассматриваются как интродуктивные, однако служат средством уже не первого упо-

минания, а первого **напоминания**. Указывая на определенного деятеля, они употребляются уже не в ассертивном режиме, а в режиме прагматической презумпции и нормативно исходят из того, что слушающий хорошо осведомлен и о характере деятельности данного лица, и о высокой степени ее общественного признания. Функция таких обозначений, помимо указания на соответствующего деятеля, состоит в актуализации этой информации (ее извлечении из долговременной памяти слушающего).

2) Кроме того, данные обозначения способны выполнять и собственно оценочную функцию. В определенных контекстах они могут выступать средством выражения «самовольной», личной оценки говорящим достижений некоторого лица — оценки, которая (еще) не подкреплена, не опирается на единодушное устоявшееся оценочное мнение социума, ср. приведенную выше реплику О. Осетинского *Вот здесь жил великий Рихтер*. Ср. также: *Меня... поразило, что великому Якобсону... оказалось столь важным мнение малоизвестного оппонента* (А. Жолковский). Тем самым подобные «сокращенные» употребления указывают на одну из частных, отдельных оценок (с единственным субъектом — говорящим), из которых впоследствии постепенно и складывается итоговое оценочное мнение социума. В этих случаях двучленные атрибутивные словосочетания не являются простыми сокращениями развернутых структурных формул. Так, в приведенных двух примерах они не эквивалентны сокращенным обозначениям, опирающимся на прагматические презумпции вида 'Свято-слав Рихтер — великий русский (советский) пианист', 'Роман Якобсон — великий русский языковед'. В последних выражениях указание на страну гражданства или происхождения соответствующего лица как раз и отражает устоявшееся всеобщее признание его профессиональных достижений. Рассматриваемые же примеры предполагают, что ассертивный, интродуктивный характер имеет только оценочный акт говорящего.

Показательно, что для подавляющего большинства других оценочных прилагательных подобные употребления невозможны, ср.: **известный (популярный, знаменитый) Пушкин, *крупный (крупнейший) Чайковский, видный (виднейший) Паганини* и т. д. Данное ограничение распространяется как на такие прилагательные, в значении которых говорящий просто констатирует степень общественного признания деятеля, так и на такие, которые предусматривают, что говорящий и сам активно присоединяется к оценке, данной социумом: **замечательный Петров, *выдающийся Сидоров*. Они способны фигурировать лишь в составе

развернутых структурных формул, выполняя только интродуктивную функцию.

Правда, как уже отмечалось, вне рамок этого ограничения некоторые из прилагательных могут характеризовать и другие типы объектов, ср.: *известное (знаменитое, популярное...) лекарство*; *известный (знаменитый) водопад*, но не, скажем, *известное (знаменитое) море*; *известный (знаменитый) океан*. Странность последних сочетаний, очевидно, объясняется тем, что список крупных географических реалий на карте планеты должен быть и так закономерно известен обоим участникам речевого акта, а это несовместимо с интродуктивной функцией характеризующих их прилагательных.

Важное исключение представляют случаи, когда данные прилагательные, входя в состав «неполной» структурной формулы вида «прилагательное + имя деятеля» (т. е. без имени собственного), образуют атрибутивный комплекс, выполняющий анафорическую функцию. Ср.: *Сотни жителей Полтавы пришли почтить память великого (выдающегося...) писателя*. В подобных контекстах атрибутивный комплекс *великого (выдающегося...) писателя* является анафорическим средством, указывающим на ранее упомянутое (причем — совсем недавно) имя собственное (здесь — Ивана Котляревского). При этом подразумевается, что всем (в том числе и слушающему) известно, кто такой Котляревский. Специфика подобного анафорического приема заключается в обязательной семантической согласованности атрибутивного комплекса с предикатом, актантом которого он выступает: *полтавчане потому и пришли почтить память Котляревского, что он — великий (выдающийся) писатель*.

Важно подчеркнуть, что большинство рассматриваемых прилагательных положительно оценивают именно профессиональную или общественно полезную деятельность некоторого лица и не допускают оценки каких-либо иных функций человека или качеств неодушевленных предметов, ср.: **известный сын*, **популярный муж*, **знаменитый семьянин*, **выдающийся арбуз...* Этим они отличаются, например, от таких «широкопрофильных» оценочных прилагательных, как *хороший*, *прекрасный*, *замечательный*, *великолепный...*, которые могут без ограничений употребляться как с именами деятелей (ср.: *хороший (прекрасный, замечательный, великолепный...) физик (математик, писатель, композитор...)*), так и с другими категориями существительных: *хороший сын (друг)*, *прекрасный муж*, *замечательный семьянин*, *великолепный арбуз...*

В рассмотренных ранее примерах определяемое существительное непосредственно обозначает деятеля или аспект какого-либо лица, который получает положительную оценку, выраженную прилагательным. В атрибутивных сочетаниях первого типа прилагательное оценивает некоторое лицо как высококлассного специалиста в той области, которая задается именем деятеля, поименованного определяемым существительным. В сочетаниях, образуемых «широкопрофильными» прилагательными, существительное обозначает положительно оцениваемый аспект (параметр) лица или объекта как специалиста, мужа, семьянина, сына и т. д.

В то же время далеко не всегда в двучленном атрибутивном словосочетании существительное однозначно указывает на параметр, который характеризуется прилагательным. В этой связи будет полезно хотя бы бегло упомянуть некоторые другие типы связи прилагательного с определяемым им существительным. Как справедливо отмечает Анна Вежбицкая [Вежбицкая 1999: 91–131], существительное обычно указывает на предмет, являющийся средоточием самых разных присущих ему свойств, тогда как прилагательное так или иначе характеризует только один из множества этих параметров. Проиллюстрируем это положение на ряде примеров сочетания разных прилагательных с существительным *человек*, обозначающим понятие, которое, как известно (ср. [Апресян 1995: 355–366]), соотносится с чрезвычайно широким диапазоном разнообразных параметров.

Так, в словосочетаниях *глубокий человек*, *поверхностный человек* человек характеризуется в аспекте его интеллектуального потенциала, а в парах вида *хороший (замечательный...) человек*, *плохой (низкий) человек* дается этическая оценка человека и тем самым актуализируется параметр «человеческие качества». Сочетания *интересный человек*, *ограниченный человек* характеризуют спектр личностных интересов человека, оценивая степень нетривиальности его ценностных ориентаций. Пары *сильный человек*, *слабый человек*, рассматриваемые вне конкретного контекста, дают представление или о силовом потенциале характера человека, или о силовом потенциале его тела. С другой стороны, в сочетании *тяжелый человек* содержится негативная оценка по параметру «характер». В парах *высокий человек*, *низенький человек* дается количественная оценка величины вертикального измерения тела, а сочетания *живой (веселый) человек*, *вялый человек* характеризуют человека со стороны его темперамента.

Как видим, при сочетании с разными прилагательными актуализируется представление о самых разных аспектах понятия

‘человек’ — его интеллектуальном потенциале, характере, его этических (человеческих) качествах, темпераменте, размерах тела, его силовом потенциале и т. д. При этом выделяется по крайней мере два типа взаимодействия значений:

а) прилагательное сохраняет свое основное значение, одновременно актуализируя представление именно о том личностном параметре, который оно характеризует (*хороший человек, интересный человек, веселый человек...*);

б) происходит взаимная «переориентация» значений: в сочетании с данным существительным реализуется одно из метафорических значений прилагательного; при этом актуализуется тот параметр понятия, обозначенного существительным, который охарактеризован метафоризованным значением прилагательного: ср. *глубокий человек*, где метафорическое значение прилагательного указывает на высокий интеллектуальный потенциал данного лица, способного глубоко проникать в существо явлений действительности. Ср. также *низкий человек*, где прилагательное приобретает негативную оценку этических качеств характеризуемого человека. Между тем в сочетании *низенький человек* прилагательное сохраняет свое основное (прямое) значение, указывая на незначительную величину параметра ‘рост’ — вертикального измерения тела человека.

В то же время исследуемые прилагательные способны вызывать нормальные сочетания и с такими существительными, которые не только непосредственно не указывают, но и не актуализуют оцениваемый параметр. Данные существительные являются номинациями достаточно абстрактных, «родовых» смыслов, которые, в сущности, дублируют категориальную презумпцию (ср. ‘человек’, ‘женщина’...), т. е. таксономическую принадлежность носителя оцениваемого параметра. В подобных сочетаниях существительные можно условно классифицировать как «транзитивы», поскольку они способны как бы «пропускать через себя» оценку, выраженную прилагательным. Таким образом, прилагательное характеризует не непосредственно лицо или объект, обозначенный транзитивным существительным (или параметр, который может быть однозначно «извлечен» из его значения), а какие-то другие свойства данного лица (объекта).

С прилагательными оценки профессиональной или общественно полезной деятельности транзитивы сочетаются в расщепленной структурной формуле с именем собственным в функции темы и оценочным прилагательным вместе с транзитивом в качестве рематической части. Как мы помним, значение данных при-

лагательных относится к «узкопрофильному» типу (в том смысле, что характеризуемый параметр ('профессиональная или общественно полезная деятельность') входит уже в состав их значения). Поэтому транзитивное существительное, замещая в расщепленном сочетании позицию имени деятеля, никак не конкретизирует род оцениваемой деятельности (независимо от того, известен или неизвестен он слушающему). В этих случаях они служат не более чем средством обеспечения синтаксической правильности фразы, выступая в функции вершины атрибутивной группы. Именно такую (транзитивную) функцию в подобных расщепленных сочетаниях выполняет, к примеру, существительное *человек*:

X — великий (гениальный, выдающийся, знаменитый, известный...) человек.

При этом (по умолчанию) имеется в виду, что транзитив *человек* обозначает лицо зрелого возраста, ср. в связи с этим аномальность:

**x — великий мальчик (юноша); ?x — выдающийся мальчик (юноша);
x — великая девочка (девушка); ?x — выдающаяся девочка (девушка).

Тем не менее с обозначениями лиц юного возраста сочетаются прилагательные, положительно оценивающие их интеллектуальный потенциал: *X — талантливый (гениальный) ребенок (мальчик, юноша...); X — талантливая (гениальная) девочка (девушка)*. Если речь идет о положительной интеллектуальной оценке ребенка, юноши или девушки, то прилагательное обычно указывает на их еще не реализованный интеллектуально-творческий потенциал, благодаря которому они «подают надежды». Если же говорится о лице зрелого возраста (ср. *X — талантливый (гениальный) человек*), то имеется в виду, что результаты, достигнутые им в той или иной области, свидетельствуют о его незаурядном интеллектуально-творческом потенциале.

В то же время следует подчеркнуть, что прилагательным наивысшей профессиональной оценки в сочетании с транзитивами, обозначающими лиц зрелого возраста, свойственна определенная «гендерная асимметрия». В принципе о лице женского пола можно употребить высказывание типа *Иванова — великий (гениальный, легендарный, выдающийся) человек*. Однако намного естественнее и лучше сказать *Иванова — великая (гениальная, легендарная, выдающаяся) женщина*. Между тем о лице мужского пола нельзя сказать **Иванов — великий (гениальный, легендарный, выдающийся...) мужчина* (надо: *Иванов — великий (гениальный...) человек*). Дело в том, что в подобных высказываниях существительное *мужчина*, в отличие от существительного *женщина*, не выступает

в качестве транзитива. С другой стороны, в состав обозначаемого им понятия входит ряд параметров, ни один из которых не актуализуется данными оценочными прилагательными, чем и объясняется аномальность соответствующего сочетания. В число таких параметров входит, например, параметр 'мужские качества', который нормативно актуализуется и положительно оценивается прилагательным *настоящий*, ср.: *Иванов — настоящий мужчина*, где прилагательное соответствует значению лексической функции Ver [Жолковский, Мельчук 1967: 215] от *мужчина* и реализует значение *настоящий 1* [Крейдлин 1991: 53–55]. При этом в презумпцию данного значения входит таксономический компонент, указывающий, что лицо, о котором идет речь (здесь — Иванов), является элементом класса мужчин, а в ассерции утверждается, что Иванов в полной мере обладает всеми качествами, свойственными мужчинам, и это вызывает положительную оценку говорящего.

В оценочных высказываниях типа *X — интересный (видный) мужчина*; *X — интересная (видная) женщина*, в которых наблюдается полная «гендерная симметрия» и где оба существительных не являются транзитивами, напротив, актуализуется параметр 'внешность'. Дело в том, что внешность человека всегда оценивается с учетом его гендерной принадлежности.

«Широкопрофильные» прилагательные положительной оценки (*хороший, замечательный, великолепный...*) могут сочетаться с транзитивами несколько иного типа в интродуктивных бытийно-экзистенциальных предложениях. В подобных случаях транзитивное существительное указывает на референтно неопределенный объект (нормативно ранее неизвестный слушающему) и «переносит» через себя оценку, выраженную прилагательным. Перенос происходит потому, что свойство, через которое интродуцируется соответствующий объект, в принципе не может быть охарактеризовано данным прилагательным. При этом указание на существование объекта (лица) образует полноценную самостоятельную смысловую «порцию», которая предшествует собственно оценочному суждению о данном объекте. Ср. в этой связи известный первый отзыв Ленина о Сталине: *Есть у них один чудесный грузин* ≈ 'Есть у них один грузин. Он чудесен', где прилагательное высоко оценивает не степень соответствия требованиям, которым должен удовлетворять некто как грузин, а деловые качества данного лица.

Ср. также: *Есть у нас один замечательный капитан (майор, полковник...)*, где прилагательное высоко оценивает не степень соответствия воинскому званию, которое носит данное лицо, а другие его качества (скорее всего — человеческие).

Важно подчеркнуть, что в подобных примерах референтно неопределенный статус транзитивного существительного обязательно предполагает, что обозначаемый им объект характеризуется «+ слабой определенностью» [Падучева 1985: 90–93], т. е. является неизвестным слушающему, но не говорящему. Нарушение этого требования (т. е. его «–слабая определенность») обычно приводит к аномалии, ср.: *²Есть у них какой-то чудесный (замечательный...) грузин.* Оценка, содержащаяся в таких прилагательных, как мы помним, предусматривает, что ее единственным или хотя бы одним из субъектов является говорящий. В то же время местоимение *какой-то* однозначно свидетельствует, что обозначенный им объект является новым не только для слушающего, но и для говорящего. В таком случае непонятно, как мог говорящий дать оценку тому, кого он еще не успел как следует воспринять.

При этом в качестве признака, посредством которого идентифицируется характеризуемое лицо, выступает факт его принадлежности к достаточно представительному множеству (грузин, капитанов, майоров и т. д.). Чем меньше «экстенционал», задаваемый соответствующим именем (например, чем выше воинское звание оцениваемого лица), тем выше вероятность неприемлемости фразы: *²Есть у нас один замечательный маршал.*

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
 Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
 НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. Вып. 1.
 Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
 Вежицкая 1999 — *Вежицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
 Жолковский, Мельчук 1967 — *Жолковский А. К., Мельчук И. А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967.
 Крейдлин 1993 — *Крейдлин Г. Е.* Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
 Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

В. Ю. АПРЕСЯН

ПРЕДЛОГИ-КВАНТОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Предлоги-кванторы, которым посвящена данная работа, — это достаточно необычные языковые единицы. С одной стороны, это необычные предлоги, с нехарактерными для большинства предлогов синтаксическими свойствами¹. С другой стороны, это нетипичные кванторы. И семантически, и синтаксически эта группа предлогов представляет интерес. Среди предлогов-кванторов выделяются три семантические группы: кванторы исключения (типа *кроме 1, за исключением, за вычетом*), кванторы включения (типа *включая, не исключая*), кванторы добавления (типа *кроме 2, помимо, сверх*).

В отечественной лингвистической литературе эти три группы предлогов, насколько нам известно, никогда не выделялись в особые разновидности кванторов. В англоязычной лингвистической традиции существуют специальные обозначения для подобных кванторов (ср. грамматику [Quirk et al. 1982] или [Von Stechow 1994]), а именно:

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 02-04-00306а «Языковая картина мира и системная лексикография», а также Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», раздел 4.15, гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-1576.2003.6, гранта седьмого конкурса-экспертизы РАН и гранта Фонда содействия отечественной науке в номинации «Кандидаты наук РАН» за 2004 г. Первоначальная версия работы была обсуждена на заседании Сектора теоретической семантики Института русского языка имени В. В. Виноградова. Всем участникам обсуждения — Ю. Д. Апресяну, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, С. А. Григорьевой, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Птенцовой, А. В. Санникову и Е. В. Урысон — автор выражает свою благодарность. Автор также приносит благодарность за ценные замечания И. М. Богуславскому, Б. Х. Парти и другим участникам конференции рабочей группы «Логический анализ языка» 2003 г. под руководством Н. Д. Арутюновой.

¹ Синтаксическая специфика предлога *кроме* обсуждается в работе [Левин 1956: 147].

exclusives (кванторы исключения), inclusives (кванторы включения), additives (кванторы добавления). В данной работе ставится цель создать сравнительное лингвистическое описание этих трех групп кванторов. Помимо предлогов, составляющих основу этих групп, в них также входят некоторые наречия, частицы и фразеологические обороты со значением исключения, включения и добавления.

Как было сказано выше, все эти слова — нетипичные кванторы, хотя они полностью соответствуют определению кванторов, данному И. М. Богуславским, а именно: это «слова, обозначающие количественные оценки, одна из валентностей которых обозначает признак, которому удовлетворяют количественно оцениваемые объекты, и прототипически заполняемая группой сказуемого» [Богуславский 2004: 46]. Ср., например, *Сегодня все ученики, кроме Пети* [количественная оценка], *писали контрольную* [признак; сказуемое].

От обычных кванторов они отличаются и семантически, и синтаксически.

Семантически они отличаются и от так называемых D-кванторов (Determiner-quantifiers типа *всякий, каждый, весь, некоторый, никто*) и от А-кванторов (Adverb-quantifiers типа *много, мало*). Все кванторы — трехвалентные слова, имеющие валентность множества, элемента, выделяемого из этого множества, и признака, по которому он выделяется.

Однако при этом кванторы исключения, включения и добавления обладают следующей семантической спецификой: если обычные кванторы не называют конкретно те элементы множества, которые обладают некоторым свойством, и те, которые им не обладают, то кванторам исключения, включения и добавления свойственна большая конкретизация. Все они называют некий выделенный элемент или элементы множества. А именно:

- кванторы исключения называют элемент множества, не обладающий, в противоположность всем остальным элементам, определенным свойством (*Вам можно есть любые фрукты, кроме винограда* [называется элемент-исключение]);
- кванторы включения называют один из элементов множества, обладающий, подобно всем остальным элементам, определенным свойством (*На Петину свадьбу съехались все родственники, включая троюродную бабушку из Казани* [называется элемент-общее правило]);
- кванторы добавления называют элементы разных множеств, обладающие одним и тем же свойством (*Кроме теплой одежды* [называется данный элемент], *надо взять резиновые сапо-*

ги и плащ; Он подарил ей платье и туфли вдобавок [называется дополнительный элемент]).

Некоторые кванторы исключения и добавления, отчасти в силу своей внутренней формы, сближаются с числовыми выражениями; ср. семантическую близость *за исключением, за вычетом и минус, вдобавок и плюс*. Ср.: *Читаю на все прежние темы минус лекции о козлотуре плюс лекции об искусстве* (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема») vs. *Я читаю все, что и раньше, за исключением лекций о козлотуре; Вдобавок к прежним темам, я еще читаю лекции об искусстве*. Они часто употребляются, в силу этого, в контекстах числительных; ср.: *Он выплатил весь долг за вычетом четырех тысяч*.

Синтаксически кванторы исключения, включения и добавления, в отличие от обычных кванторов, управляют не той именной группой, которая вводит название множества (ср.: *все студенты, много домов*), а группой, вводящей имя выделенного элемента (ср.: *кроме винограда, включая бабушку*).

По-видимому, именно из-за того, что для предлогов функция квантора в целом нетипична, кванторные предлоги наряду с достаточно простой семантикой обладают богатой прагматикой, причем их прагматическая, риторическая функция зачастую перевешивает собой чисто информативную, семантическую.

Прочие лингвистические свойства данных трех групп кванторов во многом определяются их семантикой и прагматикой. Ниже рассматривается семантика и прагматика этих групп кванторов в сравнительном аспекте, показывается, каким образом различия в семантике и прагматике кванторов данных трех групп мотивируют синтаксические и коммуникативные различия между ними, и формулируются основные семантические противопоставления внутри каждой из этих групп кванторов.

2. Сравнительный анализ семантики и прагматики кванторов исключения, включения и добавления²

Общее значение кванторов исключения (*кроме 1, за исключением, за вычетом, если не считать, не считая 2*) можно сформулировать следующим образом:

- (1) 'Все элементы Р, которые не Q, R. Q не R'

На контрольную пришли [R] все мои студенты [P], кроме Пети [Q].

² Эти кванторы подробно описаны в работе [Апресян В. 2004] в синонимических рядах КРОМЕ 1, КРОМЕ 2, ВКЛЮЧАЯ.

Этому семантическому классу противопоставлен другой — в каком-то смысле антонимичный — кванторы включения (*включая, не исключая, в том числе*). Их значение может быть сформулировано так:

- (2) 'Все элементы $P \cap R$. Элемент $P \cap Q$ тоже R '

На контрольную пришли $[R]$ все мои студенты $[P]$, включая Петю $[Q]$.

Им обоим противопоставлен еще один семантический класс — кванторы добавления (*кроме 2, помимо 1, не считая 1, не говоря (уже) о и пр.*), со следующим значением:

- (3) ' $P \cap R$. Q тоже R '

Кроме Пети $[P]$, пришли $[R]$ Вася и Маша $[Q]$.

Однако эти предварительные толкования не дают полного представления о семантике и прагматике этих трех классов кванторов, во многом определяющих прочие их свойства.

Рассмотрим кванторы исключения. Как иначе мы можем выразить информацию, передаваемую этими словами? В некотором смысле большинство высказываний с ними являются неточными, а именно: сначала сообщается, что все элементы некоторого множества обладают каким-то свойством или никакой элемент некоторого множества не обладает каким-то свойством, а затем делается оговорка, которая противоречит логическому пониманию кванторов *все* или *никакой* — а именно, сообщается, что имеется некоторое исключение. Логически более точным было бы высказывание:

- (4а) *Пришли мои студенты. Петя не пришел.*

Тогда для чего же нужны кванторы исключения? Они используются тогда, когда для говорящего важнее то, что почти все элементы множества подпадают под общее правило, что норма почти соблюдена, а не то, что есть один или несколько элементов, которые не подпадают под него. Если бы говорящий хотел подчеркнуть тот факт, что имеется элемент, не подпадающий под общее правило, использовались бы союзы *а* или *но*; ср.:

- (4б) *Все пришли, а <но> Петя не пришел.*

Однако от настоящих downtoners [Quirk et al. 1982] типа *почти*, указывающих на почти полное достижение некоей нормы ('scaling downwards from an assumed norm'), они отличаются тем, что исключение все-таки достаточно важно для того, чтобы быть упомянутым.

Особенно это может быть заметно для предлога *кроме* 1 (в отличие от его синонимов *за исключением* и *за вычетом*), причем проявляется это в контексте отрицательных кванторов типа *никто*, *ничто* и пр.; ср.:

- (б) *Я не испытывал ничего, кроме радости, угождая ей* (Н. Чернышевский. «Что делать?»),

где исключение, вводимое *кроме*, существенно более важно, чем все остальное³.

Рассмотрим теперь кванторы включения. Сравним пару фраз.

- (ба) *Все ребята пришли, и Петя пришел;*

- (бб) *Все ребята пришли, включая Петю.*

Как отмечается в работе [Крейдлиן 1975], различие фраз типа (ба) и фраз с квантором *включая* типа (бб) состоит в следующем: фраза (ба) не предполагает, что Петя непременно входит во множество ребят, а *включая* устанавливает между Петей и ребятами отношения множества и его элемента.

Однако представляется, что это не единственная особенность *включая*. У *включая* и его синонимов силен риторический элемент. Вообще, функция кванторов включения преимущественно риторическая. Семантически они не добавляют никакой дополнительной информации к той, которая выражается квантором всеобщности. В самом деле, фразы

- (га) *Пришли все мои студенты, включая Петю;*

- (гб) *Пришли все мои студенты*

описывают одну и ту же ситуацию действительности. Какой дополнительный смысл добавляется кванторами включения? Они привлекают особое внимание адресата к выделяемому элементу. По какой причине этот элемент выделяется как заслуживающий особого внимания? Иногда потому, что именно он находится в фокусе внимания говорящего (является важным), иногда потому, что о нем только что шла речь, он является предметом обсуждения, иногда потому, что наличие у этого элемента релевантного признака нарушает некоторые ожидания, иногда потому, что это выделенный, маркированный элемент множества. Ср. примеры:

³ В работе [Левин 1956: 157] в такого рода примерах усматривается другое значение предлога *кроме* — *кроме* 2 'помимо'.

- (8а) *У меня же, как раз, аллергия к Европе, включая добрую старую Англию* (В. Набоков. «Лолита») [об этом элементе шла речь в предыдущем контексте, кроме того, относительно него имелись другие ожидания];
- (8б) *Все поголовно советские служащие КВЖД оказываются сплошь, включая жен, детей и бабушек, японскими шпионами* (А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ») [нарушение естественных ожиданий];
- (8в) *Перерыли весь дом, включая чердак, сарай и погреб, но вещей не нашли, потому что я успела их увезти* (Н. Мандельштам. «Воспоминания») [маргинальные элементы].

Таким образом, толкование кванторов включения можно уточнить следующим образом: *Р R, включая <не исключая, ...> Q* = 'Все элементы Р R. Говорящий хочет привлечь внимание адресата к тому, что элемент Р Q, про который можно было ожидать, что он не будет R, тоже R'.

При этом компонент 'ожидание' важен для *включая* и особенно *не исключая*; для их синонима *в том числе* бывает важнее элемент 'хочет привлечь внимание адресата', поэтому *в том числе* допускает перечисление большого количества или даже всех элементов множества, что нетипично, по естественным причинам, для двух других кванторов включения; ср.:

- (9) *К нашим сборищам часто присоединялась местная интеллигенция. В том числе: конферансье Беленький, музыковед Ирина Гольд, фарцовщик Акула, экономист Скафарь, загадочный религиозный деятель Лемкус* (С. Довлатов. «Ремесло»).

Для *в том числе* ожидание слабее или его нет, скорее это просто желание перечислить, привлечь внимание, поэтому *в том числе* может упоминать не один-два элемента, а почти все множество.

Рассмотрим теперь кванторы добавления. Какова их функция в высказывании? В чем состоит разница между фразами

- (10а) *Пришли Петя, Вася и Маша*

и

- (10б) *Кроме Пети, пришли Вася и Маша?*

Как и кванторы включения, кванторы добавления используются, когда требуется провести дифференциацию элементов множества. При помощи кванторов добавления один элемент отделяется от другого или других, в то время как при помощи

кванторов включения выделяется элемент множества, на котором по той или иной причине фокусируется внимание адресата. Напротив, выделяемый квантором добавления элемент находится не в фокусе внимания — он либо уже известен адресату, либо не важен, несуществен в данной ситуации, находится на периферии внимания. Ср. естественность (11а) при странности (11б) и (11в):

- (11а) *Левитан оставил около ста «осенних» картин, не считая этюдов* (К. Паустовский. «Исаак Левитан») [этюды менее важны, чем картины];
 (11б) ?? *Левитан оставил несколько этюдов, не считая большого количества картин*;
 (11в) ?? *Кроме нескольких этюдов, Левитан оставил большое количество картин*.

Ср. также нормальную фразу (12а) и аномальную (12б):

- (12а) *А за столом было 37 человек (не считая меня, гостей, и Веры Павловны)* (Н. Чернышевский. «Что делать?») [три человека — это мало по сравнению с тридцатью семью];
 (12б) **За столом были я, гостья и Вера Павловна, не считая 37 человек*.

Таким образом, толкование кванторов добавления также можно уточнить; ср. *кроме* <помимо, ...> $P, Q R = 'P R. Q$ тоже R ; в данной ситуации говорящий хочет привлечь внимание адресата к тому, что $Q R'$.

Из перечисленных семантических и прагматических свойств кванторов исключения, включения и добавления вытекают коммуникативные, синтаксические и сочетаемостные различия между ними.

Кроме того, между ними имеется еще и следующее лексическое различие: группа кванторов добавления наиболее велика и разнообразна лексически, следующая по многочисленности — группа кванторов исключения, наименее многочисленная группа — это кванторы включения. Это естественно: в самом деле, кванторы добавления являются наиболее семантически информативными, в то время как кванторы включения практически никакой дополнительной семантической информации не несут, их функция в высказывании преимущественно прагматическая. Кванторы исключения занимают и по тому, и по другому параметру промежуточную позицию.

3. Коммуникативные, синтаксические и сочетаемостные различия между кванторами исключения, включения и добавления

Рассмотрим сперва различия между кванторами исключения и добавления на примере разных лексем слова *кроме*.

Для наших целей мы можем дать им приблизительные толкования следующего вида. *Кроме 1* — *кроме* 'исключения' — имеет значение 'есть элемент Q во множестве P, и он единственный не имеет свойства R'.

Кроме 2 — *кроме* 'добавления' — имеет значение 'есть элемент P, и он не единственный, который имеет свойство R, его также имеет элемент Q'.

Чем различаются *кроме 1* и *кроме 2* помимо сферы действия отрицания в толковании? Если бы они отличались только отрицанием ('единственный не имеет' vs. 'не единственный имеет'), можно было бы попробовать объяснить разницу интерпретаций контекстом и свести семантическое различие к двум разным употреблениям одной лексемы. Однако это не единственное различие между *кроме 1* и *кроме 2*.

Кроме 2, в отличие от *кроме 1*, включает указание на то, что адресату уже известна некоторая информация о ситуации — а именно, что элемент P имеет признак R. Эта информация является фоновой, неглавной, а информация о том, что элемент Q тоже имеет признак R, — новая и потому центральная (см. также выше). Ср. фразы с *кроме 2*, где вводится уже известное знание — известное в силу своей тривиальности, общности или более раннего упоминания:

- (13a) *Кроме обычной гостиной мебели, в правом углу письменный стол, возле левой двери турецкий диван, шкаф с книгами, книги на окнах, на стульях* (А. Чехов. «Чайка») [P — нечто обычное];
- (13б) *Он знал, что кроме этого полукабинетного портрета в папке у референта обязательно должен лежать и другой снимок* (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей») [P — нечто уже известное];
- (13в) *Кроме уже перечисленных авторов, еще множество молодых поэтов издали первые свои сборники* (В. Ходасевич. «Русская поэзия. Обзор») [P — нечто ранее упоминавшееся].

Таким образом, для *кроме 2* четко выделяется фоновое, известное, с одной стороны, и новое, центральное, с другой.

Кроме 1 никакой заранее известной информации не вводит, не выделяется известное и новое, фоновое и центральное в сообще-

нии, и то, что вводится *кроме*, может быть как важным, существенным, так и неважным, второстепенным. Рассмотрим фразы с *кроме 1*:

- (14а) *Кроме этой черствой горбушки, в доме не нашлось никакой еды* [в этой фразе то, что вводится *кроме 1*, заранее известно и пренебрежимо мало, поэтому неважно, нецентрально];
 (14б) *Я от него не видела ничего, кроме радости* [здесь то, что вводится *кроме 1*, заранее неизвестно, важно — важнее всего остального — поэтому центрально].

Теперь рассмотрим другие различия между этими двумя лексемами *кроме*.

3.1. Коммуникативные различия *кроме 1* и *кроме 2*. Коммуникативная специфика *кроме 2* состоит в том, что эта лексема, как правило, вводит известное знание и обычно находится в теме, в то время как *кроме 1* не имеет коммуникативных ограничений⁴. Ср. фразы с *кроме 1*, где квантор может вводить как известное, так и новое знание:

- (15а) *Кроме французского [известное], я никаких языков не [↓]знаю*;
 (15б) *Я не знаю никаких языков, кроме [↓]французского [новое]*.

Для *кроме 2*, квантора добавления, возможно только первое: ср. нормальную фразу (16а), где *кроме 2* вводит известное знание, и неправильность (16б), где этот квантор вводит новое знание:

- (16а) *Кроме французского [известное], я знаю английский и [↓]немецкий*;
 (16б) **Я знаю английский и немецкий, кроме [↓]французского [новое]*.

Эта коммуникативная особенность *кроме 2* имеет семантическое обоснование: вспомним, что элемент Р, который упоминается первым, — это нечто уже упоминавшееся или тривиальное, известное в силу своей общности. Таким образом, адресату уже известно о том, что Р имеет признак R; новым, важным, центральным для него является сообщение о том, что и Q имеет признак R.

Интересно, что кванторы включения имеют противоположное коммуникативное ограничение: они рематичны. Семантически это неудивительно, так как они вводят указание на то, что относительно выделенного элемента имелись противоположные ожи-

⁴ В работе [Левин 1956: 147] отмечается различие в порядке слов между этими двумя *кроме*: для именной группы, вводимой *кроме 2*, свойственна препозиция к прочим именным группам предложения.

дания, т. е. их толкование содержит эксплицитное отрицание — типичный рематичный элемент. Ср.:

(17а) *Пришли все, включая Петю* [новое, рема];

(17б) **Включая Петю* [известное, тема], *все пришли*.

3.2. Синтаксические различия *кроме 1* и *кроме 2*. Эти два *кроме* имеют также разные синтаксические свойства. Рассмотрим структуру их значения. У них разный набор семантических актантов. Актанты *кроме 1* — это множество Р, признак R и элемент Q. У *кроме 2* — это два элемента (фондовый Р и центральный Q) и признак R.

При *кроме 1* синтаксически выражается валентность элемента-исключения Р, при *кроме 2* — валентность данного, фонового элемента Р.

Кроме 1 не имеет линейных синтаксических ограничений. Именные группы, заполняющие валентность элемента-исключения, могут быть и в препозиции, и в постпозиции к именным группам, заполняющим другие валентности; ср.:

(18а) *Кроме Маши* [Q], *все друзья* [P] *пришли* [R];

(18б) *Все друзья* [P] *пришли* [R], *кроме Маши* [Q];

(18в) *Все друзья* [P], *кроме Маши* [Q], *пришли* [R].

Оборот с *кроме 1* свободно перемещается по фразе, при этом синтаксические связи таковы: предлог *кроме 1* подчиняет себе именную группу *Маши*, а сам подчиняется именной группе *все друзья*.

Для *кроме 2* характерно употребление в препозиции к другой именной группе высказывания, заполняющей валентность субъекта центральной ситуации; ср.:

(19а) *Кроме Маши* [P], *пришли* [R] *Вася и Петя* [Q];

(19б) **Пришли* [R] *Вася и Петя* [Q], *кроме Маши* [P];

(19в) **Вася и Петя* [Q], *кроме Маши* [P], *пришли* [R].

При этом предлог *кроме 2* подчиняет себе именную группу *Маши*, а сам подчиняется глаголу, а не именной группе, заполняющей валентность Q; ср. невозможность фразы **Вася и Петя, кроме Маши*, при нормальности *все, кроме Маши*.

Ср. также:

(20а) — *Где можно купить такую мебель?* — *Нигде, кроме «Трех китов»*;

(20б) — *Где можно купить такую мебель?* — **В «Гранде», кроме «Трех китов»*.

Препозитивная позиция *кроме 2* объясняется тематичностью этого предлога, а особые синтаксические связи — семантикой.

Ср. фразу с *кроме 1*: *все друзья, кроме Маши*, где семантически *Маша* входит в множество *всех друзей* и, соответственно, синтаксически это существительное подчиняется словосочетанию *все друзья*.

Однако не удастся построить аналогичную фразу с *кроме 2*; ср. неправильность

(21) **Пришли Вася и Петя, кроме Маши*,

так как *Маша* не входит во множество *Васи и Пети*, это два непересекающихся множества, и, соответственно, синтаксически выражающие их именные группы тоже не связаны.

Однако некоторые контексты способствуют постановке предлога *кроме 2* в постпозицию. А именно, *кроме 2* может находиться в постпозиции, если именная группа, заполняющая валентность субъекта центральной ситуации, имеет неопределенный референтный статус. Ср. правильные фразы (22), (23б), (23в), где именная группа, заполняющая валентность субъекта центральной ситуации, имеет неопределенный статус, и аномальную фразу (23а), где она имеет определенный статус:

(22) *У них есть кое-какие хорошие спектакли и кроме «Гамлета»*,
но не

(23а) **У них есть «Вишневый сад», кроме Гамлета*;

(23б) — *Знаешь ли какой-либо язык, кроме арамейского?* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»);

(23в) — *Не будь ревнив, — оскалась, ответил Пилат и потер руки, — я боюсь, что были поклонники у него и кроме тебя* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

3.3. Сочетаемостные различия *кроме 1* и *кроме 2*. *Кроме 1* и *кроме 2* обладают разными сочетаемостными свойствами. Для *кроме 1* характерна сочетаемость с кванторами всеобщности *все, всё, весь* и отрицательными кванторами *никто, ничто, никакой* и т. п. Во фразах с *кроме 1* в том или ином виде непременно присутствует отрицание — имплицитное или эксплицитное — так как отрицание содержится в семантической структуре этого предлога. *Кроме* в контексте кванторов всеобщности или отрицания практически невозможно интерпретировать как *кроме 2*; ср.:

(24а) *Кроме тебя, я никого не люблю* [нельзя понять как *кроме 2* — ни тебя, ни других];

(24б) *Кроме тебя, я люблю всех* [нельзя понять как *кроме 2* — и тебя, и других].

При такой сильной дополнительной дистрибуции все же существуют контексты, которые могут иметь две интерпретации, в зависимости от того, какое значение имеет *кроме* — *кроме 1* или *кроме 2*:

(25) *Кроме Васи, пришел весь класс* ⁵ =

(а) 'Весь класс пришел; Вася не пришел' — *кроме 1*;

(б) 'Пришел Вася; помимо него, пришел весь класс' — *кроме 2*.

Фраза

(26) *Кроме Пети, Машу пришли поздравить все ее друзья*

имеет две аналогичные интерпретации — в зависимости от значения *кроме* Петя входит или не входит в число Машиных друзей и приходит или не приходит ее поздравить.

Интересны контексты, где не совсем понятно, о каком именно значении идет речь; ср. фразы со словами *немного* и *мало*. Похоже, что с отрицательно поляризованным наречием *мало* употребляется *кроме 1*, хотя формально *мало* не является отрицательным квантором и, следовательно, типичным контекстом для *кроме 1*. А с наречием *немного* все зависит от его интерпретации. В контекстах, где *немного* понимается как 'мало', реализуется значение *кроме 1*; там, где *немного* интерпретируется как 'сколько-то', *кроме* интерпретируется в значении *кроме 2*. Ср.:

(27) *Кроме этого стула и письменного стола, у меня мало мебели* [стул и стол — практически единственная мебель, которая у меня есть — *кроме 1*];

(28а) *Кроме этого стула и письменного стола, у меня [↓]немного мебели* [стул и стол — практически единственная мебель, которая у меня есть — *кроме 1*];

(28б) *Кроме этого стула и письменного стола, у меня еще есть [↓]немного мебели* [стул и стол — не единственная мебель, которая у меня есть — *кроме 2*].

3.4. Лингвистические различия между кванторами исключения и кванторами включения. Теперь рассмотрим различия в лингвистических свойствах кванторов исключения и кванторов включения.

И кванторы исключения, и кванторы включения сочетаются с кванторами всеобщности. Однако с кванторами отрицания наречия

⁵ Примеры, построенные по аналогии с примерами из [Левин 1956: 156].

исключения сочетаются существенно лучше, чем кванторы включения. Особенно плохо сочетается с отрицанием *включая*. Ср.:

(29) *Я купил все, включая соленые огурцы <кроме соленых огурцов>* [с квантором всеобщности];

(30а) *Я не купил ничего, кроме соленых огурцов;*

(30б) [?]*Я не купил ничего, включая соленые огурцы,*

а также пары фраз:

(31а) *У него есть все, кроме машины и дачи;*

(31б) *У него нет ничего, кроме машины и дачи;*

(32а) *У него есть все, включая машину и дачу;*

(32б) ^{*}*У него нет ничего, включая машину и дачу.*

Кванторы включения плохо сочетаются с кванторами отрицания в силу своей семантики. Дело в том, что кванторы включения описывают множества, все элементы которых характеризуются каким-то признаком. Однако если во множестве нет элементов (*Я не купил ничего, У него нет ничего*), то непонятно, о чем идет речь — по-видимому, о каком-то множестве несуществующих элементов. При этом гораздо проще перечислить все, что у кого-то есть (*У него есть все, включая машину и дачу*), чем все, чего у кого-то нет (^{*}*У него нет ничего, включая машину и дачу*).

У *кроме* 1, квантора исключения, такого противоречия не возникает, так как он всегда указывает на то, что у каких-то элементов множества есть какой-то признак, а у каких-то — нет, в то время как кванторы включения всем элементам приписывают одни и те же характеристики. Поэтому сочетание с отрицанием и нехарактерно для кванторов включения, так как из несуществующих элементов трудно составить замкнутое (как они того требуют) множество. Кроме того, так как относительно выделенного элемента множества имеются какие-то ожидания, гораздо естественнее иметь их по поводу того, что существует, а не того, чего нет.

Есть, однако, контексты, где запрет на употребление отрицания с кванторами включения можно снять; ср.:

(33) *Никто, включая Таню, не может мне помочь.*

Это происходит оттого, что в ситуации, описываемой данной фразой, можно естественным образом мыслить некоторое ограниченное множество — например, родных и близких говорящего, — причем все, даже наиболее близкий человек — Таня — оказываются бессильными ему помочь. Ср. также фразу с квантором *в*

том числе, где возможно отрицательное экзистенциальное высказывание; речь идет о заданном множестве определенных, заранее известных (хотя, с точки зрения говорящего, и не существующих) референтов:

(34) *Ты, Иван, — говорил Берлиоз, — очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не рождался и никого не было, в том числе и Иисуса* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Еще одна сочетаемостная особенность кванторов включения состоит в том, что для них характерна (опять же в силу их семантики) сочетаемость со словами со значением высокой степени типа *самый высший, самый невинный, самый малосимпатичный*.

В ходе данной работы неоднократно возникал вопрос, связанный с полисемией. Дело в том, что некоторые слова-кванторы имеют разные лексемы — одну со значением исключения, другую добавления, в каком-то смысле это можно назвать регулярной полисемией — ср. *кроме 1* и *кроме 2*, а также *не считая 1* и *не считая 2*.

Встает вопрос о том, разные ли это значения или разные употребления одной лексемы, где различия в интерпретациях мотивированы различиями в контекстах. Так, *кроме 1* реализуется в контекстах кванторов всеобщности и отрицания, *кроме 2* — в прочих. Выше уже приводились аргументы в пользу того, что это разные значения, а не одна лексема со значением что-то вроде 'если не принимать в расчет'. Ниже излагаются дополнительные соображения по этому поводу. Рассмотрим контекст:

(35) *Кроме Васи, пришли все мои друзья.*

Возможны две интерпретации, в зависимости от интонации:

(36a) *Кроме Васи, пришли все мои друзья* (кроме 1, Вася входит в число друзей);

(36b) *Кроме Васи, пришли все мои друзья* (кроме 2, Вася не входит в число друзей).

Если заранее определено, входит ли выделенный элемент во множество, то возможна только одна из интерпретаций:

(37a) *Кроме немецкого, я знаю все германские языки* (кроме 1);

(37b) *Кроме немецкого, я знаю все романские языки* (кроме 2).

Так что дополнительное распределение, скорее, имеет место всегда, даже в тех контекстах, которые кажутся двусмысленными. В частности, *кроме 1* невозможно в вопросах, хотя на вопросы можно ответить и с *кроме 1*, и с *кроме 2*; ср.:

(38a) — *Кто пришел, кроме Васи?* — *Никто, кроме Васи, не пришел (кроме 1) / Кроме Васи, пришли Петя и Маша (кроме 2).*

Как же мы узнаем, что в вопросе употреблен именно предлог *кроме 2*, если возможны оба ответа? Попробуем провести замену на синоним *кроме 1* предлог за исключением:

(38б) **Кто пришел, за исключением Васи?*

Фраза неправильна, и, таким образом, интерпретация с квантором исключения в вопросе невозможна.

Замена на *помимо*, синонимичный *кроме 2* квантор добавления, возможна; ср.:

(38в) *Нужно ли человеку что-либо помимо жизни и искусства? Я думаю, что нет* (Д. Хармс. «Рассказы и повести»).

Вообще, такого рода многозначность, когда одна и та же вокабула имеет квазиантонимичные лексемы со значением исключения и добавления, регулярна. Чтобы доказать регулярность такого рода многозначности, приведем еще один ее пример.оборот *не считая* тоже имеет две лексемы со значением исключения и добавления соответственно. Ср.:

(39a) *Не считая Васи, все пришли* [все пришли, Вася не пришел];

(39б) *Пришло пять человек, не считая Васи* [помимо Васи, пришли еще пять человек].

У *не считая* лексема со значением исключения является более маргинальной, вторичной, основное значение у этого слова — добавление.

Конечно, *не считая* сильно отличается от *кроме* по своим лингвистическим свойствам, однако, как мы видели, определенный параллелизм в их полисемии наблюдается.

Интересно, что *если не считать*, казалось бы, очень близкая к *не считая* языковая единица, имеет лишь значение исключения; ср.:

(40a) *В комнате не было никакой мебели, если не считать письменного стола;*

(40б) **В комнате было много разной мебели, если не считать письменного стола.*

Возникает вопрос, почему у одного слова развиваются столь разные значения. Можно привести некоторые предварительные соображения по этому поводу. Объединяет эти два значения смысл 'некий элемент множества можно не считать, исключить из рассмотрения'. В первом случае этот элемент исключается из рассмотрения, так как исключение чересчур мало по сравнению с правилом, а во втором — потому что он находится не в центре внимания. Интересно, что само происхождение слова *кроме* — от *крома* 'кромка, край' — указывает на некоторую периферийность вводимого этим словом элемента.

4. Семантические противопоставления внутри групп кванторов исключения, включения и добавления

Внутри каждой из трех рассмотренных групп кванторов имеются собственные семантические противопоставления. Упомянем основные из них.

В группе 'исключения' *кроме 1*, за исключением, за вычетом, если не считать, не считая 2 синонимичные лексемы различаются по следующим смысловым признакам: 1) относительная важность правила и исключения для общей оценки ситуации; 2) предмет квантификации; 3) способ квантификации.

Предлог *кроме 1* имеет наиболее широкое значение. В частности, он допускает любое соотношение правила и исключения по признаку их относительной важности. Иногда для оценки ситуации важнее правило, т. е. те элементы множества, которые по некоторому признаку составляют большинство; ср.:

(41) *Из основного ядра отдела она была, кроме Левенштейна, старшей всех* (В. Каверин. «Двухчасовая прогулка»).

Иногда для говорящего правило и исключение одинаково важны; ср.:

(42) *Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная, далее по всем пунктам, кроме Есино* (Вен. Ерофеев. «Москва — Петушки»).

В подобных контекстах *кроме 1* свободно заменяется на синоним *за исключением*, но не на синонимы *если не считать* и *не считая 2*; ср. прагматическую странность:

(43) *Остановки по всем пунктам, если не считать <не считая> Есино.*

В некоторых случаях для говорящего важно только исключение; ср.:

- (44) *«Права лечить душу не может быть ни у кого, кроме любящих и имеющих душу», — писал он (А. Битов. «Преподаватель симметрии»).*

В таких употреблениях кроме 1 сближается с частицами только 2 и лишь, а также только не; ср.: *Я от него ничего не видела кроме издевательств и унижений* \approx *Я от него видела только <лишь> издевательства и унижения; Тебя интересует все, кроме супружеских обязанностей* \approx *Тебя интересует все, только не супружеские обязанности.*

В подобных контекстах кроме 1 не заменяется ни на какие другие кванторы исключения; ср. неправильность **Я от него не видела ничего, за исключением издевательств и унижений; *Я не чувствую к нему ничего, если не считать <не считая> любви.*

Предлог кроме 1 обычно квантифицирует исключение путем поименного перечисления или описания составляющих его элементов; ср.: *Все ученики, кроме Васи, Пети и Оли, написали контрольную хорошо.* Собственно числовая квантификация для кроме 1 нехарактерна. Ср. странность *?Все ученики, кроме трех, написали контрольную хорошо.*

Кванторы за исключением и за вычетом, напротив, предполагают точную, часто числовую квантификацию, что во многом обусловлено их внутренней формой. Ср.:

- (45) *Оба слова имеют одинаковую функцию в языковых играх, за исключением одного изначального их различия (Л. Витгенштейн. «Философские исследования», пер. М. Козловой);*
- (46) *Деньги со счетов московской фирмы пошли в Петербург. За вычетом нескольких миллионов, которые милицейский чин порекомендовал потерпевшему перевести в хорошую фирму (А. Константинов. «Бандитский Петербург»).*

Поскольку оба предлога предполагают установку на точность, говорящий уделяет равное внимание и правилу, и исключению, не оценивая ни ту, ни другую часть сообщения как более или менее важную.

Семантика синонимов *если не считать* и *не считая* 2 также во многом определяется их внутренней формой. Во-первых, оба синонима характеризуют элементы, составляющие исключение, как нечто незначительное, неважное, то, что можно не принимать в расчет. В высказываниях с этими лексемами внимание говорящего практически полностью сосредоточено на правиле,

и говорящий подчеркивает, что если пренебречь исключением, то смысл высказывания почти не изменится. Ср.:

- (47) [*Пластическая операция*] сделала сходство практически полным, если не считать того, что двойник немного выше реального Ким Чен Ира и чуть-чуть потолще (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 21);
- (48) *Итак, если не считать совершенного пустячка (водевильной интермедии с куплетами), — все, что тут носит имя Грибоедова, оказывается или переводом, или переделкой* (В. Ходасевич. «Грибоедов»).

Во-вторых, *если не считать и не считая 2* противопоставляются всем остальным синонимам тем, что могут квантифицировать не только множества, но и объекты.

Квантифицируя множества, они характеризуют их с точки зрения того, какое количество входящих в них элементов обладает некоторым свойством; ср.:

- (49) *Все пришли вовремя, не считая <если не считать> Ивановых.*

Квантифицируя объекты, *если не считать и не считая 2* характеризуют их с точки зрения того, в какой мере им можно приписать некоторое свойство или признак. В таких контекстах *если не считать и не считая 2* незаменяемы на другие кванторы исключения; ср.:

- (50a) *Если не считать этой боязни, она была счастлива, до глупости счастлива* (В. Набоков. «Камера obscura»);
- (50б) *Стены холла были чистые, но голые, не считая портрета что-то сочиняющего Гениалиссимуса и стенной газеты* (В. Войнович. «Москва 2042»)

при невозможности

- (50в) **Кроме этой боязни, она была счастлива;*
- (50г) **Стены были голые, за исключением <за вычетом> стенной газеты.*

Квантор *за исключением* раньше также обладал способностью квантифицировать объекты, однако теперь такое употребление воспринимается как устаревшее; ср.: *Семейная жизнь наша идет по-старому, за исключением присутствия брата Андрея* (Л. Толстой. «Война и мир»).

В группе 'включения' *включая, не исключая*, в том числе синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) причина, по которой говорящий хочет привлечь внимание адресата к выделенному элементу; 2) денотативный статус множе-

ства *R* и элемента *Q*; 3) количество элементов множества *R*, на которые распространяется характеристика *R*.

По всем признакам синонимы *включая* и *не исключая* противопоставляются синониму *в том числе*. При этом все перечисленные смысловые особенности проявляются в большей мере у синонима *не исключая*.

Основополагающее смысловое различие между *включая* и *не исключая*, с одной стороны, и *в том числе*, с другой, касается причины, по которой говорящий привлекает внимание к элементу *Q*.

Употребляя синонимы *включая* и *не исключая*, говорящий привлекает внимание адресата к тому факту, что элемент *Q*, как и прочие элементы множества, обладает характеристикой *R*. С точки зрения говорящего, это необычно и противоречит естественным нормам или ожиданиям и потому заслуживает отдельного упоминания. Ср.:

- (51) *Лучше всего объявить различные неудобства — включая смерть — величайшими благами* (И. Эренбург. «Необычайные похождения Хулио Хуренито»);
- (52) *Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, не исключая даже и чахоточных, прятались под койки* (Ф. Достоевский. «Записки из мертвого дома»).

Синоним *в том числе* тоже может употребляться в ситуациях, когда говорящий хочет подчеркнуть нарушение некоторых естественных норм или ожиданий, необычность того, что элемент *Q* обладает характеристикой *R*; ср.:

- (53) *Тоска душила со всех сторон, потом, когда мысль прояснялась, меня охватывала брезгливость, физическое отвращение ко всему на свете, в том числе и к самому себе* (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

Однако существенно более типичным для *в том числе* является употребление, когда говорящий обращает внимание адресата на элемент *Q* только потому, что *Q* в данный момент находится в фокусе его внимания. Ср. следующий пример, где не только не идет речь о нарушенных ожиданиях, но где *в том числе* вводит указание на нечто естественное (ср. конечно):

- (54) *Обед длился больше часа, а после обеда открывались в бальной зале танцы, во время которых мужчины, — в том числе, конечно, и господин из Сан-Франциско — накуривались гаванскими сигарами и пились ликерами в баре* (И. Бунин. «Господин из Сан-Франциско»).

Для синонимов *включая* и *не исключая* предпочтительны контексты, где именные группы, обозначающие множество R и выделенный элемент Q, имеют конкретно-референтный статус. Чаще всего речь идет не только о конкретных, но и об определенных множестве R и элементе Q; ср.:

(55) *Все, кто был в кухне, включая бабушку и моего сумасшедшего дядю, бросились ее останавливать* (Ф. Искандер. «Школьный вальс, или Энергия стыда»);

(56) *Все расхохотались, не исключая Гуськова* (Л. Толстой. «Из кавказских воспоминаний»).

Для *в том числе* также возможно и даже характерно употребление в ситуациях, когда эти именные группы имеют неопределенный конкретно-референтный или даже родовой статус; ср.:

(57a) *Таких людей, как Рахметов, мало: я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы (в том числе двух женщин)* (Н. Чернышевский. «Что делать?») [конкретно-референтный неопределенный статус];

(57b) *А ведь люди всякие бывают, — продолжал Сандро, — в том числе и чегемцы* (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема») [родовой статус].

Для *включая* и *не исключая* такое употребление нехарактерно или невозможно; ср.

(57в) ¹*За всю жизнь я встретил только восемь подобных людей, включая двух женщин;*

(57г) **Я встретил только восемь подобных людей, не исключая двух женщин* [конкретно-референтный неопределенный статус];

(57д) **А ведь люди всякие бывают, — продолжал Сандро, — включая <не исключая> и чегемцев* [родовой статус].

Синонимы *включая* и *не исключая* обычно описывают множества, на все элементы которых распространяется некоторая характеристика R; ср.:

(58a) *Усевшись в кресло, я по очереди открыл и закрыл все двенадцать ящичков стола, включая потайные, и только тогда снова взглядел на дверь* (А. и Б. Стругацкие. «Хищные вещи века»);

(58б) *В эти последние годы подросли и созрели все три генеральские дочери — Александра, Аделаида и Аглая. Все три были замечательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лет* (Ф. Достоевский. «Идиот»).

Если же характеристика *R* распространяется не на все элементы множества, она, по крайней мере, присуща большей части элементов множества или большому количеству объектов.

Для *в том числе* такое употребление тоже возможно, однако эта лексема свободно используется и тогда, когда характеристика *R* распространяется только на часть, причем меньшую, элементов множества *P*; ср.:

(58а) *Из всех его двенадцати дочерей красивы только три, и в том числе Александра.*

Для *включая и не исключая* такое употребление неестественно или невозможно; ср.:

(58г) ²*Из всех его двенадцати дочерей красивы только три, включая Александру;*

(58д) ^{*}*Из всех его двенадцати дочерей красивы только три, не исключая Александры.*

Упомянем теперь некоторые семантические различия между различными кванторами добавления. *Не считая* добавляет оттенок смысла, что выделенным элементом можно пренебречь, *не говоря уже о* — что этот элемент важен, но что его наличие очевидно адресату. *Сверх* указывает на превышение некоторой нормы; ср.:

(59) *Перебравшись из Франции в Штаты, он вообще не знал английского, не считая всякой малополезной всячины вроде «week-end», «who's who»* (В. Набоков. «Пнин», пер. С. Ильина);

(60) *Всю жизнь он старался относиться с любовью ко всем людям, не говоря уже о семье и близких* (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»);

(61) *По-латыни я рано стал, сверх университетских заданий, читать неурочные тексты* (М. Гаспаров. «Записи и выписки»).

Некоторые кванторы добавления, как *вдобавок*, *в придачу*, концентрируют внимание на том, что чего-то много и к этому большому прибавляется еще что-то, или есть нечто главное и к нему добавляется аксессуар. Ср.:

(62а) *Он подарил ей новое платье и шарфик в придачу*
при странности

(62б) ²*Он подарил ей шарфик и новое платье в придачу.*

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В. 2004 — *Апресян В. Ю.* КРОМЕ 1, КРОМЕ 2, ВКЛЮЧАЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Богуславский 2004 — *Богуславский И. М.* Целое — часть — признак // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004.
- Крейдлин 1975 — *Крейдлин Г. Е.* Значение некоторых производных предлогов // Научно-техническая информация ВИНТИ. Информационные процессы и системы. Сер. 2. 1975. № 8.
- Левин 1956 — *Левин В. Д.* О значениях предлога *кроме* в современном русском литературном языке // Академику В. В. Виноградову LX. М., 1956.
- Quirk et al. 1982 — *Quirk R., Svartvik J., Leech G., Greenbaum S.* A University Grammar of English. M., 1982.
- Von Fintel 1994 — *Von Fintel K.* Restrictions on Quantifier Domains. Amherst, 1994 (University of Massachusetts Dissertation).

О. Ф. ЖОЛОбОВ

СТАТИКА И ДИНАМИКА ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ КВАНТИТАТИВНЫХ ФОРМ

Числительные в качестве лексического ядра квантитативности существуют и существовали во всех известных языках настоящего и прошлого. Вероятно, числительные имеют такой же возраст, как и сама идея счета, поскольку они обнаруживаются по крайней мере уже в начале позднего палеолита. Симптоматично, что первые знаки в древнейших письменных системах (шумерской, эламской) были числовыми знаками, т. е. числительные можно считать «первотолчком» в развитии письменности.

По данным этнолингвистических наблюдений само человеческое тело с присущей ему парной симметрией стало прообразом и источником всех количественных и пространственных представлений. Креационные и теологические идеи также находятся в близкой связи с воззрениями на состав человеческого тела. Хотя образование числительных в разных языковых семьях было независимым, оно везде доказывает «более, чем какая-либо другая человеческая деятельность, что человек есть мера самого себя» [Blažek 1999: 335–336]. Этот последний вывод содержится в новейшей монографии по этимологии числительных в языках разных семей. Пожалуй, более существенный вывод состоит в том, что человек есть воплощенное число. В этом смысле человеческое тело содержит в себе числовой код, который может быть отвлечен от конкретно-чувственного образа, а данные этнолингвистики становятся иллюстрациями философских спекуляций. Так, Плотин, у которого диалектика числа нашла наиболее подробную разработку, заключает: «Таким образом, на вопрос о том, как наличны ипостасийные числа в нас в своем отличии от чисел фактического счета, следует ответить, что числа, находящиеся в нас, тоже имеют ипостасийную природу, что и умные числа вообще, и числа счета — проявление и чисел в нас, и тем самым умных чисел; отсюда же вытекает и то, что числа и необходимым образом лежат в основе субъекта, конституируя его, и осмысленно конституируют счет, хотя все это и разные сферы бытия числа» [Лосев 1994: 870].

Обратившись к фактическим числам, следует заметить, что человеческая рука остается наиболее простым, но достаточно быстрым и эффективным инструментом счета в некоторых культу-

рах [Honti 1999: 251]. Особое строение рук, совмещенное с их парной симметрией, обусловило развитие такой совершенной числовой системы, как десятичное счисление.

Отказ от признания частеречного статуса числительных и растворение числительных среди слов других частей речи довольно распространены в современной славистике. Оно контрпродуктивно в разных отношениях, в том числе с точки зрения реальной, действенной грамматики. Например, характеристика древнеславянских числительных три и четыре как прилагательных, а числительных шесть и десять как существительных мало что проясняет, а для практической грамматики является просто помехой. И в том и в другом случае потребуются дополнительные разъяснения правил употребления этих слов, которые сведут на нет целесообразность вышеназванных частеречных дефиниций.

О системном характере числительных у славян свидетельствует необычная устойчивость словарного состава: все числительные являются непосредственным продолжением индоевропейских лексем. Нет оснований предполагать, что в праславянском не было числительных как обособленного класса слов, если они унаследовали систему числовых обозначений, которая сложилась еще в праиндоевропейскую эпоху. В индоевропейских языках в целом нет иного такого класса слов, включая обозначения семейных отношений, который бы столь же полно и отчетливо сохранил исходный корнеслов, как имена числительные [Winter 1992: 11]. Древнеславянские гиперонимы числовых обозначений также имеют индоевропейский источник, судя по родственным корневым образованиям: праслав. **čislo*, **čismě*; др.-инд. *kētas* 'мысль, умысел, желание'; авест. *čikiwvā* 'мудрый'; лит. *skaityti* 'читать, считать' (см. [Фасмер 4: 375; Кореңný: 82]).

В последовательности **edinъ*, **dvъ*, **trъ*, **četyre*, **pęť*, **šęť* и т. д. реализуется счетная функция числительных. В счетной функции грамматическая природа числительных в десятичном ряду никак не проявляет себя. В этом случае все морфологическое разнообразие форм сходится в одной «начальной» форме. Поэтому понятно развитие таких типологических особенностей в системе числительных, как отсутствие или утрата морфологических примет. В счетной функции дискурс никаких определенных морфологических форм не требует и не предполагает. В этом случае существен лишь синтаксический порядок слов. До сих пор не было отмечено, что счетная последовательность обладает свойствами связного текста, а одним из композиционных приемов в нем выступает своего рода рифмическое сближение. В праславянских лексических парах эта

особенность числительных выступает наиболее ярко. В праславянском языке все числительные сохраняют индоевропейские корни, но большие числительные попарно сблизились и приобрели одинаковую концовку. Ср. пары **pęť* и **šestъ*, **se(d)тъ* и **osmъ*. Еще более ярко выступает лексическая гармонизация в заключающей паре. Здесь сложилось одинаковое начало, потому что данные числительные относились к консонантному склонению — **devę* и **desę*, а позднее — **devęť* и **desęť* (ср. старое и новое начало у числительного 9 в композитном названии известного растения *Inula heleniun*: болг. *девесил*, рус. *девясил*, укр. *дев'ясил*, серб. *невѣсил*, чеш. *nevěsil*).

В древнеславянской речи почти бесконечный счетный ряд задается строго упорядоченной комбинацией лишь двенадцати простых числительных — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 100, 1000. Образование составных числительных в древнеславянском связано с фиксированными морфосинтаксическими моделями, однако и в этом случае морфологическая природа соответствующих форм выступает либо лишь в свернутом, либо вовсе в редуцированном виде, так как морфологические параметры для счетного ряда являются индифферентными.

В счетный ряд не допускается введение слов других парадигматических классов. Ни подлинные существительные, ни прилагательные, ни местоимения в этот замкнутый класс слов не могут быть включены, потому что они не входят в счетные синтаксические последовательности. Счетный ряд не обладает таким свойством частеречных парадигм других имен, как синонимия. Каждому слову здесь отводится строго определенное место, а синонимические замены, как правило, невозможны. В праславянском языке синонимия связана лишь с «первочислительным» **dъva* и его порядковым коррелятом **vzt|ar|as* > **vztorъ*, которые имеют «двойников» (местоимение и прилагательное) **|aba* > **oba* и **draug|as* > **drugъ*. Однако эта синонимия носит неполный характер, так как местоимение **|aba* может употребляться в количественных сочетаниях, но не допускается в счетном ряду. Отражением этой синонимии является также композит-двандва **|abadъva*.

Синтагмо-парадигматический ряд числительных образует связный, упорядоченный текст, который носителями языка должен заучиваться наизусть. Эта частеречная особенность числительных вызвала к жизни особый жанр счетно-перечислительных текстов, который принято считать весьма архаичным. Множество примеров рассмотрено в исследовании В. Н. Топорова [1980]. Парная организация счетных текстов может быть соотносительна с оппозицией «чёт—нечёт» в балто-славянской мифологии (об этой

оппозиции см. [Мифы народов мира 1997 1: 153; 2: 452]). С этим, вероятно, имеет какую-то связь парное членение индоевропейского пантеона (о парной структуре пантеона см. [Дюмезиль 1986: 64–66]). Парное разбиение отчетливо представлено в считалках, текстовая структура которых может быть весьма архаичной. См., например: *Первой, другой — Изба с трубой, Три, четыре — Меня прицепили, Пять, шесть — Бьем шерсть, Семь, восемь — Сено возим, Девять, десять — Деньги весят, Одиннадцать, двенадцать — На улице бранятся. Бабы, мужики, Мальцы-озорники, Душка Матрешка Глядите в окошко: Здесь Семен — Он выйдет вон!* (МудрНар: 315). В отраженном виде парное членение счетного ряда представлено в звукописи рифмуемого с числительными словосочетания (ср.: *Семь, восемь — Сено возим*). Следует обратить внимание на то, что в одном текстовом ряду здесь находятся порядковые и количественные числительные.

Принадлежность того или иного слова к числительным легко устанавливается по тому, возможно или нет его включение в счетную последовательность.

С учетом всего сказанного кажется совершенно необъяснимой морфологическая трансформация праславянских количественных числительных, поскольку в счетной функции морфологическая природа счетных лексем ограничена одним типом форм: ожидаемая словоформа числительного **pęče < *penče < *penk^we* приняла трансформированный вид **pętь*; ожидаемое **še < *šes < *(k)s(w)ek's* заменилось на **šestь*; вместо ожидавшегося **setь* или **setę < *septin < *sept^om* утвердилось **se(d)ть* и т. д. (см. [Szemerényi 1960: 109 и др.]). Несмотря на свою алогичность, несомненно то, что в праславянском указанное морфологическое преобразование счетных лексем проведено очень последовательно.

Дело в том, что счетный ряд может быть образован как количественными, так и порядковыми числительными, имеющими разные смысловые акценты. Эти разряды числительных, будучи функционально взаимосвязанными, предполагают морфологическое выражение коррелятивных отношений — по крайней мере, некий минимум грамматической экспоненты.

Морфосинтаксическую трансформацию количественных числительных в праславянском обуславливает не что иное, как взаимосвязь и взаимодополнительность в дискурсе, с одной стороны, обозначений серии в счетном ряду, а с другой стороны, обозначений места в счетном ряду. Прочная связь количественных и порядковых числительных в древнеславянском может быть проиллюстрирована многими текстуальными примерами:

славянском языке морфологически ясный характер этого соотношения был утрачен по фонетическим причинам. Таким образом, названный процесс в праславянском языке обусловлен внутричастеречными факторами — как генетического, так и функционального характера. У славян точкой отсчета в этом изменении не могли не стать порядковые числительные, так как они сохраняли морфологически ясный именной характер. Поскольку исконные порядковые числительные **šestās*, **septmās* являлись склоняемыми именами, не могли не наследовать именной природы и функционально соотносительные с ними праславянские **šes*, **septŭn* (см. [Жолобов 2001: 96–97]).

Употребление числительных не ограничено лишь счетной функцией, о которой до сих пор говорилось. Не менее важной в речи является количественная функция, в которой числительные в полной мере реализуют свою морфосинтаксическую природу. Разграничение счетной и количественной функций числительных представлено сравнительно-типологическими данными. Так, в кельтском языке синтаксически противопоставлены числительные, когда они сопровождают имя (подчиненные числительные) и когда употребляются самостоятельно. Перед самостоятельными числительными ставится частица *a* [Льюис, Педерсен 1954: 233]. В чувашском языке краткие формы числительных употребляются при конкретном счете с указанием предметов, а полные числительные, т. е. формы с удвоением корневого согласного, — при отвлеченном счете [Щербак 1977: 139–140]. Ср. также независимое употребление числительного *один* и основы *одн-* в количественных сочетаниях в русском языке и в других славянских языках, а также возможность включения в счетный текст слова *раз*, тогда как в количественных сочетаниях это недопустимо. С оппозицией счетной и количественной функций связано противопоставление твердой и мягкой основ в прямо- и косвеннопадежных формах обозначений десятков: *пятьдесят*, *шестьдесят* vs. *пятидесяти*, *шестидесяти* и под.

Именная природа числительных реализуется во всей полноте при обозначении количества в речи, в тексте, когда оно соотносится с приложением количественных показателей к предметно-вещному миру. Собственно, именно количественные представления и придают окружающему миру пространственную, а также временную очерченность и определенность, так что числительным принадлежит ведущее место в пространственно-временном освоении мира. В этом случае в речи числительные образуют количественные конструкции, для описания которых необходимо выйти за

границы морфологии, обратившись к комплексным — морфосинтаксическим — показателям.

В силу вышесказанного не вызывают доверия и сочувствия утверждения исследователей (ср. [Šerech 1952: 40; Lohmann 1956: 157]), которые подчеркивают, что славянские языки зафиксировали то достаточно архаичное состояние, когда «числовые слова» не являлись абстрактными понятиями, а имели предметное значение. Безусловно, этот взгляд не может быть принят. Он чрезмерно архаизирует реальное положение и, по существу, отсылает ко времени возникновения числительных вообще, когда количественное и предметное значения были представлены синкретично. Праславянские числительные никак не вписываются в те «примитивные» системы предметного счета, которые действительно в немалом количестве предлагают этнолингвистические наблюдения (ср. типологическую сводку в книге [Blažek 1999: 225–230]). См., в частности, систему счета, которая соотносится с частями тела, в языках гвинейской группы Kombai, Korowai, Wambon:

Числа	Kombai	Korowai	Wambon	Коррелирующие части тела:
1	<i>raga</i>	<i>senan</i>	<i>sanop</i>	little finger (мизинец)
2	<i>ragaragu</i>	<i>senanafül</i>	<i>sanop-kunip</i>	ring finger (безымянный палец)
3	<i>woraragu</i>	<i>pinggu-(lu)p</i>	<i>takhem</i>	middle finger (средний палец)
4	<i>woro</i>	<i>wajafül</i>	<i>hitulop</i>	index finger (указательный палец)
5	<i>abalo</i>	<i>wayo</i>	<i>ambalop</i>	thumb (большой палец)
6	<i>go</i>	<i>gédu</i>	<i>kumuk</i>	wrist (запястье)
7	<i>khani</i>	<i>lafol</i>	<i>mben</i>	lower arm (предплечье)
и т. д.

Морфологическая связь праславянских количественных числительных с именами существительными, как нетрудно убедиться, вовсе не определяется их предметной семантикой, а обусловлена внутрисистемными, языковыми факторами. Как отмечал в свое время А. А. Реформатский [1960: 400]: «Такое великое достижение человечества, как понимание числа и числовых связей, преломляется в языке весьма своеобразно и не прямо передает достигнутое мышлением, а подчиняет эти мыслительные данные языковому строю. Для каждого языка это неповторимо по-своему. Как и везде и всегда, в языках — это идиоматично и зависит от общего характера грамматического строя языка».

Содержательная специфика числительных ярче всего проявляется в фигурах текстопостроения. Очевидно то, что, в отличие

от других частеречных разрядов, смысловой строй числительных более подвижен, отвлечен и схематичен. Он способен улавливать изменчивость хронотопа и придавать очерченную мерность самой речи. В древнеславянском узусе подлинный содержательный стержень числительных выступает достаточно явственно. Числительные являются именами нумероформ, или, другими словами, — обозначениями матриц или схем, которые в известном смысле безразличны к их фактическому наполнению. Нумероформы в качестве фигур текстообразования широко распространены в христианской древнеславянской письменности, как, несомненно, ранее и в языческой. Так, нумероформы являются одним из основополагающих композиционных принципов в произведениях Кирилла Туровского.

См., например, следующую девятичленную нумероформу у этого древнерусского автора — с обозначенным числовым членением контекста:

1–2: Ангѣли и архѣли.

3–4: хѣровимѣ и сѣрафимѣ.

5–6: власти і вл(д)чѣства.

7–8: престоли г(с)ѣства.

9: и всѣ чиноначальѣ горнихъ чиновъ.

молѣть тѣ х(с)ѣ ц(с)рю всего мира

КТурКан XII сп. XIV, 227 об. [СДРЯ 1: 94].

В примере нумероформы у Кирилла Туровского очевидно также то, что матричные схемы, стоящие за числительными, могут иметь разную структурную конфигурацию, т. е., являясь по сути своей однородными рядами, легко допускают внутреннее дробление разного типа. В приведенном примере девятичленная нумероформа совершенно явственно обнаруживает следующую конфигурацию: $2 + 2 + 2 + 2 + 1$, т. е. складывается из четырех двучленов, ряд которых завершается генерализующим одночленом. Известная в восточном богословии иерархия девяти ангельских чинов обнаруживает в связи с этим совершенно особый характер. Так, в известной (в том числе по древнеславянским источникам) ангелологии Псевдо-Дионисия Ареопагита исчисление ангельских чинов складывается из трех триад.

То, что внутренняя форма числительных подразумевает структурное дробление подтверждают данные этимологии. Ср. внутреннюю форму числительных в индийском языке *chumash*: *skumi* '4' < '2' (образовано от числительного *ickomo* '2'), *yiti-paka* '5' < 'возникать-один' (т. е. '1' появляется после '4'), *yiti-chomo* '6' <

‘возникать-два’ и т. д.; в чукотском языке: *ynnan-mytylynen* ‘6’ < ‘1 + 5’, *per’a-mytylynen* ‘7’ < ‘2 + 5’; в юкагирском языке: *mal’i-yalo’i* ‘6’ < ‘2 × 3’; в протошумерском языке: **i-aš(-u)* ‘6’ < ‘5 + 1’, **i-min(-u)* ‘7’ < ‘5 + 2’ и мн. др. (см. [Blažek 1999: 328–331]).

В древнеславянском языковом сознании количественные представления не теряют связи с качественными представлениями о количестве, которые имеют культурно-исторические основания и согласуются с внутренней динамикой числовой семантики. Поэтому устойчиво сохраняются шесть морфосинтаксических моделей счетно-количественных сочетаний (см. [Жолобов 2001: 102]):

- (1) сингулярный квантитатив: **edinъ vozъ, *edina mĕra*; (1₂) **edinъ na desęte vozъ*;
- (2) дуальный квантитатив: **dъva voza, *dъvĕ mĕrĕ*; (2₂) **dъva na desęte voza (vozъ)*;
- (3) малый квантитатив: **trъje, č’etyre vozi, *tri, č’etyri mĕry*; (3₂) **trъje na desęte vozi (vozъ)*;
- (4) большой квантитатив: **pĕtъ vozъ, *pĕtъ mĕrъ*; (4₂) **šestъ na desęte vozъ*;
- (5) половинный квантитатив: **polъ vъtora, polъ pĕta voza, *polъ vъtory, polъ pĕty mĕry*;
- (6) дистрибутивно-собираательный квантитатив: **dъvoji, troji, pĕteri pĕlci, *dъvoje, troje, pĕtery kъnigy*.

Ср. в древнеславянской письменности:

- (1) възвраща^{ше} сѧ дѧти славѣи бѣи. тѣмъко съ единѣмъ мноплеменѣмъникѣмъ Сав: Лк 17, 18; Горькѣ сътвори плачъ и рыданіе. днѣи единѣмъ или дѣва Изб 1076, 153 об.; (1₂) въземѣи оу тимошеѣи одиноу на десѧтѣхъ гривнѣноу ГрБ № 78 (60–70 XII);
- (2) ннчесоже не възмѣте на пѣтъ. ни жѣзла ни пирѣ ни хлѣба. ни сребра ни двою ризоу ни мѣдѣи Сав: Лк 9, 3; по два безмѣна УСт к. XII, 262; (2₂) Ѡвѣща іс не два ли на десѧте часа кѣста въ днѣ Ева 1092: Ин 11, 9; (2_{3,4}) прѣжде дѣкоу десѧтоу лѣтъ КЕ XII, 836;
- (3) и съберѣтъ избрѧныѧ его. отъ четѣрь вѣтрѣ Сав: Мф 24, 31; тріе вѣхѣомъ пѧстоуѣи ПС к. XI, 12; (3₂) възми оу господѣини три на десѧте рѣзанѣ ГрБ № 84 (10–30 XII); (3_{3,4}) хѣ четѣрми десѧтѣи днѣи вънесе на рѣкоу въ црѣвъ ЧудН XII, 756;
- (4) не помѣните ли • егда пѧтъ хлѣбѣ прѣломнѣхъ • въ пѧтъ тѣсѣшѣ Зогр: Мк 8, 18–19; воземи десѧтъ гривнѣно ногѧтами ГрБ № 227 (60–70 XII); (4₂) живѣ въ домоу своѣмъ шесть на десѧте лѣт СбУ XII/ XIII, 288а; (4_{3,4}) ами" глаѣ вамъ • радоуѣтъ сѧ еи • паче неже девѧти десѧтѣи и ѣ ти • непогѣмѣшѣхъ Сав: Мф 28, 12–13;

- (5) хѣъ же оугодьникъ • за полоуѣтора лѣтъ въ змѣрьскѣмъ стражици • съ блѣгодарениемъ тѣрпаше вса ЖФСт XII, 141 об.; възми оу доушнлѣ оу ѡмнища полъцетвѣртѣ грѣнѣ ГрБ № 381 (XII); (5_{3,4}) и осененье полюдие даровное полътретиа десате гривнъ стѣмоу же георгиеви Гр 1130;
- (6) ѡсмерзы числѣмъ винъ сѣтъ СбТр XII/XIII, 158; (6₂) Въображенъ оубо бѣша кѣнигы. десатеръ и дѣвои КЕ XII, 245б.

Уже в самых ранних древнеславянских памятниках представлено взаимодействие названных выше квантитативных конструкций. Употребление переходных морфосинтаксических образцов (2₂) < (4), (3₂) < (4), (4) < (3) и под., безусловно, связано с их внутрипарадигматической динамикой. Частеречная природа числительных последовательно реализуется в парадигме квантитативных конструкций. Функционирование квантитативов как целостных грамматических единиц индуцирует унификацию морфосинтаксических образцов в исходном славянском употреблении. Прежде всего это находит выражение в распределении субстантивных компонентов квантитативов. Так, в квантитативах (2₂) и (3₂) существительные могут быть оформлены по образцу квантитатива (4): (2₂) садете и въи на двою на десате прѣстола. соудаче дѣвѣма на десате колѣнома излѣкома ЕВА 1092: Мф 10, 28 vs. (4) и приставить ми ваще. дѣвою на десате легонъ англъ ЕВА 1092: Мф 26, 53; (3₂) и съ нею .гѣ. отроковницѣ СбУ XII/XIII, 68г vs. (4) да боудѣтъ .гѣ. отроковницѣ въ слоужбеоу тѣбѣ СбУ XII/XIII, 68б. В квантитативе (4) уже в древнейших памятниках обнаруживается тенденция к обобщению субстантивных компонентов по типу квантитатива (3): 1 о девѣти правдыникъ Зогр: Лк 15, 7 vs. (3) о девѣти десѣтъ и девѣти правдыникѣхъ Мар: Лк 15, 7 и под. Последний пример доказывает, что форма существительного определяется не пресловутым субстантивным статусом числовых слов, а включенностью в квантитативные конструкции, смысловым центром которых являются числовые обозначения. Здесь нужно заметить, что сам род. п. мн. ч. существительных в сочетаниях типа пѣть хлѣбъ не столь легко объясним, как может показаться. Не ясно, почему этот родительный приименной никогда не чередуется с дательным приименным или адъективным определением, которые у славян обычно предпочитались приименному дополнению в родительном (см. [Мейе 1951: 374–375]). Если пѣть — существительное, то почему нельзя было сказать хлѣбѣна пѣть — как жпржгъ воловыни? Род. п. мн. ч. существительных в составе квантитативных конструкций, вероятнее всего, несет печать функциональной специализации как *genitivus adnumerativus*.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Гр 1130 — Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, около 1130 г. // Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.
- ГрБ (+ номер грамоты) — Грамоты берестяные // Зализняк 1995.
- ЕвА 1092 — Архангельское Евангелие 1092 года. М., 1912.
- ЖФСт к. XII — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.
- Зогр — Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus / Ed. V. Jagič. Grac, 1954. (Unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe).
- Изб 1076 — Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- КЕ XII — Кормчая Ефремовская // *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907. Т. 1. Вып. 1–3.
- КН 1285–1291 — Кормчая Новгородская, 1285–1291 гг. Рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).
- Мар — Мариинское Четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. Grac, 1960. (Фототипическое издание книги 1883 г.).
- МудрНар — Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1: Младенчество. Детство. М., 1991.
- ПС к. XI — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967.
- Сав — Саввина книга. Труд В. Щепкина / Памятники старославянского языка. СПб., 1903. Т. 1. Вып. 2.
- СбТр XII/XIII — Сборник слов и поучений конца XII — начала XIII в. Рукопись РГБ, Тр.-Серг., № 12 (по фотокопии).
- СБУ XII/XIII — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2002-. Т. 1–6-.
- Супр — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова / Памятники старославянского языка. СПб., 1904. Т. 2. Вып. 1.
- УСт к. XII — Устав студийский церковный и монастырский, конца XII в. // *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
- ЧудН XII — Златоструй и отрывок Торжественника XII в., ГПБ, Ф. п. I, 46 (по фотокопии).
- Кореčný — *Кореčný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Дюмезиль 1986 — Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
- Жолобов 2001 — Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Лосев 1994 — Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994.
- Льюис, Педерсен 1954 — Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Мифы народов мира 1997 — Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1997.
- Реформатский 1960 — Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сб. ст. к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960.
- Топоров 1980 — Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980.
- Щербак 1977 — Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977.
- Blažek 1999 — Blažek V. Numerals: Comparative-Etymological Analyses of Numeral Systems and their Implications (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages). Brno, 1999.
- Honti 1999 — Honti L. The Numeral System of the Uralic Languages // Numeral Types and Changes Worldwide. Berlin; New York, 1999.
- Lohmann 1956 — Lohmann J. «Wort» und «Zahl» // Zeitschrift für slavische Philologie. 1956. Bd. 25.
- Šerech 1952 — Šerech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952.
- Szemerényi 1960 — Szemerényi O. Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960.
- Winter 1992 — Winter W. Some Thoughts about Indo-European Numerals // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992.

О. А. КАЗАКЕВИЧ

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ, СЕМЬ ТЕСНИН И ТРИДЦАТЬ ВОИНОВ

(О ВЫРАЖЕНИИ КВАНТИТАТИВНОСТИ
В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ)

В статье рассматриваются некоторые лексические и грамматические способы выражения квантитативности в фольклорных текстах на четырех говорах северного диалекта селькупского языка, записанных на протяжении XX в.¹. Отмечается локальная специфика выражения квантитативности по говорам и изменения, происшедшие в системе грамматических средств выражения квантитативности за последнее столетие.

Числительные

Основным лексическим средством выражения квантитативности являются числительные². В селькупских фольклорных

Работа выполнена в рамках проекта «Говоры северных селькупов: сопоставительное описание и база данных звуковых файлов», грант Российского фонда фундаментальных исследований № 01-06-80363, и проекта «Изменение языка северных селькупов на протяжении XX века», грант Российского гуманитарного научного фонда № 01-04-16225а.

¹ Анализируемый материал состоит из шести следующих корпусов: 1) 12 текстов, записанные Г. Н. Прокофьевым в пос. Янов Стан Туруханского района в 1925–1928 гг. (два текста опубликованы в [Прокофьев 1935: 101–103], остальные взяты из архива Л. А. Варковицкой); 2) 94 текста, записанные Л. А. Варковицкой в 1941 г. на Верхней и Нижней Баихе (Туруханский район) (архив Л. А. Варковицкой, описание см. в [Кузнецова, Хелимский 1989], опубликовано два текста в [Казакевич 2002; Мифология 2004]); 3) 28 текстов, записанные участниками селькупских экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова в поселках Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1970–1977 гг. (опубликованы в [Очерки 1993]); 4) 40 текстов, записанные автором в поселках Ратта, Толька и Красноселькуп Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 1996 и 2002 гг. (опубликовано шесть текстов этого корпуса [Казакевич 2000; 2002; Kazakevitch 2001; Мифология 2004], русский перевод еще двух текстов опубликован в [Казакевич 1998]); 5) 33 текста, записанные автором в поселках Совречка, Фарково и Бакланиха Туруханского района Красноярского края в 1998–1999 и 2003 гг.; 6) 20 текстов, записанные автором в пос. Толька Пуровская и Тарко-Сале Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2000–2001 гг. (опубликован один текст в [Казакевич 2002]).

² Селькупским числительным посвящена монография В. В. Быконя [1998], в которой автор рассматривает материал в морфологической и этимологической перспективе и на базе этимологических сопоставлений предлагает реконструк-

текстах числительные встречаются довольно часто, но в ограниченном наборе: прежде всего, это начало натурального ряда от одного до семи (*ukkyr/okkyr* 'один', *šitty* 'два', *nōkyr/nōr* 'три', *tēty* 'четыре', *sompyla* 'пять', *muktyt* 'шесть', *selcy* 'семь'), а кроме того, числительные *kōt* 'десять', *nassar/nōssar* 'тридцать', *muktytary* 'шестьдесят' *sompyl'-kōl'-kōt* 'пятнадцать', *šitty-cāṅky-sittysar* 'восемнадцать', *sompylasar* 'пятьдесят', *sompyla-tōt* 'пятьсот' и *šitty-kōt-tōt* 'две тысячи' (для пяти последних зафиксированы лишь единичные случаи употребления). При атрибутивном употреблении все числительные, как правило, сочетаются с существительным в единственном числе. Для *šitty* возможно также сочетание с существительным в форме двойственного числа. Однако в текстах, записанных в последние годы, после всех числительных, кроме единицы, возможны также существительные в форме множественного числа (вполне вероятно, что под влиянием русского языка).

Самое частотное среди числительных — *ukkyr* 'один'. По частоте употребления в текстах *ukkyr* не только опережает все прочие числительные, но и входит в первую двадцатку наиболее частотных селькупских лексем [Очерки 2002]. Приведем примеры употребления этого числительного, где оно, бесспорно, служит для передачи точной количественной характеристики:

- (1) *Mōrtykty qoltympat, qoltympat, ukkyr ypkolija soqyltyt*³ 'У выхода из запора черпает, черпает, одного подчира (мелкого чира) вычерпал' (Таз 2002);
- (2) *Okkyr kasty imanty al'cimpa* 'Одна половина его к женщине упала' (Баиш.);
- (3) *Ukkyr contoqyt cošil' lipysä cattynyty iskovoroDanty sünnynyty. Irat orqollä innä polleinyt. Nyny coṅolyt kylomyt innä katytälälä: «Nomy aj ukkyr, nomy aj ukkyr, aj ukkyr»* 'Вдруг куском сала кинула на сковороду. Муж ее, схватив, проглотил. Потом по чувалу царапать стал: «Боже, еще один, боже, еще один, еще один (кусок)» (Прок.).

Нередко числительное *ukkyr* выступает в предложении практически в функции неопределенного артикля:

цию некоего фрагмента селькупской модели мира. В нашем описании мы ориентируемся не на этимологию, а на анализ употребления числительных в текстах.

³ Примеры из архива автора даются в недетализованной фонетической транскрипции, близкой к фонематической, но отражающей основные фонетические особенности разных говоров и в основном совпадающей с транскрипцией, используемой в [Очерки 1980]; примеры, взятые из других архивных источников (записи Л. А. Варковицкой и Г. Н. Прокофьева), а также из изданных текстов, сохраняют написание источников.

- (4) *Okkyr qur ilympyŋa, okkyr imakotaty, okkyr neläty, okkyr ijaty, kyBla ijaty* 'Один человек жил, одна старуха у него, одна дочь у него, один сын у него, маленький сын' (Баиш.);
- (5) *Ukkyr imakota ilymmynDy katsatysä* 'Одна старуха жила видно с внуком' (Прок.);
- (6) *Okkyr qur šīr koccik qatympyt* 'Один человек соболей много убивал' (Баиш.).

Для селькупского *ukkyr*, как и для русского *один*, возможно употребление в значении 'только, исключительно':

- (7) *IranDy ylonDy somalšqyl mymDy, onDy yloqynDy ukkyr läl laka qalDanDyty* 'Мужу своему на дно лучшие куски, сама на дне своем одну (= только) кость оставила' (Прок.);
- (8) *Mštqyt qum ni qaj ni cāŋka. Kekksä ukkyr pici iŋpyndy aj ŋaŋl lakat pēlāk* 'В чуме ни человека никого нет. Только один топор лежит и половина буханки хлеба' (Прок.).

Заслуживает, на наш взгляд, упоминания встретившийся в текстах, записанных в 1920-е гг., фразеологизм *ukkyr teŋin* (ум-GnSg) 'душа в душу (букв.: одного ума)':

- (9) *Ukkyr teŋin esšqy* 'Душа в душу стали жить' (Прок.).

Однако львиная доля употреблений числительного *ukkyr* приходится во всех корпусах на функционирующие в качестве дискурсивных маркеров устойчивые словосочетания со значением 'однажды': *ukkyr contōqyt*⁴ (середина-LocSg) (букв.: 'в одной середине'), *ukkyr tap tātty conDōqyt* (букв.: 'в одной до этого середине') и *ukkyr pōr* (букв.: 'один раз'):

- (10) *Ukkyr contōqyt Ica mštyt šūncōqyt tol'cymty tokkaltyty i laksyra* 'Однажды Ича в чуме лыжи надел и скачет' (Таз МГУ);
- (11) *Okkyr tap tātty contoqyt tuŋustyt kinik ätylä qanqolamŋtyt* 'Однажды к тунгусам в гости отправились' (Баиш.);
- (12) *Ilympa ukkyr pōr mē mštyrmyt* 'Жил однажды наш богатырь' (Фарк.).

В качестве вариантов встречаются также выражения *ukkyr tap qaryt* 'однажды утром', *ukkyr tap ūtyt* 'однажды вечером':

- (13) *Ukkyr tap qaryt Aja ni'cīŋ esa «Mat köty koralä qassaŋ enä»* 'Однажды утром Ая так стал (сказал): «Отправляюсь-ка я на охоту»' (Прок.);

⁴ Иногда словосочетание *ukkyr contōqyt* переводится селькупскими информантами на русский язык как 'вдруг'. Выбор между 'однажды' и 'вдруг' определяется скорее соображениями 'складности' русского перевода: *Ukkyr tap tātty conDōqyt ütyn šmDštyt. Ukkyr conDōqyt pōqyny mštyt ukkyr imakota na šereinDy* 'Однажды вечером сидят. Вдруг с улицы в чум одна старуха вот вошла' (Баиш.).

- (14) *Nyny okkyr tap ütyt nil'cik esa*: «*Tīmā, kussa na nī kurykol'cimpylumyt*»
'Потом однажды вечером так сказала: «Брат, ну-ка вот вместе при-
вязываться будем» (Баиш.).

Следующим и по порядку в натуральном ряду, и по частоте встречаемости в текстах является числительное *šitty* 'два'. При атрибутивном употреблении *šitty* сочетается с существительным в форме единственного или двойственного числа:

- (15) *Šitty qur tūmra* (человек-NmSg) 'Два человека пришли' (Баиш.);
(16) *Ira ilymra. Šitty nāl'aty* (дочь-NmSgPos3Sg) *erpynty* 'Старик жил.
Две дочери у него были' (Таз МГУ);
(17) *Šötqyn ilyšqī šitty corasyqāqī* (брат-NmCollDu) 'В лесу жили два
брата' (Таз МГУ);
(18) *Šitty timnaqu* (брат-NmDu) *šötty qəsōtyt* 'Два брата в лес пошли' (Баиш.).

По сравнению с селькупской единицей (*ukkyr*) сочетаемость селькупской двойки (*šitty*) в текстах более ограничена. Прежде всего, *šitty* употребляется по отношению к людям, особенно состоящим в родстве или свойстве: *šitty qur* 'два человека', *šitty imaqī* 'две женщины', *šitty timñaqī/timñasyqāqī/corasyqāqī* 'два брата', *šitty nāl'aty* 'две дочери его', *šitty āmnāty* 'две невестки его' — частые персонажи селькупского фольклора. Несколько реже речь в текстах идет о парах фантастических существ или животных: *šitty lōs-ījāqī* 'два чертенка', *šitty kuryttyl' sūryp* 'два бегущих зверя'. Иногда упоминаются пары природных объектов (*šitty untu* 'два ручья', *šitty pū* 'два камня') или артефактов (*šitty ci* 'два котла', *šitty amyrsa* 'две деревянные миски', *šitty ōtāt qōry* 'две оленьих шкуры'). Особый случай представляет словосочетание *šitty pelāk* 'две стороны, две половины':

- (19) *Lōs-iran nāl'āqī šitty'l peläqqyn omtyltympaty* 'Дочек черта-старика по обе стороны (от себя) посадил' (Таз МГУ)⁵.

Числительное *šitty* может субстантивироваться, в этом случае оно присоединяет показатель двойственного числа⁶ и изменяется по падежам:

- (20) *Nyny to na šittäqu* (два-NomDu) *peqylqo kuralnōtyt* 'Потом те двое искать побежали' (Баиш.);

⁵ В селькупском языке существует возникший из числительного проверб *šitty* со значением 'в разные стороны, на части': *Šitty nytylelcōtyt* '(Надвое) разорвали' (Баиш.); *Perkumty šitty korynyt* 'Живот его распорол' (Баиш.).

⁶ Подробнее о показателях двойственного числа см. ниже в последней части статьи.

(21) *Tyntena šittäp* (два-АссДу) *ty qyrynylyt!* 'Этих двоих позовите!'.
 Встречается также употребление порядкового числительного *šittymtälyl* 'второй':

(22) *Šittymtälyl topysä cel'cölynyty* 'Второй ногой топнул' (Прок.);

(23) *ŠittymDälił tättyt ticonDy šitty qatyl šoqqa! ima qaciñDyty* 'Во второй теснине двухкогтистую суку оставил' (Прок.).

Наконец, довольно часто в качестве дискурсивного маркера в текстах употребляется кратное числительное *šittymtäil/šittymtäl/šittäl* 'вторично, снова, опять' (иногда в сочетании с *nūny* 'потом'):

(24) *Šittäl ukkor contōxyn na ijaχy sōtty na χantōχy* 'Потом однажды эти два сына в лес вот пошли' (Только Пур);

(25) *Šittäl ira tō saqqa!ta* 'Потом дед подвинулся' (Только Пур);

(26) *Nūny š'ittynDäl qanqolamna* 'Потом опять (=потом) идти собрался' (Прок.);

(27) *Nūny šittynDäl ukkyr imakota na ZumByqolamDy* 'Затем вторично (=опять) одна старуха вот шаманить собралась' (Прок.).

Числительное *nākyr/nār* 'три' в текстах несколько менее часто, чем начало натурального ряда, но все же нередко употребляется применительно к людям, животным (прежде всего, упряжным оленям) и времени:

(28) *Nākyr qir rāqqup nompōtyt* 'Три человека сохатого гоняли' (Баиш.);

(29) *Təryn tuqyn eppyny nākyr ijaty, nākyr āmnāty eppyny* 'У него было три сына, три снохи было' (Таз МГУ);

(30) *Səry soqquy i səry qaqlyn taqqaš, nākyr səry qopty sōrytmyny* 'Белый сокуй и белая подстилка нарты, три белых быка запряжены' (Таз МГУ);

(31) *Nyny šāquqolamnōtyt. Innāt nākyr kūk omtuca* 'Потом заночевали. Вверху три тетерева сели' (Баиш.);

(32) *Imaqotal' āmnāzyqāqī nākyr cēly ātyltōqī* 'Старуха вдвоем с невесткой три дня ждут' (Таз МГУ);

(33) *Iraty qanpa nār pot kunty* 'Муж ее ушел на три года (Баиш.).

Изредка числительное *nākyr* может относиться и к предметам:

(34) *Nākyr nāntyt qalytmyny* 'Три лепешки у них осталось' (Таз МГУ).

В целом можно отметить частичное совпадение контекстов, в которых употребляются числительные *šitty* и *nākyr*: мужчин, братьев, сыновей, дочерей, невесток в селькупских сказках может быть как двое, так и трое, герой может получить от волшебного дарителя как два, так и три камушка, запрячь в нарты как

двух, так и трех оленей (кстати, два оленя более характерны для селькупской упряжки, в то время как три — для ненецкой). Однако существуют и непересекающиеся контексты. Так, только *šitty* употребляется при описании пространства (*šitty peläk* 'две стороны') и только *nōkyr* при описании времени (*nōkyr cēly* 'три дня', *nōkyr pōt* 'три года').

Порядковое числительное *nōkyrymtälyl'* 'третий' используется исключительно в кумулятивных контекстах, когда один за другим последовательно появляются однородные персонажи или предметы, обладающие некими признаками, степень проявления которых постепенно возрастает, или совершаются однородные повторяющиеся действия⁷. В селькупских фольклорных текстах образующаяся цепь персонажей или событий может состоять из трех, четырех или семи элементов. Соответственно, порядковое числительное *nōkyrymtälyl'* может определять как последний, так и промежуточный элемент цепи:

(35) *Nōkkyrymtälyj mūtym mannympaty — šity cāṅka* 'На третий изгиб реки смотрит — пены нет' (Таз МГУ) (до этого герой смотрел на первый и второй изгибы реки, третий изгиб — последний);

(36) *Nōkyrtelyl' numyt ticonty tūṇa* 'К третьему неба перешейку пришел' (Баиш.) (всего перешейков семь, третий — промежуточный на многотрудном и опасном пути шамана).

Числительные *tēty* 'четыре', *sompyla* 'пять', *muktyt* 'шесть' в текстах встречаются почти исключительно в кумулятивных контекстах:

(37.1) *Tyssan okkyr qumyt titontyl', okkyr qumyn oryl' soly, tyssan šitty qumyt titontyl', soly šitty qumyn oryl' meṇṭy* 'Клещи в одну сажень, в одну человеческую силу молоток, клещи в две сажени, молоток в две человеческие силы сделайте!';

(37.2) *Ti meṇṭy nōqyr qumyn oryl' soly, nōqyr qumyn oryl' tyssan, tēty qumyn oryl' soly, tēty qumyn titontyl' tyssan!* 'Сейчас сделайте в три человеческих силы молоток, в три сажени клещи, в четыре человеческих силы молоток, в четыре сажени клещи!';

(37.3) *Muntuk meṇṭyt* 'Все сделали' (Баиш.);

(38) (Перед героем-шаманом последовательно появляются) *okkyr olyl' losy* 'одноголовый черт', *šitty olyl' losy* 'двухголовый черт', *nōqyr olyl' losy* 'трехголовый черт', *tēt ol' losy* 'четыреголовый черт', *sompyla olyl' losy* 'пятиголовый черт', *mukty ol' losy* 'шестиголовый черт', *se'cy olyl' losy* 'семиголовый черт' (Баиш.).

⁷ См. [Пропп 1976].

Числительное *sel'cy* 'семь' занимает в текстах совершенно особое положение. Для селькупов, как, впрочем, и для многих других народов, семь — священное число. Существует семь небес (*sel'cy nūššūncy*), семь ветвей (*sel'cy mō*) у мирового дерева, семь жертвенных деревьев у святилища (*sel'cy qossyl' pō*). Попадая из мира людей в верхний или нижний мир, шаман должен пройти семь теснин-перешейков (*sel'cy tīcy*). По сути, ни в одном контексте *sel'cy* не употребляется для обозначения точного количества, это, скорее, знак великого множества, бесконечности, полноты, мировой гармонии, а также превосходной степени чего бы то ни было: семисаженный хорей (*sel'cy tīl' narapo*) — это очень длинный хорей, семиверхая лодка (*sel'cy pōryl' alako*) — очень большая лодка и т. д. Вот только несколько примеров:

- (39) *Mat cōty sel'ci nūryl' porqu meŋyt!* 'Для меня семислойную (то есть очень прочную, не пробиваемую вражеским оружием) парку сделай!' (Баиш.);
 (40) *N'oma! Porqu ira na ilymmynty. Sel'cy ijaty, sel'cy ämnäty eppyny* 'Старик Нёмаль Поркы жил. Семь сыновей у него, семь снох у него (то есть очень много, максимально возможное количество)' (Таз МГУ);
 (41) *Na tōtpynty, na tōtpynty, na toctpynty, sel'cy pōty tōtra* 'Идет на лыжах, идет на лыжах, идет на лыжах, семь лет (то есть очень долго) идет на лыжах' (Таз МГУ).

Порядковое числительное *sel'cymtäl* 'седьмой' встречается в кумулятивных контекстах как предельный элемент кумуляции:

- (42) *Sel'cimtättil' numyt ticy, aj tū cōpa* 'Седьмой неба перешеек, опять огонь горит' (до этого были с первого по шестой перешейки) (Баиш.).

Однако оно может употребляться и вне кумулятивного ряда для обозначения предельного, решающего события:

- (43) *Ni'cik tenyrBa «Kos olä sel'cimDälyl' kollim5āqyt koš' olä utynDyn5ny mōtyñ 5qyqt ilä al'cīlāk». ÄtymynDy mōtyñ 5qyqt sel'cimDäl' korru mōtāqynDy utynDyn5ny ilä callymōnna* 'Так думает: «Хоть бы во время седьмого оборота из руки его к двери чума вниз упал бы я». По его слову к двери чума во время седьмого оборота своего из рук его вниз выскочил' (седьмой оборот оказался для героя спасительным) (Прок.).

Числительное *kōt* 'десять' встречается только в текстах, записанных в 1920-е гг., где характеризует количество людей, пальцев и нар в аргише:

- (44) *Monty myta sel'ci panyš ira qaj tūnty, jaryñ aj kōt qur* 'Видно, будто старик с семью косами что ли пришел, других еще десять человек' (Прок.);

- (45) *Ukkyr ñeñamty köť karytyl' qaGlyty sompolay tot 5tät, tñmña tättett mañyta' cäktyt* 'У одной сестры десять грузовых нарт, пятьсот оленей, у брата четыре холостые важенки' (Прок.).

Числительное *nassar* 'тридцать' регулярно употребляется в качестве определения по отношению к воинам, добытым животным и чумам и означает не точное их число, а просто очень большое количество:

- (46) *Nassar qumym miñyty* '(Он) тридцать человек взял' (Баиш.);
 (47) *Nassar täpek cattytyt* 'Тридцать белок застрелил' (Баиш.).

Наряду с *nassar* (и даже несколько чаще, чем сама эта форма) используется адъективная форма числительного *nassaryl'*:

- (48) *Na qaj, nassaryl' qälyl' müty tññ5tyt* 'Вот оно что, тридцать ненецких воинов пришли' (Таз 2002);
 (49) *Ñennä sam na mannynyta, nei nassaryl' m5t 5mnynta* 'Вперед лишь посмотрел — тридцать чумов стоит' (Таз 2002);
 (50) *Tökal' petsa nassaryl' töka petolpat* 'Ястреб тридцать гусей толкнул (убил)' (Баиш.).

В одном тексте Баишенского корпуса большое количество людей описывается с помощью числительного *muktysary* 'шестьдесят' (удвоение тридцати, то есть 'дважды много'):

- (51) *Kocci qur, tñña qaGlysä, muktysary qur* 'Много народу пришло, шестьдесят человек' (Баиш.).

Редкие употребления прочих числительных, встречающиеся в текстах, записанных в 1920-х и 1941 гг., относятся к возрасту, размеру калыма за невесту, а также к количеству людей и размеру оленьего стада:

- (52) *Nñny 5itty cäñky sittysaryl' pöt 5sumBa* 'Потом ему восемнадцать лет исполнилось' (Прок.);
 (53) *Nyny nñl'cik kattyty: «Sompyl' köľ köť ätä i sompyla tot täpäh!»* 'Потом так говорит: «Пятнадцать оленей и пятьсот белок!»' (Варк.);
 (54) *Sompolasaryl' qur 5täp tokympat* 'Пятьдесят человек оленей гонят' (Варк.);
 (55) *Ätät eppa 5itty-köť-tot* 'Оленей было две тысячи' (Прок.).

В более поздних текстах составные числительные не встречаются вовсе, вместо них, в случае необходимости, используются соответствующие русские числительные.

Таким образом, можно отметить, что в селькупских фольклорных текстах числительные далеко не всегда употребляются

для выражения точного количества. Нередко с помощью числительных выражается приблизительная количественная оценка по шкале 'много — мало'. Некоторые числительные (*seŋcy, nassar*) специализируются на выражении именно приблизительной оценки. Но для приблизительной количественной оценки в языке существуют и специальные лексемы. К их рассмотрению мы сейчас и переходим.

Много или мало

Прилагательные *kossy* 'многочисленный' и *qāna* 'малочисленный' и их адвербиальные формы (или, если угодно, образованные от них наречия) *kocck/ŋ* 'много' и *qānak/ŋ* 'мало' встречаются в текстах относительно редко. При этом *qāna(k/ŋ)* сильно уступает в частоте *kossy(k/ŋ)*. В противоположность числительным, у которых начало натурального ряда (от одного до трех) в текстах явно преобладает над большими числами, при приблизительной оценке большому количеству отдается явное предпочтение перед малым.

Адъективные формы *kossy* и *qāna* употребляются в текстах в функции приименного определения (имя при этом стоит, как правило, в форме единственного числа) или именной части составного сказуемого (в сочетании с глаголом *ēqo* 'быть'):

- (56) *Tat na ūmtyl' niryŋ paŋyntysä kocci pāry ma kamy tatykal* 'Ты этим с роговым черенком ножом твоим много раз (букв.: многие разы) мою кровь доставал' (Прок.);
- (57) *ūtātū kossy ēppa, tatta* 'Оленей у него много было (букв.: олени его многочисленные были), богач' (Таз МГУ);
- (58) *Nuny kuttyka orty qona āsātmā, yllā qatqo nātna* 'Потом у кого силы мало будет, (того) убить нужно' (Баиш.).

Адвербиальные формы *koccyk/ŋ* и *qānak/ŋ* обычно употребляются в качестве приглагольного определения:

- (59) *ūmtyl' qōn nāŋa mannympaty: tama* (мышь-NmSg) *namanty koccyk tūŋa* 'Царская дочь видит: мышей так много пришло' (Таз МГУ);
- (60) *ūtātī* (олень-NmSgPos3Du) *qānak qalympa* 'Оленей у них мало осталось' (Таз МГУ).

Однако иногда адъективные и адвербиальные формы встречаются в абсолютно одинаковых контекстах, а существующие переводы не позволяют уловить какого-либо различия в значении:

- (61) *Wetty contyt mannympat tyn tyny tūntylā, mētyt contyty naqyr narpo, contyty, oyt cuntyty kocci kary qanna* 'Посреди дороги смотрит, туда

подъезжая, посреди дороги три хорей, посередине, поперек много аргишей пошло' (Прок.);

(61a) *Mattoqyn mityty koccik kary qannnyty* 'По дороге много аргишей обо-
гнал' (Прок.);

(62) *Qalyr kocci qannyt* 'Рыбы много добыл-он' (Баиш.);

(62a) *Qalyr koccik qattōtyt* 'Рыбы много добыли-они, вроде' (Баиш.).

Иногда приблизительная оценка может сопровождаться как бы количественным уточнением:

(63) *Uže mōtty tümpōtyt kocci qumyt-laka* (человечишко-NmSg), *nasary qumyt* (человек-NmPl) 'Уже в чум вошли много людишек, тридцать человек' (Баиш.);

(64) *Kocci qur tūṇa qaGlysä. Muktyasary qur* 'Много народу пришло на нартах. Шестьдесят человек' (Баиш.).

Посмотрим, чему же в текстах дается приблизительная количественная оценка. Посредством *koccy(k/ŋ)* отмечается большое количество людей, родов, оленей, аргишей, добычи (рыбы и разных ее видов, пушного зверя, дикого оленя, птицы, а также военных трофеев), чумов, пищи, ткани, денег, мышей, комаров, огня, снега и, наконец, трупов как результата военных действий. Что касается **малого количества**, то случаи употребления в текстах *qōṇa(k/ŋ)* можно сосчитать по пальцам, и они относятся к силе, оленям, добыче, деньгам и пеплу (речь идет о пепле сожженного черта, из которого появляются комары и мошка). Приведем единственный отмеченный нами пример противопоставления большого и малого количества:

(65) *Nyny maconty korallae qanna na šöl'qur, macin ätäp kocci qannnyty, na šöl'qur. Qällyk qonnaḱ qannnyty* 'Потом в лес на охоту отправился этот селькуп, дикого оленя он много добыл, этот селькуп. Ненец мало добыл' (Баиш.).

Анализ материала позволяет выявить некую закономерность в отношении лексической выраженности количественных оценок: малое количество предпочтительно определяется точно, и для этого в текстах используются числительные, в то время как большое количество почти всегда оценивается приблизительно либо посредством адъективной или адвербиальной формы *koccy(k/ŋ)*, либо с помощью числительных *sēl'sy* и *nassar*.

Грамматическая категория числа

Грамматическая категория числа в северных селькупских говорах характерна как для имен (существительных, личных и

лично-определятельных местоимений), так и для глагола. Рассматриваемые тексты отражают постепенную перестройку этой категории: из трехэлементной она становится двухэлементной. Попытаемся проследить этот процесс по отдельным говорам⁸.

В качестве исходной рассмотрим категорию числа в среднетазовском говоре в том виде, как она существовала в 1920-е гг. [Прокофьев 1935] и сохранялась в 1970-е гг. [Очерки 1980].

Таблица 1. Категория числа: исходная система

Число	Единственное	Двойственное	Множественное
Показатель	Ø	-qi/qy, — qāqi, -ī/ij	-t /-n, -ī

Приведем примеры образования форм двойственного и множественного числа: *ima* (NmSg) 'женщина' — *ima-qi* (NmDu) 'две женщины' — *ima-t* (NmPl) 'женщины'; *ci-ly* (NmSgPos2Sg) 'твой котел' — *ci-l-ij* (NmSgPos2Du) 'ваш (вас двоих) котел' — *ci-ly-t* (NmSgPos2Pl) 'ваш котел'; *ija-ty* (NmSgPos3Sg) 'его сын' — *ija-qi-ty* (NmDuPos3Sg) 'его двое сыновей' — *ija-ī-ty* (NmPlPos3Sg) 'его сыновья' — *ija-ī-t-ī* (NmPlPos3Du) 'их (двоих) сыновья' — *ija-ī-ty-t* (NmPlPos3Pl) 'их сыновья'; *šitty* 'два' — *šittā-m-ī* (Pos1Du) 'мы вдвоем' *šittā-l-ī* (Pos2Du) 'вы вдвоем'; *onāk* (Nm1Sg) 'я сам' — *on-ī* (Nm1Du) 'мы (двое) сами' — *ony-t* (Nm1Pl) 'мы сами'; *šerqo* 'войти' — *šer-n-āqy* 'они (двое) вошли' (IndPrs3Du) — *šer-n-ātyt* (IndPrs3Pl) 'они вошли'; *ñōryqo* 'гнать, догонять' — *ñōry-t-ij* 'они (двое) гоняют' (Pr3DuOb) — *ñōr-ātyt* (Pr3Pl) 'они гоняют'.

Редулицированный показатель дуалиса *-qāqi* употребляется с терминами родства и свойства: *copa-sy-qāqi* / *tīmna-sy-qāqi* 'братья'; *ira-sy-qāqi* / *ima-sy-qāqi* / *ima-sy-qāj* / *ima ira-sy-qāqi* / *ira ima-sy-qāqi* 'муж с женой'.

Несколько слов об особенностях употребления числовых форм. Прежде всего, следует отметить, что формы двойственного числа не употреблялись при указании на парные части тела. Соответствующие существительные в единственном числе обозначали всю пару целиком, как бы полный комплект: *topy* (Sg) 'ноги (две)', *uty* (Sg) 'руки (две)', *saji* (Sg) 'глаза (два)'. Точно так же не использовались формы дуалиса и при наименовании парных предметов: *pety* (Sg) 'бокари (пара)', *poru* (Sg) 'рукавицы (пара)'. Ес-

⁸ Тезисно о судьбе двойственного числа в северных селькупских говорах см. [Казакевич 2001]; об эволюции форм двойственного числа в баишенском говоре см. также в [Кузнецова 2001].

ли речь заходила об одном из членов пары («комплекта»), говорили о половине этого «комплекта»: *pełäl' topy* 'одна нога', *pełäl' uty* 'одна рука', *pełäl' saji* 'один глаз' (*pełäl'* — адъективная форма существительного *pełäk* 'половина')⁹. С количественными определениями (числительными, прилагательными *kossu* 'много' и *qōna* 'мало') употреблялись обычно формы единственного числа (см. многочисленные примеры в предыдущих разделах), числительное *šitty* 'два' допускало также двойственное число определяемого.

Формы двойственного числа употреблялись, если речь шла о двух непарных предметах. Если речь шла о более чем двух предметах, употреблялись формы множественного числа. Поскольку в селькупском языке сказуемое, как правило, согласуется с подлежащим в лице и числе, определяющим в выборе числовых показателей глагола в предложении были числовые показатели имени, выступавшего в качестве подлежащего. Приведем примеры:

(66) *LōZy-ira qamypinnä cap tılleınyty — šitty iškōššyqy* (сорока-NmDu) *wəššēinDoqy* (взлететь-LtPrs3Du) 'Черт-старик полог вверх лишь только поднял — две сороки вылетели' [Прокофьев 1935];

(67) *Qumōqıty* (человек-NmDuPos3Sg) *ıryy uryññšqı* (делать-IndPrs3Du) 'Его спутники (его люди двое) все еще возятся' (Таз МГУ).

В отдельных случаях возможно было смысловое согласование сказуемого с подлежащем, в частности при наличии у подлежащего определения, выраженного творительным падежом со значением совместности (ср. пример 68а, где *ımył'antysä* — косвенное дополнение):

(68) *JomBa* (Йомпа-NmSg) *ımył'anDysä* (бабушка-InsSgPos3Sg) *ilymBšyqy* (жить-IdPstr3Du) 'Йомпа с бабушкой жили (вдвоем)' [Прокофьев 1935];

(68а) *Ica* (Ича-NmSg) *ilympa* (жить-IdPstr3Sg) *ımył'antysä* (бабушка-InsSgPos3Sg) 'Ича жил с бабушкой' (Таз МГУ).

Смысловое согласование возможно было также при наличии подлежащего, выраженного существительным с количественным определением:

(69) *QaGloqynty tünštyñ — monty myta köt* (десять) *qumyt* (человек-GnSg) *muny* (палец-NmSg) *ıppštyñ* (лежать-IndPrs3Pl) 'К нартам пришли — видно, будто десять человеческих пальцев лежат' (Прок.).

⁹ Подобное обозначение характерно (по крайней мере, было характерно в прошлом) для многих уральских языков, а также для контактирующего с селькупским кетского языка.

Из четырех в той или иной степени еще функционирующих сегодня северных селькупских говоров только верхнетолькинский (пос. Толька Пуровская) полностью сохраняет исходную категорию числа. В текстах на этом говоре, записанных в 2000–2001 гг., никаких сигналов ослабления позиции двойственного числа не наблюдается, все формы употребляются «как положено»:

- (70) *irajmυx̄x̄y* (муж-NmDu) *ilimp̄x̄i* (жить-IdPstr3Du) *χol(tyt) t̄j pelāχyn*
'Муж с женой жили на другой стороне реки' (Толька Пур.);

В среднетазовском говоре признаки расшатывания трехчленной категории числа появляются в текстах, записанных в 1990-е гг. Выражается это в наличии глагольных форм с показателями множественного числа при подлежащем в форме двойственного числа:

- (71) *Šitty t̄im̄naqy* (брат-NmDu) *paŋtyt iŋ̄štyt* (взять-IdPr3Pl) 'Двое братьев взяли за свои ножи' (Таз 1996).

Формы двойственного числа постепенно начинают вытесняться из глагольной системы у относительно молодых носителей (молодежи среди носителей этого говора уже нет).

Аналогичная тенденция вытеснения глагольных форм дуалиса наблюдается и в текстах на верхнетазовском говоре, записанных от молодых и относительно молодых информантов (в отличие от прочих говоров, верхнетазовский говор еще передается от родителей к детям и среди его носителей есть люди всех возрастов):

- (72) *M̄štyt qallymp̄t* (остаться-IdPstr3Pl) *šitty imaq̄i* (женщина-NmDu)
'В чуме остались две женщины' (Таз 1996).

Наконец, баишенский говор, функционально наименее сохранный, демонстрирует сегодня полную утрату форм дуалиса как в глаголе, так и в существительном и как результат — перестройку категории числа.

Таблица 2. Категория числа: новая система

Число	Единственное	Множественное
Показатель	Ø	-t/-n, -i

Новая система возникла в баишенском говоре не в одночасье. В текстах, записанных на Верхней и Нижней Баихе в 1941 г. Л. А. Варковицкой, уже можно наблюдать процесс разложения категории числа, причем в довольно продвинутой стадии. Если имена в

соответствующих контекстах в основном сохраняют там формы двойственного числа, то среди личных глагольных форм при подлежащем в форме дуалиса появляются формы множественного числа, причем на один случай «правильного» согласования (пример 73) приходится примерно черыре «неправильных» (примеры 74, 75): в целом глагольные формы множественного числа встречаются в таких случаях чаще, чем формы двойственного числа:

(73) *Təpāqu* (он/она-3Du) *antalāqu* (спорить-IndPrs3Du) *təttytqo* 'Они (двое) заспорили по поводу земли' (Баиш.);

(74) *Šitty imaqu* (женщина-NmDu) *paktōtyt* (бежать-IdPr3Pl) 'Две женщины убежали' (Баиш.);

(75) *Šitty qumoxy* (человек-NmDu) *omtōtyt* (сидеть-IndPrs3Pl) 'Два человека сидят' (Баиш.).

В текстах, записанных в пос. Фарково в 1999 и 2003 гг., мы сталкиваемся с уже сформировавшейся двучленной категорией числа. Глагол абсолютно избавился от показателей дуалиса. Среди именных форм лишь спорадически возникают застывшие осколки прежней системы вперемешку с элементами новой:

(76) *Moqonā tūṇōt, na Ij, na lōzoqat* (черт-NmDuPos3Sg), *šitty* (два) *tīmḥasyt* (брат-NmPl), *na šitty* (два) *tīmḥasyt* (брат-NmPl), *lōzyt* (черт-NmPl) 'Домой пришли, этот Ий, эти черти-его-два, два брата, эти два брата, черти' (Фарк.).

Прочнее всего старые формы дуалиса сохраняются в терминах родства при оформлении их словообразовательным аффиксом *-sy* (*tīmḥasyqāqī* 'двое братьев', *imasysyqāqī/irasysyqāqī* 'супруги'):

(77) *Ij na šitty, šitty* (два) *ḥēḥḥasyqā* (сестра-NmDu) *ḥnnā sōryt* 'Ий этих двух, двух сестер привязывает' (Фарк.).

Форму двойственного числа сохраняет существительное *qur* 'человек' в сочетании с числительным 'два', причем *šitty qumōqī* употребляется в значении 'они двое', функционируя как субститут личного местоимения. Кроме того, прибежищем практически умершего двойственного числа остаются застывшие формы местоимения с основой *on-* 'сам' (*onī* 'мы двое сами', *ontī* 'вы/они двое сами'), а также субстантивированные формы числительного 'два', оформляющиеся посессивными показателями 1-го и 2-го лица (*šittāmī* 'мы двое', *šittālī* 'вы двое').

Таким образом, четыре сохранившихся на сегодняшний день говора северных селькупов дают возможность наблюдать разные стадии перестройки грамматической категории числа: от практи-

чески полной аннигиляции двойственного числа и образования новой двучленной системы на Турухане (Фарково) до полной сохранности трехчленной системы в верховьях Тольки. Легко заметить, что изменения, происходящие в разных говорах, не будучи синхронными, все же однонаправленны. Стоит отметить, что скорость изменения языковой структуры напрямую не зависит от степени функциональной сохранности говора. Так, дуалис практически исчез в действительно хуже других сохранившемся баишенском говоре, однако следующим по степени сдвига в категории числа оказывается наиболее функционально сохранный верхнетазовский говор.

Безусловно, перестройка грамматической категории числа, происходящая в северных селькупских говорах, связана с интенсивными контактами с русским языком при сплошном билингвизме носителей этих говоров. Однако контакты с русским языком могли быть не первопричиной, а лишь катализатором, ускорившим течение внутренних языковых процессов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баиш. — Баишенский корпус; Прок. — корпус Г. Н. Прокофьева; Таз МГУ — Тазовский корпус МГУ; Таз 1996 — тексты, записанные на Тазу в 1996 г.; Таз 2002 — тексты, записанные на Тазу в 1996 г.; Толька Пур. — тексты, записанные в пос. Толька Пуровская в 2000–2001 гг.; Фарк. — тексты, записанные в пос. Фарково;

Асс — винительный падеж; Ду — двойственное число, Gn — родительный падеж, Fut — будущее время, Ind — изъявительное наклонение, Ill — иллатив, Ins — творительный падеж, Loc — местный падеж, Lt — латентив (неочевидное наклонение), Nm — именительный падеж, Ob — объектное спряжение, Opt — оптатив, Pl — множественное число, Pos — лично-притяжательное склонение, Prol — продольный падеж, Prs — настоящее время (аорист), Pst — прошедшее время, Pstr — повествовательное прошедшее время, Sg — Единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Быконя 1998 — Быконя В. В. Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998.
- Казакевич 1998 — Казакевич О. А. Фольклорная традиция северных селькупов сегодня // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Казакевич 2000 — Казакевич О. А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологи-

ческое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков: Материалы междунар. конференции «XXII Дульзоновские чтения». Томск, 2000. Ч. 3.

Казакевич 2001 — *Казакевич О.А.* Судьба двойственного числа в говорах северного диалекта селькупского языка // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Тезисы. Ижевск, 2001.

Казакевич 2002 — *Казакевич О.А.* Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой: Статьи и воспоминания. М., 2002.

Кузнецова 2001 — *Кузнецова А.И.* Эволюция категории двойственного числа в байшенском говоре туруханских селькупов // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001.

Кузнецова, Хелимский 1989 — *Кузнецова А.И., Хелимский Е.А.* Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25. № 1.

Мифология 2004 — Мифология селькупов: Энциклопедия уральских мифологий. Томск, 2004. Т. 4.

Очерки 1980 — *Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980. Т. 1.

Очерки 1993 — *Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2: Тексты. Словарь. М., 1993.

Очерки 2002 — *Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3: Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари. М., 2002.

Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г.Н.* Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935.

Пропп 1976 — *Пропп В.Я.* Кумулятивная сказка // *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976.

Kazakevitch 2001 — *Kazakevitch O.* Two Recently Recorded Selkup Shamanic Songs // *Shaman. Szeged*, 2001. № 1/9. Vol. 9. № 2.

Ю. П. КНЯЗЕВ

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ: СПОСОБЫ КВАНТИФИКАЦИИ И ТИПЫ РЕФЕРЕНЦИИ

Известно, что между значениями грамматических единиц и референциальным статусом связанных с ними именных групп (ИГ) существует взаимосвязь. Так, в утвердительных повествовательных предложениях со значением актуального настоящего (ongoing present), относящихся, по мнению М. Хаспельмата, к числу «prototypical realis sentences» [Haspelmath 1997: 39], могут употребляться только референтные неопределенные местоимения, предполагающие выделенность фиксированного элемента некоторого множества: *Смотри, там кто-то (*кто-нибудь) идет; Не мешай ему, он что-то (*что-нибудь) пишет*. И наоборот, в большинстве контекстов, объединяемых значением ирреальности, в частности при обозначении ситуаций, относящихся к плану будущего, становится возможным или даже необходимым использование нереферентных местоимений. Таковы, например, побудительные предложения: *Дай мне какую-нибудь (*какую-то) книгу*.

Ниже в этом аспекте рассматриваются сравнительная и превосходная степени сравнения. В основу описания положена классификация типов референции (денотативных статусов) ИГ, предложенная в книге [Падучева 1985: 83–102]; учитываются также и некоторые более поздние публикации [Кузьмина 1989; Гладров 1992; Haspelmath 1997; Шмелев 2002].

В качестве исходного обобщающего определения степеней сравнения можно использовать формулировку И. А. Мельчука, рассчитанную, судя по жанру его работы, на универсальную значимость: «Категорией степеней сравнения называется такая категория, граммы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства — либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени» [Мельчук 1998: 117]. Из этого определения вытекает необходимость наличия у степеней сравнения двух актантов: о б ъ е к т а сравнения и с т а н д а р т а сравнения. Первый из них — это сравниваемый предмет, которым может быть

лицо, собственно предмет, признак, какой-то аспект ситуации и т. п., а вторым — то, с чем он сравнивается: *А (объект) больше В (стандарт)*; *А (объект) самый большой среди В (стандарт)*. В свою очередь, суперлатив *А самый большой среди В* может быть перефразирован с помощью компаратива: 'А входит в число В и больше всех остальных В', и таким образом фактически является некоторым частным случаем сравнительной степени [Сэпир 1985: 72–73; Князев 1980: 75; Мельчук 1998: 122; Князев 2003: 36–38]. Тем не менее референциальные свойства актантов степеней сравнения, как и самих этих актантов, не совпадают, что делает необходимым их раздельное рассмотрение.

В конструкциях с формами сравнительной степени объект сравнения может иметь любой референциальный статус.

Так, в референтном употреблении объект может быть:

а) определенным:

- (1) Она была куда *моложе мужа*, лет двадцать пять — двадцать семь, довольно заурядная внешность (Д. Гранин);

б) слабоопределенным, т. е. известным говорящему, но неизвестным слушающему:

- (2) У меня для тебя есть *кое-что получше*;

в) собственно-неопределенным, т. е. неизвестным и для говорящего, и для слушающего:

- (3) В день ледохода Полюсь гремела, скрежетала, гудела; льдины вставали на попу, громоздились в несколько ярусов, обрушивались, распадалась; в просветах меж ними мелькали крутящиеся, обглоданные льдом бревна, ломаные доски, щепки; взрослые потом говорили, что *где-то выше по течению* снесло мост (В. Шефнер).

В свою очередь, в нереферентных употреблениях объект сравнения может быть:

а) дистрибутивным, что наблюдается в высказываниях, относящихся к открытому множеству ситуаций, в каждой из которых объект соотнесен с фиксированным референтом:

- (4) В их кажущейся приземленности [имеются в виду казармы. — Ю. К.], в том, что они всегда *длиннее* по горизонтали, нежели по высоте, — своя ритмика, своя сдержанная красота, успокаивающая душу (В. Шефнер);

б) атрибутивным, в котором «презумпция существования и единственности разъединена с именем в виду конкретного объ-

екта» [Падучева 1985: 93], иначе говоря, «говорящий не располагает какой-либо релевантной информацией, индивидуализирующей референта, за исключением той, которая сообщается в высказывании» [Шмелев 2002: 117]:

(5) Нет, тут действовал преступник *поопытней*;

в) общеэкзистенциальным, когда объект относится «не к конкретному предмету, а только к предполагаемому, воображаемому» [Гладров 1992: 258]:

(6) Конечно, революционером отец не был. Возможно, будь на престоле царь *поталантливее* да *поудачливее*, он бы вполне устроил отца (В. Шефнер);

(7) Казалось бы, достаточно двадцати с лишним веков, чтобы или неопровержимо доказать реальность ритуальных убийств, или же навсегда забыть и о них, придумать что-то другое, *менее сомнительное, более правдоподобное* («Известия», 30.10.1993);

г) общеродовым, когда «имеются в виду все или по крайней мере типичные представители неперечислимого класса» [Шмелев 2002: 77]:

(8) Вполне понятно, почему Акст делает вывод о том, что спортсмены живут *меньше*, чем обычные люди: их организмы изнашиваются гораздо *быстрее* («Итоги», 24.08.2004);

(9) Много-много позже, в годы войны и блокады, я заметил, что в опасные, особо серьезные моменты жизни женщины нередко бывают *более экономны, более сдержанны* в интонациях и мимике, нежели мужчины (В. Шефнер).

Что же касается стандарта сравнения, то его референциальные возможности гораздо уже. Связано это с тем, что, поскольку степени сравнения выражают количественную оценку меры признака у объекта сравнения в сопоставлении со степенью его проявления у стандарта сравнения, предполагается (в качестве прагматической презумпции), что последняя должна быть известна слушающему и тем более говорящему.

Вследствие этого референтный стандарт сравнения может быть только определенным:

(10) Не приходится сомневаться, что судьям в Северной столице будут предложены бытовые условия даже *лучшие*, чем они имеют сейчас в Москве («Итоги», 17.02.2004).

При этом, если стандарт сравнения может быть однозначно установлен из речевого контекста, его обозначение может быть опущено:

- (11) Он был, как и Блинов, высокого роста, однако *шире* в плечах, *мускулистей* и *жилистей* (В. Богомолов) [подразумеваемый стандарт — Блинов];
- (12) Мы заслонили ногами окно, теперь ничего не видно — ни *ниже*, ни *выше* лампочки не горят, хоть глаз выколи (М. Роцин) [стандарт — местоположение персонажей; ср. также пример (6), в котором подразумеваемым стандартом сравнения является Николай II].

По аналогии с пассивными конструкциями со словесно не выраженным агентивным дополнением, подобные компаративные конструкции можно назвать двучленными.

Нереферентный стандарт сравнения чаще всего выступает в общеродовом референциальном статусе; ср. примеры (8), (9). Тот же статус, видимо, имеет и стандарт сравнения в особом типе компаративных конструкций, в которых он в русском языке употребляется в сочетании с неопределенными местоимениями на *-либо*, ср. примеры, приведенные в [Жузьмина 1989: 208; Haspelmath 1997: 274]:

- (13) Ему *больше чем кому-либо* обязана современная логика многими своими понятиями;
- (14) Здесь *приятнее жить, чем где-либо* в мире.

В подобных употреблениях, семантически близких к суперлативу, роль стандарта сравнения играют все остальные представители данного открытого множества, т. е. фактически класс в целом. Генерализованные ИГ обычно выводят за пределы противопоставления по определенности/неопределенности [Givón 1984: 406–408; Падучева 1985: 95; Гладров 1992: 236–237]; по мнению же А. Д. Шмелева, «общеэкзистенциальные и общеродовые ИГ соотносятся точно так же, как неопределенные и определенные» [Шмелев 2002: 78]. Не вдаваясь в существо этих расхождений, можно заметить, что собеседникам в равной степени могут быть известны как свойства единственного в своем роде объекта, находящегося в их общем поле зрения (что соответствует идее определенности), так и свойства эталонного представителя некоторого класса (с чем соотносятся общеродовые ИГ).

Дистрибутивный нереферентный статус для стандарта сравнения также возможен, но, видимо, лишь та его разновидность, которую А. Д. Шмелев относит к «дистрибутивной определенности»; для нее характерно то, что «в пределах каждого из изменяющихся денотативных пространств референт определяется однозначно, хотя по отношению к различным из этих денотативных

пространств ИГ соотносится с различными референтами» [Шмелев 2002: 99]; ср. пример (4); в котором длина типичного казарменного здания сравнивается с его высотой — для каждого конкретного здания эти параметры фиксированы. Таким образом, для употребления таких ИГ в качестве стандарта сравнения фиксированность референта в каждом отдельном «денотативном пространстве» оказывается важнее, чем открытость класса.

Общезкзистенциальный же статус для стандарта сравнения компаратива исключен.

Следует, впрочем, оговориться, что данное ограничение относится только к наиболее типичным употреблениям форм сравнительной степени, которые в [Князев 1996] названы «эксплицитно релятивными». Помимо этого, они допускают и «имплицитно релятивное» употребление, чаще называемое абсолютным:

- (15) Зимой и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были *целей* (А. Чехов);
- (16) В судовой библиотеке у нас книжек восемьдесят, и каждый, конечно, хватает себе какую *потолще*. Чтобы уж весь рейс одну читать (Г. Владимов);
- (17) Сначала Евдокия-беженка приходила к деду смотреть, как он делает для нее ушат, потом каждый раз просила его сходить с ней на базар отрубить кусочек мяса *получше* (Б. Костюковский);
- (18) И тогда же вечером Степаныч в сердцах говорил: — Ах, им бы только картошку *подешевле* взять да яблоч на полтинник ведро (М. Рошин).

Общим для абсолютных употреблений сравнительной степени, семантически не вполне однородных (ср. их классификацию в [Князев 1996: 142–143; 2003: 27–32]), является то, что, хотя множество, к которому принадлежит стандарт сравнения, может быть фиксированным и конечным, как в примере (17), сам стандарт сравнения не только не назван (как в двучленных компаративных конструкциях), но и существует лишь виртуально: для него определена только «область поиска», что соответствует общезкзистенциальному референциальному статусу.

Кроме того, такие употребления сравнительной степени в русском языке требуют, чтобы не только стандарт, но и объект сравнения был нереферентным, что отличает русский язык от чешского или немецкого, не накладывающих этого дополнительного ограничения на рассматриваемые конструкции.

В силу этого данная семантическая разновидность сравнительной степени используется преимущественно в контекстах, семантически гармонирующих с нереферентностью (non-specificity).

К таким контекстам относятся повелительное наклонение, будущее время, различные виды повторяемости ситуации, значения желательности, необходимости, возможности, произвольного выбора, цели, предположительности и др. [Падучева 1985: 94–102; Haspelmath 1997: 37–45]. У. Вейнрейх говорил в подобных случаях о «снятой» или «нейтрализованной» утвердительности [Вейнрейх 1970: 173–177]. В этом отношении показателен следующий пример, наглядно демонстрирующий влияние фазы обозначаемой ситуации на выбор способа обозначения признака: в фазе реализации автор избирает положительную степень *быстро*, а в фазе намерения осуществить данное действие — имплицитно релятивные (абсолютивные) компаративы *побыстрее*, *поближе*:

- (19) Он с т а л *быстро* собирать кругом сушь на костер: во сне продрог, хотелось *побыстрее* разложить огонек *поближе* к немцу, чтобы и тот отогрелся от ночной сырости и прохлады (П. Проскурин).

И наоборот, конструкции с индивидуализированным объектом сравнения, отнесенные к конкретной реальной единичной ситуации, понимаются как эксплицитно релятивный компаратив [Князев 1980: 84]. Так, предложения типа

- (15') Эти сапоги *целей*;
(16') Эта книжка *потолще*;
(17') Этот кусочек мяса *получше*;
(18') Эта картошка *подешевле*

предполагают сравнение с какой-то другой конкретной парой сапог, другой книжкой, другим кусочком мяса, другой картошкой.

Отступления от этой общей закономерности встречаются очень редко, причем одним из основных источников подобного использования имплицитно релятивной сравнительной степени является «диалогическая цитация» — буквальное повторение реплики собеседника. В качестве иллюстрации можно привести диалог из фильма Сергея Соловьева «Асса»:

- (20) — Я же говорил, оденься *поприличнее*. — А я и оделся *поприличнее*.
По крайней мере, старался.

В первой реплике форма сравнительной степени употребляется в побудительном контексте, что соответствует норме, тогда как последующее ее использование в ответной реплике при обозначении единичной реализованной ситуации производит впечатление языковой игры. Еще один подобный пример:

(21) — Дайте-ка номерок *подешевле*, — сказал Выполняев, тяжело дыша. — *Подешевле* не будет, — ответили ему (И. Ильф, Е. Петров).

Показательно, что в последующей паре реплик, аналогичной по смыслу приведенной выше, отклонений от нормы нет, поскольку в ответной реплике использован позитив:

(22) — Ну что же, давайте *подороже*. — А где их взять? И *дешевые*, и *дорогие* — все экскурсанты заняли.

Как отмечалось выше, превосходная степень может рассматриваться как частный случай сравнительной. При этом с точки зрения референциальных свойств актантов важнейшее различие между ними состоит в том, что превосходная степень в суперлативном значении предполагает существование и единственность объекта сравнения, а компаратив — нет. Объектов, превышающих данный стандарт (или не достигающих его), может и не быть:

(23) *Нет большего отдыха и наслаждения*, чем идти по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру (К. Паустовский);

(24) Надо напомнить, что в те времена *не было людей подлее, наглее и беспощаднее* барачных маклаков (В. Шефнер)¹.

Между тем во множестве, образующем стандарт сравнения суперлатива, обязательно найдутся объекты, обладающие наибольшей и наименьшей степенью признака. При этом, хотя среди предметов, обладающих признаком, служащим основанием для сравнения, может быть много таких, которые окажутся *больше* или *меньше* выбранного стандарта (например, выше или ниже данного дома), но *самый большой* из них и *самый маленький* — только один (или несколько равных). Нужно заметить, впрочем, что данная характеристика отражает несколько идеализированную ситуацию, в которой предполагается принципиальная возможность точной и однозначной оценки степени признака у любого представителя рассматриваемого множества, что не всегда соответствует действительности.

В силу особенностей значения суперлатива, его стандартом может быть только неединичное множество предметов или

¹ В силу обратимости отношений между универсальными и отрицательными местоимениями (*все* и *никто*, *всё* и *ничто*, *всегда* и *никогда*) конструкции этого типа чаще всего используются в качестве еще одного дополнительного средства описательного выражения суперлативного значения с помощью компаратива: *Нет более безнадежного места на свете = Это самое безнадежное место на свете* [Князев 1980: 82; Воротников 1999: 216–226].

явлений; они «всегда количественно соотносят определяемый ими предмет с каким-то множеством, которое может полностью или частично охватывать однотипный ряд предметов» [Карабань 1969: 64]. Это множество может быть и закрытым:

(25) Все вокруг изменилось. Снесли баню, снесли двухэтажные домики, а школу, прежде *самое высокое здание в переулке*, зажали новые высокие башни и длинные «безразмерные» дома (М. Рощин),

и открытым:

(26) А по-моему, Колумб, притом что он действительно доплыл до Америки, совершил *величайшую в истории человечества* мистификацию (В. Солоухин).

Что же касается состава допустимых референциальных статусов, то в этом отношении объект и стандарт суперлатива не различаются между собой, совпадая при этом с референциальными свойствами объекта сравнения компаратива. Поэтому далее приводятся примеры только для объекта сравнения суперлатива. Он может быть

а) определенным:

(27) Когда грянули холода, красная комната, *самая теплая* в доме, стала и *самой оживленной* (В. Шефнер);

(28) *Самыми распространенными* эпитетами в разговорной речи служат слова «весьма» и «довольно-таки», смягчающие резкость любого утверждения или отрицания (В. Овчинников);

б) общеродовым:

(29) Кошка или собака для них [англичан. — Ю. К.] — это любимый член семьи, *самый преданный* друг и, как порой начинаешь думать, *самая приятная* компания (В. Овчинников);

(30) Пожары в высохших болотах — *самое страшное*, что можно испытать в этих краях (К. Паустовский);

в) дистрибутивным, когда обозначаются узуальные или потенциальные ситуации, в каждой отдельной реализации которых названный признак принимает максимальное либо минимальное значение:

(31) Он любил рестораны, любил угощать, брать *самое вкусное и дорогое* (М. Рощин);

(32) Вообразите, что стало бы, например, с футболом, если бы по итогам каждого сезона из лиги не вылетали *слабейшие* («Эксперт», 29.11.1999);

(33) Усвоил я и другую истину: если на тебя напали, нечего стесняться — надо бить с *наибольшей* силой и в *самые болевые* места (В. Шефнер);

г) атрибутивным, когда говорящий исходит из презумпции существования и единственности объекта с данными свойствами, но при этом не имеет в виду никакого известного ему конкретного носителя указанной степени признака:

- (34) Даже *самый сильный* человек в мире не в состоянии поднять больше 200 кг;
- (35) Она утверждала, что зверь, даже *самый сильный и крупный*, все же во много раз слабее «двуногого с двустволкой», и потому, в большинстве случаев, убийство зверя — вовсе не акт доблести (В. Шефнер).

Реальная возможность выбора единственного объекта, соответствующего значению суперлатива, может зависеть от полярности прилагательного. Так, если процедуры поиска *самого сильного* человека более или менее отработаны, то найти *самого слабого* человека в мире едва ли возможно. То же может относиться и к другим качественным признакам: обнаружить *самого хорошего* представителя некоторого класса объектов явно проще, чем выделить среди них *самый плохой*; ср. комментариев к церемонии вручения премии «Золотая малина», присуждаемой за худшие достижения в области кинематографа:

- (36) Что смущает в «Золотой малине»: если уж *лучшего из лучших* выбрать трудно, то *худшего из худших* выбрать практически невозможно. Поэтому те 537 человек из 12 стран мира, которые допущены в Фонд премии «Золотая малина», выбирают *худших из знаменитых*. И чаще всего далеко не (реально) худших («Известия», 1.03.2004).

В других случаях важна открытость класса. Легко найти самого высокого или самого маленького мальчика в какой-то конкретной школе, однако возможность однозначного решения этой задачи по отношению ко всему множеству мальчиков проблематична. Поэтому в следующем примере *самый маленький мальчик* понимается как *очень маленький мальчик*, т. е. как элатив, а не суперлатив:

- (37) Шкафы бывают разные. Бывают шкафы-великаны, которые занимают половину комнаты и в которых во время игры может спрятаться шесть человек. Бывают шкафы-карлики, в которых не спрятаться и одному *самому маленькому* мальчику (М. Ильин).

Презумпция существования и единственности объекта, обладающего данной степенью признака, отличает суперлатив от прилагательных с суффиксами субъективной оценки типа *боль-*

шущий или *тяжеленный*, в то же время сближает его с такими словами, как *первый* (в его адъективных значениях), *последний*, *крайний*, *верхний*, *нижний*, *главный*. Поскольку они обозначают крайние точки на шкале градаций в ряду однородных предметов, обеспечивая тем самым однозначную индивидуализацию объекта, по своему значению они фактически представляют собой «лексические суперлативы».

Эти слова не имеют форм сравнительной степени (образования типа *первее*, *главнее* носят просторечный характер), но вместе с тем свободно употребляются в превосходной степени, причем формы положительной и превосходной степени выделяют один и тот же объект: *главная задача* = *самая главная задача*²; *крайний (первый, последний) дом на улице* = *самый крайний (самый первый, последний) дом на улице*; *нижняя ступенька* = *самая нижняя ступенька*; *верхний этаж* = *самый верхний этаж*; *на задней парте* = *на самой задней парте*; ср. также:

- (38) К счастью, директор школы осталась жива. После взрывов и обрушения крыши она, раненая, лежа на боку, продолжала жестами и криками направлять детей к окнам. Саму же ее вынесли спецназовцы *самой последней* (= *последней*) («Известия», 6.09.2004)³;
- (39) И из жизнеописаний других авторов, и просто из разговоров с друзьями и знакомыми знаю, что у многих людей *первые* воспоминания (= *самые первые* воспоминания) связаны со страхом (В. Шефнер);
- (40) «Синяя птица» — *самый первый* на русской сцене спектакль (= *первый* спектакль) для детей;
- (41) Память как бы отнимает время от событий второстепенных и приплюсовывает его к событиям, *главнейшим* (= *главным*) для нас (В. Шефнер);
- (42) Но, быть может, *главное* ударное действие (= *самое главное* действие) этого пения заключалось в самом содержании песен: очень много было в них надрыва (В. Шефнер).

Более нейтральной в этих парах является положительная степень, тогда как формы превосходной степени, в которых лексическая суперлативность дублируется грамматической, явно имеют

² Этим прилагательное *главный* отличается от прилагательного *важный*, которое Ю. Д. Апресян считает «почти точным его синонимом» [Апресян 1988: 49]: в составе множества может быть много *важных* объектов, но *главным* среди них является только один.

³ Сама газетная заметка, из которой взят этот пример, названа: *Директора вынесли из школы последней*.

дополнительную прагматическую нагрузку, свойственную интенсификаторам — стремление усилить воздействие высказывания на адресата (см. об этом [Вольф 1985: 111]).

Формы превосходной степени подобных слов близки по значению сочетаниям слова *самый* с существительными, обозначающими пространственно-временной предел. Показателен семантический параллелизм между парами *на краю — на самом краю* и *крайний — самый крайний*; *в начале — в самом начале* и *первый — самый первый*; *в конце — в самом конце* и *последний — самый последний*. Таким образом, сочетания слова *самый* с лексическими суперлативами, в которых усилительно-выделительное значение совмещается с суперлативным, образуют связующее звено между ними ⁴.

Наряду с собственно суперлативным значением, формы превосходной степени могут, как известно, выражать и элативное значение высокой степени признака; ср. примеры форм, имеющих оба значения, приведенные в [Апресян 1988: 48]: *богатейший крестьянин села — богатейший человек*; *высочайший спортивный результат года — высочайшее напряжение сил*; *мельчайшая частица живого — до мельчайших деталей*.

По способу обозначения качественного признака элатив подобен положительной степени, которую обычно считают «безотносительной». Если же исходить из того, что положительная степень градуируемого признака предполагает соотнесение с «нормой» — «усредненными представлениями о данном объекте с соответствующими количественными и/или качественными характеристиками» [Вольф 1985: 61]⁵, — то о стандарте сравнения можно говорить и по отношению к элативу. Как и стандарт абсолютных употреблений сравнительной степени, стандарт сравнения элатива неререферентен, но в данном случае он подобен ИГ в общеродовом статусе.

Что же касается объекта сравнения элатива, то он может быть:

а) определенным:

⁴ Такое понимание семантической эволюции данных конструкций отражает предполагаемое направление их реального диахронического развития. Сочетания типа *на самом верху* зафиксированы с XII в., а типа *самый большой*, ставшие источником современных форм превосходной степени в русском языке, — только с XVI–XVII вв. [Шапиро 1950; Шпак 1977: 11].

⁵ Ср. формулировку Ю. Д. Апресяна: «высокий <низкий> = 'выше <ниже> нормы'» [Апресян 1974: 66].

- (43) И вот эту *образованнейшую*, энергичную и талантливую женщину, поэтессу Елизавета четырнадцать лет держит фактически в заточении, в замке на острове среди озера (В. Солоухин);
- (44) Долго я не мог свыкнуться с мыслью, что рядом, за стеной, в темноватых комнатах старого дома, лежат *редчайшие* книги по искусству (К. Паустовский);
- (45) Однако мы все же тронулись и в лесу больше ни разу не останавливались. Но зато на *каждой самой маленькой* станции стояли очень долго (В. Шефнер)⁶;

б) референтным неопределенным:

- (46) В передней никого не было, кроме *громаднейшего* черного кота, сидящего на стуле (М. Булгаков);

в) нереферентным:

- (47) *Самый последний* мальчишка не станет тебе без грузила ловить (А. Чехов);
- (48) Прошедшая история жизни Ивана Ильича была *самая простая и обыкновенная и самая ужасная* (Л. Толстой),

а также пример (36).

В целом же элатив отличается от суперлатива отсутствием презумпции единственности носителя соответствующей степени признака: *умнейших* женщин может быть много, а *самая умная* среди них одна. Поэтому элатив может использоваться для выражения отношения характеристики (предикации в узком смысле):

- (49) Анна — *умнейшая* девушка,

а суперлатив в аналогичных условиях выражает отношения идентификации:

- (50) Анна — *самая умная* девушка в группе;
- (51) *Самый старый* заложник оказался и *самым смелым* («Известия», 6.09.2004).

Кроме того, доминирование в элативе оценочного содержания над дескриптивным затрудняет его употребление в ситуации выбора⁷. Ср. абсолютную естественность предложений типа

⁶ О референциальных свойствах ИГ с местоимением *каждый* см. [Падучева 1985: 96; Шмелев 2002:]

⁷ О малой пригодности оценочных имен для идентификации предмета речи см. [Арутюнова 1976: 344–345].

(52) Он купил *отличнейший* костюм [где объект уже индивидуализирован]
при явной невозможности употреблений типа

(53) *Я хочу купить *отличнейший* костюм.

У суперлатива подобных ограничений нет: равно возможны и

(54) Я купил *самый лучший* костюм,

и

(55) Я хочу купить *самый лучший* костюм.

Этим же обусловлено и влияние порядка слов на осмысление формы превосходной степени [Князев 1980: 80]:

(56а) Жизнь в Оренбурге была *самая несносная* (элатив);

(56б) *Самой несносной* была жизнь в Оренбурге (суперлатив);

(57а) О житье-бытье Софьи все восемь лет она имела *самые точные* сведения (элатив);

(57б) О житье-бытье Софьи все восемь лет *самые точные* сведения имела она (суперлатив).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1988 — *Апресян Ю.Д.* Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., 1988.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Вейнрейх 1970 — *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
- Вольф 1985 — *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воротников 1999 — *Воротников Ю.Л.* Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
- Гладров 1992 — *Гладров В.* Семантика и выражение определенности/неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Карабань 1969 — *Карабань И.А.* Значение форм степеней сравнения и исходная форма прилагательного // Филологические науки. 1969. № 4.
- Князев 1980 — *Князев Ю.П.* О семантике степеней сравнения прилагательных // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1980. Вып. 524.
- Князев 1996 — *Князев Ю.П.* Степени сравнения и точки отсчета // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.

- Князев 2003 — *Князев Ю. П.* Степени сравнения. СПб., 2003.
- Кузьмина 1989 — *Кузьмина С. М.* Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения. М., 1998.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Сэпир 1985 — *Сэпир Э.* Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Шапиро 1950 — *Шапиро А. В.* Об употреблении местоимений *сам* и *самый* в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. 1950. Т. 2.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Шпак 1977 — *Шпак Л. К.* Развитие превосходной степени и формирование ее семантического поля в русском языке XVIII–XX вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.
- Givón 1984 — *Givón T.* Syntax: A Functional-Typological Introduction. Amsterdam; Philadelphia, 1984. Vol. 1.
- Haspelmath 1977 — *Haspelmath M.* Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КВАНТОРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: КВАНТОРНЫЕ СЛОВА И МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

1. Аргументативность как функция языка

В начале 80-х годов XX века в Сорбонне два студента обсуждают шансы их приятеля выдержать предстоящий экзамен. Пессимист обосновывает свой скептический прогноз тем аргументом, что их приятель *мало* (*peu*) работал, в то время как оптимистический аргумент другого состоит в том, что он все-таки *немного* (*un peu*) работал.

(1) Pierre a *peu* travaillé, il risque donc de réussir à son examen.

(1') Pierre a *un peu* travaillé, il va donc réussir à son examen.

Независимо от фактического трудолюбия Петра модификация квантора *peu* приводит во втором примере к изменению направления аргумента по сравнению с первым примером. То же самое можно наблюдать в противопоставлении *little* и *a little* в английском или *wenig* и *ein wenig* в немецком языках (см. [Žagar 1995: 11 и сл.]). Однако в русском языке различие лексикализировано: отрицательный аргумент выражается наречием *мало*, в то время как высказывания с наречием *немного* соответствуют поддержке положительного тезиса (см. [Иоанесян 1991: 176; Шмелев 2002: 89–90]):

(2) Петр *мало* работал. Он может не сдать экзамен.

(2') Петр *немного* работал. Возможно, он сдаст экзамен.

Пример (1) взят из обзорной статьи Ж. К. Анскомбра и О. Дюкро [Anscombre, Ducrot 1986: 87]. Им французские лингвисты иллюстрируют теорию аргументации, согласно которой аргументативность является не только функцией высказывания, но и семантической функцией языка [Anscombre, Ducrot 1983; Plantin 1990]. Речь идет не о функциональности средств языка в аргументативных контекстах, а об аргументативной семантике самих языковых средств, благодаря которой реализуется аргументативное направление высказывания (см. [Nyan 1998: 76; Moeschler 1985: 17 и сл., 44 и сл.]).

Идея *интегральной прагматики* (*pragmatique intégrée*) сходна как с семантической прагматикой А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991],

так и с интегральным описанием языка Ю. Д. Апресяна и его школы. Однако в теории Анскомбра и Дюкро прагматические значения сводятся к аргументативной функциональности. Ссылаясь на Дюкро, Мёшлер говорит о том, что уже употребляемыми средствами языка любого высказывания совершается аргументативный акт (*acte d'orientation argumentative* [Moeschler 1985]).

Аргументативные значения в большей степени свойственны фреквентативным и квантитативным словам. Так, определяют или модифицируют поле действия аргументов, например, наречия и наречные выражения, такие как *всегда, везде, в большинстве случаев*. К тезису или заключению аргументации относятся *более или менее, вообще, все, большинство, в целом* и т. д. (см. [Яковлева 1988; Иоанесян 1993; Апресян 1995: 137 и сл.]). Такие фреквентативные слова, как *peu, wenig* или *мало*, маркируют отрицательные аргументы, между тем как их отрицания обязательно вводят положительные аргументы.

(3) Я мечтаю о читателях, которыми движет именно личный, индивидуальный, а потому и сокровенный, искренний интерес к истории мысли. *И знаю, что таковых немало* [Мотрошилова 1991: 15].

Однако часто не само кванторное или фреквентативное слово, как в примере (1), а его модификация определяет аргументативное направление высказывания. Именно этим наблюдением Анскомбр и Дюкро обосновывают тезис о том, что аргументативное направление высказывания не зависит от его предметного содержания (см. [Nyan 1998: 46 и сл.]). В качестве дальнейшего доказательства авторы приводят пример с контролем содержания алкоголя в крови [Anscombre, Ducrot 1983: 96]. В том случае, если при положительном результате водитель говорит, что он выпил *совсем немного* (*J'ai bu très peu de vin*), это высказывание является возражением против обвинения (*defense*) или же оправданием (интонацию здесь и в следующем примере оставляем без внимания):

- (4) — Votre alcoolémie est trop forte.
 — Je ne crois pas. / C'est impossible. J'ai bu *très peu* de vin à mon dernier repas. (JUSITIFICATION/DEFENSE)
- (5) — У вас слишком большое содержание алкоголя в крови.
 — Я выпил *совсем немного*. (ОПРАВДАНИЕ/ВОЗРАЖЕНИЕ)

Если же он скажет, что он *немного* выпил (*J'ai bu un tout petit peu*), то несмотря на выпитое количество вина, водитель признает свою вину (*aveu*). Он мог бы и добавить: «Да, это правда» (*C'est vrai*) или «Признаюсь» (*Je le reconnais*).

- (4') — Votre alcoolémie est trop forte.
— Je le reconnais. / C'est vrai. J'ai bu *un tout petit peu* de vin à mon dernier repas. (AVEU)
- (5') — У вас слишком большое содержание алкоголя в крови.
— Признаюсь. Я *немного* выпил. (ПРИЗНАНИЕ)

Сравнение французских наречий *peu* / *un peu* с русской парой *мало/немного* показывает, что аргументативная функция в разных языках может быть лексикализована по-разному. Видимо, в одних языках есть отдельные лексемы для выражения определенных аргументаций, а в других языках они определяются лишь речевым контекстом. Лайонз указывает на то, что английскому квантору существования *some* соответствуют в русском языке две формы, а именно *несколько* и *некоторые*, которыми вводятся или ответы на вопросы о количестве, или противопоставления [Lyons 1983, 2: 83]; ср.:

- (6) Сколько здесь студентов? *Несколько*.
(7) *Некоторые* студенты здесь, *другие* дома.

Но в противопоставлениях квантор существования *некоторые* выполняет и аргументативную функцию, поскольку он указывает не только на неопределенность количества предметов, но и на неполноту этого количества. Этот признак четко проявляется, когда прилагательное *другие* заменяется на прилагательное *остальные*.

- (7') *Некоторые* студенты здесь, *остальные* дома.

В отличие от кванторного слова *некоторые* слово *несколько* не указывает на неполноту. Неполнота маркируется добавлением ограничительного оператора, в то время как значение неполноты, присущее квантору *некоторые*, этим оператором подчеркивается; ср.:

- (6') Сколько здесь студентов? *Всего лишь несколько*.
(7'') *Всего лишь некоторые* студенты здесь, *остальные* дома.

Вследствие того, что слово *некоторые* указывает на неполноту, этот квантор употребляется в выражениях, отрицающих риторический топос количества: «То, что думают только *некоторые*, считается неправильным».

2. Радикальный аргументативизм

В статье [Anscombre, Ducrot 1986] лингвистика аргументации усиливается еще и тем, что аргументативность здесь рассматри-

вается не как следствие употребления аргументативных операторов, а как признак значений любых лексем.

Согласно Анскомбру и Дюкро, лексические поля являются одновременно и топическими полями в смысле риторики [Anscombr, Ducrot 1986], которые определяются не только как общие и универсальные правила мышления в сравнительно-градиционных структурах [Ibid.]. Они сводятся к следующим четырем формам:

- (8) Чем больше X есть P, тем больше Y есть Q.
Чем меньше X есть P, тем меньше Y есть Q.
Чем больше X есть P, тем меньше Y есть Q.
Чем меньше X есть P, тем больше Y есть Q.

Так, например, сказуемое *cher* ('дорогой') индицирует топоры, такие как (9, 9') [Anscombre, Ducrot 1986: 89; ср. Moeschler 1985: 59 и сл.; Nyan 1998: 53 и сл.]:

- (9) Plus ça coûte, moins c'est avantageux.
- (9') Moins ça coûte, plus c'est avantageux.

Глаголу *работать* (*travailler*) соответствуют *усталость*, *признание*, *право на отдых* и т. д. всегда в топической градации: «Чем больше X работает, тем больше Y» (см. [Anscombre, Ducrot 1986: 90 и сл.; Nyan 1998: 58]).

- (10) Plus il y a de travail, plus il y a de fatigue.
- (10') Moins il y a de travail, moins il y a de fatigue.

Возникает вопрос, во-первых, возможно ли описать все лексемы как индикаторы топических отношений и, во-вторых, обладают ли эти отношения градуированной структурой? Семантика аксиологических оценочных лексем, таких как *хорошо*, *красиво*, *богато*, *бедно*, *глупо* и т. д., или глаголов действий, таких как *работать*, *бегать*, *писать*, сводится к топической градации. Однако Анскомбр отмечает, что в семантике таких нарицательных имен, как *стол*, *стул*, *машина* или *дерево*, трудно найти градуирующую структуру [Anscombre 1995: 44]. Поэтому я предлагаю, во-первых, изменить формулировку топосов языковых лексем — она должна быть более отвлеченной, чем у Анскомбра и Дюкро, и, во-вторых, выяснить место определенного топоса в рамках теории аргументации. Для достижения этих двух целей можно было бы привлечь известные из общей риторики *общие топосы*, которые представляют собой образования суждений или аргументаций, базирующихся на отвлеченных структурах или на суждениях других (см. [Кибе 1998: 367 и сл.]). К суждениям относятся топо-

сы «авторитета», «большинства» или же «особенности мнения». Топосы, относящиеся к структурам, охватывают отношения «расположения», «сравнения» и «каузальности» (см. [Kienpointer 1992; Kuße 1998: 369 и сл.]).

Аргументативная семантика лексемы уже не является частью определенного значения слова, а следует из общего топоса, к которому относится значение лексемы. Так, например, все предикаты действия относятся к топосу каузальности, и степень действия должна обязательно соответствовать степени следствия. В нормальных условиях в высказывании высокая степень действия не может быть аргументом для слабой степени следствия; ср.

(11) Он очень устал, потому что много работал.

(11') *Он совсем не устал, потому что много работал.

Редукция топической структуры к отношению между действием и его следствием позволяет сводить все высказывания, относящиеся к этому типу, к основной структуре «чем больше ... тем больше». Даже такое, казалось бы, обратное отношение, как «Чем больше работы, тем меньше свободного времени», является примером этой структуры: высокая степень следствия в этом случае является потерей.

Тем не менее едва ли при топических отношениях между действием и следствием можно говорить об аргументативной семантике, потому что эти отношения не обладают признаком спорности. Таким образом, семантика нементальных глаголов действия не содержит аргументативной инвариантности, а выявляет наличие условия аргументативного употребления. Другое дело, когда мы рассматриваем ряд *ментальных глаголов*, которые указывают на спорность тезисов и при этом на необходимость аргументации.

Корпусом описания в дальнейшем служит «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева, отличающаяся явно дискурсивным стилем в дискуссии понятия мифа. Здесь ментальные глаголы *думать*, *считать* и *знать* играют аргументативную роль, структурирующую текст в целом.

3. Ментальные глаголы (*думать*, *знать*, *считать*)

Значение ментальных глаголов для аргументации очевидно. Вместе с оценочными и модальными операторами они вводят оценки мнений, целых аргументаций или даже дискурсов. Они маркируют аргументации как открытые или завершенные, обос-

нованные или необоснованные, корректные или некорректные и т. д.; ср.:

- (12) Еще одно очень важное разъяснение, и — *мы можем считать* вопрос об отграничении мифологии от науки принципиально разъясненным [Лосев 1994: 28].
- (13) *Напрасно думают*, что на высоте умных созерцаний подвижники только погружаются в покой и не происходит в нем ровно никаких внутренних событий [Там же: 83].

В качестве предиката ментальные глаголы в определенном употреблении или же инвариантно выполняют аргументативные функции, т. е. они индицируют спорность пропозиций в своих дополнениях или дополнительных предложениях. Во-вторых, ментальные глаголы сводятся к топическим отношениям.

Ментальные глаголы *считать* и *думать* различаются по крайней мере по трем признакам:

1. Глаголом *считать* вводятся суждения, которые маркируются как обоснованные, в то время как при употреблении глагола *думать* оппозиция «обоснованно/необоснованно» остается немаркированной.

2. С этим связано то, что глаголом *считать* вводятся суждения, обоснование которых требует большего интеллектуального труда (см. [Апресян 1995: 394]).

3. *Думать* и *считать* различаются по степени уверенности: *думать* предполагает скорее низкую, а *считать* — высокую степень уверенности. Поэтому Ю. Д. Апресян [1995: 394] говорит о признаке «предположение» в случае *думать* и о признаке «уверенность» в случае *считать*. Следующие предложения из НОСС также выражают или предположение (14), или уверенность (14') (см. [НОСС 1997: 424]):

(14) Друзья больного думали, что кризис позади.

(14') Врачи считали, что кризис позади.

Названные выше три различительных признака проявляются при употреблении глаголов в качестве аргументативных предикатов. В самом деле, Лосев вводит хорошо обоснованные суждения глаголом *считать*, в то время как глагол *думать* предваряет или малообоснованные суждения, или суждения, у которых признак обоснованности не маркирован. Итак, следующий пример показывает, как обоснованное на опыте суждение больного противопоставляется малообоснованному мнению:

- (15) *Вы вот думаете, что доктор должен лечить. А больной считает, что раз доктор пришел и осмотрел больного, то лечение уже началось* [Лосев 1994: 80].

Этот пример также показывает, что *думать* указывает на низкую, а *считать* — на высокую степень уверенности. Поэтому Лосев использует глагол *думать* в качестве индикатора «возможного», «предполагаемого», когда он вводит собственные размышления, но тогда, когда этим глаголом вводятся тезисы противной стороны, *думать* выступает как индикатор ошибки.

- (16) Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмоционален, аффективен, жизнен. *И тем не менее думают, что это — начало науки* [Там же: 14].
- (17) *...наивно думают, что суждение «всякое чудо есть вымысел» не требует специфического определения того вида вымысла, который есть чудо...* [Там же: 175].

Вследствие этого конструкции с *думать* используются в контексте спора, возражений. Ими вводятся тезисы, которые Лосев отвергает, предлагая свои контртезисы:

- (18) *Думают, что пища и есть пища и что об ее химическом составе и физиологическом значении можно узнать в соответствующих научных руководствах. Но это-то и есть засилье абстрактной мысли, которая вместо живой пищи видит голые идеальные понятия* [Там же: 12 и сл.].
- (19) *...часто называют аллегорическими неоплатонические и орфические концепции космогонии или эсхатологические мифы Апокалипсиса. Также думают, что космогония, мировой процесс и эсхатология в «Кольце Нибелунга» Р. Вагнера есть тоже аллегория. Это совершенно неверно* [Там же: 45].
- (20) *Люди, и в особенности ученые, думают, что реальные те цвета, о которых говорится в руководствах по физике или химии. На самом же деле, то, что говорится о цвете в физике, в особенности различные теории и формулы о движении света и цвета, весьма далеко от живого восприятия* [Там же: 46].

Противопоставление обоснованности суждения при употреблении *считать, что* и нейтральности относительно обоснованности суждения, когда оно вводится конструкцией *думать, что*, так же как и разные степени уверенности, показывают, что поле ментальных предикатов расположено по принципу «Чем больше X есть Р, тем больше Y есть Q». Не сами ментальные глаголы, а их система, т. е. соотношение глаголов, обладает градационной семантикой.

Кроме того, из различия степеней интеллектуального усилия, отмеченного семантикой анализируемых глаголов, на которые указал Ю.Д. Апресян, следует топическое начало их значений. Семантика сложных глагольных предикатов *считать, что* и *думать, что* сводится к отношению между действием и следствием. Они указывают на состояния человеческой психики как следствия ментальных действий, а градация касается степени интенсивности самого ментального акта (который обозначается понятиями *мышление* и *мыслить*) и степенью последовательного психического состояния.

Глаголом *думать* также обозначаются ментальные процессы, причем независимо от того, последует ли дополнительное предложение или нет. Это соответствует тезису И. Б. Шатуновского [1993], что *считать* вводит суждения, которые являются результатами ментальных действий мыслящего субъекта, между тем как *думать* — немаркированный по этому признаку глагол.

Путативным глаголам *считать* и *думать* противостоит фактивный глагол *знать*. Он не дает градации ни интеллектуального труда, ни степени уверенности. Знание предполагает фактивность, точнее, употребление глагола *знать* предполагает, что условия истинности фактивной предикации те же, что и условия истинности зависимой пропозиции. Фактивная предикация истинна только тогда, когда истинна и та пропозиция, которая от фактивного предиката зависит. Из этого следует определенное топическое отношение. Фактивные предикаты отличаются необходимой интерпретацией зависимых от них пропозиций в рамке топосов, относящихся к суждениям других. Субъекты волей-неволей играют роль свидетеля, и притом абсолютного авторитета истинности спорной пропозиции.

Путативные глаголы, как и фактивные, обозначают состояния психики, а главное их топическое различие обнаруживается в каузальности обоих состояний. В литературе не раз отмечалось, что знание обладает источниками, а не основами. Мнения, наоборот, обладают основами, а не источниками (см. [Селезнев 1988; Апресян 1995: 410; Bogusławski 1994]).

Из этого различия следует, что благодаря предикату, фактивному или путативному, ментальные состояния располагаются в различных каузальных связях. Состояния, обозначаемые фактивными предикатами, представляют собой *следствия причин*. Эти причины могут быть или собственными восприятиями, или сведениями о восприятии другого, кому субъект знания доверяет (см. [Zybatow 1983: 183]). В отличие от этого при употреблении

считать или *думать* ментальные состояния интерпретируются как следствия *действий*, т. е. ментальные состояния *мнения* следуют за ментальными операциями, которые тогда представляются как действия аргументации, когда потребуется обоснование или оправдание ментального состояния («почему ты так думаешь?»; «не надо так думать!»).

Однако ментальное состояние *знание* возможно и в рамках каузальности действия, а именно как условие действия. Это подтверждает и Вежбицка в одной из своих ранних работ «*Dosiekania semantyczne*» (1969), в которой *знание* описывается как *возможность говорить правду*. Апресян же убедительно возражает против этого ограничения. Он считает, что и животные обладают знанием, хотя они не могут говорить (в человеческом смысле) (см. [Апресян 1995: 416]). В самом деле, выражения знания обозначают условия действия, однако не указывают, об условиях каких именно действий идет речь.

В лосевской «Диалектике мифа» конструкцией *знать, что* вводятся часто условия действий говорения:

- (21) *Не зная, что* такое миф сам по себе, *не можем говорить* и об его жизни в той или другой иноприродной среде [Лосев 1994: 8].
- (22) *Не зная, что* такое миф, — *как можно с ним бороться или его опровергать*, как можно его любить или ненавидеть? [Там же].
- (23) Говорят: все относительно. Хорошо. В самом деле, все? И прошлое? Отвечают: не знаем. Позвольте, *раз вы не знаете*, относительно ли прошлое, *вы не можете утверждать*, что все относительно [Там же: 141].

Условия неречевых действий переносятся у А. Ф. Лосева скорее на *знать* без дополнительного предложения, т. е. *знать* в смысле знакомства [ср. немецкий *kennen*] (ср. [Апресян 1995: 406]):

- (24) ...в сфере, напр., земного пространства и времени земное тело превращается в воздушное, световое, огненное и т. д. С другой стороны, *зная точное взаимоотношение этих сфер, можно их сознательно видоизменить* [Лосев 1994: 92].

В этом употреблении *знать* также вводит условия ментальных действий:

- (25) ...нам неизвестны все вещи, взятые вместе; и *не зная ни их количества, ни качества этой суммы, мы не можем ее определять* при помощи столь неясных признаков [Там же: 119].

В заключение вернемся к началу нашей статьи, а именно ко второму примеру. Поскольку *знать* содержит значение условия

действия, этот глагол в качестве предиката может быть модифицирован кванторами и, таким образом, выполнять различные подтверждающие или отвергающие аргументативные функции. Если мы говорим, что *Петр мало знает*, мы выдвигаем отрицательный аргумент, если же *Петр знает немного* — утвердительный.

(2'') Петр *мало* знает. Он может не сдать экзамен.

(2''') Петр *немного* знает. Возможно, он сдаст экзамен.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2001 — *Апресян Ю. Д.* Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Иоанесян 1991 — *Иоанесян Е. Р.* Аргументативная направленность высказывания с эпистемическими предикатами // Культурные концепты / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1991.
- Иоанесян 1993 — *Иоанесян Е. Р.* Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Ментальные действия / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1993.
- Лосев 1994 — *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Миф, число, сущность / Отв. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1994.
- Мотрошилова 1991 — *Мотрошилова Н. В.* Рождение и развитие философских идей. Историко-философские очерки и портреты. М., 1991.
- НОСС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
- Санников 1989 — *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции: Семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Селезнев 1988 — *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988.
- Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* Думать и считать: еще раз о видах мнения // Ментальные действия / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М., 1993.
- Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Яковлева 1988 — *Яковлева Е. С.* Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988.
- Anscombe 1995 — *Anscombe J. C.* De l'argumentation dans la langue à théorie des topoï // La théorie des topoï / Ed. J. C. Anscombe. Paris, 1995.

- Anscombe, Ducrot 1983 — *Anscombe J. C., Ducrot O.* L'argumentation dans la langue. Bruxelles, 1983.
- Anscombe, Ducrot 1986 — *Anscombe J. C., Ducrot O.* Argumentativité et informativité // De la métaphysique à la rhétorique / Ed. M. Meyer. Bruxelles, 1986.
- Bogusławski 1994 — *Bogusławski A.* Sprawy słowa. Warszawa, 1994.
- Kienpointner 1992 — *Kienpointner M.* Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1992.
- Kuße 1998 — *Kuße H.* Konjunktionale Koordination in Predigten und politischen Reden. Dargestellt an Belegen aus dem Russischen. München, 1998 (= *Specimina philologiae Slavicae. Supplementband 61*).
- Lyons 1983 — *Lyons J.* Semantik. Bd. 2. München, 1983.
- Moeschler 1985 — *Moeschler J.* Argumentation et conversation: Éléments pour une analyse pragmatique du discours. Paris, 1985.
- Nyan 1998 — *Nyan T.* Metalinguistic Operators with Reference to French. Bern u. a., 1998.
- Plantin 1990 — *Plantin Chr.* Essais sur l'argumentation. Introduction à l'étude de la parole argumentative. Paris, 1990.
- Wierzbicka 1991 — *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York, 1991.
- Zybatow 1983 — *Zybatow G.* Syntaktische und semantische Eigenschaften der Komplementsätze kognitiver Verben des modernen Russischen // Untersuchungen zur Semantik / Eds. R. Růžicka, W. Motsch. Berlin, 1983 (= *Studia grammatica. Bd. 22*).
- Žagar 1995 — *Žagar I. Z.* Argumentation in Language and the Slovenian Connective *pa*. Antwerpen, 1995.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КВАНТИФИКАТОРЫ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ: *МОРЕ* И *КАПЛИ*

1. Объект исследования

Объектом нашего исследования являются имена, которые в исходном своем значении называют конкретные предметы, но в составе именной конструкции, сочетаясь с другим предметным именем — обычно обозначающим вещество или множество объектов — претерпевают сдвиг значения, грамматикализуясь, и переходят в класс *количественных квантификаторов*. В этом качестве они приобретают смысл неопределенно большого или неопределенно малого количества: 'очень много' или 'очень мало' с дополнительным компонентом субъективной оценки.

Примерами такого рода могут служить русские лексемы типа *гора* или *море*: в изолированном употреблении они обозначают виды природного ландшафта, а в генитивной конструкции типа *гора книг* или *море слез* теряют предметное значение и становятся, если так можно сказать, лексическими показателями <преувеличенно> большого количества — количественными квантификаторами¹:

- (1) Я тотчас вспомнил: *гора* треногих стульев горела во дворе, большой костер, я еще подумал, откуда столько? (В. Маканин. «Андеграунд, или Герой нашего времени»).
- (2) *Гора* таких *ящиков* до потолка громоздилась в противоположном конце помещения (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).
- (3) Каждый генерал и солдат чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой в этом *море людей*, и вместе чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромного целого (Л. Толстой. «Война и мир»).
- (4) Вы сами понимаете, сегодня душа моя полна — *море счастья* (Ч. Айтматов. «Белое облако Чингисхана»).

Тот же семантический сдвиг претерпевают слова типа *капля* или *горстка*, с той лишь разницей, что они начинают обозначать не очень большое, а, наоборот, очень малое, с точки зрения говорящего (преувеличенно малое), количество:

¹ В работе использованы примеры, полученные с помощью Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

- (5) В нашем положении самое лучшее было молчать. Но для этого надо было иметь хоть каплю здравого смысла (Б. Балтер. «До свидания, мальчики»).
- (6) В конце у Учителя осталась лишь горстка людей (Н. Джин. «Учитель»).

2. Объем исследуемого материала

Соответствующая группа лексики в русском языке составляет довольно обширную (хотя и малоизученную²) область — таких слов по крайней мере несколько десятков, ср.: *арсенал, батарея, бездна, вагон, воз, ворох, галерея, гора, груды, куча, лавина, лес, море, океан, охапка, полчище, поток, пропасть, прорва, река, рой, россыпь, туча, тьма, фейерверк, фонтан, шквал* и др. По данным работы [Ляшкевич 1982], их даже более 100, правда, А. И. Ляшкевич включает в эту зону не только имена объектов, но и имена множеств (типа *армия, группа*), которые мы не рассматриваем, считая, что им свойствен несколько другой механизм семантического сдвига. Таким образом, оценки этого и некоторых других исследователей все же представляются нам завышенными.

С другой стороны, те же исследователи, расширяя группу семантически, не учитывают в своих оценках противопоставления по числу. Между тем во многих случаях интересующий нас семантический сдвиг свойствен не только форме единственного числа лексемы, но и форме множественного, ср.: *гора / горы проблем — туча / тучи брызг*. Пока неясно, насколько в таких случаях сохраняется в производном значении семантика множественного числа и можно ли считать такого рода сочетания полными синонимами. В то же время оказывается, что числовые формы не всегда симметрично ведут себя при сдвиге значения: чаще всего квантификатором становится все-таки форма единственного числа (*лес / *леса рук*), хотя возможно и предпочтение множественного числа (*реки / *река слез*). Таким образом, отдельного исследования заслуживает проблема ограничений на использование формы того или иного числа как квантификативной.

Надо сказать, что, по нашим данным, в русистике изучались пока только квантификаторы большого количества — видимо,

² Нам известно всего несколько специальных исследований этих конструкций — отметим, в частности, диссертации [Мишурова 1968; Тихонова 1971; Перетяго 1972], монографию [Ляшкевич 1985], а также недавнюю статью [Дерфер 2001]. Важные наблюдения по поводу семантики пяти квазисинонимов из этой группы содержатся в [Левонтина 2004].

именно потому, что их в русском языке действительно много: любой носитель языка без труда вспомнит с ходу несколько способов выражения преувеличенного числа предметов. Список же слов, обозначающих малое или преуменьшенное количество, в русском очень короткий (хотя здесь трудно не ошибиться и упустить какую-нибудь лексему): *капля, капелька, единицы, горстка* (в связи с этим лексическим классом см. также статью [В. Апресян 2004]). В этом ряду обращает на себя особое внимание слово *единицы* — всегда в форме множественного числа и как правило без зависимого, — которое (на фоне других слов списка) имеет очень узкую сочетаемость и «считает» только людей³, ср.:

- (7) Человечество в скором времени неизбежно придет к тому, что миллионными массами будут управлять *единицы* (Ал. Варламов. «Затонувший ковчег»).
- (8) Удивительно, что в цепочке рождающихся существуют *единицы* со свидетельской памятью прошлого или будущего (М. Ганина. «Пока живу — надеюсь»).

Замечание

Вообще, в этой зоне не оправдываются многие ожидания сходного лингвистического поведения лексем, основанные на иллюзиях семантического сходства. В частности, контексты употребления квантификаторов большого и малого количества серьезно отличаются: квантификаторы большого количества возможны только в утвердительных контекстах, тогда как для квантификаторов малого количества ситуация иная. Наиболее частотны они в отрицательных контекстах типа *ни капли совести*; что касается утвердительных контекстов, то они тоже возможны, но обычно это специфические конструкции скрытого отрицания с частицами типа *только* или *хоть/хотя бы*, ср.:

- (9) Не станет! так в нем нет *ни капли благородства*! — с злостью заметил Александр, — я не полагал, чтоб он был низок до такой степени! (И. Гончаров. «Обыкновенная история»).
- (10) Это нехорошо, Нина! Ты еще девочка по сравнению со мной, ты еще ребенок совсем, наконец, ты моя сестра, и когда я иду к тебе с открытым сердцем, прошу *хоть каплю* участия, ты отворачиваешься (Л. Андреев. «Анфиса»).

³ Ср. с семантической точки зрения более канонические имена множеств в функции количественной метафоры (большого количества, типа *сотни машин*), которые тоже употребляются во множественном числе, но обычно с выраженным зависимым и не обязательно по отношению к людям.

В утвердительных конструкциях без скрытого отрицания нам встретилось только слово *горстка*, ср.:

- (11) В Сардинии повел на картечь *горстку отчаянных* головорезов, во-
рвался на позиции артиллерии, переколол прислугу и захватил
пушку (Б. Васильев. «Были и небыли»).

3. О количестве количественных значений

Исследуемый нами лексический материал дает множество квазисинонимов, обозначающих (прежде всего, конечно, большое) количество. Действительно, если признать, что в квантификативном значении десятки имен типа *море, лес, реки, вагон* и прочие квазиграмматические лексемы, перечисленные в предыдущем разделе, обслуживают одну и ту же количественную зону и, вероятнее всего, имеют между собой какие-то, пусть не сразу видные, семантические различия, то 'большое количество' оказывается областью исключительного богатства противопоставлений. Ни аспект, ни вид, ни наклонение не смогут, если принять во внимание предлагаемый языковой материал, с ним сравниться.

Правда, говоря о таком сравнении, мы невольно ставим эти категории в «неравные условия»: ведь в собственно грамматической зоне количественных значений в языках мира засвидетельствовано совсем не много: единственное, множественное, двойственное, — а тройственное, паукальное и т. п. по праву могут считаться маргинальными [Corbett 2000: 19–38; Плунгян 2000: 278]. Действительно, «лексическая множественность» — если можно было бы применить такой термин к нашим квантификаторам — не расширяет набор собственно количественных параметров, грамматически выражаемых в языке: квантификаторы не могут выразить ни, допустим, «пятеричное», ни какое-то другое *n*-ричное число. Таким образом, лексическая множественность дополняет количественную ситуацию *качественными* параметрами — и в этом смысле принципиально отличается от грамматической множественности (и, наоборот, по-видимому, сходится с зонами вида, наклонения и прочих семантически наполненных категорий, которые могут иметь дополнительные противопоставления, выражаемые квазиграмматическими средствами).

Качественные параметры ситуаций множественности, свойственные русскому языку, мы и хотели бы описать, а для некоторых из этих параметров — оценить их типологическую релевантность. Для этого нам необходимо прежде всего провести границы употребления русских количественных квантификаторов, т.е. установить имеющиеся различия между конструкциями как квазисинонимами.

С другой стороны, индивидуальность (частично грамматикализованного) количественного значения в каждом случае обеспечивается спецификой исходного значения соответствующей леммы. И с этой точки зрения важна степень грамматикализованности конструкции.

Исследования показывают, что русские квантификаторы неравномерно распределены по степени грамматикализованности, так что оба крайних полюса этой шкалы оказываются заняты. В частности, среди количественных квантификаторов имеются слова, тесно связанные исходным лексическим значением. Примером здесь может служить имя *копна*. В квантификативных контекстах *копна* сохраняет идею конусообразной формы и особой структуры объекта, количество которого <пере>оценивается: копну образуют только волосы, «похожие» на сено или солому, к которым *копна* применяется в исходном своем значении, так что *копна волос* — это ≈ ‘очень много (с точки зрения говорящего, может быть, больше, чем на самом деле) волос на голове человека, которые при этом имеют форму, сходную с формой стога сена / соломы и, так же как этот исходный объект, не очень упорядочены и неаккуратно уложены’. Семантическая связь квантификатора с фиксированным именем в генитивной конструкции (т. е. жесткая лексикализация этой конструкции) говорит о том, что данный квантификатор минимально грамматикализован.

Понятно, что максимальная степень грамматикализации квантификатора, напротив, предполагает минимальные лексические ограничения на сочетаемость квантификатора в контексте генитивной конструкции. Именно так, по-видимому, в русском языке устроено слово *куча* — оно сочетается и с одушевленными именами, и с именами предметов, веществ, и с абстрактной лексикой:

- (12) Эх, охотник, тебе бы только в шахматы играть, не знаешь ты ничего про мою увлекательную жизнь. Попробовал бы ты к тридцати годам занять себе папочку, профессора кислых щей. И *кучу теток*. И двоюродную сестренку, красотку первого класса (В. Аксенов. «Апельсины из Марокко»).
- (13) Мне один малый говорил, что там можно заработать *кучу денег* (В. Аксенов. «Звездный билет»).
- (14) Завод будет принимать такие-то меры, требуя еще *кучу сведений*, а потом разразится негодующим посланием: гарантийный срок вышел, и катитесь к такой-то бабушке... (А. Азольский. «Степан Сергеич»).
- (15) Смеясь, он мне сам показывал *кучу писем*, полных возмущения и даже угроз убить искажителя истории (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема»).

- (16) Она обожала Нику и из его имени Иннокентий делала *кучу* невысказанно нежных и дурацких прозвищ вроде Иночек или Ноченька и возила его показывать своей родне в Тифлис (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»).

Запреты на сочетаемость у этой конструкции возникают в основном по чисто стилистическим причинам (см. однако ниже, раздел 5): конструкция *куча X* стилистически не нейтральна по сравнению, скажем, с *много / множество / большое число / большое количество X*, так что их взаимозамена возможна далеко не всегда, ср. предложения типа:

- (17) ...Бунин сумел... с одинаковой силой представить очень *большое число* [**кучу*] *персонажей*, из которых только один слегка выдвинут на первый план (В. Ходасевич. «Бунин»).

Остальные квантификаторы — такие как *груда, гора, туча* и под. — располагаются где-то между полюсами грамматикализации: все они имеют какие-то ограничения на сочетаемость: главным образом, эти ограничения касаются выбора между одушевленными объектами (прежде всего, лицами) и неодушевленными. В основном квантификаторы «считают» неодушевленные объекты, ср.: *груда мусора / *людей, гора бумаг / *милиционеров, туча стрел / *солдат* (ср., однако, возможное *туча птиц*)⁴, ср. также:

- (18) Убивается Филипп Филиппович, — заметила, улыбаясь, Зина и унесла *груды тарелок* (М. Булгаков. «Собачье сердце»).
- (19) Конечно, современным зоологам нечего делать с этой *горой книг*, но зато какие там гравюры! Разве можно равнять с ними рисунки иллюстраторов Брема? (Ю. Домбровский. «Хранитель древностей»).
- (20) На их головы летят *тучи стрел*, льется расплавленный свинец, но друзья без паники штурмуют захваченную противником цитадель (Гала Рудых. «Такой устойчивый мир» // «Октябрь», 2002, № 12).

⁴ Квантификаторы, «ориентированные» на одушевленные объекты, хорошо представлены среди имен групп, ср. *армия, полк, взвод* и проч. Показательным в этом отношении является слово *полчище*, ср.: «Какой-то шорох, как бы крыльев по стенам, доносился теперь сзади из залы, и было понятно, что там танцуют неслышанные *полчища гостей*, и Маргарите казалось, что даже массивные мраморные, мозаичные и хрустальные полы в этом диковинном зале ритмично пульсируют» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Это слово крайне неохотно допускает сочетаемость с неодушевленными предметами, ср. **полчище бумаг/ручек/стрел*, но возможно с названиями машин и некоторых механизмов: *полчища вражеских танков*. Поскольку имена групп уже в исходном значении называют множество, а не просто неодушевленный предмет, мы не включаем их в рассмотрение.

4. Семантика количественных значений

Понятно, что ограничения на сочетаемость практически всегда связаны с «памятью» квантификатора о значении исходной лексемы, претерпевшей семантический сдвиг. В свою очередь, проблема связи исходного и производного значений имеет два теоретических аспекта.

Первый — условно можно его назвать «диахроническим»: он ставит для исследователя во главу угла исходное значение слова и предлагает установить, какова должна быть его семантика, чтобы интересующий нас семантический сдвиг стал возможен и возник количественный квантификатор. Это достаточно традиционная задача, она была поставлена еще в работах [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987] и отчасти решена: авторы утверждали, что лексика, профилирующая вертикальное измерение, в естественном языке начинает обозначать большое количество, и предлагали формулу:

‘выше’ \Rightarrow ‘больше’.

Идея этой формулы состояла в том, что большое количество предметов зрительно представляется говорящему своеобразной горой или кипой — которая растет по мере роста количества (ср.: *высокие результаты, показатели* и под.). Действительно, наш список представляет множество примеров такого рода — это и *гора*, и *груда*, и *куча*, и *копна*, и в каком-то смысле *фейерверк* и *фонтан*. В то же время в русском практически так же широко эксплуатируется другая, «неучтенная» пространственная формула:

‘шире’ \Rightarrow ‘больше’

Ср.: *россыпь юмора, море / океан людей, лес рук*. Если следовать логике [Lakoff, Johnson 1980], подоплека этой метафоры в том, что мы как будто раскладываем предметы по очень большой поверхности (в частности, по поверхности моря или океана) и чем больше оказывается занятой поверхности, тем больше количество предметов.

Но самое интересное, что в русском действует и «обратная» предложенной в [Lakoff, Johnson 1980] формула:

‘ниже’ \Rightarrow ‘больше’

Ср., например: *бездна, пропасть* или *прорва: бездна / пропасть / прорва народу, проблем, дел...* — и это парадокс, который требует объяснения⁵. В самом деле, согласно идеям [Lakoff, Johnson 1980],

⁵ Заметим, что на английский сочетание *бездна неприятностей* стандартно переводится как *heap of troubles* ‘куча неприятностей’ — в полном соответствии с формулой из [Lakoff, Johnson 1980].

«каноническая» формула выглядит как 'ниже' \Rightarrow 'меньше' (ср. «правильные» метафоры типа *низкая рождаемость*, *низкие показатели* и др.), а в этих примерах движение вниз связано с идеей увеличения, а не уменьшения количества.

Как кажется, все дело в том, что обычное движение вниз в антропоцентричном пространстве, в отличие от движения вверх, — всегда предельно. Обычно оно ограничено поверхностью земли, расстояние до которой (с точки зрения говорящего) невелико, тогда как пространство вверх, по сравнению с ним, бесконечно; именно поэтому большое количество естественнее связывается с измерением «вверх», чем «вниз». Но примеры, о которых мы говорим, представляют тот редкий случай, когда и пространство *вниз* бесконечно — не случайно названия обычных (т. е. неглубоких, конечных) углублений, таких как *яма* или *канава*, не метафоризируются как показатели большого количества, ср. **яма* / **канава проблем, дел*.

Таким образом, наравне с вертикальным измерением работают и другие механизмы, порождающие идею большого количества, так что когнитивные источники для концептуализации множественности еще далеко не исчерпаны и нуждаются в изучении.

Второй аспект изучения связи исходного и производного значений квантификаторов делает акцент не на начальной, а на конечной точке семантического сдвига, так что условно его можно назвать «синхронным». При такой постановке вопроса исследователь обращает внимание только на то, что «остается» в семантике лексемы после того, как сдвиг произошел и часть исходного значения «стерлась». В нашем случае результатом такого исследования был бы набор качественных характеристик множественности, различающихся в русском языке лексически. В качестве примера укажем некоторые элементы этого набора:

- (I) Ситуация множественности объектов, распределенных в очень обширном обозримом говорящим пространстве, — *море Х-ов*

Вот тоже отличие наших «единомышленников» от окружающего *моря людей* — способность к негодованию (С. Волконский. «Родина: воспоминания»).

- (II) Ситуация множественности объектов, которые представляют разные виды объектов, — *букет Х-ов*

Каждый год часть паломников возвращается из Саудовской Аравии с целым *букетом* инфекционных заболеваний («Известия», 2001).

- (III) Ситуация недискретного и компактного множества отдельных объектов небольшого размера (обычно отрицательная оценка) — *туча X-ов*

Тучи мух, синих и рыжих, какая-то тля, липнущая к грязи и утопающая в ней, облепили смертный пятачок (В. Астафьев. «Прокляты и убиты»).

- (IV) Ситуация движения большой массы — *реки X-ов*

Реки наших слез не смогут смягчить этот гнев (К. Паустовский. «Повесть о жизни»).

- (V) Ситуация управляемого движения значительных масс объекта или большого скопления объектов — *поток / потоки X-ов*

Каждое новое переиздание <Плутонии> или <Земли Санникова>, каждая новая книга вызывали новый *поток писем* (А. Шумилов. «За тайнами Плутона: В. А. Обручев»).

- (VI) Ситуация неуправляемого движения большого скопления объектов по направлению к наблюдателю — *лавина X-ов*

И обрушивали на него *лавины* неожиданных и бессмысленных *вопросов* (Е. Рубин. «Пан или пропал! Жизнеописание»).

- (VII) Ситуация внезапного возникновения большого числа движущихся по направлению к наблюдателю объектов — *шквал X-ов*

Сообщение о том, что он назначен секретарем Совета Безопасности РФ, вызвало разногласия в Израиле и обрушило на посольство *шквал телефонных звонков* (в основном — из Москвы) (А. Бовин. «Из дневника»).

5. Квантификаторы как классификаторы

До сих пор мы говорили о семантике ограничений квантификаторов на сочетаемость с именами. Этот эффект, однако, можно описывать и с другой точки зрения: все множество имен в русском языке оказывается как бы распределено между квантификаторами разной семантики, так что квантификаторы определенным образом классифицируют русскую лексику. Мы говорим: *море / горы информации*, но *море людей / *горы людей*, и наоборот, *горы / ?море мусора*.

При таком взгляде на вещи русские квантификаторы сближаются с **классификаторами** — особыми (обычно счетными) вспомогательными элементами, которые определенным образом группируют лексику; «настоящих» классификаторов в русском

языке, конечно, нет — по своему поведению больше всего на них похожи лексемы типа *штука* или *пара* в контекстах типа: *восемь штук карандашей / восемь пар брюк* и под.: ими сопровождается счет и одновременно классифицируется лексика; в нумеративных конструкциях соответствующих языков классификаторы (в отличие от русских *штука* или *пара*) всегда обязательны. Классификаторы особенно характерны для языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока — китайского, японского, вьетнамского, тайского и др. и практически отсутствуют в индоевропейских языках (ср. [Corbett 1991; Aikhenvald 2003] и др.). Однако семантически количественная зона в языках с классификаторами пока в достаточной степени не исследована.

В следующем разделе предлагается сопоставить данные русского языка с ситуацией, имеющей место в типичном представителе классифицирующих языков — корейском.

6. Корейские классификаторы как фон для изучения русских количественных квантификаторов

Речь пойдет о конструкциях, которые в корейском языке обозначают большое/малое количество и по своей семантике могут быть сопоставлены с русскими квантификаторами большого и малого количества. В корейском «опорными словами» таких конструкций служат классификаторы; все они, так же как и русские квантификаторы, прошли путь от полнозначных имен к полуслужебным количественным маркерам. Нас будут интересовать и сходства, и отличия этих корейских конструкций от русских.

Главные отличия — в синтаксической структуре и синтаксической функции соответствующих слов; сходства же можно искать в наборе опорных лексем, передающих в сравниваемых языках идею большого/малого количества. С точки зрения когнитивной структуры области количества важно, есть ли в этих наборах лексемы, у которых исходные имена («доноры» для количественной метафоры) обозначают одни и те же объекты внешней действительности: горы, пропасти, реки и под.; несовпадения в лексических наборах русского и корейского означают, что эти языки имеют разные механизмы — или разные когнитивные источники — для представления большого/малого количества, а совпадения означают, что есть какие-то типологически релевантные параметры и они заслуживают специального и более глубокого изучения. В частности, в этом случае возникает вопрос о степени сходства концептов соответствующих имен.

В данном разделе мы последовательно рассмотрим все эти вопросы: сходства и различия в лексических наборах («Лексика»), в концептуализации объектов-«доноров» для количественного переноса («Семантика и сочетаемость»), а также различия в синтаксических функциях русских квантификаторов и корейских классификаторов («Синтаксис»).

Лексика

Как показывают исследования, в русском семантическая зона большого/малого количества разработана гораздо подробнее, чем в корейском: в русском «донорами» для количественного переноса могут, как мы видели, служить десятки слов, в корейском же их единицы, и они в целом лучше сохраняют исходное лексическое значение (т. е. слабее грамматикализованы).

В списке слов, входящих в конструкцию со значением 'большое количество' в корейском, как и в русском языке, фигурируют слова со значением 'куча' и 'море': *chayk-temi* 'куча книг', *pic-temi* 'куча долгов'; *nwinmwul-pata* 'море слез' [Ли 1992]. Кроме того, в корейском в этот список входит корейское слово *san-temi* 'гора-куча' с иероглифическим суффиксом *san* 'гора' и заимствованное из китайского слово со значением *tay-san* 'большая гора'. Как видим, основной метафорой для большого количества в корейском служит известная формула 'выше' ⇒ 'больше'; в русском действует больше метафорических переносов⁶.

Число конструкций, описывающих малое количество, в корейском и русском вполне сопоставимо и не превышает десятка, однако здесь никаких семантических пересечений нет: в корейском в этой зоне «работают» квантификаторы с исходным значением *nwinkkor* 'гной глаза', *sonthor* 'ноготь', *cwikkoli* 'хвост мыши' и *thikkul* 'пыль'. Интересно, что как и в русском, конструкции со значением малого количества в корейском распределены между утвердительными и отрицательными контекстами. Так, квантификатор с исходным значением 'пыль' используется в функции дополнения только в отрицательных контекстах, ср.:

- (21) *na-eykey-nun thikkul mankhum-uy huymang-to epsessta*
я-EXPR-NOM пыль как-REL надежда-даже нет:PAST:ASSERT

'У меня не было ни малейшей надежды' (букв.: 'даже как пыль');

⁶ С этой точки зрения интерес представляет семантика корейского имени со значением 'море' (см. подробнее ниже).

В утвердительных контекстах выбирается дополнение с исходным значением 'хвост мыши', ср.:

- (22) *ku-nun cwikkoli mankhum-uy welkup-ul patassta*
 он-NOM хвост мыши как-GEN зарплата-ACC получить:
 PAST:ASSERT

'он получил мизерную зарплату' (букв.: 'как будто хвост мыши').

Тот же квантификатор 'пыль' может выступать в наречной функции — тогда он употребляется и в отрицательных, и в утвердительных предложениях, а его квазисинонимы 'гной глаза' и 'ноготь' — только в отрицательных.

В наречной функции в утвердительных контекстах 'пыль' используется и для обозначения большого количества, ср. 'в мире много стран' (букв. 'как пыль'). Как видим, значение малого количества возникает за счет мельчайшего размера частиц пыли, а значение большого количества — из идеи бесчисленного множества таких частиц. Заметим, что второе значение встречается в текстах определенной тематики, в частности религиозной, ср.:

- (23) *ney hwuson-un ttang-uy thikkul mankhum pwulena*
 твои потомки-NOM земля-GEN пыль как расширяться:CONJ
tongsenampwuk-ulo nelli phecilkesita
 четыре:стороны-DIR шире распространяться:FUT:ASSERT

'твои потомки будут процветать, распространяясь во всем мире' (букв. '...распространяться шире на четыре стороны, множась как пыль')

Семантика и сочетаемость

Корейское количественное слово с исходным значением 'куча' имеет довольно ограниченную сочетаемость. Оно применяется в основном к деньгам, так что на первый взгляд кажется концептуально близким русскому *гора*, которое (в отличие от почти полностью грамматикализованного и свободно сочетающегося почти с любым именем русского *куча*) сохраняет идею вертикальной формы и в значении большого количества⁷. Однако в более редких контекстах корейский квантификатор используется

⁷ Действительно, по-русски можно сказать *горы денег* — потому что есть возможность представить себе сложенные в кучу купюры или монеты, но нельзя: **горы крови/воды/людей/домов* и др. — всего того, что даже в большом количестве непредставимо в виде нагромождения в форме горы. Подробное обсуждение семантики слова *гора* и его квазисинонимов дается в статье И. Б. Левонтиной [2004].

и с несчетными именами, не имеющими формы, — со значением 'огня' и даже 'воды'. Отсюда следует, что форма не играет здесь никакой роли и содержание корейского концепта остается неясным: полученный материал свидетельствует лишь о том, что этот концепт не близок ни русскому *гора*, ни русскому *куча* (которое, при всей широте своей сочетаемости, не допускает в качестве объектов измерения ни *огонь*, ни *воду*).

Сочетаемость корейского квантификатора с исходным значением 'море' свидетельствует о том, что в этом случае корейский имеет в виду достаточно близкий к русскому пространственный образ (как и в русском, в корейском говорят о море огня, цветов, любви, информации, фантазии), однако непредметная сочетаемость корейского 'море' шире, чем в русском, ср. возможные в корейском сочетания, такие как *sout-uy pata* 'море шума', *etwum-uy pata* 'море темноты', *cinsil-uy pata* 'море истины', *sulphum-uy pata* 'море горя'.

Синтаксис⁸

Корейский демонстрирует две разные конструкции большого/малого количества: конструкцию с дополнением и наречную. Разные корейские квантификаторы используются в разных синтаксических функциях, многие имеют обе. Так, *pata* 'море' выступает только как определение, *cuikkoli* 'хвост мыши' — и как определение, и как наречие, *sonthop* 'ноготь' — только как наречие.

В русском мы рассматривали исключительно конструкцию с дополнением, но корейский материал заставляет расширить рамки нашего описания.

В этой связи прежде всего обращают на себя внимание предикативные контексты квантификаторов типа *Молока* — *пропасть!* Оказывается, что в такого рода контекстах возможны некоторые, но далеко не все количественные квантификаторы. В предикативном употреблении допустимы: *груда*, *куча*, *море*, *прорва*, *тьма*, *туча*, *бездна*, но не, например, *лавина*: *Трагический случай породил лавину разговоров* ⇒ ?? *Разговоры* — *лавина*.

Отдельный интерес представляют фразеологические сочетания типа *с гулькин нос* или *кот наплакал*, которые выступают только в предикативных контекстах.

Наконец, специального анализа с этой точки зрения заслуживает русский квантификатор малого количества *капля/капелька*,

⁸ Мы приносим благодарность Л. Л. Иомдину и Г. И. Кустовой, которые принимали участие в обсуждении этого раздела.

который возможен в наречной функции, причем как в утвердительных, так и в отрицательных контекстах, ср.:

капельку устал — ни капельки не устал.

По нашим данным, наречная функция для этого квантификатора была особенно характерна в XIX веке, а в современном языке она постепенно утрачивается.

7. Заключение

Статья отражает начальную стадию наших исследований русских квантификаторов большого и малого количества: мы убеждены, что этот малоизученный фрагмент русской грамматики нуждается в гораздо более детальном описании. Необходимо:

- установить точный перечень имен, способных к квантитативным употреблением в русском языке;
- выявить границы сочетаемости для каждого имени в квантитативных употреблениях;
- описать и объяснить механизмы семантического сдвига значения для всех лексем;
- уточнить перечень противопоставлений в зоне «качественной множественности» в русском языке и противопоставления в зоне «малого количества»;
- описать отличия квантитативной конструкции от близких ей генитивных — таких, как, например, конструкция меры (*вед-ро воды*) или группы (*армия безработных*).

Мы не оставляем надежды и на то, чтобы продолжить типологические исследования в этой области и представить материал русского языка как сопоставимый с другими системами множественности.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян В. 2004 — *Апресян В. Ю.* Словарная статья НЕМНОГО 3, СЛЕГКА, ЧУТЬ-ЧУТЬ 3, МАЛО 2, ЕДВА 2, ЕЛЕ 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Вена, 2004.
- Дерфер 2001 — *Дерфер С.* «Море людей» и «пропасть цветов»: метафоры неопределенного количества // Количественность и градуальность в естественном языке. München, 2001.
- Ким 2002 — *Ким М., Ким Ч.* Новый корейско-русский словарь. Сеул, 2002.

- Левонтина 2004 — *Левонтина И.Б.* Словарная статья куча 1, гора 2, груда, кипа, ворох // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Вена, 2004.
- Ли 1992 — *Ли Х.* Eysseysn kwuke sacen [Краткий корейский толковый словарь]. Сеул, 1992.
- Ляшкевич 1985 — *Ляшкевич А.И.* Именные словосочетания со значением метафорического количества. Минск, 1985.
- Мазур 1997 — *Мазур Ю.Н.* Корейский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
- Мишурова 1968 — *Мишурова Г.И.* Существительные с количественным значением в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Перетяцько 1972 — *Перетяцько Т.П.* Лексические средства обозначения неопределенно большого количества предметов. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Тихонова 1971 — *Тихонова М.Ю.* Лексико-фразеологическая микросистема «много» в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1971.
- Aikhenvald 2003 — *Aikhenvald Al. Y.* Classifiers: A Typology of Noun Categorization Devices. N. Y., 2003.
- Corbett 1991 — *Corbett G. G.* Gender. Cambridge, 1991.
- Corbett 2000 — *Corbett G. G.* Number. Cambridge, 2000.
- Lakoff 1987 — *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago, 1980.

Н. Г. Мед

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ ИСПАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Испанская разговорная речь характеризуется разнообразием семантических дериватов и фразеологических единиц, отражающих количественные представления о наличии того или иного признака в их семантике. Рассуждая о типах оценок, А. А. Ивин писал, что временные оценки и оценки величин не являются оценками как таковыми, поскольку не устанавливают ценностных отношений, хотя их можно назвать оценками в смысле сопоставления, сравнения нескольких предметов между собой или с избранным образцом [Ивин 1970: 25]. Несмотря на то что действительно количественная оценка сама по себе не связана ни с какими ценностями, мы считаем, что в определенных условиях коммуникации она может служить средством оценки. Давая количественную оценку какому-либо объекту, мы оцениваем его и качественно, исходя из понятия нормы, меры и степени, свойственных данному объекту в системе эталонов и стереотипов, принятых в обществе. Оценка как таковая представляет собой результат взаимодействия в языке и в понятийной системе рационального и эмоционального факторов. Сфера рационального основана на суждении об объективной ценности предмета и входит в денотативно-сигнификативное содержание единицы языка, а эмоциональный фактор состоит в соответствующей эмоциональной реакции участника коммуникации на предмет, т. е. в эмотивной оценочности, проявляющейся в различных коннотациях: одобрения/неодобрения/презрения/восхищения/насмешки и т. д. [Телия 1986: 5].

Н. Д. Арутюнова писала, что «по системе ценностей, входящих в позитивную (нормативную) картину мира, большое количество признается желательным, а малое — нежелательным; *хорошо* и *много*, *плохо* и *мало* образуют в рамках нормативной модели действительности почти неразлучные пары» [Арутюнова 1988: 207]. Отметим это «почти», так как оценочные смыслы в разговорной речи во многом определяются контекстом и/или семантикой ключевого слова. Квантитативный компонент входит в денотативную сферу значения, но сам по себе не формирует собственно

оценочного значения. Еще Ш. Балли отмечал, что можно ввести простое количественное различие в любой объект нашей мысли (море-океан), но оно никак не связано со стилистикой [Балли 1961: 203]. Однако когда подключаются свойственные разговорной речи средства гиперболизации, содержащие эмоциональную реакцию, появляется и оценка, флуктуирующая в зависимости от контекста и ситуации.

Количественная и качественная оценка, а также интенсификация как частное проявление категории количества по-разному соотносятся в значении испанских лексических и фразеологических единиц. Анализ исследованного языкового материала позволил нам выделить разряд косвенно-оценочных семантических дериватов и фразеологизмов количественной оценки, выражающих оценку опосредованно, в зависимости от контекста и ситуации общения. Это так называемые «образы множества», имеющие обобщенный смысл «большое количество однородных предметов, явлений или лиц». Термин был введен Н. А. Лукьяновой для обозначения особой лексико-семантической группы экспрессивной лексики русского языка [Лукьянова 1986: 123]. Мы считаем возможным распространить его и на фразеологизмы.

Испанские семантические дериваты — образы множества строятся по модели $S1 + de + S2$, где $S1$ — образ множества, $S2$ — квалифицируемое существительное [Кабальеро Диас 1983: 5–7].

Выделим наиболее распространенные денотаты, участвующие в метафорическом процессе создания количественной оценки.

Семантическая сфера «Физический мир»

Для образов множества характерна метафоризация прежде всего предметной сферы физического мира, связанной с пространственными универсальными категориями количества и величины.

1. Самыми распространенными в испанской разговорной речи являются образы, связанные с представлением потока воды: *río* ('река'), *mar* ('море'), *océano* ('океан'), *catarata* ('водопад'), *torrente* ('поток'), *lluvia* ('дождь'), *chubasco* ('ливень'), *reguero* ('ручей, струя'): *Este Celestino es el mismo diablo, ¡qué cosas se le ocurren! Pero no tiene un pelo de tonto, es hombre que ha leído la mar de libros* (Colmena: 206). «Этот Селестино — просто дьявол. Что только с ним не происходит! Но он совсем не дурак, это человек, который прочитал кучу (букв. 'море') книг». *Sería un pan como unas hostias, después de lo que cuesta esto, que nos fuera a dar un chubasco de*

retortijones, y que eso, carinito, no lo cura nadie (Mundo: 16). «Это не еда, а Бог знает что, учитывая, сколько мы заплатили, и у нас будут **жуткие колики** (букв. 'ливень колик'), а это, радость моя, никто не вылечит».

2. Образы множества, основанные на представлении о природном явлении: *ciclón* ('циклон'), *huracán* ('ураган'), *cáfila* ('туча'), *nube* ('облако'): *El caso es que al llegar a Night and You nos vimos asediadas por una nube de fotógrafos, de los que esperan siempre a la puerta de los desfiles buscando famosas como locos* (Chulas: 296). «Дело в том, что когда мы пришли в клуб, нас осадила **тьма** (букв. 'облако') **фотографов**, из тех безумцев, кто всегда поджидает знаменитостей». *Me senté a su lado en la hierba y largó su consabida cáfila de necedades* (Isla: 62). «Я села возле него на траву и он вывалил свою всегдашнюю **кучу** (букв. 'тучу') **глупостей**».

3. Образы множества, как шокое состояние от удара дубиной: *porrada, porrazo* ('удар дубиной'): *...el Seve que emigró a Méjico hace una porrada de años...* (Voces: 104). «Севе, который эмигрировал в Мексику **уйму лет** назад...». *Tiene 72 años y una porrada de nietos y todavía viene a buscar pescadores* (Isla: 36). «Ей 72 года и у нее **куча внуков**, а она все еще бежит за рыбаками».

Семантическая сфера «Предмет»

1. К ней относятся прежде всего образы некоего большого вместилща: *saco* ('мешок'), *tonel* ('бочка'): *...incluso una boda con aquella heredera que se gastaba un tonel de apellidos famosos* (Mundo: 80). «...даже свадьба с этой наследницей большого состояния, которая носила **множество** (букв. 'бочку') **знаменитых фамилий**».

2. Образы большого количества предметов, уложенных в стопку, штабель, ряд или беспорядочно нагроможденных: *pila* ('стопка, штабель'), *resma* ('стопка бумаги'), *tira* ('лента, полоса'), *sarta* ('связка, нитка'), *montón* ('груда, куча'): *Su familia tiene una pila de dinero* (Isla: 26). «У его семьи **уйма** (букв. 'штабель') **денег**». *La tira de cismas, hija, la tira* (Mujercísimas: 106). «**Сплошные раздоры** (букв. 'лента'), подруга, **сплошные раздоры**». *Como pasa siempre en estos viajes, ya se lo dije antes, hay muchos niños, un montón de niños* (Voces: 107). «Как всегда происходит в таких поездках, я уже вам это говорил, там много детей, просто **куча детей**».

Отметим также лексему *hostia* ('облатка причастия'), относящуюся в своем прямом номинативном значении к разряду религиозной лексики, но в силу принципа инвертирования мораль-

ных ценностей получившую переносное наименование «дрянь», которая также используется для выражения большого количества.

Семантическая сфера «Человек»

Эта сфера представлена преимущественно образами военных соединений: *ejército*, ('армия'), *legión* ('легион'), *batallón* ('батальон'), *tropel* ('военная часть'), *pelotón* ('взвод'): *Y tiene gatos, muchos gatos, un batallón de gatos, una plaga gatuna* (Voces: 91). «У нее кошки, много кошек, целый батальон кошек, кошачье бедствие».

Семантическая сфера «Животный мир»

Из этой семантической сферы значение количественной оценки приобретают лексемы с собирательным значением *burrada* ('табун ослов', перен. 'глупость') и *gusanera* ('скопление червей'): *No me gusta ir a casa de mis tíos, porque siempre hacen una burrada de pasteles malísimos y se enfadan si no los comemos todos* (Varela: 32). «Мне не нравится ходить в гости к дяде и тете, потому что они делают всегда дикое количество отвратительных пирожных и злятся, если мы их не съедаем».

Семантическая сфера «Психический мир»

Эта семантическая сфера, не являющаяся источником метафоризации в русском языке [Скляревская 1993: 74], в испанском, напротив, активно вовлекается в процесс метафоризации: *barbaridad* ('варварство'), *bestialidad* ('скотство'), *plaga* ('бедствие') и т. д., негативная сема в которых уходит на второй план [Beinhauer 1992: 238]:

Лексема *barbaridad* в испанской разговорной речи приобрела самые разнообразные оценочные значения, характеризуя события, явления окружающей действительности как в положительном, так и в отрицательном аспекте, исходя из контекста или ситуации общения (*¡Qué barbaridad!* — это может быть и замечательно и ужасно), и также широко употребляется для выражения количественной оценки: *Tenia dieciséis cuando entró aquí: era muy guapa. Ahora tiene una barbaridad* (Pasión: 216). «Ей было 16, когда она здесь появилась, она была красавица. А сейчас ей жуть сколько лет». *No creo que haya aprobado el examen, porque había*

una barbaridad de preguntas dificilísimas (Varela: 21). «Не думаю, что он сдал экзамен, так как там было **жуткое количество труднейших вопросов**».

Семантическая сфера «Абстракция»

Эта сфера представлена семантическими дериватами, отражающими идею множества при помощи некоего большого, бесконечного числа: *sinfin* ('бесконечное количество'), *sinnúmero* ('бессчетное количество'), *infinidad* ('бесконечность'), *mogollón* ('множество'): *Es un mogollón de tren, está lleno de moros, huele mal...* (Bajarse: 117). «Это огромный поезд, забитый арабами, там плохо пахнет». *He tenido un sinfin de amantes* (Cripta: 150). «У меня было множество любовников».

Любопытно, что лексема *cantidad* (букв. 'количество') в испанской разговорной речи широко используется со значением интенсификации количественной оценки: *Lo bueno es que, como es insomne, gana cantidad de tiempo por la noche para estudiar* (Cronen: 145). «Хорошо, что, поскольку он страдает бессонницей, у него остается уйма (букв. 'количество') времени по ночам, чтобы позаниматься».

В отношении кванторных фразеологизмов следует отметить, что большинство из них представлено структурами предлог + S. Концепт множества создается на основе типовых образов — мыслительных картинок неких емкостей: *por un tubo* (букв. 'трубой'), *a punta pala* ('лопатой'), *a manos llenas* ('полными руками'), *a puñados* ('пригоршнями'), *a mansalva* ('свободной рукой'): *Margarita es tan buena y tan agradable que tiene amigos a manos llenas* (Buitrago: 10). «Маргарита такая добрая и приятная, что у нее полно (букв. 'полные руки') друзей». *Ese tiene dinero por un tubo* (Carandell: 149). «У него полно (букв. 'трубой') денег». *El campo está precioso, con estas últimas lluvias han salido flores a mansalva* (Buitrago: 10). «Поле чудесно, после последних дождей появилась уйма (букв. 'свободной рукой') цветов». Так же создаются представления о больших поверхностях: *a manta [de Dios]* (букв. 'под покрывалом [Бога]'), *a todo pasto* ('во все пастбище'): — *Con catástrofe o sin ella yo quiero entrar en el milenio bien limpia — precisó Candela Robles de Suñón...* — *Eso siempre — dijimos todas. — Y cremi-tas a manta* (Chulas: 376). «Будет конец света или нет, но я хочу войти в новое тысячелетие чистенькой, — уточнила Кандела Роблес де Суньон... — Это обязательно, — сказали мы хором, — И уйма (букв. 'покрывало') кремев».

Мера веса (арроба — 11,5 кг) также служит для выражения идеи большого количества: *Hoy llegó correspondencia por arrobas, tendré que pasarme el día leyendo y contestando cartas* (Varela: 15). «Сегодня пришла тонна писем, мне придется весь день читать и отвечать на них». *Me tenía totalmente encantada. Tenía la gracia por arrobas, y se veía en sus dibujos, que es una pena que no se conozcan más, porque dibujaba muy bien* (Memorias: 118). «Он совершенно очаровал меня. У него была бездна вкуса, и это видно по его рисункам, которых, к сожалению, сейчас никто не знает, а рисовал он очень хорошо».

Существует также ряд сравнений, употребляющихся для квантификации объекта мысли. В качестве эталона сравнения могут выступать представления о некоем множестве, силе, которые могут остановить повозку, поезд: *como para parar un carro / un tren* (букв. 'как если бы остановить повозку/поезд'): *En vuestra casa hay libros para parar un carro* (Simeonova: 34). «У вас в доме уйма книг». *Y luego, en Méjico, he tenido de multimillonarios como para parar un tren, pero a quien quise fue a León Felipe* (Memorias: 121). «И позднее, в Мексике, у меня был воз и маленькая тележка мультимиллионеров, но любила я только Леона Фелипе». Сравнения с большими по размеру предметами или сооружениями: *piano* ('пианино'), *casa* ('дом'), *catedral* ('собор'), *templo* ('храм'), *copa de un pino* ('крона сосны') широко используются в испанской разговорной речи для выражения идеи большого количества: *¡Y qué vasazo de agua me voy a meter ahora mismo! Como una catedral* (Jarama: 21). «Ну и стаканище воды я сейчас выпью! Огромный (букв. 'как собор')».

Числительные 4, 7, 100 в составе фразеологических единиц испанского языка получают значения большого количества, видимо, исходя из символических значений: 4 — символ упорядоченности, организации, следовательно, *más de cuatro* (букв. 'больше четырех') означает нечто, превышающее упорядоченность, т. е. множественность, 7 — символ изобилия (*más que siete* — букв. 'больше семи', т. е. много), 100 — символ полноты, множества, избытка (*ciento y la madre* — букв. 'сто и мать', т. е. большое скопление людей): *Esa familia son ciento y la madre* (Carandell: 132). «Это огромная семья».

При исследовании семантических дериватов и фразеологизмов количественной оценки встает закономерный вопрос их сочетаемости с именем и глаголом, поскольку абсолютное большинство сочетается и с именем, и с глаголом. Анализ языкового материала показал, что при сочетаемости с именем происходит квантифи-

кация объекта оценки исходя из наличия в семантике существительного сем исчисляемости или собирательности, а при сочетании с глаголом интенсифицируется процессуальная сема: *cucarachas a manta* — *llueve a manta* ('полно тараканов' — 'льет как из ведра', букв. 'покрывалом'); *cantidad de libros* — *trabaja cantidad* ('огромное количество книг' — 'очень много работает', букв. 'количество'); *gente por un tubo* — *habla por un tubo* ('полно людей' — 'очень много говорит', букв. 'трубой').

Также следует отметить широкую сочетаемость образов множества с одушевленными и неодушевленными, конкретными и абстрактными именами: *hostia de gente / de libros* ('куча народу/книг', букв. 'облатка причастия', перен. 'дрянь'), *tira de gente / de libros* ('тма народу/книг', букв. 'лента'), *gente a punta pala / libros a punta pala* ('полно людей/книг', букв. 'лопатой'), *una burrada de gente / de pasteles* ('куча народу/пирожных', букв. 'ослиный табун'), *dinero por arrobas / gracia por arrobas* ('море денег/вкуса (изыщества)', букв. 'арробами') и т. д., чем и объясняется их возможная взаимозаменяемость в контексте. Основным фактором кванторной оценки является ассоциативная метафора, способная устанавливать количественное сходство между любыми объектами окружающего мира. Анализируя образы множества, Н. А. Лукьянова пришла к выводу, что в их лексическом значении нет собственно денотации, ее место занимает сигнификат, передающий лишь идею количества [Лукьянова 1986: 125]. Г. Н. Складаревская, в свою очередь, считает, что, во-первых, нельзя говорить об утрате денотации, поскольку в норме и денотат, и сигнификат существуют в неразрывном единстве, и во-вторых, «очищение» сигнификата от денотативного содержания возможно лишь в случаях утраты ассоциативного потенциала лексической единицы [Складаревская 1993: 77–78]. Наши наблюдения над языковым материалом показали, что образы множества сохраняют наглядные представления, и следовательно, нельзя говорить об утрате денотативного содержания.

Количественная оценка в данном подразряде структурируется на комбинировании нормативной оценки (*гора, бочка, батальон, собор* — это ненормативно много) и эмоциональной оценки, выражающей чувства говорящего.

Анализ материала свидетельствует о том, что образы множества являются подвижной лексико-фразеосемантической группой испанской разговорной речи, постоянно пополняющей свои ряды.

СОКРАЩЕНИЯ

- Bajarse — *Alonso Santos J. L.* Bajarse al moro. Madrid, 1991.
- Beinhauer 1992 — *Beinhauer W.* El español coloquial. Madrid, 1992.
- Buitrago — *Buitrago Jiménez A.* Diccionario Espasa. Dichos y frases hechas. Madrid, 1997.
- Carandell — *Carandell L.* Diccionario de la espanyología. Madrid, 1998.
- Colmena — *Cela C. J.* La colmena. Madrid, 1992.
- Cripta — *Mendoza E.* El misterio de la cripta embrujada. Barcelona, 1990.
- Cronen — *Mañas J. A.* Historias del Cronen. Barcelona, 1998.
- Chulas — *Moix T.* Chulas y famosas. Barcelona, 2001.
- Isla — *Goytisolo J.* La isla. La Habana, 1962.
- Jarama — *Sánchez Ferlosio R.* El Jarama. Barcelona, 1994.
- Memorias — *Montiel S.* Memorias. Vivir es un placer. Barcelona, 2001.
- Mujercísimas — *Moix T.* Mujercísimas. Barcelona, 1999.
- Mundo — *Zamora Vicente A.* El mundo puede ser nuestro. Madrid, 1976.
- Pasión — *Gala A.* Pasión turca. Barcelona, 1993.
- Simeonova — *Simeonova S.* Vocabulario del español coloquial. М., 2001.
- Varela — *Varela F., Kubarth H.* Diccionario fraseológico del español moderno. Madrid, 1994.
- Voces — *Zamora Vicente A.* Voces sin rostro. Madrid, 1989.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Балли 1961 — *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Ивин 1970 — *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970.
- Кабальеро Диас 1983 — *Кабальеро Диас Л. Х.* Принципы сопоставления функционально-семантических полей в неблизкородственных языках (на материале средств выражения неопределенно большого количества в русском и испанском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983.
- Лукьянова 1986 — *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного словоупотребления. Новосибирск, 1986.
- Скляревская 1993 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Телия 1986 — *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Н. Б. Мечковская

ГРАДУАЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА В ГРАММАТИКЕ, ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ: УРОВНЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И МЕЖУРОВНЕВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

1. Историческое введение: «счислимое», «измеримое» и «соотнесенное» у Аристотеля

В онтологии различение количества и градуальности восходит, по-видимому, к Аристотелю, который в «Метафизике» различает два основных вида количества — «счислимое» (дискретное, т. е. делимое на составные части, которые образуют множества и поддаются счету) и «измеримое» (непрерывное, неделимое и потому допускающее не счет, но измерение) [Аристотель 1975: 164]. К недискретным сущностям Аристотель относил пространство, время, движение.

Аристотель показал также, что для разных вещей категория количества существенна в разной степени: «одни вещи называются количеством сами по себе, другие — как привходящее (например, линия есть некоторое количество само по себе, а образованное — как привходящее)... ибо в определении, обозначающем, что такое линия, содержится „некоторого рода количество“»; «из того, что называется количеством как привходящее», Аристотель указывает на «образованное и бледное», ибо в них «количество» не самостоятельно, но привнесено, «поскольку то, чему они присущи, есть некоторое количество» [Там же: 165]. Различение Аристотелем «самостоятельных» и «привходящих» категорий позже будет развито в схоластике (применительно не только к количеству, но и другим категориям): противопоставление сущностных (субстанциональных) свойств вещей и второстепенных или случайных (акциденциальных) свойств. Указанное различение важно и для понимания градуально-количественных языковых значений.

При обсуждении градуальных и квантитативных значений важна также аристотелевская категория «соотнесенное» (*to pros ti*), о которой речь идет в ряде книг «Метафизики». Это одно из самых крупных обобщений Аристотеля: оно охватывает «всё», становясь почти бессодержательным, сохраняя, однако, главное — идею соотнесения (в познающем уме) разных сущностей в качестве первого шага на пу-

ти к их пониманию. Именно «соотнесение» выявляет различия: «...большое и малое и все тому подобное необходимо есть нечто соотнесенное; ...для него одного нет ни возникновения, ни уничтожения, ни движения в отличие от того, как для количества имеется рост и убыль, для качества — превращение, для пространства — перемещение, для сущности — просто возникновение и уничтожение» [Там же: 352]. В формально-логическом аспекте градуальность предстает как разновидность «соотнесенного», и именно та его разновидность, которая коррелирует с количеством.

Однако в когнитивно-психологическом и языковом аспектах функции градуальности правомерно рассматривать более широко, поскольку в обыденном сознании и языке градуирование распространяется на те феномены и ситуации, где измерение едва ли возможно. Однако сознание и язык продолжают генерировать градуально-количественные значения (далее ГрКо-значения): градуируется все субъективно-психологическое, в том числе этическое и эстетическое, все тонкое, летучее, индивидуальное — например, способность вызвать смех, радость, или степень внимательности, заботливости, высокомерия, уныния, искренности... Ср. обычные компаративные формы: *смешнее, беззаботней, небрежней, радостнее, изящнее, уродливей, лицемерней* и т. п. или обороты *животики надорвешь, умру со смеху, согнуть в три погибели, видеть на три аршина под землей* и т. п.

2. Уровневое распределение градуальных и количественных значений

В языкознании градуальность и количество рассматриваются преимущественно как одна функциональная или когнитивно-языковая макрокатегория количественности [ТФГ 1996; Мечковская 2001a], однако все чаще градуальность и количество понимаются как две хотя и взаимосвязанные, но разные категории [Воротников 1999; большинство работ в Jachnow 2001 и Kiklevič 2001]. Разные решения связаны, во-первых, с более или менее широким определением границ градуальности, во-вторых, с тем, что граница между градуальностью и количественностью во многих случаях зависит от контекста. В целом градуальные и количественные значения вполне различимы в грамматике и словообразовании, но диффузны в большей части лексики и во всей фразеологии.

В грамматике градуирование выражается в глагольных категориях времени, вида и способа действия (если они есть); в конструкциях со степенями сравнения; в словообразовании — с помощью

моделей, по которым создаются так называемые формы степени качества (*беловатый, злущий*) и слова со значением уменьшительности, увеличительности, чрезмерности (*ручка, ручища, ручкастый, носатый*); в лексике — с помощью слов *далеко, рано, тяжелый, дорого* и т. п. Все временные значения (в грамматике и лексике) градуальны, потому что люди могут помыслить время не иначе как путем соотнесения того времени, о котором говорится, с календарем или циферблатом. См. таблицу 1.

Количественные значения в чистом виде представлены в количественных числительных; даже у семантически близких к ним собирательных числительных к семантике количества добавляется либо значение лица мужского пола, либо парного/составного предмета (обозначенного словом *pluralia tantum*): *трое мужчин* или *трое штанов*). В семантике других дериватов от количественных числительных (*третий, тройка, троица, утроить* и т. д.) неколичественные семантические компоненты более сложны, разнообразны и конкретны.

На уровне лексики и фразеологии разделять градуальные и количественные значения удастся только для меньшей части слов (например, градуальная семантика слов *рано, давно, пропорционально, (а)симметрично* vs. количественность семантики количественных числительных). В большей части лексики и во всей фразеологии градуальность и количественность выступают как две метонимические грани одного семантического инварианта. Например, в высказывании *Ждал до трех часов* указывается не количество времени, а граница временного отрезка, т. е. сочетание *до трех часов* имеет градуальное значение, в то время как в высказывании *Ждал три часа* сочетание *три часа* обозначает количество времени. Семантическая лабильность сочетания *три часа* обусловлена его разными синтаксическими возможностями. Подобная картина наблюдается и в сфере несвободных сочетаний лексем (во фразеологии).

3. Границы и структура лексико-фразеологического поля ГрКо-значений

Границы ГрКо-лексики и фразеологии определяются наличием в семантике слова или фразеологизма (в ядерной или периферийной части значения) ГрКо-компонента. На практике наличие ГрКо-компонента может быть установлено по наличию в словарном толковании лексемы (или фразеологизма) хотя бы одного из тех слов, которые фигурируют в Таблице 1 под индексами 5.1, 5.2, 6.1, 6.2. Вслед за Э. Сепиром их можно назвать градуаторами

Таблица 1. Уровневое распределение градуальных и количественных значений

Уровни языка	Классы/категории языковых явлений, передающих	
	градуальную семантику	количественную семантику
Морфология (групповые грамемы)	1.1. степени сравнения; 1.2. время глагола; 1.3. вид глагола; 1.4. способы действия	2. грамматическое число (независимое в субстантивах и «техническое» в адъективах и глаголах)
Синтаксис		3. смысловые потенции порядка слов и вариантов координации компонентов в количественных конструкциях (7 км — километров 7; учи(а)тся более 100 человек)
Словообразование (область групповых значений) и лексика (область единичных/индивидуальных узусальных и окказиональных значений)	4.1. дериваты со значением степени качества/признака (<i>беловатый, белехонький; носатый, грудастая; головастый; головка, ножища</i>); 4.2. обозначения точек или отрезков на временной оси (<i>давно, рано, послезавтра; зима, ночь, отпуск</i>), а также в пространстве (<i>впереди, направо, далеко, симметрично</i>)	5.1. количественные числительные; 5.2. количественные местоимения и неопределенно-количественные слова (<i>много, мало, немного, несколько, столько, сколько-нибудь</i> и др.)
	6.1. дериваты от количественных числительных (<i>трое, третий, тройной, тройка, тройский, троиться, утроить, тройственный, третичный, тройчатка, триада, трио, триптих, треугольник, трехпроцентный</i> и т. д.); 6.2. названия средств счета и измерения: меры, эталоны, квантификаторы (<i>верста, пуд, час; расстояние, вес, время, деньги, стоимость, доля, прогрессия, процент, сумма, числитель; едва, еще, очень, пока, слишком, совсем, сразу, уже, чересчур, чуть</i> и др.); 6.3. слова, в семантике которых имеется элементарный ГрКо-компонент (<i>высокий, великан, вышка, небоскреб; кулич, ливень, лоза, локаут, локоть, лом, лопата, лопух, лохань</i> и тысячи других)	

Фразеологические и свободные соединения слов (область единичных (узальных и окказиональных) значений)	<p>7.1. фразеологические соединения слов, выражающие ГрКо-значения (<i>арифметическая прогрессия, верста коломенская, высшая мера, в конце концов, лицом к лицу, не сегодня завтра, ни больше ни меньше, один за другим, пуд соли съест, табель о рангах, тройственный союз</i> и т. п.);</p> <p>7.2. свободные словосочетания со ГрКо-значением (<i>пять соток, дачный участок, лужайка возле дома, рота хлебников, капля терпения, ростом под потолок, за два квартала, целая канистра, два градуса мороза</i> и т. п.);</p> <p>7.3. свободные словосочетания, обозначающие меру и количество времени, точки или отрезки времени на временной оси (<i>день пути, в позапрошлом веке, через два года, всю третью четверть, горы времени</i> и т. п.)</p>
--	---

и квантификаторами [Сепир 1985]. Это следующие группы слов: 1) числительные; 2) названия единиц измерения и других понятий, относящихся к измерению и счислению (*шаг, час, фунт, градус, литр; количество, мера, измерение, дробь, величина, ранг, разряд, степень, координаты, вертикаль, параллельно, упорядочение* и т. п.); 3) параметрические и близкие к ним слова: *абсолютно, близкий, более, больше, большинство, большой, быстро, вдоволь, внезапно, взрослый, время, все, всегда, всюду (повсюду), всякий, высокий, глубокий, давно, далекий, дешево, длинный, довольно ('достаточно'), долго, дорого, достаточно, едва, зад* (противоп. *перед*), *задний, избыток, иногда, каждый, конец, короткий, легкий, мало, малый, медленно, мелкий, менее, меньше, меньшинство, много, множество, молодой, начало, недавно, недостаток, неожиданно, несколько, низкий, нисколько, никто, ничто, нигде, никогда, ничей, новый, очень, перед, передний, поздно, полностью, поровну, прежде, простой, сложный, равный, ранний, рано, редкий, сильный, слабый, совершенно, старый, теперь, тогда, тяжелый, узкий, целое, часто, часть, частый, широкий*; 4) те дериваты приведенных слов, которые сохраняют ГрКо-сему, а также синонимы и перифразы (*всяческий, маленький, на отшибе, отдаленный, скудно, старинный, стародавний, юный* и т. п.), встречающиеся в толкованиях оборотов (прежде всего во фразеологических словарях). Понятно, что при указанном определении границ ГрКо-поля оно включит в себя многие тысячи слов и фразеологизмов¹.

¹ Предложенное понимание границ градуальности — отнюдь не самое широкое. Существенно шире трактовал градуирование Э. Сепир, различая в его проявлениях четыре степени эксплицитности, в том числе — класс «потенциально градуируемых слов», на том основании, что «каждое исчисляемое, будь то предмет

Такова реальность: ГрКо-значения буквально пронизывают все тематические области сознания и языка, при этом насыщенность ГрКо-семантикой современной речи возрастает (см. в этой связи [Мечковская 20016]).

Значимость ГрКо-компонента в семантике слова или фразеологизма, входящего в ГрКо-поле, может быть разной: субстанциональной или акциденциальной (в указанном в п. 1 смысле, восходящем к Аристотелю и схоластам), с рядом промежуточных случаев. Разнообразие пропорций, в которых могут соединяться градуально-количественный и иные семантические компоненты, легко видеть по разной представленности «одноименных» ГрКо-значений в нескольких лексемах. Так, в словах *высота* (в значении 'протяженность по вертикали снизу вверх'), *рост* ('размер человека и животного в высоту'), в слове *большой* ('значительный по величине, размерам'), в слове *высокий* ('имеющий большое протяжение снизу вверх') ГрКо-значение является ядерным (субстанциональным). Однако в словах *великан*, *лилипут* или в словах *высота* ('возвышенное место, холм'), *высотка* ('высотное здание в Москве'), *небоскреб* ГрКо-значение является не «субстанцией», но «акциденцией», хотя и «1-го ранга»: в семантике этих слов параметр высоты представлен как самый важный признак названных предметов. Далее, в словах *вышка*, *кулич*, *лохань* ГрКо-значение 'высота' предстает уже не как «1-я акциденция», но как более периферийный компонент, в разной мере отдаленный от ядра. Так, в слове *вышка* (в его 2-м, по МАС, значении: 'узкое высокое строение или площадка на высоких столбах и т. п., имеющие специальное назначение') ГрКо-значение занимает более важное место (ближе к ядру), чем в слове *кулич* 'сладкий сдобный высокий хлеб цилиндрической формы (по православному обычаю такой хлеб выпекается ко дню Пасхи)' или в слове *лохань* 'деревянная клепочная посуда круглой или овальной формы, с невысокими краями для различных надобностей (для мытья посуды, стирки белья, для помоев)'. Тем не менее наличие в словарной дефиниции параметрических прилагательных (*высокий*, *невысокий*) является основанием для того, чтобы в семантике всех приведенных слов констатировать наличие ГрКо-значения.

В семантике ГрКо-фразеологизмов, как и в словах, ГрКо-компонент может быть достаточно периферийным, второстепенным или третьестепенным. Например, в сравнении *заживает как на со-*

(например, *дом*) или действие (например, *бежать*), качество предмета (например, *красный*) или действия (например, *грациозно*), по природе своей поддается градуированию» [Сепир 1985: 44–46].

баке ('быстро и само собой, без лечения' [Федоров 1991: 171] важно указание не только на скорость, но и на естественность, легкость процесса, когда все идет самой собой. Во фразеологии часто труднее, чем в лексике, решить, какой компонент (ГрКо или не-ГрКо) «важнее» для семантики оборота в целом, настолько они переплетены; ср. *калиф на час*, где ГрКо-компонент (*на час*) девальвирует значимость того, что названо первым словом, или оборот *молодо-зелено*, где оба компонента сами по себе, вне оборота имеют как ГрКо-значение ('молодой'), так и психологическое ('неискушен, несведущ, неопытен вследствие молодости').

Для понимания роли ГрКо-значений в языке существенно отметить, что во фразеологии разных языков есть идиомы с числительными, но при этом без количественного компонента в семантике оборота — такие, как *двадцать два несчастья* ('о неудачнике, несчастливом человеке' [Шанский 1987: 42]), *знать как свои пять пальцев* 'очень хорошо, обстоятельно знать' [МАС 3: 13], *как дважды два (четыре)* 'о чем-л. очень простом или очевидном' [МАС 1: 367], *кругом шестнадцать* 'одни неприятности, всё плохо' [Молотков 1967: 214], *ни два ни полтора* 'нечто неопределенное; ни то ни се' [МАС 1: 367], *нужен как собаке пятая нога* 'решительно не нужен' [МАС 3: 574], *пятое колесо в телеге* 'о ком-, чем-л. совершенно бесполезном, ненужном' [МАС 2: 72], *пятое через десятое (рассказывать)* 'беспорядочно, без связи, перепрыгивая с одного на другое' [МАС 3: 574], *семеро одного не ждут* 'из-за того, что кто-то опаздывает, дело не может откладываться' [Шанский 1987: 132], *согнуть/гнуть в три погибели* 'жестоко эксплуатировать, тиранить' [Молотков 1967: 109], *сорок два с кисточкой!* ('шутливо-фамильярное приветствие при встрече', [Молотков 1967: 447], *считаю до трех* 'выражение нежелания ждать, переход к активным действиям против собеседника' [БелБут: 150] и т. п. Количественное значение в таких оборотах выветрилось, оно принадлежит только внутренней форме идиом, т. е. их предыстории. Подобные факты свидетельствуют о том, что в сознании человека числовые значения являются древними, элементарными и, следовательно, фундаментальными. Семантика количества (во всяком случае, до первого десятка), возможно, принадлежит врожденным значениям².

На основе различения субстанциональных и акцидентальных ГрКо-значений представляется возможным различать в лек-

² Об этом свидетельствуют положительные результаты в опытах по обучению макаков правильно выстраивать градацию из совокупностей (разных предметов) от 1 до 9 (см. публикацию в «Science» 23.10.1998).

сико-фразеологическом поле ГрКо-значений ядро и периферию. Ядро ГрКо-поля составляют лексико-фразеологические средства с субстанциональной ГрКо-семантикой. Они группируются в пять тематических разрядов: 1) эталоны обыденной метрологии; 2) пространство, объем, рост, размер; 3) время, скорость, возраст; 4) вес, масса; 5) деньги. Из них древнейшей группой является «пространство», затем «время», затем «деньги». Концепты, относящиеся к «массе», исторически складывались в тесной связи с представлениями о размерах: 'большой (по объему), крупный' и 'много'; нередко в сознании они связаны со значениями 'большой по весу, тяжелый'. Лексика и фразеология с ГрКо-значениями за пределами названных групп составляют периферию рассматриваемого поля.

4. Функциональная близость и когнитивные различия градуирования и количественной оценки

4.1. Градуирование и количественная оценка — начальная и конечная фазы когнитивного процесса квантификации. Достоверные и убеждающие суждения о качестве разных феноменов жизни создаются людьми на основе ГрКо-оценок (характеристик) соответствующих явлений. Градуирование и количественная (или квазиколичественная) оценка выступают как аргументы в суждениях о качестве и поэтому образуют по отношению к категории качества относительное единство. Если в качественных характеристиках предметов можно видеть цель и смысл познания, то градуальные и связанные с ними количественные оценки/характеристики выступают «вместе» и «заодно» — как инструмент и метод познания. Однако на предшествующем («до-качественном») этапе познания градуирование и количественная оценка существенно различны в когнитивном плане и в своих языковых воплощениях, поэтому различать семантику градуальности и семантику количества полезно.

Градualmente значения вырабатываются сознанием путем соотнесения (сравнения/сопоставления) двух или ряда предметов. Операция соотнесения выступает как главная (фундаментальная, элементарная и самая частая) мыслительная операция, а ее результат (также самый элементарный и самый частый продукт работы сознания) предстает как вывод о том, например, что 'некоторое качество характерно для предмета А в большей (или меньшей) степени, чем для предмета В'. Например, когда минчанин гово-

рит, что *Путь в Москву долгий*, то за оценкой стоит сравнение с дорогой из Минска, допустим, до Бреста, а не до Нижнего Новгорода. Когда говорится, что *Вася хороший*, это значит, что говорящий убедился, что Вася лучше Пети, Сережи и ряда других людей.

О том, что градуирование предшествует количественной оценке, писал Э. Сепир: «Первое, что следует отчетливо осознать, — это то, что градуирование как психологический процесс предшествует измерению и счету. <...> Иными словами, суждения о количестве в терминах единиц измерения или на языке чисел всегда явно или неявно предполагают предварительные суждения о градуировании» [Сепир 1985: 43]. «Очень важно понять, что психологически все компаративы первичны по отношению к своим абсолютам („позитивам“)» [Там же: 47]³.

4.2. Область градуирования шире, чем область применения количественных оценок. Верно, что всякая количественная семантика имеет в своем анамнезе градуальные представления, которые выступают как предпосылка или ступень в формировании количественных значений. Однако не всякое градуирование продолжается в области количественных значений. Этот вывод подсказан, с одной стороны, аристотелевской категорией «соотнесенное» (см. п. 1), а с другой, — фактами фразеологии, именно обилием средств для ГрКо-оценки таких явлений, по отношению к которым количественные мерки в реальности отсутствуют.

В частности, во фразеологии есть оценки степени осведомленности, наслышанности, усвоенности информации (*краем уха, до мозга костей, знать как свои пять пальцев, впитать с молоком матери*); оценки разговорчивости, болтливости или, напротив, молчаливости или затрудненности в речи (*строчит как пулемет, трещит как трещотка, молчит как рыба, как сыч, словно язык отрезали, словно язык проглотил, у него слово слову костыль подает, говорит что родит*); степени ума и проницательности (*семи пядей во лбу, ума палата, на три аршина видит*); есть эта-

³ Ср., Впрочем, более дифференцированную картину зависимостей между позитивом и компаративом, полемическую по отношению к Сепиру, предложенную в 1971 г. А. Вежбицкой: «Разнообразные примеры, как кажется, подсказывают следующую гипотезу: когда речь идет о качественных и „возможностных“ отношениях, первичным является компаратив, в случае оценок, мнений, чувств и позиций первичен позитив, а компаратив вторичен, когда же речь идет о прилагательных, обозначающих ощущения, первичен позитив, а компаратив, хотя и является семантически более сложным, не толкуется прямо ни через соответствующий позитив, ни через какой-нибудь другой компаратив» [Вежбицкая 1990: 137].

лоны сытности и голодной жизни (*кормить как на убой, есть не хочу; кишка кишке кукиш кажет; питаться акридами*); эталоны освещенности, разборчивости, различимости, ясности (*хоть иголки собирай, как на блюдечке, хоть глаз выколи, ни зги не видать*); степени испуганности, бесстрашия, беспечности (*ни жив ни мертв, душа в пятки ушла, духу не хватает, море по колено*); степени угнетения/угнетенности (*в три погибели гнуться, есть поедом*); степени отдаленности родства (*седьмая вода на киселе, нашему забору двоюродный племян*); степени неправдоподобия речей (*семь верст до небес и все лесом*); степени крепости, безмятежности сна (*спать мертвецки, уснуть мертвым сном, спит как убитый, как зарезанный; уснул точно в яму провалился; спать как барсук, как медведь, как сурок, как суслик, спать без задних ног, как младенец, сном праведника, спит, как пшеницу продавши*) и, напротив, тревожности сна, при этом устойчивая бессонница в ГрКо-сравнениях связывается с нечистой силой (*не спать как домовой, как леший, как лунатик*; см. [Огольцев: 699]; есть недавний по времени оборот, в котором фигурирует как бы единица смеха: *три ха-ха* 'о чем-л. заслуживающем осмеяния, способном вызвать смех' [Шанский 1987: 146]⁴.

4.3. Семантика градуальности носит неэлементарный (составной) характер: она как минимум бинарна. К. Тафель, развивая мысль Сепира о том, что градуирование является предпосылкой для формирования представления о количественности, подчеркивает бинарность, или «двуобъектность», самой мыслительной процедуры градуирования: «Градуирование имеет место лишь в области различий (в строго логическом значении), и ему всегда необходимы как минимум две величины, т. е. делимое количество» [Тафель 2001: 206; см. также Tafel 2001].

Градуирование есть всегда соотнесение как минимум двух представлений: предмета мысли с другим предметом, или с эталоном, или шкалой (линейкой, циферблатом, континуумом). Поэтому градуирование по природе неоднocomпонентно; как минимум оно бинарно, но часто — тернарно (*Ваня пишет быстрее сестры, но все равно это медленно*) или еще более сложно (*У Вани было два старших брата, один младший и еще две младших сестры* и т. д.).

Операции сравнения или измерения, составляющие когнитивное наполнение процесса градуирования, завершаются итоговой количественной оценкой (в тех случаях, когда градуируемые сущности поддаются счету или измерению), т. е. градуирование «перерастает»

⁴ По мнению авторов словаря, оборот восходит к режиссерским ремаркам.

в количество, которое может мыслиться уже нерасчлененно, как единое целое. В отличие от количественного значения, градуирование в когнитивном плане аналитично. Поэтому, если множественность в формально-языковом плане может видаться как совокупность, как единство и поэтому выступать вполне монолитно (*молодежь, ректорат, стадо*; в синтаксисе сказуемое может координироваться с множественным субъектом в форме ед. ч.: *пришел (пришли) брат с сестрой* и т. п.), то градуальное значение не бывает элементарным, это как минимум семантический бином.

Градуальные значения, представленные в поверхностных синтаксических структурах, эксплицируются аналитически (в комбинациях из элементов). Однако если градуальная семантика «перерастает» в количественную, то в таких случаях градуальность оказывается своего рода промежуточной когнитивной ступенью и присутствует в «снятом» имплицитном виде — как предпосылка «итогового» количественного значения, представленного эксплицитно.

5. Различия между лексикой и фразеологией в характере концептуализации градуально-количественных значений

В области ГрКо-семантики различия между лексикой и фразеологией отчасти соответствуют тому обычному «разделению труда» между словами и фразеологизмами, которое наблюдается в той или иной сфере номинации элементов опыта. ГрКо-фразеология в целом предстает как область маркированных средств (экспрессивно-оценочных, обобщенных и/или приблизительных, идиоматичных и/или образных, национально-культурно окрашенных, с менее обобщенной и более конкретной семантикой, что коррелирует также и с более избирательной сочетаемостью). Однако, помимо перечисленных тривиальных различий, имеются различия, связанные со своеобразием генерации ГрКо-значений.

Фразеология предстает как та естественная языковая среда, в которой происходит кристаллизация узуальной ГрКо-семантики. В силу природной (когнитивной) бинарности градуальной семантики, ее выражение в словосочетании (т. е. в эксплицитно аналитической форме) типологически предшествует представлению ГрКо-значений в отдельных словах. ГрКо-семантика начинает формироваться в бесчисленных свободных сочетаниях слов в речи и кристаллизуется по мере фразеологизации сочетаний слов, т. е. по мере развития в них свойств устойчивости и/или идиоматичности, в чем и состоит процесс превращения свободных сочетаний слов во фразеологические оборо-

ты. В количественном отношении ГрКо-обороты образуют представительный массив фразеологии, составляющий в среднем 54% словника фразеологических словарей. Ср. данные по четырем словарям (для каждого из них проводилось три замера по 100 фразеологизмов).

**Таблица 2. Удельный вес ГрКо-фразеологизмов
во фразеологических словарях**

Словари	Процент ГрКо-фразеологизмов
Молотков 1967	64
Шанский 1988	64
Федоров 1991	48
Мокиенко 1998	42
Выборочная средняя	54

Проведенные подсчеты дают основания полагать, что удельный вес ГрКо-фразеологизмов во всем объеме фразеологии выше, чем доля ГрКо-лексики во всей лексике. В каждом из четырех томов МАС из двух разных мест (выбранных наугад) было выписано по 100 слов и затем в каждой сотне был подсчитан процент слов, имеющих хотя бы одно ГрКо-значение (по критериям, сформулированным в п. 3). В 8 сотнях слов доля слов с ГрКо-семантикой варьировалась широко — от 18 до 80% (потому что сотня слов — это не вполне представительная единица для словника 4-томного словаря), но выборочная средняя составила 42%. Соотнесение этого показателя со средним удельным весом ГрКо-фразеологизмов во фразеологических словарях (54%) позволяет заключить, что для фразеологии ГрКо-семантика более приоритетна, чем для лексики.

6. Своеобразие ГрКо-фразеологии: повышенный удельный вес неидиоматических и необразных оборотов

Аналитизм и бинарность градуальных значений (создаваемых в соединениях слов) объясняет существенное отличие ГрКо-фразеологии от других семантических групп фразеологии, возможно, от всей остальной фразеологии. Как известно, фразеология в целом — это средства вторичной и не прямой номинации⁵. Однако

⁵ Ср., как В. И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» (1861–1862) определял такие обороты, как *у него не все дома, одного поля ягода, один как верста в поле, чужими руками жар загребает* (т. е. в современной терминологии типичные фразеологизмы): «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк» [Даль 1957: 20].

для значительной части ГрКо-фразеологии это не так. Своеобразие ГрКо-фразеологии состоит в том, что здесь вот этих «окольных» (непрямых), «переносных», вторичных и образных «иносказаний» и «обиняков» существенно меньше, чем в остальной фразеологии. Значительная часть ГрКо-фразеологии — это именно прямые, в типологическом смысле первые названия Гр-представлений, эксплицитно передающие «составленность», двукомпонентность процедуры соотнесения, когда обозначается и объект соотнесения, и эталон или точка отсчета.

Типологическая первичность ГрКо-фразеологии (в сравнении с ГрКо-лексикой) выражается в обилии необразных и вообще неидиоматических и неэкспрессивных (или слабо экспрессивных) оборотов, восходящих к вполне тривиальным словосочетаниям, которые были первичным аналитическим наименованием нужного представления (а не экспрессивным «обиняком», заменой однословного наименования). Эту массу необразных фразеологизмов составляют два класса оборотов: по распространенной терминологии, учитывающей степень семантической слитности оборотов, это фразеологические сочетания и фразеологические выражения (см. [Виноградов 1977; Шанский 1963]).

Класс фразеологических сочетаний объединяет обороты, включающие слово с ограниченной, ущербной сочетаемостью (такое слово не имеет свободного хождения за пределами данного оборота); по четкой матрице И. А. Мельчука, это устойчивые неидиоматические сочетания лексем [Мельчук 1960: 79]. В любой этнической фразеологии разряд фразеологических сочетаний — самый немногочисленный. В русской ГрКо-фразеологии он представлен относительно небольшой группой оборотов, таких как *(в) один присест, в три погибели, для пущей важности, до последнего издыхания, за тридевять земель, за тридцать сребреников, испокон веку, коломенская верста, лапидарный слог, во всю прыть, во сто крат, бальзаковский возраст, бильем поросло, высокосный год, плакать навзрыд, последний из могикан* и т. п.; список, конечно, не полон.

Класс фразеологических выражений, напротив, достаточно многочислен, хотя это самый «незаметный» класс (незаметный потому, что объединяет наименее «фразеологичные» обороты). Разряд заметил в свое время Н. М. Шанский, подключив его к виноградовской классификации фразеологизмов по степени их семантической слитности в качестве четвертой группы. Все слова, входящие в состав «фразеологических выражений», выступают в своих словарных (узуальных) значениях, поэтому вся «фразеоло-

гичность» подобных оборотов состоит единственно в их воспроизводимости в качестве «готовых единиц с постоянным составом и значением» [Шанский 1963: 84]. В терминах раннего Мельчука, это неустойчивые неидиоматические и при этом несвободные сочетания лексем [Мельчук 1960: 79]; в его позднейшей работе они названы квазиидиомами, или квазифразами [Mel'čuk 1995: 177–179]. Фразеологические выражения в целом восходят к свободным словосочетаниям, которые на почве простого частого повторения в речи начинают воспроизводиться как готовые, в какой-то мере застывшие сочетания слов, выступающих в своих узуальных (словарных) значениях (в том числе и в переносных словарных значениях). Именно таков генезис множества ГрКо-фразеологизмов: это прямые фрагменты градуальных суждений, с минимальными семантическими сдвигами относительно узуальных значений слов-компонентов, ср.: *в первых рядах, дальше ехать некуда, из первых рук, как правило, как раз, лицом к лицу, любой ценой, минута в минуту, на каждом шагу, на первый взгляд, на первых порах, на скорую руку, не сегодня завтра, ни больше ни меньше, ни много ни мало, один за другим, один на один, от большого ума, от корки до корки (прочсть, выучить), от мала до велика, от начала до конца, с минуты на минуту, с некоторых пор, с первого взгляда, с первых слов, то и дело, только что, тут как тут* и мн. др.

В доказательство того, что для ГрКо-фразеологии характерен повышенный удельный вес неидиоматических и необразных оборотов, приведу результаты двух опытов измерения количественного соотношения разных групп фразеологизмов в словниках ряда фразеологических словарей (словари при этом допустимо рассматриваются как данные обширных экспериментов, участником которых были эксперты — профессиональные лингвисты).

6.1. В тематически организованном «Словаре образных выражений русского языка» (см. [Телия]) самыми мелкими группами оказались следующие три тематических разряда: «пространство», «время», «мера» (т. е. тематические группы, которые по определению принадлежат ядру ГрКо-поля, см. п. 3)⁶. Немногочисленность ГрКо-групп в словаре [Телия] объясняется тем, что это сборник

⁶ Рассматриваемое издание — это типичный учебный словарь для иностранцев; в нем 783 фразеологизма, распределенных по 16 тематическим группам; в своем роде это достаточно репрезентативный учебный корпус русской фразеологии. В словаре есть особенно ценная для используемого подхода черта: все обороты пронумерованы, что позволило подсчитать количество фразеологизмов в каждой тематической группе и в словаре в целом.

образных оборотов, но именно образных клише в ГрКо-фразеологии меньше, чем в других тематических группах фразеологии (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Три самые крупные и три самые мелкие тематические группы (из 16) в «Словаре образных выражений русского языка» под ред. В. Н. Телия (М., 1995)

Группы фразеологизмов	Объем группы	Ранг группы
Деятельность	154 (19,6%)	1
Поведение	112 (14,3%)	2
Речевая деятельность	62 (7,9%)	3
Мера	24 (3,1%)	14
Время	18 (2,3%)	15
Пространство	12 (1,5%)	16

6.2. В трех фразеологических словарях [Молотков 1967; Шанский 1988; Федоров 1991] в составе ГрКо-фразеологии процент необразных фразеологизмов (фразеологических выражений) выше, чем процент фразеологических выражений в остальной фразеологии. В каждом из названных словарей, а также в словаре [Мокиенко 1998] из трех разных мест было выписано по 100 фразеологизмов подряд, затем было определено, к какому из пяти классов ФО (сращение, единство, сочетание, выражение или устойчивое сравнение) относится каждый оборот и подсчитан процент («удельный вес») каждого класса ФО в каждом словаре. В Таблице 4 представлены данные о тех объемах, которые занимают фразеологические выражения в составе ГрКо-фразеологии и в остальной фразеологии.

Таблица 4. Удельный вес фразеологических выражений в ГрКо-фразеологии и в прочей фразеологии

Словари	Процент необразных фразеологизмов (фразеологических выражений) в составе	
	ГрКо-фразеологии	прочей фразеологии
Молотков 1967	22% (42:192)	19% (21:108)
Шанский 1988	55% (105:192)	47% (51:108)
Федоров 1991	35% (51:144)	15% (24:156)
Мокиенко 1998	17% (21:126)	33% (57:174)

Легко видеть, что в сфере ГрКо-фразеологии в трех первых словарях удельный вес необразных и неидиоматичных оборотов выше, чем за пределами ГрКо-фразеологии. Картину нарушает

[Мокиенко 1998], что объясняется жанром данного фразеологического словаря: это историко-этимологический словарь, в который логично включать те фразеологизмы, которые нуждаются в объяснении того, «почему мы так говорим» (а это людям интересно именно относительно образных идиом и в особенности относительно оборотов с затемненной образностью).

7. Градуирование и его отображения в стоп-кадрах фразеологии

Разнообразные значения градуальности и количественности пронизывают и наполняют собой язык не потому, что люди придают мере и количеству самодовлеющее значение, а потому что соотносить феномены жизни и констатировать различия — это единственная когнитивная возможность видеть явления и замечать их качественную определенность. При всей зависимости от рационально-рассудочных импульсов сознания, семантика градуальности легко и массово соединяется с разнообразными прагматическими значениями, включая эмоционально-экспрессивные и «внелогические» коннотации. Языковая картина градуально-квантитативных значений более разнообразна, тонка, психологична, но вместе с тем и более противоречива и сумбурна, чем логико-математическая картина измерений и счета. Поэтому лингвисты давно советовали «отказаться от узко-логического подхода к естественно-языковой квантификации» [Булыгина, Шмелев 1988: 18] — если стремиться к полноте знания о человеке.

Разнообразие градуально-квантитативных языковых значений с максимальной полнотой и живостью проявляется в сфере фразеологии — т. е. в области воспроизводимых соединений слов. Именно фразеологизированная лексическая синтагматика, запечатленная в тысячах оборотах словно жучки в янтаре, содержит свод документальных свидетельств о том, как происходит эта повседневная и массовая когнитивная операция — градуирование. Оно состоит в соотношении явлений жизни, — например, в соотношении 'начала' и того, 'что было в начале' или 'чем было начало' (*в первую очередь, на первых порах, с первого взгляда, с первых слов*), или в соотношении 'конца' с его «детерминантами» (*в конце концов, в конечном счете, по гроб жизни*), или 'целого' и его «детерминантов» (*с головы до ног, с утра до ночи, от зари до зари, вдоль и поперек*). При этом для понимания градуальности особенно ценны наименее фразеологизированные обороты (фразеологические выражения, т. е. не-идиомы и не-образы). Это побуждает придержи-

ваться более широкого взгляда на фразеологию: включать в нее не только «образы речи», но и закономерности сочетаемости лексем.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1975 — *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. М., 1975. Т. 1.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Вежбицкая 1990 — *Вежбицкая А.* Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М., 1990.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Воротников 1999 — *Воротников Ю. Л.* Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
- Даль 1957 — *Даль В. И.* Напутное // Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. М., 1957.
- Мельчук 1960 — *Мельчук И. А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4.
- Мечковская 2001a — *Мечковская Н. Б.* Грамматическая категория числа и выражение количества в русском языке // Jachnow 2001.
- Мечковская 2001b — *Мечковская Н. Б.* «И пространство торчит прейскурантом»: Число и слово в поэтике Иосифа Бродского // Kiklevič 2001.
- Сепир 1985 — *Сепир Э.* Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Тафель 2001 — *Тафель К.* Некоторые размышления о связи между количественностью и градуальностью // Kiklevič 2001.
- ТФГ 1996 — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- Шанский 1963 — *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., [1963] 1969.
- Jachnow 2001 — *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien* / Eds. H. Jachnow (et al.). Wiesbaden, 2001.
- Kiklevič 2001 — Количественность и градуальность в естественном языке — *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache* / Ed. A. Kiklevič. München, 2001.
- Mel'čuk 1995 — *Mel'čuk I. A.* Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / Eds. M. Everaert (et al.). Hillsdale; Hove, 1995.

Tafel 2001 — *Tafel K. Zum Wesen von Graduierung und deren Bedeutung für die menschliche Gemeinschaft* // Jachnow 2001.

СЛОВАРИ

- БелБут — *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь: Словарь разговорных выражений (1929 статей, 2558 единиц). М., 1994.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- Молотков 1967 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
- Мокиенко 1998 — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / Под ред. В. М. Мокиенко. СПб., 1998.
- Огольцев — *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Ок. 1500 единиц. М., 2001.
- Телия — Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. М., 1995.
- Федоров 1991 — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX в.: В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1991.
- Шанский 1987 — *Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В.* Опыт этимологического словаря русского языка. М., 1987.
- Шанский 1988 — *Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. И.* Фразеологические обороты русского языка. М., 1988.

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ И КАК ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ

В работе будут рассмотрены русские параметрические имена, отражаемые в их значениях свойства объектов действительности, а также некоторые обобщения понятия «параметр», в частности, будет затронут вопрос о параметризации лексикографической информации.

Понятия «параметр» и «параметризация» могут рассматриваться и в узком, собственно количественном смысле, и более широко, когда у данных концептов сохраняется лишь общая идея изменчивости.

Под параметризацией в узком, количественном смысле будем понимать ментальную операцию вычленения у различных объектов реальности таких свойств, измеримых количественно, которые варьируются либо при изменении объектов (в частности, во времени), либо при сопоставлении объектов друг с другом.

Результаты осознания параметра, т. е. некоторой новой гносеологической сущности (по сравнению с самим измеряемым объектом — «данностью»), закрепляются в языке, в терминологии: возникают имена величин, развиваются параметрические значения у абстрактных (реже — у предметных) имен, причем эти процессы у разных имен могут находиться в разных стадиях (ниже мы немного коснемся ситуации неполной параметризации).

Параметрическое значение у предметного имени — явление достаточно редкое, свойственное главным образом пространственным сущностям — *радиус, угол, площадь* и некоторым другим. В номинациях из пространственной сферы наблюдается и обратное явление — от параметра — по метонимии — к геометрической конфигурации: *периметр, диаметр, высота, ср. высота 3* как топографический объект («*На безымянной высоте*»), *периметр 2* как область пространства (*высадить кустарник по периметру садового участка*) и т. п.

В информатике сложилась удобная модель параметра — так называемая информационная триада, см., например, [Белоногов 1983] и др.:

- параметр ('то, что измеряется');
- объект ('та сущность, у которой измеряется данный параметр');
- значение ('то, что показывают результаты измерения').

В реальных прикладных задачах, в частности задачах выборочного извлечения информации из текста (information extraction), триада может дробиться на более мелкие составляющие, иметь внутреннюю подструктуру; в рамках фреймовой идеологии можно говорить о слотах 'условия измерения', 'единицы измерения', 'предельный интервал допустимых значений', 'аксиологическая оценка значений' и нек. др. [Семенова 1991].

Данная модель параметра, прототипически, по-крупному, все же трехкомпонентная, естественна и в лексической семантике, поскольку соответствует актантной структуре большинства параметрических существительных, имеющих как минимум две валентности — на имя измеряемого объекта и на группу, выражающую значение количественной величины: *толщина бруса — 100 мм* (ниже мы остановимся вкратце на некоторых индивидуальных валентностных свойствах имен параметров).

Важным свойством параметра является его варьированность (параметр — это собственно то, что меняется — в самом объекте или при сопоставлении разных объектов). С варьированностью связана функциональность (в смысле, близком к математическому определению функции) — зависимость значения от аргумента — измеряемого объекта или условий измерения.

В русской лексике круг параметрических имен можно выделить, например, выбрав в качестве диагностических контексты информационных глаголов *измерить*, *вычислить*, *определить* (в смысле «узнать количественное значение»), когда предполагаемое имя параметра стоит в позиции синтаксического объекта (*вычислить площадь*, *измерить длину* и т. п.) или же контексты предикатов *равен*, *составляет*, *достигает*, связывающих группу 'параметр + объект' с группой количественного значения (*длина бруска равна/составляет 3 метра*). Оба типа контекстов, вырисовывая практически одинаковый круг параметрических имен, апеллируют к количественному значению, несут в себе идею функциональности. (Можно указать незначительные различия, наблюдаемые при сопоставлении двух типов контекстов. Так, имена на -аж, образованные от единиц измерения, из-за «нелюби» языка к тавтологиям неохотно сочетаются с количественной группой, содержащей соответствующую единицу: ^{??}*Метраж ткани равен восьми метрам*; [?]*Метраж ткани составляет восемь метров* (а по контекстам типа *измерить* имя *метраж* полноправно входит в класс параметров).

Класс параметрических существительных относительно невелик: например, в словаре С. И. Ожегова (М.: «Русский язык», 1987) можно выделить не более трех сотен имен, имеющих общелексическое значение количественного параметра. Кроме того, ряд имен из сферы общей лексики развивает параметрическое значение только в предметных областях, в составе терминологии (*математическое ожидание, пропускная способность* и др.).

Какого рода сущности подлежат параметризации? Не углубляясь в естественнонаучную картину мира, в определенной мере это можно выяснить, например, по ближайшей этимологии русской параметрической лексики и прежде всего по реализовавшимся словообразовательным моделям.

Анализ лексики показывает, что регулярными путями параметризации, в частности, стали:

— градуирование свойств, которые качественно ощущаются (и наивным, и «научным» наблюдателем) как разноинтенсивные у разных объектов. Так образованы — от прилагательного верхнего полюса соответствующей шкалы — и *высота*, и *влажность*, и *громкость* и др., и это самая представительная группа параметрических имен;

— градуирование степеней интенсивности, выраженности тех или иных явлений: *давление, сопротивление, напряжение, потребность (суточная, в витаминах)* и др., когда имя параметра мотивировано самим наличием явления;

— небольшая группа имен связана с идеей измерения фигур или пространственных конфигураций: *радиус, угол, путь, расстояние* (так же, как и изначально латинская *дистанция*), *площадь* и нек. др;

— квантификация результатов действий или процессов (*прибыль, прирост, урожайность, надои* и др.);

— применение к объекту тех или иных операторов количественной оценки: *стоимость, процент (безработных), поголовье* (как способ счета) и др.;

— применение математических операторов к неким исходным числовым величинам (*квадрат расстояния*);

— представление о количестве в устоявшихся единицах измерения (свойственное прежде всего профессиональной лексике, но проникающее и в общую): *метраж, тоннаж, вольтаж* (об этимологии и развитии этих имен в русском языке см. [Ожегов 1974], а также несколько менее «регулярное» имя *кубатура*;

— подсчет дискретных базовых составляющих объекта: *этажность, размерность (массива)* и др.

Очевидно, данные словообразовательные пути более или менее продуктивны, они могут приводить к новым названиям параметров

в предметных областях. Эти пути коррелированы с определенными типами полисемии, например, параметризованные свойства известны в семантике регулярной многозначностью 'параметр' — 'большое значение параметра' (ср.: *измерить высоту* и *бояться высоты* — в последнем случае подразумевается, что высота большая). Отметим, что и другим параметрическим именам также свойственно тяготение к верхнему полюсу в контекстах, обозначающих некоторую маркированную ситуацию: *у больного температура* \Rightarrow повышенная). Явления и пространственные сущности сохраняют исходные, ситуативные либо предметные, значения: *напряжение (в электрической сети)* — это и явление, и параметр, *радиус* — отрезок и его длина.

Несмотря на прототипические частичечные различия, лежащие в основе деривации параметрических имен, разница между параметризовавшимися свойствами и явлениями все же является зыбкой: так, понятия *напряженность* и *проводимость* могут интерпретироваться и как изначально событийные («имеет место явление проводимости»), и как количественно-характеристические, когда наличие явления играет роль пресуппозиции (подразумевается, что объекты определенного рода (вещества и материалы) обладают проводимостью, но интерес представляет не ее наличие, а ее интенсивность). Такая двойственность переключается с другими типами неоднозначности, наблюдаемыми при определении таксономической принадлежности лексики (происшествие vs. конатив: *разбудить*, речевое vs. ментальное: *распорядиться* и др.).

Конечно, эти довольно грубо обозначенные подклассы (и соответственно, модели параметризации) внутренне неоднородны; например, модальные отадъективные параметры *вероятность* или *надежность*, появившиеся в результате нетривиальных формализаций, устроены сложнее, чем *длина* и *высота*. Вообще, оппозиция 'научное (например, математическое или физическое) vs. бытовое' проступает довольно зримо в данном лексическом классе; ею в некоторых случаях мотивированы и дистрибуции диагностических контекстов; *вероятность*, скорее всего, надлежит *вычислить*, *температуру* — *измерить*, а *тираж* — просто *определить*.

В параметрах, отражающих научную и, в частности, физическую картину мира, прослеживается образность мышления ученых, некоторая оригинальность номинации. (В самом деле, почему магнитное поле характеризуется *напряженностью*, а, скажем, не более стандартной для научной терминологии *интенсивностью*?)

Обращают на себя внимание и другие «внутриклассовые» аспекты семантики параметрических имен. Например, можно выделить ядерную, среднюю части и периферию данного класса. Это

можно сделать, например, на основе сочетаемости имени с общеколичественными словами *величина, размер 1,2* (в пространственном либо в производном абстрактном значении), *уровень* (в параметрическом значении — *уровень шума* и т. п.), *интенсивность, сила* (также распределенными дополнительно на классе параметров). По этому признаку к ядру можно отнести, например, имена «регулярной пятерки» линейных размеров *длина, высота, ширина, глубина, толщина*, а также некоторые другие отадъективные имена: *протяженность, длительность*, не требующие узуального присоединения имен общеколичественных величин. Можно сказать, что ядро отличается завершенностью параметризации, закрепленной в языке; в словах, относимых к нему, достаточно сильны количественные компоненты, и потому эти слова не требуют (или даже не допускают) «навешивания» дополнительных кванторов, что приводило бы к тавтологии: *размер длины, величина протяженности, уровень высоты*.

Сами диагностические контексты (*размер* и др.) также можно отнести к ядерным именам в классе параметров.

Отметим, что имена линейных размеров, как наиболее регулярный, простой с точки зрения физического смысла, «наглядный» и плодovitый в плане семантической деривации подкласс, удостоились весьма пристального изучения среди других параметрических слов [Апресян 1974; 1992; Журинский 1971; Рахилина 1994 и др.]; некоторые метонимические переходы для этих имен рассмотрены в [Семенова 2000].

У средней части класса, к которой относится большинство параметрических имен, количественные и содержательные компоненты в определенной мере уравновешены; контексты общеколичественных слов допустимы, но факультативны, ср.: *Зарплата (размер зарплаты) научного сотрудника не достигает 3000 р.; Радиус окружности равен 5 см (величина радиуса равна 5 см)* и т. п.; содержательная сторона параметрического имени ярче проступает как раз в контексте общеколичественных слов.

Можно говорить также о периферии класса, которую составляют имена, отражающие незавершенную параметризацию (*зазор, инфляция, эмиссия* и др.), когда содержательная сторона превагирует над количественной, и потому в конструкциях, «обращенных» к количественному значению, желателен дополнительный оператор квантификации: *величина зазора достигает 5 мм; уровень инфляции превышает 30% в год* и др.

Часто более высокий уровень параметризации у имени наблюдается в профессиональной речи, в ее жаргонах; так, специалист

вполне может сказать: *ток 5А* или *звук 65 dBA*, хотя в официальной научной прозе принято говорить о *силе тока* и *уровне звука*.

Выделяются также группы имен с нестандартной актантной структурой, когда имеет место своего рода «расщепление» основных валентностей — на объект или на значение. Так, у ряда имен измеряемый объект прототипически задается парой: *угол — между прямой и плоскостью*; *расстояние — от дома до дерева*, т. е. параметризуется взаимное расположение объектов [Семенова 2000] — буквально пространственное, как в этих примерах, или метафоризированное (например, у всевозможных имен разностей: *прирост — валового продукта — по сравнению с тем же периодом прошлого года*). Двухобъектными являются также имена неразностных математических операций, исходно бинарных: *сумма (X-а и Y-а)*, *максимум (скоростей)*.

Имеются также имена, для которых можно говорить о расщеплении валентности на значение, например, когда значение в исходной диатезе задается интервалом: *диапазон частот от 50 до 200 Гц*; *падение цен на нефть с 25 до 18 центов за баррель* и т. п. (для имен с семантикой изменения количества характерно также и оценивание абсолютной величины изменения, что выражается диатетическим сдвигом: *спад производства на 30%, в 2 раза* и т. п.). Можно отметить и еще один нестандартный способ задания значений в виде пропорций, связанный со спецификой количественно оцениваемых сущностей: *счет в матче 3:2 в пользу «Спартака»*; *масштаб (географической карты) 1:10 000*, *вещества смешивают в пропорции 2:5*.

Возможна и тематическая классификация имен параметров: они могут подразделяться на пространственные, скоростные, энергетические, экономические, общеколличественные. Разумеется, такие группы условны; имеются переходные случаи, связанные, например, с семантической деривацией, метафоризацией, десемантизацией названий величин: *мощность множества* (в отличие от исходной *мощности (двигателя, взрыва* и т. п.)) уже «ускользает» из разряда собственно энергетических характеристик.

Названные выше внутренние классификации имен параметров отражают различия в параметризуемых сущностях, в степенях квантификации, в способах выражения количественных значений.

Параметры интересны не только прямыми семантическими и онтологическими свойствами, но и обобщениями.

Идея варьировемости, в том числе при расширении понятия параметра (исходно количественного) на неколичественные сфе-

ры, приводит к различным его экстраполяциям. В частности, можно выделить две разновидности концептуализации параметра — как функции и как аргумента.

Первая из этих концептуализаций (параметр — функция) просматривается в диагностических контекстах типа *определить, вычислить, измерить*, которые, апеллируя к значению, сближают количественный параметр с другой характеристической лексикой: именами признаков (*цвет, консистенция*), ролей (*содержание, причина*), стандартным образом раскрываемых родовых понятий (*национальность* или, скажем, тот же *цвет*) и т. п., которые тоже употребляются в близких информационных контекстах и выступают в них как имена функций, ср.: *вычислите площадь треугольника* и *задайте цвет треугольника* (на экране). Такой контекст помещает параметр/признак (в том числе просодически) в фокус внимания.

Функциональная концептуализация бывает близка естественнонаучной или общемировоззренческой картине мира, когда интерес представляет сам параметр, его физический смысл, генезис развития, спектр значений, единицы и принципы измерения и другие подобные вопросы. Это проявляется в сочетаниях типа «*трудовая теория стоимости*», «*сопротивление материалов*» и др., в изучении механизмов ценообразования, в физических трактатах об энергии, массе, цвете и прочее.

Этот аспект прослеживается в таком связанном с лингвистикой прикладном направлении, как фактографический поиск, частным видом которого является поиск собственно параметрической информации [Семенова 1991]. Собственно, сама информационная триада (если, конечно, в ее вершину намеренно, из практической целесообразности, поставлен параметр, а не объект) иллюстрирует функциональный взгляд на параметр.

В лексикографической практике этой концептуализации может соответствовать описание самой параметрической лексики — существительных со значением параметра, образованных от них относительных прилагательных (*температурный, ценовой*), а также параметрических глаголов (типа *весить, стоять, длиться, насчитываться* и др.). Описание такой лексики «невольно» концентрируется вокруг самой величины, а свойства измеряемых объектов — «участников ситуации» параметрического слова — включаются в описание в том числе из прагматических соображений.

В частности, в прикладном словаре РУСЛАН [Леонтьева, Семенова 2001; 2002], предназначенном для автоматического информационного анализа текста, в статьях параметрических имен

указывается ожидаемая таксономия измеряемых объектов (как прототипическая, так и возникающая по метонимии) — *скорость движения* (процесса); *скорость поезда* (движущегося устройства) и т. п.; типовые единицы измерения, лексические функции, выражающие большое и малое значение величины (*быстрый, медленный*), словосочетания с параметрическим словом и некоторые другие сведения о величине и ее сигнификате. Тем самым реализуется взгляд от параметра к измеряемому объекту; объект со своими свойствами (главным образом, таксономией) является одним из «аргументов» описания.

Другая концептуализация параметра — когда он сам выступает как аргумент, как частное свойство некоторой целостной сущности, и тип и качество этой сущности определяется значением ряда параметров (как количественных, так и понимаемых расширенно).

Этот «аргументный» способ видения параметра, когда параметр выделен внутри объекта, ассоциируется с общим аналитическим методом научных исследований, который подразумевает мысленное разложение изучаемой сущности на принципиально важные составляющие — «параметры», пробегающие некоторое множество значений и фиксированные для данного объекта-экземпляра.

В лингвистике такое представление о параметре восходит, по-видимому, к работе [Heller, Macris 1967], получившей соответствующее выразительное название и посвященной проблемам морфологии.

В лексической семантике таковым, в частности, является подход к анализу глаголов, предложенный Е. В. Падучевой [Падучева 2002 и др.], в рамках которого значение глагольной лексемы считается обусловленным, главным образом, четырьмя параметрами — собственной таксономией (близкой к вендлеровской), тематическим классом, таксономией участников и диатезой. Этот подход положен в основу глагольной части системы «Лексикограф» [Кустова, Падучева 1994].

В Словаре РУСЛАН «аргументный» принцип описания применен к лексике, выражающей значения количественных параметров. Таков довольно широкий круг адъективной лексики (*высокий 1* (исходное параметрическое значение — *высокий столб*), *сверхзвуковой* и др.), таковы представители наречной параметрической лексики (*вскоре* и др.), таковы, в частности, имена ряда топографических объектов со «встроенным» значением параметра: *гора 1* (объект, характеризующийся значительной высотой), *низина* и т. п. Для подобных лексических единиц наименование параметра вносится в зону энциклопедической информации словарной статьи [Семенова 1996]. Имя параметра указывается и при описании той лексики, для которой он не выделяется явно в семантической структуре, но прагматически зна-

чим (так, *потолок 1* (часть помещения) характеризуется *высотой*, *неважно низкий* он при этом или *высокий*).

Аргументный подход воплощает в себе и традиционный компонентный анализ, когда роль параметров играют компоненты семантической структуры слова.

В рамках когнитивной идеологии и в представлении знаний таков и получивший большую популярность фреймовый подход: «параметры» фрейма — это и сам набор слотов, и их содержимое. Примером конкретных разработок фреймовых представлений могут служить фреймы объектов зрительного восприятия, составляющие часть грамматики вербализации зрительных впечатлений, предложенной в [Кобозева 2003 и др.].

Отметим в заключение, что подход, комбинирующий компоненты и слоты, а в более общем виде — то, что непосредственно отражает лексическое значение, и то, что связано с прагматикой, также представляется полезным в лексикографических разработках.

В частности, в докладе, посвященном задаче автоматического пополнения базы данных о кадрах предприятия, тезисно изложенном в [Цинман 1995], упоминаются так называемые прагматические, «отраслевые» валентности слова, в практических целях добавляемые к стандартным общезыковым валентностям.

В РУСЛАНе при описании одушевленной нарицательной лексики (в рамках подготовки словарных данных для поиска по тексту персональной информации — о профессиях, должностях, званиях, социальных статусах персон и т. п. [Леонтьева, Семенова 2001]) пришлось, наряду с компонентной, опираться также и на фреймовую идеологию; чисто компонентная оказалась недостаточной, поскольку некоторые виды социальной информации не входят непосредственно в лексическое значение, а составляют фоновые знания, которые даже не всегда можно отнести в разряд коннотаций. Например, низкий социальный статус и уровень доходов пока еще не вошел, по-видимому, ни в значение, ни в коннотации имен *учитель*, *врач*, *ученый*; между тем для анализа современной публицистики этот момент может быть актуален, и эти сведения из сферы печальной прагматики могут включаться в словарное описание. Различение должностей и профессий, актуальное с точки зрения фрейма персональной информации, также выходит за рамки собственно лексического значения. С другой стороны, общая структура фрейма социальной личности (если он достаточно подробен) во многом мотивирована именно компонентным составом одушевленной деятельностной лексики, а не только прагматическими пользовательскими требованиями; т. е. компонентная структу-

ра влияет также на прагматику и можно говорить об их взаимной связи [Семенова 2001].

В любом случае то, что определяет видо-видовые различия сущностей и обычно отражается в толковании (особенно, структурированном) или в прагматическом фрейме, может интерпретироваться как параметр онтологического (или соответствующего языкового) объекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1992 — *Апресян Ю.Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3.
- Белоногов 1983 — *Белоногов Г.Г.* Языковые средства автоматизированных информационных систем. М., 1983.
- Журинский 1971 — *Журинский А.Н.* О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М., 1971.
- Кобозева 2003 — *Кобозева И.М.* Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. Научн. доклад, предст. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Кустова, Падучева 1994 — *Кустова Г.И., Падучева Е.В.* Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
- Ожегов 1974 — *Ожегов С.И.* Существительные на -аж в русском языке // *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. М., 1974.
- Леонтьева, Семенова 2001 — *Леонтьева Н.Н., Семенова С.Ю.* Инструменты построения файла ПЕРСОНА // НТИ. Сер. 2. 2001. № 8.
- Леонтьева, Семенова 2002 — *Леонтьева Н.Н., Семенова С.Ю.* Об отражении полисемии в прикладном семантическом словаре // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара Диалог'2002. Протвино, 6–11 июня 2000 г. М., 2002. Т. 2.
- Падучева 2002 — *Падучева Е.В.* О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3).
- Рахилина 1994 — *Рахилина Е.В.* Семантика размера // Семиотика и информатика. 1994. Вып. 34.
- Семенова 1991 — *Семенова С.Ю.* Алгоритм извлечения информации о параметрах из текстов рефератов и первичных документов // НТИ. Сер. 2. 1991. № 6.

- Семенова 1996 — *Семенова С. Ю.* Поиск параметрической информации в тексте: алгоритмический и лексикографический аспекты // Труды Международного семинара Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1996.
- Семенова 2000 — *Семенова С. Ю.* О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.
- Семенова 2001 — *Семенова С. Ю.* О языковых контурах портрета социальной личности // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. Т. 1.
- Цинман 1995 — *Цинман Л. Л.* К вопросу об автоматической коррекции базы данных по текстам на естественном языке // Труды Международного семинара Диалог'95 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.
- Heller, Macris 1967 — *Heller L., Macris G.* Parametric linguistics. The Hague; Paris, 1967.

Е. В. УРЫСОН

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ: ШКАЛА РАЗМЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Объект предлагаемой работы — русские прилагательные, обозначающие размер. Ср.: *большой (утес), маленький (домик), длинный (коридор), короткая (ниточка), широкий (проход), узкий (лаз), высокое (дерево), низкий (берег)* и т. п. Многие из таких прилагательных имеют переносное значение (ср.: *большой ученый, маленькие радости, широкие взгляды, узкий кругозор, высокие идеалы, низкое желание*). Мы, однако, ограничимся семантическим анализом тех лексем¹ данных слов, которые указывают на размер физического объекта.

Рассматриваемые прилагательные называют параметрическими. Одни из них указывают на общий размер объекта. Ср.: *большой, маленький, мелкий (жемчуг), крупный (шрифт)* и т. п. Другие содержат в своем значении указание на какой-то конкретный параметр объекта. Так, *длинный* и *короткий* указывают на длину; *высокий* и *низкий* — на высоту; *глубокий* и *мелкий* (в том значении, которое представлено в случаях *мелкая речка*) — на глубину и т. п.

Параметрические прилагательные принято толковать по следующей общей схеме: 'такой, параметр Р которого больше <меньше> нормы'. Например: *длинный* = 'такой, длина которого больше нормы'; *узкий* = 'такой, ширина которого меньше нормы'; *большой* = 'такой, размер которого больше нормы' и т. п. Компонент 'норма' для описания семантики параметрических прилагательных предложен Э. Сэпиром [Сэпир 1944 (1985)]; в дальнейшем соответствующий подход был развит Ю. Д. Апресяном [Апресян 1974]. Заметим, что данный семантический элемент используют и для описа-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-04-00306а), гранта НШ-1576.2003.6, а также Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (раздел 4.15).

В основу работы положены словарные статьи, написанные автором для «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» и обсуждавшиеся на рабочем семинаре сектора теоретической семантики РАН. Автор благодарит всех участников семинара за ценные критические замечания. Особую благодарность автор выражает руководителю семинара и всего проекта «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяну.

¹ В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в одном из его значений.

ния этических, эстетических и т. п. оценок, см. [Geach 1956; Апресян 1974; Вольф 1985; Арутюнова 1988]. В настоящей работе мы, однако, ограничимся только семантикой размера. Семантический элемент 'норма' считается неопределяемым [Апресян 1974: 74; 2004: XXXVI–XXXVII]. Тем не менее это весьма богатое понятие, которое можно пояснить, описать: «норма обозначает такое положение вещей, которое должно представляться (или представляется) большинству говорящих как наиболее вероятное в данной конкретной ситуации» [Апресян 1974: 74].

Мы уже демонстрировали, что некоторые параметрические прилагательные (а именно те из них, которые характеризуют объем тела и рост человека, ср.: *толстый мужчина, полная блондинка, худощавый юноша, худой ребенок, высокий офицер, низенький человечек*) не удастся истолковать, используя компонент 'норма', и предложили схему толкования этих прилагательных [Урысон 2000]. Теперь мы рассмотрим более широкий круг параметрических прилагательных и дадим общую схему их толкования.

1. Два эталона размера — относительный и абсолютный

Прежде всего зададимся вопросом: с чем сравнивается объект, характеризующийся параметрическим прилагательным? (Более точно: с чем сравнивается значение выбранного параметра описываемого объекта?) Существует ли какой-либо «эталон», или стандарт, размера, в частности длины, ширины, высоты и т. п.?

Основным объектом нашего описания будут четыре группы лексем, указывающих на общий размер объекта:

- а) *большой, крупный* (ср.: *большой арбуз, крупные сливы*);
- б) *маленький, небольшой, мелкий* (ср.: *маленькая фотография, небольшой двор, мелкий виноград*);
- в) *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский* (ср.: *огромный теплоход, громадная птица, колоссальный эвкалипт, гигантский гриб*);
- г) *крохотный, крошечный, малюсенький* (ср.: *крошечный домик, крохотная каморка, малюсенький стаканчик*)².

Почти все эти прилагательные могут характеризовать объект любых размеров; ср.: *большая <маленькая, огромная, крошечная> комната* — *большая <маленькая, огромная, крошечная>*

² Группы лексем (а)–(в) подробно описаны в словарных статьях [Урысон 2004а; 2004б; 2004в].

страна. Ясно, что объективные размеры комнаты и страны практически несопоставимы. Характеризуя комнату как большую (маленькую, огромную и т. п.), мы сравниваем ее с другими комнатами; соответствующая характеристика страны предполагает сравнение ее с другими странами и т. п. В этом случае «норма» размера — своя у каждого класса объектов: это обычный, привычный для говорящих размер объектов данного класса. Несколько огрубляя описание, можно сказать, что в качестве того стандарта, с которым сравнивается размер характеризуемого объекта, выступает средний размер объектов, однотипных с данным.

В частном случае совокупность может состоять всего из двух объектов. Тогда меньший объект называют *маленьким*, а больший — *большим* [Сэпир 1944 (1985)]; ср.: *Стрекоза большая, а кузнечик маленький*. Заметим, что русский язык располагает для этого случая особым словом *малый*, используемым в составе устойчивых сочетаний, в частности — терминов; ср.: *большой зал — малый зал, Большая Полянка — Малая Полянка, большой круг кровообращения — малый круг кровообращения, большая октава — малая октава* и т. п.

Однако привычный, средний размер объектов данного класса (или же размер второго объекта из данной совокупности) — это не единственный возможный эталон размера. Разные объекты называют *большими* <огромными и т. п.> или *маленькими* <крошечными и т. п.>, сравнивая их с размером человека. Ср.: *Мыши бывают очень маленькими <крохотными>; Носорог был большой <огромный>, неподвижный, с толстой складчатой кожей*. Размер человека выступает в языке как «абсолютный», антропоцентричный, эталон размера — в противоположность обычному, среднему размеру объектов данного класса, который можно назвать «относительным» эталоном³.

Многие параметрические прилагательные допускают сравнение характеризуемого объекта как с относительным, так и с абсолютным эталоном.

Таковы, прежде всего, лексемы *большой* и *маленький*. Ср. примеры выше, а также следующие:

- (1) *У нее оставались еще серьги с большими бриллиантами* [относительный эталон] vs. *Из чащи вышел большой косматый зверь* [абсолютный эталон].

³ Ясно, что если речь идет о размерах человека — об объеме его тела или о росте, — то абсолютный и относительный эталоны совпадают: рост или объем тела конкретного человека сравнивается с ростом (объемом тела) обычного, «среднего» человека; см. [Урысон 2000].

- (2) *Глаза у него маленькие, нос картошкой* [относительный эталон] vs. *Не бойся лягушки, она же маленькая* [абсолютный эталон].

Такова и лексема *небольшой*; ср.:

- (3) *Этот небольшой кулон ей подарила свекровь* [относительный эталон] vs. *Медведь был небольшим и совсем не страшным* [абсолютный эталон].

Сравнение с любым из двух эталонов допускает лексема *огромный* и ее синонимы *громадный*, *колоссальный*, *гигантский*, *исполинский*. Ср.:

- (4) *В тарелке с хлебом ползали огромные муравьи* [относительный эталон] vs. *Огромные муравьи могли легко перекусить руку или ногу* [абсолютный эталон].
- (5) *Из щели между половицами выполз гигантский <громадный, колоссальный> паук* [относительный эталон] vs. *Гигантский <громадный, колоссальный> паук надвигался на них и, казалось, закрывал собой небо* [абсолютный эталон].
- (6) *Комары какие-то исполинские — никогда таких не видела* [относительный эталон] vs. *На крыльях исполинского комара легко помещалось несколько человек* [абсолютный эталон].

Если предполагается абсолютный эталон размера, то сочетания *огромный муравей*, *гигантский <громадный, колоссальный> паук*, *исполинский комар* обозначают фантастических, сказочных или экзотических насекомых, по размеру сравнимых с человеком или даже превосходящих его; подробнее об этом см. ниже.

Эталон сравнения в рассмотренных случаях обычно ясен из контекста, возможно достаточно широкого. Вне контекста объективный размер описываемого объекта может остаться совершенно неопределенным. Так, сочетания типа *огромный <гигантский, громадный, колоссальный, исполинский> жук* могут обозначать и просто очень большое насекомое, и фантастического жука, превосходящего по размерам человека. Ср. также следующий пример:

- (7) *Камни были большими, холодными* [речь может идти как о валунах, сравнимых по размеру с человеком, так и, например, о драгоценных камнях, которые субъект держит на ладони].

При этом один и тот же объект, например камень или квартиру, говорящий назовет *большим* или *небольшим* в зависимости от того, каковы обычные, привычные ему размеры объектов данного типа.

Аналогичным образом устроены лексемы *крохотный*, *крошечный* и *малюсенький*, которые тоже допускают сравнение как с относительным, так и с абсолютным эталоном. Ср.:

- (8) *Сан-Марино — это крохотное <крошечное, малюсенькое> государство в часе езды от Римини* [относительный эталон] vs. *Мальчик нарисовал Дюймовочку: крохотная девочка стояла в крошечной лодке, держа в руке малюсенькое весло* [абсолютный эталон; мир сказки].

Существуют, однако, и такие лексемы, в семантику которых «впяно» указание на определенный эталон сравнения. Они представляют для нас наибольший интерес. В русском языке к таким лексемам относятся неточные синонимы лексем *большой* и *маленький* — лексемы *крупный* и *мелкий* (ср.: *крупные сливы, мелкие яблоки*).

Лексема *крупный* оценивает объект лишь по относительному стандарту. Действительно, высказывание *Медведь <слон> был очень крупный* предполагает сравнение данного медведя (слона) лишь с другими особями того же вида. Ср. высказывание *Медведь был очень большой*, которое может предполагать сравнение характеризуемого медведя как с человеком (абсолютный стандарт), так и с другими медведями (относительный стандарт).

Замечательно, что лексема *крупный* не только предполагает сравнение объекта с типичным представителем его класса, но и тяготеет к характеристике именно класса или совокупности объектов. Ср.:

- (9) *Кит — очень крупное млекопитающее* [характеризуется класс].
(10) *Вишни у них уродились крупные, сладкие* [характеризуется совокупность].

Ср. также: *крупный шрифт <жемчуг, бисер, песок, снег, виноград и т. п.>, крупная дробь <картошка, вишня, соль, щебенка, галька и т. п.>* — речь идет о совокупностях многих объектов⁴.

В связи с этим *крупный* не может характеризовать уникальные объекты. Нормально *крупные южные звезды*, но невозможно **крупная луна, *крупное красное солнце* (при том что одинаково хорошо *большие звезды* и *Большая серебристая луна заливала поляну бледным светом, Над горизонтом поднималось большое красное солнце*).

Заметим, что лексема *крупный* может характеризовать и отдельный объект, однако ее функционирование в этом случае под-

⁴ Обратим внимание на то, что данные существительные обозначают совокупности и не сочетаются с лексемой *большой*.

чиняется определенным ограничениям. А именно, она свободно характеризует единичные объекты лишь в предикативной позиции, ср.: *Носорог был очень крупный*.

Что касается атрибутивной позиции, то объект, характеризуемый *крупным*, не должен специально выделяться говорящим (возможно, из подразумеваемой совокупности однотипных объектов). При этом *крупным*, как правило, называют объекты, только что введенные в сферу повествования. Нормально *Поймал довольно крупного карася; Сорвал крупное желтое яблоко*, однако неудачно *На столе лежал этот крупный карась; Сорвал это крупное желтое яблоко* (в подобных случаях нормальна лексема *большой*, ср.: *На столе лежал этот большой карась; Он взял это большое яблоко и съел его*).

Тем самым лексема *крупный* накладывает определенные ограничения на денотативный статус определяемого существительного и на его характеристику по категории определенности-неопределенности. Можно проследить глубинную связь между данными ограничениями. Для удобства обратимся к артиклевым языкам, располагающим формальными средствами выражения категории определенности-неопределенности.

Основная функция неопределенного артикля — указание на некий невыделенный объект как представитель класса объектов, подобных данному. Невыделенность объекта предполагает, в частности, что о нем еще не шла речь. В связи с этим объект, только что введенный в сферу повествования, обычно тоже характеризуется неопределенным артиклем. Обозначение класса (или совокупности) объектов предполагает нечто похожее: отдельные представители класса (совокупности) не выделяются «из общей массы», ни об одном из них еще не шла речь как об отдельной сущности. Лексема *крупный* в атрибутивной позиции, характеризует ли она класс (совокупность) или отдельный объект, предполагает именно такую неопределенность, невыделенность объекта. Это связано с ее прототипической ориентированностью на характеристику класса.

Еще более интересно устроена лексема *мелкий*, представленная в контекстах *мелкие яблоки, мелкий шрифт* и т. п. Эта лексема оценивает размеры объекта относительно двух эталонов сразу — и размера человека, и среднего размера объектов однотипных данному. *Мелкие* объекты, во-первых, меньше других объектов того же класса и, во-вторых, гораздо меньше человека: в прототипическом случае они свободно умещаются на ладони, ср.: *мелкие цветочки <обломки, осколки>*.

Лексема *мелкий*, так же как и *крупный*, не может свободно характеризовать единичные объекты. При этом она тяготеет,

скорее, к описанию совокупности объектов и в несколько меньшей степени — классов. Ср.:

- (11) *Разорвал записку на мелкие клочки; Его лицо круглый год было усеяно мелкими веснушками* [характеризуется совокупность].
(12) *Особенно хорош для засола мелкий нежинский огурец; Мелкая рыба для этого блюда не годится* [характеризуется класс].

Ср. также: *мелкий песок* <снег, дождь, бисер, жемчуг, шрифт, виноград и т. п.>, *мелкая картошка* <клубника, галька, дробь, пыль и т. п.> — речь идет о совокупностях многих объектов⁵. Плохо, однако, ^{??}*мелкая веснушка* <родинка> на правой щеке, ^{??}*мелкая буква* в конце страницы, ^{??}*Этот мелкий зеленый огурец положи в салат*.

Лексема *мелкий* может характеризовать единичный объект лишь в отдельном круте употреблений, в котором, помимо указания на размер объекта, выражается еще и пренебрежение к нему. Типично сочетание данной лексемы с местоимением *какой-то*. Ср.:

- (13) *Принес с рыбалки какого-то мелкого карася — кошке и той мало; Испугалась какой-то мелкой букашки и подняла визг*.

Данное употребление лексемы *мелкий* характерно для разговорной речи.

В целом, в семантике лексемы *мелкий* прослеживается та же связь с категорией неопределенности, что и в значении слова *крупный*. Обусловлено это тяготением лексемы *мелкий* к характеристике совокупности.

Представление об относительном и абсолютном стандартах пронизывает не только рассмотренную группу лексем, но и, по-видимому, многие другие классы параметрических прилагательных.

Возьмем, например, лексемы *тяжелый*, *увесистый* и *неподъемный*, указывающие на вес объекта⁶. Ср.: *Моя машина не рассчитана на такие тяжелые грузы; Он покачал на ладони увесистый пакет, подумал и сунул его в карман; Чемоданы у нее неподъемные, как она будет пересадку делать?*

Лексема *тяжелый*, сближаясь с *большой* и *маленький*, предполагает сравнение веса характеризуемого объекта с одним из двух стандартов. Обычно вес характеризуемого предмета сравнивается со средним весом объектов, однотипных с данным (относительный эталон). Ср.:

⁵ Обратим внимание на то, что данные существительные являются обозначениями совокупностей, причем не сочетаются с лексемой *маленький*.

⁶ Подробно об этих лексемах см. словарную статью [Урысон 2004г].

- (14) *Ее уши оттягивали тяжелые серьги; По улицам грохотали тяжелые танки.*

Однако *тяжелый* может предполагать сравнение с весом тех предметов, которые обычно без труда поднимает или несет человек. Такой вес выступает в качестве абсолютного, антропоцентричного, стандарта. Ср.:

- (15) *Веревка обледенела и стала тяжелой.*

Увесистый, подобно лексеме *мелкий*, предполагает сравнение характеризуемого предмета сразу с двумя стандартами — абсолютным (антропоцентричным) и относительным, причем в качестве последнего выступает обычный вес объектов того же размера, что и данный. В прототипической ситуации человек как бы взвешивает соответствующий предмет на ладони, слегка покачивая ею. Тем самым в значение слова *увесистый* встроено указание на абсолютный эталон не только веса, но и размера: обычно это небольшой предмет, который лежит на ладони, который человек может держать в руке. Ср.:

- (16) *Подержал на ладони увесистый мешочек с золотыми червонцами и после минутного раздумья принял предложение; На всякий случай он вооружился увесистой дубинкой; Сумка получилась увесистой.*

Ср. следующий плохой пример, в котором не удовлетворяются требования, предъявляемые данной лексемой к размеру характеризуемого объекта:

- (17) **Тахта хоть и из легкого материала, но увесистая.*

Приведем теперь пример не описывавшейся выше ситуации, когда в значение лексемы встроено указание лишь на абсолютный стандарт. Это прилагательное *неподъемный*. Оно предполагает сравнение характеризуемого предмета с тем весом, который без особого труда поднимает и несет человек. Поэтому нормально следующее высказывание, ср.:

- (18) *Она выросла в городе и таскать неподъемные носилки с землей просто не могла.*

Однако невозможно (по крайней мере, в обычных условиях):

- (19) **Груз у меня неподъемный — десять тонн [в такой ситуации нормально слово *тяжелый*].*

Отметим, что среди слов, указывающих на вес объекта, есть еще одно, предполагающее сравнение как с абсолютным, так и с относительным эталоном, — это устаревшее *тяжкий*. Ср.:

(20) *Владимир-солнце пировал; / Меньшую дочь он выдавал / За князя храброго Руслана / И мед из тяжкого стакана / За их здоровье выпивал* (А. Пушкин).

По-видимому, сравнение только с абсолютным эталоном предполагают дериваты параметрических прилагательных (и соответствующих наречий) с уменьшительным суффиксом. Так, *тяжеленький* предполагает сравнение с антропоцентричным стандартом, т. е. с весом, который без особого труда поднимает и несет человек. Поэтому нормально высказывание *Малыш стал тяжеленький, на руках его долго не поносишь*, однако крайне сомнительно (вне контекста языковой игры) ^{??}*Самосвал у меня тяжеленький* (хотя нормально *Самосвал у меня тяжелый*). Наречие *быстренько* уместно, когда речь идет о скорости действий, производимых человеком, причем их сравнивают с обычной скоростью, свойственной человеку. Нормально *Быстренько зажарила яичницу, Быстренько сложили вещи*, однако плохо ^{??}*Поезд быстренько доехал до следующей станции*, ^{??}*Быстренько долетели до Москвы* (при том что вполне хорошо *Поезд быстро доехал до следующей станции, Быстро долетели до Москвы*)⁷.

Полное описание русской параметрической лексики с точки зрения того, какой эталон сравнения предполагается той или иной конкретной лексемой, выходит за рамки данной статьи. Однако можно наметить возможные типы параметрических лексем, различающихся по признаку «эталон сравнения».

Тип I. В значении лексемы нет указания на эталон сравнения: возможно сравнение как с относительным, так и с абсолютным стандартом. Ср.: *большой, маленький, тяжелый* и т. п.

Тип II. В значение лексемы встроено указание на эталон сравнения:

⁷ Заметим, что уменьшительные прилагательные, указывающие на конкретный параметр объекта (ср.: *толстенький, тяжеленький, длинненький*), предполагают, что значение других параметров характеризуемого объекта не слишком превосходит среднее. Именно поэтому они охотно сочетаются с диминутивами. Ср.: *толстенький человек*; при этом высокого человека *толстеньким* не назовут: нормально *толстенький низенький <маленький> человек*, но плохо или сомнительно ^{??}*высокий толстенький человек*. Аналогичным образом, прилагательное *длинненький* предполагает небольшую ширину, толщину и т. п., т. е. небольшое значение других параметров характеризуемого объекта. Поэтому нормальны сочетания *длинненькая веревочка, тоненькая длинненькая веревочка* и нестандартны *длинненькая веревка, толстая длинненькая веревочка* (при нормальности *толстая длинная веревка*). Данное ограничение — это одно из проявлений закона семантического согласования.

- а) только на относительный эталон: *малый, крупный* и т. п.;
- б) только на абсолютный эталон: *неподъемный, тяжеленький, быстренько* и т. п.;
- с) на оба эталона сразу: *мелкий, увесистый* и т. п.

2. Степень отклонения от эталона: три участка шкалы

Для описания параметрической лексики важно не только указание на эталон сравнения, но и на степень отклонения от него. Так, *большой* отклоняется от эталона больше, чем *крупный*; *маленький* — больше, чем *небольшой* (т. е., например, *маленький* камешек меньше, чем *небольшой* камешек); *тяжелый* предмет тяжелее, чем *увесистый* и т. п. При этом на шкале размера — независимо от того, относительно какого эталона она задана, — выделяются три участка, каждый из которых может рассматриваться как отдельная, самостоятельная шкала.

Первый участок — это область, прилегающая к эталону, т. е. к точке отсчета. Из прилагательных, указывающих на размер, эту часть шкалы описывают группы: 1) *большой, крупный*; 2) *маленький, мелкий, небольшой*.

Второй участок — это та часть шкалы, которую описывают лексемы *огромный, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский*. В самом первом приближении, *огромный* — 'такой, который намного больше очень большого'. Иными словами, в качестве точки отсчета здесь выступает не обычный (абсолютный или относительный) эталон, а размер очень большого объекта. Подчеркнем, что данная точка отсчета вторична — она определяется относительно одного из двух обычных эталонов. Отклонение от точки отсчета, описываемое данными прилагательными, может быть как угодно велико. Именно поэтому данные прилагательные, в отличие от лексемы *большой*, могут описывать фантастические объекты вроде гигантских комаров, на которых летают люди. Внутри данной группы, так же как внутри двух предыдущих, лексемы тоже частично упорядочены по степени отклонения от точки отсчета, однако это противопоставление далеко не столь отчетливо. Все же *громадный*, по-видимому, больше *огромного*, но меньше *гигантского* (подробнее см. нашу статью «ОГРОМНЫЙ» [Урысон 2004г]).

Наконец, третий участок, выделяемый на шкале размера, — это та ее область, которую описывают лексемы *крохотный, крошечный, малюсенький*. В первом приближении, *крохотный* — 'такой, который намного меньше очень маленького'. Короче го-

вора, в качестве точки отсчета в данном случае выступает размер очень маленького объекта. Отклонение от точки отсчета на этом участке шкалы, так же как и на предыдущем, — как угодно велико. Благодаря этому лексемы *крохотный*, *крошечный*, *малюсенький* могут описывать сказочные, фантастические объекты; ср.: *В этих крохотных домиках жили крошечные человечки, которых можно было увидеть только вооружившись очень сильной лупой. А собаки в этом городе были такие малюсенькие, что ты смог бы увидеть их разве что в микроскоп.*

Заметим, что описанные три участка выделяются на шкале общего размера, но, по-видимому, не на шкалах конкретных параметров. Так, например, на шкалах длины, ширины и т. п. этих трех участков нет.

3. Указание на размер в семантике предметных существительных

Указание на размер входит в семантику не только параметрических прилагательных, но и некоторых существительных, обозначающих «ингерентно большие и ингерентно малые объекты» [Спиридонова 1999: 15]. Таковы, в частности, лексемы *великан*, *гигант*, *исполин*, *карлик*, *лилипут*, *дюймовочка* и т. п. Так, *великан* = 'человек очень большого размера'; *лилипут* = 'человек очень маленького размера'.

Рассмотрим случай, когда указание на размер в значении слова не столь явно. Ср. существительные *океан*, *пустыня*, *валун*. Уяснить семантику подобных слов позволяет анализ их сочетаемости с параметрическими прилагательными.

Возьмем слово *океан*. Нормально сочетание *огромный океан*, но странно или сомнительно (по крайней мере, вне языковой игры) [?]*небольшой океан*, ^{??}*маленький океан* и даже [?]*(очень) большой океан*. Мы объясняем это тем, что в значении слова *океан* есть указание на размер данного объекта: он намного больше других, даже очень больших, водоемов и в очень большой степени превосходит размер человека. Иными словами, в значении слова *океан* есть указание на определенный участок шкалы размера: точкой отсчета на этом участке является величина очень большого объекта (причем с точки зрения как относительного, так и абсолютного стандарта размера)⁸. Данный участок шкалы — и соответствующ-

⁸ Можно предположить, что абсолютный, антропоцентричный, стандарт применительно к природным и географическим объектам (ср.: *лес*, *поле*, *холм*,

щий размер — описывается словом *огромный*. Поэтому по закону семантического согласования слово *океан* нормально сочетается с лексемой *огромный* и не сочетается с лексемами *большой*, *небольшой*, *маленький*.

Аналогичным образом устроено слово *пустыня*: в его значении есть указание на то, что данный объект по размеру намного превосходит другие подобные природные объекты, причем несопоставим с человеком. Соответствующий участок шкалы задается словосочетанием *очень большой* и лексемой *огромный*. Поэтому нормальны сочетания *большая <огромная> пустыня* и сомнительно ²*маленькая пустыня*. При этом сочетание *небольшая пустыня* предполагает сравнение характеризуемого объекта лишь с относительным эталоном.

Указание на определенный размер относительно абсолютного, антропоцентричного, стандарта встроено и в значение слова *валун*. Этот размер лежит в пределах шкалы, описываемой лексемами 'огромный — большой — небольшой'. Поэтому нормальны сочетания *большой валун*, *небольшие валуны*, но сомнительно или нестандартно ²*маленький валун*.

С рассмотренными словами сближается существительное *небоскреб* — в его значение входит указание на очень большую высоту (по-видимому, относительно двух эталонов сразу). Поэтому нормальны сочетания *высокий <большой, огромный> небоскреб*, но странно ^{??}*невысокий <низкий, маленький> небоскреб*.

Указание на размер выражают и увеличительные и уменьшительные суффиксы и, следовательно, существительные, содержащие в своем составе такой суффикс.

Так, слово *доми́на* предполагает очень большой размер объекта. Нормально *огромный домина*, но сомнительно или плохо ^{??}*маленький <небольшой, крошечный> домина*. Ср. также *ручищи*, *носище*, *глазищи* и т. п.: нормально *огромные ручищи <глазищи>*, *огромный носище*, но сомнительно или плохо ^{??}*небольшие <маленькие> ручищи <глазищи>*, ^{??}*небольшой <маленький> носище*.

Напротив, в значение диминутивов входит указание на то, что размер объекта меньше обычного размера однотипных объектов и меньше антропоцентричного стандарта [Спиридонова 1999]. Проиллюстрируем это на лексемах *болотце*, *деревенька*, *каморка*, *ящичек*, *букашка*.

озеро, река, город и т. п.) — это соответствующий объект таких размеров, при которых человек обходит его (добирается до другого его конца) за короткий промежуток времени (заведомо меньший светового дня), не тратя на это много сил.

Размер объектов, обозначаемых лексемами *болотце* и *деревенька*, лежит на том участке шкалы, который описывается прилагательными *маленький*, *крохотный* и *небольшой*. Поэтому нормальны сочетания *маленькое* <*небольшое*> *болотце*, *маленькая* <*небольшая*> *деревенька* и неудачны сочетания [?]*большое болотце*, [?]*большая деревенька*. Размер *каморки* задается теми участками шкалы, которые описываются, соответственно, лексемами *маленький* и *крохотный*. В результате нормальны сочетания *маленькая каморка*, *крохотная каморка*, но сомнительно [?]*небольшая каморка*, плохо **большая* <*огромная*> *каморка*. Аналогичным образом устроено слово *ящичек*: оно содержит указание на *небольшой* или *маленький* размер объекта (относительно двух эталонов сразу). Поэтому нормальны сочетания *небольшой ящичек*, *маленький ящичек*, однако плохо или сомнительно ^{??}*огромный ящичек*, [?]*большой ящичек* (так можно сказать лишь в том случае, если имеется в виду всего два ящичка, один из которых больше). Указание на размер содержится и в значении лексемы *букашка*: он расположен на том участке шкалы, который описывается лексемами *небольшой*, *маленький* и *крохотный*. Ср. нормальные сочетания *небольшая булашка*, *маленькая булашка*, *крохотная булашка* при сомнительности (вне языковой игры) [?]*большая булашка*. При этом размер *букашки* сравнивается как с абсолютным, так и с относительным эталоном.

Существенно, что объекты, которые мыслятся как очень большие или очень маленькие, обычно с трудом допускают сравнение с объектами собственного класса. Так, если один океан больше другого, мы ни один из них не назовем ни большим, ни маленьким: океан предстает как некий образец водоемов очень больших размеров. Аналогичным образом, если одна *букашка* больше другой, мы не назовем ее *большой*; говоря *маленькая булашка*, мы сравниваем данный объект не с другими *букашками*, а с другими *насекомыми*. Иными словами, *букашка* выступает как образец очень маленького насекомого. Точно так же не сравниваются между собой *деревца* или *деревеньки*: говоря *маленькое деревце* или *маленькая деревенька*, мы сравниваем данное *дерево* или данный населенный пункт с обычными *деревьями* (населенными пунктами), а не с другими *деревцами* (*деревеньками*).

Разумеется, данное ограничение не распространяется на все существительные, в значении которых есть указание на размер. Например, слово *клоп* обозначает очень маленькое насекомое, причем размер его мал как относительно абсолютного, антропоцентричного, стандарта, так и относительно других насекомых.

Указание на антропоцентричный стандарт входит в значение лексемы *клоп* — об этом свидетельствует переносное значение этого слова: *клоп 2* = 'ребенок, намного меньший взрослого человека', ср.: *Такой клоп, а замечания делает!* Однако нормальны как сочетания *маленький* <*небольшой, малюсенький*> *клоп*, так и сочетания *большой* <*крупный, колоссальный*> *клоп*: данные объекты допускают сравнение с объектами своего класса. Аналогично ведет себя слово *крошка*: оно обозначает очень маленькую часть какого-либо объекта, причем размер крошки мал относительно двух стандартов сразу, однако при этом крошки свободно сравниваются между собой, ср.: *маленькая крошка, большая крошка*.

Мы рассмотрели существительные, обозначающие большие или, напротив, маленькие объекты, и убедились, что указание на размер является компонентом их лексического значения. Однако большая часть предметных существительных обозначает объекты обычной, «нормальной» величины: в их семантике нет указания ни на большой, ни на маленький размер. Ср., например, слова *цветок, стул, стол, миска, кошка, петух, стрекоза, дерево* и т. п. Мы хорошо знаем обычные размеры данных объектов, но значит ли это, что соответствующие сведения являются компонентом семантики существительных? Или же это фрагмент энциклопедических знаний об окружающем нас мире?

Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим сочетания подобных существительных с лексемой *большой*; ср.: *большое дерево, большой цветок* <*стол, стул*>, *большая миска* <*кошка, стрекоза, собака*>. Каков, например, размер *большого цветка, большой миски* или *большой собаки*? Мы хорошо знаем, насколько размер *большого цветка* и *большой миски* меньше размеров человека, так же как и то, что даже *очень большая собака* меньше, по крайней мере, взрослого, а *очень большая стрекоза* легко умещается на ладони. Этим данные сочетания отличаются от сочетаний *гигантский цветок, исполинская миска, исполинская собака, громадная стрекоза*, которые могут обозначать объекты, намного превосходящие человека. Для того чтобы реально понимать различие между сочетаниями типа *большая стрекоза* — *гигантская стрекоза*, недостаточно знать семантику лексем *большой* и *гигантский*: требуется знать еще и обычный размер стрекозы. На наш взгляд, моделировать синтез и понимание подобных сочетаний будет проще, если принять, что в значении подобных существительных есть указание на размер объекта в сравнении его с человеком, т. е. с антропоцентричным эталоном. Лексема *большой*, в отличие от *гигантский* (и ее синонимов), обозначает участок

шкалы, прилегающий к стандарту для размера данного объекта. Поэтому *большая стрекоза* хотя и больше обычной *стрекозы*, но все равно гораздо меньше человека. Таким образом, сведения о размере объекта, в сравнении с антропоцентричным эталоном, естественно считать компонентом значения предметного существительного.

4. Размер и другие характеристики объекта

Описывая параметрические прилагательные, нельзя не заметить, что в семантике некоторых лексем характеристика размера тесно сплетена с указанием на другие особенности объекта⁹. Как правило, идиоматичное выражение совокупности характеристик присуще не центральным для данного семантического класса лексемам (типа *большой*, *огромный*, *маленький*, *крошечный*), а их более периферийным синонимам или аналогам.

Проиллюстрируем это на лексемах *большой* и *крупный*.

Лексема *большой* не содержит никакого указания на форму или субстанцию объекта. Одинаково хорошо *большие тяжелые дыни*, *большие мыльные пузыри*, *большая тень от телеги*. Лексема *крупный*, напротив, предполагает весомость предмета, его ощутимость, хорошо выраженную, округлую, выпуклую форму. Поэтому нормально *крупные тяжелые дыни*, *крупные мясистые листья*, однако плохо *крупные полупрозрачные листья*, *крупные тонкие лепестки*. Неудачно *Лужа покрылась крупными пузырями* [пузырь невесом], хотя нормально *Лужа покрылась большими пузырями*. Если лексема *крупный* характеризует двухмерный объект, то предполагается его четкость, выделенность относительно фона, яркий цвет. Нормально *Его руки были покрыты крупными рыжими веснушками*, однако не вполне стандартно *Его руки были покрыты крупными бледными веснушками* [нормально *большие бледные веснушки*].

Другой пример «сплетенного» выражения нескольких характеристик объекта представляют лексемы *увесистый* и *неподъемный*. Обе они указывают не только на вес, но и на размер объекта.

⁹ Мы не рассматриваем сейчас тот хорошо известный факт, что прилагательное, указывающее на конкретный параметр объекта, предполагает определенные пропорции характеризуемого объекта, а также его определенное положение в пространстве. Например, квадратный стол можно назвать *большим*, но не *длинным* или *широким*. Другой хорошо известный пример: *длинным* можно назвать лишь такой объект, длина которого сильно превосходит остальные его измерения, причем в нормальном положении он не вытянут вверх относительно наблюдателя (в этом случае его назовут *высоким*). См. об этом в работах [Апресян 1974: 58; Рахилина 1994].

Увесистым называют предмет, свободно лежащий на ладони (ср. *увесистый кольт*) или же такой, который человек несет в руке (ср. *увесистая дубинка <сумка>*). *Неподъемный* обычно характеризуетместища, предназначенные для переноски их человеком, ср.: *неподъемный рюкзак <чемодан>*, *неподъемная сумка*, *неподъемные носилки с песком*.

Заметим, что на некоторые особенности внешнего вида объекта может указывать и слово *тяжелый*. Так, в контекстах *тяжелые шторы*; *олень с тяжелыми рогами*; *Тяжелые русые косы / Упали на смуглую грудь* (Н. А. Некрасов) лексема *тяжелый* указывает не столько на вес объекта как таковой, сколько на его большой объем, массивность и т. п.¹⁰.

Подобные семантические особенности параметрических прилагательных не имеют прямого отношения к устройству шкалы размера. Однако они хорошо отражают принципиальную непоследовательность естественного языка, который разрабатывает представления о, казалось бы, похожих вещах в очень разной степени, благодаря чему в его лексической системе сосуществуют (квази)синонимы, весьма сильно различающиеся по богатству и сложности значения.

5. Резюме

Характеристика размера объекта предполагает сравнение значения данного параметра с каким-то эталоном, стандартом. В семантической системе русского языка имеется представление о двух эталонах размера — абсолютном, антропоцентричном (размер человека), и относительном (размер объектов, однотипных с данным). Можно предположить, что это семантическая универсалия: так устроено представление о размере в любом языке.

Понимание того, какой именно эталон размера имеется в виду, обуславливается контекстом. При этом большинство русских прилагательных, обозначающих общий размер объекта, могут оценивать данный параметр относительно обоих эталонов (ср.: *большой*, *маленький*). Однако есть и такие параметрические при-

¹⁰ Определенные указания на вид объекта входят в семантику диминутивов: объект маленького размера часто наделяется положительной эстетической оценкой. «*Шкафчик и столик* наверняка красивее *шкафа и стола*» [Семенова 2004: 582]. Другой пример: *дырочка*, в отличие от *дыры* и *дырки*, даже если она портит объект, обычно правильной формы, с ровными краями. Ср.: *Пуля стекло проходит — даже трещинок нет, ровная такая дырочка* (М. Веллер) — в этом контексте слова *дыра* и *дырка* были бы неуместны [Урысон 2004д].

лагательные, в значение которых встроено указание на конкретный эталон сравнения (*крупный, мелкий*). Было бы интересно провести типологическое исследование лексики разных языков с точки зрения наличия в них подобных параметрических слов с «встроенным» в лексическое значение эталоном размера.

Шкала общего размера, независимо от того, какой эталон — относительный или абсолютный — является точкой отсчета, делится на три участка: средний и два крайних. На крайних участках точкой отсчета является очень большой (ср. *огромный*) или соответственно очень маленький размер (ср. *крохотный*). Не исключено, что такое трехчленное строение шкалы общего размера наблюдается в семантической системе самых разных языков.

Представление о размере и его эталонах релевантно для описания семантики не только параметрических прилагательных, но и предметных существительных ¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 — *Апресян Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Вольф 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Рахилина 1994 — *Рахилина Е. В.* Семантика размера // Семиотика и информатика. М., 1994. Вып. 34.
- Семенова 2004 — *Семенова С. Ю.* О коннотации красоты у наименований наблюдаемых объектов // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004.
- Сэпир 1944 (1985) — *Sapir E.* Grading, a Study in Semantics // *Philosophy of Science*. 1944. Vol. 11. [Русск. пер.: *Сэпир Э.* Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.]
- Спиридонова 1999 — *Спиридонова Н. Ф.* Русские диминутивы: проблемы образования и значения // Известия АН. Сер. лит. и языка. 1999. Т. 58. № 2.

¹¹ Данное представление оказывается существенным и для словообразования. Как показано в работе [Спиридонова 1999], существительные, обозначающие «ингерентно большие или ингерентно малые объекты» (ср.: *море, собор, небоскреб, микроб* и т. п.), не образуют диминутивов с собственно уменьшительным значением.

- Урысон 2000 — *Урысон Е. В.* Понятие нормы в метаязыке современной семантики (Параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Урысон 2004а — *Урысон Е. В.* Словарная статья синонимического ряда БОЛЬШОЙ 1, КРУПНЫЙ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Урысон 2004б — *Урысон Е. В.* Словарная статья синонимического ряда МАЛЕНЬКИЙ 1.1, НЕБОЛЬШОЙ 1, МЕЛКИЙ 2.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Урысон 2004в — *Урысон Е. В.* Словарная статья синонимического ряда ОГРОМНЫЙ 1, ГРОМАДНЫЙ 1, КОЛОССАЛЬНЫЙ 1, ГИГАНТСКИЙ 1, ИСПОЛИНСКИЙ 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Урысон 2004г — *Урысон Е. В.* Словарная статья синонимического ряда ДЫРА 1, ДЫРКА, ДЫРОЧКА, ОТВЕРСТИЕ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Geach 1956 — *Geach P. T.* Good and evil // *Analysis*. 1956. № 1.

М. Е. Фрид

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СИММЕТРИЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КВАНТОРНЫМИ СЛОВАМИ

Введение

Данная работа посвящена проблеме семантического взаимодействия в предложении двух именных групп со значением множественности. Эта проблема не раз обсуждалась как в американской, так и в отечественной лингвистической литературе; см., в частности, работы Е. В. Падучевой [1974: 78–111; 1989] и И. М. Богуславского [1985: 139–151]. Анализировалась многозначность, возникающая из-за разных способов соотнесения множеств, обозначаемых именными группами, влияние типа предиката на количество возможных интерпретаций, а также способность некоторых частиц, наречий и прилагательных разрешать данную многозначность.

Цель работы — объяснить особенности сочетаемости симметричных прилагательных, т.е. прилагательных, имеющих две или более семантически равноправные валентности (таких как *равный*, *симметричный*, *одинаковый*, *взаимоисключающий* и др.) с кванторными словами. Для этого в разделе 1 приводится классификация симметричных прилагательных в связи с их семантико-синтаксическими особенностями, а в разделе 2 анализируется взаимодействие именных групп (ИГ), включающих симметричные прилагательные, с другими именными группами в предложении, в частности с именными группами, включающими кванторные слова *все*, *каждый*, *оба*.

1. Синтаксическая классификация симметричных прилагательных

Симметричные прилагательные могут иметь различную синтаксическую сочетаемость. Информация об управлении симметричного прилагательного, о возможности опущения одного из симметричных актантов является словарной [Иомдин 1981]. В данном разделе предлагается классификация симметричных прилагательных и причастий в соответствии с их синтаксическими особенностями. Классификация¹ дает возможность использовать лексико-

¹ Здесь рассматриваются только такие прилагательные и причастия, которые обозначают постоянное или долговременное отношение. Таким образом, в

графические данные о каждом классе в грамматике при анализе и синтезе предложений. Предлагаемые параметры классификации позволяют объяснить особенности сочетаемости симметричных прилагательных с кванторными словами (*каждый, все, оба*), а также предпринять контрастивный анализ русских и английских кванторных и симметричных прилагательных, которые обнаруживают некоторые интересные различия в сочетаемости. Классификация — это также удобный способ показать, какого типа неоднозначность вызвана различиями в синтаксической структуре предложений с симметричными прилагательными. Кроме того, она позволяет сопоставить лексемы с близкой семантикой, но разной синтаксической сочетаемостью.

Мы будем различать четыре употребления симметричных прилагательных: анафорическое, собственно-актантное, взаимное и внутренне-связанное.

1. Анафорическое употребление. При анафорическом употреблении один из симметричных актантов прилагательного выражен ИГ, от которой синтаксически зависит симметричное прилагательное, а другой опущен. Он упоминался ранее или задается речевой ситуацией²:

(1) *На столе другая ваза; Расправьтесь с враждебными партиями.*

2. Собственно-актантное употребление. При собственно-актантном употреблении оба симметричных актанта прилагательного выражены в предложении. Один выражен ИГ, от которой синтаксически зависит симметричное прилагательное, а другой — ИГ, которая синтаксически зависит от прилагательного:

(2) *Его идеи родственны моим; Зайди в дом, соседний с нашим*³.

3. Взаимно-равноправное употребление. При взаимно-равноправном употреблении оба симметричных актанта прилагательного

поле нашего зрения попадают слова типа *равный, склеенный* и не попадают слова типа *целующийся*.

² Анафорическое употребление правильнее было бы называть анафоро-дейктическим, так как во многих случаях опущение одного из актантов индуцирует не только анафорическое, но и дейктическое понимание. В частности, предложение *Купи мне похожее платье* может интерпретироваться как 'Купи платье, похожее на то, которое в момент речи находится в поле зрения говорящего и слушающего'.

³ Модель управления прилагательного в собственно-актантном употреблении может быть различной, ср.: *сопредельные Чечне республики и сопредельные с Чечней республики*. Однако нас здесь интересует сама возможность собственно-актантного употребления, а не его конкретное поверхностное выражение.

выражены ИГ, от которой синтаксически зависит симметричное прилагательное:

(3) *Эти методы взаимозаменяемые; Враждующие группировки перестраивались*⁴.

4. Внутренне-связанное употребление. При внутренне-связанном употреблении симметричное прилагательное Р присоединяется к существительному Х таким образом, что $P(X)$ имеет значение 'части Х находятся в отношении Р'. Заметим, что многие симметричные прилагательные могут присоединяться в таком употреблении не только к прототипическим существительным с «коллективным» значением типа *группа, семья, коллектив (сплоченная семья)*, но и к существительному с «не-коллективным» значением типа *коробка* (склеенная коробка — коробка, состоящая из склеенных между собой частей). Заметим, что если во внутренне-связанном значении употреблена группа «прилаг. Р + сущ. Х во мн. ч.», то симметричный предикат применяется не ко множеству Х, а ко множеству частей Х. Таким образом, мы будем называть внутренне-связанным то значение группы *сплоченные семьи*, которое соответствует смыслу 'семьи, каждая из которых сплочена', а не 'семьи, сплоченные друг с другом'.

На основании синтаксических свойств симметричных прилагательных мы выделяем 11 классов:

1) Класс прилагательного *похожий*

По схеме прилагательного *похожий* присоединяют к себе актанты прилагательные и причастия *альтернативный, братский, враждебный, идентичный, конгениальный, конкурирующий, коррелирующий, оппозиционный, похожий, противоположный, противоречащий, равноправный, родственный, синонимичный, смежный, совместимый, совпадающий, соперничающий, сопоставимый, сопредельный, соседний* и др.

В ед. числе для таких прилагательных возможны конструкции — (4а) и (4б):

(4а) *Купи мне похожее платье* (анафорическое употребление).

(4б) *Вот платье, похожее на твое* (собственно-актантное употребление).

⁴ Заметим, что некоторые симметричные прилагательные при взаимно-равноправном употреблении (будем в дальнейшем называть это употребление просто взаимным) могут присоединять к себе именную группу с местоимениями *друг друга, один другого*, а также именную группу *между собой*: *похожие друг на друга мальчики; мальчики, похожие один на другого; мальчики, похожие между собой*. Именная группа с *друг друга / один другого / между собой* кореферентна именной группе, от которой синтаксически зависит симметричное прилагательное.

Во мн. числе для прилагательных класса *похожий* возможны конструкции (4в) и (4г).

(4в) *Купи похожие платья.*

(4г) *Вот платья, похожие на твои* (собственно-актантное употребление)⁵.

Конструкция (4в) неоднозначна. У таких предложений есть две интерпретации:

а) 'Купи платья, похожие одно на другое' (взаимная⁶ интерпретация).

б) 'Купи платья, похожие на упомянутые выше платья' (анафорическая интерпретация).

Для прилагательного (не)совместимый возможно не только собственно-актантное употребление, но и «актантно-инкорпорированное употребление» (ср. сочетания *компьютер, совместимый с IBM PC* и *IBM PC совместимый компьютер*).

2) Класс прилагательного *взаимоисключающий*

В этот класс входят прилагательные и причастия, начинающиеся с форманта «взаимо» (*взаимовраждебные, взаимодополняющие, взаимоисключающие, взаимозаменяемые, взаимосвязанные, взаимообусловленные* и нек. др., а также прилагательное *одинаковые*).

Во мн. числе⁷ данные прилагательные/причастия употребляются во взаимно-равноправной конструкции, т.е. обе симметричные валентности выражены в пределах одной синтаксической группы:

(5) *«Черно-белое» деление предполагает взаимоисключающие системы этических координат.*

3) Класс прилагательного *тождественный*

В этот класс входят прилагательные *равный 1* ('одинаковый'), *тождественный*, а также причастия, образованные от симмет-

⁵ Английские прилагательные *same* и *different* имеют синтаксическую модель поведения, сходную с моделью поведения прилагательных рассматриваемого класса, см. [Israeli 1999].

⁶ Для многих абстрактных понятий в контексте симметричных прилагательных требование употребления множественного числа не является обязательным, ср.: *Вася и Петя имеют похожие карандаши* и *Вася и Петя имеют похожую внешность*. Во втором предложении именная группа *похожую внешность* имеет морфологическое единственное число и семантическое — множественное.

⁷ В принципе, прилагательные типа *взаимоисключающий* могут быть употреблены и в ед. числе в сочетании с непередметными существительными (*Так события, которые произошли буквально на глазах всего мира (все смотрели картинку CNN), отпечатываются в памяти разных людей взаимоисключающим образом*).

ричных глаголов: *связанный* ('имеющий связь с чем-л.'), *отличающийся* ('отличающийся от чего-л.') и др.

В ед. числе прилагательные и причастия этого класса могут употребляться только собственно-актантно, а во мн. числе — взаимно и собственно-актантно. Анафорическое понимание для них невозможно, ср.:

(6а) *Найди треугольник, равный данному;*

(6б) **Найди равный треугольник;*

(6в) *Найди треугольники, равные данному;*

(6г) *Найди равные треугольники* (только взаимное, но не анафорическое понимание).

Заметим, что прилагательное *равный 2* в значении 'равноправный' принадлежит классу *похожий*, так как для него возможно анафорическое употребление, см.:

(7) *Между тем рядом с Анатолием Васильевичем была не просто любящая жена — рядом был верный союзник, равный партнер, преданный помощник.*

Попутно отметим, что английские причастия *related* и *connected*, с помощью которых на английский язык переводится русское причастие *связанный* (по смыслу), не относятся к рассматриваемому классу. Они попадают в класс 1 (класс прилагательного *похожий*), так как для них возможно анафорическое употребление, ср. примеры (8)–(9), где *related* и *connected* употреблены анафорически:

(8) *A connected view of Shakespeare's versification will be given later* 'Связанный с этим взгляд на шекспировское стихосложение будет дан позже'.

(9) *I want to raise a related question* 'Я хочу поднять связанный с этим вопрос'⁸.

Примеры (8)–(9) демонстрируют асимметрию между английскими и русскими причастиями: в русских переводах английских фраз появляется именная группа с *этим*, выражающая второй

⁸ Интересные модели употребления симметричных слов *related* и *similar* мы находим в поисковых системах Интернета. В англоязычных поисковых системах, таких как Google и Alta Vista, используются термины *similar pages* (похожие страницы) и *related pages* (страницы, связанные с выбранными). В русских же поисковых системах употребляется только термин *похожие страницы*, видимо, потому, что русский перевод английского сочетания *related pages* был бы слишком тяжеловесен — русское *связанный* не может употребляться анафорически.

актант симметричного причастия. В английских предложениях необходимости в такой группе нет.

Английские корреляты русских прилагательных *равный* и *тождественный* — *equal* и *identical* — тоже не относятся к рассматриваемому классу; они относятся к классу *похожий*, ср. примеры (10)–(11), где *equal* и *identical* употреблены анафорически:

- (10) *Find the angle ADB. Upon AB describe a segment of a circle containing an equal angle* 'Найдите угол ADB. Над AB начертите отрезок окружности, содержащий угол, равный ADB'.
 (11) *Just to be on the safe side, they donated an identical sum to Bobby* 'На всякий случай они вручили такую же (*равную) сумму Бобби'.

4) Класс причастия *склеенный*

В этот класс входят причастия *склеенный, слепленный, соединенный, скрепленный, сросшийся, воссоединившийся, объединенный, разединенный, сочиненный* ('сочиненный синтаксически').

Описываемый класс *склеенный* отличается от предыдущего (*тождественный*) тем, что входящие в него причастия в ед. числе употребляются во внутренне-связанном значении: 'состоящий из частей, находящихся между собой в том или ином отношении'. Например, *склеенный домик* — 'домик, состоящий из частей, склеенных между собой'; *сросшаяся линия бровей* — 'линия бровей, которые срослись'. Во мн. числе некоторые из этих причастий тоже могут употребляться внутренне-связанно. Так, сочетание *сочиненные именные группы* может иметь два значения: 'именные группы, каждая из которых состоит из сочиненных компонентов' (внутренне-связанное употребление) и 'именные группы, которые сочинены между собой' (взаимное употребление).

Таким образом, причастия данного класса никогда не употребляются анафорически; они употребляются только внутренне-связанно, собственно-актантно и взаимно.

5) Класс, состоящий из прилагательных *разный* и *разнообразный*

Прилагательные *разный* и *разнообразный* отличаются от прилагательных класса *взаимоисключающий* тем, что в ед. числе у них может быть внутренне-связанное употребление: у *разный* только в предикативной позиции, у *разнообразный* — и в атрибутивной, и в предикативной, см.:

- (12) *Во всех книгах он разный: веселый и грустный, хромой и здоровый, с оттопыренными усами и так себе; интересный и разнообразный сайт; *разный сайт.*

6) Прилагательные *другой, иной*

Прилагательные *другой* и *иной* употребляются только анафорически⁹, как в ед. числе, так и во мн. числе, см.:

(13) *Дай мне другую книгу / другие книги.*

7) Прилагательные и причастия *разобщи́нный, разро́зненный, противоре́чивый, дру́жный*

Прилагательные этого класса в ед. числе имеют внутренне-связанное употребление, а именно: 'состоящий из частей, которые находятся в отношении X'. Так, *противоре́чивый X* обозначает 'X, состоящий из противоре́чивых частей'. Противоре́чивый характер — это характер, характеризующийся противоре́чивыми чертами. *Противоре́чивый* в ед. числе не может употребляться ни собственно-актантно, ни анафорически. Во мн. числе *противоре́чивый* может употребляться во взаимном и во внутренне-связанном значении. Это является причиной неоднозначности типа *противоре́чивые рассказы*: 'рассказы, которые противоречат друг другу' и 'рассказы, каждый из которых внутренне противоречив'.

8) Прилагательное *отли́чный от*

Прилагательное *отли́чный от* употребляется только собственно-актантно в ед. и во мн. числе, ср.: *мнение, отличное от моего; взгляды, отличные от моих.*

9) Местоименные прилагательные *такой же* и *тот же*

Оба прилагательных употребляются в ед. и во мн. числе собственно-актантно и анафорически (*Дай мне такую же книгу, как у тебя; Дай мне такие же книги.*)

10) Прилагательные *одноро́дный* и *разноро́дный*

Оба прилагательных в ед. числе употребляются внутренне-связанно (*На этой основе организовался разноро́дный блок*), во мн. числе — внутренне-связанно и взаимно. Предложение *На этой основе организовались разноро́дные блоки* имеет два значения — либо каждый из блоков был внутренне разнороден, либо блоки были разнородны по сравнению друг с другом.

11) Местоименное выражение *один и тот же*

Местоименное прилагательное *один и тот же* употребляется взаимно и в ед. числе, и во мн. числе. Это единственное симметричное

⁹ В разговорной речи встречается собственно-актантное употребление прилагательного *другой* (*Вася другой, чем Петя*), ср. также пример из В. Каверина: *Потом Катя говорила, что едва она меня увидела, как сразу поняла, что я «совсем другой, чем был третьего дня у Большого театра».*

прилагательное, которое может употребляться взаимно в сочетании с существительными, обозначающими физические объекты, в ед. числе. Значение этого прилагательного состоит в том, что сравниваются несколько сущностей (возникает значение взаимности) и утверждается, что они тождественны, т. е. составляют различные инстанции одной сущности (возникает значение единственности, выражаемое единственным числом). Так, предложение *Я ходил два раза в один и тот же театр* значит 'Тот театр, в который я ходил в первый раз, тождественно совпадает с тем театром, в который я ходил во второй раз'. Если употреблено мн. число, то это означает, что сравнение идет между парами (или тройками и т. д.) сущностей (*Бывая в Москве, он ходил в одни и те же театры*).

2. Взаимодействие ИГ, включающей симметричное прилагательное, с другими именными группами в предложении

В этом разделе мы рассмотрим ряд симметричных прилагательных, употребляющихся взаимно, а именно: *взаимоисключающий, несовместимый, одинаковый, похожий, противоположный, равный, разный, родственный, соседний*, и проанализируем взаимодействие ИГ, включающих эти прилагательные, с другими ИГ в предложении, в частности с ИГ, включающими кванторные слова *все, каждый, оба*.

В работах [Carlson 1987; Moltmann 1992; Beck 1999] обсуждается следующий тип многозначности: предложение (1) может иметь два значения: (а) 'Джон ходил в одни магазины, а Алекс в другие'; (б) 'Джон ходил в разные магазины, и Алекс ходил в разные магазины, в частности, они могли ходить по магазинам вместе'.

- (1) *John and Alex went to different shops* 'Джон и Алекс ходили в разные магазины'.

Будем называть употребление (а) прилагательного *different* (т. е. то употребление, при котором магазины, посещенные Джоном, сопоставляются с магазинами, посещенными Алексом) перекрестным, а употребление (б) — неперекрестным.

Чтобы у именной группы *different X* возник перекрестный смысл, нужно, чтобы в предложении была еще одна именная группа, которая индуцировала бы эту перекрестную интерпретацию. Например, в предложении *Джон и Алекс ходили в разные магазины* перекрестный смысл именной группы *разные магазины* задается именной группой *Джон и Алекс* (магазины распреде-

лены между Джоном и Алексом, и происходит сравнение магазинов, которые выбрал Алекс, с магазинами, которые выбрал Джон).

Распространим противопоставление перекрестного/неперекрестного употребления прилагательных *different* и *разный* на другие симметричные прилагательные. Покажем, что большинство симметричных прилагательных, выражающих постоянное отношение и употребляющихся взаимно, имеют как перекрестную, так и неперекрестную интерпретацию. Для этого рассмотрим контексты, которые способны как поддерживать, так и снимать многозначность, присущую симметричным прилагательным.

Рассмотрим предложения (2)–(4).

- (2) *Таня и Ваня купили одинаковые автомобили.*
- (3) *Таня и Ваня родились в одинаковых условиях.*
- (4) *Таня и Ваня вместе ходили по разным выставкам.*

Предложение (2) имеет среди своих значений (2а) 'Таня купила такой же автомобиль (или такие же автомобили), как Ваня' и (2б) 'Таня и Ваня вместе купили несколько одинаковых автомобилей'. В предложении же (3) прилагательное *одинаковый* употреблено однозначно перекрестно. Многозначность здесь снимается контекстом глагола *родиться*. Один человек не может родиться дважды, сначала в одних условиях, а потом в других, поэтому мы можем понять это предложение только следующим образом: 'Условия, в которых родился один, совпадают с условиями, в которых родился другой'. В предложении (4) прилагательное *разный* имеет однозначно неперекрестное прочтение. Такое прочтение задает наречие *вместе*.

В предложениях (5)–(9) приведены примеры перекрестного (помечены буквой а) и неперекрестного (помечены буквой б) употребления прилагательных *равный*, *родственный*, *соседний*, *несовместимый*, *похожий*.

- (5а) *Корпоративные и индивидуальные подписчики проявили равный интерес к подписке на «Коммерсант»* ('интерес, который проявили к подписке корпоративные подписчики, совпадает по силе с интересом, который проявили индивидуальные подписчики').
- (5б) *Гул и тряска от проходящих поездов докатывались из нутра горы через равные промежутки времени* ('Гул и тряска докатывались одновременно').
- (6а) *У них родственные души.*
- (6б) *В этом пособии мы расскажем о двух родственных понятиях: ядерной и радиационной безопасности.*

(7а) *Соня и Вера занимали в дортуаре соседние койки.*

(7б) *Лианы, перекидываясь с дерева на дерево, связывали между собой соседние стволы.*

(8а) *Предприятия, желающие совместно использовать сетевые ресурсы, часто имеют несовместимые системы.*

(8б) *Кандидатов от этой партии поддерживали, казалось бы, самые несовместимые политические силы.*

(9а) *Мы с ней легко подружились, поскольку воспитывались в похожих интернатах.*

(9б) *В театре мы натолкнулись на двух похожих друг на друга, как две капли воды, близнецов.*

Покажем, что среди симметричных прилагательных есть такие, которые всегда употребляются только неперекрестно. Это прилагательные *разнообразный* (в отличие от *разный*), *противоречивый* (в отличие от *противоположный*), *various* (в отличие от *different*).

Рассмотрим примеры (10а) и (10б).

(10а) *В магазине и в бассейне продаются разные плавательные очки.*

(10б) *В магазине и в бассейне продаются разнообразные плавательные очки.*

Предложение (10а) имеет в числе значений 'очки из магазина отличаются от очков из бассейна', а (10б) этого значения не имеет¹⁰, т.е. перекрестное употребление прилагательного *разнообразный* отсутствует.

Рассмотрим теперь прилагательные *противоречивый* и *противоположный*, из которых *противоречивый* имеет только неперекрестное употребление, а *противоположный* — и перекрестное, и неперекрестное. Сравним фразы (11а) и (11б):

(11а) *В разные годы высказывались противоположные оценки его трудов.*

(11б) *В разные годы высказывались противоречивые оценки его трудов.*

Предложение (11а) может быть употреблено, например, в следующем контексте: в 1993 году была высказана отрицательная оценка его трудов, а в 1996 году — положительная. Для примера (11б) естественной интерпретацией является следующая: в 1993 году одновременно высказывались как положительные, так и отрицательные оценки его трудов, и в 1996 году его труды тоже оценивались по-разному.

Обратимся теперь к взаимодействию ИГ, включающей симметричное прилагательное, с ИГ, включающей квантор общности.

¹⁰ Предложение (10а) в обсуждаемом значении имеет акцент на слове *разные*, в предложении (10б) слово *разнообразные* с точки зрения фразового акцента безударно.

В качестве примеров симметричных прилагательных мы далее будем рассматривать прилагательные *разный*, *похожий*, *один и тот же* и *одинаковый*.

Мы обращаемся к этой группе прилагательных, потому что именные группы, включающие данные прилагательные, широко взаимодействуют с ИГ, включающими квантор общности. Широкое взаимодействие с кванторными словами определяется тем, что рассматриваемые симметричные прилагательные имеют следующие свойства:

- 1) Они имеют взаимное употребление, которое служит необходимым условием перекрестного употребления (ср., например, *такой же*, который данного употребления не имеет).
- 2) Они естественно употребляются в ситуациях, где сравнивается большое количество объектов. Это свойство важно для сочетаемости с кванторами *все*, *каждый*, которые квантифицируют множества, состоящие из более чем двух элементов (ср. с отношениями *соседний*, *взаимоисключающий*, которые более естественно устанавливать между двумя элементами).
- 3) Они принадлежат к разговорной сфере языка (в отличие от книжных прилагательных типа *параллельный*, *взаимоисключающий*).

Интересные результаты для исследования взаимодействия симметричных прилагательных с кванторными словами дает контрастивный анализ. Так, английские местоимения *each* и *every* обычно переводятся на русский язык с помощью местоимения *каждый*, ср.:

- (12) *Every/each sentence spoken by Napoleon deserves reading* 'Каждая фраза, сказанная Наполеоном, заслуживает того, чтобы ее прочли'.

Рассмотрим контексты, в которых английские кванторные слова *each* и *every* не могут переводиться на русский язык с помощью *каждый*, и покажем, что это может быть обусловлено взаимодействием с симметричными прилагательными.

Как говорилось выше, чтобы у именной группы, включающей симметричное прилагательное, возник перекрестный смысл, нужно, чтобы в предложении была еще одна именная группа, которая индуцировала бы эту перекрестную интерпретацию. Например, во фразе *Таня и Ваня купили одинаковые автомобили* перекрестный смысл именной группы *одинаковые автомобили* задается именной группой *Таня и Ваня* (автомобили распределены между Таней и Ваней, и происходит сравнение Таниного автомобиля с Ваниным). Такой именной группой может быть группа, включающая квантор всеобщности.

Рассмотрим именные группы с симметричными прилагательными во взаимодействии с кванторными словами в русском языке. Так, именная группа с местоимением *все* может задавать перекрестный смысл другой именной группы в предложении, см.:

(13) *Все мальчики выбрали разные машинки.*

Предложение (13) может иметь перекрестный смысл 'Машинка каждого из мальчиков отличалась от машинки другого мальчика'.

Что же касается именных групп с местоимением *каждый*, то такие именные группы не могут задавать перекрестной интерпретации именных групп с симметричными прилагательными, см.:

(14) *Каждый мальчик выбрал разные машинки.*

Предложение (14) значит 'один мальчик выбрал разные машинки, другой выбрал разные машинки и т. д.'

Таким образом, ожидаемое перекрестное значение 'каждый из мальчиков выбрал по машинке, и эти машинки отличаются' у предложения (14) отсутствует.

В английском же языке именные группы с местоимениями *each* и *every*, в отличие от ИГ с их русским коррелятом *каждый*, способны задавать перекрестный смысл именной группы с симметричным прилагательным. Поэтому предложение (15) значит 'книга каждого из мальчиков отличается от книги других мальчиков'.

(15) *Each boy has a different book.*

Рассмотрим английское предложение (16) с симметричной ИГ во мн. числе.

(16) *Every town has different problems.*

Оно может значить либо 'У одного города есть разные проблемы, у другого города есть разные проблемы и т. д.' (неперекрестная интерпретация), либо 'Проблемы каждого из городов отличаются от проблем других городов, т. е. все города имеют разные проблемы' (перекрестная интерпретация). Поместим предложение (16) в контекст (17).

(17) *There are no two towns alike in the State of New Jersey.*

Сочетание *Every town has different problems: there are no two towns alike in the State of New Jersey* переводится следующим образом: 'У всех городов разные проблемы: в штате Нью-Джерси нет двух похожих городов'. Предложение 'У каждого города есть разные проблемы' не может служить адекватным переводом, так

как оно значит 'У одного города есть разные проблемы, у другого города есть разные проблемы и т. д.' и не может иметь смысла 'Проблемы каждого из городов отличаются от проблем других городов'. Аналогично интерпретируются примеры (18) и (19).

- (18) *Each bottle contains a different iced drink* 'Все бутылки содержат разные холодные напитки' (**Каждая бутылка содержит разные напитки*).
- (19) *Each had drawn different conclusions from what they had seen* 'Все сделали разные выводы из того, что увидели' (**Каждый сделал разные выводы из того, что увидел*).

Приведем еще несколько аналогичных примеров с другими симметричными прилагательными. Рассмотрим английское предложение:

- (20) *Each county has an equal representation in the legislature.*

Адекватным переводом предложения (20) служит русское предложение *Все округа имеют равное представительство в законодательном собрании*, а перевод **Каждый округ имеет равное представительство в законодательном собрании* неверен, ср. также:

- (21) *There is little to choose between the tourist centres. Each offers similar activities and attractions in a forest setting: go for the one that's nearest to you* 'Между этими турбазами почти нет разницы. Все предлагают практически одинаковые (похожие) игры и развлечения на природе: выберите ту [турбазу], которая расположена ближе к вам' (**каждая предлагает практически одинаковые развлечения*).

Таким образом, при переводе на русский язык английских предложений с *each* и *every* в контексте симметричных прилагательных в перекрестной интерпретации вместо ожидаемой именной группы с *каждый* используется именная группа с местоимением *все*. Перевод с *все* также возможен не всегда. Он невозможен в том случае, когда именная группа с *each* обозначает два объекта, потому что в русском языке смысл 'все два' реализуется с помощью местоимения *оба*, см. [Падучева 1974: 99].

Альтернативным переводу с *все... разные* в контексте кванторных слов для *each... different* служит перевод с *каждый... свой*. Так, примеры (16), (18), (19) могут быть переведены как *У каждого города свои проблемы; В каждой бутылке свой напиток; Каждый сделал свои выводы*. Тем не менее *свой* подходит только для перевода *different* и не подходит для перевода других симметричных

прилагательных, например *similar* и *equal*. Кроме того, *different* и *разный* тоже не всегда можно заменить на *свой*. *Different* и *разный* могут обозначать не только экстенциональное различие — нетождество, но интенциональное различие — неподобие (см. [Арутюнова 1990: 11]). *Свой* же может обозначать только экстенциональное различие. Поэтому, например, предложение (22) вовсе не подразумевает того, что все пакеты неодинаковые, т. е. интенционально разные, ср. также (23а) и (23б):

(22) *У каждого свой пакет чипсов.*

(23а) *Каждый купил свой подарок, а потом оказалось, что все подарки одинаковые.*

(23б) **Все купили разные (с фразовым акцентом на разные) подарки, а потом оказалось, что все подарки одинаковые.*

Уточним, что именная группа с *каждый* не способна задавать перекрестной интерпретации другой именной группы в предложении только в том случае, если эта именная группа является актантом при предикате. Если же ИГ с *каждый* служит обстоятельством, к ней возвращается способность задавать перекрестное прочтение именной группы — актанта при соответствующем предикате. См. в связи с этим примеры (24а)–(24в), где *каждый* входит в состав обстоятельств, что делает перекрестную интерпретацию возможной.

(24а) *Каждый раз Петя говорил разные вещи.*

(24б) *В каждом случае применялись различные / одни и те же меры наказания.*

(24в) *В каждом ресторане Петя заказывал разные / одни и те же блюда.*

Итак, запрет на перекрестную интерпретацию снимается в том случае, если ИГ с *каждый* является обстоятельством.

Обратимся теперь к взаимодействию именной группы, включающей числительное *оба*, с именной группой, включающей симметричное прилагательное. Именные группы с *оба* имеют следующие особенности. Как отмечают Л. Л. Иомдин [1981: 100] и Е. В. Падучева [1989: 18], именная группа, содержащая *оба*, не может синкретично выражать симметричные валентности предиката, ср.: **Оба мальчика случайно встретились на улице; *Оба отрезка равны между собой.*

Отметим еще одну, сходную, особенность числительного *оба*: ИГ-актанты, а также обстоятельства при предикате, включающие *оба*, не могут индуцировать перекрестную интерпретацию симметричного прилагательного, входящего в состав актанта или обстоятельства при этом предикате, см.:

- (25) *Оба тянут в разные стороны; *Оба приходили с разными целями;
*В обоих случаях применялись разные наказания; *Обе гостиницы
предлагают одинаковые услуги.

Здесь существенно, что в примерах (25) именная группа с *оба* находится в теме предложения, а именная группа / обстоятельство с симметричным прилагательным — в реме. Если же именная группа с *оба* и с симметричным прилагательным соответственно относятся к теме предложения, то запрет на перекрестную интерпретацию снимается. Так, в (26) *оба* индуцирует перекрестную интерпретацию симметричного прилагательного, потому что симметричное прилагательное входит в обстоятельство, не являющееся ремой:

(26a) Оба разными путями пришли к этому мудрому решению.

(26b) Оба в разное время приходили в этот парк.

Действительно, обстоятельства *разными путями* и *в разное время* относятся к теме предложений (26a), (26b) и имеют перекрестную интерпретацию: один шел одним путем, а другой — другим; один приходил в одно время, а другой — в другое.

Заключение

Мы рассмотрели один из типов неоднозначности, уже обсуждавшийся в работах западных лингвистов применительно к прилагательным *different* и *same*. Это противопоставление перекрестного и неперекрестного употребления симметричных прилагательных. Было показано, для каких русских прилагательных этот тип неоднозначности релевантен (это прилагательные *соседний*, *враждебный*, *противоположный*), а для каких, наоборот, не релевантен (это прилагательные *противоречивый*, *разнообразный*). Кроме того, было показано, что русская именная группа с *каждый*, будучи актантом при предикате, не может задавать перекрестной интерпретации симметричного прилагательного, входящего в состав другой именной группы или обстоятельства при этом предикате. Для английских *each* и *every* этого запрета нет. Русское числительное *оба*, входящее в состав именной группы — актанта или обстоятельства при предикате, не может индуцировать перекрестной интерпретации симметричного прилагательного, входящего в состав другой именной группы или обстоятельства при этом предикате, в том случае, если именная группа / обстоятельство с симметричным прилагательным относятся к реме предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н.Д.* Тожество и подобие: Заметки о взаимодействии концептов // Тожество и подобие: Сравнение и идентификация. М., 1990.
- Богуславский 1995 — *Богуславский И.М.* Сфера действия лексических единиц. М., 1995.
- Иомдин 1981 — *Иомдин Л.Л.* Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.
- Падучева 1974 — *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.
- Падучева 1989 — *Падучева Е.В.* Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. 1989. № 2.
- Beck 1999 — *Beck S.* The Semantics of *DIFFERENT*: Comparison Operator and Relational Adjective // *Linguistics and Philosophy*. 1999. № 39.
- Carlson 1987 — *Carlson G.N.* Same and Different: Some Consequences for Syntax and Semantics // *Linguistics and Philosophy*. 1987. № 10.
- Israeli 1999 — *Israeli A.* 'Same' and 'Different' in Russian // *Journal of Slavic Linguistics*. 1999. № 7 (2).
- Moltmann 1992 — *Moltmann F.* Reciprocals and Same/Different: Towards a Semantic Analysis // *Linguistics and Philosophy*. 1992. № 15.

ПАРАМЕТРЫ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Вступительные замечания

Количественной оценке (квантификации) подвергаются, прежде всего, различные объекты окружающей нас действительности, образующие дискретные и недискретные совокупности. В качестве показателей количественной оценки используются такие единицы, как количественные числительные, местоимения-числительные (*сколько, столько, несколько*), такие слова, как *все, некоторые, большинство, многие, многое, много, мало* и т. п.

Наряду с показателями количественной оценки совокупностей объектов, естественный язык располагает средствами для квантификации моментов времени и возможных ситуаций.

Квантификация моментов времени (темпоральная квантификация) осуществляется при помощи «дезактуализаторов» — например, таких наречий, как *всегда* (≈ ‘во все моменты времени’), *иногда* (≈ ‘в некоторые моменты времени’), *обычно* (≈ ‘в большинство моментов времени’), *часто* (≈ ‘во многие моменты времени’), *редко* (≈ ‘в немногие моменты времени’). Содержательное сходство квантификации объектов и темпоральной квантификации проявляется в том, что те же самые показатели, которые используются для темпоральной квантификации при сочетании с «эпизодическими» предикатами, в тех случаях, когда они сочетаются с «гномическими» предикатами, прочитываются как квантор при имени множества. Ср. примеры из романа Солженицына «В круге первом»: *...эти заключённые, не имеющие прав людей, на самом деле часто бывали выше, чем он сам* ≈ ‘многие из этих заключенных...’; *Не было у горожан пищи или не было у них жилищ (часто — ни того, ни другого)...* ≈ ‘У многих горожан не было ни пищи, ни жилищ’¹.

Настоящая заметка представляет собою развитие положений, ранее сформулированных в совместных работах с †Т. В. Булыгиной [Булыгина, Шмелев 1988; Bulygina, Shmelev 1990; Булыгина, Шмелев 2000].

¹ Ср. аналогичные примеры из «Ракового корпуса»: «...оказалось — я хорошо переношу рентген». — «Это далеко не часто! Это удача!» ≈ ‘...далеко не многие хорошо переносят рентген...’; *Она недавно кончила консерваторию, играет прекрасно, и умница, что не часто среди музыкантов...* ≈ ‘...не многие музыканты — умницы’.

Квантификация возможных ситуаций (модальная квантификация) осуществляется при помощи модальных показателей, таких как *непрерывно* (\approx 'во всех мыслимых ситуациях'), *может* (\approx 'в некоторых мыслимых ситуациях') и т. п. Модальные показатели также при определенных условиях могут использоваться для темпоральной квантификации и квантификации объектов. В частности, они выступают как кванторы при имени множества в языке школьной математики, на котором обсуждаются вневременные абсолютные истины, — высказывание *В прямоугольном треугольнике катеты могут быть равны между собою* приблизительно означает 'В некоторых прямоугольных треугольниках катеты равны между собою' [Шмелев 1989].

В дальнейшем речь пойдет только о квантификации объектов и совокупностей: учет темпоральной и модальной квантификации, не добавляя ничего принципиально нового, сделал бы изложение чрезмерно громоздким — в частности, потому, что показатели темпоральной и модальной квантификации принципиально неоднозначны и могут использоваться и для квантификации объектов. По этой же причине не будет рассматриваться квантификация без эксплицитного показателя, или, выражаясь иначе, с нулевым показателем: за внешне не выраженным показателем могут скрываться самые разные квантитативные оценки².

Для описания квантификации объектов, как она представлена в русском языке, существенны, по меньшей мере, следующие, не зависящие друг от друга параметры: 1) дискретность/недискретность квантифицируемого объекта (совокупности); 2) наличие/отсутствие «объемлющей совокупности»; 3) объективированность количественной оценки.

Параметр дискретности/недискретности квантифицируемого объекта связан с тем, что количественная оценка может быть дана как дискретным множествам, так и недискретным объектам. В первом случае оценка дается числу элементов квантифицируемого множества (*пять яблок, несколько человек, многие лингвисты, уйма крыс*); во втором — объектом количественной оценки ока-

² Ср. примеры из книги [Крейдлин, Шмелев 1993: 153]: (1) *В прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы*; (2) *Две хорды, которые выходят из одной точки окружности и концы которых совпадают с концами диаметра той же окружности, являются катетами прямоугольного треугольника*. В явном виде кванторные слова и в первом, и во втором предложении отсутствуют, так что нужно применить особые правила, чтобы установить, что в первом предложении речь идет о всяком прямоугольном треугольнике, а во втором — о каком-то, о некотором треугольнике.

зывается «величина» объекта, обычно рассматриваемая с точки зрения некоторого измерения: веса, объема, площади (*пуд соли, литр молока, тридцать метров жилплощади, много воды*). Представление о «количестве» недискретного объекта весьма близко представлению о его размере; не случайно в русском языке, как и в ряде других, сравнительная степень слов *много* и *мало*, указывающих на количество, совпадает со сравнительной степенью прилагательных *большой* и *маленький*, указывающих на размер.

Параметр наличия/отсутствия «объемлющей совокупности» существен для различения «выделительной» и «измерительной» квантификации. При «выделительной» квантификации оценивается отношение квантифицируемой совокупности к некоей объемлющей совокупности, частью которой она является: *каждый человек, весь хлеб* (совпадение с объемлющей совокупностью), *большинство лингвистов* (большая часть объемлющей совокупности), *некоторые...* (часть объемлющей совокупности), *многие из них* (значительная часть объемлющей совокупности). При «измерительной» квантификации никакая объемлющая совокупность не предполагается, поэтому необходим какой-то иной эталон сравнения для количественной оценки. В роли такого эталона может выступать единица измерения (для дискретных множеств естественной единицей измерения является элемент множества, или «штука», — иными словами, подсчитывается число элементов квантифицируемого множества) или некоторое уже известное количество (ср. *столько же, сколько...*). Но, кроме того, эталон может зависеть от внешних и трудно определяемых факторов: *мало* может означать 'меньше чем ожидалось', 'меньше чем обычно бывает', 'меньше чем требуется' и т. п.

Мы логически подошли к третьему из упомянутых параметров — объективированности количественной оценки. Такая оценка может считаться объективированной, если используется какой-то объективный эталон сравнения (например, «штука» или признанная единица измерения) или дается «объективная» оценка соотношению с «объемлющей совокупностью» (например, совпадение/несовпадение). Но при использовании таких выражений, как *много, мало, многие, немногие, мало кто* (тем более таких восклицаний, как *сколько!*), оценка остается субъективной: то, что один оценит как *мало*, другой может охарактеризовать как *много*³.

³ В статье [Булыгина, Шмелев 1988] мы рассматривали противопоставление «логической» и «прагматической» квантификации, за которым фактически скры-

Рассмотрим теперь первые два из указанных параметров несколько подробнее.

Дискретность/недискретность квантифицируемого объекта

Дискретность/недискретность квантифицируемого объекта существенна для функционирования ряда русских выражений, которые используются только при обозначениях дискретных множеств: *несколько* (в отличие от сходного по смыслу слова *немного*, а также от слов *сколько* и *столько*), *большинство* (в отличие от сходного по смыслу выражения *большая часть*), *число* (в отличие от сходного по смыслу слова *количество*), *каждый* и др.

Противопоставление дискретных и недискретных множеств при квантификации отчасти коррелирует с противопоставлением существительных во множественном и в единственном числе, однако полного соответствия здесь нет. Помимо того очевидного обстоятельства, что при использовании таких кванторных слов, как *каждый*, квантифицируемое множество дискретно, однако обозначается именной группой в единственном числе, а также наличия существительных *pluralia tantum*, которые могут обозначать недискретные вещества (*сливки*, *чернила*)⁴, можно отметить еще два момента. Во-первых, возможны обозначения дискретных множеств существительными в единственном числе. Например, слово *народ* в одном из значений (которое реализуется как раз в сочетаниях с квантификаторами) обозначает множество людей: *сколько народу?* (= 'сколько людей'), *много народу* (= 'много людей'). В частности, нередко имеет место метонимическое обозначение совокупности людей посредством существительного в единственном числе — так в «Словаре языка Пушкина» [Словарь 1956] у слова *город* выделяется особый оттенок значения, поясняемый: «О жителях го-

вались два разных параметра. К «логической» квантификации мы относили то, что здесь названо «выделительной» квантификацией; однако под «прагматической» квантификацией, которой мы ее противопоставляли, по существу понималась не «измерительная» квантификация как таковая, а лишь одна ее разновидность — субъективная «измерительная» квантификация.

⁴ Впрочем, в отношении существительных *pluralia tantum* сохраняется возможность их трактовки как имен с омонимичными формами единственного и множественного числа, предложенная в классической работе А. А. Зализняка [1967]. При такой трактовке можно считать, что такие недискретные вещества, как *сливки* или *чернила*, обозначаются существительными в единственном числе, лишь по форме напоминающими существительные во множественном числе.

рода». Этот оттенок иллюстрируется такими примерами: *А сват Трофим, который у тебя / И день, и ночь? Весь город это знает; Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города*. Ср. также примеры из «Бориса Годунова»: *Весь город был свидетель злодеянья; Бегут на двор царицы. Я / Спешу туда ж — а там уже весь город*. Во-вторых, совокупность, обозначаемая существительным во множественном числе, может браться в таком аспекте, который позволяет трактовать ее как недискретный объект. Так, в высказывании *У тебя все руки измазаны* выражение *все руки* указывает не на дискретное множество, состоящее из двух элементов — двух рук адресата⁵, а на недискретную поверхность этих рук.

Правда, следует отметить, что приведенные выше слова *несколько*, *большинство*, *число* не сочетаются с обозначениями дискретных множеств, обозначенных существительными в единственном числе. Мы не можем сказать **несколько народу* (имея в виду нескольких человек), **большинство города* (ср. выражение *большая часть города*, которое может означать большинство жителей города). Однако неверно было бы заключить, что ограничение на сочетаемость рассматриваемых слов является формально-морфологической и не имеет отношения к требованию дискретности квантифицируемого множества. Эти слова не сочетаются с существительными в единственном числе, но не сочетаются они и с обозначениями недискретных объектов, выраженных существительными во множественном числе, будь то *pluralia tantum* (**несколько чернил*; **большинство сливок*) или множеств, рассмотренных в «недискретном» аспекте (нельзя сказать: *У тебя большинство рук измазано*).

Вопрос о роли дискретности квантифицируемого множества имеет отношение к морфологической трактовке словоформ *весь* и *все* в адъективном употреблении (во всех падежах). В статье [Булыгина, Шмелев 1988] мы высказали мнение, что нецелесообразно разрывать парадигмы этих единиц, считая *весь* единицей, используемой для количественной оценки недискретных объектов (со значением 'целиком'), а *все* — супплетивной формой множественного числа лексемы *каждый* (или *всякий*), используемой для квантификации дискретных множеств. Помимо очевидной семантической связи между количественной оценкой дискретных множеств и недискретных объектов, можно заметить, что, в силу всего сказанного выше, морфологическое различие по числу

⁵ Для указания на совпадение дискретного двухэлементного множества с обобщающей совокупностью в русском языке используется не слово *все*, а слово *оба*.

не полностью соответствует различию по дискретности–недискретности.

Несколько иначе обстоит дело с субстантивированными употреблением форм *все* и *всё*. Здесь между формами множественного и единственного числа обнаруживается четкое семантическое различие: множественное число (*все, всех, всем...*) указывает на дискретное множество людей, а единственное число (*всё, всего, всему...*) — на не вполне расчлененную совокупность объектов, относительно которой не всегда можно с определенностью сказать, дискретна она или недискретна⁶.

В целом семантическое различие между единицами *всё* (*всего, всему...*) и *все* (*всех, всем...*) вполне прозрачно и системно: оно полностью аналогично различию между единицами *многое* и *многие* или *немногое* и *немногие*. Именно, субстантивная единица с характеристиками единственного числа представляет собою обобщенное обозначение «вещей» или явлений, тогда как субстантивная единица с характеристиками множественного числа указывает на людей. Механизм субстантивации для этих единиц достаточно регулярен: субстантивируются подпарадигмы (соответственно единственного числа среднего рода и множественного числа) соответствующих адъективных лексем. В качестве несколько экзотического описания такого механизма в статье [Булыгина, Шмелев 2000] мы предложили гипотезу, в соответствии с которой в случаях такого рода имеет место согласование с нулевыми лексемами, *III*^{нечто} и *III*^{люди}, первая из которых имеет характеристики единственного числа среднего рода, а вторая — множественного числа⁷.

Отдельного обсуждения заслуживают субстантивы *сколько* (*сколько, сколько...*) и *сколько* (*сколько, сколько...*) и *столько* (*столько, столько...*) и *столько* (*столько, столько...*). Семантические различия между субстантивами единственного и множественного числа здесь вполне аналогично различиям в приведенных выше примерах: формы множественного числа указывают на людей, а формы единственного числа — на «вещи» или явления. При этом формы множественного числа употребительны преимущественно в косвенных падежах — примеры их упот-

⁶ См. анализ семантики слов *все* и *всё* в статье [Арутюнова 2002].

⁷ Заметим, впрочем, что слова *многий* и *немногий* в единственном числе в качестве определения в современном языке практически не употребляются, а такие примеры, как *Она оставляла еще многую недоделанную работу* (А. Солженицын) воспринимаются как стилизация. В то же время «субстантивные» *многое* и *немногое*, формально восходящие именно к подпарадигмам единственного числа, вполне употребительно в современном языке.

ребления в именительном падеже в современном языке единичны⁸. Что касается субстантивных форм единственного числа, то удивительным является тот факт, что до самого последнего времени они проходили мимо внимания лексикографов и грамматистов. Даже «Грамматический словарь» А. А. Зализняка игнорировал формы, фигурирующие в высказываниях *я стольком вам обязан, о стольком переговорили*, не давая им никакой морфологической интерпретации, — на что мы и обратили внимание в цитированной статье [Булыгина, Шмелев 2000].

В новом издании «Грамматического словаря» [Зализняк 2003] эта лакуна оказалась частично устранена: для слова *столько* указана возможность субстантивного употребления с толкованием 'столь многое [без указания предмета]' и с парадигмой единственного числа (*столького, столькому* и т. д.). Однако, к сожалению, лакуна устранена не полностью: возможность аналогичного употребления слова *сколько* (в восклицательных предложениях) словарем по-прежнему не учитывается (ср.: *Скольким он для тебя пожертвовал!; О скольком еще надо рассказать!*).

«Выделительная» и «измерительная» квантификация: *пол vs. половина* (revisited)

В русском языке обнаруживаются случаи, когда внешне и семантически сходные слова отличаются в первую очередь тем, что одно из них используется преимущественно или исключительно для «выделительной» квантификации, а другое — для «измерительной» квантификации. В этих случаях существующие описания часто не учитывают названное различие, в результате чего создается упрощенное или даже искаженное представление о семантике соответствующих единиц. Ряд примеров такого рода уже был рассмотрен в статье [Булыгина, Шмелев 1988]. Так, мы имеем безупречную морфологическую пропорцию *много : многие = немного : немногие*. Однако семантической пропорции здесь нет: *многие* значит 'значительная часть' (т. е. используется для «выделительной» квантификации), а *немногие* — 'немногочисленные' (т. е. используется для «измерительной» квантификации)⁹. Именно поэтому сочетание *многие присутствуют*

⁸ Заметим, что изредка эти формы встречаются и в адъективном употреблении (да иначе и нечему было бы «субстантивироваться»), например: *Но сколько и демократы остаются таковыми лишь до той черты, пока не коснутся их индивидуальных прав* (А. Солженицын).

⁹ Можно считать, что мы имеем приблизительную семантическую пропорцию *многие : немногие из... ≈ многочисленные : немногие*.

ющие лингвисты означает 'многие из присутствующих лингвистов', а *немногие присутствующие лингвисты* — 'присутствующие лингвисты, которых немного'.

Как представляется, именно противопоставлением «выделительной» и «измерительной» квантификации можно объяснить различия языкового поведения числительного *пол* и существительного *половина*, подробно рассмотренные в статье [Булыгина, Шмелев 2000]¹⁰.

Прежде всего, мы обратили внимание на различную сочетаемость рассматриваемых единиц. *Пол* в норме не сочетается с названиями «совокупностей»: с именными группами во множественном числе, а также с неисчисляемыми (вещественными) именами (аномально **пол (всех) яблок*; **пол (имевшейся) соли*). Слово *половина* в контекстах такого рода свободно употребляется — ср.: *половина (всех) яблок*; *половина (имевшейся) соли*. Однако есть и контексты, в которых, напротив, *пол* едва ли можно заменить словом *половина*. Например, мы можем сказать: *Осталось пройти полкилометра*; *Приду через полчаса* — но едва ли естественно звучит: ?*Осталось пройти половину километра*; ?*Приду через половину часа*.

Указанные различия имеют семантическую мотивировку. Толкование 'одна из двух (равных) частей', предполагающее наличие некоторого «целого», в общем соответствует значению слова *половина*, но не числительного *пол*. Для последнего ядром толкования должен был бы явиться не смысл 'часть', а смысл 'количество', не предполагающий отсылку к «целому».

Основная идея существительного *половина* — деление «целого» на две (равные) части; каждая из таких частей и называется *половиной*. Поэтому, говоря об одной *половине*, мы имплицитно предполагаем существование другой.

Напротив того, в семантике числительного *пол* никак не выражена идея деления единого объекта («целого») на две равные части. Его основная идея состоит как раз в том, что оно (отвечая на вопрос *сколько?*) указывает на количество (вдвое меньшее, чем выбранная единица измерения). Именно поэтому оно свободно сочетается с обозначениями разного рода единиц измерения и существительными, обозначающими количество: *полсотни* — это

¹⁰ В статье [Булыгина, Шмелев 2000] мы связывали семантические различия между словами *пол* и *половина* в первую очередь с тем, что *пол* является числительным, а *половина* — существительным. Разумеется, связь с частеречной характеристикой рассматриваемых единиц не случайна. Забегая вперед, отметим, что, подобно всем прочим числительным, *пол* выражает «измерительную» квантификацию, а *половина* (так же, как, скажем, слово *большинство*) — «выделительную», предполагая объемлющую совокупность, которая делится на две части.

просто количество, равное пятидесяти, *полтысячи* — это пятьсот, а *полмиллиона* — пятьсот тысяч; *полкилометра* — это расстояние в пятьсот метров и не предполагает деления некоего «объемлющего» километра пополам, *полчаса* — это тридцать минут, *пол-литра* — пятьсот миллилитров. Соответственно, когда *пол* сочетается с обозначениями поддающихся счету объектов (скажем, в таких сочетаниях, как *пол-яблока*), это означает, что такие объекты выступают в роли единиц измерения (при счете на «штуки»).

Иными словами, *половина* используется для «выделительной» квантификации, а *пол* — для «измерительной». Для *половины* важно, что она примерно равна другой половине «объемлющей совокупности», тогда как для *пол* существенно количество как таковое. Как мы отмечали в указанной статье, можно сказать *Половину времени Петя проводит в городе, а половину — на даче*, и это будет означать, что квантифицируемые сущности: время, проводимое в городе, и время, проводимое на даче, — примерно равны между собою и составляют каждая около половины «объемлющей совокупности» — всего времени, которым Петя располагает. Но аномально **полвремени*, поскольку *время* (без дальнейшей конкретизации) не является единицей измерения и не может использоваться в качестве эталона сравнения при «измерительной» квантификации.

Точно так же объясняются семантические различия, обнаруживаемые в тех случаях, когда *пол* и *половина* находятся как будто в тождественных сочетаниях. Так, смысл сочетаний *первая половина года* и *первые полгода* различен.

Сочетание *первая половина года* предполагает существование «объемлющей совокупности» — некоторого *года* — и, соответственно, *второй половины* этого *года*. При самом естественном понимании, когда речь идет о календарном годе, *первая половина года* — это месяцы с января по июнь, а *вторая половина года* — соответственно, месяцы с июля по декабрь. Конечно, возможны и другие интерпретации сочетания *первая половина года*, например, речь может идти об учебном или финансовом годе, который может начинаться не в январе, а, скажем, в сентябре. Можно вообразить и ситуацию, когда кому-либо отведен на работу год, и *первая половина (этого) года* (когда бы он ни начинался) уходит на проведение экспериментальной работы, а *вторая* — на обработку результатов эксперимента; но принцип остается неизменным: в основе лежит деление «объемлющей совокупности» на две примерно равные части.

Совсем иначе интерпретируется сочетание *первые полгода*, которое означает примерно то же, что *первые шесть месяцев*, и вовсе не предполагает существования *второй половины*. Год в этом случае

рассматривается не как «объемлющая совокупность», а как единица измерения, равная двенадцати месяцам. Так, если некоторому человеку дали на выполнение какого-то задания три года (= тридцать шесть месяцев), то могло случиться так, что *первые полгода* (= шесть месяцев) он ничего не делал и лишь затем взялся за работу. Говоря о такой ситуации, мы противопоставляем *первые полгода* не второй половине года, а оставшимся двум с половиной годам (= тридцати месяцам). Год в этом случае рассматривается не как «объемлющая совокупность», а как единица измерения, равная шести месяцам.

В определенных случаях, когда «объемлющая совокупность» может использоваться как окказиональный эталон сравнения при количественной оценке (например, если имеется коннотация 'все понимают, что это много'), слова *пол* и *половина* семантически и прагматически сближаются — ср.: *Его знает пол-Москвы* и *Он знаком с половиной Москвы*; *Попроси ты от меня /.../ Хоть пол-царства моего* (А. Пушкин) и *Чего ни попросишь, дам тебе, даже до половины моего царства* (Мк 6: 23). Но это никак не снижает значимость противопоставления «измерительной» и «выделительной» квантификации при выражении количественных оценок.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2002 — Арутюнова Н. Д. Всё про всё (по текстам Ф. М. Достоевского) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Булыгина, Шмелев 1988 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Булыгина, Шмелев 2000 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Числительные в русском языке: лексикографические лакуны // Слово в тексте и словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк 2003 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.
- Крейдлин, Шмелев 1993 — Крейдлин Г. Е., Шмелев А. Д. Математика помогает лингвистике. М., 1993.
- Словарь 1956 — Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1.
- Шмелев 1989 — Шмелев А. Д. Модальные слова в математическом тексте // Новейшие направления лингвистики. М., 1989.
- Bulygina, Shmelev 1990 — Bulygina T. V., Shmelev A. D. Quantifiers in the Dictionary // EURALEX'90. Proceedings of the IV International Congress. Malaga, 1990.

Г. Н. БОЛЬШАКОВА

ЕДИНИЦЫ С КОЛИЧЕСТВЕННОЙ, КАЧЕСТВЕННО-КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ИДИОЛЕКТЕ И ИДИОСТИЛЕ В. НАБОКОВА

Мне думается, что в гамме мировых мер есть такая точка, где переходит одно в другое воображение и знание, точка, которая достигается уменьшением крупных вещей и увеличением малых: точка искусства.

В. Набоков. «Другие берега»

Среди классических категорий, выделенных Аристотелем, КОЛИЧЕСТВО, следуя за СУЩНОСТЬЮ, занимает второе место. Семантические универсалии, или элементарные смыслы, репрезентирующие данный аспект семантики, по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999: 10], выражаются кванторами ОДИН, ДВА, МНОГО, МНОГОЕ, ВСЕ, ВСЕ, дескрипторами БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ, НЕСКОЛЬКО, НЕ-МНОГО, усилителем БОЛЬШЕ и метапредикатом ОЧЕНЬ. Обозначенные элементарные смыслы эксплицируются в русском языке единицами разных уровней — от фонетического до синтаксического. Языковая категория количества делится на субкатегории (дискретного и недискретного количества), единицы которых характеризуют свойства предметов, процессов и признаков с точки зрения их считаемости, измеримости и интенсификации и образуют полицентричное функционально-семантическое поле КОЛИЧЕСТВО (ПФСПК).

Категория КОЛИЧЕСТВО не входит ни в число традиционно выделяемых глобальных текстовых категорий, ни в число категорий мира текста, однако созданный автором мир, понимаемый как референтное пространство, которое членится на сферы: вещные, персонажные (субъектные), помещенные в определенный хронотоп, и событийные, — необходимо предстает в качественно-количественной интерпретации.

Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой обнаруживаются в любом идио-

лекте (индивидуальной манифестации языка этнического) и идиостиле (системе доминантных принципов вербализации индивидуального художественного мира), но их доля и место в обозначенных структурах во многом определяют уникальность и неповторимость созданного художником мира. Задача этой работы — представить (по необходимости фрагментарно, в рамках небольшой статьи) некоторые результаты анализа функционирующих в текстах русских романов В. Набокова единиц, расположенных на разных участках ПФСПК: как в его центре (количественные числительные, интенсификаторы и деинтенсификаторы), так и на периферии — ближайшей (имена прилагательные с качественно-количественной семантикой) и дальней (имена *маленьких* предметов).

Системы идиолекта и идиостиля, безусловно, взаимосвязаны [Леденева 2000: 125]: единицы идиолекта, играющие конструктивную роль в выражении авторских интенций, в формировании смыслового пространства художественного текста, являются одновременно и единицами идиостиля. Как идиостилями могут быть рассмотрены функционирующие в художественном тексте количественные числительные, непосредственно эксплицирующие параметры пространства, времени, места и вносящие определенность в субъектно-объектные сферы изображаемого мира. Изучение особенностей употребления таких числительных позволяет судить о способе представления глобальных текстовых категорий: например, ВРЕМЯ: *Так он просидел около двухсот пятидесяти больших перемен* («Защита Лужина»: 2, 13)¹; ПРОСТРАНСТВО: *Там обои были белые, а повыше шла голубая полоса, на которой нарисованы были белые гуси и рыжие щенки. Гусь шел на щенка, и опять то же самое, тридцать восемь раз вокруг всей комнаты!* (2, 15); ПЕРСОНАЖНАЯ СФЕРА и ПРОСТРАНСТВО: *Ни с того ни с сего вагон наполнился оравой школьников, десятью старушками, пятьюдесятью толстяками* (2, 148). Приведенные без достаточного контекста примеры использования числительных могут показаться иллюстрацией излишней детализованности в описании объектов художественного мира. Однако это не так: приемы остранения позволяют через констатацию фактов (первый пример), описание деталей обстановки (второй пример) показать внутренний мир персонажа — маленького Лужина, последний пример — изображение сознания уже больного Лужина. Набоков любит играть с числами, поэтому числительные ак-

¹ Здесь и далее отсылки к текстам В. Набокова даются в круглых скобках по [Набоков 1990] с указанием тома и страницы.

тивно используются в составе самых разных приемов: ср., например, приемы экспликации нормативно не выражаемых пресуппозитивных компонентов высказывания: в «Приглашении на казнь» (*Со стенами дело обстояло так: их было неизменно четыре* (4, 67)) и в «Короле, даме, валете» (*В стеклах очков внезапно родились два встревоженных глаза* (1, 120)).

Количественные числительные, количественно-именные сочетания, наряду с наименованиями циклического и линейного времени, — вехи в событийной канве произведения. Сложность композиционного устройства набоковского повествования передает последовательность размещения в графическом пространстве текста экспликантов сюжетного времени; ср. в «Защите Лужина»: *Больше всего его поразило, что с понедельника он будет Лужиным* (2, 5) → *Все лето — быстрое дачное лето, состоящее в общем из трех запахов: сирень, сенокос, сухие листья — все лето они обсуждали вопрос...* (2, 5) → *Через много лет, в неожиданный год просветления...* (2, 5) → *И теперь... в пасмурный, напряженный день* (2, 7) → *Только сегодня, в день переезда...* (2, 8) → *...и теперь, спустя месяц* (2, 11) → *Только в апреле...* (2, 19) → *Как-то через несколько дней...* (2, 24) → *И на следующее утро...* (2, 25) → *Через два дня...* (2, 26) → *Когда Лужин около четырех вернулся домой...* (2, 27) → *Шестнадцать лет спустя, снова посетив этот курорт...* (2, 38). Выделенные (подчеркиванием) контексты воспринимаются при первом чтении как «проявление нарративного нетерпения» [Genette 1980], однако в данном тексте они функционируют как авторские регулятивы, стимулирующие читательские поиски точки отсчета повествуемой истории.

Числительные нередко создают еще одно текстовое пространство — пространство символическое. Так, в романе «Приглашение на казнь», полном библейских аллюзий, частотно числительное *три* и его дериваты: на завтрак Цинциннату подают *три гренка в черепаховых подпалинах* (4, 27); Родиону помогали еще *трое служителей* (4, 55); в Тамариных садах *в три ручья плачут без причины ивы, и тремя каскадами... ручьи свергаются в озеро* (4, 17). Не столь прозрачна символика любимого набоковского числа *пять*, но, начиная с первого романа «Машенька», появление в тексте этого числительного или его дериватов последовательно маркирует зоны смысловой напряженности, предшествуя изображению модусных ситуаций наивысшего духовного подъема или сильных эмоциональных и/или интеллектуальных переживаний, амбивалентных чувств, таких мгновений в жизни, *когда все становится чудовищным, бездонно-глубоким, когда кажется*

так страшно жить и еще страшнее умереть (1, 54): в этот поздний час, по этим широким улицам, расхаживали миры...; Пять извозчичьих пролеток стояли вдоль бульвара рядом с огромным барабаном уличной уборной, — пять сонных, теплых, седых миров в кучерских livreeх, и пять других миров на больших копытах, спящих и видящих во сне только овес, что с тихим треском летится из мешка (1, 53–54).

Изучение идиолекта предполагает выявление «языковых фаворитов» (выражение Н. Д. Арутюновой) писателя. Такие единицы характеризуются повышенной частотностью, формируют зоны текстовой статистической напряженности (статистической напряженностью Ю. Н. Караулов называл «повышенную концентрацию» в художественном тексте «даже самых стандартных единиц» [Караулов 1987: 123]), оказываются ядерными элементами авторского тезауруса. Исследование особенностей функционирования единиц-фаворитов позволяет перейти от изучения идиолекта к изучению идиостиля — системе доминантных принципов вербализации индивидуального художественного мира. У каждого писателя есть не только «предпочитаемые» им тропы, стилистические фигуры, приемы, образный код, но и «любимые» единицы разных уровней языковой системы. Среди единиц словообразовательного уровня с градуально-количественной семантикой бесспорными «фаворитами» у Набокова являются суффикс -ОВАТ- и префиксоид ПОЛУ-. Например, в романе «Король, дама, валет» около ста единиц с формантом -ОВАТ-: большинство — имена прилагательные (собственно ОВАТ-дериваты и части сложных слов: *грубоватый вечерний голод; седовато-багровая голова*), кроме того — отадъективные существительные (*желтоватость, розоватость*), наречия (*мечтал смутно и грубовато*), в том числе сложные (*темновато-драгоценно поблескивает хрусталь*), и слова категории состояния (*[в холле] было светло и пусто*).

Лексемы с суффиксом -ОВАТ- реализуют в тексте как прямые значения (*лиловатые стволы*), так и переносные: узуальные (языковая синестетическая метафора *холодноватые глаза*) и окказиональные (ср. контаминацию образно-оценочной метафоры и метонимии — *прыщеватая жизнь*). Несмотря на то что прилагательные с суффиксом, реализующим чисто модификационное значение «небольшая степень проявления признака», по мнению большинства ученых (см., например: [Воротников 1999: 66]), лишены экспрессии, текстовой экспрессией обладают как лексемы с образным значением, так и с чисто номинативным. ОВАТ-дериваты объединены текстовыми коннотациями 'смутность', 'ту-

манность', 'неясность', 'призрачность'. Коннотации возникают, во-первых, благодаря синтагматическим связям (в линейном контексте) с лексемами *смутный/смутно*, *призрачный/призрачно*, *мутный/мутно/муть*, *туман/туманный/туманно* и маркерами неопределенности (например: *за калиткой был зеленоватый туман сада* (1, 130); *мечтал смутно и грубовато* (1, 80); *увидев, какой скользкий, смутный блеск стоит в его зеленоватых глазах* (1, 214)). Во-вторых, благодаря связям парадигматическим (в контексте вертикальном): так как большинство лексем с -ОВАТ- входят в текстовое поле цветообозначения, а это поле имеет антитетическую структуру (ср. диагностический для набоковских текстов контекст с неопределенной фокализацией — необозначенным перцептором: *На глянцевитом, гладком асфальте были смутные, сливающиеся отражения, — красноватые, лиловатые — будто затянутые плевой, которую там и сям дождевые лужи прорывали большими дырками, и в них-то сквозили живые подлинные краски, — малиновая диагональ, синий сегмент, — отдельные просветы в опрокинутый влажный мир, в головокружительную геометрическую разноцветность* (1, 159)), то и лексем с -ОВАТ- других семантических классов («свет», «форма», «чувство») маркируются как знаки иного мира — мира смутного, неподлинного, призрачного. Таким образом, лексем с -ОВАТ- в поэтическом идиолекте В. Набокова наделены особой значимостью, которая проявляется в экспликации инвариантного принципа его художественного мира — двупространственности, или, по Ю. Левину, биспациальности [Левин 1998: 325].

Употребление качественных прилагательных, в том числе и параметрических, зависит от оценки субъектом речи каких-то свойств и качеств предмета или явления, поэтому анализ функционирования в художественном тексте имен прилагательных позволяет перейти к рассмотрению персонажных сфер, вещного мира текста и стоящего за ними сознания автора. Внимание Набокова к признакам неявным, выражаемое в пристрастии к единицам лексико-словообразовательной категории неполноты признака, коррелирует с его постоянным интересом к маленькой вещи: *...и уже не решетчатый лес мелькал за окном, а благородноплыли просторные поля, а вдалеке, параллельно полотну, текла дорога, по которой улепетывал лилипутовый автомобиль* (1, 118). Маленькая вещь здесь — видимый маленьким из окна движущегося поезда автомобиль — выделена и позицией в конце высказывания, и использованием звукописи, и, главное, способом выражения параметрического признака — окказионализмом. Если

воспользоваться метафорой Н. Д. Арутюновой, писавшей, что «отклонение в сторону увеличения параметров обычно берет верх над „редукционизмом“, великаны и великанши — над мальчиками-с-пальчик и дюймовочками, лилипуты льстят детям, гиганты воодушевляют взрослых» [Арутюнова 1987: 9], то можно констатировать, что в мире Набокова лилипуты уравнины в правах с гигантами. Равноценность всего сущего в «Защите Лужина» декларирована как присущая пространству памяти: *И обойные звезды, которые он однажды положил на плетеное сидение кресла... были в его воспоминании равноценны и солнцу, и шуму сада, и комару, который присосался к его ободранному колену* (2, 6). Однако этот принцип равноценности человека, вещи, природных объектов — одна из констант набоковской Вселенной, что проявляется и в частотности в его идиолекте лексем с количественным компонентом ‘маленький’ (пожалуй, в каждом набоковском романе есть свой реестрик маленьких вещей — *мелких, чем-то милых предметов* («Машенька»: 1, 94)); и в типично набоковских рядах однородных членов, где «уравнивание в правах» маленькой вещи осуществляется синтаксическими средствами (ср. в «Машеньке»: *В этом сотворении* [в сотворении счастья. — Г. Б.] *участвовало все, — и мягкие литографии на стенах, и щебет за окном, и коричневый лик Христа в киоте, и даже фонтанчик умывальника* (1, 58)); и в приеме обмена параметрическими характеристиками между животным и человеком, природным объектом и человеком и т. д. (в «Защите Лужина» у француженки *огромный круп*, в «Даре» — *липы среднего роста*, в «Короле, даме, валете» *земной шар* измеряется в обхватах, а количество денег — количеством возможных обхватов: *земной шар огромен и кругл, — и денег достаточно на пять, а то и больше, полных обхватов* (1, 124)). Один из способов увеличения малых вещей (см. эпиграф) — многочисленные у Набокова метафоры роста (термин условный, так как в метафоры роста мы включаем и собственно метафоры, и образы, возникающие на основе контаминации метонимии и эллипсиса, — так называемые комплексы [Левин 1998: 310]), темами образов (левыми элементами) в которых выступают и люди, и вещи, и ситуации: *И Франц, до сих пор таившийся за газетой, в каком-то блаженном и беспокойном небытии, живший как бы вне себя, в случайных движениях и случайных словах его спутников, медленно стал расти, сгущаться, утверждаться* («Король, дама, валет»: 1, 121); *...просьба... мгновенно и чудовищно разрослась, обратившись в тайну* (Там же: 1, 153); *...папираса, словно кем-то другим сунутая ему в рот, сразу вырос-*

тала, утверждалась, плотная, бездушная, косная, и вся жизнь сосредоточивалась в одно желание курить («Защита Лужина»: 2, 53); *К весне револьвер вырос* («Дар»: 3, 42). В изображении ситуаций изменения перцептивного состояния (от 'не вижу' к 'вижу') [Падучева 2004: 239] Набоков довольно часто из группы глаголов зрительного восприятия *появиться, показаться* и др. выбирает именно *вырасти*: *...на перилах моста выросли мокрые от дождя, дрожащие, голые великаны* («Защита Лужина»: 2, 82). Ср. еще контекст с подробной «прорисовкой» изменения позиций подвижного наблюдателя: *Из кабинета — ежели легонько толкнуть раздвижные двери — открывался сквозной вид: паркет гостиной и дальше столовая с буфетом, уменьшенным перспективой. В гостиной зеленым лоском отливала пальма, по паркету были рассеяны коврики. Наконец — столовая, с выросшим теперь до естественной величины буфетом...* (Там же: 2, 101). Реализацию писательской установки на *уменьшение крупных вещей* (см. эпиграф) проиллюстрируем приемом дегиперболизации узуальной гиперболы *весь мир*: *Он перевернул страницу, и весь мир, жадно, как игривая собака, ожидавший это мгновение, метнулся к нему светлым прыжком* («Король, дама, вает»: 1, 120).

Оценка частотности определенных единиц в авторских текстах предполагает сравнение со средними нормами их употребления. Общелитературной нормой употребления принято² считать частоту, зафиксированную в рубрике «художественная проза»³ в «Частотном словаре русского языка» [Засорина 1977]. Результаты количественного сопоставительного анализа⁴ позволяют говорить о чрезвычайной активности наречий меры и степени в художественном идиолекте Набокова. Количественно отмеченными являются: *абсолютно* — его частотность в 19 раз выше средней нормы употребления (однако следует отметить, что это наречие обнаруживается не во всех текстах Набокова, что свидетельствует о его значимости не в системе идиолекта вообще, а в смысловом пространстве определенных текстов),

² См., например, работы М. И. Михеева о языке А. Платонова [Михеев 2000а: 407–408; Михеев 2000б: 61–62, 245–253].

³ Источники словаря [Засорина 1977: 22] (одиннадцать текстов русской художественной литературы первой половины XX в. — от повести «В людях» М. Горького (1916) до «Первых радостей» К. А. Федина (1945) и «Русского леса» Л. М. Леонова (1953) хронологически совпадают с временем создания русских романов В. Набокова (1926–1938).

⁴ Сопоставлялись частоты лексем, извлеченных из пяти текстов Набокова, совокупное количество словоупотреблений в которых (271 780) соотносимо с количеством словоупотреблений, учтенных в рубрике «художественная проза» (268 221) [Засорина 1977: 9].

весьма — почти в 5 раз более частотно, чем в сопоставляемых текстах, *крайне* — в 3 раза, *слишком* — в 2,5 раза, наречие синкретичной семантики *необыкновенно* — в 4 раза.

Обратимся к анализу лексем, расположенных в ядре одного из микрополей ПФСПК, а именно в микрополе степени/полноты/интенсивности, в романе «Защита Лужина». В следующей таблице⁵ сопоставлены количественные характеристики наречий из анализируемого текста со средними частотами в языке художественной прозы.

Таблица. Частотность наречий степени

Степень	Слово	Общая частота	
		В «Защите Лужина»	В русской художественной прозе
(1) малая/незнач.	едва	6	~14
	слегка	27	~4
	чуть (чуть-чуть)	21	~16
	немного	11	~8
(2) высокая	весьма	3	~2
	очень	127	~64
	сильно	3	~9
(3) предельная	крайне	3	—
	предельно	—	0
(4) чрезмерная	слишком	24	~6
(5) неполная	почти	15	26
(6) полная	абсолютно	4	—
	совершенно	42	~14
	совсем	30	~40
(7) недостаточная	недостаточно	1	—
	мало	14	~13
(8) достаточная	вполне	6	6
	довольно	19	~7
	достаточно	3	~2

Количественный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

По плотности заполнения лексическими единицами разных участков шкал меры и интенсивности и по характеру употребления наречий степени можно (в первом приближении) судить о

⁵ В «Защите Лужина» общее количество словоформ — 51 550 (цифра округлена), т. е. в 5,2 раза меньше, чем учтено в рубрике «художественная проза» в частотном словаре, поэтому в таблице в графе «В русской художественной прозе» учтена разница в совокупном количестве словоупотреблений: если количественный показатель оказывается меньше единицы, в данной графе ставится знак (—), знак (—) обозначает «приблизительно».

том, как анализируемый аспект художественного мира текста (косвенным образом связанный с индивидуально-авторской картиной мира) соотнесен с соответствующим аспектом национальной языковой картины мира (совпадение/несовпадение, частичное наложение/пересечение и т. д.).

Зоны статистический напряженности (см. таблицу) — (2), (4), (6): *очень* превышает среднюю частоту в 2 раза, *слишком* — в 4 (!), *совершенно* — почти в 3,5. Количественные характеристики лексем говорят о значимости для автора выражаемых ими смыслов.

«На шкалах степень — интенсивность — количество есть три основные точки: малый полюс, норма и большой полюс. Эти точки делят каждую шкалу на следующие области: меньше нормы (ср.: *немного, мало, еле, едва, чуть, слегка, слабо* и т. п.), норма (ср.: *достаточно, довольно*), больше нормы (ср.: *очень, предельно, крайне, совершенно* и др.)» [Григорьева 2000: 256].

Модусы степеней в тексте В. Набокова направлены в сторону качественной и количественной интенсивности, т. е. стремятся к большим полюсам, что соответствует языковой норме: в русской языковой картине мира «экспансия избыточной степени тотальна» [Воротников 1999: 135], что, в свою очередь, соответствует основным тенденциям в употреблении единиц с семантикой дискретного и недискретного количества. «Тотальная экспансия» чрезмерности проявляется не столько в количестве употреблений маркера чрезмерности *слишком* (ср. с совокупным количеством употреблений наречий группы (6)), сколько в выборе члена конверсивной парадигмы *слишком* — *недостаточно*. Ср.: *По лестнице он попробовал съехать, как делалось в школе, как он сам никогда в школе не делал; но ступени были слишком высокие* (2, 32). Возможный конверсивный вариант — ступени *недостаточно низкие* — противоречил бы мировосприятию маленького Лукина, для которого все — *слишком*. Выбор члена конверсивной парадигмы связан и с ситуативностью нормы. «Ситуативная норма действует тогда, когда габариты предмета не соответствуют требованиям, предъявляемым к нему в конкретной ситуации, делая его непригодным для определенной цели», — пишет Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1988: 239]. Высота ступеней (габариты предмета) не позволяет маленькому Лукину съехать с лестницы (делает ее непригодной для определенной цели). Ср. еще: *Квадратная ночь, однако, была еще слишком высоко* (2, 151) — слишком высоко, чтобы можно было шагнуть в нее с того места, где в данный момент находился Лукин. Таким образом, как единица идиолекта *слишком* употребляется в соответствии с нормами русского

языка и русской ментальности (аргумент в неутихающих спорах о *русскости* русского Набокова!). Как единица идиостиля *слишком* маркирует зону смысловой напряженности: лексико-семантическая близость (*слишком высокие* — *слишком высоко*) позволяет соотнести эпизоды по линии сближения (одно из тех повторений, повторных ходов судьбы, которые так и не смог разгадать Лужин и которые теперь разгадывать читателю!) и по линии противопоставления (маленькому Лужину не удалось сделать то, чего он не делал *никогда* и что легко *всегда* делали другие, — постаревшему, грузному Лужину удалось то, чего не делал *никто и никогда*).

Экспансия *слишком* проявляется в окказиональной синтагматике, ср. в несобственно-прямой речи *слишком* вместо одного из наречий, выражающих полноту процессуального признака: *Но музыкальный вечер с исполнением вещей покойного тестя пришлось устроить поневоле: уж слишком молчали газеты, — забвение было полное, тяжелое, безнадежное, — и жена с дрожащей улыбкой повторяла, что это все интриги, интриги, интриги, что и при жизни завидовали дару ее отца, что теперь хотят замолчать его славу* (2, 19). *Слишком молчали* здесь означает 'абсолютно ничего не сообщали', наречие же *слишком* выражает эмоциональную реакцию на ситуацию молчания и негативную оценку, так как оно (наречие) в языковой системе наделено отрицательными коннотациями. *Слишком* в тексте последовательно маркирует негативно оцениваемые признаки, употребляемое в контексте мотива шахматной игры *слишком* имплицитно связано с идеей запрета: в первом примере — запрет *слишком* довериться шахматной фортуне; во втором — запрет на *слишком* глубокое погружение в мир шахмат: 1) *Турати тоже делал пункт за пунктом, несколько гипнотизируя противника дерзостью воображения и слишком, быть может, доверяясь шахматной фортуне* (2, 77); 2) *Надо было все время быть рядом с ним, не давать ему слишком много играть* (2, 87).

В отличие от *слишком* наречие *крайне* употреблено в нетипичных для него (с точки зрения выражения оценочного компонента значения) контекстах. С. А. Григорьева отмечает, что *крайне* «чаще описывает постоянные [здесь и дальше выделено автором. — Г. Б.] свойства личности», обязательно содержит оценку, причем «эта оценка обычно отрицательная» [Григорьева 2000: 286]. В тексте *крайне* описывает признаки артефактов, выражая нейтральную или положительную оценку: ср.: 1) *Но в тот год английская мода изобрела складные картины для взрослых, — «пузеля», как называли их у Пето, — вырезанные крайне при-*

хотливо (2, 18); 2) *Нужно будет достать*, — сказал Лужин. — *Очень вообще привлекательная вещь — проспекты. Все крайне подробно* (2, 115). Во втором примере *крайне* употребляет косноязычный Лужин, в первом — описывается предмет с точки зрения Лужина, т. е. *крайне*, употребляемое в контексте *прямой* или *несобственно-прямой* речи, следует интерпретировать как единицу моделируемого автором дискурса Лужина, а не как единицу идиолекта самого Набокова. Лексические и фразеологические единицы, маркированные в функционально-стилевом плане как книжные, необходимые, тяготеющие к употреблению в официально-деловой речи, используются Набоковым чаще всего как средство речевой характеристики персонажа.

Если реконструировать текст (в понимании: [Шмид 2003: 195]) Лужина, то его вербализованная часть (прямая, внутренняя и несобственно-прямая речь) будет очень невелика. Косноязычный Лужин говорит мало, рублеными фразами, почти неизменно включая в них интенсификаторы или наречия полной степени (ср.: *Сад был вполне презентабельный* (2, 94); *Он [старый пиджак. — Г.Б.] такой комфортабельный... такой чрезвычайно комфортабельный* (2, 113)). За Лужина говорят повествователь или другие персонажи. Набоков как бы лишает Лужина языка, речи — они для Лужина слишком материальны, его путь — от материального к умозрительному, от реального — к ирреальному.

Лужин — человек другого измерения, особой формы и окраски, не совместимый ни с кем и ни с чем (2, 59), — живет, точно он заблудился в дурном сне (2, 57), смотрит на мир сквозь привычную муть (2, 57). Лексемы *смутно*, *смутный*, *мут* — бесспорные «фавориты» В. Набокова. Смысловую область смутных явлений — *едва уловимые особенности* (2, 11), *едва заметные приметы* (2, 18), *едва уловимые вибрации* (2, 98), казалось бы, должны обслуживать наречия, тяготеющие к малому полюсу интенсивности. В «Защите Лужина» наречия групп (1) и (5) не столь частотны, частота употребления в основном соответствует общелитературной норме, среди «фаворитов» здесь *слегка* (почти в 7 (!) раз превышает среднюю частоту) и *немного*. *Слегка* маркирует смысловые области недосказанного, недовоплощенного, области полукачеств, полутонов, промежуточных явлений. Частотность *слегка* коррелирует с частотностью дериватов с компонентами -ОВАТ- и ПОЛУ- (*полуулыбка*, *полутемнота* — тиражируемые авторские неологизмы: *Будущее смутно представлялось ему как молчание, длящееся без конца, в счастливой полутемноте* (2, 103)). Сфера действия единиц, выражающих неполноту, слабое проявление признака,

состояния, — все русские романы писателя (см. выше об идиолектах с формантом -ОВАТ- в романе «Король, дама, валет»).

Несмотря на явное количественное «превосходство» наречий большого полюса, художественный мир Набокова воспринимается как гармоничный. Мы видим по крайней мере два объяснения этого парадокса. Во-первых, наречия групп (2), (6) активно взаимодействуют с отрицанием. Употребление *очень* в контекстах *очень не...*, *не очень...* позволяет использовать гибкую шкалу оценок. В тексте наряду с интенсификацией категоричных оценок, выражающих, как правило, точку зрения персонажа, его отношение к объекту оценки («Оценка — это отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [Арутюнова 1980: 230]), «действует» и более гибкая шкала. Ср.: *Была она очень добра и очень бестактна* (2, 59) и *играет очень недурно, играл очень хорошо* (2, 34). Из 30 словупотреблений *совсем* 6 — в контексте *не совсем*, 2 — *еще не совсем* (т. е. реализует значение «между двух стульев»: «*Не совсем* Р указывает, что Р представляется говорящему как не достигающее максимума и локализуемое в окрестности Р» [Баранов и др. 1993: 151]; 4 — *уже совсем* (в терминах [Баранов и др. 1993], можно обозначить ситуацию как «уже не на двух стульях», т. е. в *уже совсем* имплицитно реализуется идея движения от неполноты к полноте реализуемого признака). Следовательно, часть контекстов *совсем* попадает на периферию контекстов *почти*, но в отличие от *почти* здесь «не наблюдается динамического эффекта «приближения к Р» [Там же]. То есть данные контексты участвуют в реализации мотива некоего *застывшего промежутка* — точки двоемирия, двупространственности. Например: *И ему было немного досадно, что она не совсем так хороша, как могла быть, как мерещилась по странным признакам, рассеянным в его прошлом. Он примирился и с этим и постепенно стал забывать ее смутные прообразы* (2, 56). Во-вторых, интенсификаторы меры и полноты признака характеризуются совместной встречаемостью (дистантной, как в приведенном выше примере) или контактным употреблением с лексемами смыслового текстового поля с центрами «смутно», «странно», что позволяет говорить об интенсификации именно этих концептов. Ср. пример контактного употребления: *И в этот день... когда он вдруг заговорил о том, как некогда, мальчиком, жил в этой гостинице, Лужин начал тихими ходами, смысл которых он чувствовал очень смутно, своеобразное объяснение в любви* (2, 56).

Таким образом, одна из сфер интенсификации в текстах В. Набокова — сфера смутного, неизвестного, неопределенного. Смысловое взаимодействие семантических компонентов 'очень', 'слишком'

с отрицанием или компонентами 'смутно', 'неясно', 'неявно' как бы уравнивает модусы, направленные к *едва* и *слишком*.

Рассматривая идиостиль Ф. М. Достоевского в контексте русской идеи, Ю. Н. Караулов задается вопросом, «почему „фундаментальная неопределенность“ Достоевского «не вызывает у читателя антиэстетических переживаний» [Караулов 1996: 249]. И отвечает: «Я бы искал ответ в другой фундаментальной особенности идиостиля писателя, в той особенности, которую можно назвать „крещендо“ или „предельностью“ в оценках и характеристиках. Тексты Достоевского, как никакого другого писателя [выделено нами. — Г. Б.], насыщены такого рода лексикой, которая обозначает крайнюю степень проявления чего-либо: *весь, вся (покраснел, растерялся* и т. п.), *донельзя, чрезвычайно, в полном (смущении), до кровавых слез, до невозможности* и т. д. Подобная лексика в известном смысле противостоит средствам создания неопределенности и уравнивает в восприятии читателя избыток последней в диалогически организованных текстах писателя» [Там же].

Как мы попытались показать, «крещендо» Набокова именно в интенсификации *неопределенности, зыбкости*. Художественный мир Достоевского уникален, и в то же время ни у кого не возникает сомнений в глубинной русскости этого мира. Сомнения в русскости русского Набокова время от времени выражают критики и литературоведы (см., например, работы разных лет [Сахаров 2000; Чагин 2001; Шаховская 1991]).

Но миры Достоевского и Набокова сопоставимы в плане использования ими знаков «чрезмерности» (выражение В. В. Виноградова). В этой статье мы рассматривали в основном прототипические наречия, т. е. единицы, расположенные в ядре поля степени/полноты/интенсивности, центр же текстового поля заполняют более «сильные выражения» в тональности «крещендо», и хотя в текстах Набокова вряд ли найдутся выражения *до кровавых слез, до невозможности*, однако в заключение приведем несколько выражений в тональности «крещендо» из «Защиты Лужина»: *весь мир вокруг вдруг потух, чудовищно толстые тома, предельная томность, страшные для него усилия, с ужасом узнал, от избытка счастья* и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1980 — Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

- Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Баранов и др. 1993 — *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Вежбицкая 1999 — *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Воротников 1999 — *Воротников Ю.Л.* Категория меры признака в смысловом строе русского языка: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Григорьева 2000 — *Григорьева С.А.* Очень // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. Вып. 2.
- Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов 1996 — *Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.
- Левин 1998 — *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Леденева 2000 — *Леденева В.В.* Особенности идиолекта Н. С. Лескова. М., 2000.
- Михеев 2000а — *Михеев М.И.* Деформация пространства в пределах русской души (по текстам Андрея Платонова) // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000.
- Михеев 2000б — *Михеев М.И.* В мир Платонова через его язык: Предположения, факты, истолкования, догадки. М., 2000.
- Набоков 1990 — *Набоков В.В.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990.
- Падучева 2004 — *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Сахаров 2000 — *Сахаров В.В.* В. Набоков — русский писатель // <http://www.libraries.psi.edu>.
- Чагин 2001 — *Чагин А.И.* И. Шмелев и В. Набоков: два пути русского слова // Русский язык. Исторические судьбы и современность: Межд. конгресс исслед. рус. яз. Труды и мат-лы. М., 2001.
- Шаховская 1991 — *Шаховская З.* В поисках Набокова. М., 1991.
- Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.
- Genette 1980 — *Genette G.* Narrative Discourse: An Essay in Method. Ithaca: Cornell University Press, 1980.

Л. Г. ПАНОВА

ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА МАНДЕЛЬШТАМА: ОТ СТАТИСТИКИ — К СЕМАНТИКЕ

1

Вопрос о применимости статистических методов к анализу стиха, литературных произведений, литературного языка и различных идиолектов дискутируется давно и весьма напряженно: нужны или не нужны? полезны или бесполезны? Если сторонники структурализма по-прежнему заявляют претензии на объективность статистики, то в стане их критиков продолжают раздаваться голоса: «следует думать, а не считать», «есть ложь, наглая ложь и статистика»¹.

Безусловно, место и значимость одного явления среди других, ему подобных, легче всего определит метод подсчетов (и, кстати, литературоведение уже имеет свою «статистическую» классику — работы Андрея Белого, Б. И. Ярхо, М. Л. Гаспарова и др.). С другой стороны, статистические «прорывы» в основном происходят в стиховедении, которое со смыслом связано в меньшей степени, чем, например, лексика или грамматика. Лексика же в виде образцовой статистической продукции — конкорданса поэта (из существующих — Пушкина, Тютчева, Мандельштама) или соответствующих словарей русского литературного языка — явно выглядит как полуфабрикат, требующий дальнейшего осмысления.

Не вдаваясь далее в абстрактные дискуссии, я перейду к обсуждению статистики в практической плоскости: каковы границы ее приложимости в лингвистической поэтике, — и поделюсь моим собственным опытом по созданию картины мира Осипа Мандельштама на лингвостатистических основаниях².

2

Поэзия Осипа Мандельштама благоприятствует лингвостатистическому подходу по многим своим характеристикам: она логоцентрична, концептуализация мира в ней начинается уже на уровне слов, грамматики, в ряде случаев — фонетики. Тем интереснее соби-

¹ «There are three kinds of lies: lies, damn lies, and statistics» (Бенджамен Дизраэли).

² См. мою монографию «„Мир“, „пространство“, „время“ в поэзии Осипа Мандельштама» (М., 2003).

рать такой языковой материал, подвергать его подсчетам, классификациям, подводить под те или иные категории (все это — этапы реконструкции картины мира Мандельштама). О так понимаемых категориях и их числовых пропорциях как раз и будет идти речь.

Категорий, рассмотренных мною подробно, три: «Мир» ('то, внутри чего находятся материальные вещи', 'вместилище'), «Пространство» и «Время» (т. е. самые общие законы, по которым устроен мир и которым подвержены вещи); сейчас я занимаюсь четвертой категорией, «Вещи/Человек», а в дальнейшем планирую перейти к пятой, «События». Числовые пропорции между четырьмя первыми категориями весьма показательны.

Лексическое поле «Мир» — 1067 лексем; ключевые слова (т. е. слова с высокой частотностью и выделенностью из контекста) — *мир* 55, *земля* 79, *воздух* 70, *небо* 53 / *небеса* 16, *солнце* 37, *звезда* 49 (в отличие от *луны* 27 / *месяца* 7). Дополнительным аргументом в пользу того, что «мир» и его устройство входит в поэтическую топику Мандельштама, послужили сравнения с другими идиолектами. Как выясняется, по числовым показателям Мандельштам приближается к Тютчеву, в поэзии которого космология является общепризнанной константой, и при этом сильно опережает Пушкина, Ахматову, Гумилева.

Лексическое поле «Пространство» — 3678; ключевое слово *пространство* 19; самые выделенные из подполей — «направление перемещения» 590, «форма» 459, «собственно перемещение» 392, «перемещение с акцентом на новом положении» 320, «размеры, протяженность» 195, «место» 152, «пространство говорящего» 112, «пространственные отношения» 108. В целом это очень хорошо и разнообразно представленное поле; повышенная употребительность самого слова *пространство*, философского, длинного (в три слога) и оттого непоэтичного, — одно из свидетельств пространственного мышления Мандельштама.

Пространство как призму для изображения вещей можно проиллюстрировать хотя бы на примере подполя «форма», очень большого класса слов, не только по численности — 459, но и по разнородности. Если подключить к статистике семантический и категориальный анализ этого подполя, то окажется, что Мандельштам акцентирует форму где надо и где не надо. Небольшой экскурс в лингвистику вещных имен позволит увидеть это.

В семантике конкретного предметного существительного уже заложены представления о форме, контурах, размерах обозначаемой им вещи. Причем параметры эти, как отмечается в многочисленных исследованиях по семантике, антропоцентричны: они

сообразны человеческим размерам. Так, *яблоко* (в наивной картине мира и в сознании ее носителей) — не маленькое и не большое, размером приблизительно с ладонь (пример и его интерпретация принадлежат Анне Вежбицкой). Подтверждением тому, что форма или контуры входят в наши представления о вещах, может служить образ, мгновенно возникающий в сознании, когда произносят вещное слово.

Мандельштаму же форм и размеров, заложенных в семантике вещного слова, явно недостаточно — и он их актуализирует либо в нормативных адъективных и субстантивных сочетаниях — *высокий дом; колоннады полукруг*; либо в метафорах: метафорическом эпитете — (клена) *зубчатая лапа*, генитивной метафоре — *пята Испании, Италии медуза* (как многократно отмечалось, здесь Испания и Италия поменялись местами), *И каналов узкие пеналы / Подо льдом еще черней*. Можно предположить, что метафора формы (например, *рукав Камы*) провоцирует Мандельштама на развертывание вспомогательной образности, на введение дополнительных характеристик (например, на предикатную метафору «удержать (за) рукав»), ср.: [о Каме] *Я б удержал ее застенчивый рукав*.

Лексическое поле «Время» — 1550; ключевые слова — *время* 32, *век* 48, *день* 48 (в основном, как 'светлая часть суток', вопреки поэтической традиции), *ночь* 85; подполя — «хронология» 244; «психологизированное восприятие времени» 114, «протяженность во времени» 105, «прошлое, настоящее, будущее» 91, «повторяющиеся события» 91, «единицы времени» 82. В целом поле представлено плохо, однообразно (временных номинаций в 2,4 раза меньше, чем пространственных), часто при чтении Мандельштама ощущается пропуск необходимых временных конструкций, что, кстати, затрудняет однозначную интерпретацию времени предиката; ключевые слова показывают интерес к природе времени, истории и времени-пространству (именно так концептуализируются *день* и *ночь*). Вторит этим наблюдениям грамматика времени: из всех предикатов на «вне времени» приходится 39,5% (ср. вневременное: *Я так же беден, как природа, / Я так же прост, как небеса*), на дейктические статические времена 12,5% (ср. прошедшее положение дел: (о соснах) *И они стояли на земле, / Неудобной, как хребт осла, / Забывая верхушками о корнях / На знаменитом горном кряже*), на дейктические динамические времена — 24,1% (ср. перфект: *Я получил блаженное наследство*).

Иными словами, коллизия «вне времени vs. во времени» решается в пользу вневременности. Интересные выводы позволяют сделать и значения ключевого слова *время*: первое, абстрактное, в количест-

ве 19, в 12 случаях употребляется в метафоре «время как разрушительная сила»³.

Лексическое поле «Вещи/Человек» — 5110. Это рекордное количество употреблений в картине мира Мандельштама, что согласуется с моей гипотезой о поэзии Мандельштама как строящейся вокруг вещей и их имен.

Как можно видеть, метод подсчетов обнаруживает самые общие пропорции между полями: много мира и пространства, еще больше — вещей; и мало времени. На этом возможности статистики как инструмента познания исчерпываются, и вперед можно продвигаться, основываясь на других параметрах мандельштамовских текстов — мотивах, метафорике, подтекстах, культурологическом фоне. И тогда реконструируется сценарий, в котором четыре категории взаимосвязаны.

Инвариантные темы поэзии Мандельштама — *de rerum natura* (о природе вещей), вещь и ее имя. Это значит, что вещи показываются в своем апогее, через множество пространственных характеристик, но в то же время как бы изъятыми из времени. Так, для Мандельштама важна чистая идея — например, бабочки, а совсем не то, что она получается из гусеницы. Поэтому если описывается бабочка, то с развернутыми крыльями:

О бабочка, о мусульманка,
В разрезанном саване вся,
Жизняночка и умираючка,
Такая большая, сия!

С большими усами кусава
Ушла с головою в бурнус.
О флагом развернутый саван,
Сложи свои крылья — боюсь!

(«Восьмистишия»)

Если шиповник — то цветущий и готовый осыпаться:

Руку платком обмотай и в венценосный шиповник,
В самую гущу его целлулоидных терний
Смело, до хруста ее погрузи. Добудем розу без ножниц.
Но смотри, чтобы он не осыпался сразу —
Розовый мусор — муслин — лепесток соломоновый
И для щербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха.

(«Армения», 6)

³ Здесь уместно сделать отступление о пользе статистики. Имея первоначальную гипотезу о том, что в мандельштамовском идиоме мало времени и много пространства, и слыша несогласие коллег, я смогла это подтвердить только подсчетами.

Иными словами, Мандельштам мыслит пространство дружественным и творческим (оно в мандельштамовской мифологии придает вещам форму и расставляет их по местам), а время — враждебным, губительным (оно полагает им конец).

3

На «природу вещей» работает и особый мандельштамовский троп.

Вообще говоря, в пределах одного высказывания (точнее — одной пропозиции) у Мандельштама встречается три типа тропеических построений: «бескодовое», «однокодовое» и «разнокодовое». Код — это семантическая согласованность разных тропов внутри одной пропозиции (одного высказывания).

I. Бескодовое высказывание состоит из одного тропа: *В столице северной томится пыльный тополь; [Как] нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки...*

II. Однокодовое высказывание получится при семантическом согласовании разных типов тропов, имеющих, как правило, разную частеречную принадлежность, разные функции и позиции в предложении; при этом простые метафоры настолько прочно семантически сцеплены между собой, что не поддаются «расчленению» без потери смысла: *Запирай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей.*

Эту модель можно проиллюстрировать примерами: *Мелкоколосья колетса щетина; [об Армении] И нянчишь зверушек-детей; Таёт в бочке, словно соль, звезда.* Другие примеры: *Ты каждый раз, как иностранец, / Сквозь рощу портиков идешь; И над Римом диктатора-выродка / Подбородок тяжелый висит.*

III. Разнокодовое высказывание — это случай, когда разные семантические коды накладываются друг на друга: *Раскидать бы за стогом стог, / Шапку воздуха, что томит (шапка не согласуется с раскидать); А жизнь проплывет театрально-го табора пеной.*

Мандельштамовская метафоризация основана преимущественно на однокодовых метафорических высказываниях. Такие метафоры складываются в целые парадигмы. Как можно видеть, семантика, синтаксис таких метафор отвечает натурфилософской направленности поэзии Мандельштама.

4

Применительно к поэтической картине мира, даже и построенной на статистике, рано или поздно встанет вопрос о ее верифицируемости и согласованности с теоретическими высказываниями ее автора. Так, реконструируемая мной картина мира Мандельштама коррелирует с его идеями, разрабатываемыми в статьях и прозе. Особенно показательны мандельштамовская переработка философии времени Анри Бергсона, чей труд «Творческая эволюция» был внимательно изучен Мандельштамом⁴ и пошел в первую очередь на образность и метафорику. Главную идею Бергсона, время как длительность и необратимость и время как изобретение новых биологических форм, Мандельштам не принял, а напротив, занял позицию тех, кто подвергался критике Бергсона.

Рассматривая античную метафизику, в которой время представляло теоретически ненужную величину, а длительность означала деградацию сущности вещей, Бергсон поясняет свою позицию с помощью метафоры золотой монеты. Правильно рассматривать вещь в связи с ее линией времени: у вещи есть свой апогей — когда она представлена полностью реализованной, и есть переходные стадии, изменения. Охватить эту идеальную, умопостигаемую сущность — значит, овладеть золотой монетой. А владея золотой монетой, наука имеет и ту мелкую, разменную монету, которой являются изменения. Мандельштам же вступает в диалог с Бергсоном в стихотворении «Золотой», кончающемся игровой концовкой: *Если я на то имею право, — / Разменяйте мне мой золотой!* (Изображение бабочки и розы шиповника в апогее мы видели выше.)

В теоретических статьях Мандельштама Бергсон до неузнаваемости переиначивается. Более того — ему приписываются вневременные концепции, например «веер Бергсона». Сущность этой ментальной операции — в том, чтобы изъять события из времени, соединить их и увидеть их взаимосвязь.

Чтобы спасти принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия, в лице Бергсона... предлагает нам учение о системе явлений. Бергсон рассматривает их

⁴ Ср. воспоминания Георгия Иванова: «Осенью 1910 года из третьего класса заграничного поезда вышел молодой человек... звали этого путешественника — Осип Эмильевич Мандельштам. В потерянном в Эйткумене чемодане, кроме зубной щетки и Бергсона, была еще растрепанная тетрадка со стихами. Впрочем, существенна была только потеря зубной щетки — и свои стихи и Бергсона он помнил наизусть...»).

не в порядке подчинения временной последовательности, а как бы в порядке их *пространственной протяженности*. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию («О природе слова»).

5

Вывод, который я извлекла для себя из более чем десятилетней работы над картиной мира Мандельштама, получившейся во многом экспериментальной, сводится к тому, что статистика — это никак не самостоятельный метод. Бессмысленно считать все подряд в надежде на то, что последователи найдут этим данным место, тем более что статистическая точность весьма относительна и каждый поэт требует своего подхода — и, возможно, своих подсчетов. Статистика — это удобное средство аргументации гипотезы. И при описании идиолекта самый продуктивный путь — растворение статистики в семантике, соотнесение полученных статистических данных с фоном, чтобы она высвечивала отличительные особенности мышления поэта, константы его поэтики и художественного мира.

Т. Б. РАДБИЛЬ

АНОМАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КВАНТИТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Язык А. Платонова характеризуется разного рода девиантностью, что является отличительной чертой художественного дискурса писателя. Нас интересуют языковые аномалии не как формально-структурные отклонения от норм стандартного языка, но как семантические, прагматические и концептуальные сдвиги, имеющие функциональную нагрузку — отражать особенности картины мира писателя. В частности, художественный дискурс А. Платонова фиксирует разнообразные отклонения в репрезентации пространственно-временных, субъектно-объектных, гипо-гиперонимических, причинно-следственных и иных типов отношений. В настоящей работе исследуется аномальное выражение *квантитативных отношений* на разных уровнях языка писателя.

Лексико-семантические аномалии в выражении квантитативных отношений

Для языка А. Платонова характерна аномальная парадигматическая замена лексемы с квантитативной семантикой размера на близкую, но не тождественную по смыслу. Чаще всего это происходит с признаковыми словами — прилагательными и наречиями.

Например, возможно аномальное употребление слова с семантикой общей количественной оценки (*большой/маленький, много/мало* и пр.) вместо слова, предполагающего более конкретную количественную оценку (по силе проявления признака, по объему, по частоте проявления и т. д.): «Утром было *большое* солнце, и лес пел всею гущей своего голоса, пропуская утренний ветер под исподнюю листву»; «Созерцая ежедневно поля, звезды, *огромный* текущий воздух, он говорил себе: на всех хватит!»; «...его реже мучили *массивные* сновидения» (прилагательные), «Дыши *больше*, нагревай воздух» (наречия).

Так, часто смешиваются слова, обозначающие разные типы количественной оценки — размер, интенсивность, скорость, возраст и пр. Например: «И жил спокойно в своей хате, кишашей *мелкими* людьми — его потомством»; «Арсakov писал, что только

второстепенные люди делают *медленную* пользу»; «Сквозь туманы выбиралось солнце и *медленно* грело сырую остывшую землю»; «Твой брат или семейная родня мне *близко* не симпатичен»; «Я тебя *немного* поцелую».

Реже это происходит с глаголами: «Дванов опустил голову, его сознание *уменьшалось* от однообразного движения по ровному месту», с существительными: «Деревенские собаки сначала осторожно и одиноко залаяли, а потом перекинулись голосами и, возбужденные собственным *множеством*, взвыли все враз».

Аномальное использование существительных с количественным значением может быть основано на приеме отвлечения эпитета, при котором образуется семантически неадекватный дериват: «Это негромкое издевательство позволяло остальным мастерам одолевать *долготу* рабочего дня».

Аномальная субституция слов с количественным значением часто основана на паронимической аттракции — использовании слов с близким словообразовательным или фонетическим оформлением, но с другой семантикой: «...он сразу сообразил, чью *непомерную* одежду присвоил этот человек»; «С ее спины *вторично* сошел Копенкин ради нахождения друга».

В области лексической синтагматики отметим явления аномальной сочетаемости признаков слов с количественным значением с лексемами, не подвергающимися квантификации: «Степан Чечер и Петр Грудин жили *почти* безымянными»; «...он [скот] тоже *почти* человек»; «Ушли *почти* одни взрослые».

Также к синтагматическим нарушениям относится аномальное выражение родо-видовых отношений и отношений включения. Слова попадают в позицию характеризующего предиката со значением отождествления субъектов вместо нормативного значения включения в множество: «Ну, стой. Ты, наверно, *интеллигенция* — той лишь бы посидеть да подумать» — вместо **ты принадлежишь к (классу) интеллигенции*. К нарушениям родо-видовых отношений относится перестройка синтаксической модели, при которой род и вид меняются местами: «Видя по его телу, класс его бедный». То есть: **класс принадлежит ему — вместо *он принадлежит классу*.

Подобные явления, видимо, связаны с тем, что И. А. Стернин характеризует как неполное завершение процесса перекодирования индивидуального «промежуточного кода» в единицы общенационального языка, что выражается в «приблизительности номинации на последнем этапе речепорождения высказывания» [Стернин 1998: 154].

Грамматические аномалии в выражении количественных отношений

В области грамматической парадигматики отметим, что в языке А. Платонова фиксируются многочисленные случаи аномального употребления форм единственного числа вместо множественного и наоборот.

Аномальное единственное: «Там [в Чевенгуре] живет *общий и отличный человек*, и, заметь себе, без всякого комода в горнице — вполне обаятельно друг для друга».

Аномальное множественное: «Они видели, как с *большими скоростями* вели поезда торжествующие паровозы»; «Видишь, о тебе *целые социальные заботы* проявили».

Разновидностью аномалий в выражении единичности/множественности являются случаи, когда собирательное существительное используется для обозначения множества: «Копенкин стоял в размышлении над общей могилой *буржуазии*»; [в «Котловане» — при виде инженера Прушевского, спускающегося к рабочим]: «Ты что, Козлов, курс *на интеллигенцию* взял? Вон *она* сама спускается в нашу массу»; «Зачем тебе *пролетариат* в доме?» (вместо **пролетарий*). Это можно определить как *аномальная референция*, когда для обозначения конкретного лица или предмета используется слово, обозначающее класс предметов.

В области грамматической синтагматики можно отметить аномальные сочинительные ряды, когда немотивированно смешиваются формы единственного и множественного числа: «Издавна известно, что на лесных полянах даже в сухие годы хорошо *вызревают травы, овощ и хлеб*».

В подчинительных конструкциях встречаются случаи грамматического плеоназма — ненормативной контаминации простой и составной степеней сравнения: «*В гораздо более раннее время* своей жизни...».

Отметим также случаи, когда возникает противоречие между лексическим и грамматическим значением: «Вermo *сыграл далее* свое сочинение» — при *далее* должен быть глагол несовершенного вида. Аналогично: «...я *долго заплакала*» — вместо **плакала*; «Правая нога сама не болела, но если наступить ею, то она снова *чувствует* (вместо **почувствует*) *выстрел*».

Ср. мысль Ю. Д. Апресяна о том, что языковая аномалия создается столкновением грамматикализованных или грамматических значений между собой или с другими значениями [Апресян 1995: 625].

Прагмасемантические аномалии в выражении квантитативных отношений

К аномалиям такого рода мы отнесем противоречие между вербализованной и пресуппозитивной семантикой слова или предложения, аномальную вербализацию пресуппозиций, противоречие между иллокутивной силой и смыслом высказывания, аномальный дейксис и т. д. Ср., например: «Прагмасемантическая аномальность основана на противоречии между конвенциональным и неконвенциональным компонентом смысла и требует для своего обнаружения обращения к контексту, лингвистическому или экстралингвистическому» [Кобозева 1990: 195].

Так, в языке А. Платонова очень часто встречаем противоречие между смыслом слова/высказывания и его пресуппозицией / модальной рамкой. Например: «За это его *немного* почитали» — в пресуппозицию слова *почитать* входит смысл 'в сильной степени', который вступает в противоречие с лексическим значением слова *немного*.

На уровне высказывания это проявляется в наведении имплицатуры дискурса, содержащей аномальное или бессмысленное описание событий: «Бобыль же *всю жизнь* ничего не делал — *теперь* тем более» — здесь использование временного дейктического слова *теперь* наводит бессмысленную интерпретацию: либо он мертв, тогда он и не может ничего делать, либо он жив, тогда непонятно, о каком отрезке его жизни (**послежизни?*) идет речь.

Также на уровне высказывания подобное часто наблюдается, например, с аномальным функционированием временного квантитативного глагола *продолжать* (весьма частотного для языка А. Платонова).

«Козлов *продолжал лежать* умолкшим образом, *будучи убитым*» — позиция актанта при глаголе *продолжать*, вербализуемая именем собственным, однозначно задает агенс, активно действующее лицо, контролирующее фазы деятельности. В пресуппозицию глагола входит: **Х начал действие и продолжил его по собственной воле* — контролируемость поддерживается обстоятельством образа действия *умолкшим образом* (*умолкнуть* в пресуппозиции: *прекращение действия по собственной воле*). Это приходит в противоречие с пресуппозицией *быть убитым*, включающей в себя представление о невозможности контролировать деятельность. При неодушевленном актанте элемент контролируемости из пресуппозиции элиминируется, поэтому нормально — **Тело Козлова продолжало лежать...*: в этом случае *продолжать* = просто 'длиться во времени'. Ср., аналогично — «Все смолкли, в терпении *про-*

долгая ночь» — аналогичная пресуппозиция контролируемости противоречит неконтролируемому состоянию в ассерции — *ночь нельзя начинать/продолжать по своей воле*.

К прагматическим аномалиям отнесем и аномальный дейксис: «Дай *немножко чего-нибудь*, тогда встану» — неопределенная область референции, очерченная местоимением *чего-нибудь*, не подлежит количественной квантификации посредством *немножко*. Ср. аналогично — с локативной квантификацией: «Ты видел *где-нибудь* других людей? Отчего они *там* живут?» — пространственный дейктический показатель *там* не может замещать в дискурсе область с неопределенно очерченными границами в предыдущем отрезке дискурса.

К подобным случаям примыкают аномалии в использовании собственно кванторных слов: «О ней *некому* позаботиться *кроме любого* гражданина» — в отношении противоречия входят общепризнаваемое и общепризнаваемое суждения — действие *позаботиться* одновременно приписывается для совершения *ни одному и всем*.

Одной из характерных черт языка А. Платонова является табуированная избыточность, которая на прагматическом уровне создается аномальной вербализацией пресуппозиций: «Прощайся сотцом — он мертвый *на веки веков*».

На уровне целого высказывания: «Скажи прямо!.. *Только не сворачивай ни направо, ни налево!*»; «Чагатаев сел *на краю* песков, там, где они кончаются».

Концептуальные (ментальные) аномалии в выражении квантитативных отношений

И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер, расчленяя процесс вербализации на ряд последовательных стадий, говорят о том, что наиболее глубокие отклонения в языке А. Платонова возникают на стадиях «расчленения исходного замысла» и «категоризации» — т. е. на стадиях, *предшествующих* непосредственному словесному заполнению ментальных моделей и структур [Кобозева, Лауфер 1990: 127]. М. Шимонюк говорит о том, «что писатель как будто выводит во внешнюю (экспрессивную) речь некоторые предикативные группы, остановленные на стадии внутренней речи, которая создается на прекоventionalном предметно-изобразительном коде» [Шимонюк 1997: 38].

В числе концептуальных, ментальных аномалий здесь предлагается рассматривать только те, которые не имеют очевидных

семантико-структурных отклонений от закономерностей и норм стандартного языка. Например, логическое противоречие: «*остатки* ближних деревень *целиком* живут на вокзале и делают что попало за низкий расценки».

В частности, к подобным случаям отнесем аномальную квантификацию (расчленение, дистрибуцию) событий. «Мухи... *сыто летали* среди снега...», где признак предмета *мухи* (*сытые мухи) аномально трансформируется в признак действия *летали*. Аналогично: «Вечерние *тучи* *немошно, истощенно висели*» [*немошные, истощенные тучи]; «женщина в *сытой* шубке» — вместо *сытая женщина в шубке. Подобные аномалии размывают границы между предметами в структуре события.

Для дискурса А. Платонова характерны многочисленные случаи «ненормативного паратаксиса однородных членов» [Шимонюк 1997: 57–60], при которых в позиции соединительных, разделительных или противопоставительных однородных членов помещаются заведомо далекие по семантике единицы. Для аномального выражения квантитативных отношений также можно отметить случаи подобного рода.

Аномальная конъюнкция: «После стрельбы Концов *сразу и удовлетворенно* уснул»; «А уж пора бы нам всем *молча и широко* трудиться». Аномальная дизъюнкция: «*Десять или более* безымянных людей сидели на полу и надеялись на поезд, который их увезет в лучшее место».

Аномальное выражение квантитативных отношений в дискурсе А. Платонова есть, безусловно, проявление более общей тенденции, связанной с особенностями взгляда на мир, особой философией писателя. В частности, можно говорить о том, что подобный дискурс фиксирует сам процесс вербализации мира (обычно имплицитно представленный в художественных текстах уже в виде своих результатов) — во всех его трудностях «поиска» слова, выбора единственно точного средства из парадигматического набора, во всех возможных потерях при переводе кода в текст, дискурс, и последующей верификации высказывания с фрагментом реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Тавтологические и противоречивые аномалии // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Кобозева 1990 — *Кобозева И.М.* Прагматическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // *Логический анализ языка:*

- Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов ИЯ АН СССР / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990.
- Кобозева, Лауфер 1990 — *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов ИЯ АН СССР / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990.
- Стернин 1999 — *Стернин И. А.* «Язык смысла» А. Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Шимонюк 1997 — *Шимонюк М.* Деструкция языка и новаторство художественного стиля (по текстам Андрея Платонова). Katowice, 1997.

Л. Л. ШЕСТАКОВА

СЕМАНТИКА ВТОРОГО В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Слова *первый, второй, третий* и т. д., традиционно относившиеся к имени числительному, включаются в настоящее время в разряд счетно-порядковых, или порядковых, прилагательных. Они называют признак через отношение к числу, т. е. принадлежат к особой группе относительных прилагательных, которые могут развивать качественные значения (см. [РГ-80 1: 541, 543]). Предмет нашего рассмотрения — одно из счетных имен — слово *второй* — в поэтическом языке. Мы остановимся преимущественно на употреблении этого слова в поэзии XX века. Но вначале — кратко о том, как счетное слово *второй* и его ближайшие «соседи» выглядят в лингвостатистическом аспекте.

Второй — это, конечно, не *первый*, но и не *третий* (отметим, что в Словаре Даля *второй* определяется как «следующий за первым, что впереди третьего»). Естественная иерархия этих понятий отражается данными частотных словарей. В «Частотном словаре русского языка» [Засорина 1977], который едва ли можно считать устаревшим в отношении слов рассматриваемого разряда, слово *первый* имеет частоту 1605 (газетно-журнальные тексты — 591, драматургия — 325, научные и публицистические тексты — 407, художественная проза — 282; субстантив *первое* — 6), *второй* — 644 (соответственно 191, 213, 109, 131; субстантив *второе* — 3), *третий* — 396 (136, 142, 51, 67; субстантив *третье* — 1) и т. д. Последовательное уменьшение частоты употребления просматривается до слова *шестой*: *четвертый* — 136, *пятый* — 90, *шестой* — 87; затем наблюдаются нарушения этой последовательности, впрочем не отражающие существенных различий в частоте употребления порядковых слов: после *шестого* следует *десятый* — 41 (это не в последнюю очередь связано с тем, что данное слово мотивировано числительным 10, называющим круглое число), потом *восьмой* — 40, *седьмой* — 34, *девятый* — 31. *Первый* входит в первую сотню слов по частоте употребления (место 71), наряду с собственно числительными *один* и *два*, *второй* — во вторую (место 169).

Употребление в художественной речи представляют данные по драматургии и художественной прозе: *первый* — 607 (что со-

ставляет 37% от общего числа употреблений), *второй* — 344 (53%). Однако приведенные цифры обманчивы: частотность слова в художественной речи (с учетом специфики произведений драматургического жанра) едва ли может быть напрямую соотнесена с поэтическим языком.

Обращение к поэтическим текстам, отражающим их авторским словарям убеждает нас в том, что это, действительно, в большой степени «прозаические» слова. В [Словарь Пушкина 1956–1961] частота слова *второй* — 114; однако, как выясняется при сопоставлении этих данных с данными конкорданса [Шоу 2000], в поэтических произведениях Пушкина слово *второй* употреблено в разных формах 9 раз (*первый* всего — 689, в поэзии — 75). В стихах Баратынского рассматриваемое слово встречается 2 раза, Лермонтова — 12 (всего 133, наибольшее число в драматургии — 93), Тютчева — 3, Фета — 5, Апухтина — 2 и т. д. Сходные частоты получаем по поэзии Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Некрасова (данные приводятся по [Shaw 1975; Словарь Лермонтова 1981], а также по текстам, имеющимся в базе данных отдела Машинного фонда ИРЯ РАН). Низкочастотное в отдельных авторских поэтических языках, слово *второй* и в совокупности своих употреблений дает очевидно незначительные суммы: по десяти поэтам XIX в. — порядка 50 с небольшим употреблений. Добавим, что это число не намного увеличится, если учитывать случаи использования слова в заглавиях.

Наблюдения над тем, как представлено слово *второй* в поэзии XX в., мы делали, опираясь на материалы «Словаря языка русской поэзии XX века», содержащие лексикографическое описание творчества десяти поэтов. Статья «ВТОРОЙ», вошедшая в [Словарь 2001], включает 109 контекстов. По авторам они распределены следующим образом: Цветаева — 22, Кузмин — 18, Пастернак — 15, Блок — 12, Ахматова и Маяковский — по 11, Хлебников — 7, Анненский — 6, Есенин — 4, Мандельштам — 3. Как видно, общая частота употребления слова в поэзии XX в. выше, хотя частоты употребления слова отдельными поэтами XIX и XX столетий вполне сопоставимы.

Семантическая структура прилагательного *второй* с разной степенью детализации повторяется в разных толковых словарях. Обычно в них выделяется от четырех до семи значений. Наиболее детально семантически разработано слово в [ССРЛЯ 1991], где выделено семь значений плюс семь оттенков значений. Небезынтересно отметить, что цитатный материал здесь (а это около 50 предложений из произведений разных авторов) включает поэтические

строки — из Крылова, Пушкина, Грибоедова, которые, сразу заметим, иллюстрируют одно значение — «подобный уже бывшему прежде, известному»: *Неужели будешь ты второй Мафусаил* (Крылов), *Второй Чадаев, мой Евгений* (Пушкин), *умел я принимать В мадам Розье вторую мать* (Грибоедов) (последний пример встречается в качестве единственной цитаты и в [Словарь Ушакова 1935]). В [Словарь Пушкина 1956–1961] *второй* предстает в виде четырех значений (плюс оттенки значений), причем структура статьи здесь в целом повторяет [Словарь Ушакова 1935]. Вот ее общая схема: 1. Порядковое числит. к два ... // Следующий за первым по значению. 2. Не главный, второстепенный. 3. Такой же, подобный первому. 4. Последний из двух названных. ... // Не тот, о котором говорилось, другой, иной.

Слово *второй* — общеславянское индоевропейского происхождения. Принадлежность имени к базовой русской лексике определяет стабильность его семантического наполнения, устойчивость смыслового ядра, поэтому трудно было ожидать, до проведения анализа, что в поэтическом языке оно будет приобретать какие-то новые значения. Особенности реализации слова в языке поэзии могли бы проявляться в расширении его семантической сочетаемости, в презентативности тех или иных значений (прежде всего значений, в которых заложена способность к образной реализации) в их контекстном развертывании.

В поэзии XIX в. наблюдается функционирование слова преимущественно в двух значениях: основном — «следующий за первым, начальным»: *На втором корабле чисто серебро* (Пушкин), *Люблю цезуру на второй стоне* (Пушкин), *Второе послание к цензору* (в заглавии, Пушкин), *И вы, друзья святого вдохновенья <...> вам тост второй* (Фет), *Второе февраля... О, вечер роковой* (Апухтин), *Сцена вторая* (Апухтин) — и одном из производных — «подобный бывшему прежде»: *Сокрыт другой отец второй «Телемахиды»* (Пушкин), *Как вторая Клеопатра* (Тютчев), *вторая Леда* (Фет). Отмечаются случаи употребления в составе фразеологических сочетаний и паремиологических выражений: *Была уж полночь, пели Вторые петухи* (Фет), *Привычка, подлинно, вторая в нас натура* (Фет).

Анализ контекстов, представленных в [Словарь 2001], дает более пеструю и разнообразную картину. Рассмотрим, в каких значениях функционирует прилагательное *второй* в произведениях названных выше поэтов XX в. Порядок рассмотрения значений определяется характером их связи с основным и, конечно, презентативностью в материале.

Второй 1. Очевидно, что наиболее широко представлено основное значение слова — «следующий за первым, начальным» (контекстов с ним наибольшее количество). Связано это, в частности, с тем, что слово служит обозначением поэтических книг, их структурных частей, например: *«Осенние озера. Вторая книга стихов»* (Кузмин), *«Второе вступление»* (Кузмин); включается в заглавия поэтических произведений: *«Второй мучительный сонет»* (Анненский; у поэта отмечается два стихотворения с таким названием, при отсутствии первого такого сонета и наличии третьего); *«Второй фортепьянный сонет»* (Анненский; есть и первый); *«Пэон второй — пэон четвертый»* (Анненский); *«Второе путешествие»* (Цветаева); *«Второй футбол»* (Мандельштам; ср. стихотворение поэта *«Футбол»*); *«Второй удар»* (Кузмин; напомним, что в первой части книги *«Форель разбивает лед»* 12 стихотворений с названиями: *«Первый удар»*, *«Второй удар»*, *«Третий удар»* и т. д.); *«Вторая годовщина»* (Ахматова). Есть и примеры употребления слова в подзаголовках, например у Цветаевой: *Ночь вторая; Встреча вторая; (вторая)* (второе стихотворение с названием *«Новогодняя»*); *Вторые ворота* — и Ахматовой: *Второе посвящение; (Вторая)* (о *«Северных элегиях»*).

В исходном значении слово *второй* употребляется в условных именах персонажей: ср. у Блока в стихотворении *«Голоса»* — *Первый голос* и *Второй голос*, в стихотворении *«Посещение»* — *Голос* и *Второй голос*, у Хлебникова в *«Любовь приходит страшным смерчем...»* — *Первый голос* и *Второй голос*.

Рассматриваемое значение представлено в большом числе и собственно текстовых фрагментов, демонстрирующих соединение слова с именами разных семантических групп: *Подушка уже горяча С обеих сторон. Вот и вторая свеча Гаснет* (Ахматова); *Как в пулю сажают вторую пулю Или бьют на пари по свечке* (Пастернак); *Когда ж от смерти не спасет таблетка, То тем свободней время поспешит В ту даль, куда вторая пятилетка Протягивает тезисы души* (Пастернак); *Снежной январской Порой В камере сорок Второй Встретились вновь Они* (Есенин; в этом примере слово использовано при нумерации предметов); *Златоволосости хотел? Стыда? Вихрь — и костер лавровый! И если нехотя упало: да — Нет — их второе слово* (Цветаева) и др. У Цветаевой отмечается использование слова в речи персонажа: *Глаза желтые — янтарь шаровой! Красе на ухо шепочет, прильнув: «За булабочкой к тебе я второй!»*; В *землю пальчиком гусляр: «Вечный дом! — Ты в супружестве живешь во втором»* (приведены отрывки из поэмы *«Царь-Девича»*).

В примерах, иллюстрирующих основное значение, слово *второй* часто выступает в сочетании со словами своего семейства: в паре *первый, второй*, в ряду *первый, второй, третий*: *Первая яхта не шла — летела, И догоняла ее вторая* (Ахматова); *А пить ему вино, не квас, — Вот будет первый наш приказ. <...> От мух рединкою накрой, — Вот будет наш приказ второй* (Цветаева); *До завтра, сладь нерусская! На первый раз — вприглядочку, А уж второй — вприкусочку!* (Цветаева); *Первый сказ о том, Что давно было. А второй — про то, Что сейчас всплыло* (Есенин); *второй из Сереж / прищурил глаз, в морщины оправленный. / — Налог-то ругашь, / а пирог-то жрешь... — / И первый Сережа ответил: / — Правильно!* (Маяковский); *Мне первый голос прозвучал, Второй тоскливо простонал, А третий — Ты, Лазурная* (Блок); *Трое кравчих. Первый — белый, имя — Смерть <...> А второй — Разлука имя — красный плащ <...> Третий кравчий, то — Забвенье, он польет Черной влагой омывален* (Кузмин).

Иногда слово *первый* отсутствует, например: *Хлопнул ставень — потемнело, Закрывается второй... Кто там шепчет еле-еле? Или в доме не мертво?* (Цветаева). Ср. у Ахматовой: *Я над будущим тайно колдую, Если вечер совсем голубой, И предчувствую встречу вторую, Неизбежную встречу с тобой* (1913) — и: *Ты был испуган нашей первой встречей, А я уже молилась о второй* (1917).

Типичной для первого значения слова является реализация в сочетании со словами временной семантики. Подзначение «следующий за первым по времени» иллюстрируют примеры, включающие обозначения отрезков времени, дат: *Заждалася сына дряхлая вдовица. День и ночь, горюя, сидя под божницей. Вот прошло-проплыло уж второе лето, Снова снег на поле, а его все нету* (Есенин); *Кресло за креслом, / ряд в ряд / эта сталь, / железо это / вваливалось / двадцать второго января / в пятиэтажное здание / Съезда Советов* (Маяковский); *Второе июля. Три часа утра. Вы спите* (Пастернак); *Вода рвалась из труб, из луночек, Из луж, с заборов, с ветра, с кровель, С шестого часа пополуночи, С четвертого и со второго* (Пастернак).

В рамках этого значения выделяется употребление слова в устойчивом сочетании — в названии праздника *второй Спас* (день Преображения Господня): *Прощай, лазурь преображенская И золото второго Спаса. Смягчи последней лаской женскою Мне горечь рокового часа* (Пастернак).

Особый интерес вызывают фрагменты, в которых наблюдается вовлеченность слова *второй* в образные контексты, его участие в формировании различных контекстных коннотаций. В следующих

примерах слово предстает частью образа сравнения, компонентом метафоры, метонимии, например: *А шашка нежность разделила С нарядной записною книжкой, Где тангенсы и косинусы, Женой второй, ревнуя, ссорясь* (Хлебников); *Эпохи революций Возобновляют жизнь <...> Затем-то мы и тянем, Что до скончанья дней Идем вторым изданием, Душой и телом в ней* (Пастернак); *А мне от куста — тишины: Той, — между молчаньем и речью. <...> Невнятицы первых слогов, Невнятицы Фауста Второго* (Цветаева; *Фауст Второй* — вторая часть «Фауста» И. В. Гёте). Ср. употребление первых трех счетно-порядковых слов в стихотворении Ахматовой «Три осени», где они определяют образно осмысляемый предмет: *Три осени в каждом году. // И первая — праздничный беспорядок Вчерашнему лету назло <...> Секунда, минута — и вот Приходит вторая, бесстрастна, как совесть, Мрачна, как воздушный налет. <...> Всем стало понятно: кончается драма, И это не третья осень, а смерть.* В строках Блока: *Любви и светлой, и туманной Равно изведаны пути. <...> Они равны в добре и зле, Но первый — безмятежно-ясный, Второй — в смятеньи и во мгле* — слова *первый* и *второй*, находящиеся обычно в отношениях предшествующее—последующее, вступают, предваряемые противительным союзом *но*, в своего рода контрастные отношения.

В рамках основного значения слова *второй* выделяется подзначение «другой, еще один; следующий» (кстати, исходное значение общеславянского *второй* — «другой, следующий далее»): *Миллион / растаял от трат. / Подсчитал, / улыбнулся — / найдем второй. / Ол райт!* (Маяковский); *А рядом — сердит На громы виктории — Второй уже Шмидт В российской истории:* (Цветаева; здесь — не подобный первому — лейтенанту Шмидту, а второй с такой фамилией); *Но где голос мой и где эхо, В чем спасенье и в чем помеха, Где сама я и где только тень, Как спастись от второго шага...* (Ахматова). Ср. также в образном контексте: *Но помни: позднюю порой В сентябрьской стуже Он [весны глашатай] принесет наряд второй, Ничуть не хуже [розы]* (Кузмин).

В большом массиве примеров с *второй* 1 выделяется контекст, содержащий усеченную форму прилагательного с просторечным звучанием: *Эй, вёрсты мои! Втору сотню загребаем* (Цветаева).

Слово в данном значении чаще, чем в других, выступает в сильной позиции рифмы, например: *второй — горой* (Ахматова), *порой — второй* (Есенин, Кузмин), *шаровой — второй* (Цветаева), *колдую — вторую* (Ахматова). Ср. также пример употребления слова в составной рифме: *и костер лавровый — их второе слово* (Цветаева).

Прокомментированное значение представлено в произведениях всех десяти поэтов, причем для авторов с низкой частотой использования слова (например, для Мандельштама) характерно употребление его именно в основном значении.

Второй 2. Данное значение можно сформулировать как «существующий наряду с первым, равный ему». Примеры, иллюстрирующие его, представляют собой словесно-образные картинки, связанные обычно с миром природы, например: *Ствол пучится брюхом, где спрячутся трое, Долине дает второе зеленое небо* (Хлебников); *Из сада, с качелей, с бухты-барахты Вбегает ветка в трюмо! <...> Родная, громадная, с сад, а характером — Сестра! Второе трюмо!* (Пастернак). Отмечаются здесь и контексты, в которых слово связано с семантикой отражения. Сочетается оно в таких случаях с «природными» словами (*небо, луна*), являющимися компонентом генитивной метафоры: *Ныне ж бури воловым голосом Я кричу, сняв с Христа штаны: Мойте руки свои и волосы Из лоханки второй луны* (Есенин); *Челнок смутил широким днищем Реки вторые небеса* (Хлебников). Ср. также: *Все лодки дремлют над водой, Второй грядю спят на небе* (Кузмин).

Здесь также наблюдается использование слова *второй* в паре с *первым* при отнесенности этих слов к разным существительным: *Наградил второю тенью Бог меня — и первым счастьем* (Цветаева).

Рассмотренное значение отмечается, как видно, не у всех поэтов, в наибольшей степени оно характерно для Хлебникова с его видением мира в целостности, нераздельности разных его ипостасей.

Второй 3. Фиксируемое в словарях значение «не главный по значению, второстепенный» представлено в наших примерах лишь в одном из своих, но достаточно характерных проявлений — «уступающий первому в качестве», например: *Ночные тени к кассе стали красться. Простор был ослепительно волнист. Толпой ввалились в зал второго класса Переобуться и нанять возниц* (Пастернак). В поэтических контекстах реализуется способность к порождению метонимии, заключающаяся в подобного рода сочетаниях со словом *второй*. Например, у Маяковского в стихотворении «Сифилис» *второй* (класс) наряду с сочетаниями *первый класс, третий класс* обозначает метонимически пассажиров корабля «разного сорта»: *Припудрив прыщи / и наружность вымыв, / с кокетством себя волоча, / первый класс / дефилировал мимо улыбавшегося врача. <...> За первым классом / шел второй. <...> За вторым / надвигался / третий класс, / черный от негритья*. Указанное значение пред-

ставлено в поэтическом языке в суженном, по сравнению с общим языком, варианте.

Второй 4. Значение «происходящий или совершаемый вновь, повторно» выявляется в контекстах аллюзийного характера — аллюзии связаны с событиями древности, в том числе библейской: *Единое, что на земле оставил Незыблемого по себе Христос: Израиль! Приближается второе Владычество твое* (Цветаева); *Бейте в площади бунтов топот! / Выше, гордых голов гряд! / Мы разливом второго потопа / перемоем миров города* (Маяковский); *Схватив стаканы кулаком, Вы проглядели современья Сидонии приход второй* (Хлебников; в сверхпоэме «Азы из Узы» проводится параллель между разгромом «Непобедимой армады» во главе с испанским герцогом Мединой Сидонией (в 1588 г.) и разгромом при Цусиме русского флота под командованием З. П. Рождественского [Хлебников 1986: 696]).

Это словозначение, сохраняя свой прямой смысл, также обнаруживает себя в образных контекстах, например, в построенном на идее «иных крещений», целиком метафоризованном стихотворении Блока с названием «Второе крещение»: *И в новой снеговой купели Крещен вторым крещеньем я. <...> И гордость нового крещенья Мне сердце обратила в лед. <...> Весны не будет, и не надо: Крещеньем третьим будет — Смерть. Здесь второй — синоним нового, за которым, однако, последует третье. В рамках значения второй 4 находим примеры употребления устойчивых выражений *второе пришествие* и *второе рождение*. Оба они (как и упоминавшееся выше сочетание *второй Спас*) встречаются у Пастернака. В строках: *После в Москве мотоцикл тараторил, Громкий до звезд, как второе пришествие* — выражение употреблено как образ сравнения. Второе сочетание Пастернак использовал в качестве названия шестой книги своих стихов. Для поэта заглавие книги «Второе рождение», «метафорически использованное уже в стихотворении „Марбург“ (1928), знаменовало <...> переход к новой творческой манере в лирике, о чем он писал 29 сентября 1930 г. Сергею Спасскому: „Общий тон выраженья вытекает теперь не из восприимчивости лирика, не из преобладанья одного рода реальных впечатлений над каким-нибудь другим, а решается им самим почти как нравственный вопрос“» [комментарии составителей в Пастернак 1989: 716].*

Второй 5. Данное значение формулируем как «подобный уже бывшему прежде, первому, заменяющий настоящего (имеющий

для кого-н. то же значение, что и первое, основное)». Не случайно это значение более всех остальных (кроме, конечно, первого) представлено в поэтическом языке XIX в. (см. примеры, приводившиеся выше): оно включает в самом себе идею подобия, сравнения, сопоставления кого-чего-нибудь с кем-чем-нибудь. И, напомним, именно это значение иллюстрируется в словарях общего языка поэтическими строками. Поэзия XX в. тоже дает примеры такого словоупотребления (из наших поэтов чаще других так использует слово *второй* Кузмин). Здесь счетное прилагательное *второй* сочетается, с одной стороны, с именами собственными: *Если б я был вторым Антиноем, / утопившимся в священном Ниле, — / я бы всех сводил с ума красотой* (Кузмин; Антиной — прекрасный юноша, любимец римского императора Адриана; ср. строки Ахматовой, где имя Антиной использовано по отношению к поэту Вс. Князеву: *И темные ресницы Антиноя вдруг поднялись — и там зеленый дым, И ветерком повеяло родным*); *Вкушу, вторая Кора, / гранатова плода* (Кузмин; Кора — одно из имен Персефоны); с другой — с именами нарицательными, обычно существительными с семантикой родного, близкого (*родина, мать*): *Так случилось: заточенье Стало родиной второю, А о первой я не смею И в молитве вспоминать* (Ахматова); *Сердцу приснилось преддверие рая, — Родина всем умиленным вторая!* (Кузмин); *Увижу ль, беглый Арион, Твой важный и воздушный сон, Италия, о мать вторая?* (Кузмин). Ср. также: *живи, / бронзовой, / вторая сестра Элладова!* (Маяковский; о Мексике). В последнем примере слово *второй* является компонентом перифразы.

Второй 6. Это значение связано с употреблением слова *второй* в значении существительного. В общем языке такое употребление соотносится обычно с двусловным наименованием *второе блюдо*. Наш материал, как можно было ожидать, случаев такого использования слова не обнаруживает. Вместе с тем здесь *второй* как субстантив — это и человек вообще: *у меня из-под пиджака / развеерился хвостик / и вьется сзади, / большой, собачий. / Что теперь? / Один заорал, толпу растя. / Второму прибавился третий, четвертый* (Маяковский); и некто неопределенный: *Какой речистою зарей В проталинах пылает камень! Но кто-то в улице — второй Каменьев задувает пламень* (Пастернак); и возлюбленный: *Первый [которого я любила] совсем для меня разорился, / посылал каждый час новые подарки, / <...> Второй написал в мою честь тридцать элегий, / известных даже до Рима* (Кузмин); и красавица: *В первой любила ты Первенство красо-*

ты, <...> А во второй — другой — Тонкую бровь дугой (Цветаева); и второе я, двойник: Не подругою быть — сподручным! Не единою быть — вторым! Близнецом — двойником — крестовым Стройным братом, огнем костровым (Цветаева; стихотворение из цикла «Марина», посвященное Марине Мнишек); и условный персонаж: [Второй:] И уже грохочет дальний гром (Ахматова).

Не все случаи употребления слова *второй* поэтами XX в. могут быть с очевидностью отнесены к выделенным значениям. Есть примеры, по отношению к которым уместно применить суждение Б. А. Ларина о том, что эстетическое значение слов (т. е. значение, реализуемое в художественном тексте) не допускает слишком конкретных толкований. В качестве примера приведем строки из Анненского: *Горячешный сон волновал Обманом вторых очертаний, Но чем я глядел неустанней, Тем ярче себя ж узнавал.* Для прояснения значения слова в данном контексте важно учитывать, что эти строки — фрагмент одного из двух стихотворений Анненского с названием «Двойник», в котором речь идет о втором бытии. Внимательное прочтение этого типично символистского стихотворения подсказывает, что, по-видимому, слово *второй* употреблено здесь в контаминированном значении «иной, подобный первому, существующий параллельно ему».

Наши наблюдения над функционированием в поэтическом языке счетного слова *второй* можно свести к следующему. Сравнение словоупотреблений в поэзии XIX и XX вв. обнаруживает во втором случае заметно более широкое развертывание смысловой структуры слова. При том, что основное значение счетного имени естественным образом доминирует в языке поэзии XX в., выявляются, усиливаются некоторые особенности в его проявлениях: оно часто используется в заглавии — сильной текстовой позиции, вводится в стихи наряду со словами своего поля, вовлекается в метафорические контексты. Актуализация практически всех остальных из представленных в общем языке значений счетного слова *второй* сопровождается усилением качественных потенций слова. Это видно, к примеру, по употреблению его в значениях «существующий наряду с первым», «подобный уже бывшему прежде». Отмечается и широкое наполнение субстантивированного употребления счетного прилагательного. Общий взгляд на семантическую структуру слова в ее поэтической реализации показывает, что существенно расширяется состав слов — обозначений объектов, с которыми соединяется слово *второй*. Приведенные наблюдения могут быть соотнесены и с понятием идиостиля: частотные характеристики по поэтам, распределение контекстов

по значениям слова, образно-эмоциональное качество контекстов выдвигают на первый план нескольких поэтов — Кузмина, Пастернака, Цветаеву, Хлебникова. М. Бахтин когда-то писал о том, что в поэзии «все стороны языка напряжены до крайности». То, что сродни такому напряжению, можно наблюдать у названных поэтов в отношении обычного слова *второй*.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль 1989 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989.
- Засорина 1977 — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- Пастернак 1989 — *Пастернак Б.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1989. Т. 1.
- РГ-80 — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1–2.
- Словарь 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1: А–В / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001.
- Словарь Лермонтова 1981 — Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
- Словарь Пушкина 1956–1961 — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.
- Словарь Ушакова 1935 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.
- ССРЛЯ 1991 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1991. Т. 2.
- Хлебников 1986 — *Хлебников В.* Творения. М., 1986.
- Шоу 2000 — *Шоу Дж. Т.* Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: В 2 т. М., 2000.
- Shaw 1975 — *Shaw J. Th.* Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. Ann Arbor, 1975 (= Wisconsin Slavic Publications. Vol. 3).

Е.Я. ШМЕЛЕВА

КВАНТИФИКАЦИЯ КАК ОСНОВА РУССКОГО АНЕКДОТА

Картина мира носителя современного русского языка, наряду с наивно-языковой и научной картиной мира, включает в себя и представления о мире, которые реконструируются на основе анализа современного городского фольклора (или постфольклора — см. [Неклюдов 1995]) и, прежде всего, анекдотов. В «анекдотической» картине мира существуют свои этностереотипы и стереотипы устройства семейной жизни; свои представления о начале и конце, времени и пространстве, красоте и правилах поведения. Поскольку существует целый класс русских анекдотов, посвященных числам, цифрам, арифметическим действиям, нумеративам и квантитативам, мы попытаемся выяснить, как русский анекдот концептуализует такую важную сферу человеческой деятельности, как квантификация.

Рассмотрим прежде всего анекдоты, понимание которых невозможно без знания того, как выглядят арабские цифры или как устроены десятичные числа. Вот, например, анекдот-загадка: *Что такое 6 — 9 — 6 — 9?* (ответ — *Вася падает с пятого этажа дома № 6*). Загадывать ее можно постольку, поскольку аудитории известно, что дома нумеруются при помощи арабских, а не римских цифр. Следующий анекдот не расскажешь в аудитории, не имеющей представления об устройстве двузначных чисел в десятичной системе исчисления:

Рядовой Иванов, назовите двузначное число! — 23. — А почему не 32? — Рядовой Сердюк, назовите двузначное число! — 74. — А почему не 47? — Рядовой Рабинович, назовите двузначное число! — 55. — А почему не...? Опять ваши еврейские штучки¹.

¹ Любопытно, что в 1999 г. появился вариант этого анекдота, обыгрывающий уже не устройство десятичных чисел, а возможность поменять местами имя и отчество человека:

1999 год. Вызывает Ельцин кандидатов в свои преемники. Заходит Черномырдин. Ельцин спрашивает: «Как, по-вашему, должны звучать имена и отчества новых президента и премьер-министра России?» — «Виктор Степанович и Анатолий Борисович». — «А почему не Степан Викторович и Борис Анатольевич?» Тот замолкает, не зная. Заходит Примаков. Ельцин задает тот же самый вопрос. Примаков отвечает: «Евгений Максимович и Юрий Михайлович». —

В русском «анекдотическом» пространстве само собой разумеющимся считается не только знание цифр и чисел, но владение простейшими арифметическими операциями — сложением и вычитанием и даже подсчетом процентов. Слушателю, чтобы понять соль анекдота, приходится в уме производить подсчеты, в противном случае анекдот будет непонятен², например:

Во вступительное сочинение абитуриент вкладывает 5 тысяч и записку: «По тысяче за балл». — Получает сочинение обратно с двойкой и тремя тысячами сдачи.

Утром после выборов приходит Вешняков к Путину и говорит: «У меня для вас две новости — плохая и хорошая. С какой начинать?» — «Ну, давайте с плохой!» — «Зюганов получил 60% голосов избирателей!» — Путин в ужасе хватается за голову. Вешняков: «А теперь хорошая! Вы, Владимир Владимирович, получили 90% голосов!»

Впрочем, поскольку считать учатся в младших классах школы, причем это требует от ребенка определенных усилий и навыков, в частности способности к абстрактному мышлению, есть много анекдотов об обучении счету. Приведем один типичный анекдот из этой серии:

Учитель: «Вот если я тебе дам кролика, потом еще двух кроликов, а потом еще трех кроликов! Сколько будет?» Ученик: «Семь!» Учитель: «Слушай внимательно! Сначала одного кролика, потом еще двух и потом еще трех. Сколько?» Ученик: «Семь!» Учитель: «Таак! Давай по-другому! Одно яблоко плюс два яблока, плюс еще три яблока! Сколько?» Ученик: «Шесть!» Учитель: «Ну, наконец-то! А кролик плюс два кролика плюс три кролика? Сколько?» Ученик: «Семь!» Учитель: «Ну почему?!» Ученик: «А у меня уже живет один кролик!»

«А почему не Максим Евгеньевич и Михаил Юрьевич?» Примаков тоже не знает ответа. Входит следующий кандидат. Тот же вопрос. Ответ: «Владимир Владимирович и Михаил Михайлович». — «А почему не...? А, это вы, товарищ Путин...»

² Заметим, что к необходимым фоновым знаниям русский анекдот относит и информацию об устройстве календаря и времени суток — ср.:

«...Итак, следствие установило, что преступление было совершено в ночь с двадцатого на двадцать первое...» — «Простите, я не расслышал. В ночь с двадцатого на какое?»

Мужик, пьяный в доску, приходит домой в три часа ночи, а там его жена со скалкой встречает. Жена: «Ты знаешь, сколько сейчас времени?» — «Нет». — «Тогда вот тебе один час (бьет его скалкой), вот тебе два часа (опять бьет), и вот тебе три часа (снова бьет)! А теперь пошел спать, скотина!» Мужик задумчиво говорит: «Хорошо, что меня не угораздило прийти в полночь!»

Если для ребенка неумение считать — это свидетельство «незрелости», незрелости, то для взрослого человека — свидетельство ненормальности или крайней глупости; поэтому не случайно взрослые герои анекдотов, не умеющие считать, — это или *психи*, или *милиционеры* — единственные настоящие «глупцы» русского анекдотического пространства:

Три психа проходили тест у врача в санатории. «Может ли кто-нибудь мне сказать, сколько будет трижды три?!» — спрашивает врач. Первый псих: «Хм, по-моему, 27!» Второй псих: «Я думаю, 36!» Третий псих: «Девять». — «Молодец, как вы решили эту задачу?» — спрашивает врач. «Да очень просто, я вычел 27 из 36...»

На вступительном экзамене в милицейское училище: «Сколько будет дважды два?» — «Три!» — «Подумайте». — «Пять!» — «А может, все-таки четыре?» — «Значит, четыре». Запись в журнале: «необразован, неустойчив во взглядах, но легко поддается обучению, подходит». Отвечает второй. «Сколько будет дважды два?» — «Пять!» — «Подумайте». — «Пять!» — «Еще подумайте!» — «Пять!» Запись в журнале: «необразован, трудно поддается обучению, но устойчив во взглядах, подходит». Отвечает третий. «Сколько будет дважды два?» — «Четыре». — «Подумайте». — «Четыре». — «Подумайте еще: может быть, пять или три?» — «Нет, четыре, потому что...» Запись в журнале: «образован, устойчив во взглядах и способен их отстаивать, проверить еще раз национальность».

Конечно, также не в ладах с числами и с арифметикой «псевдоглупцы» русских анекдотов: *чукчи* и *новые русские*, — однако их арифметические ошибки объясняются совсем иными причинами. Чукча, скажем, вовсе не глуп, это человек из тундры, попавший в большой город и не знающий городских реалий [Шмелева, Шмелев 2002]. Например, горожане из своего опыта знают, что для номеров домов в разговорной речи сейчас чаще используют количественные числительные (*Повернете направо у дома пять*)³, а для номеров автобусов или трамваев — порядковые числительные (*Садитесь в пятый автобус*), а чукча этого может не знать, так что не удивительно, что он попадает впросак:

Стоит чукча на остановке, считает: «Пятый... Шестой... Одиннадцатый...» Прохожий спрашивает: «А что вы считаете?» — «Автобусы, однако, считаю, мне сказали, что мне в тридцать седьмом надо ехать».

³ Надо заметить, что номера домов также можно называть порядковыми числительными, в этом случае возможность двоякого истолкования такого именования (по номеру или по счету) часто осознается говорящими: «По Петровке идите до третьего дома...» — «По номеру или по счету?»

Мы также знаем, что есть такие советские праздники — 7 ноября или 8 марта, что улицы наших городов часто называли в честь этих праздников (*улица 7-го ноября, улица 8-го марта*), а также что при объявлении остановок водители зачастую не произносят слова *улица*, ограничиваясь лишь названием улицы, например: «Следующая остановка — „26 Бакинских комиссаров“ или „7-го ноября“». Но ведь вообще по-русски 7 ноября или 8 марта — это дата, день, который следует (соответственно) за 6 ноября или 7 марта, поэтому вполне понятно изумление чукчи, услышавшего, что в следующий раз автобус остановится только 8 марта:

Едет чукча в трамвае. Водитель: «Следующая остановка „8-го марта“». Чукча: «Ой, а раньше никак нельзя?!»

Об особых отношениях *новых русских* с нумеративами мы уже писали в целом ряде статей, см., например, [Шмелева, Шмелев 2002]. Так, например, количественные имена числительные для нового русского, как правило, всегда имеют значение 'соответствующая сумма денег':

Разговаривают двое новых русских. «Я тут с такими девушками познакомился! 90–60–90!» — «И за сколько взял: за 60 или за 90?».

Новый русский не понимает надписей, в которых числительными обозначены промежутки времени, даты или расстояние:

Приехал новый русский за границу. Заселился в отель. Читает гостиничный проспект: «Таак-с... еда... ага... вот... завтрак с 7 до 11, обед с 12 до 16, ужин с 17 до 23. Да они обалдели! А когда же город посмотреть?»

Один новый русский хвастается другому: «Представляешь, я такой умный! Купил конструктор Лего, на нем написано: „От трех до семи лет“, а я всего за месяц сложил!»

Едут два новых русских на джипе и видят знак «ГАИ — 100 м». Один вынимает бумажник и начинает считать деньги. Потом тяжело вздыхает и говорит другу: «Слышь, Вован, на 100 ментов точно не хватит!»

Новые русские не знают, как складывают многозначные числа и как считают проценты:

Новый русский во время переговоров звонит по мобиле секретарше: «Слушай, сколько в одном миллионе нулей? Шесть? Ну вот, видишь, — обращается он к своему партнеру по переговорам, — я же тебе говорил, что в двух миллионах двенадцать нулей».

Новый русский при голде с мобилой вылезает из 600-го «Мерса» и встречает своего бывшего одноклассника — бедного инженера. Инженер говорит: «Слушай, а как ты так разбогател, ты же в школе на одни двойки учился?» Ну, новый русский говорит: «Все ништяк! Я покупаю Мальборо по доллару за пачку, перепродаю за три доллара, и с этих двух процентов живу!»

Впрочем, незнание арифметики не мешает *новым русским* зарабатывать миллионы и получать большие проценты со всех сделок, по-видимому, цифры им знать и не надо, так как деньги *новые русские* считают пачками:

Мальчик просит у нового русского папы денег: «Дай, — говорит, — пап, денег на кино». — «Сколько?» — спрашивает папа. «Вот столько!» — показывает мальчик большим и указательным пальцем толщину пачки. «Возьми в комнате, сынок», — отвечает новый русский. «А в какой, пап?» — «А в любой!»

«Хитрецы» русских анекдотов — *евреи*, наоборот, очень хорошо считают, при этом пытаются (часто, впрочем, безуспешно) как-то выгадать, посчитать что-либо наилучшим образом, например:

Поймал Рабинович золотую рыбку. «Отпусти меня, — взмолилась рыбка, — выполню три твоих желания». — «Значит так, я хочу виллу на Лазурном берегу, „Мерседес“ и жену — Шерон Стоун. Это во-первых...»

В отличие от *новых русских*, которые считают, что в случае употребления количественных числительных без имени существительного имя существительное обозначает денежную единицу (*рубль, доллар* и т. п.), *евреи* в анекдотах даже в тех конструкциях, где стандартное понимание имени числительного в абсолютном употреблении, как правило, подразумевает количество денег, имеют в виду нечто совсем другое, например:

Спускается Моисей с горы, несет скрижали, подходит к толпе ожидающих его: «Еврей! у меня для вас две новости. Хорошая новость — сторговались на десяти... Плохая — прелюбодеяние вошло» (*сторговались на десяти* нормально понимается как 'сторговались на десяти рублях', а в анекдоте *сторговались на десяти* — '...на десяти заповедях').

«Вы помните Нухима Спивака? Когда 20 лет назад он приехал в Америку, у него была только пара рваных штанов. Сейчас он имеет миллион!» — «Господи! Что будет делать этот ненормальный в Америке с миллионом рваных штанов?!» (*Сейчас у него миллион* сначала понимается как 'Сейчас у него миллион долларов').

Вообще носители русского языка часто употребляют имена числительные без имен существительных, считая объект измерения само собой разумеющимся в соответствующей ситуации, например: *Сколько осталось? — Десять* (в зависимости от ситуации — *дней, часов, рублей, страниц* и т. п.). Конечно, такое употребление может привести к коммуникативным неудачам, что и происходит с персонажами русских анекдотов, например:

Начальник секретарше: «Машенька, почему вы сегодня опять опоздали? — Извините, Игорь Алексеевич, проспала, вчера легла около двух...» — «Ну что ж вы, Машенька, в следующий раз ложитесь около одного» (*двух мужчин* вместо *двух часов*).

Сегодня Путину стукнуло 50... Это на 5 человек больше, чем вчера (*50 человек* вместо *50 лет*).

«Молодой человек, уступите мне место, я в сорок третьем ногу потерял!» — «Не гони, дед, я только что в сорок третьем ехал, нет там твоей ноги!» (*в сорок третьем автобусе* вместо *в сорок третьем году*).

«Алло, гостиница. Соедините меня с женой». — «Какой номер?» — «Я вам что, турок, чтоб их нумеровать?!» (*номер жены* вместо *номер комнаты*).

Иногда участники анекдотического диалога правильно понимают, о каких объектах идет речь, но при этом происходит нарушение масштабов времени или пространства, например:

Женщина на приеме у сексопатолога. «Сколько у вас было мужчин?» — «Четверо или пятеро». — «Да, немного». — «Уж и не говорите, доктор, не задавалась неделька»⁴.

Есть еще тип шуток, построенных на обыгрывании «неправильных» единиц измерения. Этот прием часто используется в разных жанрах: шуточных стихах (*Чудной красотой сияла Сара / Двадцать килограмм тому назад* — И. Губерман), детских рассказах (ср., например, известный мультфильм, в котором длина удава измеряется в попугаях), в рекламе и средствах массовой информации (*Вы получите прибыль в квадратных долла-*

⁴ О нарушении масштабов как приеме языковой игры пишет В. З. Санников, который приводит в качестве иллюстрации этого приема следующий анекдот, в котором обыгрывается несопоставимость масштабов человеческой жизни и езды по больничному коридору:

Санитары везут на каталке больного. «Куда вы меня везете?» — спрашивает больной. «В морг». — «Но ведь я же еще не умер!» — «Но ведь мы еще и не доехали» [Санников 1999: 351–355].

рах — реклама недвижимости). Но в пространстве русского анекдота «неправильные» единицы измерения встречаются относительно редко. Анекдот, который приводится в книге В. З. Санникова:

«Сколько стоит это кольцо?» — «Десять тысяч». — «Черт, а это?» — «Два черта» [Санников 1999: 348–349],

так же, как и анекдот из Интернета:

«В чем разница между новобрачной и женщиной, отмечающей серебряную свадьбу?» — ... — «Двадцать килограмм. А в чем разница между новобрачным и мужчиной, отмечающим серебряную свадьбу?» — ... — «Двадцать минут»,

по всей видимости, являются переводными.

Помимо анекдотов, требующих фоновых знаний об устройстве чисел, единиц измерения или арифметических действий, есть еще большая группа анекдотов, обыгрывающих многозначность некоторых числительных и слов, обозначающих количество. Скажем, порядковые числительные похожи по форме на имена прилагательные, поэтому с ними возможны такие же языковые игры, как с прилагательными. Так, в русском языке конструкция «такой + имя прилагательное» возможна только с качественными прилагательными: *Он такой красивый*. В качестве языковой игры возможно употребление конструкции «такой + относительное прилагательное, притяжательное местоимение или порядковое числительное», как в известных стихах О. Мандельштама: *Дано мне тело — что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим*, а также в написанной самим же Мандельштамом пародии на это стихотворение: *Не унывай, / Садись в трамвай, / Такой пустой, / Такой восьмой* (пример заимствован из книги [Санников 1999]). Вообще, как отмечает В. З. Санников, Мандельштаму было свойственны эксперименты с числительными, в частности деление их на «престижные» и «непрестижные». Так, описание роскошной квартиры, в которой временно жил Шилейко, заканчивается вопросом: *Если такие живут на Четвертой Рождественской люди, / Путник, молю, расскажи, кто же живет на Второй?* Надо сказать, что вообще в наивные представления об устройстве мира входит представление об иерархии порядковых числительных, о том, что *второй* лучше *третьего*, а *первый* — лучше *второго*. Недаром лучше всего ездить *первым* классом, сидеть в *первом* ряду в театре и занимать *первые* места на соревнованиях. Поэтому в словарях у слова *первый* отмечается значение 'находящийся на первом месте, лучший'. В этом значении *первый* ведет себя как качественное прилагательное, имеющее превосходную степень сравнения: *самый первый*. В анекдотиче-

ском пространстве обыгрывается возможная контаминация двух значений слова *первый* — первый по порядку и первый по качеству:

Возвращается Вовочка первого сентября из школы и говорит: «Вот скука какая, а говорили: первый класс, первый класс!»

У слова *первый* выделяется еще одно значение 'ранний, незрелый' (*Это мои первые опыты*); контаминации этого значения и значения порядкового числительного также послужила пуантой ряда анекдотов, ср., например:

Приходит новый русский в консерваторию. Ведущая объявляет: «Чайковский. „Первый концерт“». Новый русский послушал-послушал и говорит: «Ну что ж, для первого — нормально».

Поскольку многозначным является не только порядковое числительное *первый*, но и соответствующее количественное числительное *один*, это не могло не найти отражение в пространстве русского анекдота. Например, названия денежных единиц (*рубль*, *доллар* и др.) в единственном числе могут обозначать как один рубль или доллар, так и соответствующий тип валюты, ср.:

«Абрам, вы слышали, какая паника была вчера на Нью-Йоркской бирже?» — «А шо там случилось?» — «Доллар упал». — «Ха, и это вы называете паникой, и я вас слушаю? Да вы знаете, какая паника была в прошлом году на Привозе, когда у Миши Фридмана упало из кармана сразу 10 долларов...»

В значении количественного числительного *один* не может иметь множественного числа, а в других своих значениях, например в значении прилагательного, это слово имеет множественное число — *одни*; ср.: *Я остался дома один и Детей оставили дома одних*. Парадоксальность существования множественного числа у слова *один* обыгрывается в анекдоте:

Идут Рабинович с приятелем по темному переулку и видят: на встречу идут двое мужчин. Рабинович говорит: «Давай пойдем побыстрее, а то мы с тобой одни, а их-таки двое!»

Слово *больше* в первом значении является сравнительной степенью прилагательного *большой* и наречия *много*, в этом значении оно является антонимом слова *меньше*, а в отрицательном предложении *больше* имеет другое значение — 'далее, впредь'. Анекдот, как всегда, смешивает оба этих значения:

«Говорят ты больше не пьешь?» — «Да, но и меньше тоже».

Среди квантитативов, обыгрываемых в анекдотах, заслуживает упоминания также слово *сколько*, имеющее два прямо про-

тивоположных «риторических» значения в зависимости от интонации, с которой произносится соответствующее предложение: *Во скольких странах он побывал!* (≈ 'много где') — *Да во скольких странах он побывал* (≈ 'мало где'). (Интересно, что возможность двоякого понимания этого слова не отмечается в толковых словарях!) В анекдотах нашли свое отражение оба значения слова *сколько*. Ср., например, анекдоты со значением *сколько* 'мало':

«Мыкола, а где ты моешься? У тебя же бани нет». — «Та Днипро е». — «А зимой?» — «Та скильки ее, той зимы!»

«Петька, ты знаешь, что твоя Анка спит со всей Каховкой?» — «Подумаешь, сколько ее, той Каховки!»

Есть, конечно, анекдоты и на значение *сколько* 'много':

На золотой свадьбе муж разоткровенничался с приятелями: «Эх, если б вы знали, скольким мужьям я наставил рога!» Его жена замечает: «Хм, а я всего одному...»

Есть еще целый ряд анекдотов, в основе которых лежат фразеологические выражения с числительными; анекдоты о математиках и преподавании математики; анекдоты о статистике:

«Ну, как дела на работе?» — «И не спрашивай. Начальник хочет, чтобы мы работали за троих. Хорошо еще, что нас пятеро».

Чукча регистрирует ребенка и просит написать, что его национальность — китаец. «Почему?» — удивляются в загсе. «Чукча умный. Чукча знает, что каждый пятый родившийся ребенок — китаец».

Врач говорит пациенту: «Вот что, сэр, бросайте пить, алкоголь ежегодно убивает около 100 000 американцев». — «А мне по барабану: я русский».

Итак, неожиданно оказывается, что даже такая сухая и точная область человеческой деятельности, как квантификация, занимает достойное место в картине мира, задаваемой русским анекдотом.

ЛИТЕРАТУРА

- Неклюдов 1995 — Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1.
- Санников 1999 — Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Шмелева, Шмелев 2002 — Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.

Е. Б. ЯКОВЕНКО

КАКОЮ МЕРОЮ МЕРИТЕ...

(О КВАНТИФИКАЦИИ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ
В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

Мера окружает нас повсюду; *измерения, размеры, замеры и обмеры*, хотим мы того или нет, сопровождают нас на каждом шагу. Кажется, что весь наш мир становится всеобщей палатой *мер* и весов. Мы даже не замечаем, насколько *измерена* (но, увы, не *размерена*) наша жизнь. Понимая буквально слова Парменида «Человек — мера всех вещей», мы *мерим* собой наш мир — мерим саженьями и локтями, пядями и пальцами (перстами). Означивая мир духовный по подобию мира физического, мы пытаемся перенести на духовные сущности привычные нам физические *мерки* и тем самым *измерить неизмеримое*. По *мере* того как мы осознаем себя и самоутверждаемся, мы начинаем подходить к окружающим со своими *мерками*, *меряем* всех на свой аршин, *соизмеряем* свои силы или *меряемся* ими с противником, бываем в *меру* сдержанны или без *меры* разговорчивы, *чрезмерно* веселы или *безмерно* счастливы — спрашивается, где же *мера* всему этому? И нельзя ли, припомнив библейское пророчество «все сосчитано, взвешено, разделено», обратиться к Библии и искать там свою меру?..

В предлагаемой статье, являющейся скорее небольшой зарисовкой, мы попытаемся, во-первых, выяснить, что стоит за понятием 'мера' в Библии, и, во-вторых, сопоставить переводы трех библейских стихов, в которых используется слово *мера*, на языки ранних библейских переводов (латынь, готский) и современные германские языки (английский, немецкий, исландский).

Слово *мера* не относится к самой частотной библейской лексике, но случаев его употребления в Библии не так уж и мало: около 80 и в Русском Синодальном переводе, и в Библии короля Якова, и в Библии Мартина Лютера (последние относятся к наиболее авторитетным переводам Библии на английский и немецкий языки). Подавляющая часть всех словоупотреблений приходится на Ветхий Завет, и в большинстве случаев речь идет о мере веса (муки (4 Цар 7: 1, 16, 18 и др.), зерна (Руфь 3: 15, 17; Откр 6: 6), воды (Иезек 4 :11, 16)) или мере длины (Иезек 46: 22 и др.). Изредка подобные употребления встречаются и в Новом Завете: в Евангелии от Луки говорится о мерах масла (Лк 16: 6), в Откро-

вании — о мерах зерна (Откр 6: 6) и т. п. На этом фоне резко выделяется отрывок из Нагорной проповеди — одно из известнейших и наиболее часто цитируемых мест в Библии:

...Каким судом судите, *таким* будете судимы; и какую мерою мерите, *такую* и вам будут мерить (Мф 7: 2).

В быту этот отрывок очень часто неверно понимается и не к месту цитируется. «Не *суди*, и не *судим* будешь» — говорят человеку, который *судачит*, злословит, *осуждает* других, стараясь тем самым удержать его от дальнейшей отрицательной оценки. Между тем смысл отрывка гораздо глубже — правильное было бы сказать отрывков, так как, несмотря на то, что примерно одна и та же фраза встречается и у Матфея, и у Марка, и у Луки (т. е. во всех трех синоптических Евангелиях), ее смысл оказывается различным. Обратимся к тексту Русского Синодального перевода.

...Каким судом судите, *таким* будете судимы; и какую мерою мерите, *такую* и вам будут мерить (Мф 7: 2).

...Замечайте, что слышите: какую мерою мерите, *такую* будет отмерено вам и прибавлено будет вам слушающим (Мк 4: 24).

Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною насыплут вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, *такую* же отмерится и вам (Лк 6: 38).

В Евангелии от Матфея мы имеем дело с этическим императивом в его чистой форме: от того, как человек ведет себя по отношению к другим, зависит, каким он предстанет перед Богом и каким судом его будет судить, какой мерой будет мерить его Создатель. Но даже если человеку суждено испытать милость или наказание еще в этой жизни, они все равно выступают как проявления Божьей воли. В данном отрывке этический императив сформулирован в виде так называемого теологического пассива, когда исполнителем выступает не называющий себя прямо Господь.

Мера, упоминаемая в Евангелии от Марка, — уже другая мера: это мера готовности человека к знанию, к восприятию христианского учения. Тому, кто приходит к Богу с открытым сердцем, готов внимать гласу Божьему, будет многое сообщено.

В Евангелии от Луки мера понимается несколько уже по сравнению с Евангелием от Матфея: это мера добра и милосердия, которым человек делится с окружающими и которые получает в ответ в избытке.

Отрывки, таким образом, имеют различный смысл, и их выразительность достигается различным образом. Они все строятся

на метафоре — мостике между миром физическим и духовным; в первом отрывке мы также обнаруживаем параллельные конструкции, во втором — параллелизм и градацию, в третьем — развернутую метафору. Если сравнить переводы этих отрывков на несколько языков, здесь обнаружатся определенные лексические различия, о которых следует сказать подробнее.

В греческом Новом Завете и Вульгате контраст строится преимущественно на залоговых противопоставлениях: в греческом тексте противопоставляется будущее время действительного залога и медиопассива, в латинском — *Futurum activi* и *Futurum passivi*, ср.:

греческий Новый Завет:

Εν ὡ γὰρ κρίματι κρίνετε κρίθησεσθε, καὶ ἐν ὡ μέτρῳ μετρεῖτε μετρηθήσεσται ὑμῖν (Мф 7: 2).

...Βλέπετε τί ἀκούετε. ἐν ὡ μέτρῳ μετρεῖτε μετρηθήσεσται ὑμῖν καὶ ποροσθηθήσεσται ὑμῖν (Мк 4: 24).

Δίδοτε, καὶ δοθεῖσεται ὑμῖν μέτρον καλὸν πεπιεσμένον σεσαλευμένον ὑπερεκχυννόμενον δώσουσιν εἰς τὸν κόλπον ὑμῶν ὡ γὰρ μέτρῳ μετρεῖτε ἀντιμετρηθήσεσται ὑμῖν (Лк 6: 38).

Biblia Sacra Vulgata:

In quo enim iudicio iudicaveritis iudicabimini et in qua mensura mensi fueritis metietur vobis (Matt 7: 2).

...Videte quo audiat: in qua mensura mensi fueritis remetietur vobis et adicietur vobis (Marc 4: 24).

Date et dabitur vobis mensuram bonam confersam et coagitatam et supereffluentem dabunt in sinum vestrum

eadem quippe mensura qua mensi fueritis remetietur vobis (Lc 6: 38).

И в греческом, и в латинском тексте идея воздаяния человеку по делам его усилена в самих глагольных формах благодаря префиксам *αντι-*, *re-*.

В готской Библии — самом раннем из переводов Библии на германские языки (IV век, тексты дошли до нас в списках VI века) стих 2 главы 7 Евангелия от Матфея отсутствует (не сохранился). В двух других стихах во второй части параллельной конструкции стоит медиопассив индикатива. Поскольку будущего времени в готском языке не было, вернее, отсутствовали специальные морфологические средства его выражения, слова Иисуса, стоящие в настоящем времени, воспринимаются как некая данность:

...Saihvīp, hva hauseip! In pizaiei mitap mitip, mitada izvisjah biauakada izvis paim galaubjandam (Marc 4: 24).

Gibaid, jah gibada izvis, mitads godajah ufarfullajah gaviganajah ufargutana gibada in barm izvarana; pizai auk samon mitadjon pizaiei mitip mitada izvis (Lc 6: 38).

Обратимся теперь к Библии короля Якова (King James Bible). Уже к моменту своего выхода (1611 г.) этот перевод был достаточно архаичным с точки зрения выбора слов и грамматических форм. Тем не менее в течение почти трех столетий многие поколения читающих Библию на английском языке воспринимали христианскую мысль именно в том виде, в какой она преподносилась в Библии короля Якова. Употребление в исследуемых отрывках модального глагола *shall* привносит в текст оттенок торжественности, обещания и одновременно предостережения, угрозы:

For with what judgment ye judge, ye shall be judged: and with what measure ye mete, it shall be measured to you again (Mt 7: 2).

Take heed what ye hear: with what measure ye mete, it shall be measured to you: and unto you that hear shall more be given (Mk 4: 24).

Give; and it shall be given unto you; good measure, pressed down, and shaken together, and running over, shall men give into your bosom. For with the same measure that ye mete withal it shall be measured to you again (Lk 6: 38).

В более современном Weymouth's New Testament (1909) замена модального глагола *shall* на *will* придает отрывкам более сдержанный характер:

...For your own judgement will be dealt—and your own measure meted—to yourselves (Mt 7: 2).

Take care what you hear. With what measure you measure, it will be measured to you, and that with interest (Mk 4: 24).

Give, and gifts shall be bestowed on you. Full measure, pressed, shaken down, and running over, shall they pour into your laps; for with the same measure that you use they shall measure to you in return (Lk 6: 38).

От этих библейских переводов резко отличается Good News Bible («Благая весть») — современный перевод Библии, используемый главным образом теми, для кого английский язык не является родным. Он выполнен в простой манере, не отличается богатством лексики и в ряде мест выглядит не как перевод, а скорее как переложение. Это относимо и к исследуемым стихам: в первом отрывке мысль выражена эксплицитно, метафора отсутствует. Смысл второго отрывка сближается с первым, хотя этого не должно быть. В третьем отрывке метафора также отсутствует:

...God will judge you in the same way as you judge others, and he will apply to you the same rules you apply to others (Mt 7: 2).

...Pay attention to what you hear! The same rules you use to judge others will be used by God to judge you — but with even greater severity (Mk 4: 24).

Give to others, and God will give to you. Indeed, you will receive a full measure, a generous helping, poured into your hands — all that you can hold. The measure you use for others is the one that God will use for you (Lk 6: 38).

Обратимся теперь к немецким переводам Библии. Между Библией Мартина Лютера и более поздним переводом — Эльберфельдерской Библией (1871 г.) не обнаруживается каких-либо серьезных противоречий (в Эльберфельдерской Библии обращает на себя внимание стилистически более сильное слово *Gericht* в первой части этического императива по сравнению с *Recht* у Лютера, но это не относится к предмету нашего исследования). Ср.:

Übersetzung von Martin Luther:

...Nach welchem Recht ihr richtet, werdet ihr gerichtet werden; und mit welchem Maß ihr meßt, wird euch zugemessen werden (Mat 7: 2).

...Seht zu, was ihr hört! Mit welchem Maß ihr meßt, wird man euch wieder messen, und man wird euch noch dazugeben (Mk 4: 24).

Gebt, so wird euch gegeben. Ein volles, gedrücktes, gerütteltes und überlaufendes Maß wird man in euren Schoß geben; denn eben mit dem Maß, mit dem ihr meßt, wird euch wieder messen (Lk 6: 38).

Elberfelder Bibel:

...Denn mit welchem Gericht iht richtet, werdet ihr gerichtet werden, und mit welchem Maß ihr meßt, wird euch zugemessen werden (Mat 7: 2)

Seht zu, was ihr hört; mit welchem Maß ihr meßt, wird euch gemessen werden, und es wird euch hinzugefügt werden (Mk 4: 24).

Gebt, und es wird euch gegeben werden: ein gutes, gedrücktes und gerütteltes und überlaufendes Maß wird man in euren Schoß geben; denn mit demselben Maß, mit dem ihr meßt, wird euch wieder gemessen werden (Lk 6: 38).

В современном немецком переводе Gute Nachricht («Благая весть») (1994) связь с Библией Мартина Лютера ощущается гораздо теснее, чем у подобного английского перевода — с Библией короля Якова:

...Euer Urteil wird auf euch zurückfallen, und Ihr werdet mit demselben Maß gemessen werden, das ihr bei anderen anlegt (Mat 7: 2)

Achtet auf das, was ich euch sage! Nach dem Maß eures Zuhörens wird euch Verständnis geben, ja noch über das Maß eures Zuhörens hinaus! (Mk 4: 24)

Schenkt, dann wird Gott euch schenken; ja, er wird euch so überreich schenken, dass ihr gar nicht alles fassen könnt. Darum gebraucht anderen gegenüber ein reichliches Maß; denn Gott wird bei euch dasselbe Maß verwenden (Lk 6: 38).

Текст исландской Библии (переиздание 1984 г.), выполненной под сильным влиянием Лютеровской Библии, выглядит с протестантской точки зрения вполне традиционно; эффект контраста достигается с помощью обычных залоговых противопоставлений (*mæld* — *mælt verða*):

Þvi að með þeim dómi, sem þér dæmið, munuð þér dæmdir, og með þeim mæli, sem þér mæld, mun yður mælt verða (Mt 7: 2).

Gætið að, hvað þér heyrið. Með þeim mæli, sem þér mæld, mun yður mælt verða og við yður bætt (Mk 4: 24).

Gefið, og yður mun gefið verða. Góður mælir, trodinn, skekinn, fleytifullur mun lagður í skaut yðar. Þvi með þeim mæli, sem þér mæld, mun yður aftur mælt verða (Lk 6: 38).

Нагорная проповедь — не единственное место в Библии, где упоминается о мере в подобном смысле. Апостол Павел говорит о мере веры (Рим 12: 3; англ. *measure of faith*, нем. *Maß des Glaubens*), мере дара Христова (Еф 6: 7, англ. *measure of the gift of Christ*, нем. *Maß der Gabe Christi*). У него мы находим осуждение стремления «мерить по себе других» и исчерпывающее понимание меры как оценки своей жизни во Христе, оценки своей веры, положенного Богом удела:

Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют: они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно.

А мы не без меры хвалиться будем, но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до нас (2 Кор 10: 12–13).

По-видимому, именно в приведенных стихах заключено христианское понимание меры.

Таким образом, можно говорить о профанном и сакральном употреблении слова «мера» (*measure*, *Maß* и др.), которые не противоречат друг другу. Мы видим, как библейский человек, идя от мер физических к мерам духовности, постепенно учится

правильно определять свое место в мире и, соотнося свои прежние ценности с ценностями, приобретенными во Христе, подчинять Ему жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers. Berlin; Altenburg, 1991.
2. Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.
3. Biblían. Reykjavík, 1992.
4. Biblische Begriffskonkordanz / Bearb. von H. Langenberg. Würtemberg, 1976.
5. Elberfelder Bibel (revidierte Fassung). Stuttgart, 1992.
6. Good News Bible. Today's English Version. The Bible Societies, 1976.
7. Greek New Testament. 26 ed. Nestle-Aland, 1991.
8. Gute Nachricht für Sie. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2001.
9. Holy Bible. The Authorized (King James) Version. The Gideons International, 1978.
10. Strong's Exhaustive Concordance of the Bible. 45ed. World Bible Societies, 1989.
11. Weymouth's New Testament. New York: Bible Societies, 1909.
12. Wörterbuch zur Bibel / Hrsg. Bearb. von W. H. Schmidt, G. Delling. Hamburg; Zürich, 1971.

Т. И. Вендина

КАТЕГОРИИ ЭТИКИ КАК КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛИ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Если попытаться определить константу любой духовной культуры, то совершенно очевидно, что это будут представления прежде всего о Добре и Зле как древнейших формах понятий, регулирующих социальные отношения. Пронизывая все бытие человека, Добро и Зло образуют базовые оппозиции культуры, которые обуславливают не только поведение человека и его деятельность, но и определяют оценки, даваемые им себе и окружающему миру. Эта этическая оппозиция отражается в языке любой культуры в виде мерцающей сети смыслов, которые образуют аксиосферу культуры. Именно поэтому представления о Добре и Зле, их источниках, локусе, способе действия, при котором Добро побеждает Зло, а также осмысление самой вероятности победы Добра над Злом этнопсихологи выделяют в качестве центральной зоны ментальности этносов, существующей как на уровне сознания, так и на уровне коллективного бессознательного (см. [Лурье 1998: 225; Стефаненко 2003:139]).

Эволюция представлений о Добре и Зле в истории русского языка не могла не привести к их ценностному осмыслению и выделению некоторых частных смыслов, которые закрепились в отдельных словах, образовавших впоследствии целые гнезда. О том, что эти категории воспринимаются русской культурой как аксиологические, свидетельствует факт глубокого осмысления их в самых разных аспектах, что выражается в детальной проработанности их лексико-символической парадигмы.

Как абстрактные категории Добро и Зло не способны к исчислению и допускают лишь неопределенно-количественные определители (типа *мало* или *много*), однако в языке русской культуры

между ними прослеживается следующее тонкое различие: если Добро действительно не исчисляется, т. е. оно воспринимается как нечто цельное, неспособное к расчленению, то Зло его все-таки допускает, ср. *выбрать из двух зол или наибольшее (наименьшее) зло*.

Будучи категориями нормативно-оценочными¹, Добро и Зло оказались способны к развитию идеи интенсивности, проявление которой может осуществляться в разной степени. Это послужило основой для использования этих этических категорий в качестве количественных определителей, причем не только в мире конкретных, но и в мире абстрактных сущностей.

Способность к реализации идеи количества у этих этических категорий сформировалась уже в древнерусском языке (в старославянском языке это явление не прослеживается), в котором Добро и Зло осмыслиются как количественные атрибутивы, выступающие в роли своеобразных интенсификаторов, «меры» проявления действия или признака, ср.:

добрѣ 1) 'очень, весьма': Князь велики Кіевскіи Изяславъ Мъстиславичъ добрѣ раненъ вывъ 2) 'достаточно': И воеводамъ велѣти рвы старые почистити и новые рвы подѣлати чтобъ были рвы добрѣ глѣбоки и круты, СлРЯ XI–XVII 4: 257; добрѣ добро 'весьма хорошо', СлРЯ XI–XVII 4: 257. Само прилагательное добрый имело в древнерусском языке значение 'полномерный, неурезанный (о мерах)': камень мрамор бѣлый около его перильцо желѣзное въ высоту пяди доврой, СлРЯ XI–XVII 4: 270 (ср. также: добренький 'значительный, большой по количеству', СлРЯ XI–XVII 4: 257);

злѣ 'сильно, в высокой степени': Яко видѣста [феодосий и никонъ] и падъ, злѣ плакастася, якоже много время не видѣвшася, СлРЯ XI–XVII 6: 15; злѣхитрый 'очень хитрый, коварный': злѣхитрый днаволъ, СлРЯ XI–XVII 6: 15, а прилагательное злой обладало значением 'очень сильный по степени проявления': Зажъжеса пожаръ Новѣгородѣ и вѣше пожаръ зълъ съгорѣша церкѣви три и много домовъ добрыхъ, СлРЯ XI–XVII 6: 23;

лихо 1) 'зло': понеже не хочю я лиха, но добра хочю врат<и>и и Рѹсскѣи земли, 2) 'много': лихо глѣмяштыся или не моляштыся чѣсто..., СлРЯ XI–XVII 8: 246; лихое 1) зло', 2) 'что-либо излишнее, чрезмерное': лихое еже есть излишнее // лихое сего 'сверх того', СлРЯ XI–XVII 8: 247; лихой 'излишний': и въсьде лихыя бѣды есть гүвительна, СлРЯ XI–XVII 8: 249; ли-

¹ Ср. в связи с этим определение Добра и Зла, которое дает «Философский энциклопедический словарь»: «Добро и зло — нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное благо, а с другой — нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей» [ФЭС 1997: 140].

хота 'чрезмерность', СлРЯ XI–XVII 8: 251; лихомёрный 'чрезмерный': ұсърдую тә и люблю, лихомёрнаго смёрнения ради твоего, СлРЯ XI–XVII 8: 250; лише 'сверх нормы, больше': не вұди праведенъ велии, ни мұдръ лише, да не како изұм'бешися, СлРЯ XI–XVII 8: 259; лишек 'что превышает норму, меру': а что того дикого поля сверхъ его дачи бұдетъ лишка, и тотъ лишекъ вел'бно отписать на насъ до нашего ұказу, СлРЯ XI–XVII 8: 260; лютый 1) 'жестокий, злобный': и р'бша боляре лютъ се мужъ, 2) 'сильный чрезмерный': присп'бшаше зима и мрази лютии, СлРЯ XI–XVII 8: 348.

В современном русском литературном языке сфера количественной интерпретации категорий Добра и Зла значительно сузилась, сохранившись лишь в разговорном языке у прилагательных *добрый* в значении 'целый, полный, в полной мере (о количестве)' [МАС 1: 555], ср.: *прождать добрый час*; а также у прилагательных *злой* и *лютый* для обозначения высшей степени какого-либо качества или действия, а именно 'очень сильный' (ср.: *Кони, фыркая, вихрем летели, злой мороз пробирал до костей* — Н. А. Некрасов «Кому холодно, кому жарко!» [Там же: 841]; или [Карандышев:] *Только злоба лютая и жажда мести душат меня* — А. Н. Островский «Бесприданница»; ср. также *лютые морозы* [МАС 2: 286]). Кроме того, в виде осколка количественное значение сохраняется у существительных *лишек* 'то, что превышает какую-либо норму, меру', которое дается в академическом словаре с пометой прост. (ср.: *...может и есть тут теперича лишку, да вот, поди ты, махнули рукой* — Н. А. Некрасов «Железная дорога» [Там же: 259]), *излишек* 'чрезмерное количество чего-либо' (*Излишек воды в почве* [МАС 1: 889]) и *излишество* устар. 'слишком большое количество чего-либо' [Там же]).

Однако в языке русской традиционной духовной культуры поле аксиологического притяжения Добра и Зла оказалось довольно сильным: оно до сих пор сохраняет свой высокий энергетический потенциал, благодаря которому втягивает в свое эмоционально-ценностное пространство все новые и новые слова, обрастая новыми смыслами. И в этом использовании категорий этики в качестве квантитативов прослеживается своеобразная философия языка традиционной духовной культуры.

Добро в русских диалектах осмысливается либо как норма, отсюда значение 'достаточно' (*добро* 'достаточно' Костром., Ярослав.: *Прибавить каши-то, али добро*, СРНГ 8: 76), либо как мера интенсивности признака, достигшего своего высшего проявления, отсюда значения 'очень' (ср.: *добро* 'очень' Арх.: *Добро хорошо живут*, СРНГ 8: 76; Волог., СВГ 2: 30; *добре* 'очень, весьма' Перм., Волог., Пенз., Ярослав.,

Казан., Твер., Моск., Ряз., Тамб., Тул., Калуж., Орл., Курск., Ворон., Самар., Куйбыш., Саратов., Астрах., Оренб., Перм., Тобол., Том.: *Добре платок хороший у тебе*, СРНГ 8: 75; *Матушка добре джюе умирая 'очень болеет'* Тамб., Даль 1: 443; *добреши 'очень, весьма'* Орл.: *Добреши у ней мужик-то хорош*, СОГ 3: 60; *добрятко* Перм.; *добряцко* Перм.; *добряще* Тобол. 'очень хорошо': *Время провели добряще*, СРНГ 8: 81), 'очень сильно' (добром 'очень сильно' Свердл.: *Он добром простыл*, СРНГ 8: 78) и 'много' (ср.: *добре 'много'* Курск., Том.: *Добре мне присылают, добре, по сто рублей*, СРНГ 8: 75). Не случайно существительное *доброта* в вологодских говорах указывает на 'степень пригодности чего-либо', СВГ 2: 31.

Что касается Зла, то в представлениях о нем выявились следующие отличия. Во-первых, Зло никогда не осмысливается как норма, т. е. императивом русской культуры является Добро, а во-вторых, Зло охватывают неизмеримо большее поле сознания, чем представления о Добре, о чем свидетельствует тот факт, что шкала его признаков более расчлененная, чем у Добра, ибо со Злом оказываются связаны не только такие значения, как *очень* (ср.: *зло 'очень'* Калуж., Курск., Яросл., Влад.: *Вино зло пьет*, СРНГ 11: 288), *много* (ср.: *злагоре 'большое горе'*, СРНГ 11: 285, без указ. места], *сильно* (ср.: *зло 'сильно'* Волог.: *А он все злая пьет, злая курит*, СВГ 2: 172; *злой 1*) 'обладающий каким-либо свойством в сильной степени' Пск., Смол.: *Я джюе зла забувать*; 2) 'сильно любящий что-либо' Смол., Пск.: *Ох, я зла до молока*, СРНГ 11: 290), *очень сильно* (ср.: *во злу головушку кричать, плакать 'очень сильно кричать, плакать'*, СРНГ 11: 290), но и *мало* (ср.: *злун 'немного, мало'* Смол., СРНГ 11: 292), *очень мало* (ср.: *злыдни 'очень мало'* Волог., Новг., Влад., Калуж., Вят., Перм., Байкал., Иркут.: *Вишь, какие злыдни дала пирога-то, не во что и влипнуть*, СРНГ 11: 294), *очень много* (ср.: *до злыдня 'очень много'* Том.: *Народу понаехало до злыдня*, СРНГ 11: 293), *усердно, прилежно* (ср.: *зло 'усердно, прилежно, с рвением'* Влад., Калуж., Курск., Новосиб.: *Зло парень работает, недаром хлеб ешь*) и даже *очень хороший* (ср.: *злой 'очень хороший'* Арх.: *У ей такая память злая*, СРНГ 11: 290). Существование этих имен в русских диалектах можно объяснить, по-видимому, все той же способностью категории Зла указывать на высокую степень интенсивности признака, ср. положительные значения имен с корнем *лих-* (*лихарь* 'удалой, ловкий' Ряз., Арх., СРНГ 17: 75; *лихой 1*) 'строгий, взыскательный' Ворон., Калуж.: *У меня матушка такая лихая*; 2) 'хорошо осведомленный в разных вопросах человек' Костром., СРНГ 17: 78). Совершенно очевидно, что катего-

рия Зла в русских диалектах воспринимается и как квантор, обладающий способностью передавать идею количества (**много, мало**), и как интенсификатор, указывающий на высокую степень интенсивности проявления признака (**очень, сильно, очень сильно, очень много, очень хороший, усердно**).

Таким образом, если Добро в русской традиционной духовной культуре воспринимается в целом нерасчлененно, то Зло может дробиться на части, передавая градацию признака разной степени интенсивности, от нулевой до очень высокой. При этом в языковом сознании человека отчетливо оформлена следующая установка русской культуры: Добра должно быть много, если же его мало, то это — Зло (ср.: *злыдни* 'очень мало' Волог., Новг., Влад., Калуж., Вят., Перм., Байкал., Иркут.: *Хлеба-то злыдни остались*, СРНГ 11: 294). Это говорит о том, что при уменьшении количества Добро переходит в другое качество — Зло, в то же время как бы много Добра ни было сделано, оно всегда остается Добром, т. е. Зло рождается от недостатка Добра или, как говорил мудрый Дионисий Ареопagit, «зло представляет собой слабость и убывание добра» [Дионисий Ареопagit 1994: 179]. И в этом проявляется удивительный максимализм русского языкового сознания, оставшегося верным этике старославянского языка.

«Сфера компетенции» Зла как количественной категории и соответственно набор втянутых в это поле лексем в русских диалектах также значительно шире, чем у Добра, что и понятно, так как Зло многогранно и нуждается во множестве дефиниций. Причем, что интересно, все эти имена также обладают способностью передавать квантитативные значения. Так, в частности, в поле Зла в русских диалектах находятся лексемы с корнями бед- (ср.: *бедовуший* 'злой' Арх., СРНГ 2: 173 и *большая беда* 'много' Новг., СРНГ 2: 173), *благ-* (ср.: *благой* 'злой, сердитый' Ряз., Нижегород.: *Муж-от, знаешь, какой у меня благой*, СРНГ 2: 306; Орл., СОГ 1: 76; *благонько* 'много' Арх., Новг., Барнаул., СРНГ 2: 308; *благошко* 'много' Арх., СРНГ 2: 309), *враг-/враж-* (ср.: *враговатый* 'злой' без указ. места, СРНГ 5: 182; *до врага* 'много' Орл.: *Сейчас вдов до врага, мужики долго не живут*, СОГ 2: 93; *вражной* 'злой, злобный' Арх., Свердл., СРНГ 5: 184; *вражая* 'много' Волог., СРНГ 5: 183), *дурн-* (ср.: *дурно* 1) 'что-либо дурное: зло, беда' Ср. Урал; 2) 'очень много' Твер., СРНГ 8: 269), *зел-* (ср.: *зело* 'зло' Перм., СРНГ 11: 253 и *зельно* 'очень' Перм., Пск., Тамб., Орл., СРНГ 11: 254), *нароч-* (ср.: *нарочить* 'делать зло кому-либо' Том., СРНГ 20: 133 и *нароче* 'очень' Новг., СРНГ 20: 133; *нароце* 'много' Волог.: *Ой, девка, у тя нароце платей-то*, СВГ 5: 66), *лих-/лиш-* (ср.: *лихо* 1) 'злая судьба' Пск., Смол.; 2) 'горе, печаль' Арх.,

Волог., Ворон., Курск.; 3) 'очень' Пск., Волог., Ворон., Орл., Тул., СРНГ 17: 77; *лишечко* 'зло, беда, несчастье' Курск., СРНГ 17: 91; *лишний* 'худший' Смол.: *Лишняя хвороба на него навалилась*, СРНГ 17: 92 и *лишку* 'очень' Арх., СРНГ 17: 92); *лют-* (ср.: *лютый* 'злой' Яросл., Пск., Вят., Нижегород., Куйбыш., Калуж., Костром., Новг., Перм., СРНГ 17: 249; *люто* 1) 'много' Яросл., Перм., Вят., Урал., Волог., Арх., Новг.: *Побегла даве в очередь, а там народу люто*; 2) 'очень сильно' Новг., Волог., Яросл.: *Люто кричит*, СРНГ 17: 249).

Набор количественных значений в приведенных лексемах достаточно широк, однако чаще всего они выступают либо как кванторы (**много, немного**), либо как интенсификаторы (**очень, очень много, сильно**), ср.:

много (ср.: *большая беда* 'много' Новг., СРНГ 2: 173; *благоденько* 'много' Арх., Новг., Барнаул.: *Зазорно же, небось, что у него денег-то благоденько*, СРНГ 2: 308; *благоденько* 'много' Арх., СРНГ 2: 309; *вражая* 'много' Волог., СРНГ 5: 183; *нарочито* 'много' Терск., Волог., СРНГ 20: 133; *нароче* 'много' Сев.-Двин., Волог., СРНГ 20: 133; *нарочь* 'много' Новг., СРНГ 20: 133; *лишко* 'много, сверх меры' Новосиб., Север., СРНГ 17: 92; *лишка* 'много, с избытком' Перм., Киров., Свердл., Урал., Волог., Арх., СРНГ 17: 91; *через лишек* 'сверх меры' Перм.: *Катя у нас слишком бойка, через лишек*, СРНГ 17: 92) и **очень много** (ср.: *бедна беда* 'очень много' Олон.: *Народу того собралось бедна беда, видимо невидимо*, СРНГ 2: 173; *неуборная беда* 'очень много' (о большом урожае) Петерб., СРНГ 2: 173; *дурно* 'очень много' Твер.: *Сапогов дурно просит*, СРНГ 8: 269);

очень (ср.: *зельно* 'очень' Перм., Пск., Тамб., Орл.: *Рожь была зельно хороша*, СРНГ 11: 254; *нароче* 'очень' Новг., СРНГ 20: 133; *лихо* 'очень' Пск., Волог., Ворон., Орл., Тул.: *Лихо б дождю надо*, СРНГ 17: 77; *лишку* 'очень' Арх.: *Сама баба не лишку порядочна*, СРНГ 17: 92);

сильно (ср.: *лихоманкой* нареч. 'сильно' Иркут., СРНГ 17: 79), **очень сильно** (ср.: *таку беду* 'очень сильно' Перм., Свердл., СРНГ 2: 173; *бедовуще* 'очень сильно' Арх.: *Бедовуще Ванька пьет, уже околеет с перепоя*, СРНГ 2: 177; *лихо* 'очень сильно' Яросл.: *Она его лихо куснула*, СРНГ 17: 77; *лихонько* 'очень сильно' Пск.: *Я лихонько напужался, ведь медведя встретил*, СРНГ 17: 81);

немного (ср.: *лишок* 'немного' Тул., СРНГ 17: 92).

Попутно заметим, что слова с корнем *лиш-* в русских диалектах могут иметь и сугубо количественное значение, а именно 'нечетное число' (ср.: *лиш* Волог., *лишка* Смол. 'нечетное число': *Чет или лиш?*, СРНГ 17: 89), т.е. нечетное число передает идею лишнего, оно стоит вне круга четного числа как особенное, иное, а потому лишнее по отношению к завершённому четному числу. Более того,

прилагательное *лишний* может использоваться при счете, где оно приобретает значение 'один' (ср.: *лишний двадцать*, т.е. 21 или *лишний тридцать*, т.е. 31 Перм., СРНГ 17: 92), что в общем и понятно, так как в языке русской традиционной культуры числительное *один* относилось к сфере иррационального: Один в сознании человека только Бог, поэтому всякое иное значение этого числительного, в том числе и количественное, оценивается как лишнее (ср. в связи с этим замечание А. Хомякова: «Всякий слушавший русского крестьянина на торгу должен был заметить, что он начинает счет с двух, а не с одного» [Хомяков 2003: 507], что косвенно также свидетельствует о сакральности числительного один, ср. и божбу: *одновадохнуть* Ворон., Даль 2: 650).

Все эти имена говорят нам о том, что Злом для русского человека является всякое отступление от нормы — как в сторону уменьшения, отсюда значения *мало*, *очень мало* (так появляются значения 'нищета бедность', ср.: *злыдни* 'очень мало' Волог., Новг., Влад., Калуж., Вят., Перм., Байкал., Иркут. // 'нищета, крайняя бедность', Даль 1: 686; СРНГ 11: 294), так и в сторону увеличения, отсюда значения *много*, *очень много*, *излишество* (ср.: *лихое* 'зло' Волог., Орл., СРНГ 17: 78; *лишко* 'много, сверх меры' Новосиб., Север., СРНГ 17: 92; само слово *излишек* отсылает нас к идее о том, что всякое превышение нормы — это Зло (*лихо*). Отсюда скрытая установка этики традиционной духовной культуры, в которой излишества плоти расцениваются как зло (в этом смысле традиционная духовная культура осталась верной этике древнерусской культуры, в которой всякое излишество, неумеренность в чем-либо осмыслялось как Зло, ср. др.-рус. *лихосытне* 'неумеренность в еде, пресыщение' [СлРЯ XI–XVII 8: 251], *лихоядне* 'неумеренное употребление пищи, обжорство' [СлРЯ XI–XVII 8: 251], *лихопитне* 'неумеренность в питье, пьянство' [СлРЯ XI–XVII 8: 250]. В связи с этим невозможно не вспомнить небольшую работу А. Попова, посвященную влиянию православия и древнерусской духовной письменности на мирозерцание русского народа, в которой он писал: «Что унижает человека как существо, созданное по образу Божьему, то порок. А унижает человека обыкновенно излишество — в питии, в пище, излишество во сне, смехе, веселье, гневе, в сознании своего достоинства — все это порицается в словесных народных произведениях» [Попов 1883: 395]. Воистину, «основу формации русской души составляет аскетически-монашеское православие» [Бердяев 1990: 44].

Интересно, что Зло в русской традиционной культуре может персонифицироваться и символом его является дьявол (ср.: *вражной* 'злой, злобный' Арх., Свердл., СРНГ 5: 184 и *вражина* 'черт' Новг.,

СРНГ 5: 183; *вражня* 'нечистая сила', СРНГ 5: 184; *дурно* 'что-либо дурное: зло, беда', Ср. Урал, СРНГ 8: 269 и *дурной* 'злой дух, нечистая сила' Тул., Ворон., СРНГ 8: 269; *лютый* 1) 'злой' Яросл., Пск., Вят., Нижегород., Куйбыш., Калуж., Костром., Новг., Перм.; 2) 'злой дух' Тамб., СРНГ 17: 249; *худо* 'зло' и *худой* 'черт' Сиб., Даль 4: 568).

Категории Добра и Зла оказали влияние на всю сферу аксиологии русской традиционной культуры, в результате все, что было связано с оценкой — *хорошо* или *плохо*, также оказалось втянуто в поле квантитативности и приобрело способность передавать значение 'количество'. При этом обнаружилась следующая интересная закономерность: в отличие от предшествующей группы больше всего кванторов дает положительная оценка ('хорошо'), причем среди них преобладают имена со значением 'очень' и 'много', тогда как оценка со знаком минус ('плохо') способна образовывать квантитативы значительно реже (и в основном со значением 'очень'), т. е. хорошего в жизни, в понимании языка традиционной духовной культуры, значительно больше, чем плохого, ср.:

ХОРОШО

Богато 1) 'хорошо' Ряз., Тул.; 2) 'много' Ворон., Орл., Смол., Моск., Терск., Курск., Вят., Перм., Том., Волог., Новг., Костром., Самар., Ряз., Твер., Влад.: *Парней не богато топеря*, СРНГ 3: 45;

Велей 'лучше' Смол., СРНГ 4: 106; *велия* 'много, очень много' Сарат.: *Наярмонкена роду — велия, торговцев — туча, товаров — тьма*, СРНГ 4: 106; *вельмо* 'очень' Ворон.: *Нашла туча, туча грозная, со сильным дождем, со буйным ветром, подняло богатого вельмо высоко, при ударило богатого об сыру землю*, СРНГ 4: 110;

Горазно 1) 'хорошо' Арх., Новг., Орл., Сев.-Двин., Твер.; 2) 'очень' Арх., Мурман., Олон., Ленингр., Твер., Новг., Калинин., Волог., Перм., Том., Тобол., Иркут.: *Горазно много хочешь; Ты горазно-то не тужи*, СРНГ 7: 19; *горазненько* 'очень сильно' Новг.: *С дороги-то горазненько устал*, СРНГ 7: 19; *горазд* 1) 'хорош, силен' без указ. места; 2) 'очень' Твер., Пск., Ленингр., Новг., Волог., Курск., Орл., Калуж.: *Не иди горазд скоро; Живут горазд хорошо*, СРНГ 7: 19; 7: 18; *Гораздо* 'хорошо' Волог., Орл., Яросл., Влад., Оренб., СРНГ 7: 19; *горазь* 'очень' Петерб., СРНГ 7: 20;

Дородно 1) 'хорошо' Арх., Волог., Олон., Сев.-Двин., Новг., Яросл., Перм., Иркут., Забайкал., Якут.: *Дали сухарь и дородно*; 2) 'много' Перм., Вят., Енис., Забайкал.: *Ты дородно везешь дров-то*, СРНГ 8: 133; Волог., СВГ 2: 47;

Дивно 1) 'хорошо' Сиб., Волог.; 2) 'много' Волог., Влад., Яросл., Новг., Арх., Север., Сев.-Двин., Казан., Вят., Перм., Оренб., Свердлов., Челяб.,

- Сиб.: *Я сегодня дивно сробил* // 'очень много' Волог., СВГ 2: 25; Казан.: *Годов уж мне дивно*; 3) 'очень' Иркут., Сиб., Перм., Казан., Курск.: *Дивно давно ушел куда-то*, СРНГ 8: 49; *дивьё* 'хорошо' Перм., СРНГ 8: 52; *дивненький* 'хороший' Волог., СРНГ 8: 49; *дивненько* 'очень' Волог., Перм.: *Много было гостей? — Дивненько*, СРНГ 8: 49;
- Дюжий* 'хороший' Новг.: *Дюжая трава*, СРНГ 8: 302; *дюжой* 'хороший' Новг., НОС 2: 113; *дюже* 'очень' Яросл., Волог., Новг., Перм., Тул., Влад., Калуж., Ряз., Иван., Пенз., Тамб., Астрах., Кубан., Ростов., Дон., Краснодар., Саратов.: *Он дюже горазд копать*, СРНГ 8: 301 // 'сильно' Орл., СОГ 3: 97; *дуже* 'очень' Волог., Смол., Твер., Калуж., Моск., Орл., Брян., Курск., Ворон., Свердл., Челяб., Новг.: *Ён ведь дуже хорошо робит*, СРНГ 8: 251;
- Крепко* 1) 'хорошо, надежно' Арх., Ряз., Перм., Олон., Костром., Пск., Том., Урал., Новосиб.; 2) 'очень' // 'сильно' Кубан., Терск., Уфим., Горьк., Калуж., Пск., Смол., Брян., Орл., Ряз., Моск., Костром., Волог., Арх., Печор.: *Под кустом лежит молодой солдат, не убит лежит, крепко раненый*, СРНГ 15: 218;
- Ладно* 1) 'хорошо' Костром., Волог.; 2) 'много' Перм., Свердл., Том., Иркут.: *Ладно он себе денег-то грудит*, СРНГ 16: 236; *ладом* 'много' Перм., Камч.: *Поужинали, выпили ладом*, СРНГ 16: 237 // 'очень' Волог.: *Старуха, не напивайся ладом-то*, СВГ 4: 30;
- Лютю* 1) 'хорошо' Новг.: *Песни я пою лютю*; 2) 'очень сильно' Новг., Волог., Яросл.: *Лютю бранились* // 'крепко' Волог., Новг.: *Он лютю любит тебя*; 3) 'много, прилежно' Перм., Вят., Урал., Волог., Арх.: *Парень лютю робит, зато лютю и ест*, СРНГ 17: 248;
- Порато* 1) 'хорошо' Арх.: *В Кесломе порато мастерицы пели*; 2) 'очень' Волог., Пск., Твер., Новг., Арх., Сев.-Двин., Олон., Беломор., Мурман., Коми, Перм., Сиб.; 3) 'много' Арх., Онеж., Мурман., Перм., Сев.-Вост.: *А грибов в лесу сей год порато, много значит*, СРНГ 30: 51; *порат* 'очень' Перм., Арх., Волог., Вят., Новг.: *Я за последнее время порат выхудала, люди не узнают*, СРНГ 30: 50; *порать* 'очень' Перм., СРНГ 30: 52;
- Пылко* 1) 'хорошо' Костром., Иркут.: *Они пылко жили*; 2) 'очень' Волог., Арх., Беломор., Костром., Влад., Урал.: *Пылко холодно сядни*; 3) 'много' Волог.: *Вчера пылко снегу навалило*, СРНГ 33: 191; *пулко* 'очень' Волог.: *Сядни пулко дородно* 'сегодня очень хорошая погода', СРНГ 33: 122;
- Резко* 1) 'хорошо' Казаки-некрасовцы: *Вы ля-ка-ся нерезко одетые*; 2) 'очень' Саратов., Тамб., Ряз.: *Мы уж резко старые*; 3) 'много' Тамб.: *Резко я не пил*, СРНГ 35: 36;

На фоне этих образований имена с оценкой «плохо» представлены довольно скромно, ср:

ПЛОХО

Благой 'плохой' Новг., НОС 1: 58; *благонько 'много'* Новг.: *Развелось мышей-то благонько* Новг., НОС 1: 58;

Дрянский 'плохой' Арх., СРНГ 8: 229; *Дрянно 'очень': Дрянно много;* *Дрянно больно* Твер., Калуж., Новг., Волог., Вят., Олон., Пенз., Ряз., СРНГ 8: 229;

Дурной 'плохой' Калуж., Брян., СРНГ 8: 270; *дурниться 'плохо чувствовать себя'* Влад.: *Дурниться мне что-то*, СРНГ 8: 268; *дурно 'очень'* Вят.: *Дурно баско 'очень хорошо'*, СРНГ 8: 269; *до дуры 'много'* Новг.: *Своих яблок до дуры, а лезут в чужие*, НОС 2: 110;

Зряватый 'плохой, негодный' Ворон., СРНГ 11: 350; *что зря 'плохо'* Брян.: *Делать что зря*, СРНГ 11: 350; *зря 'очень'* Куйбыш., Моск.: *Зря хорошо 'очень хорошо' // 'очень сильно'* Твер., Куйбыш.: *Моя баба уж больно меня любит почем зря*, СРНГ 11: 350.

Итак, выступая в форме дуальной оппозиции, Добро и Зло как количественные категории по-разному осмысляются языком русской культуры, так как являются неоднородными образованиями. Если Добро воспринимается как нечто цельное, обобщенное и дает интенсификаторы чаще всего со значением *очень*, то Зло предстает как многомерное явление, способное реализовываться в жизни с разной степенью интенсивности, в связи с чем оно может передавать такие значения как *много, очень много, сильно и очень сильно*, т. е. Зло в языковом сознании русского человека *сильно*, его в мире *много* и оно *результативнее* Добра.

Особенно пессимистичен в этом отношении язык элитарной культуры, который говорит нам о *реальности зла, его неизбежности*, поскольку Зло «укоренилось» в нашей жизни (ср. *корень зла*), оно имеет даже свои пространственные координаты (ср. *ось зла*), а также государственность (ср. *империя зла*), а главное — силу (ср. *силы зла*), с помощью которой оно и утверждается в мире (ср. *мировое зло*), поэтому русская пословица гласит — «мир лежит во зле» [Даль 1: 686]. Заявляя о себе силой, оно столь прочно утвердилось в нашей жизни, что приобрело атрибут величия (ср. *великое зло*), отсюда народная сентенция «доброе слово не уймёт злого» [Там же]. Вместе с тем в душе русского человека живет вера в доброе, светлое начало, поскольку *добро разлито в мире*, и хорошего в нем тоже много, и эта вера в Добро позволяет человеку преодолевать пессимизм языка².

² Не могу в связи с этим не привести следующий красноречивый факт, на который указывают этнопсихологи: «В исследованиях русского национального характера оптимизм/пессимизм выделялся неоднократно, причем большинство

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев 1990 — *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
- Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1980.
- Дионисий Ареопагит 1994 — *Дионисий Ареопагит.* О божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994.
- Лурье 1997 — *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997.
- НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.
- Попов 1883 — *Попов А.* Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа и в частности на народную словесность в древний допетровский период. Казань, 1883.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2000. Вып. 1–9.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Орел, 1989–2001. Вып. 1–12.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.), 1965–2002–. Вып. 1–36–.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2002–. Т. 1–26–.
- МАС — Словарь русского языка. М., 1957–1961. Т. 1–4.
- Стефаненко 2003 — *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003.
- Хомяков 2003 — *Хомяков А.* Семирамида. Исследование истины исторических идей // Русский мир. Геополитические заметки по русской истории. М., 2003.
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1997.

исследователей разделяло мнение о пессимистичности русских. Так, британский социальный психолог Д. Пибоди приписывал им пессимизм, определяя его как пассивное приспособление к ситуации, склонность к депрессии и безысходности. К. А. Абульханова и Р. Р. Енакаева большую часть современного российского общества — при исследовании предпринимателей, ученых, рабочих и пенсионеров — оценивали как пессимистичную» [Стефаненко 2003: 150].

Е. Л. ГРИГОРЬАН

О ВОЗМОЖНОСТЯХ КВАНТИФИКАЦИИ СИТУАЦИЙ

Предпосылкой квантификации в смысле количественной характеристики (в простом случае — подсчета) является дискретность, т. е. считаемые единицы должны быть отделимы друг от друга хотя бы условно. Часто отмечается, что сегментация предметного мира имеет более или менее явные и, можно сказать, объективные основания, такие как пространственные границы предметов и их очевидная отделимость от фона [Арутюнова 1980: 173], хотя при этом и наблюдается некоторая вариативность. Однако принципы вычленения отдельных ситуаций в пространственном, временном и событийном континууме менее очевидны.

Довольно часто одно и то же реальное положение дел, точнее, одна и та же денотативная ситуация может быть представлена на языковом уровне двумя различными способами: как единая и целостная (что формально соответствует структуре простого предложения — clause) или же как цепочка последовательных и каузально связанных ситуаций. Ср.: (а) *Он расколол полено* = (б) *Он ударил (топором) по полону. Полено раскололось*. Упоминаемых эпизодов, естественно, может быть и больше. В принципе любое предложение, по крайней мере с глаголом действия, разложимо таким образом; примечательно, что Ю. С. Степанов [Степанов 1989: гл. IV] рассматривает все переходные конструкции как результат подобного слияния двух фраз в одну.

Собственно, типичная ситуация действия может рассматриваться как составная, в общем виде включающая звенья:

действие агенса → изменение объекта [Степанов 1989];

или в более полном виде:

воздействие агенса на средство → воздействие средства на объект → изменение объекта,

причем промежуточных звеньев («средство») может быть несколько; кроме того, объект может претерпевать цепочку изменений. Представление действия в виде цепочки отдельных ситуаций можно трактовать как изобразительный прием, как «разбиение на кадры» в противоположность «общему плану».

Реально в текстах мы наблюдаем оба эти способа, ср.:

- (1) *Он дрожащими пальцами нажал кнопку, и черные глухие шторы закрыли утро...* (М. Булгаков).
- (2) *Женщина же тем временем, не теряя благодушного выражения лица, при помощи одного нажима кнопки увела штору вверх...* (М. Булгаков).

Описываемые ситуации в принципе аналогичны, но способы выражения отличаются: (1) представляет цепочку автономных событий, следующих одно за другим, (2) представляет целостную ситуацию, причем в этом случае воздействие агенса изображается не как отдельная ситуация, предшествующая другой, а как обстоятельство (способ). Ср. также двоякое описание одной денотативной ситуации:

- (3) *Генеральша махнула рукой и в этот раз так удачно, что задела чашку, которая слетела со стола и разбилась...*
— Это она всегда, как рассердится, возьмет да и *бросит* что-нибудь на пол, — шептал мне сконфуженный дядя (Ф. Достоевский).

Эти варианты отличаются не только степенью детализации. Конструкции, описывающие ситуацию как простую и целостную или же как составную, «расщепленную» на автономные события, часто содержат дополнительные смысловые импликации, а во многих случаях один из вариантов маловероятен или исключается вовсе. Изображение действия как цепочки последовательных событий характерно для таких ситуаций, в которых отсутствует непосредственный контакт между деятелем, средством и объектом:

- (4) *Лешка прицеливается в меня, и палка его ударяет в колесо велосипеда* (М. Зощенко).
Ср.: *Лешка ударяет палкой в колесо велосипеда* — скорее подразумевалось бы, что Лешка в момент удара держал палку в руке, а не запустил ее, как в описанном случае.

Аналогичным образом может быть объяснен и пример (1). Едва ли возможно: ?? *он потянул за шторы, и они закрыли утро*.

Значительный разрыв такого рода делает невозможным оформление действия как единого и целостного и приписывание его конкретному производителю.

- (5) Мы тоже работаем, между прочим! — отшил лейтенанта *тенор и хлопнул дверью вагона так, что на столе генерала опрокинулся стакан с чаем и облил ему форменные штаны* (В. Астафьев).

Для описания данной ситуации невозможно «тенор опрокинул стакан и облил...» именно в силу опосредованного и «дистанционного» характера воздействия. Аналогично:

- (6) *Извозчик... то делал вид, что вытаскивает из голенища кнут, то мягко взмахивал рукой, точно кого-то подзывая, и тогда санки дергали, и в Путином ранце постукивал пенал* (В. Набоков).

Несмотря на явную каузальную связь, данный случай не может быть описан предложением

**Извозчик постукивал пеналом.*

Вероятность изображения действия как расщеплённого на отдельные события возрастает, если действие агенса представляет собой каузацию автономного процесса, далее происходящего автоматически, без участия и вмешательства деятеля и, как правило, неконтролируемого, например:

- (7) Рабочий достал пучок серных спичек, зажег одну и бросил на солому. *Огонь быстро спалил солому* и, виляя синим хвостом, запрыгал с пятна на пятно, побежал от конюшни к оврагу (В. Крупин).

Ситуация в целом может быть описана предложением «Рабочий спалил солому», но характерно, что полный вариант «Рабочий *быстро* спалил солому» значит не то же самое: горение соломы — автономный процесс, скорость и другие характеристики которого уже не зависят от рабочего.

- (8) Там же монтер возился со штепселем, и *электричество* то гасло, то *зажигалось* опять (В. Набоков).

Хотя включение и отключение электричества безусловно было следствием действий монтера, едва ли возможно для описания данной ситуации *монтер то отключал, то включал электричество*. В данном случае, по-видимому, играет роль отсутствие намерения (т.е. результат не связан с целью действия), а возможно, и отсутствие контроля.

Таким образом, изображение ситуации как единой и целостной предполагает достаточно тесную пространственную, временную и каузальную связь между элементами; ослабление этих связей приводит к невозможности объединения соответствующих элементов в одну ситуацию. В то же время, если акцентируется роль агенса и такие элементы агентивного значения, как намерение, контроль и ответственность, употребляется «сжатый» до одного «кадра» вариант.

Возможны примеры, когда действие опосредованное или автономное, с достаточно слабой зависимостью от деятеля, может быть обозначено как простая (единая) ситуация, но только в тех случаях, когда актуальна связь деятеля и конечной ситуации (результата), например, в контексте обвинения, как в чеховском «Злоумышленнике», хотя речь идет о неконтролируемых последствиях с большим разрывом во времени:

- (9) — Не догляди сторож, так ведь поезд мог сойти с рельсов, людей бы убило. *Ты бы людей убил!*

Другой пример, когда при указании на каузацию автономного процесса и к тому же при временном разрыве ситуация тем не менее представляется как целостная в силу намеренности действия:

- (10) На воротах он велел вылепить две черные мавританские головы с белыми зубами и глазами, *постарался обвить* окна плющом и стал жить (Ю. Тынянов).

Автономный и неуправляемый процесс — разрастание плюща вокруг окон — показан как реализация намерения.

Изображение ситуации в виде последовательности «кадров» (в противоположность «общему плану») может быть мотивировано не только свойствами самой ситуации, но и передачей восприятия рассказчика или персонажа:

- (11) Тут без стука *открылась дверь, откинулась портьера*, и вошла дама с властным лицом южного типа, глянула на меня (М. Булгаков).

Хотя совершенно очевидно, что дама и открыла дверь, и откинула портьеру, действия даны в иной последовательности, именно так, как ситуация возникла с точки зрения рассказчика, который увидел даму уже после того, как заметил движение двери и портьеры. Такой показ по частям отражает одновременность восприятия, фиксацию каждого отдельного момента. Другой вариант использования «дробления» ситуации для передачи восприятия:

- (12) Я стукнул тихо, *взялся за ручку*, сделанную в виде головы посеребренного орла, засипела пневматическая пружина, и *дверь впустила* меня (М. Булгаков).

Столь подробное описание с упоминанием большого числа эпизодов также отражает особенность восприятия рассказчика — его внимание к подробностям: он замечает каждую мелочь, и все ему представляется значимым и воспринимается эмоционально; кро-

ме того, двери приписывается (в восприятии рассказчика) некоторая самостоятельность, даже квазиагентивность. Ср.: *Я открыл дверь (и вошел)*.

Аналогичный английский пример:

- (13) *He tugged at the thin ropes, and nearer and nearer came the circle of flat corks, and the net rose at last to the top of the water* (O. Wilde).

Достаточно простое действие показано поэтапно, так как предложение представляет собой не сообщение о факте (рыбак вытащил сеть), а подробное описание процесса, которое в каком-то смысле воспроизводит реальную длительность (тому же служат и другие средства: *nearer and nearer ... at last*). В первую очередь передается восприятие персонажа — внимательное наблюдение за ситуацией и ожидание результата.

Такие детализированные описания следует также оценить как маркированные, при этом нейтральным вариантом является «сжатый» до одной предикативной единицы. «Дробление» должно быть оправдано либо передачей восприятия, как в примерах (11)–(13) (этот изобразительный прием может быть уподоблен комментарию в реальном времени), либо информативной значимостью отдельных эпизодов. Так, в тексте «Один день в Москве»¹ в учебных целях каждая ситуация описывается чрезвычайно подробно, что воспринимается как нелепость: «...Аоки-сан прошел по подземному переходу, вошел в метро, стал на эскалатор, спустился на станцию; подошел поезд, дверь открылась, Аоки-сан вошел в вагон, увидел свободное место, сел, двери закрылись, поезд поехал» и т. д. Такая обстоятельность явно избыточна как для русской речи, так и для японской (что подтверждается информантом). Нормальным было бы сообщение типа «Он вернулся на метро». В то же время для человека, который не знает, что такое метро, было бы уместно и более подробное описание.

Часто отмечается, что более существенная информация, точнее, привлекающая большее внимание, выражается в тексте более подробно, т. е. более длинными отрезками текста и при этом более самостоятельными единицами [Бергельсон, Кибрик 1981]. В связи с этим характерно, что при повторном упоминании ситуации, сколь угодно сложной и многокомпонентной, ее обозначение может быть редуцировано до местоимения. Кроме того, возможно неупоминание отдельного эпизода. Знание

¹ Учебник японского языка (для продолжающих). 4.1 / Под ред. И. В. Головина. М., 1976.

привычного порядка вещей позволяет пропускать в повествовании отдельные эпизоды, которые однозначно восстанавливаются из текста. «Пропуск кадра» — совершенно обычный и, как правило, незаметный прием.

(14) Федя пожелал мне спокойной ночи, дверь заскрипела и захлопнулась (И. Тургенев).

Не упомянут, но совершенно очевиден промежуточный эпизод «Федя вышел».

(15) Но Филя тут же с грохотом выдвигал ящик стола, и через мгновение измятая сумочка с пожелтевшей металлической наядой была уже у дамы в руках (М. Булгаков).

Несомненно подразумеваются и легко прочитываются промежуточные эпизоды «Филя доставал сумочку и передавал ее даме». Упомянутых в тексте эпизодов достаточно, чтобы однозначно восстановить пропущенное.

Пропуск или, наоборот, упоминание эпизода в большинстве случаев объяснимы. Во-первых, как правило, могут опускаться промежуточные эпизоды в цепи, но не начальные и конечные (см. также [Talmy 1996]). Слушающий или читатель, опираясь на свои знания о мире и о типовых ситуациях, автоматически восстанавливает подразумеваемое. Во-вторых, упоминание или неупоминание деталей и эпизодов может быть связано с их значимостью или, наоборот, несущественностью или же просто отражать фокусировку внимания рассказчика или персонажа. Так, в примере (15) пропуск явно связан с подчеркнутой неувовимостью этого эпизода для наблюдателя, что также выражено обстоятельством «через мгновение».

Часто упоминания одного действия из привычной последовательности достаточно для обозначения всей цепочки. Например, «Он ходил в кино» подразумевает примерно следующее: «он вышел из дому, закрыл дверь, пришел в кинотеатр, купил билет, вошел в зрительный зал, сел на свое место, посмотрел фильм...». Та же последовательность эпизодов может быть обозначена как «Он вчера посмотрел фильм», но не «он купил билет» или «он вошел в зрительный зал». Таким образом, не любое действие из цепочки может служить для обозначения всей последовательности, символизировать всю ситуацию. Такой способ обозначения привычных ситуаций можно трактовать двояко: либо как неупоминание эпизодов, очевидным образом связанных с названным и автоматически выводимых, либо считать подобные высказывания способом номинации всей последо-

вательности в целом. В [Pawley 1987] предлагаются оба объяснения: backgrounding-by-omission и lexical incorporation.

Следует отметить, что если возможности дробления ситуации на составные эпизоды или отдельные «кадры» практически безграничны, то возможности объединения в единую ситуацию определяются как характеристиками самой описываемой реальности, так и ограничениями, которые задает конкретный язык. Э. Поли [Pawley 1987] отмечает в этом плане различия языка калам (Новая Гвинея) и английского. Так, например, в английском языке (как и в русском) может быть представлена как единая и целостная ситуация *The man threw the stick over the fence into the garden* (Человек бросил палку через забор в сад), в то время как в языке калам аналогичная ситуация воспринимается как цепочка последовательных событий и может быть оформлена только как последовательность синтаксических структур, приблизительно «человек берет палку — палка брошена — летит через забор — падает в сад» (аналогичным образом передаются и другие ситуации, типа «человек колет полено топором» и т. п.).

Некоторые ограничения на объединение можно отметить и в русском (как и в английском и французском) языке. Так, никаким образом невозможно «сплавить» в единую ситуацию, например, следующие:

- (16) Гость проглотил обиду («только ложка в руке его задрожала», — говорит летописец), но в душе поклялся отомстить (М. Салтыков-Щедрин).

Хотя гость безусловно является источником дрожания ложки, изобразить ситуацию как его действие средствами русского языка, по-видимому, невозможно. Можно говорить об отсутствии подходящего глагола, но в данном случае, по-видимому, также существенна неконтролируемость. Аналогичный пример:

- (17) С радостными слезами бросился он целовать мои руки, причем очки слетели на пол (Ф. Достоевский).

Надо заметить, что само отсутствие подходящего глагола во многих случаях объяснимо именно опосредованным характером воздействия или же отсутствием контроля.

Иногда невозможность объединения элементов в одну ситуацию может быть связана с отклонением от прототипического сценария, т. е. стандартного (типового, стереотипного) представления, имплицитруемого глаголом. Следует заметить, что свертываются до одного «кадра», как правило, стандартные ситуации, ср.:

- (18) Легким движением она села в седло, шашка ударила ее по бедру (А. Толстой).

Данная последовательность не может быть свернута до «Она ударила себя шашкой по бедру», так как последний вариант предполагал бы, что она держала шашку в руке.

- (19) Любка облокотилась на стол, коса ее перекинулась через плечо (А. Чехов).

Ср.: Любка (облокотилась на стол и) перекинула косу через плечо.

Второй вариант предполагал бы, скорее всего, что она сделала это рукой, или, возможно, каким-то другим движением, но целенаправленно, т. е. с целью перекинуть косу.

Стоит заметить, что в большинстве случаев прототип подразумевает непосредственный контакт, а также контроль, что согласуется с закономерностями, отмеченными выше. Нестандартность может затрагивать и другие параметры ситуации: так, приведенный выше пример *Он ударил по полену; полено раскололось* не всегда может быть сведен к *Он расколол полено*, последнее маловероятно, если человек ударил по полену ногой. Ср. также нестандартные ситуации:

- (20) *And the old man touched the door with a ring of graved jasper and it opened* (O. Wilde).

Ср.: *the old man opened the door*, что воспринималось бы как стандартный способ открывания двери.

The old man opened the door with his ring, в свою очередь, не может быть интерпретировано вне контекста². Кроме того, описывается неожиданный для наблюдателя эффект, т. е. неожиданный результат действия, что также способствует раздельному представлению ситуаций. Аналогичный пример:

- (22) *He shot at me with an arrow, but I held out my hands and it stopped in mid-air* (O. Wilde).

Ср. *I stopped the arrow in mid-air*.

Тем более необычно и необратимо в более сжатый вариант

- (23) *The Emperor touched one of the walls and it opened* (O. Wilde).
* *the Emperor opened the wall*.

Замена невозможна не только из-за нестандартности способа, но и по причине необычности самой ситуации *open the wall*.

² Однако далее в тексте следует (21) *And having opened the little door with his ring...*, что возможно только благодаря предшествующему описанию.

Таким образом, объединение и разграничение ситуаций, возможности их слияния или дробления задаются как системой конкретного языка, т. е. наличием или отсутствием подходящего глагола, так и характеристиками самой ситуации и позицией говорящего. Нетрудно заметить, что у нас нет никаких внеязыковых критериев для выявления ситуаций, и определить границы ситуации можно только опираясь на возможности языкового обозначения.

Иначе говоря, пока ситуации не названы, они не могут быть ни выделены, ни идентифицированы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1980 — *Арутюнова Н. Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения // *Аспекты семантических исследований.* М., 1980.
- Бергельсон, Кибрик 1981 — *Бергельсон М. Б., Кибрик А. А.* Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1981. Т. 40. № 4.
- Степанов 1989 — *Степанов Ю. С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Pawley 1987 — *Pawley A.* Encoding Events in Kalam and English: Different Logics for Reporting Experience // *Typological Studies in Language.* 1987. Vol. 11.
- Talmy 1996 — *Talmy L.* The Windowing of Attention in Language // *Grammatical Constructions, their Form and Meaning.* Oxford, 1996.

Е. С. КАРА-МУРЗА

ПАРАДОКСЫ КВАНТИФИКАЦИИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Установка на игровое использование русского языка признается характерной чертой современного узуса. Языковая игра часто проявляется как нарушение нормативного словоупотребления, формообразования или фразопорождения, точнее, как нарушение литературных норм в пользу осуществления норм стилистических. В частности, в последние годы активизировались неконвенциональные способы выражения количественных значений. В данной работе они будут интерпретированы как своего рода «возмущения» в работе функционально-семантического поля количественности в русском языке.

Материалом для исследования послужили преимущественно именные средства выражения количественных значений в журналистике и рекламе (существительное и числительное), в основном из московской печати за 1998–2004 гг. Они взяты не в собственно грамматическом и нормативном, а в текстовом, точнее, риторическом аспекте.

Сначала несколько слов о том, как представлена категория количественности в современных функционально-грамматических исследованиях. Специальные монографические исследования были посвящены этой проблеме в ленинградской школе функциональной грамматики под руководством А. В. Бондарко [1]. Согласно этому варианту ФГ, понятие количества, иначе говоря — функционально-семантическая категория (ФСК) количественности, выражается в русском языке с помощью средств полицентрического функционально-семантического поля (ФСП), грамматической основой которого являются семантические, морфологические и синтаксические явления. В частеречном аспекте это имя числительное с его разрядами (количественное и собирательное), особый разряд имени существительного (собирательное) и группы субстантивов количественной семантики, в том числе вторичного происхождения (*часть, большинство, масса, тьма, уйма, ряд*), а также глаголы со значением множественности актантов в ролевой семантике слова (*толпиться, раздать*). Морфологически это катего-

рия числа и ее реализация в значениях единственного и множественного числа у существительных разных разрядов (конкретных в противопоставлении остальным), а также в грамматической сочетаемости существительных разных разрядов с разными разрядами числительных (*десять*) и счетными существительными (*десяток*). В синтаксическом аспекте это разные типы связи (в словосочетании — согласование по числу, в предложении — координация по числу между подлежащим и сказуемым), а также дейксис и ко-референция по этому же — количественному — параметру.

В разделе «ФСП количественности русского языка» учебника «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса» М. В. Всеволодовой данное функционально-семантическое поле представлено с его понятийными универсалиями *величины, меры, степени, множества, порядка и пропорций*, которые проявляются в национально-специфических вариантах функционально-семантической категории количественности (автор разработки — П. В. Достовалов) [2]. В учебнике по функциональной грамматике М. Ф. Шелякина представлены способы выражения количественных значений с опорой на морфологическую категорию числа [3].

В коммуникативно-прагматическом аспекте проблемы языковой квантификации поставлены в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева [4]. Синтез числовых параметрических конструкций описан и в интересах человеко-машинного диалога [5]. Языковые игры с морфологической категорией числа и с разными проявлениями параметрической семантики одним из первых описал В. З. Санников в своей книге «Русский язык в зеркале языковой игры» [6].

В чем же состоит специфика проявления функционально-семантической категории количественности в современных массово-коммуникативных текстах (в том числе в соотношении с проявлением категории (идеи, понятия) качественности)? В соответствии со специализацией и профессией автора — преподавателя стилистики русского языка на факультете журналистики МГУ — наблюдения будут излагаться в «смешанной лингвистической технике» — в терминах стилистики, функциональной грамматики и семантики «с когнитивным уклоном». Особо будут отмечены случаи 1) удачной языковой игры, 2) неудачной игры (что проявляется в гиперхарактерных ошибках) и 3) собственно ошибочного употребления.

* * *

«А в попугаях я длиннее», — это заявление прозвучало в мультфильме из уст Удава. «Рубль в долларах, евро и в попугаях» —

такое заглавие статьи Отто Лациса, посвященной проблеме невысокой достоверности отечественной статистики. «За длинным дощатым столом дома-мастерской сидели десяток дам разных возрастов и статуса» (из статьи Ларисы Васильевой). «Великолепная пятерка вкусов для меня» (реклама кошачьего корма «Wiskas»). И, наконец, слоган «Больше Италии, чем когда-либо. Больше искусства. Больше событий. Больше духовности» из переводного рекламного текста («Piu Italia che mai. Giubileo 2000», Ente Nazionale Italiano Turismo). Во всех этих фразах не просто допущены разные грамматические или стилистические ошибки или совершены логически недопустимые операции — в них нарушены способы выражения категориальной семантики количественности. На наш взгляд, в ней отображаются некие специфические когнитивные процессы в области осмысления и вербализации количественных отношений. Разнообразие способов нарушения нормы, разнообразие жанровых источников этого отрицательного языкового материала, возросшая за последние годы активность этих конструкций, а также межъязыковые аналогии (особенно заметные в рекламных текстах, сочиненных на разных языках) — все это наводит на мысль, что здесь проявляются не только окказиональные экспрессивные возможности русской языковой системы и не только ошибки против закономерностей функционирования литературного языка, но некие регулярные новации в узусе, даже некие категоризационные подвижки.

Мы подходим к изучению данного языкового материала исходя из антропоцентрических представлений о функционировании языка в единстве его познавательной (когнитивной) и коммуникативной сущности.

Языковая система формирует стандартные способы выражения разных обобщенных понятий и идей (понятийных категорий), в том числе категории количества. Человек (в том числе носитель русского языкового сознания) в разнообразных ситуациях: бытовых (в том числе потребительских) или профессиональных (в том числе в качестве работника словесных профессий, рекламиста или журналиста) — осознает и формулирует разнообразные количественные смыслы: сколько вещей имеется, сколько продукта надо купить, сколько он стоит, из скольких частей какая-то вещь состоит, каковы ее габариты, как их можно измерить и проч. Национальный язык закрепляет за этими смыслами в языковом сознании разноуровневые средства и приемы вербализации, накладывает определенные ограничения на способы выражения разных аспектов идеи количества, вырабатывая

разноуровневые (литературно-языковые, стилистические, логические) нормы их употребления. Но развивающаяся речевая практика стимулирует «выход за ограничительные флажки». Особенно сильным деструктивным стимулом в современном литературном узусе является, как известно, создание журналистских и рекламных текстов с их установкой на разрушение стереотипных формулировок, на экспрессивизацию изложения всеми доступными приемами, включая употребление ненормативных языковых средств. По В. Г. Костомарову, таков конструктивный принцип языка газеты — «ЭКСПРЕССИЯ — СТАНДАРТ», который мы понимаем расширительно, как конструктивный принцип языка массовой коммуникации. В этих областях массовой коммуникации выражение количественных смыслов не только тематически обусловлено, но и, в силу распространенности этих текстов и их влияния, имеет большое значение для формирования общенациональной речевой культуры. Пользуясь металингвистической метафорой, можно сказать, что в русском дискурсе в настоящее время, во время рыночных экономических преобразований, интенсивно формируется риторика вещности [7], а ее становлению сопутствует и особая грамматика вещности.

В журналистике всегда важно сообщить аудитории всяческие количественные показатели: экономические, демографические, культурные. Поэтому тексты насыщены цифрами, процентами, сравнениями (и соответственно количественными, порядковыми числительными, счетными существительными и нек. др. языковыми элементами со счетно-количественными значениями). Развитие рекламы привело к необходимости все время обновлять приемы описания разнообразных товарных параметров, потому что эти параметры являются аргументами для приобретения того или иного товара в ситуации рыночного изобилия. Рекламное сообщение должно выделиться в потоке однотипных сообщений, привлечь внимание к продвигаемому товару и побудить к его покупке. Для этого выработаны специальные маркетинговые решения, активизированы риторические приемы. Среди них почетное место занимают всевозможные отступления от жанровых, логических, этических норм и коммуникативных постулатов. Наконец, авторы рекламных текстов прибегают к собственно языковым резервам креатива, в том числе к нарушению разноуровневых языковых норм.

Очень часто именно количественный аспект информации помещается в фокус внимания — и тогда выносится в заголовок, усиливаемый гиперболичностью цифр: в журналистике это, например, «Дело на сто миллиардов» (заголовок сообщения о россий-

ском бюджете на 2000 г.), в рекламе это ключевая фраза текста, например, «21 000 000 человек каждый день покупают ручки BIC».

Некоторая отмеченность сочетаний количественных числительных с именами собственными («У нас в классе было шесть Лен, пять Валер и семь Сереж») получает дополнительный импульс в употреблении, близких к риторическому приему антономазии: «Три миллиона Дон Жуанов... и все танцуют в поисках любви» (это заголовок рецензии в «Независимой газете» на балет «Оправдание Дон Жуана»). В лиде (вводном абзаце) читаем: «В программке балета экземпляры Дон Жуана тщательно пронумерованы, но после номера три стоит многозначительное многоточие: намека на то, что донжуанство — массовое явление»).

Давно приобрели переносное значение и в массовом порядке тропеистически употребляются порядковые прилагательные: «Открылась выставка первых лиц государства» (заметка о *vip*-фотовыставке), «Первые остаются первыми. 100 лет стиральной машине „Miele“», а также количественные числительные, употребляющиеся в прямом значении для обозначения порядка следования: «MAYBELLINE GREAT LASH. Тушь № 1 в США» или «ПЕТР I. № 1 среди российских сигарет с фильтром».

Корни имен числительных поставляют материал для узуального, но выразительного словообразования в сфере коммерческой номинации: азартная радиоигра названа «Десяточка», крупнейшее объединение российских розничных торговых сетей называется «Шесть семерок», а их зонтичный бренд изображается так: «777-777+».

Экспрессивны новообразования с приставками со значением гиперболизированного количества (преимущественно заимствованными): актрисы, сыгравшие в фильме «8 женщин», характеризуются режиссером Ф. Озоном как «мегазвезды». «Суперотелей прорва, а турист не идет» (критический комментарий в «Независимой газете» к усилиям правительства в 2002 г. сделать Россию «великой туристической державой»), «суперцена на подарок». При этом парадокс рекламы и торговли (точнее, манипулятивный прием) заключается в том, что в данном слове «супер» обозначает низшую из возможных цен, и уже это предложение оценивается как наилучшее — СУПЕР! Эти приставки часто лексикализуются: «Размер — микро! Эффект — макро!» (слоган рекламы новой жевательной резинки в виде маленьких конфеток).

Минимизирующие приставки также активны: *мини-пекарни*, *мини-вэны*, *юбки-микромини* — это название разновидностей товаров. Приставка *полу-* все чаще употребляется в неuzuальных моде-

лях со значением иронической литоты: «Полуимперский полубалет поставил полу-Петипа» (критическая рецензия в «Коммерсанте» на выступления «Имперского балета» Г. Таранды), «Полудрагоценности размера XL» (под рубрикой «Дорогие удовольствия» в «Коммерсантъ-Weekend» рассказ о массивных украшениях класса люкс из полудрагоценных камней).

Тропеистический способ означивания употребляется в языке настолько в массовом порядке, что экспрессивность металогических конструкций (метафор, метонимий, синекдох, не говоря уж о гиперболах и литотах) в ряде случаев не так уж высока. Рядовым случаем можно считать количественные метафоры, в которых источником служат слова МИР, МОРЕ, наконец, ЛУЖА с их локативным компонентом и с потенциальным значением «большого количества чего-то» или «большого пространства, занятого чем-то»: духи «Shiseido — это не просто аромат, это мир прекрасных ощущений», «Море скидок на две недели!» (увеселительные заведения предоставляют скидки читателям журнала «Афиша»), «„Лужа» пива. Большой московский фестиваль пива набирает обороты» — а проходил он в 1999 г. на стадионе «Лужники», имеющем жаргонное наименование «Лужа». Однако по этой концептуальной модели в последние годы стали создаваться коммерческие имена и слоганы в рекламных текстах: магазины «Планета плитки» и «Империя вкуса», косметический салон «Вселенная красоты». А если считать, что партитивные отношения также являются и отношениями количественными, то некоторые коммерческие номинации являют явно болезненный сдвиг осмысления: «Дом кухни».

Метонимический перенос в сфере количества экспрессивен за счет компрессии: «Дайте мне мегагерцев. И побольше, побольше...» — так рекламировался в журнале «Мир развлечений» в 1999 г. процессор Pentium III с ироническим комментарием: «...а вот теперь на рынке появился 600-й (которого так долго ждали новые русские)» (т. е. с тактовой частотой 600 MHz).

Но такие привычные, общезыковые образные способы информирования авторам массово-коммуникативных текстов уже, видимо, кажутся пресными. Мы наблюдаем, как специфическая РЫНОЧНАЯ сфера действительности требует новых способов осмысления и вербализации после десятилетий господства социалистического (антирыночного) дискурса. И эта концептуализация регулярно приобретает (в новостной и аналитической журналистике) неузуальный, парадоксальный характер. Принцип «Все на продажу» оказывается своеобразно реализован лингвистически.

Один из приемов осмысления и подачи параметрической информации, активно используемый и концептуально важный для нынешних журналистов и рекламистов, — подмена единиц измерения. Ведь для разных явлений и вещей существуют свои способы и единицы измерения: цена измеряется в рублях, длина в метрах (и производных), колбасу взвешивают в килограммах (и производных), а сумки или книги считают штуками. Но журналисты предпочитают выразиться так: «Коты „Будвара“ спокойно спят рядом с метром домашней колбасы» (ресторанное обозрение), «Милиционеры изъяли 17 метров Торы» (заголовок заметки, где мотивация формулировки такова: эта священная книга иудеев представляет собой свиток, который можно измерить в метрах). Можно поиграть эквивалентностью: «Рубль в долларах, в евро и в попугаях», «Квадратный метр как мера страдания», «Сумка, эквивалентная разрушенному дому» или «Рыночные отношения в тротиловом эквиваленте» — о взрыве, готовившемся против конкурентов (заголовки комментария и новостных заметок из разных московских газет).

Причем само понятие ИЗМЕРИМОСТИ также быстро дрейфует в сторону парадокса. «Коммерсантъ» сравнивает рост курса доллара и курс акций ряда финансовых организаций и, отмечая удачное размещение акций PIO GLOBAL, называет заметку так: «Профессионализм можно измерить». Реклама чистящего средства «Ace-brillant» предлагает: «Откройте для себя новое измерение белизны», а газета «Сегодня» в 1999 г. писала, что «скандал, поднятый на Западе вокруг отмывания денег русской мафии через американские и европейские банки, может получить голливудское измерение. По сообщению газеты Variety, Киану Ривз, вероятно, сыграет главную роль в фильме про борьбу с русскими мошенниками». Едва ли не самый популярный прием — измерение принципиально не измеряемых явлений (которые в обыденной логике вообще невозможно квантовать): «Свободу прессы измеряют в градусах. Запрет на рекламу алкоголя действует выборочно», «Любовь к Родине измеряют в километрах!» (анонс статьи в журнале «Профиль», 2000 г., о нынешнем политическом эмигранте Б. Березовском, проживающем вдали от России, в Лондоне), «Тридцать четыре процента интриг. Крупнейшие банки проявили интерес к российской металлургии в Липецке. Кроме „Росбанка“» (Заголовок и лид комментария в журнале «Эксперт», 2002 г.). Еще: «Халатность ценою в десять человеческих жизней. Бездействие коммунальщиков привело к разрушению многоквартирного жилого дома». «Он (великий баскетбо-

лист Майкл Джордан. — *Е. К.-М.*) получал за 30 миллионов долларов в год. Каждая минута, проведенная им на игровой площадке, стоила как дорогой автомобиль, но это была лишь видимая часть айсберга его доходов», «Террорист стоимостью миллион долларов» (пойман террорист, за поимку которого власти США обещали 1 000 000 долларов), «Уотергейтский скандал продали. За 3,2 миллиона долларов» (журналисты, расследовавшие это дело в 1972 г., продали все материалы университету г. Остин, Техас). Для известного предпринимателя Хаки Бендукидзе критерий правильного экономического роста — не рост ВВП, а «количество зданий, которые занимают чиновники: больше стало дармоедов или меньше». Этот пример из интервью с бизнесменом показывает, что парадоксальные квантификативные высказывания вовсе не являются прерогативой журналистов: так могут мыслить и говорить культурные российские предприниматели и финансисты. Более того, этот игровой прием используют и дети, что говорит, на наш взгляд, о масштабах этих «игр количественной категоризации». Летом 2004 года девочка лет 10–11, отбиваясь от оводов в подмосковном пруду, смеясь кричала матери: «Он меня только на одну восьмую укусил!.. На одну шестнадцатую, на одну тридцать вторую!» Здесь проявляется еще и взаимодействие качественно-количественных параметров осмысления действия, которое в норме может быть охарактеризовано по своей интенсивности, но не подлежит измерению в определенных единицах. Автологическая фраза могла быть такой: «Овод меня не очень сильно укусил! Совсем не сильно!» Источник метафоризации — музыкальная терминология, а именно измерение длительности звуков: судя по всему, дитя занимается музыкой — и порождает метафору-профессионализм.

Обратим внимание на то, что в массово-коммуникативных текстах авторы часто отчетливо понимают ненормативность подобных способов вербализации и подчеркивают этот прием в специальных металингвистических комментариях-рефлексивах: «Выборы мэра обошлись в 13 гектаров наглядной агитации, 70 часов рекламы, 2100 хвалебных газетных публикаций, более 1 миллиона 300 тысяч слов обещаний и миллиарды нервных клеток. В минувшее воскресенье Самара выбирала нового градоначальника. „Дело“ решило, проанализировав кампании кандидатов, измерить их не только в деньгах...». Комментируя проблему падения нравов, какой она представляется нашим современникам, Б. Жуков в «Еженедельном журнале» пишет: «Не знаю, на чем основаны эти представления, кто измерял уровень общественной нравственности и каким грехометром». Окказионализм «грехометр» также видит-

ся симптомом металингвистической рефлексии по поводу странностей квантификации в массмедиа.

Стараниями журналистов и рекламистов создается альтернативная математика. Пример из рекламной газеты: тема — парфюмерия. Надзаголовок — «Фантазии от парфюм», заголовок — «Арифметика ароматов», лид звучит так: «Что общего может быть между цифрами и духами? Как недавно выяснилось, название. Не случайно же первые в истории духи — знаменитая кёльнская вода — носят название 4711. И все из-за номера дома, в котором находилась крошечная (по современным меркам парфюмерной индустрии) фабрика, производившая „чудодейственную воду“. Кстати, этот факт послужил примером и для других парфюмерных фирм». Материал о войне США против талибов подан так: надзаголовок — «Расклад», заголовок — «Британцев пишем, афганцы в уме», а лид содержит такую информацию: «На силовом этапе „Операции „Веритас“ Соединенные Штаты Америки пока готова поддерживать лишь Великобритания». Реклама Chevrole Blazer предлагает такие подсчеты: «4 4 = \$ 24 000». Рекламный текст сотовой сети «СОНЕТ»:

$$1000 + 1000 = 2000$$

$$100 + 100 = 200$$

$$100$$

НОВАЯ АРИФМЕТИКА

2000 минут за 100\$ без учета налогов

Особым образом журналисты и рекламисты описывают математические действия или подвергают преобразованиям числа или явления. Нормативно: «Чехия и Словакия разделили имущество бывшей федерации» — и ненормативно: «Microsoft разделят на три части», «Как поделить ТЭФИ», «Прибавление Пушкина» (заголовок рецензии на книгу-эссе Андрея Битова «Вычитание зайца»).

«Короче говоря, энтузиазм реформаторов, помноженный на изобретательность преподавателей и поделенный на неповоротливость чиновников, дал в целом вполне достойные результаты», — так прокомментированы первые опыты введения ЕГЭ (единого государственного экзамена) в журнале «Коммерсантъ-Власть». Здесь обнаруживается вполне регулярное тропеистическое оформление мысли (общезыковая метафора). И действительно, парадоксальные количественные обороты демонстрирует и русская фразеология (вроде разговорного *без пяти минут (студент, кандидат...)* или жаргонного *сто пудов, стопудово* (в значении *отлично или обязательно*), откуда пошла характеристика песни *стопудовый хит*), и русская высокая словесность: «Умом Россию не

понять, аршином общим не измерить...». В свою очередь этот тютчевский афоризм, ставший прецедентным высказыванием, дал повод ресторанному критику так охарактеризовать некоторые гастрономические изыски: «Они придают меню стилистическую завершенность и лишний раз убеждают в том, что „Сантиметр“ (это название ресторана. — *Е.К.М.*) не следует измерять общим аршином».

Неконвенциональные способы квантификации предметов и явлений демонстрируют нарушения не только грамматики и сочетаемости, но и логики. Такие паралогизмы используются в рекламе как логико-лингвистические манипулятивные приемы: «Два в одном» — этот рекламный аргумент стал уже прецедентным высказыванием и штампом («Четыре в одном» — заголовок заметки о создании нескольких новых моделей Citroen на базе одной). А ведь в таком представлении вещи нарушается ее идентичность, разрушается привычный способ осмысления некоего фрагмента мира (т. е. нарушается логический закон тождества).

Так что в русском языке подобные аномальные возможности заложены, в русской речи реализованы, а современные работники массовой коммуникации их активизируют. Можно числить подобные формулировки по разряду тропов, причем часто «комплексных»: метафор-метонимий — «Толпа „Орфеев“» (заголовок материала о вручении национальной телевизионной премии), метонимий: «когда озвучивали отснятый материал, у звукорежиссера собралось две аппаратные» (статья о творчестве С. Юрского, в частности о записи им «Онегина» для ТВ), синекдох: «Никогда ранее четыре колеса не демонстрировали ваш статус столь наглядно» (реклама BMW 7). Примечательна рефлексия по поводу подобных тропеистических номинаций: интервью М. Сидлина с владелицей галереи XL Е. Селиной называется «Западный суперразмер», а мотивируется этот заголовок так:

...(*Е. С.*) — Сейчас я вижу всплеск интереса к нашему типу искусства.

(*М. С.*) Что ты называешь нашим типом искусства?

(*Е. С.*) Актуальное искусство. Точнее, «контемпорари арт».

(*М. С.*) Я имею в виду искусство галереи XL.

(*Е. С.*) XL — это размер, который впору всем и каждому. То есть его носят и тоненькие девочки, и толстые мужики. Я специально назвала так галерею, потому что мне хотелось охватить как можно больше явлений в актуальном искусстве...

Не только удачные заголовки и слоганы формулируются подобным игровым способом. Целые тексты могут быть построены на парадоксальном осмыслении количественных параметров окру-

жающей действительности, в частности на уподоблении разноприродных количественных явлений:

\$ 27 000 000 в дым

Ежегодно в России регистрируется около 30 тыс. лесных пожаров, суммарная площадь которых составляет около 1 млн га, что эквивалентно четверти площади Швейцарии. Каждый год в стране сгорает и повреждается пожарами на корню в среднем 30 млн кубометров древесины. Для сравнения: объем вырубок леса составляет в среднем 130 млн кубометров древесины в год. Если бы существовала возможность спасти российские леса от пожаров, сохраненная древесина, сложенная, к примеру, на Красной площади, выстроилась бы на 857 м, что в 1,6 раз выше Останкинской башни (540 м). Один кубометр древесного сырья стоит на мировом рынке в среднем \$ 0,9. Следовательно, лесные пожары ежегодно съедают \$ 27 млн <...> Теплота сгорания свежего дерева составляет 8 тыс. МДж на кубометр, следовательно, при сгорании лесов каждый год выделяется $2,4 \times 10^{17}$ Дж (67 млрд кВт/ч) энергии. Этой энергией можно было бы обеспечить, например, Приморский край на 11 лет. А если бы ее можно было продать зарубежным партнерам по цене \$20 за МВт/ч, Россия получила бы \$ 1,3 млрд, что эквивалентно расходам бюджета-2002 на здравоохранение (П. Черников, «Коммерсантъ-Власть», 6 августа 2002 г.).

Подобный риторический ход является излюбленным способом построения ироничных статистических выкладок «фирменного блюда» журнала «Коммерсантъ-Власть» в рубрике «Россия в цифрах». Тотальная постмодернистская ирония — фирменный стиль «Коммерсанта» с момента его возрождения как первой постсоветской деловой газеты — проявляется и в парадоксах параметризации, и в пародировании «серьезных» жанровых форм.

На наш взгляд, все вышеизложенное дает право предположить, что в современном русском массово-коммуникативном узусе сформировалась особая тропеистическая область, которую можно было бы назвать областью «количественных тропов», подобно тому как там же сформировались, как это показали А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов применительно к политическому дискурсу, области метафорических моделей «Механизм», «Строение», «Театр», «Болезнь» и нек. др. [8].

Однако среди вышеприведенных примеров были не только удачные фразы, но и натянутые формулировки, вымученные образы. Действительно, экспрессивные выражения граничат с гиперхарактерными ошибками. Рекламы продукции одной

из видеофирм довольно однообразны: «От создателя спецэффектов „Блэйда“ и „Ворона“. Что скрывает Лох-Несс? Двадцать метров чудовищного кошмара» и «Десять метров смертельного ужаса. Королевская кобра. „Анаконда“ + „Челюсти“ нового века клонирования и генной инженерии». В этих случаях перед нами оборотная сторона экспрессемы — *штамп*. Рекламисты умудряются тиражировать экспрессемы даже в такой парадоксальной упаковке — и, следовательно, становятся банальными.

Нередки и прямые неудачи, ошибки (прежде всего нарушения сочетаемости) при использовании неконвенциональных приемов квантификации во всех ее проявлениях, например, при определении временных параметров: «Десять лет *тысячелетий» (заголовок заметки о выставке под названием «Санкт-Петербург на рубеже тысячелетий», где на фотографиях прослеживалась жизнь Ленинграда-Петербурга за последние десять лет), «ВУДУ — мгновенный *пожизненный приворот». Еще пример — осмысление вычислительных абстракций, ценовых параметров и проч.: «Где же можно приобрести действительно качественную обувь и... по *стоящей цене?» (фраза из рекламной статьи), «Нина плюс — *арифметика комфорта» (реклама турагентства). Это бывает и при попытке экспрессивной квантификации некоторого явления с помощью «количественных существительных»: «В позапрошлый четверг была теоретически самая короткая ночь в году. Но кое-кто успел понапихать в этот промежуток времени *кучу больших и маленьких удовольствий для себя и своих друзей. В общем, в „Метле“ гулял Отар Кушанашвили. <...> на его праздник пришло огромное количество шоу-люда. Тут тебе и давний патрон Иван Демидов, и старый соратник Андрей Вульф, и *куча артистов — от „Иванушек“ в полном составе... и до Ирины Салтыковой» (заметка о дне рождения модного журналиста); «На 3 этаже, кроме *кучи спален, нашлось место и для сауны, и для огромного тренажерного зала» (реклама элитного жилья); в различных комментариях: «Сейчас рассматривается вопрос о строительстве многоярусного паркинга в районе Ходынского поля, но это только небольшая *часть решения проблемы», «У автора „Архипелага ГУЛАГа“ осталась только одна половина» (название материала в «МК» о смерти первой жены Солженицына). И при неадекватной попытке сравнения (ошибки такого типа можно характеризовать и как логические): «По мнению Шаймиева, статус „всемирно избранных глав субъектов федерации не может быть меньше *иммунитета депутатов Госдумы“».

Анализ способов вербализации количественных значений в текстах массовой коммуникации за последние несколько лет, как представляется, позволяет увидеть проблемную ситуацию в этом фрагменте русского языкового сознания. Помимо представленного в данных тезисах ненормативного материала по способам параметризации в нем есть еще несколько проблемных зон, в которых множатся ошибки и экспрессымы.

1) Образование форм множественного числа, «не положенное» по разряду существительного: «Никаких границ и *суверенитетов в спорте нет» (цитата из беседы Александра Лукашенко с тренером Еленой Чайковской); по мнению актера Бена Аффлека в изложении журналиста «Комсомолки», одной из больших ошибок в его жизни стала «привычка к бурным ночным весельям»; «Выйдя замуж за прекрасного человека, принца, окруженного *ореолами всевозможных добродетелей, *женщин нередко ждет разочарование: принц, оказывается, нечистоплотен, инфантилен, ленив, невнимателен и т. д. и т. п.» (из муниципальной московской газеты); фрагмент из рекламы фирмы «Zenon», предоставляющей услуги e-mail: «Дополнительные сервисы» (это профессионализм из речи рекламистов). Цитата из интервью Наума Коржавина: «Но надо жить. Я жил. Что мог, то делал. Как мог, так понимал. Конечно, поддавался иногда духу времени, *аурам. Часто люди поддаются искусственным *аурам, принимают их за современность». А это пример на негативное употребление, найденный одной студенткой факультета журналистики МГУ в публикации другой студентки, только что прошедшей курс морфологии: «Компания проводит оценку персонала: метод оценки основан на системе выявления *компетенций сотрудника в процессе моделирования его поведения в бизнесе» («Комсомолка», 2000). Морфологический запрет на образование формы мн. ч. у абстрактных существительных нарушается в последнее время с такой дивной регулярностью, что становится затруднительным использовать его как диагностический показатель этого лексико-грамматического разряда. Развивается идея «разновидностей», «проявлений» некоей абстракции — а это признак динамики языкового сознания.

Активизация форм множественного числа у вещественных существительных — тоже знак времени: товарное изобилие! Клеи (и *клея), кремы (и *крема), «Колбасы в традиционном исполнении» Московского мясокомбината.

2) Сочетаемость с количественными числительными. В рецензии из «Коммерсанта» подпись под фотографией

гласила: «На „Арт-Манеже“ искусством торгуют круглосуточно и на вес», а сама фотография зафиксировала, как перед сотрудницей выставки «Арт-Манеж», одетой как рыночная продавщица, на фоне типичных «совковых» весов стояла табличка: «Норма отпуска — один дизайн в руки!». «Пять предательств Риммы Казаковой» — заголовок рассказа о сложной личной жизни известной поэтессы. «В последние полтора-два месяца президент, хоть и не без труда и рисков (*nota bene*: это множественное число абстрактного существительного — финансовый профессионализм), добился *трех успехов» — фрагмент из политического комментария.

Ограничение на образование формы множественного числа есть и у вещественных существительных. В отрывке из книги Сергея Юрского «Игра в жизнь», опубликованном в феврале 2002 г. в «Московских новостях», актер вспоминает, как носил праздничные заказы Фаине Раневской и как она, как вегетарианка отказываясь от своего батона колбасы в пользу Юрского, говорила: «Что, что? Вы тоже получили заказ? У вас уже есть колбаса? Но вы возьмите еще эту, и у вас будет две колбасы». Здесь запрещенность и экспрессивность этой языковой формы ощущается очень сильно. Но ведь вещественные существительные давно развили метонимическое значение «емкость, наполненная данным веществом, продуктом»: купил два молока, три творога.

3) Некорректное смысловое, а не грамматическое согласование по числу подлежащего и сказуемого. «Литовский дуэт Маргарита Дробязко — Повилас Ванагас *останутся в любительском катании еще не год», «Это школа [режиссера Гротовского. — *Е.К.-М.*], методика которой не делала актеров *рабом ее создателя».

4) Частое отсутствие согласования по числу существительного (или местоимения) с соотносительным местоимением: «Я попробовала гречневой каши из солдатской полевой кухни, *которые всю работали на празднике»; «К сожалению, немало людей уже умерло и продолжает умирать, потому что *недооценили важность простых советов относительно собственного сердца»; «Так кто же является обладателем часов Patek Philippe? Разумеется, *те, кто выбирает только самое лучшее». В этих зонах русского ФСП количественности нормы «плывут» уже много десятилетий, что давно отмечено в пособиях по практической стилистике. Концепт множественности, количества или интенсивного проявления предметов мысли, воплощающийся и в корневых, и в грамматических показателях, сильнее формы единственного числа, вербализующей идею единичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Системно-нормативные аспекты этой категории подробно проанализированы в коллективной монографии «Категория количества в современных европейских языках», Л., 1990; в разделе «Количественность» книги «Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность», Л., 1996.
2. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
3. *Шелякин М. Ф.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
4. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
6. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
7. *Кара-Мурза Е. С.* Создание новой частной риторики рекламы // М. В. Ломоносов и развитие русской риторики. Межвузовская конференция. М., 2004. С. 64–71.
8. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М., 1994.

С. В. Кодзасов

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА КВАНТИФИКАЦИИ

Просодия — важнейшее средство выражения маркированных квантифицирующих оценок. Операция квантификации предполагает шкалирование, т. е. размещение объекта на линейной количественной оси. Удаленное от референциальной (или нейтральной) точки маркируется просодически. При этом часто имеет место совмещение количественной оценки с другими оценками, которые также имеют просодическое оформление. В результате возникают разнообразные комбинации просодических признаков, которые и являются предметом нашего анализа. Порядок нижеследующего изложения ориентирован на просодическую форму высказываний с квантифицирующими оценками.

Длительность

Маркированные значения длительности гласных всегда сопровождают маркированное положение термина на количественной шкале. Они не зависят ни от типа пространства, в котором происходит измерение (физическое/темпоральное/ментальное), ни от природы размерности (линейная длина / площадь / объем / вес / мощность множества). Это объясняется тем, что при любом типе квантификации происходит отображение на линейную шкалу, маркированные позиции на которой помечаются символическим удлинением или сокращением гласных в соответствующих вербальных формах. Разнообразные случаи количественной символизации рассмотрены в нашей опубликованной работе [Кодзасов 2000а], поэтому здесь мы ограничимся минимальными примерами, в которых маркированная квантификация связана только с линейной количественной шкалой:

- (1) — *Дли-инный такой автомобиль!* (удвоением буквы обозначается удлинение гласного)
- (2) — *Коро|ткой оказалась дорога.* (| означает маркированную краткость гласного)
- (3) — *До-олго ехали.*
- (4) — *Бы|стро-бы|стро бежит.*

В последнем примере краткость метонимически связана со скоростью.

Это были примеры не векторной линейной оценки (измеряется длина ненаправленного отрезка), которая использует только количественные различия гласных. Векторные квантификации вовлекают дополнительные просодические признаки.

Длительность и Тембр 1

Если оценивается степень векторной удаленности/близости относительно референциальной точки в пространстве, то к количеству могут присоединяться специфические артикуляционные жесты, связанные с изменением вертикального положения гортани. При подчеркивании большой удаленности используется жест опускания гортани:

- (5) — *Они уже далеко-о (T1a). Во-он (T1a) на той горе.*
 (6) — *Ну, это давно-о (T1a) было.*

Этот гортанный жест сопровождается округлением губ (без их сужения) и смещением назад массы языка. Это приводит к общему удлинению рото-глоточного резонатора, что существенно влияет на качество гласных. Мы обозначаем это качество как Тембр 1а (T1a).

Наибольшее влияние T1a оказывает на спектр гласного [а], который приближается к спектру [о]. Очевидно, именно таков источник общеславянского чередования *а-о* в формах звательного падежа: *жена* — *жено* и т. п. Возможно, этот символический жест является универсальным, поскольку во многих языках наблюдаются характерные чередования гласных (в том числе *а-о*) в звательных формах имен и в наречиях с семантикой удаленности [Кодзасов 1975].

Обратная артикуляционная техника используется для символизации векторной близости или совпадения. Здесь, напротив, наряду с сокращением акцентированного гласного имеет место комплексный жест подъема гортани, продвижения массы языка вперед и растягивания губ, что приводит к слегка умлаутизированному тембру передних гласных (T1б).

- (7) — *Да во|т (T1б) же они!*
 (8) — *Во|т-во|т (T1б) придут.*

Как видно из примеров, одна и та же фонетическая техника выражения векторной удаленности/близости используется как для физического, так и для темпорального пространства. Замечательно, что специфический тембральный компонент этой техники используется и для символизации категории контраста/антиконтраста в менталь-

ном пространстве. Однако имеется и отличие: категория контрастивности в общем случае не связана с количеством — она ориентирована в первую очередь на сравнение пресуппозитивного и реального положения термина на некоторой оценочной шкале или на сравнении оценок сопоставляемых термов. Высокая степень рассогласования скорее всего будет сопровождаться удлинением акцентированного гласного, но в общем случае оно не обязательно.

В случае удлинения гласного, несущего контрастивный акцент, обычно наблюдается перелом тона между первой и второй морфой гласного. Приведем пример контраста на темпоральной оси:

- (9) — *Поезд должен был прибыть в три двадцать, а прибыл в три сорок!* (T1a, /\)

Здесь знак /\ означает восходяще-нисходящий тональный акцент. Для антиконтраста (совпадение вопреки возможному рассогласованию ожидаемого и реального) долготы нехарактерны (хотя и возможны):

- (10) — *Он прибыл точно по расписанию — в три сорок!* (T16)

Некоторые лексемы с кванторной семантикой (*редко, единственный*) обычно используются в контексте контрастивной фокализации и несут соответствующий акцент:

- (11) — *Он редко здесь бывает.* (T1a, /\)
(12) — *Это единственный экземпляр!* (T1a, /\)

Для других лексем, напротив, характерна антиконтрастивная фокализация:

- (13) — *Вся-акий раз я его здесь застаю!* (T16, \/
(14) — *Сразу пойдем!* (T16)

Иногда указывают на встроенную лексическую акцентогенность этих слов. Однако в общем случае это неверно — нетрудно найти и нефокализованные контексты употребления, где такие слова безакцентны:

- (15) — *Он редко моется, отсюда и запах.*
(16) — *Доходите до конца и сразу налево.*

Длительность и Тон

Если оценивается вертикальное положение в физическом пространстве (относительно нейтрального), то при маркированной

квантификации удлинение ударного гласного сопровождается изменением тонального регистра слова — высота символизируется высоким тоном, а глубина низким:

(17) — *Высо-окие* (В) *горы открылись перед путниками.*

(18) — *Глубо-окая* (Н) *пропасть разверзлась перед ними.*

Если иконическая природа тона при интенсификации оценок в физическом пространстве очевидна, то использование темпоральных векторных оценок основано на менее прозрачных ассоциациях — высокого с прошлым и низкого с будущим:

(19) — *Это давыны-ым-давно* (В) *было!*

(20) — *Это еще не ско-оро* (Н) *будет!*

(21) — *Это было раньше* (В).

(22) — *Это было позже* (Н).

Очевидно, связь высокого с ранним и низкого с поздним имеет онтологическую мотивацию: естественное смещение объектов среды сверху вниз с течением времени (см. [Кодзасов 2002]).

Обратим внимание на то, что тональные огласовки пространственных и темпоральных смыслов действуют только при векторной оценке, предполагающей ориентир на вертикальной оси физического пространства или на оси времени. При невекторной оценке используется нейтральный регистр тона (НТР). Ср.:

(23a) — *Они живут выше* (В) / *ниже* (Н).

(23b) — *Для нас это слишком высоко* (НТР) / *низко* (НТР).

(24a) — *Надо было прийти раньше* (В)!

(24b) — *Ты пришел слишком рано* (НТР).

(25a) — *Это было уже позже* (Н).

(25b) — *Ты пришел слишком поздно* (НТР).

Интересно отметить случаи лексикализации уровня тона, связанные со встроенной семантикой слов:

(26) — *Посмотри на картину. Это его прадед* (В).

(27) — *Видишь этого мальчика? Это его правнук* (Н).

Длительность, Тон и Тембр 2

Использование тона для маркированной квантификации площадей и объемов (а отсюда и веса) имеет очевидную иконическую природу — малое и легкое звучит значительно выше, чем большое и тяжелое:

(28) — *Ма-аленький* (СВ, Т2a) *такой котенок!*

- (29) — *Ле-егонькие* (СВ, Т2а) *такие туфельки!*
(30) — *Они увидели огро-омного* (СН, Т26) *льва!*
(31) — *Тяже-елый* (СН, Т26) *чемодан!*

В таких контекстах используются обычно маркированные регистры тона: сверхвысокий (СВ) и сверхнизкий (СН). Тональная символика в этих случаях поддерживается артикуляционной: малое произносится с узким ротовым проходом (за счет подъема языка и нижней челюсти) (Т2а), а большое напротив — с широким (Т26). Эти различия создают существенно разную тембральную окраску гласных.

Идентичная тональная техника используется для маркировки объема множества — «много» соответствует большому и тяжело-му, а «мало» — маленькому и легкому:

- (32) — *Полным-полно* (СН) *народу!*
(33) — *Пришло-то — двое* (СВ) *все-го-навсе-го!*

Тональная символика рассматриваемого типа метонимически распространяется на модальные оценки: малозначимое огласуется высоким тоном, а важное — низким:

- (34) — *Ерунда* (СВ) *это все!*
(35) — *Сам начальник* (СН) *приехал!*

Эта иконика находит отражение в рекламе, где часто используются очень низкие мужские голоса [Кодзасов 2000б].

В заключение необходимо отметить, что активность использования маркированных просодических огласовок в предложениях квантификации зависит от индивидуальных особенностей говорящего и от жанра дискурса — они особенно характерны для художественной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Кодзасов 1975 — *Кодзасов С. В.* Две заметки о звуковом символизме // Публикации ОСИПЛ. М., 1975. Т. 7.
Кодзасов 2000а — *Кодзасов С. В.* Фонетическая символика пространства (семантика долготы и краткости) // *Логический анализ языка. Языки пространств.* М., 2000.
Кодзасов 2000б — *Кодзасов С. В.* Голос в телевизионной рекламе // *Рекламный текст.* М., 2000.
Кодзасов 2002 — *Кодзасов С. В.* Фазовая символика тона // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца.* М., 2002.

Ю. Л. КУЗНЕЦОВА

ДИСТРИБУТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ПРЕДЛОГОМ *ПО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* (ср. примеры употребления конструкции (1)–(3)) обладает рядом совершенно уникальных свойств.

- (1) Я дал каждому мальчику *по яблоку*.
- (2) С каждого дерева упало *по груше*.
- (3) Завод выпускает *по четыре автомобиля* в день.

Во-первых, дистрибутивная конструкция может употребляться не со всеми глаголами. Например, предложения (4) и (5) и различаются только употребленным в них глаголом, но предложение (4) оценивается носителями русского языка как грамматичное, а предложение (5) — нет.

- (4) На каждом дереве сидело *по две птицы*.
- (5) ??На каждом дереве пело *по две птицы*.

Другое интересное свойство дистрибутивной конструкции с предлогом *по* состоит в нетривиальной сочетаемости с именами существительными. Ср. примеры:

- (6) а. *Каждый налил себе *по молоку*.
б. Он налил себе молоко.
с. Каждый налил себе *по стакану молока*.
- (7) а. ??Каждый поднял *по голове*.
б. Он поднял голову.
с. Каждый поднял с земли *по яблоку*.

Как показывают примеры (6с, 7с) — невозможность предложений типа (6а, 7а) не связана с запретом на употребление данных глаголов в дистрибутивной конструкции, т. е. невозможность употребления дистрибутивной конструкции связана в данном случае с чем-то другим.

В этой работе мы проанализируем семантику дистрибутивной конструкции с предлогом *по* и постараемся показать, что большая часть запретов на ее сочетаемость вытекает непосредственно из семантики конструкции.

Свойства русской дистрибутивной конструкции не раз затрагивались в различных исследованиях. Обычно при этом конструкция анализировалась не целиком, а в отношении какого-то одного из своих компонентов.

В западной традиции (ср. [Pesetsky 1982; Babyonyshev 1996; Cetnarowska 2002; Harves 2002 и др.]) и в работах некоторых отечественных исследователей [Борик 1995; Дудина 2002] данная конструкция исследовалась в рамках теории неаккузативности. В работах сторонников теории неаккузативности предполагается, что употребление данной конструкции определяется исключительно свойствами глагола.

В отечественной традиции дистрибутивные конструкции рассматривались с различных сторон. Так, в работах М. М. Бурас [1985] и А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1974] описывается выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении — тем самым, в дистрибутивной ситуации рассматривается только объект дистрибуции.

Л. Л. Иомдин [1990; 1991] описывает эту конструкцию в рамках лексикографического портрета предлога *по*.

В работе М. Л. Рубинштейн [2002], также посвященной этой конструкции, в основном рассматривается употребление в ней кванторов.

В нашей работе мы покажем, что описание отдельных компонентов конструкции не объясняет всех ее свойств. Мы предложим описание дистрибутивной конструкции, которое, как кажется, позволяет предсказать нюансы ее поведения. При этом мы будем рассматривать семантику конструкции «[X] V по [n] Y-ов» целиком, т.е. семантику глагола во взаимодействии с семантикой имени и семантикой числовой формы¹.

2. Употребление глагола в дистрибутивной конструкции

Рассмотрим сначала взаимодействие дистрибутивной конструкции с употребляемым в ней глаголом. На этой связи было в основном сконцентрировано внимание сторонников теории неаккузативности, занимавшихся данной конструкцией.

¹ В работе использованы примеры из художественных произведений современных авторов. Кроме того, были использованы материалы периодических изданий и некоторых Интернет-сайтов. Большинство примеров было найдено при помощи поисковой машины Yandex.

Теория неаккузативности (впервые предложенная Д. Перлмуттером [Perlmutter 1978]) предполагает, что все непереходные глаголы делятся на два класса: неаккузативные и неэргативные. При этом субъект неэргативного глагола ведет себя так же, как субъект переходного глагола, а субъект неаккузативного глагола ведет себя так же, как объект переходного.

Например, глаголы *спать*, *лежать* и *падать* являются неаккузативными в русском языке, а глаголы *бежать*, *петь* и *рисовать* являются неэргативными. Гипотеза неаккузативности предполагает, что внешний субъект первых (но не последних) на более глубинном уровне является объектом глагола. И следовательно субъект неаккузативного глагола — такого, как *спать* или *падать* — частично проявляет синтаксические свойства объекта.

Для различения неэргативных и неаккузативных глаголов используются так называемые диагностики неаккузативности — позиции, в которых неаккузативные и неэргативные глаголы ведут себя различным образом, причем субъект неэргативного глагола — аналогично субъекту переходного, а субъект неаккузативного глагола — аналогично объекту переходного. Для разных языков выделяются различные диагностики неаккузативности (см. подробнее [Levin, Rappoport 1995]).

Например, одной из диагностик неаккузативности в итальянском языке является употребление вспомогательного глагола в перфекте. При образовании перфекта в итальянском языке может быть выбран один из двух вспомогательных глаголов: *avere* 'иметь' или *essere* 'быть'. Как указывает Л. Бурцио [Burzio 1981; 1986], выбор вспомогательного глагола связан с неаккузативностью. Непереходные неаккузативные глаголы выбирают в качестве вспомогательного глагола глагол *essere*, а непереходные неэргативные — *avere*, так же, как переходные глаголы (8). Образование форм перфекта при помощи вспомогательного глагола *essere* сходно с образованием форм пассива (11).

- (8) *Ho comprato un libro.* (переходный)
иметь:1Sg купить:Pret Und книга
 Я купил книгу.
- (9) *Giovanni ha telefonato.* (неэргативный)
Джованни иметь:3Sg звонить:Pret
 Джованни позвонил.
- (10) *Giovanni è caduto* (неаккузативный)
Джованни быть:3Sg падать:Pret
 Джованни упал.

- (11) Il figlio è amato dalla madre. (пассив)
 Det сын *иметь*:3Sg любить:Pret от+Det мать
 Сын любим матерью.

2.1. ДИАГНОСТИКИ НЕАККУЗАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сторонники теории неаккузативности предлагают и в русском языке разделять непереходные глаголы на два синтаксических класса: неэргативные и неаккузативные.

Впервые разграничение русских непереходных глаголов на классы было произведено в работе К. Чвани [Chvany 1975]. Она предложила описывать как неаккузативные русские глаголы существования. В работе Д. Песецкого [Pesetsky 1982] были выделены две конструкции, диагностирующие неаккузативность/неэргативность непереходного глагола в русском языке: генитив при отрицании и дистрибутивная конструкция с предлогом *no*. Впоследствии обсуждалось еще несколько диагностик неаккузативности для русского языка (см. [Борик 1995; Babyonyshev 1996]), но диагностики Песецкого до сих пор остаются основными.

2.1.1. Генитив при отрицании

Прямое дополнение при переходном глаголе с отрицанием может стоять в винительном (12) или родительном падеже (13).

(12) Наш редактор не публикует такие статьи.

(13) Наш редактор не публикует таких статей (примеры из [Борик 1995]).

Подлежащее переходного глагола не способно к такому образованию, ср.:

(14) *Нашего редактора не публикует такие статьи (пример из [Борик 1995]).

Однако возможно использование родительного падежа субъекта при отрицании некоторых непереходных глаголов. В основном это глаголы с «пациентивной» семантикой: *бродить*, *исчезать*, *оказаться*, *висеть*. Ср. примеры (15)–(17):

(15) Ничего не исчезло после визита непрошенных гостей.

(16) Детей там не оказалось.

(17) Замка на двери не висело (примеры из [Борик 1995]).

Проблеме генитивного субъекта посвящено значительное количество работ (см. подробнее, например, [Babby 1980; Ицкович 1982; Апресян 1985; Падучева 1997; Борщев, Парти 2002; Guiraud-Weber 2003]). Здесь отметим только, что, по мнению сторонников теории неаккуза-

тивности, подлежащее можно поставить в родительный падеж только при отрицании неаккузативного глагола. Таким образом, данную диагностику можно сформулировать так: если переходный глагол может употребляться с генитивом при отрицании, то он неаккузативный.

2.1.2. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по*

Дистрибутивная конструкция также трактуется уже упоминавшимися авторами ([Pesetsky 1982; Борик 1995; Дудина 2002; Harves 2002] и др.) как возможная диагностика неаккузативности в русском языке. Исследователи предполагают, что использование дистрибутивной конструкции с предлогом *по* возможно в позиции объекта переходного глагола (18) и в позиции субъекта переходного глагола (19), но невозможно в позиции субъекта переходного глагола и субъекта неэргативного глагола.

(18) Дети сделали себе *по бутерброду*.

(19) На каждой стене висело *по картине* (примеры из [Борик 1995]).

Мы, однако, покажем, что употребление дистрибутивной конструкции не связано напрямую со свойством неаккузативности глагола.

2.2. ДИСТРИБУТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С *ПО* КАК ДИАГНОСТИКА НЕАККУЗАТИВНОСТИ

2.2.1. Связь с позицией пациенса

Для того, чтобы конструкцию можно было рассматривать как диагностику неаккузативности, необходимо, чтобы:

- 1) при любом переходном глаголе можно было поставить дистрибутивную конструкцию в позицию объекта;
- 2) нельзя было поставить дистрибутивную конструкцию в позицию субъекта переходного глагола;
- 3) можно было поставить дистрибутивную конструкцию в позицию субъекта неаккузативного глагола;
- 4) нельзя было поставить дистрибутивную конструкцию в позицию неэргативного глагола.

Если проанализировать примеры употребления конструкции с предлогом *по*, то легко можно увидеть, что ни один из этих пунктов не верен. Действительно, существуют переходные глаголы, при которых невозможно употребить дистрибутивную конструкцию в позиции объекта:

(20) ??Каждый полицейский уличил *по преступнику*.

Существуют переходные глаголы, при которых дистрибутивная конструкция может стоять в позиции субъекта, ср. (21)–(24):

(21) Каждую лестницу *несут по четыре человека*, и едва их разом поставили к стенам, наверх тут же начали быстро-быстро карабкаться сотни... нет, тысячи вооруженных людей! (Ю. Никитин. «Трое из леса»).

(22) Галереи окружает невысокая стена с восемью воротами, каждые из которых *охраняют по два бронзовых льва* («Королевство, улыбок, солнца и неги. Путеводитель по Таиланду»).

(23) Теперь каждого узника *вели по трое конвойных*: двое под руки и третий рядом — у него в руках был наготове разрядник, на случай чего, и за плечами болталось нечто, напоминавшее с виду чертежный тубус («День чистой Земли» // «Черноголовская газета», № 2 (511) 17–23 марта 2001 г.).

(24) Каждого из пленников *держали по пять десантников*, все-таки при таком росте они были сильны (В. Аверьянов. «Пески времени»).

В то же время существуют непереходные, семантически пациентивные глаголы, при которых невозможно употребление конструкции с предлогом *по*, ср. (25)–(26):

(25) *В каждом коридоре *по стене пачкается* свежей краской (пример из [Дудина 2002]);

(26) ??В каждой группе детского сада *по два ребенка боится* бабы-яги.

Существуют и глаголы с активной семантикой, позволяющие употребление дистрибутивной конструкции с *по*, ср. (27)–(31):

(27) Тогда из-за нехватки рабочих мест на многих судах на одной должности *работали по два человека* («Судьбы людские. Из золотого фонда завода» // «Ленский водник», № 37 (3903), 26 октября 2002 г.).

(28) На собрания екатеринбургских социал-демократов еще пять лет назад *ходило по пять человек* (Н. Привалов. «Оценка текущей ситуации и перспективы развития общественно-политических организаций»).

(29) Из машин тут же *вышли по два человека* и заняли «круговую оборону», внимательно поглядывая по сторонам (В. Доценко. «Месть Бешеного»).

(30) Поэтому обед тащат в термосах на позицию. И там, в редкие минуты затишья, *по одному, по два человека* с расчета *бегут* к термосам и, торопливо навалив в котелки супа и каши, так же торопливо трусят к орудиям и там, на станинах, глотают обед (В. Шурыгин. «Бог войны Смелянский»).

- (31) Тройкой против девятки мы приняли лобовой удар, выпустив длинные заградительные очереди. Противник был отвлечен от атаки по нашим «илам»... На каждого из нас *бросилось по три «мессера»* (А. Кожевников. «Записки истребителя»).

Указанные выше несоответствия заставляют нас отказаться от попытки интерпретировать поведение дистрибутивной конструкции, исходя только из свойств глагола, входящего в дистрибутивную конструкцию. Необходимо также учитывать другие параметры дистрибутивной конструкции.

3. Дистрибутивная ситуация, соответствующая конструкции с предлогом *по*

Рассмотрим ситуацию, соответствующую дистрибутивной конструкции с предлогом *по*. Сначала проанализируем ситуацию, которую описывает предложение *Я дал каждому мальчику по яблоку*: в ней присутствует несколько мальчиков и несколько яблок, причем множества мальчиков и множество яблок связаны таким образом, что имеется как бы одна несколько раз повторенная ситуация. Для данной ситуации также важно, что яблоки были выбраны из некоего большего множества яблок.

Сформулируем данные условия в более общем виде:

Условия, при выполнении которых данную ситуацию можно обозначить дистрибутивной конструкцией с предлогом по

- I. Внутри рассматриваемой ситуации существует m ($m \geq 2$) аналогичных подситуаций, которые сосуществуют параллельно. В каждой из подситуаций может быть выделен некоторый параметр дистрибуции (X), относительно которого происходит разделение на подситуации. В качестве параметра дистрибуции могут выступать участники ситуации (32), группы участников ситуации (33), а также могут использоваться локативные (разделение подситуаций в пространстве) и временные (разделение подситуаций во времени) параметры, ср. (34)–(35):

- (32) Они посидели еще полчаса, потом к ним подошли трое разведчиков; *каждый* (X) вел по два немецких велосипеда (Y) (К. Симонов. «Живые и мертвые»).
- (33) В остальных классах (X) болеет по два-три человека (Y).
- (34) В каждый угол платка (X) было завязано по монетке (Y).

(35) Пришлось поступать в обычную среднюю школу, *из* всех сил навертывать упущенное за годы гражданской войны, кончая *по* два класса (Y) *в* год (X) (экстерната тогда не было) (И. Ефремов. «Не опускать крылья»).

II. В каждой из подситуаций происходит соотнесение параметра дистрибуции (X) и n участников ситуации (Y). Те n участников ситуации, которые в дальнейшем будут обозначаться «объекты дистрибуции», оформляются при помощи дистрибутивной конструкции с предлогом *по*. При установлении дистрибуции производится выбор из элементов некоторого множества. Существуют две возможности выбора объектов дистрибуции:

- а) выбор производится из множества объектов, общего для всех объектов дистрибуции (схема 1).
- б) в каждой из подситуаций выбор происходит из некоторого множества объектов, соответствующего данной подситуации. В этом случае каждой подситуации соответствует свое множество, множества не пересекаются, множества являются подмножествами некоторого более крупного множества объектов, т. е. содержат аналогичные элементы (схема 2).

Множество, из которого производится выбор, мы будем далее называть «ассоциированным множеством».

III. Нет заранее заданной связи между параметрами и объектами дистрибуции.

Для иллюстрации указанных выше условий, необходимых для употребления конструкции с *по*, можно использовать следующие схемы:

Схема 1. Единое ассоциированное множество

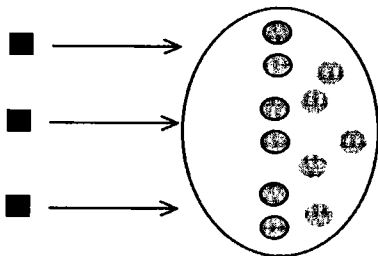
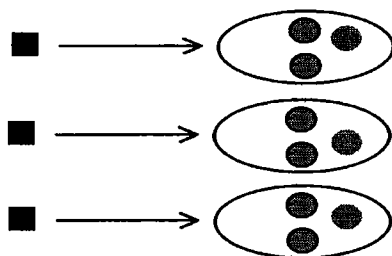

Схема 2. Ассоциированные множества распределены по подситуациям

Для объяснения данных схем рассмотрим еще раз примеры (32) и (33).

В примере (32) параметрами дистрибуции являются участники ситуации — три разведчика, каждый из которых — участник одной из подситуаций (итого количество подситуаций равно количеству разведчиков $m = 3$). Внутри каждой из подситуаций каждый разведчик соотносится с двумя велосипедами ($n = 2$). Пример (32) иллюстрирует схема 1. Выбор немецких велосипедов производится из одного ассоциированного множества немецких велосипедов. Так как данное множество содержит более одного элемента и элементы не распределены, возможен выбор из его элементов. Таким образом, соблюдены все три условия, и становится возможным оформление данных соотношений при помощи дистрибутивной конструкции с *по*: *каждый вел по два немецких велосипеда*.

В примере (33) параметрами дистрибуции являются классы. Классов неопределенное число, т. е. мы точно не знаем, каково количество подситуаций в данной ситуации, но это не важно для употребления дистрибутивной конструкции с *по*. Для употребления конструкции необходимо, чтобы количество подситуаций было больше либо равно двум, и данное условие выполнено (*в остальных классах* значит, что остальных классов более одного). Внутри каждой из подситуаций происходит выбор заболевших учеников из учеников класса. В данном примере выбор происходит из разграниченных ассоциированных множеств, т. е. примеру (33) соответствует схема 2. Ассоциированные множества состоят из учеников классов, и тем самым содержат аналогичные элементы и не пересекаются, а значит, ни в какой из подситуаций невозможен выбор из элементов ассоциированного множества другой

подситуации. Соответственно, в данной ситуации также выполнены все три условия и, следовательно, возможно оформление данных соотношений при помощи дистрибутивной конструкции с предлогом *по*.

Теперь рассмотрим более подробно, какие ограничения возникают из условий II–III.

3.1. Счетность существительного в дистрибутивной конструкции

Условие II подразумевает, что в каждой из подситуаций соотнесены параметр дистрибуции и *n* объектов дистрибуции. Из данного условия следует, что объекты дистрибуции должны быть счетными. То, что параметр «счетность» необходим для употребления существительного в дистрибутивной конструкции, объясняет запрет на употребление в конструкции абстрактных существительных (36) и несчетных существительных (37)–(38).

(36) *Каждый испытывает *по радости* / *по огорчению*.

(37) *Каждый из нас разлил *по молоку*.

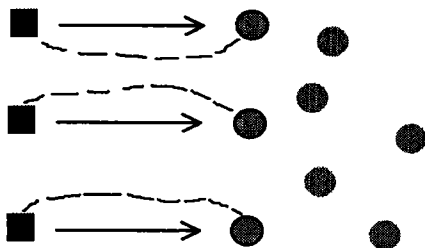
(38) *Каждый нарезал *по хлебу*.

3.2. Заранее заданная связь

В этом разделе мы разберем условие III, постулирующее, что между параметрами и объектами дистрибуции не должно быть заранее заданной связи.

На следующей схеме мы изобразим ситуации, при описании которых невозможно употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по*:

Схема 3. Схема дистрибутивной ситуации с заранее заданной связью.

В следующих разделах мы рассмотрим связи между параметрами и участниками дистрибуции и выявим различные виды связи, которые способны создать препятствия для употребления дистрибутивной конструкции с предлогом *по* (схема 3). Прежде всего мы проанализируем несколько классов имен, несущих в своей семантике информацию о тесной связи между участниками ситуации (так называемых реляционных имен): имена родства, части тела. Кроме того, мы рассмотрим некоторые классы глаголов, также задающие связь между участниками ситуации. Затем мы приведем примеры семантических преобразований, которые могут воздействовать на свойство связанности между параметрами и объектами дистрибуции.

3.2.1. Имена родства

Имена родства — *мать, отец, сын, дочь, брат, сестра* и т. п. — задают очень тесную связь между участниками ситуации. В результате, если участниками действия являются два лица, находящиеся в родственных отношениях, возникает именно та ситуация, которая иллюстрируется схемой 3. Оформление ее при помощи дистрибутивной конструкции с предлогом *по* невозможно, ср.:

(39) ??Каждый мальчик привел *по матери*.

(40) ??Каждый мальчик привел *по сестре*.

В самом деле, в примерах (39)–(40) между каждым мальчиком и его родственницей уже есть заранее заданное соотношение, и выбор среди них невозможен, так как каждому мальчику соответствует именно его родственница и никакая другая (схема 3). Тем самым, употребление данных примеров невозможно в случае обычной интерпретации (с каждым мальчиком пришла его сестра или мать). Но употребление подобных примеров становится возможным, если все родственники являются членами одной семьи. В этом случае фиксированное соотношение снимается, так как реализуется схема 1, ср.:

(41) Так вышло, что малыши Жамьяновых сами собой разбились на парочки: каждому брату досталось *по сестре* («Каждому брату — по сестренке» // «Информ-полис», № 48 (478), 28 ноября 2001 г.).

(42) Молочное хозяйство пошло прекрасно: года через три у Голована было уже две коровы и бык, потом три, четыре, и он нажил столько денег, что выкупил мать, потом каждый год выкупал *по сестре*, и всех их забирал и сводил в свою просторную, но прохладную лачугу (Н. Лесков. «Несмертельный Голован»).

Другой случай, при котором употребление имен родства в дистрибутивной конструкции становится возможным, это интенциональное употребление имени. Если имя употребляется с точки зрения соответствия данного имени свойствам, ассоциирующимся с данным именем, т. е. соответствует интенционалу имени, то выбор производится из множества всех возможных референтов данного имени, т. е. экстенционала данного имени², такой ситуации выбора соответствует единое ассоциированное множество (схема 1). Ср. примеры интенционального употребления слов *отец* (43), *родственник* (44), *ребенок* (45):

- (43) ...Наступает долгожданная гармония, когда, выражаясь словами Владимира Вольфовича Жириновского, каждой женщине достается по мужчине, а каждому ребенку — *по отцу* («Очередная премьера в Театре русской драмы им. С. Вургуна» // «Зеркало», 11.03.2003).
- (44) Его семья состояла из матери-пенсионерки, четырехлетнего ребенка и беременной жены, но призывная комиссия отказала Косте в отсрочке. Военком быстро «нашел» каждому члену семьи *по родственнику*, который и должен о нем заботиться... («Осенний призыв» // Граждане.Ру).
- (45) Он завязал с наркотиками, пришел «с покаянной головой» в кино, стал блестяще играть злодеев. Дважды женился — на Дэриа Хэлприн и Кэтрин Ла Насса. Каждая из них родила ему *по ребенку*, но в конце концов оба брака распались («Деннис Хоппер: Вечный изгой»).

3.2.2. Части тела

Другой случай тесной связи между объектами представляют собой части тела. Действительно, употребление названий частей тела в единственном числе в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* затруднительно. Это происходит потому, что части тела изначально связаны со своим владельцем и невозможно представить себе ситуацию выбора из голов или носов (46)–(47).

- (46) А как же, — сказал он и, просунув голову между железными прутьями барьера, заскользил вниз (Ф. Искандер. «Мальчик-рыболов»).
- (47) *Они просунули по голове между железными прутьями барьера.

² Здесь и далее термины «интенционал» и «экстенционал» понимаются так же, как в работе Р. Карнап [1959]. Под интенционалом понимается «ментальный компонент знака, моделирующий единичный объект (ситуацию) или класс объектов (ситуаций)». Под экстенционалом знака понимается «множество референтов (денотатов), которые могут в разных контекстах обозначаться данным знаком» (определения из [Барулин 2000]).

В примере (47) упоминаемые части тела однозначно соотносятся со своими владельцами и выбор невозможен (данной ситуации тоже, как и в случае с именами родства, соответствует схема 3). Если же у некоторого существа несколько голов и они образуют множество, внутри которого возможен выбор, — тогда допустимо и употребление слова *голова* в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*:

- (48) Бедное животное и не думало сопротивляться. Пытаясь уклониться от острых лезвий, три его головы беспорядочно мотались из стороны в сторону, переплетались шеями и натываясь на лишнюю, ошалело хлопали глазами. Последняя же, словно выпавший из гнезда птенец, с любопытством озиралась окрест себя до тех пор, пока булава Ивана не прекратила ее ознакомление с этим миром. Удар раскроил зеленый череп, а еще через минуту каждый из богатырей отсек *по «своей» голове* (Ю. Буркин, С. Лукьяненко. «Остров Русь»).

В примере (48) выбор происходит из единого ассоциированно-го множества голов животного, и такой ситуации соответствует уже схема 1, а не схема 3.

Как и следует ожидать, употребление названий частей тела в дистрибутивной конструкции возможно также в ситуации, когда части тела существуют отдельно от владельца и с ним не связаны, ср.:

- (49) Слева варвар-«монгол» отрубает голову несчастной жертве, другой «монгол», держа в каждой руке *по отрубленной человеческой ноге*, с аппетитом пьет хлещущую из них кровь (Г. Носовский, А. Фоменко. «Реконструкция всеобщей истории»).

В примере (49) отрубленные ноги являются элементами единого ассоциированного множества. Данной ситуации тоже соответствует схема 1.

Возможно также употребление названий частей тела в дистрибутивной конструкции в интенциональном значении с такими глаголами, как *быть* (50), *выдать* (51) и т. п. — в соответствии со схемой 1.

- (50) Действительно существует такое животное — СобакоКот, или если хотите КотоСобак. Этакая помесь того и другого, своеобразная вариация на тему Тяни-Толкая. Здесь надо отметить, что создатели подобного шедевра селекции не предусмотрели одной немаловажной детали. У этого существа с каждой стороны *по голове*, а где же все остальное... (Обзор игры «CatDog»).

- (51) Конечно, — сказал Удалов, — легко было бы жить, если бы каждому человеку *выдать по лицу*, которое бы соответствовало его поступкам

и душевному состоянию. Посмотрел на человека — и сразу на другую сторону улицы. Потому что видишь не лицо, а убийственную рожу (К. Булычев. «Отражение рожи»).

3.2.3. Глаголы, задающие тесную связь между участниками

Только что мы рассмотрели классы имен, которые задают тесную связь между участниками ситуации, а теперь рассмотрим глаголы, которые аналогичным образом влияют на ситуацию. Глагол может задавать ситуацию, согласующуюся или не согласующуюся с требованиями дистрибутивной конструкции.

Среди глаголов, не согласующихся с требованиями дистрибутивной конструкции, в первую очередь обращают на себя внимание переходные глаголы, предполагающие личное отношение субъекта к объекту. К таким глаголам относятся, например, *любить, беречь, ценить, уважать* и др. Если X бережет, любит или ценит Y-а, то X и Y связаны между собой и никакой выбор между Y-ми невозможен. Тесная семантическая связь между участниками, заложенная в таких глаголах, действует аналогично связи, возникающей при употреблении реляционных имен существительных. При наличии тесной связи между участниками ситуации ситуация не может трактоваться как соответствующая схеме с единым ассоциированным множеством (схема 1), а только как ситуация, соответствующая схеме дистрибутивной ситуации с заранее заданной связью (схема 3). Соответственно, употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с такими глаголами невозможно. Ср.:

(52) Как повяжешь галстук, *береги* его! (С. Щипачев)

(53) *Дети, *берегите по галстуку*.

(54) *Каждая из сестер *бережет по старинному золотому кольцу*.

(55) В огромной витрине — фотографии девушек в масштабе три к одному, каждая натужно *бережет прическу* (И. Грекова. «Дамский мастер»).

(56) *Каждая *бережет по прическе*.

В примерах (53), (54), (56) объект глагола *беречь* тесно соотносится со своим субъектом, поэтому ситуация выбора объектов из общего для участников множества невозможна. По той же причине невозможно употребление в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* таких глаголов, как *ценить, любить, уважать*, которые характеризуются тесной связью между участниками и соответствуют схеме 3:

(57) ...*Квартиру* же генерал *ценил* потому, что хозяин дома был несколько ненормальным человеком (Г. Газданов. «Товарищ Брак»).

- (58) *Каждый из генералов ценил по квартире.
(59) Я любил и уважал моего учителя, несмотря на мрачность и молчаливость его (П. Нилин. «Знаменитый Павлюк»).
(60) *Каждый уважал по учителю.

3.2.4. Взаимодействие динамических и стативных глаголов с локативным параметром

Свойство заранее заданной связи позволит нам объяснить тенденцию, отмеченную сторонниками теории неаккузативности. Несмотря на то что, как мы показали в п. 2.2, разделение на «агентивные» и «пациентивные» глаголы не позволяет объяснить поведение дистрибутивной конструкции с предлогом *по*, имеется явная тенденция к более частому употреблению «пациентивных» глаголов в данной конструкции.

Как мы увидим далее, различаются употребления динамических и стативных глаголов с локативным параметром. Локативный параметр является наиболее частым параметром при переходных глаголах, так как в таких глаголах обычно присутствует один участник.

Динамические и стативные глаголы при употреблении дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с локативным параметром ведут себя по-разному. В одинаковых контекстах (например, *возле каждого окна ... по мальчику*) возможно употребление стативных глаголов (61) и невозможно употребление динамических глаголов (62).

- (61) Возле каждого окна сидело/стояло по мальчику.
(62) ??Возле каждого окна пело/прыгало по мальчику.
(63) Возле каждого окна поет/прыгает мальчик.

Данные примеры можно объяснить спецификой глаголов состояния, главной особенностью которых, как указывает, например, В. А. Плунгян [2000], является то, что «для продолжения состояния обычно не требуется никаких специальных усилий субъекта; не требуется притока энергии для его поддержания». Субъект глаголов состояния часто является пациенсом или экспириенцером.

Для употребления дистрибутивной конструкции с локативным параметром важно, что в динамических глаголах содержится презумпция нахождения субъекта в некотором месте, в стативных глаголах такой презумпции нет. До того момента, как мальчики начали сидеть около окон (61), они могли не на-

ходиться в данных местах, т. е. выбор в данной ситуации производится из всех мальчиков, находящихся в комнате, т. е. единого ассоциированного множества (данной ситуации соответствует схема 1). В динамических глаголах нет аналогичного указания на начало местонахождения, и до того момента, как мальчики начали петь около каждого из окон (62), они должны были там находиться. То есть в каждой подситуации производится выбор из того самого одного мальчика, который уже находится около данного окна, а это значит, что выбор невозможен (схема 3).

Запрет на использование динамических глаголов в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с локативным параметром и возможность использования в аналогичных контекстах стативных глаголов частично объясняет попытки исследователей трактовать дистрибутивную конструкцию как диагностику неаккузативности. Заметим, что при других видах параметров дистрибуции использование динамических глаголов в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* возможно, ср.:

(64) За каждым хулиганом зналось *по два милиционера*, но все равно не удалось поймать всех [параметр — участник ситуации].

(65) Каждое утро мясник степенно направлялся в лавку, и вслед за ним всегда бежало *по две-три собаки*, жаждущие угощения [временной параметр].

Заметим также, что несмотря на то что большинство стативных глаголов могут употребляться в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* (66)–(67), это ограничение не абсолютно (69).

(66) Полотнище держалось на девяти копьях, причем на каждом висело *по бунчуку* (конскому хвосту) (Л. Гумилев. «Древняя Русь и Великая степь»).

(67) Комнат было две. В каждой могли спать *по четыре человека* (В. Васильев. «Око Всевышнего»).

(68) Она знала *песенку* «Если завтра война» и была совершенно спокойна (И. Грекова. «Первый налет»).

(69) *В каждой семье знали *по песенке*.

В примере (69) глагол *знать* не может употребляться в дистрибутивной конструкции из-за своих семантических свойств: он задает тесную связь между параметрами и участниками дистрибуции, и поэтому возникает ситуация, которой соответствует схема 3.

3.2.5. Отрицание стативного глагола

В предыдущей части мы показали, что употребление стативного глагола с локативным параметром в дистрибутивной конструкции естественно и логично. Интересно, что отрицание стативного глагола, в отличие от самого стативного глагола, не может быть употреблено в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*. Ср. :

- (70) В каждом углу валялось по куртке.
- (71) *В каждом углу не валялось по куртке.
- (72) За каждой партией сидело по мальчику.
- (73) *За каждой партией не сидело по мальчику.

Такое поведение стативных глаголов с отрицанием легко можно объяснить, пользуясь нашими схемами. В примерах (70), (72), до того как объекты были распределены по данным локативным параметрам (куртки по углам, а мальчики по партам), они не были связаны с данными локативными параметрами. То есть в предложениях (70), (72) производится выбор из всех присутствовавших в ситуации объектов (единого ассоциированного множества) и распределение его элементов по локативным параметрам (ситуации соответствует схема 3).

Совсем другую картину представляет стативный глагол с отрицанием. Сам факт отрицания того, что что-то находится в каком-то месте, предполагает, что этот предмет ранее там находился и говорящий ожидает там его обнаружить. Так, в предложениях *За партией нет мальчика, В углу нет куртки* предполагается, что раньше эти объекты там находились или мы предполагали, что они там находятся.

Следовательно, говоря **В каждом углу не валялось по куртке*, мы предполагаем, что до этого куртки там находились, а значит были распределены по локативным параметрам. Это означает, что данной ситуации соответствует схема 3 и употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по* невозможно.

3.2.6. Употребление глагола в бытийном смысле

Как мы видели выше, имена классов, в которых задается тесная связь между участниками, могут употребляться в дистрибутивной конструкции. Эту возможность дает семантический сдвиг — интенциональное понимание имени. Аналогичный семантический сдвиг возможен и для глагола. Одним из таких возможных сдвигов является бытийное употребление глагола. При таком употреблении, в частности, становится возможным употребление ди-

намического глагола с локативным параметром в дистрибутивной конструкции.

Бытийные предложения в русском языке достаточно хорошо изучены в связи с известной темой генитива субъекта в отрицательном предложении. Бытийным предложениям посвящены такие работы, как [Арутюнова 1976; 1997; Арутюнова, Ширяев 1983; Борщев, Парти 2002], они описываются в книге Л. Бэбби [Babby 1980]. В работах Е. В. Падучевой [1992; 1997] рассматривается генитивная конструкция (с генитивом субъекта при отрицании), причем глагол, который можно употребить в такой конструкции, называется «генитивным».

К бытийным относят такие употребления глагола, в которых он заменяет *быть*, *находиться*, ср.:

(74) Вдали белеет парус.

(75) В саду звучит пение птиц.

В работе [Дудина 2002] отмечается, что при бытийном употреблении глагола возможно использование агентивных глаголов в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*:

(76) На крыше каждого дома гуляло по кошке.

(77) На каждом корте играло по паре теннисистов (примеры из [Дудина 2002]).

Такие употребления хорошо укладываются в рамки нашей теории. Действительно, при бытийном употреблении агентивного глагола данный глагол замещает собой глагол *быть* и частично утрачивает свою агентивную семантику. Таким образом, распределение участников по локативным параметрам, возникающее при агентивном глаголе, при бытийном глаголе снимается, и все участники образуют единое множество, из которого возможен выбор (схема 1). Поэтому употребление агентивных глаголов в бытийном смысле возможно в дистрибутивной конструкции. Ср. :

(78) Конкурс проходил по четырем номинациям (в каждой пели по шесть человек): «Патриотическая песня», «Вокалисты от 14 до 17 лет», «Вокалисты от 18 до 30 лет» и «Авторы-песенники» (Л. Вовк. «Кому позволено дружить с XXI веком?» // «Комсомольская правда, Коми», № 17, 28 апреля 2000 г.).

(79) Соревнования проводились по матчевой системе: прыгали по два человека, например, участник, возглавляющий список, и последний — 16 номер. Кто из них покажет более высокий результат, тот продолжит борьбу среди восьми победителей первого тура во втором туре («Гран-при — точность приземления» // «Парашют», № 12, 2002).

3.2.7. Хабитуальное употребление глаголов в дистрибутивной конструкции с предлогом *по*

Другой семантический сдвиг, позволяющий динамическим глаголам употребляться в дистрибутивной конструкции с локативным параметром, — это хабитуальное употребление глагола. Хабитуальное употребление динамических глаголов в дистрибутивной конструкции с предлогом *по* становится возможным в силу специфики ситуаций, в которых употребляется хабитуалис. В. А. Плунгян [2000] характеризует такие ситуации как «регулярно повторяющиеся, „привычные“ действия, становящиеся характеристиками свойств субъекта».

Так как хабитуальное употребление динамического глагола превращает ситуацию в нединамическую, исчезает презумпция нахождения в некотором месте, свойственная динамическим глаголам. То есть исчезает распределение участников подситуаций по локативным параметрам и возникает ситуация, которой соответствует схема 1, и употребление дистрибутивной конструкции с предлогом *по* становится возможно. Ср. :

- (80) Удивительных людей легко можно распознать и в других ситуациях. Это они всегда идут неспешно, *по два-три человека*, активно общаясь, загородив собой дорогу тем, кто ходит в метро не на прогулки («Праздник тормозов. Будни удивительных людей» // BraMC.ru).
- (81) В каждый кружок ходило *по десять школьников*.

4. Заключение

Мы показали, что предположение о связи дистрибутивной конструкции с предлогом *по* с неаккузативностью глагола, высказывавшееся в различных работах (см. подробнее п. 2), не обосновано: обнаруженные нами примеры свидетельствуют, что дистрибутивная конструкция с предлогом *по* не может быть использована в качестве диагностики неаккузативности.

В работе приводится объяснение свойств дистрибутивной конструкции с предлогом *по* исходя из ее семантики. Предлагается описание конструкции при помощи трех ограничений, накладываемых на ситуацию, которую описывает предложение (более подробно см. п. 3).

Из этих ограничений вытекают все остальные свойства дистрибутивной конструкции с предлогом *по* — например, невозможность употребления в ней имен *pluralia tantum* (**Каждая портниха купила по ножницам*) или имен и глаголов, предполагаю-

щих тесную связь между параметрами и объектами дистрибуции (*"Каждый мальчик привел по матери, *Каждая сестра бережет по кольцу, "В каждой комнате свистит по мальчику*) и др.

Таким образом, наиболее важным для описания дистрибутивной конструкции является дистрибутивная семантика, влияющая на сочетаемостные свойства данной конструкции. Дистрибутивная конструкция воспроизводит прототипическую дистрибутивную ситуацию, для которой важна процедура актуального распределения объектов. Заранее установленные отношения между элементами двух множеств нельзя описать при помощи дистрибутивной конструкции. Для данной конструкции необходимо соответствие ситуации условиям дистрибуции.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

Part — причастие

Sg — единственное число

Det — определенный артикль

Pl — множественное число

Und — неопределенный артикль

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1985 — Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*, 1985, vol. 9, № 2-3.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1997 — *Арутюнова Н. Д.* Бытийные предложения // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 1997.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Барулин 2002 — *Барулин А. Н.* Основания семиотики: Знак, знаковые системы, коммуникация. М., 2002.
- Борик 1995 — *Борик О. М.* Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. Филологический факультет. ОТиПЛ. МГУ. 1995.
- Борщев, Парти 2002 — *Борщев В. Б., Парти Б.* О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. 2002. Вып. 37.
- Бурас 1985 — *Бурас М. М.* Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // *ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации*. Вып. 168. М., 1985.
- Дудина 2002 — *Дудина М. С.* Признак неаккузативности глагола в итальянском и русском языках. Дипломная работа. Институт лингвистики. РГГУ. 2002.

- Зализняк, Падучева 1974 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып. 4. М., 1974 [перепечатано в: Семиотика и информатика, вып. 35: Opera selecta. М., 1997].
- Иомдин 1990 — *Иомдин Л. Л.* Русский предлог ПО: этюд к лексикографическому портрету // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* / Ed. Z. Saloni. Białystok, 1990.
- Иомдин 1991 — *Иомдин Л. Л.* Словарная статья предлога *по* // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32.
- Ицкович 1982 — *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Падучева 1992 — *Падучева Е. В.* О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics*. 1992. Vol. 16.
- Падучева 1997 — *Падучева Е. В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Рубинштейн 2002 — *Рубинштейн М. Л.* Именные группы в русских дистрибутивных конструкциях с предлогом «по» // Материалы конференции «Диалог». Том 1: Теоретические проблемы. 2002.
- Babby 1980 — *Babby L. H.* Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, 1982.
- Babby 2000 — *Babby L. H.* The Genitive of Negation and Unaccusativity. Ms. Princeton, 2000.
- Babyonyshev 1996 — *Babyonyshev M.* Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese. Ph. D. Dissertation. Cambridge (MA), 1996.
- Blaszczak 2002 — *Blaszczak J.* Ergativität in «nicht-ergativen» Sprachen // www.ling.uni-potsdam.de/kurse/Ergativitaet/3Sitzung.pdf. 2002.
- Burzio 1981 — *Burzio L.* Intransitive Verbs and Italian Auxiliaries. Ph. D. Dissertation. Cambridge (MA), 1981.
- Burzio 1986 — *Burzio L.* Italian Syntax. A Government and Binding Approach. Dordrecht, 1986.
- Cetnarowska 2002 — *Cetnarowska B.* Unaccusativity Mismatches and Unaccusativity Diagnostics from Derivational Morphology // *Many Morphologies* / Ed. P. Boucher. Somerville (MA), 2002.
- Chvany 1975 — *Chvany C.* The Syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (MA), 1975.
- Guiraud-Weber 2003 — *Guiraud-Weber M.* Еще раз о русском генитиве отрицания: взгляд со стороны // *Russian Linguistics* 2003, vol. 27, № 3.

- Harves 2002 — *Harves S.* Unaccusative Syntax in Russian. Ph. D. Dissertation. Princeton, 2002.
- Levin, Rappoport 1995 — *Levin B., Rappoport M.* Unaccusativity. Cambridge (MA), 1995.
- Perlmutter 1978 — *Perlmutter D.* Impersonal Passives and the Unaccusative Hypothesis. Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1978.
- Pesetsky 1982 — *Pesetsky D.* Paths and Categories. Ph. D. Dissertation. Cambridge (MA), 1982.

И. Б. ЛЕВОНТИНА, А. Д. ШМЕЛЕВ

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕЗАДАННОСТИ КРИТЕРИЕВ ВЫБОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Введение

В построении логики высказывания важное место занимает выбор элементов из множества. Этот выбор осуществляется при помощи либо собственно кванторных выражений, либо каких-то выражений, задающих критерии этого выбора. Предметом настоящей работы являются выражения, которые, не будучи кванторными в собственном смысле слова, не только не задают критериев выбора, но и указывают на то, что такие критерии вообще не задаются.

Замечательной особенностью русского языка является то, что он располагает поразительно большим количеством единиц, выражающих идею незаданности критериев выбора. Ср. следующий пример, в котором одна из таких единиц эксплицитно связывается с критериями выбора:

Опыт показывает, что серийные убийцы выбирают свои жертвы не *абы* как. Жертва должна отвечать определенным «требованиям», например, быть похожей на кого-то или быть одетой соответствующим образом (А. Маринина. «Мужские игры»).

Перечислим основные из единиц этого типа: *удобно, попало, попадая, абы, придется, пришлось, бы то ни было, бы ни, хочешь/хотите, все равно, вздумает(ся)*. Ср.: *Что тебе приготовить на завтрак? — Что удобно <Все равно что>*. Есть, кроме того, большое число единиц, в смысл которых указанная идея входит как важная составная часть: *по-любому, как ни крути, как ни кинь, куда ни плюнь, какой ни то, первый попавшийся, первый встречный, (как) Бог на душу положит, (чем) Бог послал, куда глаза глядят, подвернуться и др.*

Рассматриваемые языковые выражения в ряде случаев сближаются с несколькими типами единиц. Во-первых, они близки к обобщающим словам типа *все, всякий, каждый, любой*; ср.: *Это может сделать всякий / любой / какой угодно человек*. Во-вторых, они имеют некоторое сходство с показателями неспецифицированности типа *-нибудь*, хотя это сходство редко доходит до

степени взаимозамены; ср. пример из сборника «Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре»:

Попавший в *чью-нибудь* ямку бьет мячом в кого-*нибудь*; этот — тоже в кого *попало*, пока кто-*нибудь* не промахнется; тогда на него считается копейка, а мяч берет кто *угодно* и опять катит.

Наконец, в некоторых случаях они сближаются с показателями, выражающими идею отрицательной оценки в сочетании с указанием на невозможность квалифицировать объект или явление: *невесть, черт-те, Бог знает, черт знает, шут знает* и т. д.; ср.: *сделал как попало — черт-те как*.

Существенно при этом, что такое сближение происходит только в строго определенных контекстах. На ряде различий между перечисленными группами единиц мы еще остановимся.

Так, идею незаданности критериев важно отличать от идеи неспецифицированности, которая выражается единицами типа *-нибудь*. Последняя не предполагает отсутствия критериев выбора, она лишь указывает, что объект еще не выделен из множества, хотя критерий может быть задан. Ср.: *Возьми какую-нибудь палку подлиннее* (адресату предлагается самому выбрать из множества объект, руководствуясь определенным критерием: палка должна быть по возможности длинной) при неправильности **Возьми какую угодно палку подлиннее* (поскольку критерий выбора задан, показатель *угодно* употребить нельзя).

Важное свойство интересующих нас единиц, отличающее их от показателей неспецифицированности, — это их рематичность. Они притягивают главное фразовое ударение, причем большинство из них сами являются ударными (в более редких случаях, например при употреблении показателя *абы*, ударным оказывается *к-слово*)¹. Ср.:

Принеси какую-нибудь ↓*книгу*

**Принеси какую угодно* ↓*книгу*.

Правильно: *Принеси какую* ↓*угодно книгу*.

Необходимо различить два класса единиц со значением незаданности критериев выбора. К первому принадлежат приместойменные показатели, которые более или менее свободно² сочета-

¹ Это просодическое свойство тесно связано с самой природой смысла 'незаданность критериев выбора'.

² Сочетаемость *к-слов* — отдельная большая проблема. Ср. [Апресян, Иомдин 1989; Баранов, Добровольский 1998: 42–43; Левонтина 2003].

ются с *к*-словами (*угодно, попало* и др. — ср. *как угодно, где угодно, когда угодно, с кем угодно* и т. д.)³. Ко второму — отдельные единицы, слова и выражения типа *первый встречный, (как) Бог на душу положит, куда глаза глядят, подвернуться*. В состав некоторых из этих единиц также входят *к*-слова, однако в этом случае выбор этого слова жестко предопределен. Скажем, *куда глаза глядят* возможно только со словом *куда*. Нас прежде всего интересуют единицы первого класса — приместоименные показатели с относительно свободным выбором *к*-слова.

Сочетания, выражающие идею незаданности критериев выбора, различаются и с точки зрения того, насколько идиоматичной оказывается их интерпретация. В некоторых случаях они близки к свободным сочетаниям слов; ср. следующий пример: *Да не трогай ты его, пусть приходит когда вздумается!* — *А если ему вздумается приходить в три часа ночи?* Показатель *вздумается* в сочетании *когда вздумается* употреблен в том же значении, что и очевидным образом фразеологически не связанное слово *вздумается* во второй фразе.

Интерпретация сочетаний с другими единицами идиоматична. Так, ясно, что сочетание *где попало* очень слабо связано с идеей попадания. Иногда идиоматические приращения смысла менее очевидны. Например, у таких единиц, как *хочешь* и *угодно*, во многих употреблениях снимается компонент 'желание'. Ср. следующий вполне естественный диалог: *Русские не едят, а только закусывают.* — *А чем же они закусывают?* — *Да чем хочешь!* Разумеется, здесь не имеется в виду, что у собеседника могут быть определенные желания и предпочтения в вопросе о том, чем закусывают русские. Выражение *чем хочешь* здесь просто указывает на отсутствие границ для воображения. Аналогично во фразе *Погода там может оказаться какой угодно* абсолютно не предполагается, что кто-либо имеет возможность заказывать погоду.

Замечание 1

Интересно при этом, что выражения *душе (душеньке) угодно* и *тебе угодно* идиоматизованы в гораздо меньшей степени, чем просто *угодно*. Ср. следующие примеры, в которых ясно видно, что связь *угодно* с желанием полностью удерживается:

³ Ср. работу [Баранов, Добровольский 1998], в которой каждое из сочетаний подобных показателей с *к*-словами рассматривается как отдельная идиома.

Пачку табаку? Индейский головной убор из перьев? Шкуру дикого зверя, пенковую трубку? <...> Выбирайте что *душе угодно* (Р. Л. Стивенсон. Пер. с англ.).

И вот тебе полкроны — угощайся чем *душе угодно* (Ж. Верн. Пер. с франц. А. Бекетовой).

Ужо велим саночки заложить — катайся сколько *душе угодно* (М. Салтыков-Щедрин).

Я то у свекров да свекровей гостила, то у тестей да тещей, то у молодых. Никто ведь от себя не пускает, — за руки держат, — хоть век живи на всем на готовом, — что *твоей душеньке угодно*, пей, ешь и веселись (М. Погодин).

Здесь ты можешь читать, петь, работать и вообще делать что *тебе угодно* (Н. Лесков).

Сначала поставь на стол спагетти, а потом можешь болтать сколько *тебе угодно* (М. Пьюзо. Пер. с англ.).

Очевидно, что в выражениях *душе (душеньке) угодно, тебе угодно* и пр. идея желания удерживается во всех случаях, и они не подставляются в большую часть примеров с *угодно*. При этом фразы **Погода там может оказаться какой тебе/душе угодно, *Русские закусывают чем тебе угодно* неправильны, а фраза *Русские закусывают чем душе угодно* имеет другой смысл, указывая на то, что они выбирают себе закуску по своему желанию.

Замечание 2

У слова *хочешь* в контексте к-слова следует различать обобщенное и личное употребление.

Хочешь в обобщенном употреблении не согласуется по лицу, по числу; невозможно в форме СВ *захочешь*; ср.:

Если я его как следует вымою и попрошу кого-нибудь написать на нем: «Поздравляю с днем рождения», Иа сможет держать в нем все, что *хочешь* (А. Милн. «Винни Пух и Все-Все-Все». Пересказ Б. Заходера).

Именно обобщенное употребление *хочешь* является идиоматичным, оно сближается, хотя и не полностью совпадает по смыслу со словом *угодно*.

Ср. личное, неидиоматичное употребление: *ты можешь держать в нем все, что хочешь — ты сможешь держать в нем все, что захочешь — вы можете держать в нем все, что хотите — он может держать в нем все, что хочет*.

Сам смысл 'незаданность критериев выбора' предполагает учет двух основных факторов. С одной стороны, снятие критери-

ев выбора бывает обусловлено разными причинами. Это могут быть безразличие, передача права выбора другому лицу, лень, незнание (все эти возможности будут далее продемонстрированы при рассмотрении соответствующих единиц). С другой стороны, важно, с чьей точки зрения описывается ситуация. Незаданность критериев выбора вовсе не означает отсутствия таких критериев у соответствующего участника ситуации. Она может зависеть от интерпретации говорящего. Ср. следующий пример:

Работники ООН, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, ставили свои автомобили где *попало*, совершенно не считаясь с указаниями полиции (М. Пьюзо. «Крестный отец». Пер. с англ.).

Конечно, здесь не имеется в виду, что работники ООН ставят свои машины в первом попавшемся месте. Они ставят машины там, где им удобно, а выражение *где попало* вводит точку зрения полицейских, которые считают резоны работников ООН неубедительными.

Ср. также следующий пример: фраза *Я не хочу, чтобы моя дочь вышла замуж за кого попало* имеет два понимания, связанные с тем, кто задает критерии выбора. При первом понимании говорящий хочет, чтобы дочь подошла к выбору жениха серьезно. При втором понимании говорящий сам хочет контролировать выбор жениха для дочери.

Каждая из упомянутых единиц имеет множество лингвистически интересных свойств. Так, слово *абы* замечательно в первую очередь таким своим важным свойством, как отрицательная полярность. Ср.:

Вроде как в китайской медицине иголочками колоться. Не *абы* куда, а куда положено (В. Суворов);

Его и спрашивали потом, и не *абы* кто спрашивал, да он ничего от испуга вспомнить не мог (А. Дмитриев. «Закрытая книга»).

В настоящей работе мы остановимся преимущественно на трех единицах: *удовно*, *попало* и *придется*.

Удовно

Яркой особенностью слова *удовно* является то, что оно всегда предполагает контекст возможности. Иными словами, основная идея слова *удовно* — идея неограниченного диапазона возможностей. При этом *удовно* совместимо с разными логическими типами возможностей (алетическими, деонтическими и эпистемическими).

1. ДЕОНТИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Наиболее типичными для *угодно* являются контексты разрешения и снятия запрета; ср.: — *Где можно сесть? — Садись где угодно; Просите что угодно*. Ср. абсолютно невозможное: **Он сел где угодно; *Он всегда садится где угодно* (при правильном *Он всегда садится где попало*). При этом смысл 'возможность' может быть эксплицитно выражен; ср. *Можете сесть где угодно*. Часто он вводится императивной конструкцией, поскольку значение разрешения, которое императив может выражать, по существу и является деонтической возможностью. Однако смысл 'возможность' может присутствовать в контексте имплицитно; ср.:

А просто устроиться, попросить, чтоб взяли кем *угодно*, хоть корпоратором, только бы в редакцию, — такая мысль хоть и мелькнула, но уже не могла взять верх (К. Симонов).

Здесь нет слов *возможно*, *мочь* и т. п., однако имеется в виду, что человек был готов согласиться на любое возможное предложение.

2. АЛЕТИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Менее характерны, но также абсолютно естественны для *угодно* контексты алетической возможности, т. е. указания на отсутствие в реальном мире ограничений по некоторому параметру; ср.: *Мост может выдержать какую угодно нагрузку*. Особенно часто в этом случае гиперболическое употребление *угодно*; ср.: *Может пить сколько угодно*. Практически, вероятно, предел возможного в данном случае имеется, но возможности столь велики, что его как бы и нет. *Угодно* может употребляться и в тех случаях, если речь идет о реализованных возможностях, в этом случае смысл 'возможность' сближается с квантором существования. *На каком слогѣ бывает ударение в русском языке? — На каком угодно*. Это почти то же самое, что *Ударение в русском языке может падать на какой угодно слог* (см. [Шмелев 1996: 55–56]).

3. ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Наконец, *угодно* может употребляться в тех случаях, когда говорящий, не зная, какая из возможностей реализуется в действительности, хочет подчеркнуть, что нет оснований формулировать какую бы то ни было гипотезу на этот счет. Ср.: *Возьми с собой разную одежду: там может быть какая угодно погода; Не открывая коробку, там может оказаться что угодно*.

Интересен в этом отношении следующий пример: — *Почему ты решила, что он здесь? Он мог уехать куда угодно!* Эта реплика является реакцией на некоторое высказывание собеседника, и говорящий хочет указать, что у того нет оснований для выдвинутой гипотезы.

Неоднозначность многих фраз, включающих *угодно*, связана именно с различием логических типов возможностей. Так, фраза *Петя мог сколько угодно сидеть за компьютером* имеет по крайней мере три значения. При первом понимании (деонтическом) она означает, что Пете разрешалось проводить за компьютером неограниченное время. При втором понимании (алетическом) она указывает на высокую работоспособность Пети. Наконец, при третьем понимании (эпистемическом) говорящий не готов высказать гипотезу о времени, проведенном Петей за компьютером.

Отдельно следует рассмотреть особый случай риторического употребления *угодно*. Желая подчеркнуть абсолютную невозможность чего-либо, говорящий может риторически допустить любые другие возможности, сколь бы странными они ни казались; ср.: *Все что угодно, только не это!; Ты всегда кладешь вещи куда угодно, только не на место; Вчера ты был где угодно, но не дома — я тебе звонила.*

Во многих случаях риторическое *угодно* употребляется в контекстах, где сложным образом сочетаются разные типы возможностей, так что трудно даже точно сказать, с какой из них взаимодействует *угодно*; ср.:

Коллеги по-прежнему утверждали, что на досках нет следов писала, но Зализняк уже начал различать среди естественных разводов и трещин дерева едва заметные начертания букв. Если бы об этом объявил кто-нибудь другой, его бы заподозрили в безумии; такое случается с исследователями, занимающимися древними надписями. С кем *угодно*, но только не с Зализняком: он, помимо прочих достоинств, обладает редкостной трезвостью научного взгляда (Виктор Живов, Сергей Иванов);

Его последняя книга, «Зарево зорь», была бы очень хороша, если бы не принадлежала Бальмонту. Напиши ее кто *угодно* другой, нужно было бы радоваться сборнику, содержащему немало красивых стихов (В. Ходасевич).

Как уже было сказано, *угодно* близко по смыслу к обобщающим словам, особенно это относится к паре *какой угодно* — *любой*; ср.: *Это может сделать любой / какой угодно человек.* Важно, однако, обратить внимание на отличие *угодно* от *любой*. Сравним следующую пару высказываний:

Это *любому* человеку не понравится.

Это *кому угодно* не понравится.

Если в первом высказывании сформулирована общая закономерность, касающаяся всех людей, то во втором указывается на то, что даже самый непритязательный человек не согласился бы с данным положением вещей. Точно так же естественно сказать *Любой человек с возрастом меняется* (это общее правило), но сомнительно — *Какой угодно человек с возрастом меняется*.

Можно предложить следующую экспликацию смысла слова *любой*: 'То, о чем я говорю, имеет силу независимо от выбора элемента множества, который заведомо может быть различным'. Выражение *какой угодно* должно получить несколько другую экспликацию: 'То, о чем я говорю, имеет силу даже для того элемента множества, для которого это труднее всего предположить, а значит, заведомо и для остальных'. Таким образом, *угодно* всегда наводит некоторую шкалу, в соответствии с которой упорядочиваются элементы множества. Фраза *Любой преступник имеет право на справедливый суд* понимается таким образом, что право преступника на справедливый суд не зависит ни от каких факторов — ни от его пола, ни от возраста, ни от вероисповедания, ни от расовой принадлежности, ни от тяжести преступления. Фраза же *Какой угодно преступник имеет право на справедливый суд* понимается иначе. Поскольку *угодно* предполагает наличие шкалы, по которой упорядочиваются элементы множества, то фраза интерпретируется таким образом, что право преступника на справедливый суд не отменяется даже в том случае, если он находится на крайнем конце шкалы, по мере движения по которой уменьшается наша готовность относиться к преступнику справедливо. Иными словами, *Какой угодно преступник* означает 'сколько бы он ни был плох'. Эта идея крайней точки шкалы, того, что только может прийти в голову, присутствует во всех употреблении *угодно*. Сочетание *где угодно* в первую очередь заставляет подумать о самых экзотических и неожиданных местах, а *когда угодно* наводит на мысль о наиболее неподходящем времени.

Особенно ярко экстремальность *угодно* проявляется в сочетании *сколько угодно*. Это обусловлено тем, что вообще в языковой картине мира ограничение количества связывается практически исключительно с верхним пределом. *Любое количество* естественно понимается как неограниченно много. Как и любая импликатура, эта импликатура может подавляться контекстом. Так, объявление в общественном транспорте: *Талоны на проезд можно*

приобрести у водителя в любом количестве подразумевает, что человек не обязан покупать целую пачку, а может купить один или два талона, хотя вне контекста эту фразу естественно было бы понять в том смысле, что можно купить неограниченно много талонов. Для выражения *сколько угодно* данная импликатура в большей степени конвенционализирована: фразу *Вы можете купить сколько угодно талонов* едва ли можно понять в смысле 'неограниченно мало'. Правда, в диалогическом режиме импликатура все же может подавляться; ср.: *А могу я купить два талончика? — Да сколько угодно, хоть один.*

Замечание

В статье [Баранов, Добровольский 1998: 43] тот факт, что *угодно*, в отличие от других близких по смыслу показателей, свободно сочетается со *сколько*, комментируется следующим образом: «Семантически количественная шкала связана с идеей порядка. Актуальное значение идиом с компонентами *ни попадя*, *(ни) попало*, *придется*, *попадется (под руку)* предполагает произвольность и отсутствие порядка в выборе того или иного элемента. С другой стороны, компонент *душе угодно* в соответствующих сочетаниях по своему значению не маркирован по отношению к идее упорядоченности (т. е. наряду с „беспорядочным выбором“ допускает и возможность упорядоченности) и тем самым сочетается со *сколько*. Интересно отметить, что получающаяся в результате идиомы *сколько (душе) угодно* обладает не тем значением, которое можно было бы ожидать, исходя из аналогии с рядом *где/когда/куда/откуда (душе) угодно*, то есть нечто вроде „безразлично сколько“, а „(кого-либо/чего-либо) так много, что сколько ни назови, не будет меньше, чем есть на самом деле“, ср.: *Я знал это место. Два пивных ларька, а между ними рюмочная. Неподалеку от театрального института. Действительно, пьяных сколько угодно* [С. Довлатов. „Чемодан“]. Как мы надеялись показать, значение сочетания элементов *сколько* и *угодно* как раз совершенно закономерно.

Выражение *сколько угодно* имеет еще одну особенность. Как уже говорилось, значение слова *угодно* достаточно сильно отличается от первоначальной идеи желательности. Но в выражении *сколько угодно* в каком-то виде связь с желанием просвечивает. Так, в примерах типа *Там сколько угодно опечаток*, на первый взгляд, речь не идет о чьем-либо желании. Однако такое высказывание значит примерно следующее: 'Там много опечаток, и если хочешь, я их тебе укажу'. Оно может быть сделано в ходе по-

лемики, если собеседник утверждает, что опечаток нет или мало. Так говорит человек, который готов предъявить опечатки, иначе он скажет, например, *огромное количество*. Трудно себе представить, чтобы кто-то, говоря о книге, вне полемического контекста сказал: *Там сколько угодно опечаток*.

Рассмотрим также следующую пару примеров:

Спустишь в подвал — там сколько угодно вина.

**Не спускайся в подвал — там сколько угодно крыс.*

Правильность первой фразы и неправильность второй объясняется тем, что в случае с вином речь идет о чем-то желательном, а в случае с крысами — о чем-то неприятном или даже опасном.

Попало, придется

Главное в значении этих слов — идея случайности выбора; ср.:

Он исповедовался, выворачивая душу, кому *попало*, порой полужнакомым и вовсе незнакомым людям (В. Ходасевич. «Андрей Белый»);

Поэтому селекционер-собаковод не может спаривать каких *попало* собак (Э. де Грун. Пер. В. Ошис);

Ведь каждый, кто в изгнании тосковал, / рад муку чем *придется* утолить / и первый подвернувшийся овал / любимыми чертами заселить (И. Бродский).

При этом, в отличие от *угодно*, эти слова могут использоваться не только в контексте возможности: выбор может быть уже реально осуществлен. Ср. следующие примеры, в которых *попало* можно заменить на *придется*, но абсолютно невозможно заменить на *угодно*:

И снова, вернувшись домой после длительных гастролей, он носился по квартире, бросая где *попало* ботинки, носки, пиджак, рубашку (Г. Вишневская);

Когда-то я довольно много пил. И, соответственно, болтался где *попало*. Из-за этого многие думали, что я общительный (С. Довлатов. «Чемодан»);

И то, как она, бросив куда *попало* зонтик, спешила поднять вуальку и обнять меня, потрясало меня жалостью и восторгом (И. Бунин).

Правда, в контексте указания на осуществленный выбор при единичном действии и *попало*, и *придется* используются довольно редко; ср. следующий не очень типичный пример: *Вещи до-*

вольно тяжелые, да я еще и сумку взяла какую попало, так что нести было неудобно. Придется в этом контексте вообще невозможно⁴.

Дело в том, что в словах *попало* и (в меньшей степени) *придется* есть идея разброса. Поэтому гораздо более естественны для них контексты неосуществленного выбора, повторяющихся ситуаций и т. п. В контексте единичного действия эти слова используются в основном в диалогическом режиме; ср.: *Ты чего бросил ключ куда попало?; Опять жрешь что придется!*

При этом между *попало* и *придется* есть и существенные различия, связанные с их внутренней формой.

Попало подразумевает активные действия без прицеливания, отсюда возникает идея разброса⁵. Ср.:

Один лишь миг он стоял, глядя наверх, потом повернулся и начал как *попало* лупить по машинам и окнам близлежащих домов (И. Кёлс. Пер. Е. Любовской).

Случайность выбора при определении предпочтений связана с идеей избегания усилий, обусловленного ленью, бесшабашностью или неразборчивостью. Поэтому *попало* имеет отрицательные коннотации. Особенно ярко это проявилось в переводе известного четверостишия Омара Хайяма о том, что *лучше голодать, чем что попало есть, быть лучше одному, чем вместе с кем попало*. Ср. также примеры:

На тракторе работали кто *попало*, как *попало* и быстро его загубили (А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»);

— Ну да, конечно! Мне это отделение известно! Там кому *попало* выдают паспорта! А я б, например, не выдал такому, как вы! (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Не случайно в императиве *попало* используется в основном с отрицанием (*Не пей что попало*). Отрицательная оценка лексикализована в выражении *как попало*, которое включает смысл 'плохо'.

⁴ В случае единичного действия в прошлом нужно использовать форму *пришлось*; ср.: *Поспали на кольцевом маршруте, сколько пришлось* (Л. Петрушевская. «Чинзано»). Заметим, что рассматриваемый показатель *придется* по значению очень близок к самому глаголу *прийтись*, однако это грамматикализованная единица. Ср.: *спали где придется и спали, где приходилось*.

⁵ Ср. толкование выражения *что попало*, предложенное в работе [Баранов, Добровольский 1998: 44]: «все, что случайно оказалось в пределах досягаемости».

Замечание

Попало имеет вариант *попада*, который почти всегда употребляется с усилительной частицей *ни*⁶. Ср.:

Мой-то как zenки зальет, так сразу за ухват либо за кочергу и давай крушить что *ни попада*, тарелки в доме целой уж не осталось (В. Войнович);

Агент печально матерится и с утроенными усилиями пихает рукопись куда *ни попада*! (М. Веллер).

Семантически *попада* отличается от *попало* идеей еще большего разброса (это связано с усилительным *ни*); ср. типичную сочетаемость *попада* с *все*, *езде* и т. п.:

Шофер Максим ест все, что *ни попада*, нахваливая Германию (Вик. Ерофеев);

Ну и станционные мужики ту кучу не обходили, лили на нее все что *ни попада* (В. Астафьев).

Придется — отличается от *попало* пассивностью. *Придется* выражает жизненную установку человека, предпочитающего плыть по течению, соглашаться с вариантами, которые предлагает жизнь, а не делать свой выбор. В этом отношении *придется* сходно со словом *подвернуться*.

Важно отметить, что избегание выбора связано в случае *придется* не с неразборчивостью, а скорее с неприхотливостью; ср.:

Спим вповалку, где *придется* (Г. Вишневская).

В этом заключается еще одно важное отличие *придется* от *попало*. Если о человеке говорят, что он *ел что попало*, имеют в виду, что он ел всякую дрянь. Когда же говорят *ел что придется*, хотят указать на то, что человек не гурман. Ср. странное: *Не ешь что придется* при типичном *Не ешь что попало*.

Отдельно следует отметить, что сочетаемость *попало* и *придется* с *к*-словами чрезвычайно избирательна и это семантически мотивировано. В первую очередь обратим внимание на то, что оба эти показателя не сочетаются со словом *почему*. **Почему попало* (**почему придется*) выражало бы странную идею случайного выбора разных причин в однотипных ситуациях.

⁶ Ср. исключение — нестандартный пример из В. Распутина: *мог похвалить кого попада*. Ср. также: *Как вихрь влетал он в класс и, на бегу ткнув журналом в кого попада, выкрикивал: «Счет!»* (А. Чудаков. «Ложится мгла на старые ступени»).

Идея разброса у *попало* и *попада* объясняет их несочетаемость со *сколько*. *Сколько* предполагает линейную количественную шкалу, а *попало* и *попада* исключают линейность. В отличие от них, *придется*, выражающее идею покорности обстоятельствам, свободно сочетается со *сколько*; ср.:

Так хоть любить настоящего мужчину, уж *сколько придется* (М. Веллер)⁷.

В работе [Баранов, Добровольский 1998: 43–44] сказано, что *попало* не сочетается также и с *когда*. Авторы объясняют это наличием пространственной составляющей во внутренней форме слова *попало*: «Дело в том, что в наивной логике пространственные отношения обратимы: в общем случае ничто не мешает человеку вернуться в то место, из которого он ушел. Время же интуитивно представляется как последовательная шкала, передвижение по которой возможно только в одном направлении». По-видимому, ограничения на сочетания *попало* с *когда* сильно преувеличены; ср. следующие вполне естественные примеры:

Фортепиано закрыли, скатерть с дубового стола исчезла, — обедали без скатерти и *когда* *попало*, в сенцах проходу не было от борзых собак (И. Бунин);

В деревне не все бабы понимают время по часам, а которые и понимают, да забывают, что обед [в магазине], идут *когда* *попало* — Мария и в обед, если была дома, тоже открывала (В. Распутин).

По-видимому, эта возможность связана с тем, что в подобных контекстах имеется в виду не столько линейное развертывание событий во времени, сколько временная локализация событий. С такой концептуализацией идея разброса оказывается вполне совместимой.

Конечно, мы не дали здесь полного описания слов *удобно*, *попало*, *придется*. Для нас было важно выявить их основные семантические свойства и показать, как они отражаются на сочетаемости.

⁷ В работе [Баранов, Добровольский 1998: 43] отмечено, что *попало* и *попада*, в отличие от (*душе*) *удобно*, не сочетаются со *сколько*, однако там утверждается, что со *сколько* не сочетается и показатель *придется*. Последнее представляется неверным: ср. уже приведенный пример, а также следующий тоже вполне естественный пример: *Когда речь зашла о том, кому сколько земли дать, портной сказал, что обложить всех надо поровну, что не надо брать лишнего с наемщиков, а сколько придется* (Л. Толстой).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Иомдин 1989 — *Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л.* Конструкция вида *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. М., 1989. Вып. 29.
- Баранов, Добровольский 1998 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 1.
- Левонтина 2003 — *Левонтина И. Б.* Уж кто-кто (об одной конструкции малого синтаксиса) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М., 2003.
- Откупщикова 1984 — *Откупщикова М. И.* Введение в лингвистическое изучение местоимений. Л., 1984.
- Шмелев 1996 — *Шмелев А. Д.* Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.

СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОСОДИИ

Много раз лингвисты задавали вопрос: есть ли единая семантика в просодии? И хотя это «Yes-or-No-question», ответов на него было много разных. В любом случае, разумно пытаться выявить модели просодических сдвигов, единообразно влияющих на исходную словарную семантику слова. Ниже мы рассмотрим один пример такого просодического сдвига.

Говоря о плане выражения, мы различаем две ударных позиции в предложении: 1) главное фразовое ударение, нисходящее, рематическое, выделяет *ре м у*; 2) второстепенное, восходящее, тематическое, отмечает *те м у*. Что же касается безударных позиций, то тут потребуются уточнения, см. ниже пример (1).

В плане содержания основным будет понятие коммуникативного статуса семантического компонента. До последнего времени в ходу были только два статуса — ассерция и пресуппозиция (презумпция). Но этих статусов недостаточно (ср. [Богуславский 1985: 30]). Есть фоновые компоненты. Есть имплицитные компоненты, которые вовсе не являются пресуппозициями. Например, инференции — необязательные следствия: *мало* может означать 'слишком мало', т. е. 'мало, и это плохо'; *много* — 'слишком много'. В этой работе речь будет идти о статусе под названием «дополнительная ассерция».

Рассмотрим пример (1) (из [Падучева 1969]):

- (1) а. Он затормозил \cup резко \ ;
б. Он резко \cup затормозил \ .

Ударное и безударное *резко* в (1) занимают разную позицию в линейно-акцентной структуре предложения¹. В (1а) у *резко* ударная позиция, рематическая, а в (1б) — безударная: ее можно назвать позицией атрибута *ремы* [Падучева 1996: 244]. Безударный атрибут *ремы* выражает дополнительную ассерцию. Мы получаем следующие представления для (1а) и (1б) на семантическом уровне:

¹ Здесь и далее мы используем следующие знаки фразового ударения: \ — понижение тона (главное фразовое ударение); / — повышение тона, второстепенное ударение; \cup — безударность.

- (1a#) Он затормозил [пресуппозиция] & торможение резкое [ассерция];
 (16#) Он затормозил [ассерция] & торможение резкое [дополнительная ассерция].

Вторую половину толкования можно было бы соединить с первой не конъюнкцией, а словами типа «при этом» или «причем», которые подчеркивают синтаксическую (и семантическую) неравноправность членов конъюнкции, выраженную здесь коммуникативным статусом компонентов.

Итак, на линейно-акцентном уровне ассерции соответствует позиция ремы, пресуппозиция выражается темой, дополнительная ассерция — атрибутом ремы. Понятие атрибута ремы апеллирует не только к линейно-акцентным, но и к синтаксическим свойствам предложения: надо принять во внимание предикатно-аргументное отношение между *резко* и *затормозил*. Разумеется, эти соответствия огрубленные, переход к более широкому кругу употреблений потребует уточнений.

Переход наречия *резко* из рематической позиции в (1a) в позицию атрибута ремы в (16) — это просодический сдвиг, который меняет смысл предложения. В частности, (1a) и (16) по-разному подвергаются отрицанию. У (1a), где *резко* — ассерция, есть простое отрицание, а в предложении (16), где *резко* — атрибут ремы, две ассерции (т. е. конъюнкция ассерций), и отрицание затруднено²:

НЕ (Он затормозил *резко* \) = Он затормозил *не резко*;

НЕ (Он *резко* ∪ затормозил \) = ???

Выявив в линейно-акцентной структуре позицию атрибута ремы, мы получаем все необходимое для описания противопоставлений в плане содержания. В обоих предложениях, т. е. и в (1a) и в (16), имеется два смысловых компонента — две предикации. В (1a) первый компонент, 'он затормозил', — пресуппозиция, второй, 'торможение резкое', — ассерция. А в (16) оба ассертивны; так что в предложении две ассерции — основная и дополнительная.

Обратимся теперь к показателям количества. В работе [Булыгина, Шмелев 1988] по поводу семантики просодических сдвигов в кванторных словах говорится:

...предложение *У меня осталось немного денег* имеет два прочтения: с ударением на *немного* [*У меня осталось немного \ денег* ∪] оно сообщает, что денег осталось мало, без ударения на этом слове

² Тот факт, что в естественном языке конъюнкция утверждений с трудом поддается отрицанию, обсуждался неоднократно, см., в частности, [Падучева 1969].

[У меня осталось \ *немного* \cup денег] оно сообщает, что остались деньги (и притом немного).

Я предлагаю семантические представления для предложений с *немного*, исходя из общих принципов толкования кванторных слов, изложенных в [Падучева 1974: 89–95, 114–119]. В примере Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева я заменяю слово *денеги*, mass term, имя массы, на исчисляемое имя *песня*, мн. число которого имеет обычное значение собирательной множественности³ (см. о собирательной и разделительной множественности [Там же: 98]):

(2) У меня осталось *немного* песен <которые я могу спеть>.

Прочтения (2а) и (2б) предложения (2) —

(2а) У меня осталось *немного* \ песен;

(2б) У меня <еще> осталось \ *немного* \cup песен —

мы представим, соответственно, как (2а#) и (2б#):

(2а#) 'существует множество песен, которые остались [пресуппозиция] & 'это множество невелико [ассерция]';

(2б#) 'существует множество песен, которые остались [ассерция] & 'это множество невелико [дополнительная ассерция]'.

Кванторное слово *немного* отражается в наших семантических представлениях как предикат (*существует немного*), а главный предикат синтаксической структуры предложения (*осталось*) задает квантифицируемое множество — это песни, которые остались. Слово *немного* выражает оценку мощности множества; эта оценка в (2а) составляет ремю и, соответственно, главную ассерцию, а в (2б) это атрибут ремы и дополнительная ассерция: главная ассерция в (2б) — это сам факт существования множества.

Сдвигу акцентов в поверхностной структуре предложений типа (2), как они описаны в [Булыгина, Шмелев 1988], в нашей трактовке соответствует смена статуса компонентов в семантической структуре предложения: существование множества, которое было пресуппозицией в (2а#), становится в (2б#) ассерцией; малая величина (мощность) этого множества, которая была ассерцией в (2а#), становится в (2б#) дополнительной ассерцией.

Смысловые последствия рассматриваемого акцентного сдвига хорошо видны при отрицании:

³ Формальный аппарат, позволяющий перейти от собирательной множественности к именам масс, сейчас достаточно хорошо разработан, и в технические детали мы вправе не вдаваться; грубо говоря, чтобы говорить о массах, достаточно слово «множество» заменить на слово «совокупность».

- отрицание (2а) — У меня осталось *много* \ [т. е. *не немного*] песен;
 отрицание (2б) — У меня *не осталось* \ [даже *немного*] песен.

И тут мы замечаем, что безударное *немного* ведет себя под отрицанием иначе, чем безударное *резко*, которое не давало предложению возможности иметь хорошее отрицание. У безударного *немного* затруднений с отрицанием нет: по каким-то причинам при отрицании предложения с *немного* дополнительная ассерция, соответствующая безударному *немного*, просто выпадает. К обсуждению этих причин мы еще вернемся.

Обращение к статусу компонентов в толковании слова или предложения позволяет просто сформулировать различие между *немного* и *мало*, обсуждавшееся в [Булыгина, Шмелев 1988]; ср.:

- (3) а. Я взял с собой *немного* \ денег (\approx *мало* \ денег);
 б. Я взял \ с собой *немного* денег.

Хотя *немного* и *мало* почти синонимы (рематическое *немного* \approx *мало*), нельзя вместо (3б) сказать (3б') — *мало* не употребляется в позиции атрибута ремы:

- (3б') *Я взял \ с собой *мало* денег.

У слова *мало* есть те же два смысловых компонента, что у *немного*; но у *мало* их статус фиксирован — в семантике *немного* статус компонента «малое количество» переменный, а у *мало* он всегда ассертивный. Поэтому линейно-акцентная структура, где *мало* безударно, невозможна; невозможна и соответствующая интерпретация. Можно сказать, что у *мало* и *немного* разные линейно-акцентные парадигмы.

То, что близкие по смыслу слова могут различаться статусом компонентов в их семантической структуре, явление известное. Например, характерным свойством глагола *предпочесть* является то, что он лишен фразового ударения; этим он отличается от глагола *выбрать*, который имеет (см. [Апресян 1998]) два употребления, ударное и безударное. При этом у *выбрать* разным просодическим рисункам соответствуют две диатезы, а у глагола *предпочесть* та диатеза, которая требует фразового ударения на глаголе, отсутствует (см. об этом подробнее в [Падучева 1999]):

- I. (а) *выбрал* \cup местом отдыха Турцию \ ; (б) *выбрал* \ место отдыха.
 II. (а) *предпочел* \cup Турцию; (б) **предпочел* \ место отдыха.

Дело в том, что в семантике *предпочесть* фиксирован рематический акцент на результате выбора; *предпочесть*, в отличие от *выбрать*, не может иметь значения актуальной деятельности —

равно как и диатезы, соответствующей этому значению, ср.: *выбирает место отдыха и *предпочитает место отдыха*.

Итак, сдвиг рематического акцента в поверхностной структуре может менять статус компонента в толковании кванторного слова. Одни слова (например, *немного*) допускают такой сдвиг, другие — нет, например, *мало*. Но сам акцентный сдвиг явно носит общий характер — даже универсальный. Как известно, аналогичное соотношение в английском языке в парах *few — a few; little — a little*:

Few of the passengers survived [ударение на *few*; 'немного\ пассажиров осталось в живых'];

A few of the passengers survived [ударение на *survived*; 'небольшое число пассажиров осталось в живых'].

Акцентное противопоставление, о котором идет речь, *немного* допускает в контексте глаголов обладания, бытия, местонахождения:

- (4) а. Мы можем \ принять *немного* ∪ больных;
- б. Мы можем принять *немного* \ больных.
- (5) а. У книги *немного* \ читателей;
- б. У книги есть \ *немного* ∪ читателей.
- (6) До озера оставалось *немного* [= «немного расстояния», т. е. 'небольшое расстояние'].

В примерах (7)–(9) *немного* не входит в состав именной группы, а относится прямо к глаголу; но имя восстанавливается по контексту:

- (7) а. Он *немного* поел \ ['еды']; б. Он поел *немного* \ ['еды'].
- (8) а. Поезд *немного* опоздал \ [= 'опоздал на некоторое — т. е. небольшое — время'];
- б. Поезд опоздал *немного* \ .
- (9) а. Он *немного* \ поработал [= 'поработал некоторое — недолгое — время'];
- б. Он *немного* поработал \ [= 'поработал некоторое время, хотя и не большое'].

Значение *немного*, представленное примерами (2)–(9), — это *немного* небольшого количества. Кроме того, у *немного* есть значение небольшой степени (см. [Апресян В. 2004а]):

- (10) Он *немного* картавит; Их система *немного* отличается от нашей.

Семантическое представление для *немного* небольшой степени такое же, как для *немного* небольшого количества:

- (11) Она *немного* похудела =
 'имеет место ее похудение' [ассерция] &
 'степень похудения невелика' [дополнительная ассерция].

В МАС у *немного* выделяется еще одно значение — 'немного времени'. Но все примеры, иллюстрирующие это значение, легко распределяются между *немного* количества и *немного* степени:

- (12) Я погулял *немного* = 'я погулял немногое время' [*немного* малого количества];
 (13) Я *немного* отдохнул = 'отдохнул в небольшой степени' [*немного* малой степени — или малого количества времени].

Не следует думать, что *немного* всегда может занимать обе акцентных позиции: *немного* количества предпочитает ударную, *немного* степени — безударную; в ударной скорее будет сказано *не сильно*:

- (14) а. Сломанный телевизор меня *немного* ∪ беспокоил \
 = 'беспокоил [ассерция]; немного [дополнительная ассерция]';
 б. Сломанный телевизор беспокоил меня **немного* \ (⇒ *не сильно* \)
 = 'беспокоил [пресуппозиция]; не сильно [ассерция]'.

Отношение между *немного* и *не сильно* — это своего рода супплетивизм. Аналогичная связь между наречиями *еле* и *еле-еле*; они почти равнозначны, но связаны таким образом, что в атрибутивной позиции может употребляться *еле*, а в рематической — только *еле-еле*:

- (15) а. *еле* ∪ дышит \ [атрибут ремы];
 б. дышит ∪ *еле-еле* \ [рема] (пример из [Апресян В. 20046]).

В [Булыгина, Шмелев 1988: 201] говорится: «Информация о рематичности слова *мало* — это словарная характеристика данной лексемы». Отличие *мало* от *немного* можно представить как дефектность линейно-акцентной парадигмы слова *мало*. Слово *немного* может быть в предложении как ремой, так и атрибутом ремы; соответственно, оно может быть как ассерцией, так и дополнительной ассерцией. А у *мало* статус фиксирован как ассертивный.

Теперь вернемся к нашей проблеме. Сравним *немного* и *резко*. Предложения с этими наречиями допускают совершенно одинаковый сдвиг фразовых ударений, и этот сдвиг сопровождается одним и тем же семантическим эффектом. Сопоставив формулы (2а#), (2б#) для *немного* с формулами (1а#), (1б#) для *резко*, мы обнаруживаем, что они имеют одну и ту же структуру:

Семантические представления для (2а) и (2б) с *немного*:

- (1а#) 'существует множество песен, которые остались' [пресуппозиция] & 'это множество невелико [ассерция]';
 (1б#) 'существует множество песен, которые остались' [ассерция] & 'это множество невелико [дополнительная ассерция]'.

Семантические представления для (1а) и (1б) с *резко*:

- (1а#) 'он затормозил' [пресуппозиция] & 'торможение резкое' [ассерция];
 (1б#) 'он затормозил' [ассерция] & 'торможение резкое' [дополнительная ассерция].

Между тем при отрицании наречие *резко* (как в значении количества, так и в значении степени) ведет себя иначе, чем *немного* — безударное *немного* при отрицании пропадает, а предложение с безударным *резко* (равно как и *громко* и др.) отрицается плохо (см. о *громко* в [Падучева 2004а: 124]):

- (1б) НЕ (поезд *немного* \cup опоздал \setminus) = Поезд не опоздал;
 НЕ (он *резко* \cup затормозил \setminus) — ???

Мы предлагаем этому факту следующее объяснение. Вклад слова *немного* в семантическую структуру предложения описывается общими закономерностями взаимодействия словарного смысла слова с семантикой его коммуникативной позиции. Важно, что *немного*, в отличие от *резко*, выражает количество, причем малое количество.

Слово *немного* может занимать две акцентных позиции в предложении — ремы и атрибута ремы. Так что в смысле коммуникативной характеристики оно полностью тождественно таким словам, как *резко*, *громко*, *быстро* и многим другим, которые допускают те же две коммуникативных позиции. Особый вклад *немного* в семантическую структуру предложения (т. е. его отличие от *резко*), который дает себя знать при отрицании, определяется семантикой малого количества.

Поведение под отрицанием у атрибутивного (т. е. безударного) *немного* иное, чем у *резко*, поскольку *немного* принадлежит к классу слов с семантикой малого количества и слабой степени. К тому же классу относятся слова малой частотности и малой качественности. Это слова типа *слегка* <простужен>, *изредка* <навещает>, *кое-как*, *с грехом пополам*, *отчасти*, *хоть чуть-чуть*, *хоть как-то*, см. [Зельдович 1988]. Предложения с этими атрибутами ремы прекрасно поддаются отрицанию — при отрицании предложения атрибутивный компонент пропадает:

- (17) НЕ (осталось \ немного) = 'не осталось даже немного' = *не осталось*;
 НЕ (кое-как ∪ справился \) = 'не справился никаким образом' = *не справился*.
 НЕ (хоть чуть-чуть отдохнул) = 'нисколько не отдохнул' = *не отдохнул*.
 (18) НЕ (существует даже в самом малом количестве / в самой малой степени) = 'не существует'.

Тут действует то же самое правило, что в примерах Есперсена (хорошо известных из [Апресян 1974: 81–82]), где отрицание понимается с уменьшительным приращением:

He doesn't see her *once a week* [= 'реже, чем раз в неделю'];
 The bottle is *not half full* [= 'меньше, чем на половину'].

Правило, действующее в примерах (17), (18), — это такой крайний случай, когда небольшое количество занимает самую крайнюю точку на шкале: меньше самого малого — значит ничего. Так,

НЕ (*хотя бы один*) = *никто*;
 НЕ (*хоть чуть-чуть Р*) = *нисколько не Р* = *не Р*.

В применении к примерам с *немного*:

НЕ (существует даже в самом малом количестве / в самой малой степени) = 'не существует'.

Результатом взаимодействия отрицания с уступительным *хотя бы* (= 'и это мало') является *даже*:

- НЕ (*хотя бы*) = *не ... даже*;
 (19) Они израсходовали треть своих запасов:
 НЕ (израсходовали треть, а это мало) = НЕ (израсходовали хотя бы треть = не израсходовали даже трети, т. е. израсходовали меньше трети).

Итак, я подвергаю сомнению предлагавшийся, в частности, в [Богуславский 1985] коммуникативный статус «слабого компонента». С коммуникативной точки зрения, т. е. с точки зрения места в линейно-акцентной структуре, безударное *немного* в точности равно безударному *резко*: оба занимают в предложении позицию атрибута ремы. Другое дело, что *немного* имеет семантику малой степени — она и определяет его особое поведение под отрицанием.

Так что атрибутивный компонент в семантике *немного* пропадает под отрицанием чисто семантическим путем: отрицание существования чего бы то ни было «даже в самой малой степени» или «даже в самом малом количестве» равносильно просто отрицанию существования.

Остается технический вопрос: *немного* атрибутивное и *немного* рематическое — это два лексических значения или одно? Очевидно, что смысл предложения зависит от того, какое место занимает *немного* в его коммуникативной структуре. Поскольку выявлена семантика просодического сдвига, можно сказать, что есть две лексемы слова *немного*, которые связаны отношением регулярной многозначности.

Примеры с наречиями *резко* и *немного* показывают, что можно говорить об акцентной парадигме наречий (и других адвербиалов). Рассмотрим некоторые примеры таких парадигм и классы наречий с разными парадигмами.

Есть наречия, которые не допускают двоякой акцентуации. Например, *кстати* (в значении образа действия, а не вводного слова), как в *пришел кстати*, всегда ударное. Но наречий, способных к линейно-просодическому контрасту, достаточно много. Основной тип образуют наречия типа *резко*, *громко*. В состав акцентной парадигмы входит у них рематическая позиция (R) и позиция атрибута ремы (AR):

R — затормозил *резко*;

AR — *резко* затормозил.

Как уже говорилось, для *чуть*, *отчасти*, *с грехом пополам*, *кое-как* рематическая позиция исключена:

AR — Вы *отчасти* меня успокоили; Он *с грехом пополам* справился со своей задачей.

А слово *мало*, напротив, не может быть атрибутом ремы:

R — мучили *мало* \ .

AR — отсутствует.

Наречие *вовремя*, в принципе, возможно в обеих позициях:

(20а) Если бы попугайчиков накормили *вовремя* /, они были бы живы;

(20б) Если бы попугайчиков *вовремя* ∪ накормили /, они были бы живы.

Однако ожидаемой разницы смыслов этот линейно-просодический сдвиг не дает. Рематическое *вовремя* = 'не опоздав' не имеет отрицания [Падучева 2004б]: *пришел не вовремя* = 'некстати'. А в позиции атрибута ремы *вовремя* отрицается без затруднений — особенно в контексте снятой утвердительности [Там же]:

(21) Жаль, что он *вовремя* не уехал.

Интересно наречие *раньше*, для которого исходной является позиция контрастной темы (о контрастной теме см. [Падучева 1985: 118]):

(22) *Раньше* / я умела это делать \ .

Есть серия кванторных наречий и прилагательных, которые, напротив, недопустимы в позиции контрастной темы:

- (23) а. *Некоторые* / инструменты нам понадобятся \ [= 'а другие нет';
или: 'а про остальные неизвестно'];
б. **Все* / инструменты нам понадобятся \ ;
в. Нам понадобятся *все* \ инструменты.
(24) а. *Иногда* / он шел домой пешком \ [а про другие случаи — неизвестно];
б. **Всегда* / он шел домой пешком \ ;
в. Он *всегда* \ шел домой пешком.
(25) *Какой* / *-нибудь* молоток найдется \ [есть набор мыслимых качеств
молотка; если достаточно молотка в том числе с самыми низкими
качествами];
**Всякий* / молоток найдется \ .
**Всего* / мне достаточно \ (пример из [Филипенко 1992]).

Как можно объяснить такую избирательность? В соответствии с определением из [Падучева 1985: 116] (см. также [Богуславский 1998]), контрастная тема вводит в ситуацию ассоциированное множество, на фоне которого рассматривается данный объект (ср. о множестве альтернатив [Rooth 1992] и о контрасте в [Янко 2001: 19–20 и сл.]).

Очевидно, слова *все*, *всегда*, *всякий* исключены в позиции контрастной темы, поскольку не порождают ассоциированного множества однородных объектов: *некоторые* / *люди* противопоставлены некоторым другим; а *все* / *люди* уже ничему не противопоставлены.

С неконтрастной темой хуже. Как описать различие между *редко* и *изредка*, чтобы предсказывалась возможность *изредка*, но не *редко* быть темой? Разницу между *часто* (которое может занимать тематическую позицию) и *редко* (которое не может) объяснить легко: тематической позиции *редко* препятствует отрицательный компонент в его семантике.

У наречия *напрасно* сентенциальный актант, поэтому оно может иметь в своей сфере действия отрицание:

- (26) *Напрасно* \ ты *не* пошел на презентацию.

Как и *резко*, *напрасно* может быть и ударным и безударным:

- (27) *напрасно* ∪ *беспокоился* \ ≈ *беспокоился* ∪ *напрасно* \ .

Позицию контрастной темы *напрасно* может занимать только в контексте многократности, причем лучше в этом значении употребить *понапрасну*:

(28) Напрасно (= понапрасну) / он не беспокоится никогда \ .

Как и другие сентенциальные наречия (например, *удивительно*), *напрасно* реагирует на коммуникативную структуру своего актанта, см. [Филипенко 2003]:

(29) *напрасно* ты взял синюю \ рубашку ≠ *напрасно* ты взял \ синюю рубашку.

Более того, *напрасно* может иметь сферой действия разные этапы одного и того же действия — целеполагание и результат (см. об этом [Зализняк 1990]):

(30) а. *Напрасно* \ ты к нему ходил [= 'не надо было тебе к нему ходить'];
б. Я ходил к нему *напрасно* \ [= 'не получил того, за чем шел'].

Чувствительность к коммуникативной структуре свойственна многим наречиям, характеризующим состояние сознания (в том числе — неполный контроль над действием): *нарочно, намеренно, сознательно, нечаянно, автоматически, механически, машинально, бездумно, бессознательно, второпях, сгоряча, добровольно, нехотя, обдуманно, поспешно, по рассеянности, по небрежности* и др. (см. термин состояние сознания — в [Филипенко 2003]).

Позиция ремы и атрибута ремы нетривиальным образом противопоставлены у наречия *давно*:

R — Мы приехали *давно* \ .

AR — Он *давно* ∪ спит \ .

Наречие *давно* во многих отношениях уникально [Падучева 2004а: 515]. В частности, контекст *давно* поляризует в семантике совершенного вида противопоставление событийного и статального компонентов. В позиции атрибута ремы *давно* имеет сферой действия перфектное состояние (т. е. то состояние, которое длится в момент речи): *Он давно уснул; Мы давно пообедали*. Простым следствием этого ограничения является то, что атрибутивное *давно* не сочетается с глаголами несовершенного вида, которые имеют общефактическое (ретроспективное) значение и не предполагают перфектного состояния:

?Мы *давно* обедали \ (надо сказать: Мы обедали *давно* \).

В постпозиции *давно* может иметь сферой действия событие, и аномалии не возникает, ср. (31а) и (31б):

(31) а. ?Яблони *давно* цвели \ ; б. Яблони цвели *давно* \ .

Впрочем, и на глагол совершенного вида (примеры (32), (33)) атрибутивное *давно* накладывает довольно сильные ограничения. Ср.:

- (32) Ваня *давно* ∪ разлюбил \ меня (**давно* ∪ полюбил \);
 (33) Маша *давно* ∪ выздоровела \ (**давно* ∪ заболела \).
 (34) а. Он *давно* ∪ спит; Мы *давно* ∪ обедаем;
 б. ?Я *давно* люблю \ ее.

Кажется, что назначение *давно* в этих фразах состоит в том, чтобы отвергнуть предположение о продолжающемся состоянии ненаступления события. Так, в (32) говорящая отвергает предположение слушающего о том, что Ваня продолжает ее любить; в (33) — о том, что Маша еще больна; в (34а) — это состояние 'не спать', 'не обедать'. Фраза (34б) звучит странно, поскольку требует от слушающего слишком необычных предположений.

Отдельный вопрос — почему *давно* не может занимать позицию темы, которая возможна у его «близких семантических родственников» — *давным-давно*, *когда-то*:

- (35) *Давным-давно* / тут была деревня \ .
Когда-то / они жили на Арбате.

Можно считать *когда-то* аллолексом (в смысле Анны Вежбицкой) для *давно* в позиции темы, т. е. лексическим коррелятом, который восполняет дефектность парадигмы. Аналогичное соотношение мы наблюдали между *немного* и *не сильно* в примере (14) и между *еле* и *еле-еле* — в примере (15).

Подведем некоторые итоги, повторив основные идеи всего сказанного.

1. Линейно-акцентная парадигма наречия. Полная парадигма включает рематическую позицию, позицию атрибута ремы и контрастной темы. Многие наречия имеют неполную парадигму, т. е. выбирают для себя какие-то подмножества из этого набора. При этом существует почти иконическая связь между рематическим ударением на линейно-акцентном уровне и статусом пропозиции — на семантическом.

Переход слова из рематической позиции в позицию атрибута ремы дает определенный семантический сдвиг. Семантика позиции яснее всего проявляется при отрицании (ср., например, разную «отрицаемость» у *затормозил резко* и *резко затормозил*): вообще, поведение при отрицании — один из критериев адекватности толкования, предлагаемого для того или иного слова.

Однако поведение под отрицанием определяется не одной только семантикой просодии. Так, у *резко затормозил* и *немного*

опоздал место адвербиала в коммуникативной структуре одно и то же, а разное поведение под отрицанием объясняется семантикой малого количества у *немного*.

С другой стороны, различие между рематической и атрибутивной позицией наречия дает себя знать не только под отрицанием, но и в ряде других контекстов. См. примеры с наречием *громко*.

— Контекст причины (который был поставлен в связь с понятием пресуппозиции в [Зализняк 1983]):

- (I) а. Ребенок проснулся потому, что вы разговаривали *громко* \;
- б. Ребенок проснулся потому, что вы *громко* разговаривали \ [≠ (5a)].

— Контекст условия:

- (II) а. Если бы они разговаривали *громко* / , я бы услышал;
- б. Если бы они *громко* разговаривали ! Они кричали [≠ (6a)].

— Контекст начинательности (пример из [Богуславский 1998]):

- (III) а. После этого они начали разговаривать *громко* \
- б. После этого они начали *громко* разговаривать \ [≠ (7a)].

— Контекст внутрилексемного отрицания:

- (IV) а. Ваше присутствие помешало мне *произнести* слово «Позор!» *громко*;
- б. Ваше присутствие помешало мне *громко произнести* слово «Позор!» [≠ (8a)].

2. Изоморфизм предложения и слова. Мы отследили смысловую конфигурацию, состоящую из ассертивного и атрибутивного компонента, на уровне предложения. Но та же конфигурация может возникать на смысловых компонентах в толковании слова, и важно осознавать, что законы взаимодействия этой конфигурации с отрицанием для предложения и слова одни и те же. Рассмотрим пример из [Богуславский 1985: 30].

(36) Ветка касается окна =

- 1) 'между окном и веткой имеется контакт';
- 2) 'контакт слабый'.

При отрицании второй компонент исчезает:

(36') Ветка не касается окна = 'между окном и веткой нет контакта'.

В [Богуславский 1985] и [Зельдович 1998] этому компоненту в семантике слова *касаться* приписывается особый коммуникативный статус (в одном ряду с ассерцией и пресуппозицией) — на том основании, что в контексте отрицания этот компонент а) не

остается истинным, как пресуппозиция; б) не отрицается, как обычная ассерция.

Между тем, как легко видеть, здесь возникает внутри толкования слова в точности та же конфигурация семантических компонентов, что была в примере (2) на уровне предложения:

(36#)1) 'между окном и веткой имеется контакт' [ассерция];

2) 'контакт слабый' [дополнительная ассерция].

И причина исчезновения компонента при отрицании та же: второй компонент — это атрибут по отношению к первому; он исчезает в (36') не по причине своего статуса, а потому, что имеет семантику малой степени.

Так что особенности поведения этого компонента под отрицанием имеют семантическую природу: *касаться* ведет себя совершенно так же, как *немного*; дело не в коммуникативном статусе компонента, а в том, что это атрибутивный компонент с семантикой малой степени.

В толковании глаголов *упираться*, *опираться* атрибутивный компонент не имеет семантики слабой степени, и он не исчезает при отрицании, так что в контексте отрицания возникает неоднозначность — то ли нет контакта, то ли нет приложения силы:

(37) Балка не *упирается* в стену; Почему ты не *опираешься* на мою руку?

Полезно поставить обсуждаемое явление в связь со знаменитыми глаголами Филлмора — *осудить* и *обвинить*: у этих глаголов семантическая структура имеет разный акцентный контур. У *осудить* «хорошее» коммуникативное членение лексического значения, т. е. «правильное» соотношение между предикатно-аргументной структурой и статусами компонентов: аргумент — пресуппозиция, предикат — ассерция. Это дает ударение на глаголе, как у всех глаголов с фактивной презумпцией, и хорошее отрицание. Между тем у *обвинить* ассерция выражена аргументом, так что соотношение между предикатно-аргументной и коммуникативной структурой менее благоприятное:

а. Они *осудили* \ Билла за его легкомыслие;

б. Они *обвинили* Билла в легкомыслии \ .

3. Другие примеры просодических сдвигов. Выше шла речь об инференциях *мало* ⊃ 'слишком мало' и *много* ⊃ 'слишком много' (в частности, *быстро* ⊃ 'слишком быстро'), которые носят достаточно общий характер. Такое же семантическое приращение происходит и на уровне семантики слова, ср. ударное и безударное *поспешить*:

- (38) а. Я *поспешил* ∪ выйти \ ; б. Ты *поспешил* \ с ответом ∪.

Семантическое развитие вполне естественное:

сделал / принял решение сделать быстро ⊃ 'слишком быстро, не приняв во внимание возможных отрицательных последствий'.

Предложение (39) с глаголом *поторопиться* без контекста неоднозначно, поскольку неясна просодия:

- (39) Но я *поторопился* мысленно похвалить жену (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

Просодия однозначно выражает значение, которое имеется в виду:

- (40) — Эх, на сей раз не повезло, *поторопился* \ малость, — вздохнул Мурада и облизнулся (Н. Думбадзе. «Я, бабушка, Илико и Илларион»);
Ах, зачем он бросил скромную духовную службу? Как он *поторопился* \ ! (А. И. Солженицын. «В круге первом»).

4. Параметры лексического значения как основа системности в лексике. Как показали исследования последних лет, у слова может быть переменная категория, а следовательно, можно говорить о его категориальной парадигме — ср. *наполнять*-действие и *наполнять*-процесс; переменный тематический класс, а следовательно, тематическая парадигма, ср. *треснуть*-издать звук и *треснуть*-ударить; переменная категориальная предпосылка относительно участника: *плывет человек; бревно; облака; все перед глазами*; переменная диатеза, а следовательно, диатетическая парадигма, как у *выбрать*; и т. д. По аналогии, можно говорить о линейно-акцентной парадигме слова: о способности слова менять значение в зависимости от позиции в коммуникативной структуре предложения*.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
Апресян 1998 — *Апресян Ю. Д.* Некоторые трудности описания многозначных слов (на примере глагола *выбирать* — *выбрать*) // Русский язык в его функционировании: Тез. междунар. конф. М., 1998.
Апресян В. 2004а — *Апресян В. Ю.* Словарная статья по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3 // НОСС 2004.

* Приношу благодарность М. В. Филипенко за поправки и замечания, высказанные по поводу одной из первых версий работы.

- Апресян В. 2004б — *Апресян В. Ю.* Словарная статья *немного 3, слегка, чуть-чуть 3, мало 2, чуть 1, едва 2, еле 2* // НОСС 2004.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский 1998 — *Богуславский И. М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: вытягивание ремы // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
- Булыгина, Шмелев 1988 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке) // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Зализняк 1983 — *Зализняк Анна А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1.
- Зализняк 1990 — *Зализняк Анна А.* Наречие *напрасно*: семантика и сочетаемость // *Metody formalne w opisie języków słowiaskich*. Białystok, 1990.
- Зельдович 1998 — *Зельдович Г. М.* О типах семантической информации: слабые смыслы // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1998. № 2.
- Падучева 1969 — Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Вып. 12.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1985 — *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1999 — *Падучева Е. В.* Семантика глаголов выбора // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. № 5–6.
- Падучева 2003 — *Падучева Е. В.* Акцентный статус как фактор лексического значения // Известия АН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 1.
- Падучева 2004а — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2004б — *Падучева Е. В.* Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2004 («Верхневолжский», 2–7 июня 2004). М., 2004.
- Филипенко 1992 — *Филипенко М. В.* Об однородных и неоднородных ассоциированных множествах // НТИ. Сер. 2. 1992. № 5.
- Филипенко 2003 — *Филипенко М. В.* Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Rooth 1992 — *Rooth M.* A Theory of Focus Interpretation // *Natural Language Semantics*. 1992. Vol. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Н. Д. Арутюнова. Проблема числа.....</i>	<i>5</i>
---	----------

ЯЗЫКОВЫЕ И ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КВАНТИФИКАЦИИ

<i>А. В. Вдовиченко. «Язык» и лингвистический материал: что можно подсчитать?</i>	<i>22</i>
<i>Л. А. Демина. Квантификация, интенциональные операторы и проблема взаимозаменяемости собственных имен.....</i>	<i>28</i>
<i>Е. Г. Драгалина-Чёрная. Логика и онтология обобщенной квантификации</i>	<i>36</i>
<i>С. А. Крылов. Количество как понятийная категория.....</i>	<i>44</i>
<i>В. И. Постовалова. Имя и число в философии языка А. Ф. Лосева ...</i>	<i>66</i>
<i>Е. Д. Смирнова. Анализ кванторных выражений в теории семантических категорий</i>	<i>93</i>
<i>Б. Тошович (Грац). Квантитативная категоризация и категориальная квантификация</i>	<i>104</i>

КВАНТОРНЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

<i>О. Ю. Богуславская. Кванторные прилагательные типа всеобщий....</i>	<i>127</i>
<i>И. М. Богуславский. Валентности кванторных слов</i>	<i>139</i>
<i>Д. О. Добровольский. Кванторные слова в сопоставительном аспекте (несколько и его немецкие эквиваленты).....</i>	<i>166</i>
<i>Е. М. Верещагин. Цксл. второй, дробѣть/дробѣтъ, ннѣ/ннѣй, овѣ/овѣй в переводных текстах: квантитативы квалитативной семантики</i>	<i>186</i>
<i>Ф. А. Литвин (Орел). Кванторы и слова</i>	<i>201</i>
<i>А. В. Циммерлинг. Квантификация именных групп в языках с местоименными аргументами</i>	<i>207</i>
<i>Т. Е. Янко. Многократный подвид древнерусского глагола в кванторном значении</i>	<i>218</i>
<i>Жэнь Сюэмэй (Китай). Категория количества и ее выражение в русском языке в сравнении с китайским</i>	<i>243</i>

КОЛИЧЕСТВО. КАЧЕСТВО. МОДАЛЬНОСТЬ

<i>Н. В. Гатинская. Квантификация в сфере модальных оценок в русском языке</i>	<i>254</i>
<i>М. Я. Гловинская. Количественное vs. интерпретационное в значении метаязыковых слов в современном русском языке</i>	<i>265</i>

<i>О. П. Ермакова</i> (Калуга). Переход качества в количество (о природе интенсификаторов)	272
<i>Анна А. Зализняк</i> . Глагол <i>считать</i> : к типологии семантической деривации	280
<i>Г. И. Кустова</i> . Количественные значения качественных слов	295
<i>Р. И. Розина</i> . Количество и движение: количественные значения глаголов движения	306
<i>Н. К. Рябцева</i> . Метонимия как средство экономии и выражения количества	319
<i>В. М. Труб</i> (Киев). О количественных градациях в значениях прилагательных оценки профессиональной деятельности	335

СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

<i>В. Ю. Апресян</i> . Предлоги-кванторы в русском языке	350
<i>О. Ф. Жолобов</i> (Казань). Статика и динамика древнеславянских квантитативных форм	372
<i>О. А. Казакевич</i> . Две женщины, семь теснин и тридцать воинов (о выражении квантитативности в фольклорных текстах северных селкупов)	384
<i>Ю. П. Князев</i> (Великий Новгород). Степени сравнения: способы квантификации и типы референции	400
<i>Х. Куссе</i> (Франкфурт-на-Майне) Аргументативные компоненты кванторных значений: кванторные слова и ментальные глаголы	414
<i>Ли Су Хён, Е. В. Рахилина</i> . Количественные квантификаторы в русском и корейском: <i>моря</i> и <i>капли</i>	425
<i>Н. Г. Мед</i> (Санкт-Петербург). Количественная оценка в лексике и фразеологии испанской разговорной речи	440
<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). Градуально-количественная семантика в грамматике, лексике и фразеологии: уровневое своеобразие и межуровневые корреляции	448
<i>С. Ю. Семенова</i> . Параметризация как метод познания и как языковой механизм	466
<i>Е. В. Урысон</i> . Большой и маленький: шкала размера в русском языке	477
<i>М. Е. Фрид</i> . Синтаксические свойства симметричных прилагательных и их взаимодействие с кванторными словами	495
<i>А. Д. Шмелев</i> . Параметры количественной оценки в естественном языке	511

КВАНТИФИКАЦИЯ. ПОЭТИКА. ЖАНР

<i>Г. Н. Большакова</i> (Тула). Единицы с количественной, качественно-количественной и количественно-оценочной семантикой в идиолекте и идиостиле В. Набокова	521
<i>Л. Г. Панова</i> . Поэтическая картина мира Мандельштама: от статистики — к семантике	535
<i>Т. Б. Радбиль</i> (Н. Новгород). Аномальное выражение квантитативных отношений в языке Андрея Платонова	542
<i>Л. Л. Шестакова</i> . Семантика <i>второго</i> в поэтическом языке	549
<i>Е. Я. Шмелева</i> . Квантификация как основа русского анекдота	560
<i>Е. Б. Яковенко</i> . Какою мерою мерите... (о квантификации абстрактных понятий в переводах Библии на германские языки)	569

КВАНТИФИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

<i>Т. И. Венгина</i> . Категории этики как количественные определители в языке русской традиционной духовной культуры	576
<i>Е. Л. Григорьян</i> (Ростов-на-Дону). О возможностях квантификации ситуаций	587
<i>Е. С. Кара-Мурза</i> . Парадоксы квантификации: функционирование категории количества в современном русском языке	596
<i>С. В. Кодзасов</i> . Просодическая символика квантификации	611
<i>Ю. Л. Кузнецова</i> . Дистрибутивная конструкция с предлогом <i>по</i> в русском языке	616
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев</i> . Малоизученные единицы со значением незаданности критериев выбора в русском языке	638
<i>Е. В. Падучева</i> . Семантика количества и ее отражение в просодии... ..	652

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
КВАНТИФИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Редактор — *А. И. Рыко*
Корректор — *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет — *Л. Е. Коритысская*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 095 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
42,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 1000

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

